

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ (первая треть XV — конец XIX века)

История
Южного
Урала

История Южного Урала

серия
из 8 книг

Восьмитомное издание «История Южного Урала» подготовлено ведущими учеными-историками Южно-Уральского государственного (национально-исследовательского) университета при поддержке ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова и президента вуза Г. П. Вяткина.

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

- Том 1. В. С. Мосин. Южный Урал в каменном веке
Том 2. А. В. Епимахов и коллектив авторов. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век
Том 3. А. Д. Таиров. Южный Урал в эпоху ранних кочевников
Том 4. С. Г. Боталов. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII вв.)
Том 5. С. Г. Боталов и коллектив авторов. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX– начало XV в.)
Том 6. Г. Х. Самигулов, Д. Н. Маслюженко, М. В. Моисеев. Южное Зауралье (первая треть XV–конец XIX века)
Том 7. В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев. Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900)
Том 8. И. В. Сибиряков и коллектив авторов. Южный Урал. Век двадцатый

**ЮЖНОЕ
ЗАУРАЛЬЕ
(первая треть
XV–конец
XIX века)**

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)
С 171

Печатается по решению Ученого совета
Южно-Уральского государственного университета.
Протокол № 4 от 29.12.2018 г.

Руководитель проекта:
Г. П. Вяткин, член-корреспондент Российской академии наук

С 171

Самигулов, Г. Х.

Южное Зауралье (первая треть XV — конец XIX века) / Г. Х. Самигулов,
Д. Н. Маслюженко, М. В. Моисеев // История Южного Урала : в 8 т. Т. 6.
Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 432 с.

ISBN 978-5-697-05089-8 (т. 6)
ISBN 978-5-696-05081-2

Шестой том многотомной «Истории Южного Урала» охватывает значительный период — от 1430-х годов до времени строительства Транссиба. Комплексный анализ источников позволил показать формы землепользования местного тюркского населения, особенности формирования ясачных волостей в Уфимском и смежных с ним уездах. Освещены изменения сословной группы башкир со времени вхождения в состав Российского государства до введения в действие «Положения о башкирах». Книга иллюстрирована аутентичными картами и планами. Издание адресовано студентам и учащимся, специалистам-историкам и широкому кругу читателей, интересующихся историей России.

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)

ISBN 978-5-697-05089-8 (т. 6)
ISBN 978-5-696-05081-2

© Маслюженко Д. Н., Моисеев М. В., Самигулов Г. Х., тексты, 2019
© Шарапов Р. Я., оформление, макет, 2019
© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

ТЗ(2)
С 171

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук», Южно-Уральский филиал

Южное Зауралье (первая треть XV– конец XIX века)

Том **6**
История Южного Урала

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2019

Проект «История Южного Урала» имеет исключительное значение не только для Южно-Уральского государственного университета, который выступил его инициатором и сыграл ключевую роль в его реализации. Значение проекта выходит далеко за пределы локального научного или образовательного эксперимента. Создание многотомной «Истории Южного Урала» — это серьезный шаг в процессе конструирования нового образа региона, сыгравшего заметную роль в истории России. Формирование такого образа является сложной и ответственной задачей — политической, экономической, социальной, нравственной. Том, который вы держите в руках, посвящен процессам, которые происходили на территории Южного Зауралья в достаточно длительный период — от распада Золотой Орды и образования Тюменского ханства и Ногайской Орды и вплоть до строительства Транссибирской железнодорожной магистрали.

Этот период ознаменовался радикальными поворотами истории, результатом которых стало формирование основы ныне живущих на Южном Урале народов. История этого периода неоднозначна, и ее невозможно описать только в положительном или только в отрицательном ключе. Но это именно наша история, с ее трагедиями, героизмом, стремлениями людей. Тюменское ханство и Ногайская Орда, башкирские волости и русские слободы, пограничные крепости и торговля — все это этапы того пути, который прошел наш край.

Эти и многие другие моменты освещает данное издание, подготовленное с учетом новых подходов и новых источников по истории нашего региона и прилегающей территории. Чтение далеко не всегда будет легким, но, надеемся, полезным для взявших в руки эту книгу.

Ректор Южно-Уральского
государственного университета
А. Л. Шестаков

Предлагаемая вашему вниманию книга является шестым томом большого проекта «История Южного Урала», работа над которым была организована в Южно-Уральском государственном университете. В издании представлены результаты изучения важных и непростых вопросов истории народов, населяющих наш край. Пожалуй, впервые тюркское население Зауралья рассматривается в целом как единое культурно-хозяйственное сообщество, которое оказалось разделено на «башкир» и «сибирских татар» уже в период после вхождения этих территорий в состав Российского государства. Процесс вхождения тюрков Южного Зауралья в российское подданство показан иначе, чем в большинстве современных исследований. Представлено объяснение места ясачного населения в структуре российского общества и показано вотчинное право как общее право ясачного и служилого нерусского населения в Зауралье.

Особое внимание уделено процессу русского расселения в Зауралье и показана роль слободского типа освоения новых земель. Дано комплексное объяснение преобладания слободского расселения в Зауралье. Описана история формирования границы района русского расселения со степью, которая постоянно сдвигалась. Показаны непростые взаимоотношения представителей власти и русских поселенцев с местными жителями. Авторы тома не дают ответа на все вопросы, некоторые темы в книге практически не затронуты, поскольку еще находятся в стадии осмысления. Но человеку, интересующемуся историей, будет что почерпнуть в этом издании.

Президент Южно-Уральского
государственного университета
Г. П. Вяткин

Оглавление

1

**Введение –
12**

**Глава 1.
Тюменское и Си-
бирское ханства
(Д. Н. Маслюжен-
ко) –**

16
Периодизация и ос-
новные этапы поли-
тической истории –

19
Территория, грани-
цы, состав населе-
ния и его занятия –
30

2

**Глава 2.
Ногайская орда
(Д. Н. Маслюженко,
М. В. Моисеев) –**

36

3

**Глава 3.
Южное Зауралье
середины XVI —
начала XVII века
(Г. Х. Самигулов) –**

58
Необходимые пояс-
нения относительно
социальных групп,
административных
границ и системы
подсудности населе-
ния в рассматривае-
мый период –

61
Включение тюрков
Зауралья в соци-
альную и админи-
стративную струк-
туру Московского
государства –

64
Этнонимы «остяки»,
«вогулы», «баш-
киры», «татары»
в номинации групп
населения Урала
и Зауралья –

71
Обстоятельства
вхождения тюрков
Зауралья в состав
Московского госу-
дарства –
75

4

Глава 4.
Расселение и хозяйство тюрков Зауралья
(Г. Х. Самигулов) –
90

Тюркские ясачные волости Верхотурского уезда –

95

Верх-Чусовская волость –

102

Разные волости –
104

5

Глава 5.
Дороги Южного Зауралья
(Г. Х. Самигулов) –
122

6

Глава 6.
Русское расселение в Зауралье. Век XVII
(Г. Х. Самигулов) –
146

Слободское расселение как основная форма крестьянской колонизации Зауралья –

149

Русское расселение по Исети и Пышме –
164

Русское расселение по Миассу и Тоболу –
175

Уральский городок, или Поиски серебряной руды –

180

Сыск стольника Гаврилы Тухачевского и сыск тобольского дворянина Ивана Полозова –

183

Оглавление

7

Глава 7.
Южное Зауралье
в конце XVII —
первой трети
XVIII века
(Г. Х. Самигулов) –
190
Общие измене-
ния ситуации
в регионе –
193
Башкиры и сибир-
ские татары –
199
Служилые сарты –
217
Немного о струк-
туре «татарского»
населения Тюмен-
ского уезда –
220

Ясачные татары
на слободских
территориях –
225
Ясачные татары
команды Ильтебана
Степанова –
227
Служилые
мещеряки –
228
Ичкинские татары –
229
Слюда, рыба —
промыслы на вот-
чинных землях
зауральских баш-
кир –
230
Попытка строи-
тельства острога
на Чебаркуле –
232

8

Глава 8.
От начала Орен-
бургской экспе-
диции до Пугачев-
ского восстания
(Г. Х. Самигулов) –
238
Особенности ситу-
ации в Южном
Зауралье первой
трети XVIII века –
241
Оренбургская экс-
педиция и начало
строительства кре-
постей в Южном
Зауралье –
246
Татищев Василий
Никитич –
251

Новые слободы
в Южном Зауралье –
285
Исетская провин-
ция, Челябинск,
граница и меновая
торговля –
286
Казачьи крепостей
Исетской провин-
ции –
300
Старообрядцы –
302
Тюркское
население –
304
Тептяри –
324
Пугачевское
восстание –
327

9

Глава 9.
От губернской реформы до середины XIX века
(Г. Х. Самигулов) –
342
Уездные города
Южного Зауралья –
347
Челябинск –
358
Троицк –
367
Верхнеуральск –
383
Тюркское население –
388
Казаки –
396

10

Глава 10.
От николаевской эпохи до Транссиба
(Г. Х. Самигулов) –
404
Эпоха перемен –
407
Промыслы –
412
Города –
415
Транссиб –
416
Трансформация сословных групп, входивших в Башкиро-мещерякское войско –
418

Заключение –
420

Сведения об авторах –
424

Взгорки. Верхнеуральский район Челябинской области. 2012 год. Фото: Г. Самигулов

История Южного Урала

6
ТОМ
Введение

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое издание представляет интересный, сложный и противоречивый период в истории Южного Урала. Противоречивый не только по своему содержанию, но и по представлениям специалистов о процессах, протекавших в это время, и о событиях, ставших знаковыми. А рядовой читатель порой просто не знает о государственных образованиях, племенах и народах, оставивших свой след в истории нашего края. Мы постараемся дать представление об этом.

В своей работе мы касаемся не только тех территорий, которые сегодня входят в состав Челябинской области, но и более обширных пространств. Это вызвано тем, что процессы, которые мы рассматриваем, происходили на Южном Урале и в Зауралье в целом, и зачастую невозможно выделить те из них, которые бы касались только земель нынешней Челябинской области.

Одна из проблем изучения истории Зауралья в предыдущие периоды как раз и заключалась в том, что практически не было исследований, которые бы рассматривали ситуацию в Зауралье в целом. В первую очередь это касается этносоциальной истории тюркского населения. Традиционно рассматривали зауральских башкир и сибирских татар отдельно. Мы же решили изучать территорию в целом, и это привело к достаточно интересным результатам.

Один из парадоксов заключается в том, что мы очень мало знаем об истории уже достаточно позднего периода, когда территории Зауралья, как и Южного Урала, входили в состав Московского государства. Зачастую мы затрудняемся найти ответы на самые банальные, казалось бы, вопросы. Например, где проходили границы уездов в конце XVI века? А в начале XVII? Что такое ясачная волость? Или слобода? И таких вопросов очень много. По ходу повествования мы постараемся дать ответы если не на все, то хотя бы на многие из них.

Начинается повествование с периода распада Джучиева улуса, который в литературе традиционно называют Золотой Ордой. Становление таких государств, как Тюменское (Сибирское) ханство, Ногайская Орда, непосредственно коснулось территории Южного Урала и в особенности Зауралья. С 1550-х годов все активнее участвует в истории края Московское государство, а с 1580-х годов мы рассматриваем Южное Зауралье как часть российских земель. В данном томе освещается длительный период, который был насыщен разными событиями. Переломным являлся 1734 год, когда с началом деятельности Оренбургской экспедиции стартовал процесс полного включения территории Южного Урала в систему управления и безопасности границ Российского государства.

Период с 1734 года и до конца XIX века, или до строительства Транссибирской магистрали, отображен достаточно выборочно. Практически не уделено внимания вопросам развития горнозаводской промышленности, поскольку этой теме посвящен отдельный том. Мы постарались показать отдельные процессы, слабо освещенные в литературе, в частности формирование городов в Южном Зауралье, изменения социального статуса башкирского, мещеряцкого и тептярского населения, формирование сословной группы тептярей и бобылей и т. д.

В исследовании практически не затронута тема башкирских восстаний — ей посвящено значительное количество работ, и отобразить ее в должной мере в рамках настоящей публикации не представлялось возможным. К тому же новые материалы по этой теме еще не осмыслены, и транслировать выводы было бы преждевременно.

Авторский коллектив благодарит организации и отдельных специалистов, чья помощь была значительна — их содействие позволило оперировать новыми материалами и показать нашим читателям новые планы и карты, часть из которых ранее не публиковалась: Государственный комитет по делам архивов Челябинской области, Управление архивов Свердловской области, Комитет по делам архивов Оренбургской области, руководство и сотрудников Российского государственного архива древних актов, Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива Оренбургской области, Государственного архива Пермского края, Юрия Яковлевича Козлова, екатеринбургского журналиста Алексея Шапоренко и других. Их помощь сложно переоценить.

Степные дороги.
Миякинский район
Республики Башкортостан.
2013 год. Фото: Г. Самигулов

История Южного Урала

6
ТОМ
глава
1

ТЮМЕНСКОЕ
И СИБИРСКОЕ
ХАНСТВА

Глава 1. ТЮМЕНСКОЕ И СИБИРСКОЕ ХАНСТВА

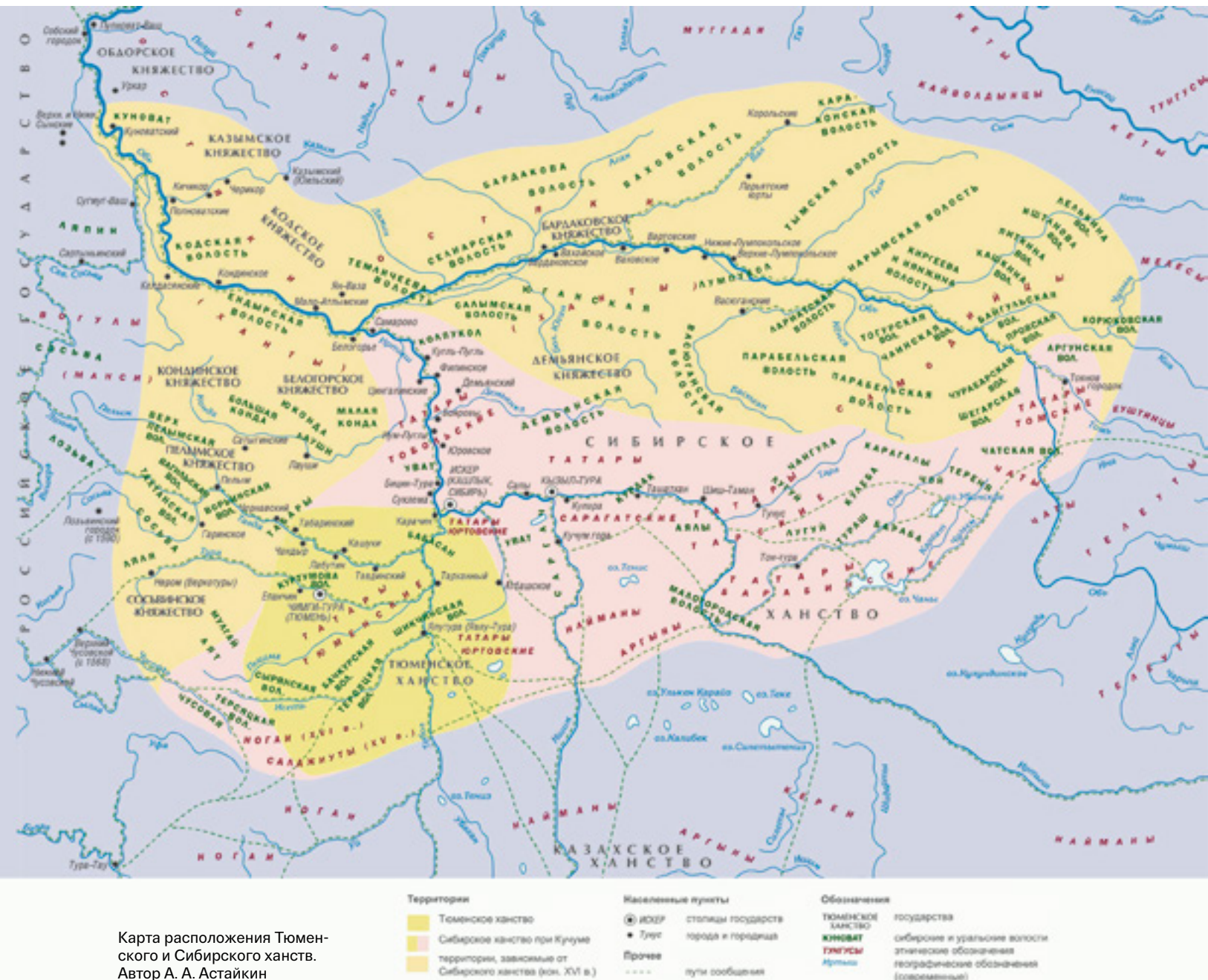
Периодизация и основные этапы политической истории

Татарские государства на юге Западной Сибири были наследниками ранее существовавших здесь владений Шибанидов, входивших в состав Золотой Орды (Улуса Джучи). Они формировались по указу Бату для его младшего брата Шибана после окончания западного монгольского похода, около 1242–1243 годов. К северу от них находилась «страна Сибирь (Сир)» или «область Сибирь и Ибирь», которая ограничивалась низовьями Тобола с притоками и западным берегом Иртыша. Она находилась под управлением ордынских судей, в окончательном виде сложилась при хане Узбеке [2, с. 91; 7, с. 281; 9, с. 106–107].

В имеющейся дипломатической переписке полный титул местных правителей также не упоминается, хотя Ибрахим, при котором Тюменское ханство достигло своего расцвета, часто именуется «Ногайским царем» или «Шибанским царем» [32, с. 203; 42, с. 29], последний титул используется и в отношении его брата и наследника Мамука [32, с. 242–243]. Русский перечень «Татарским землям имена» использует для владений Шибанидов в Сибири также понятие «Шибаны» [15, с. 253], аналоги которого известны и в более позднее время в фор-

ме «сибирской салтан Ишибаны» [8, с. 170]. Сейфи Челеби в отношении ханов Туры также использует понятие «шубан» [43, с. 259] (искаженное «шибан»). Таким образом, на первом этапе существования позднесредневековых татарских государств Западной Сибири необходимо говорить о Тюменском (Туранском) ханстве. При этом закрепление за частью его правителей титула «Шибанский царь», скорее всего, свидетельствует об их претензиях на главенство над всей династией потомков Шибана ибн Джучи.

Начальный этап формирования местной государственности должен быть связан с междоусобицами Шибанидов 1420-х годов, в результате которых в 1430 году в Чимги-Туре был провозглашен ханом Абу-л-Хайр, за год до этого уже избранный на курултае кочевой аристократии. Хотя можно предположить, что Тюменское ханство с центром в Чимги-Туре существовало в период с 1420-х годов по первую четверть XV века, долгое время оно было частью более значительных по территории владений узбекских ханов. В данном случае под «узбеками» понимается обобщенное самоназвание различных кочевых групп Восточного Дешта в XV веке. Для местных ханов этого времени собственно тюменские земли были северной периферией более обширных степных владений. Важным было то, что изначальные владения Шибана были описаны именно в границах перекочевок между зимовками и летовками. Абу-л-Гази локализует их следующим образом: «Юрт, в котором ты будешь

жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр — при устьях рек Чуй-су и Сари-су». Еще в конце XIV века известные в это время потомки Шибана в пятом и шестом поколениях, Пулад и его дети Ибрахим и Араб-шах, продолжали летом кочевать у вершин реки Урал, но зимовки их, как и у Шибана, находились в устье

Сыра [1, с. 104–105]. Несомненно, по сохранению этих кочевий значительно ударили усиление Тимура (Тамерлана), поражение Токтамыша, который был поддержан многими Шибанидами, а также перекочевка на реку Урал Мангытского юрта Едигея.

В результате приоритетом для шибанидских правителей того времени стала борьба за возврат присырдарьинских территорий и контроль над поволжскими землями. Помимо желания восстановить былое единство владений она выражала

Названия и самоназвания ханств Шибанидов на юге Западной Сибири

Указания источников на «Сибирскую землю» без учета особенностей трактовки этого географического понятия в летописях и реальное размещение ханств на юге Западной Сибири в совокупности предопределили выбор исследователями для позднесредневековых государств Шибанидов на рассматриваемой территории общего наименования «Сибирский юрт (ханство)». Это название удобно с позиций анализа единой линии

Карта Антония Дженкинсона. 1562 год

развития местной государственности, хотя и не учитывает реальные, в том числе географические изменения в этой системе. Кроме того, наименование типа «Сибирское царство» или «Сибирский юрт» характерны лишь для русских источников, при этом впервые титулом «царя Сибирского» именуется в 1505–1506 годах только сын Ибрахима (Ибак) Кутлук [5, с. 264]. Не совсем удачным является и выбор понятия «юрт»: хотя в русских источниках оно, видимо, трактовалось идентично «ханству», однако в самих восточных державах могло обозначать и отдельные области внутри такого государства. Анало-

гичные проблемы возникают и при использовании термина «вилайет».

К сожалению, источники не сохранили для нас самоназвания позднесредневековых сибирских тюрко-татарских государств. Косвенным указанием на таковое может быть наименование в восточных источниках владений Шибанидов в Сибири на протяжении XV–XVI веков вне зависимости от происходивших здесь политических изменений — «Тура» или «Туран» (что отражено и в титулатуре «туранских ханов») [1, с. 102; 4, с. 37–38; 43, с. 259–261]. Еще в XVII веке часть групп, проживав-

ших на территории бывшего Тюменского ханства, именовали туралинцами или туранскими татарами [45, с. 19], что, видимо, может быть связано и с наличием группы «туралы» в войсках Кучума [16, с. 150].

При наличии лишь косвенных данных резонно называть расположенные приблизительно на одной территории наследственные владения сибирских Шибанидов по их крупнейшим городским центрам, выполнявшим функции временных столичных центров на самом севере этих земель. В период Великой Замятни с 1370-х годов на первое место здесь выходит

Чимги-Тура (Singui — в западной картографии, Тура — в восточных, Тюмень — в русских источниках). Этот город был, по данным русских летописцев, формальным центром Сибирской земли («в Сибирской земли близ Тюмени») [35, с. 236]. О значении этого города говорит и захват его (под названием «Шехр-и Тура») ханом Хаджи-Мухаммадом Шибанидом в 1420-е годы [23, с. 122–123; 29, с. 65]. Летом — осенью 1430 года другой шибанид, хан Абу-л-Хайр, сделал Чимги-Туру местопребыванием «трона государства

и средоточия божьей помощи» [21, с. 81; 27, с. 143–144]. На этом основании можно говорить о формировании Туранского (Тюменского) ханства, находившегося на «крайнем пределе Дешт-и Кыпчака», который в Москве называли Тюменью, а в восточных источниках — Турой [1, с. 102; 43, с. 259–261]. При этом средневековые авторы под «Турой» или «Тюменью» понимали как название города, так и «земли», то есть отдельное государство, которое на карте Антония Вида 1537 года указано как «Тюмень Великая».

имперские замыслы ханов и их стремление к власти на значительной территории бывшего Улуса Джучи. Тем более что все это было подкреплено занятием в период Великой Замятни сарайского престола отдельными представителями рассматриваемой династии. В целом эти тенденции характерны еще для политики ханов Хаджи-Мухаммада и Махмуд-Ходжы в 1420-е годы, в периоды правления которых Чимги-Тура находилась под управлением хакимов из буркутов [27, с. 143–144]. После воцарения в Чимги-Туре Абу-л-Хайра и его победы над Махмуд-Ходжой в 1431 году новый узбекский лидер объединил под своей властью все владения Шибанидов в единое Узбекское (Шибанское) ханство («государство кочевых узбеков» в интерпретации Б. А. Ахмедова) в Восточном Дешт-и Кыпчаке. При этом он сменил и администраторов в вилайете Чимги-Тура, где даругами, то есть ханскими наместниками, стали представители тарханов, дурманов и найманов [Там же, с. 16].

Противник хана Ибрахима Мухаммад Шейбани

1. Знатный конник войск Тимура и Золотой Орды конца XIV века
2. Воин тимуридского войска. XV век
3. Знатный воин Узбекского и Казахского, Сибирского ханств Ногайской орды. XV–XVI века

Источники позволяют с тюменским престолом однозначно связывать деятельность нескольких ханов. Прежде всего это Абу-л-Хайр (правил в 1429–1446 годах, затем до 1457 года вилайет входил в состав Узбекского ханства в статусе Тюменского юрта под управлением сыновей Хаджи-Мухаммада — Махмудека и Саййидека, а также назначенных ханом даруг). Возможно, после поражения Хана-и Бузурга (Великого хана), как именовали Абу-л-Хайра, от калмыков в 1457 году Махмудек и Саййидек стали проявлять тенденции к сепаратизму, что фиксируется по закреплению за ними в генеалогических списках титулов хана. В период независимого Тюменского ханства это были Ибрахим (Ибак) (1468/9–1494/5), его братья Мамук (1494/5–1497) и Агалак (1497–1505/7), сын Ибака Кутлук (1505/7–1510-е гг.). Во многих случаях новые правители начинали свою карьеру при своих родственниках, как правило, выполняя военные обязанности. В частности, это было характерно для Абу-л-Хайра при хане Джумадуке или для Мамука при Ибрахиме. В случае тюменских династий это могла быть реставрация системы соправления или отчасти желание при жизни правящего династа назначить его наследника. В любом случае ханы пользовались помощью родственников в военной сфере. Однако реализация внешней политики была невозможна без поддержки местных кланов и племен, элита которых в лице беков, мурз и бахадуров входила в состав курултая, а ее верхушка — в совет карачи-беков при ханском дворе. При проведении военных советов и построении армии фиксируется сохранение крыльевой системы, которая, видимо, переживала период стагнации, поскольку положение кланов в ней могло изменяться и представители одного и того же клана оказывались на разных крыльях, что связано и со сменой политического статуса того или иного узбекского племени. В условиях распада общего ордынского пространства при Абу-л-Хайре ритуалы и формы поведения, в том числе раздача халатов и поясов как властных символов, в значительной степени были ориентированы именно на подобных лидеров, чья роль постоянно увеличивалась [22, с. 121–138]. Основным выразителем интересов этой степной элиты мог быть находившийся при хане беклярибек, ко-

Тайбугиды и их роль в истории тюменской и сибирской государственности. При трех тюменских ханах значительное место в системе управления государства занимали представители династии беков Тайбугидов, которые, скорее всего, происходили из буркутов. Тайбуга во главе с буркутами был в изначальном окружении основателя династии Шибана [30, с. 231], хотя на Южный Урал этот клан из Крыма перекочевал в условиях Замятни и при увеличении роли в Крымском вилайете кыйтата Мамаю. Уже в 1420-е годы они оказались во главе вилайета Чимги-Тура, были союзниками Махмуд-Ходжи в борьбе за контроль над Юго-Западной Сибирью [4, с. 40], а в 1430 году передали этот город Абу-л-Хайру и вошли в его ближайшее окружение [27, с. 143–144]. Одна из жен узбекского хана была из буркутов, а позднее Ибрахим выдал за князя Умара (Мара) из этой династии свою сестру, хотя позднее убил своего зятя [36, с. 47]. Такая брачная политика Шибанидов с очевидностью показывает положение династии на юге Западной Сибири. По данным поздних Сибирских летописей, сын Мара Мухаммад убил Ибрахима, что традици-

онно датируется 1495 годом [Там же, с. 118]. Однако отсутствие мести за это со стороны родственников хана, в том числе его брата и нового правителя Мамука, и продолжение существования Чимги-Туры, вопреки указанию той же летописи, позволяет иначе рассмотреть это и последующие события. После смерти Ибрахима Тайбугиды присоединили к Тюменскому ханству Сибирскую землю, князья которой еще после русского похода 1483 года платили дань Москве [24]. Тайбугиды стали управлять Сибирским юртом из Искера (Сибири, Кашлыка) от лица шибанидских ханов Тюмени. При этом беки или князья не могли выступать самостоятельными правителями в силу своего политического статуса в чингизидском мире (ярким исключением являются лидеры Ногайской Орды, которые, однако, опирались на марионеточных ханов). Это позволяет считать сибирских князей беклярибеками при тюменских ханах. По всей видимости, с учетом этой оговорки нет резона выделять «Искерское княжество Тайбугидов» как отдельный этап в истории сибирской государственности [31].

торый при Абу-л-Хайре поочередно выдвигался из кыйтатов, буркутов и мангытов. При последующих тюменских ханах все известные беклярибеки были только из мангытов (ногаев), что и позволяло, например, Ибрахиму именоваться «ногайским царем», хотя его влияние на ногаев, по понятным

причинам, было крайне ограниченным [46, с. 113–119]. Помимо этого сохранял свое существование и такой орган управления, как диван, которым при Абу-л-Хайре руководили представители уйгуров и кушчи [27, с. 97–98]. Значительную роль среди аристократии могли играть управляющие Орду-Базаром, то есть кочевой ставкой хана. При Ибрахиме таким был «Базарский князь». Этот князь, как и другие лица с аналогичным титулом, в том числе происходившие из кыятов, могли изменять внешнюю политику [38, с. 19, 54].

В целом в начале XVI века территория Тюменского ханства значительно расширяется. Одним из аргументов в пользу такой трактовки событий может быть использование титула «сибирский царь» в 1505–1506 годах (7014) в отношении Кутлука, для которого при этом указывается, что он «пришед из Тюмени» [5, с. 264]. Этот сын Ибрахима и мог быть сюзереном Тайбугидов, однако его престольное место продолжало находиться в Тюмени. Титул сибирского царя был закреплен за наследственным тюменским династом из Шибанидов. Уже в 1563–1564 годах (7072) этот титул принадлежал другому сыну тюменского хана Ибрахима, Муртазе [12, с. 63]. Понятно, что в первой половине XVI века тюменские династы значительную часть времени проводили в своих владениях в присырдарьинском регионе, что позволяло Тайбугидам быть практически самостоятельными правителями, ограниченными только ханским ярлыком и необходимостью сбора ясака в пользу сюзерена.

Тем более что в самой тюменской правящей семье не было единства. Около 1505 года возник конфликт между ханом Агалаком и его племянником Кутлуком, что привело к уходу хана вместе с частью родственников во главе с его двоюродным братом Ак-Куртом к ногаям и попыткам получить Казань или Мещерский городок при помощи дипломатической переписки с московскими князьями [20]. В 1510-е годы начинается период «смутного» времени, когда многие «шибанцы» уходят в степи — возможно, под влиянием изменения климата с наступлением малого ледникового периода. Это приводит к значительному сокращению упоминаемый тюменских ханов во внешних источниках, что, видимо, связано и с сокращением их внешнеполи-

Павел Иовий

Послы сибирского князя Едигера в Москве в 1555 году. Из Лицевого летописного свода

тической активности. Хотя еще в 1525 году Павел Иовий писал: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам» [10, с. 28–31], что свидетельствует в пользу сохранения здесь шибанидских владений. К 1520-м годам они оказываются под контролем мангытского бия Шейх-Мамай ибн Мусы, внука хана Ибрахима по линии дочери. При нем мог находиться и брат Кутлука Муртаза, который во второй четверти XVI века, видимо, выступал в качестве тюменского династа [6, с. 164, 181; 38, с. 130–131]. По всей видимости, для них старший сын Шейх-Мамай Хан-мурза пытался в 1536 году вернуть Туру, оказавшуюся под властью угорских князей [6, с. 157; 38, с. 155]. В условиях ухода тюменских Шибанидов в Среднюю Азию и ногайские степи Тайбугиды оказались оторваны от своих сюзеренов, которые, видимо, фактически перестали вмешиваться в вопросы местной политики. Это и позволило беку Едигеру и его брату Бекбулату в 1554 году вступить в сепаратную переписку с московским царем Иваном IV, который в соответствии с новым титулом и значением казанского престола как «Тахт эли» выдал сибирским князьям новый ярлык и взял Сибирь «под свою руку» [33, с. 248]. В это же время в Искере могла сформироваться многокомпонентная «Тайбугидская легенда», призванная поставить под сомнение права Шибанидов на власть в Сибири и обосновать соответствующий статус не-чингизидской династии [19, с. 9–21]. В целом в этой легенде и преувеличении реальной власти сибирских князей в значительной степени были заинтересованы не только сами Тайбугиды, но и московские власти, для которых вассалитет этих правителей был важным фактором в дальнейшем присоединении Сибири. Появление московского даруги привело к ответному набегу на Сибирь в 1556 году шибанского царевича [33, с. 276]. Скорее всего, им был один из сыновей Муртазы (Ахмад-Гирей или Кучум), которые воспитывались при дворе Шейх-Мамай и пользовались затем поддержкой сыновей последнего [46, с. 210].

В результате начались длительные переговоры (1557–1563), в которых участвовали московские власти, тюменские Шибаниды, лидеры Ногайской

Бухарский хан Абдаллах II

Орды и сибирские князья. В 1563 году Едигер скончался, его сын оказался в Москве, а «сибирские люди... взяли к себе на Сибирь царевича» [34, с. 370]. В историографии под ним принято видеть Кучума, однако в письме от 22 сентября 1563 года от Ивана IV бию Исмаилу указывается: «А ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич»¹, то есть престол был занят по праву старшинства. Вскоре после этого сын другого сибирского бека, Бекбулата, оказался в Бухаре у местного сейида, чем и ограничилось в период становления Сибирского ханства влияние этого политического центра среднеазиатских Шейбанидов. Зависимость Сибирского ханства от среднеазиатских Шейбанидов, правивших в Бухаре, фактически не только не прослеживается в источниках [47, с. 44–45], но даже вступает в противоречие с формулами бухарско-сибирской переписки. Роль бухарского хана Абдуллы II, а также

1

Автор выражает огромную благодарность В. В. Трепавлову (Москва) за копию этого документа освещающего ранее не известный момент в сибирской истории [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 118–188 об.]

его торгового и исламского окружения ограничивалась отправлением двух исламских миссий, решением отдельных торговых вопросов, попытками хана выступать третейским судьей в спорах Кучума с ногайскими мурзами и обменом небольшими подарками в 1590-е годы [3, с. 230–240].

В результате с 1563 по 1582 год в определенной очередности шибанские ханы Муртаза и его сыновья Ахмад-Гирей и Кучум занимали как тюменский, так и сибирский престолы. При этом правление старшего из братьев, видимо, было довольно кратковременным, о нем, в отличие от Кучума, почти не сохранилось упоминаний в исторической памяти приуральских и сибирских народов. Не знают о правлении Ахмад-Гирей и восточные авторы, в том числе Абу-л-Гази Шибанид. Например, Продолжатель Утемиш-Хаджи, отмечая правление Кучума в Сибири, пишет, что он «стал великим ханом

Хан Кучум.
Реконструкция
М. В. Горелика

Слева изображен Знатный узбекский феодал конца XV — начала XVI века. Большую часть армии великого узбекского завоевателя Шейбани-хана составляли легковооруженные конные лучники, но высшие ханские вельможи носили великолепные доспехи изготовленные, как степными оружейниками, так и иранскими и самаркандскими «джабатабами». Голову изображенного латника прикрывает позолоченный цельнокованный «шишак» с маской-личинной, украшенный лентами и султаном из конского волоса (Оружейная палата Московского Кремля). Шлем дополнен парой наушей и кольчужной бармицей закрытого типа. Корпус воина защищен пластинчатонашивным «куяком» необычного покроя: без рукавов, с коротким подолом и косым запахом. Руки латника покрыты ламинарной броней, набранной из железных пластин с вырезным краем. Ламинарная броня покрывает и бедра всадника. Железный наколенник с кольчужным подвеском дополняет защиту ног. К левому предплечью феодала подвешен усиленный стальным умбомом щит из стянутых ивовых прутьев, обтянутых красными нитями. В правой руке панцирник держит длинное копье с узким граненым наконечником и флажком. На запястье узбека — плеть степного производства (МАЭ). К поясу подвешены колчан со стрелами и лук в налучье. Конский доспех состоит из пятичастной тканевой попоны и кольчужной «маски», пришитой поверх толстой кожаной основы.

Справа — Бухарский принц (шейбанид) первой половины XVI века. Среднеазиатская знать XVI века широко использовала оружие и доспехи импортного производства, изготовленные в Иране, Московии, Ойратии. Вот и в комплексе вооружения воина отчетливо прослеживаются западные (гератские и иранские) черты. На голове всадника великолепный сфероконический шлем, украшенный золотой насечкой и драгоценными

камнями, с наносником, наушами и простым назатыльником (Оружейная палата Московского Кремля). Шлем удерживается на голове с помощью желтых шелковых лент, выполняющих функцию подбородочных ремней. Под усиленный наплечниками цветной халат с подкладкой (кюйреке) поддет кольчатопластинчатый бехтереч. Защита ног уже достаточно совершенна. Она состоит из кольчато-пластинчатого набедренника (бутлук), полусферического наколенника (дызлык) и кольчатопластинчатого сегмента, прикрывающего верхнюю часть голени. Створчатые наручи (голчак) защищают руки от кисти до локтя. За кушак заткнут усыпанный драгоценными камнями кинжал иранского производства (Оружейная палата), в правой руке всадника — слабоизогнутая сабля (Оружейная палата). Конский доспех состоит из стальной маски с нащечниками, кольчато-пластинчатого нагивника и попоны. Особый интерес представляют нагрудники и боковины: кольчужные и пластинчатые сегменты перемежаются в них в шахматном порядке, что существенно повышает общую эластичность брони.

[Л. А. Бобров. Железные ястребы Маверанахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV—XVII вв. // Para Bellum. 2003. № 1. С. 71–97]

юрта Тау Буга Ишдеге (?) (Тау Буга йурты Ишдеге) [29, с. 65]. Под этим названием явно имеется в виду «Иштякский юрт Тайбуги», то есть те территории, которые находились под управлением сибирских князей. Любопытно указание на основную группу населения как «иштяков», что в контексте XVI–XVII веков еще не имело этнического значения, а было сословным, обозначавшим именно ясачное население. Это хорошо вписывается в отношения между Шибанидами и Тайбугидами, описанные выше.

С воцарением на искерском престоле около 1563 года Муртазы ибн Ибрахима и его сыновей Кучума и Ахмад-Гирея при поддержке ногаев за государством в русских летописях и дипломатических источниках окончательно закрепляется название «Сибирское царство» («Сибирская земля»). Это было связано с переносом формального столичного центра из Чимги-Туры в Искер (Сибирь) и значительным расширением территории

Воины Сибирского ханства.
Реконструкция Л. А. Боброва

государства. В русской дипломатической переписке по отношению к Муртазе, Кучуму и его сыну Али использовался титул «сибирский царь». Хотя в письме в Москву от ногайского мирзы Хана, сына Уруса, в 1578 году сохранилось титулование Кучума «тюменским и сибирским» ханом, что, видимо, отражает двухсоставной характер владений [39, с. 268–269]. При этом «Тюмень» ставилась на первое место, что подчеркивало и ее особый статус, а сам Кучум именовался ханом Турана или владельцем области Тура у выше указанных восточных авторов. Кстати, и на европейских чертежах и картах Московии и Татарии XVI века в качестве города и отдельной земли отмечены чаще «Tumen» и несколько реже «Sibe(y)r», что также отражает представление о наличии здесь двух земель [17, рис. VI, IX, XVII].

Таким образом, только для второго этапа существования местной государственности допустимо говорить о закреплении названия в форме «Сибирское ханство» (менее удачно, хотя и аутентично

Символы власти тюменских и сибирских ханов. С общеордынскими традициями могли быть связаны и символы ханской власти, которыми у первого тюменского хана Абу-л-Хайра были трон, царская юрта и халат, а также, возможно, переносной (походный) трон и знамена. Тюменский трон выступал относительно новым атрибутом местных правителей. По этой причине особое значение для тюменских династий имел трон правителей Улуса Джучи, который в источниках именуется «престолом (троном, стулом) Саин-хана», то есть Бату [27, с. 143–147, 155, 163; 38, с. 46]. Обладание им давало ханам Абу-л-Хайру и Ибрахиму возможность более

активного влияния на постордынский мир и закрепляло претензии на восстановление единства его значительной части под управлением тюменских ханов. Для Сибирского ханства периода правления Муртазы, Кучума и Ахмад-Гирея в качестве таких предметов выступают государственные печати различной формы и статуса, их аналог в форме тамги ханского рода при Кучумовичах, в отдельных ритуалах мог использоваться барабан, кроме того, русские источники в качестве такого символа рассматривали так называемую «Сибирскую корону» (боевой шлем хана Кучуму восточного производства) [13, с. 195–196; 44, с. 196–197].

Карта Сибири (Тартарии)
Йодокуса Хондиуса. 1606 год

Русские воины. Время правления
Ивана IV Грозного.
Реконструкция

источникам наименование «Сибирский юрт»). При этом данное наименование, скорее, отражало именно русское представление об этом ханстве, в то время как для восточных авторов продолжало существовать Туранское ханство (Туран). Как и в предыдущие годы, ханская власть во многом зависела от поддержки не только приведенных ногайских и среднеазиатских войск, но и местных мурз и князей, управлявших различными по размерам юртами внутри ханства. Они в составе группы «лучших людей» подписывали вместе с правителем внешнеполитические соглашения.

Причины поражения Кучума и постепенного отступления к югу в 1582–1598 годах скрываются во многих факторах. Среди них выделяют и опору на традиционную степную конную тактику боя, которая оказалась не приспособленной к отражению русских речных отрядов казаков, и быстрый переход на русскую сторону ряда местных

угорских и сибирских тюрко-татарских лидеров, и специфику внешнеполитической ситуации. В последнем случае в условиях калмыцкого нашествия в казахские степи и одновременных войн между среднеазиатскими Шибанидами Кучуму не удалось получить поддержки возможных союзников из Бухары или Алтыулов. Хотя в 1596–1597 годах реальность создания такого трехстороннего союза была довольно велика, что вызвало соответствующую обеспокоенность русских воевод [3, с. 236–238]. Сохранение ханского титула Кучумом при потере столицы может быть связано с тем, что Шибаниды, как и значительная часть их подданных, вели кочевой или полукочевой образ жизни, а столица выступала лишь временным административным и налоговым центром, обеспечивающим прежде всего контроль над северными землями и пушной торговлей. Собственно ханская ставка (орда-базар) подкочевывала к ней лишь на время летовки, что схоже с образом жизни золотоордынских ханов.

Историю Сибирского ханства (юрта русских источников) не следует заканчивать потерей Искера в 1582 году или даже смертью хана Кучума около 1599–1600 годов. В это время можно говорить лишь о начале третьего этапа истории местной государственности, которая развивалась в условиях включения земель Сибирского ханства в состав Московского царства. Длительность этого периода пока вызывает вопросы. Еще сыновья Кучума — Али, плененный русскими около 1608 года и сохранявший титул «сибирского царя» до своей смерти в 1649 году, и Ишим (Иш-Мухаммад), за которым этот титул, видимо, признавался русскими властями в 1616 году [47, с. 62–83] — однозначно рассматривались как независимые властители. Как Али, так и Ишим признавались ханами и отдельными восточными авторами, при этом если Абу-л-Гази последним ханом Турана считает Кучума, то в иных источниках последним хаканом Сибири именуется Ишим [1, с. 276]. Необходимо учитывать, что Кучумовичи вплоть до 1660-х годов продолжали контролировать часть земель Сибирского ханства в Притоболье. Власть над этой территорией признавалась за внуком Ишима Кучуком в 1660-е годы даже на чертеже всей Сибири, подготовленном по приказу тобольского воеводы П. И. Годунова.

Чертеж Сибири. Автор воевода П. И. Годунова

По всей видимости, они могли избираться ханами на курултаях местными тюрко-татарскими племенами, что вкупе с чингизидским происхождением делало их вполне законными правителями. Отсутствие упоминаний этого титула в русских источниках и использование по отношению к Кучумовичам лишь понятия «царевич» отражает только русскую дипломатическую точку зрения, в рамках которой сибирскими правителями были уже именно московские цари. Лишь после провала восстаний 1660-х годов, разочарования представителей местных племен в Кучумовичах и окончательного ухода последних в степи Сибирское ханство прекращает свое существование даже в качестве политической иллюзии.

Территория, границы, состав населения и его занятия

Если политическая, и тем более внешнеполитическая, история Тюменского и Сибирского ханств изучена достаточно полно, то нельзя того же сказать об их территории, внутреннем устройстве и составе населения. Определение границ кочевых политических объединений вызывает значительные трудности, особенно в условиях позднего Средневековья. Сложность усугубляется претензиями тюменских и сибирских ханов на значительные степные территории и тесными политическими и родственными связями с лидерами Ногайской Орды, что приводило к неопределенности внутренних границ между этими политиями. В зависимости от конкретной ситуации в Тюменском или Сибирском ханстве границы оказывались легко проницаемы для кочевых групп соседних государств. Кроме того, при определении этих границ необходимо, скорее всего, говорить не о территориях, а о признании отдельными племенами власти шибанидских династий. Исходя из этих оговоров, в условиях кочевого общества границы были не столько территориально обозначены, сколько привязаны к маршрутам перекочевок лояльных племен «шибанцев». В этом отношении резонно напомнить ранее приведенную цитату Павла Иовия, который локализовал шибанских татар к северу от Казани, то есть в Прикамье. Локализация этой группы на данной территории может быть связана не только с местным тюрко-татарским населением, но и с перекочевками зауральских тюрков в Приуралье. Аналогичная ситуация описывалась в русских источниках XVII века [41, с. 140].

Наиболее точно источники определяют собственно владения основателя династии Шибана, подробно описанные его потомком хивинским ханом Абу-л-Гази в начале XVII века. Судя по всему, в значительной степени эти владения были сохранены и его потомками. Исходя из этого, основные кочевья Шибана и его потомков располагались широкой полосой в Южном Приуралье и Зауралье (вопрос о том, где были их границы в лесостепи Юго-Западной Сибири, не имеет однозначного

ответа), степных районах Северного и Западного, а также урбанизированных районах Центрального Казахстана. И. А. Мустакимов обратил внимание на то, что, согласно «Таварих-и гузида-Нусрат-наме», во владения Шибана Бату были отданы следующие тумены (земли и народы): Джулат Черкес на Кавказе (Северная Осетия), Кара Улак (Молдавия, Валахия или Болгария), Кырк йер (Крым), Янгикент (город в низовьях Сырдарьи), Кюйдей (Западная Сибирь или Северный Казахстан) [30, с. 242]. Первые три владения однозначно были утеряны потомками Шибана еще на каком-то этапе ордынской истории, тем более что в это время кочевья Шибанидов могли неоднократно перераспределяться сарайскими ханами. По этим причинам по вопросу о территориальных изменениях вполне справедливо мнение В. П. Костюкова: «...обстоятельства заставляют с большой долей осторожности и лишь в самом общем виде обозначать географические пределы владений Шибанидов» [18, с. 216]. В описании Абу-л-Гази резонно видеть именно основные кочевья династии в позднее Средневековье, когда именно присырдарьинские и западносибирские земли стали основой власти шибанидских ханов. Таким образом, тюменские и сибирские земли были лишь северными (летними) кочевьями представителей этой династии. Большинство из них, даже будучи местными ханами, стремились сохранить за собой зимовки на более комфортном юге, необходимом еще и с точки зрения сбыта сибирской пушнины и обеспечения хана и его окружения ремесленными изделиями.

Между рассмотренными источниками есть определенные географические сходства. В частности, указываются земли в Восточной Европе и присырдарьинском регионе. Абу-л-Гази очень подробно идентифицирует владения Шибана на Южном Урале, при этом риску предположить, что перечень притоков Урала говорит в пользу того, что в летние кочевья входили земли между этой рекой и Тоболом, который мог выступать логичным ограничителем территории, давая при этом возможность доступа к северной пушнине. Парадоксально, но данная ситуация находит определенные аналоги в XVII веке. В это время к западу и северо-западу

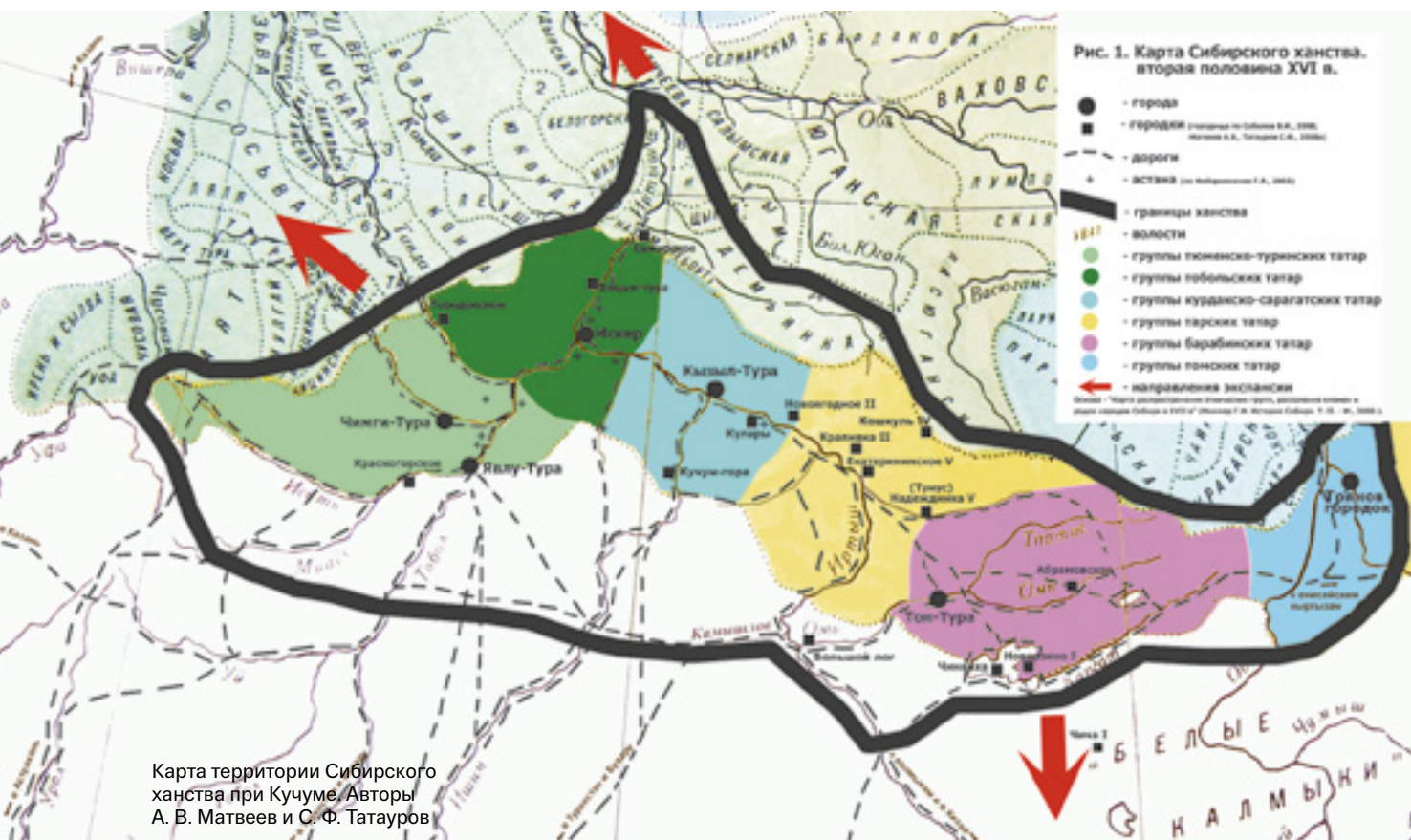
от Тобола были расположены земли табынцев и других племен, долгое время поддерживавших Шибанидов, а земли по реке в среднем и верхнем ее течении представляли собой общие охотничьи угодья тюрок, проживавших в зауральской части Уфимского уезда и в Тюменском уезде [40, с. 129].

Вопрос о том, насколько далеко к северу и востоку от этих степных владений распространялась власть Шибанидов, не имеет однозначного ответа в источниках. Понятно, что приграничные районы юга Западной Сибири должны были уже в ордынский период использоваться как удобная рекреационная (по выражению В. П. Костюкова) зона для накопления сил и как укрытие в случае неудачи. Для этого могли быть использованы и земли Южного Зауралья, и лесостепного Притоболья, где имеются археологические памятники этого времени. Для периода правления Абу-л-Хайра и Ибрахима в XV веке наиболее северной точкой была Чимги-Тура. Это видно и из описания маршрута похода русских воевод в 1483 году на Пелымское княжество, в ходе которого «воиводы великого князя оттоле пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь» [37, с. 49]. Летописец имел в виду, что русские войска прошли мимо Тюменского ханства периода его расцвета при хане Ибрахиме, то есть за пределами его северо-восточной границы, которая, видимо, располагалась именно по Тавде, а далее к востоку располагалась уже «Сибирская земля». Это позволяет нам установить условную, согласно взглядам русских летописцев, границу владений хана Ибрахима. При этом в 1480-е годы тюменский хан Ибрахим контролировал и земли на самом юге бывших владений Шибанидов в Приаралье, то есть действительно являлся «Шибанским царем». Это подтверждается тем, что «и с устья Сыра пришло много людей, ради него (Мухаммед Шейбанихана.— Д. М.) отделившись от Ибак-хана» [48, с. 29]. То есть весьма условно Тюменское ханство можно локализовать между реками Урал, Сырдарья (в ее низовьях), Тура и Тавда, хотя восточные границы остаются неустановленными. Лишь после 1495 года в его состав была включена Сибирская земля, что расширило границы до среднего течения Иртыша и Ишима. Абсолютно не решенным оста-

ется вопрос о степени влияния тюменских ханов на таежные угорские княжества, которые в условиях распада ордынского пространства проявляли независимость, что и позволило вмешаться в сибирские дела русским воеводам.

Территория Сибирского ханства периода правления внуков Ибрахима Кучума и Ахмад-Гирея локализуется С. Ф. Татауровым и А. В. Матвеевым по данным археологии. Для этого были выявлены пограничные крепости, в культурном слое которых имеется специфическая для населения ханства второй половины XVI века керамика. Очевидно, что политика была в значительной степени ориентирована на строительство крепостей с небольшими гарнизонами, которые могли способствовать как защите от внешнего вторжения калмыков, так и контролю над местным населением. Благодаря этому границы Сибирского ханства были значительно раздвинуты и укреплены в сравнении с периодом Тюменского ханства. Во многом это связано с большим вниманием братьев Ахмад-Гирея и Кучума к вопросам внутренней политики, в том числе исламизации населения, которая должна была способствовать созданию единой государственной идеологии и культуры. К этому времени ислам под влиянием деятельности представителей суфийских тарикатов Средней Азии уже почти четыре столетия был известен в Сибири, но даже активная исламизация золотоордынского времени, скорее всего, затронула лишь слой политической элиты местных государств. В результате ханской политики на севере границы Сибирского ханства вышли к месту слияния Иртыша и Оби, среднему течению Туры и Тавды, на востоке — к низовьям реки Томи, притока Оби, на юге — до Чановских озер в Барабинской лесостепи, низовьев Иртыша, Ишимо-Иртышского и Ишимо-Тобольского междуречий, на западе — до верховьев Исети [26, с. 74–76].

При этом западные части этих владений однозначно включали земли Тюменского ханства. За пределами этих границ в северной таежной зоне располагались хантыйские и мансийские княжества, большинство из которых находились в экономической или политической зависимости от Сибирского ханства. Наиболее сложно установить его

юго-западные границы, где оно граничило с Ногайской Ордой и Казахским ханством, поскольку здесь проживали родственные племена, с которыми за редким исключением были союзные отношения. Г. Х. Самигулов аргументированно доказал, что фактически все земли по Тоболу, Миассу и притокам этих рек находились под властью сибирских ханов [40, с. 126–130], что не мешало ногаям в период ослабления Сибирского ханства или в случае заключения союза кочевать даже по Исети на землях своих сибирских родственников. При этом интересно, что Продолжатель Утемиша-ходжи сообщает, будто Кучум поддерживал своего отца Муртазу в борьбе за Мавераннахр, а их владения располагались в районе Отрара на Сырдарье [29, с. 65]. Это отчасти подтверждается и преданием сибирских татар, где Муртаза упоминается как хан Большой Бухары [28, т. 1, с. 192]. Таким образом, несмотря на расширение владений Шибанидов в период Сибирского ханства к востоку и югу, они сохранили и отдельные земли на территории

Приаралья и в нижнем течении Сырдарьи, то есть на территории Бухарского ханства, где правили представители другой ветви этой же династии. В результате поражений Кучума в 1580-е годы был утрачен контроль не над всеми землями, восточные и особенно южные земли в степной и лесостепной частях Сибирского ханства продолжали оставаться под контролем как самого хана, так и его потомков. По сути, речь шла об уходе именно с северных таежных территорий, некоторые из которых стали частью ханства лишь за несколько десятилетий до этого. Понятно, что утрата контроля над пушными ресурсами значительно ударила по экономическому потенциалу ханства, а сама утрата двух столичных центров — по его авторитету как правителя.

Таким образом, правители Тюменского и Сибирского ханств стремились к сохранению контроля над степными владениями по Сырдарье и одновременно расширяли земли на юге Западной Сибири как за счет включения в состав ханства, например, Сибирской земли, так и за счет усиления власти над таежными угорским княжествами.

Ситуация с территорией и границами изрядно осложнялась и активной внешней политикой тюменских ханов. Абу-л-Хайр и Ибрахим совершали походы на поволжские земли Большой Орды, участвуя в борьбе за «Саин стул». Первый из них получал налоги из Булгар и в конечном итоге подчинил значительную часть Средней Азии, расширив здесь владения Шибанидов, а при втором находилась группа казанских аристократов, что позволяло ему именоваться казанским ханом. Хан Мамук почти все годы своего недолгого правления в Тюмени находился также на казанском престоле, а Агалак и Аккурт, находясь у ногаев, пытались получить казанский престол уже при помощи дипломатических переговоров с Москвой. В Приуралье совершали походы ханы Кутлук и Муртаза, а уже в 1570-е годы несколько раз на эти же земли ходили походами сибирские войска во главе с сыном Кучума Али и главным полководцем, племянником хана Маметкулом Алтыуловичем. Уже после потери столицы Кучум продолжал претендовать на сбор ясака с территории Приуралья. Очевидно, что вопрос о поволжских и приуральских владениях тюменских и сибирских ханов на данный момент еще не имеет однозначного решения [25].

В силу значительного размера Тюменского и Сибирского ханств, включавших степные, лесостепные и лесные территории, варьировались и группы населения и специфика хозяйства, которое включало в себя как различные виды скотоводства и земледелия, так и ремесла, охоту, в частности на пушных зверей, а также внутреннюю и внешнюю торговлю. Специфика происхождения, занятий и образа жизни свидетельствовала о выделении как «лучших людей», так и ясачного населения. Необходимо понимать, что использовать для населения этих ханств современные этнические названия не совсем верно и чревато модернизацией исторической ситуации. Если не учитывать находящееся в зависимости население хантыйских и мансийских княжеств, то для тюркоязычных групп населения Тюменского и Сибирского ханств характерны были два уровня идентификации, нашедшие отражение в письменных источниках. На первом из них они соотносили себя с конкретным племенем или кланом. Наиболее хорошо перечень этих

политических единиц виден по окружению Абу-л-Хайра, в которое входили представители кланов буркут, дурман, карлук, конграт, курлаут, кушчи, кыйат, кытай, мангыт, найман (с подразделением на украш-найман), тубай, тюмень, уйгур, уйшин, утарчи, чат и ряда других [27, с. 16–17]. Часть из них однозначно связывается с сибирскими территориями и владениями Шибанидов [30, с. 235–244; 14]. Для Сибирского ханства этот перечень может быть восстановлен лишь по племенам, упоминающимся в контексте русского присоединения сибирских территорий как в составе войск Кучума и Кучумовичей, так и перешедших на русскую сторону: аялы, мякотин (бикотин), сынрян, табын, терсяк, чат и другие. Некоторые из них состояли из тюркизированных угров (терсяк, бикотин). При этом не решен вопрос о связи кланов XV века с подобными структурами более позднего времени (например, табын были явно родственны уйшинам). Кроме того, как в Тюменском, так и в Сибирском ханстве значительным, особенно среди аристократии, было число лиц из Казани, Ногайской Орды и Средней Азии. На втором уровне идентификации, с позиции внешнего наблюдателя, местные группы однозначно соотносились в XV веке — с «узбеками», а в XVI веке — с этносословной группой татар, представители которой образовывали слой аристократии. При этом среди них выделялись и «шибанские татары» («шибанцы»), и «тюменские татары». Очевидно, что связь с конкретными правителями местных государств была важным моментом оценки этнополитической картины региона. Еще в XVII веке часть групп, проживавших на территории бывшего Тюменского ханства, именовали туралинцами или туранскими татарами [45, с. 19], что также свидетельствует о сохранении в исторической памяти представлений о Туранском ханстве.

Список источников и литературы

1. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
2. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV веков о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. С. 71–112.
3. Беляков А. В., Маслюженко Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum Plus. 2016. № 6. С. 229–243.
4. Валиди Тоган А. З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
5. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. С. 241–270.
6. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 420 с.
7. Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Вост. лит., 2002. С. 261–302.
8. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: в 12 т. Т. 1. СПб., 1846. 400 с.
9. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / сост. Р. П. Храпачевский. М.: Наука, 2003. 448 с.
10. Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 12–55.
11. История Казахстана в персидских источниках XIII–XIX вв.: в 2 т. Т. 2. Абд ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин Маджа ал-ансаб ва-л-ашджар. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 692 с.
12. Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства: очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
13. Исхаков Д. М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сибирский сборник. Казань: Язь, 2011. С. 190–196.
14. Исхаков Д. М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф., г. Курган, 22–23 апр. 2011 г. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 52–58.
15. Казакова Н. А. «Татарским землям имена» // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л.: Наука, 1979. С. 253–256.
16. Катанов Н. Ф. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Тобольский хронограф. Вып. 4. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2004. С. 145–167.
17. Кордт В. А. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1899. 15 с.
18. Костюков В. П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 6. С. 210–224.
19. Маслюженко Д. Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань: Ихлас, 2010. С. 9–21.
20. Маслюженко Д. Н. Политическая деятельность сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф., г. Курган, 22–23 апр. 2011 г. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 62–68.
21. Маслюженко Д. Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 76–88.
22. Маслюженко Д. Н. Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра // Золотоордын. обозрение. 2014. № 3. С. 121–138.
23. Маслюженко Д. Н. Сообщение Продолжателя «Чингизнаме» Утемиша-хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордын. обозрение. 2015. № 4. С. 117–134.
24. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 115–123.
25. Маслюженко Д. Н., Самигулов Г. Х. Земли Приуралья в составе Тюменского и Сибирского ханств // История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2016. С. 250–263.
26. Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф., г. Курган, 22–23 апр. 2011 г. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 70–78.
27. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. 652 с.
28. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Вост. лит., 2005.
29. Миргалеев И. М. Сообщение продолжателя «Чингизнаме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всерос. науч. конф., г. Курган, 17–18 апр. 2014 г. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 64–66.
30. Мустакимов И. А. Сведения «Таварих-и гузида-Нусратнаме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. Т. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2011. С. 228–248.
31. Нестеров А. Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 17–23.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. Н. Ю. Скороходова, 1904. 303 с.

34. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб. : Тип. Н. Ю. Скороходова, 1906. 234 с.
35. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М. ; Л. : Наука, 1949. 464 с.
36. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 255 с.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII веков / сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л. : Наука, 1982. 228 с.
38. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 годов. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.
39. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 11. СПб., 1801. 315 с.
40. Самигулов Г. Х. К вопросу о границе Ногайской Орды и Сибирского Зауралья // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 126–130.
41. Самигулов Г. Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения истории ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 138–142.
42. Сборник Муханова (Документы по русской истории). Изд. 2-е, доп. СПб. : Тип. Э. Праца, 1866. 799 с.
43. Султанов Т. И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник. Вып. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М. : Вост. лит., 2005. С. 254–272.
44. Татауров С. Ф. Маркеры государственности для Сибирского ханства в археологических материалах // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы всерос. науч.-практ. конф. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. С. 193–200.
45. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1980. 275 с.
46. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Вост. лит., 2002. 752 с.
47. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
48. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным. Казань : Унив. тип., 1849.

Верблюжьи горки.
Зауральская степь. 2011 год.
Фото: Г. Самигулов

История Южного Урала

ТОМ
глава
6
2

НОГАЙСКАЯ
ОРДА

Глава 2. НОГАЙСКАЯ ОРДА

Ногайская Орда известна как одно из самых многолюдных государственных образований на территории Западного Дешта. Существуют различные оценки численности ногаев. Наиболее фундаментальное исследование было проведено В. В. Трепавловым.

По его наблюдениям к середине XVI века в орде проживало от 720 тысяч до 960 тысяч человек. После Второй и Третьей смут население Ногайской Орды сократилось и составляло 320 тысяч человек. В конце 1620-х годов Больших Ногаев было от 80 тысяч до 120 тысяч [36, с. 493–499]. Численность населения этого постордынского государства поддерживала внешнеполитическую активность его лидеров.

В течение первой половины XIV века в результате тюркизации монгольских племен Чагатайского улуса и Улуса Джучи (Золотой Орды) появились тюрки-мангыты. В. В. Трепавлов объясняет это тем, что тюрки, проживавшие на территории, выделенной в качестве юрта для кочевания представителей монгольского племени мангутов, родственного клану борджигин Чингисхана, приняли их этническое имя, а сами мангуты восприняли язык и культуру кипчаков. По всей видимости, этот процесс произошел на территории Чагатайского улуса, хотя время подкочевки туда самих мангутов на данный

момент не установлено. Одной из наиболее сложных проблем ногайской истории является вопрос о времени и причинах появления мангытов на реке Урал. Резонно, что такие перекочевки между улусами не могли происходить в период их расцвета и связаны как с общим процессом дезинтеграции постмонгольского пространства в 1350–60-е годы, так и с ослаблением Чагатайского улуса. Кочевники с его территории начали осваивать восточные пространства Золотой Орды, где пребывали Джучиды из родов Шибана и Тука-Тимура. В результате местные династии вынуждены были решать вопросы с расселением пришлых племен и их интеграцией в состав узбеков, как к этому времени начинают называть кочевников из Восточного Дешта. Если опираться прежде всего на письменные источники, а не на более поздние фольклорные версии, то складывается впечатление, что в 1360-е годы, в начале Великой Замятни, отдельные группы мангытов сперва оказались на Волге, потом откочевали с Мамаем в Крым, а после его разгрома Тохтамышем появились на Северо-Западном Кавказе. При этом миграции затронули отнюдь не всех мангытов, поскольку многие из них оставались в присырдарьинском регионе и Восточном Деште [36, с. 52–62].

Появление мангытов на реке Урал и формирование здесь Мангытского юрта необходимо связывать с деятельностью Эдиге (Эдигея, Едигея, Идигея). Он, как и его брат Иса и Кепек-мангыт, были из тех представителей этого племени, которые остались в Центральной Азии и приняли

участие в борьбе за власть в 1370–90-х годах между Тимуром (Тамерланом) и представителями Тука-Тимуридов Урусом и Токтамышем. Братья в начале 1370-х годов входили в окружение хана Уруса, но после 1376 года заняли стабильное место при Токтамыше, вытеснив постепенно своих соперников из числа барынов и конгратов. Однако, в отличие от Исы, который всегда оставался сторонником этого хана, Идегей в 1389 году перешел на сторону Тамерлана, сопровождал и, возможно, был проводником его армии во время похода 1391 года на Золотую Орду. Вскоре после этого Идегей с родствен-

ником Уруса Тимур-Кутлугом откочевали «в такие места, добираться до которых тяжело и опасно». Сюда же он призвал своих сторонников и друзей из левого крыла, которые ушли от Тимура. В результате мангыты во главе с Эдигеем оказались между реками Яик (Урал) и Эмба в Западном Казахстане. При этом резиденция главы Юрты была размещена в Сарайчике, единственном крупном ордынском городе в этом регионе. Откочевка заложила основу формирования Мангытского юрта (будущей Ногайской Орды), к которому позднее могли присоединиться и соплеменники с Кавказа

Вадим Винцерович Трепавлов (род. 10. 12. 1960) — российский историк, профессор, кандидат исторических наук (1988), доктор исторических наук (2002). Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений. В 1983 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета. В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в.». В 1987–1988 годах был научным сотрудником Института истории и археологии Уральского отделения Академии

наук СССР, с 1988 года — сотрудник Института истории СССР. В 2002 году защитил докторскую диссертацию по теме «История Ногайской Орды». Входит в состав экспертного совета ВАК РФ по истории (с 2013). Член редколлегии журналов «Российская история», «Этнографическое обозрение», «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН», а также периодических изданий — «История народов России в исследованиях и документах» и «Тюркологический сборник». Автор и член авторских коллективов более 600 научных публикаций, в том числе 18 монографий и сборников материалов по вопросам истории Ногайской Орды, Сибирского ханства и др.

и иных территорий. Понятно, что в составе юрта были представители не только титульного клана, но и других племен «заяицких» узбеков. На момент образования Мангытский юрт являлся автономным образованием внутри Улуса Джучи и не обладал независимостью [9, с. 206–212, 334–342; 36, с. 63–73].

В. В. Трепавлов делает предположение, что в 1396 или 1397 году Эдигей получил от Токтамыша, незадолго до этого потерпевшего сокрушительное поражение от Тимура, тархан (налоговый иммунитет) [36, с. 76]. Временное примирение (возможно, при

Идегей. Реконструкция М. В. Горелика

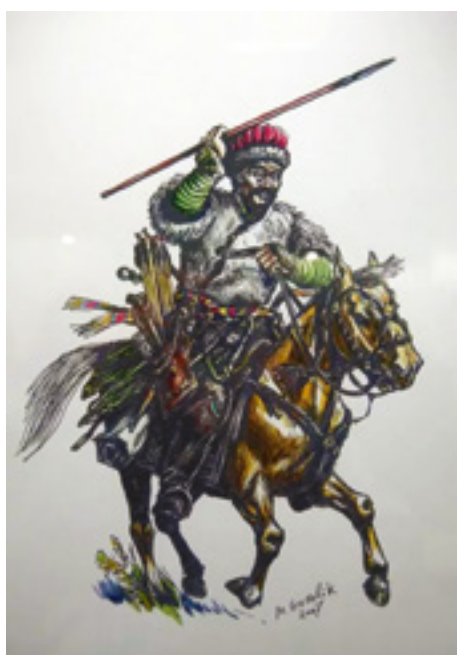

Токтамышны генералы цршадниккисъ
 цуклацршадниккисъ
 шаццннкн
 рикон
 зель

Убийство
Токтамыша
Шадибеком.
Из Лицевого
летописного
свода

Ногайский
воин.
Реконструкция
М. В. Горелика

помощи пришедшего к брату Исы) при номинальном признании власти хана привело к постепенному увеличению территории юрта до Волги [30, с. 172]. Здесь стал управлять старший сын Эдигея от его брака с дочерью Токтамыша Джанике. В этих условиях влияние мангытов в Золотой Орде стало расти, а Эдигей получил высокое положение среди золотоордынской аристократии, считаясь ее патриархом. По всей видимости, еще до 1391 года он мог стать беклярибеком, что и позволило ему отдать приказ об откочевке всем племенам левого крыла [36, с. 78–80]. Однако сложно сказать, сохранился ли за ним этот титул при Тохтамыше, несмотря на полученное тарханство, или он был наместником левого крыла. Военные конфликты Эдигея с Тохтамышем в конце 1390-х — начале 1400-х годов свидетельствуют о том, что его беклярибекство было связано с иными ордынскими ханами, в частности с Тука-Тимуридами — Тимур-Кутлугом (1395–1399) и его двоюродным братом Шадибеком (1400–1407).

В начале XV века ханы Шадибек и Чекре (1407–1414), получившие престол при поддержке Эдигея, по всей видимости, расширили сферу влияния к северу от Мангытского юрта — на территории Шибанидов в Приуралье и на юге Западной Сибири. Связано это было с двумя событиями, нашедшими отражение в письменных источниках. После поражения на Ворскле в 1399 году Токтамыш отступил на север, в Булгар или Тюменский вилайет. В результате он был убит «в Сибирской земле близ Тюмени» в 1406 году ханом Шадибеком [28, с. 82]. В 1412–1413 годах бек Эдигей вместе с Чекре совершили «поход» в Сибирь. Участник этого похода, баварский солдат Иоганн Шильтбергер, не упоминает о военных столкновениях. Напротив, он указывает, что наместник Сибири (должность, возможно, аналогичная судьям более раннего или хакимам более позднего времени, сидевшим в Чимги-Туре) прислал подарки (мужчину и женщину из местных дикарей) [41, с. 34–35]. Оба этих события и отсутствие упоминаний о шибанидских ханах этого времени явно говорят о подчинении рассматриваемой территории Тука-Тимуридам и связанному с ними лидеру Мангытского юрта Эдигею.

Несмотря на опору именно на Тука-Тимуридов, в 1419 году в ходе столкновений с Кадыр-Берди ибн

Шибанские ханы и мангытские бии в XV веке. Кадыр Алибек пишет, что после гибели Эдигея в битве его сын Мансур, выполняя обещание отца, провозгласил Хаджи-Мухаммада ханом, а сам стал при нем беком [3, с. 231–232]. Несмотря на временный уход к хану Бараку, внуку Урусая, в 1426 или 1427 году Мансур возвратился к Шибаниду, вскоре после чего был убит. После смерти Мансура лидеры Мангытского эяла стали его братья Гази и Науруз [36, с. 94], которые также обратились за помощью к Хаджи-Мухаммаду против Барака. Затем Гази стал беклярибеком при Шибаниде Джумадуке. Конфликт с ханом и его беклярибеком стал причиной восстания кочевой знати во главе с Кепекходжой-мангытом и Умар-бий-буркутом. Сложно сказать, был ли это тот же Кепек, который за несколько десятилетий до этого был сторонником Урусая. В ходе битвы шестнадцатилетний Абу-л-Хайр оказался у Сарыг-Шиман-мангыта, еще одного из лидеров восставших, и после зимовки весной 1430 года был провозглашен ханом [16, с. 140–142]. Лидер Мангытского юрта Ваккас как минимум дважды

был беклярибеком этого хана. Скорее всего, это произошло в 1430 и 1446–1449 годах, то есть во время воцарения хана, походов на Сыгнак и захвата «трона Саинхана» во время похода на братьев Ахмада и Махмуда. Другие представители мангытов находились в окружении Абу-л-Хайра на всем протяжении его правления, что обеспечило и выбор одной из жен именно из этого клана [13; 16, с. 143–145]. Наиболее тесные связи с Эдигеевцами были у следующего «шибанского» хана Ибрахима (1469–1493/5), внука Хаджи-Мухаммада. По предположению В. В. Трепавлова, дочь Ибака была первой женой Мусы ибн Ваккаса [36, с. 145]. Это позволило Ибрахиму и в дальнейшем его брату Мамуку (1493/5–1499) называться ногайскими царями и проводить чрезвычайно активную внешнюю политику в Поволжье, о чем подробно рассказано в разделе о Тюменском и Сибирском ханствах. В свою очередь ногаи с помощью брачных и политических связей с потомками Шибана сумели легитимизировать свое государство и придать законный характер своим претензиям на территории Большой Орды и Казанского ханства.

Иоганн Шильтбергер (1381 — ок. 1440) — немецкий путешественник. Служил оруженосцем у рыцаря Линхарта Рехартингера, с которым участвовал в битве с турками у Никополя в 1396 году, во время которой попал в плен. После разгрома войск османского султана Баязида Тамерланом в 1402 году оказался в плену у «железного хромца», после его смерти находился при Тимуридах. В 1412–1413 годах оказался в составе военного отряда Эдигея и его нового ставленника Чекре-хана. Всего провел «среди язычников» более тридцати лет. Вернулся в Германию

только в 1427 году. За время своих странствий посетил Грецию, Малую Азию, Персию, Грузию, Золотую Орду, Армению, владения Тимуридов в Центральной Азии. После освобождения написал свои воспоминания, которые впервые были изданы в Майнце в 1475 году. Составленные им описания его походов и приключений пользовались большим успехом и в XV веке выдержали четыре издания (три — без даты, одно — в 1494 году). Вернувшись в Баварию, служил камергером у герцога Альбрехта II Благочестивого.

Токтамыш-бий был вынужден обратиться за поддержкой к оглану Хаджи-Мухаммаду Шибаниду. Он стал последним из ханов, поставленных на престол Эдигеем [3, с. 231–232]. После гибели Эдигея в битве с Кадыр-Берди в том же году его сыновья Кейкубад и Нур ад-Дин «ушли в вилайет Тура и поселились среди народа под названием башкурд» [24, с. 173]. Уже в 1420-е годы Хаджи-Мухаммад захватил «Шехр-и Тура» с расположенными вокруг него «мангытскими селениями» [14, с. 122; 19, с. 65]. По сути, в 1420-е годы большая часть земель Северного Казахстана и Юго-Западной Сибири постепенно концентрируются именно в руках Шибанидов. При этом договор Эдигея с Хаджи-Мухаммадом заложил длительную традицию беклярибекства Эдигеевичей при шибанидских ханах и влияния мангытов на приуральских и зауральских территориях.

Тесные связи с Шибанидами привели к постепенному расселению ногаев на территории владений этих династий. В. В. Трепавлов отмечает, что первые данные о ногайских мирзах в Башкирии относятся к 1489 году, когда Ямгурчи кочевал по реке Белой (Агидель), левому притоку Камы [36, с. 469]. Это привело ногаев к непосредственному пограничью Казанского ханства. К концу XV — началу XVI века Ногайская Орда сумела занять прочное место в системе международных отношений Западного Дешта. Более того, благодаря своим ресурсам

это степное вожество стало заметным элементом в этой региональной системе. В то время определились основные геополитические интересы и цели внешней политики Мангытского юрта. К таковым, без сомнения, можно причислить: Среднее Поволжье, правобережье Волги, контроль над Хаджитарханом и волжскими перевозами.

Одним из важнейших внешнеполитических партнеров для Ногайской Орды было Русское государство. Главным вопросом русско-ногайских отношений стал «казанский». Он был вызван протестом ногайской аристократии против смещения с престола в 1487 году Али-хана и возведения на трон Мухаммад-Эмин-хана. Активным противником этого были тюменский хан Ибрахим и зять Али-хана ногайский мирза Ямгурчи. Другой представитель ногаев, Муса-мирза, напротив, проявил склонность к союзу с Москвой ввиду брачных отношений с московским ставленником казанским ханом Мухаммад-Эмином. После 1490 года в Ногайской Орде началась борьба между Мусой и Ямгурчи, в результате которой после поражения первый из них был вынужден откочевать в Туркмению.

Ямгурчи оказался последовательным противником русской политики в Казани, до тех пор пока в 1502 году Мухаммад-Эмин не женился в Москве на его дочери Каракуш (вдове Али-хана). В это время Ямгурчи решительно начал борьбу с Москвой за влияние на Казанское ханство. В 1496 году при поддержке части казанской знати ему удалось возвести на казанский престол нового тюменского хана Мамука, но его правление оказалось недолгим. Провал политики Ямгурчи привел к возобновлению дружественных контактов ногаев с Россией, однако окончательное примирение произошло только в 1501 году. Итогами переговоров стали шертование ногайской знати перед московским великим князем Иваном III и их отказ от борьбы за Казань.

С начала XVI века русско-ногайские дипломатические контакты были эпизодичны. Ногайская Орда поддержала антимосковский переворот в Казани в 1505 году. Впрочем, ногайско-казанский союз оказался недолгим и распался после поражения под Нижним Новгородом. Русская диплома-

тия старалась изолировать Казань от Ногайской Орды, призывая ногайскую знать не поддерживать казанцев в их борьбе с Русским государством. Ногайские аристократы, в свою очередь, предлагали свое посредничество в деле примирения Москвы и Казани. В 1508 году московские власти попытались привлечь ногаев к участию в войне с Великим княжеством Литовским, однако междоусобица в Ногайской Орде и казахское нашествие сорвали эти планы. После этого русско-ногайские связи прервались. Выступление Мухаммад-Эмин-хана против Русского государства в 1505 году ногаи активно поддержали. После возобновления русско-ногайских отношений в 1522–1523 году причиной охлаждения вновь послужили разногласия по «казанскому» вопросу. Противником Москвы выступил Мамай-мирза, зять казанского хана Сафа-Гирея, против которого были настроены московские политики. Таким образом, определяющим фактором в казанской политике Ногайской Орды являлись брачные отношения представителей ногайской аристократии с казанскими ханами.

Существенным моментом в становлении западнодештской региональной системы международных отношений была борьба с Большой Ордой. Именно эта борьба оказалась важнейшим фактором, цементирующим союзы в регионе и обеспечивающим их жизнеспособность. Однако, так как интересы Ногайской Орды, этого нового игрока, не всегда учитывались, сохранялась возможность изменений конфигураций коалиций. Такая попытка была предпринята Мусой в 1493 году, но натолкнулась на сопротивление и оказалась безуспешной.

В начале XVI века представители тюменской правящей семьи Шибанидов уходят в ногайские степи и участвуют в походах в Центральную Азию, что приводит к сокращению их влияния на зауральских и сибирских просторах. В результате к 1530-м годам они частично оказываются под контролем будущего мангытского бия Шейх-Мамай ибн Мусы, внука хана Ибрахима по линии дочери. Об этом писал С. Герберштейн: «Область Сибирь... не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик... Говорят, что эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит татарин Ших-

Мамай», а населена она тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами [4, с. 164, 181]. При нем мог находиться и брат Кутлука Муртаза, который во второй четверти XVI века, видимо, выступал в качестве тюменского династа. По всей видимости, для него старший сын Шейх-Мамай Хан-мурза пытался в 1536 году вернуть Туру, оказавшуюся под властью угорских князей [Там же, с. 164, 167; 29, с. 130–131, 155].

Таким образом, к началу XVI века положение ногаев во владениях Шибанидов на Урале и в Приуралье было не просто стабильным, они здесь начали доминировать, во многом заменяя бывших местных правителей. Некоторые из них, например бывший тюменский хан Агалак ибн Сайидек и его двоюродный брат Ак-Курт ибн Махмудек в начале XVI века или Муртаза ибн Ибрахим и его дети в 1430–50-е годы, находились при дворах Эдигеевичей и пользовались их полной поддержкой. Все это стало дополнительной основой для оформления кочевий ногаев по обеим сторонам Уральских гор и формирования так называемой Ногайской Башкирии [38, с. 95–120].

Во многом укрепление власти ногаев на рассмотренных территориях совпадает с наступившим в 1522 году кратким периодом доминирования Ногайской орды. С 1523 года ногаи вели чрезвычайно активную и агрессивную политику как против Крымского и Астраханского ханств, так и против Казахской Орды [36, с. 179, 201–203]. Среди части ногайской знати были настроения вообще уничтожить Астрахань [33, кн. 6, л. 49 об.; 35, л. 261 об.]. И это понятно: «срыв» укрепления города, ногаи планировали добиться полного контроля за волжскими перевозами и захватить кочевья по «крымской стороне» Волги. Впрочем, постепенно ногаи отказываются от столь радикальной политики, сосредоточив свои силы на удержании контроля за Хаджи-Тарханом и волжскими перевозами.

В это время в Ногайской Орде прослеживаются черты двоевластия. Известен бий орды — Агиш, но в то же время крайне влиятельным человеком был мирза Мамай, который восстановил отношения с Московским государством и выступал за уничтожение Астрахани. В. В. Трепавлов полагает, что он мог быть «правителем улуса» [36, с. 176]. Сигизмунд

Барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) — австрийский дипломат, писатель и историк. В 1499 году поступил в Венский университет, где изучал философию и право, в 16 лет получил степень бакалавра. В 1508 году во время войны с венграми был посвящен в рыцари императором Максимилианом I. С 1515 года член Имперского совета, в 1516 году получил первое дипломатическое поручение. Затем на протяжении почти сорока лет был на дипломатической службе, приняв участие в 69 посольствах в разные страны Европы, а также в Турцию. В 1532 году был возведен в баронское звание Габсбургами. Дважды посетил Русское государство: в 1517 году выступал посредником в мирных переговорах Москвы и Великого княжества

Литовского, в 1526 году — в возобновлении договора 1522 года. Продолжительность этих визитов наряду со знанием языка позволила ему изучить действительность во многом загадочного тогда для европейцев Русского государства. Результатом стала изданная в 1549 году на латинском языке книга *Reverum Moscovitarum Commentarii* (буквально «Записки о московских делах», в русской литературе обычно именуется «Записками о Московии»). В основу книги положен дипломатический отчет о России, который Герберштейн составил по итогам своего второго посольства. Источниками выступили рассказы множества русских людей, а также русская литература, в том числе «Югорский дорожник», в котором описывался путь в Печору, Югру и к реке Оби.

Сигизмунд Герберштейн в русской одежде

Герберштейн утверждал, что Ногайская Орда разделена на три княжества: первое — Сарайчук и области, прилегающие к Яику, второе — междуречье Камы, Яика и Волги, третье — часть «Сибирской области» и окрест лежащие земли. Во время его пребывания в России они управлялись соответственно Шидаком (Саид-Ахмед), Коссумом (в русских источниках — Кошум, Хаджи-Мухаммад) и Ших-Мамаем (Шейх-Мамай). Этот сюжет, скорее всего, написан под впечатлениями от поездки дипломата в Россию в 1526 году, так как описанная ситуация вряд ли могла быть в 1517 году, когда ногаи переживали острый кризис, связанный с усобицей и нашествием казахов.

Следующей большой задачей для Ногайской Орды стало стремление контролировать кочевья по правому берегу Волги. Именно за обладание ими началась борьба ногаев с Крымским ханством, которая обрела долговременный характер. Впрочем, в изучаемое время крымско-ногайское противостояние еще не стало глубоким и необратимым. Эта борьба поставила перед ногаями еще одну проблему: для действенного контроля над волж-

ским правобережьем было необходимо обладать волжскими перевозами, а следовательно, и Хаджи-Тарханом. Такая логика событий должна была привести к новой большой войне в Западном Деште, в которой одну из ведущих ролей предстояло бы сыграть Ногайской Орде. Но казахское вторжение резко изменило расстановку сил и сменило вектор международных отношений, в которых главную роль стало играть противостояние Русского государства и Крымского ханства. Смерть же казахского хана Касима в 1521 году и начавшееся изгнание казахов ногаями вернули Ногайскую Орду в водоворот международных отношений, в котором Мангытский юрт вновь был вынужден искать свое место [23].

Восстановление Ногайской Орды в 1520-е годы возродило и конфликты рубежа XV–XVI веков, среди которых заметную роль играло противостояние ногаев, астраханцев и крымцев за волжские перевозы и кочевья волжского правобережья. В 1522–1523 годах на фоне астраханского разгрома крымского хана Мухаммед-Гирея ногаи вторглись на Крымский полуостров и осадили Астрахань. Осадив города, ногаи и мангыты устроили тотальный грабеж этих местностей [33, кн. 6., л. 33; 35, л. 260]. В июле 1523 года мирза Мамай с союзниками был разбит, что успокоило ногайско-астраханские отношения, но враждебность к Крымскому ханству сохранялась. 15 февраля 1524 года волошский посол сообщил крымцам о поездке Агиша и мирз в Великое княжество Литовское. Они требовали отдать им последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмада, за что предлагали литовцам крепкую дружбу. Ногаи обещали разорить Крым, а города Очаков и Ислам-Кермен отдать королю [35, л. 286 об.— 287]. По словам хорезмийского историка Утемиш-хаджи ибн Маулана, Мухаммед Дости Шейх-Ахмад выбрался из вилайета Король (то есть Великого княжества Литовского) и «пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан» [39, с. 96]. По мнению И. В. Зайцева, хан правил между 1525 и 1528 годами и не сыграл заметной роли в тех событиях [7, с. 107–108, 249; 8, с. 45].

Восточные воины XVI века.
Реконструкция М. В. Горелика

Таким образом, с 1523 года ногаи вели чрезвычайно активную и агрессивную политику как против Крымского и Астраханского ханств, так и против Казахской Орды [36, с. 179, 201–203]. К 1524 году стало заметным смещение векторов крымской и астраханской политики в Ногайской Орде. Именно в это время начались брачные переговоры крымского хана Саадет-Гирей с Хаджи-Мухаммад-бием. В феврале 1525 года в Крым прибыло посольство от потенциального тестя с требованием калыма. Саадет-Гирей обещал отдать его после приезда невесты и призвал ногаев к походу на Русское государство. Из крымской посольской книги известно о ногайско-астраханском союзе и противоборстве с казахами [33, кн. 6, л. 84–84 об.]. Итак, мы видим постепенную нормализацию отношений Ногайской Орды с другими тюрко-татарскими государствами. Очевидно, тогда же был возобновлен ногайско-казанский союз, следствием чего стало совместное выступление против русских в июле 1530 года. Изгнание в мае 1531 года хана Сафа-Гирея и возведение казанцами при русской поддержке на престол Джан-Али несколько скорректировали русско-ногайские отношения. Новый казанский хан женился на Сююмбике, дочери ногайского мирзы Юсуфа, но влияние на Среднее Поволжье осталось одной из задач ногайской внешней политики. Крайним выражением возросших амбиций Мангытского юрта стала деятельность ногайского бия Саид-Ахмада.

Саид-Ахмад был избран бием на совещании знати не ранее 1530-х годов и не имел общей поддержки. Однако, несмотря на это, он проводил весьма активную политику, суть которой состояла в возвышении Ногайской Орды. Так, он утверждал, что именно Ногайская Орда является наследницей Большой Орды, требовал дань с Московского государства. Претензии Саид-Ахмада встретили отпор со стороны Москвы и Крымского ханства. В его правление конфликт с Астраханским ханством возобновился. Сохранялся антиказахский вектор внешней политики Ногайской Орды [20; 21, с. 180–181; 36, с. 201–233].

В июле 1530 года в отражении русского наступления на Казань приняли участие и ногаи.

На помощь Сафа-Гирей-хану Мамай-мирза (ранее выдавший за него свою дочь) прислал своего сына с отрядом [25, с. 47; 27, с. 406]. После этого русско-ногайские отношения приобрели резко враждебный характер. В целом этот кризис был преодолен в ходе переговоров 1534 года, но надо отметить, что в течение 1534–1538 годов русско-ногайские отношения находились в высокой степени напряженными. Сохранялась напряженность и в ногайско-астраханских отношениях. В 1534 году Ислам-Гирей-султан объединился с астраханцами против Ногайской Орды. Ногаи не вполне поверили этому сообщению, но послали посольство в Астрахань и взяли аманатов («взяли с собою шертью»), которые весной 1535 года прибыли на ногайскую сторону Волги. Впрочем, несмотря на дипломатический диалог, стороны не верили друг другу. В Астрахани опасались, что ногаи хотят захватить город обманом [29, с. 128]. К этому же времени относятся попытки обоснования «великодержавных» претензий ногайского бия Саид-Ахмада тем, что ногаи захватили юрт Большой Орды [Там же, с. 131]. Конечно, такие притязания насторожили всех соседей. Резкую отповедь эти притязания получили из Москвы, а гораздо ближе расположенный Хаджи-Тархан начал готовится к войне.

Действия Саид-Ахмада вызывали серьезное противодействие внутри Ногайской Орды. Среди его противников выделялись потомки Ямгурчи, которые отъехали в Астрахань, и именно на них опирался в своей антиногайской политике астраханский хан. В мае 1535 года астраханцы вместе с Ямгурчевыми потомками («Агишевы дети») напали на Сарайчук, но город оказался пуст. Попытка настичь Саид-Ахмада в степи провалилась. Противников встретили отряды Шейх-Мамая. В июле того же года Саид-Ахмед нанес ответный удар. Бий планировал на сентябрь 1535 года новый поход на Астрахань, а русским предлагал прислать плененных «Ямгурчевых детей». В целом такая активность пугала подданных Саид-Ахмада, которые размышляли, что если они не победят или хотя бы не замирятся, то где им зимовать «со все де стороны недрузи ногаем» [29, с. 153]? В 1537 году ногаи захватили Хаджи-Тархан и возвели на престол власти свою креатуру — Дервиш-Али. Но успех

- Территория Ногайской Орды в период расцвета - Основные направления ногайских набегов и районы «козакования» ногайских мура - Крупнейшие походы ногаев в 20–80-х гг. - Осады городов «Ногайская бойня» — разгром ногаев крымским войском - Основные районы кочевой ногаев Казыева улуса (с 60-х гг. XVI в.) - Основные районы кочевой ногаев Дивеева улуса (с 60-х гг. XVI в.) «Страна мангытов» — область расселения крымских мангытов с конца XV в. - Область расселения буджакских татар и ногаев («Ахорманских казаков») - Территория Закамья, находившаяся в совместном владении казанских ханов и ногайских биев (1535–1552 гг.)	- Съезд ногайских мир и реформа управления Юртом (разделение на центр и крылья) - Ставка башкирского наместника-татарского хана, формального сюзерена Ногайского Юрта (г.о. Шибаниды и казахские ханы) и перенос ставки Башкирского наместника на Змбу после 1574 г. - Улусы Ногайского Юрта - Столица Ногайского Юрта - Летняя ставка Нурадина в 1535–1550 гг. - Главные переправы через Волгу и Каму ① Самарский перевоз ② Овечьи брод ③ Переволока ④ Астраханская переправа ⑤ Лаишев перевоз - Оседлое население Ногайской Орды (тумаки) - Маршруты сезонных перекочевок ногаев - К кыслав (зимовье) - Я яйлав (летовье)	- Основные зверовые угодья (длинной охоты на сайгаков) - Основные рыболовные угодья - Районы посева проса и бахчи - Места соледобычи - Основные торговые пути ① Казанская дорога ② Ордобазарная дорога ③ Большая Саратовская дорога (с конца XVI в.) ④ Бухарская (Ургенчская) дорога ⑤ Мелекеская дорога - Крупнейшие конские ярмарки - Таможни - Центры работорговли - Стационарные поселения на территории Ногайского Юрта - Ханства, платившие «выход»

Границы государств	Откочевка части сибирских татар («Тайбугин Юрт») в ногайские владения в 1590-е гг.
Русского государства к сер XVI в.	Шляхи крымских татар и ногаев
Русского государства к концу XVI в.	Русские крепости, построенные в XVI в.
Казанского ханства (до 1552 г.)	Большая засечная черта к концу XVI в.
Астраханского ханства (до 1556 г.)	Русские сторожевые разъезды в конце XVI в.
Сибирского ханства (до 1586 г.)	Народы
примерные границы формальных владений Крымского ханства	Области зимовий
Речи Посполитой в конце XVI в.	
Казанского ханства	
Ургеннского ханства (до 1590 г.)	
Турецких владений	
Иранских владений	
Границы Русского государства Крымского Юрта на Крымской стороне (они не были определены)	
Населенные пункты	
Столицы государств	
прочие города	

оказался кратким и уже летом 1539 года Дервиш-Али был изгнан [7, с. 128].

Только к весне или лету 1537 года Саид-Ахмаду удалось преодолеть внутреннюю оппозицию, и наконец-то собрался общий съезд. Именно на этом съезде была реформирована система управления ордой. Бий Саид-Ахмад признан равным по положению хану, его наследником объявлен Шейх-Мамай, беклярибеком стал Хаджи-Мухаммад, а его наследником в итоге — Юсуф. Такая система и титулование входили в очевидное противоречие со сложившейся практикой, когда ханом мог быть только потомок Джучи. Поэтому неудивительно, что в таком виде нововведения не были признаны ни в Московском государстве, ни в Крымском ханстве. Вместе с тем фактическое закрепление в Ногайской Орде крылевой системы, распределение властных полномочий в крыльях между ногайскими аристократами и изобретение собственной оригинальной титулатуры возражения не вызвали. Правителем восточного крыла стал Шейх-Мамай, получивший титул кековата, происходивший от Кей-Кавада (сына Эдигея); правитель западного крыла Хаджи-Мухаммад стал именоваться нурадином, данный титул был связан со знаменитым сыном Эдигея — Нур ад-Дином. Эта реформа Саид-Ахмада привела к превращению рыхлого объединения кочевников в стабильное кочевое владение, появилось территориальное деление, относительно упорядоченная система власти. Именно поэтому В. В. Трепавлов склонен считать вторую половину 1530-х годов временем окончательного оформления ногайской державы [36, с. 186–197].

На рубеже 1530–40-х годов в Ногайской Орде произошел переворот, и Саид-Ахмад был смещен своим братом Шейх-Мамаем. В. В. Трепавлов считает переворот следствием развития властных амбиций Шейх-Мамаея. Его положение не отличалось стабильностью, поскольку он не получил утверждения своего бийского статуса на съезде мирз. Только в 1548 году Шейх-Мамай смог добиться общего согласия, и была проведена церемония возведения его в ранг бия [Там же, с. 199–201].

Карта Ногайской орды периода расцвета. 1530–80-е годы

Сложности в правящей семье Ногайской Орды привели к потере некоторых принципиальных территорий. В 1547 году крымцы захватили Хаджи-Тархан. Сахиб-Гирей-хан первоначально планировал оставить этот юрт за собой, но потом покинул это «место недоброе». Население Хаджи-Тархана было угнано в Крым [33, кн. 9, л. 57–57 об.]. Политика Сахиб-Гирея резко расстроила крымско-ногайские отношения. У ногайских мирз вызвало негодование разорение Хаджи-Тархана. «Мы деи и прежде Астрохан взяли, да не розорили», — укоряли они хана. Впрочем, причина столь резкой реакции крылась не только в опасениях за будущность города. Ногайские мирзы настаивали на принадлежности кочевий по Днепру именно им, а не крымцам [Там же, л. 53]. В свою очередь Сахиб-Гирей-хан после захвата Хаджи-Тархана объявил ногаев своими вассалами [Там же, л. 57–57 об.]. В целом противоречия двух держав в Нижнем Поволжье достигли высшей точки и грозили разразиться войной.

Весной 1549 года Шейх-Мамай умер, его сменил Юсуф, отличавшийся глубокой религиозностью. Его правление отличалось сложным сочетанием внешне- и внутривосточной напряженности. Ногайской Орде угрожали дети свергнутого Саид-Ахмада, нашедшие приют в Ургенче, и поэтому ногаям приходилось опасаться их нападения. Сохранялись напряженные отношения с Крымским ханством. Последовательно ухудшались отношения и с Московским государством. Дополнительным дестабилизирующим фактором стало чрезвычайное разрастание правящей семьи. Так, В. М. Жирмунский полагал, что правящий ногайский род насчитывал 150–180 человек [6, с. 433]. Именно поэтому Юсуф постарался вывести на первый план свой статус общеордынского правителя, отодвигая в тень ранг бия как главы Мангытского юрта. Это проявилось, во-первых, в использовании титула «беклярибек», что отразилось в русских документах в форме «князем князь», а также в возвращении к старой практике возведения на трон фиктивного хана [36, с. 236].

Второй важнейшей фигурой в ногайской власти стал брат Юсуфа — Исмаил, который фактически являлся его соправителем [Там же, с. 239]. Совмест-

но им удавалось поддерживать сплоченность внутри правящего рода и, соответственно, сохранять внутренний мир в Ногайской Орде. Однако такая система имела и очевидные недостатки, так как при возрастании амбиций любого члена этого дуумвирата достигнутая стабильность была бы опрокинута. Именно это и произошло в 1554 году. Традиционно в историографии это противоборство объясняется разностью политической и экономической ориентации братьев. Б.-А. Б. Кочекаев писал, что в Ногайской Орде действовали две партии: промосковская, в которую входили западные кочевья Ногайской Орды, и среднеазиатская, включавшая в себя восточные кочевья ногаев [11, с. 75]. А. Исин указывает, что Юсуф опирался на восточное крыло своей державы. Доводы исследователя базируются на факте экономической дифференциации крыльев Ногайской Орды, когда западные кочевья тяготели к московским рынкам, а восточные — к Бухаре [10, с. 81]. Автором подобной концепции являлся сам Исмаил. Во время похода Юсуфа на Россию летом 1554 года Исмаил произнес знаменитые слова, что его люди торгуют с Москвой, а бийские — с Бухарой. «И только мне завоеватца и мне самому ходити нагу, а которые люди мерети и тем и саванов не будет» [34, кн. 4, л. 191]. Как видим, нурадин отмечал экономические связи с узбеками только для Юсуфа. Во-вторых, экономические связи восточного крыла со Средней Азией, естественно происшедшие из географической близости, в середине XVI века должны были быть сильно затруднены из-за жесткой междоусобицы в Бухарском ханстве [40, с. 131–155]. В пользу этого предположения говорит весьма серьезная заинтересованность в улучшении русско-ногайских отношений правителя восточного крыла Касима, отчетливо проявившаяся как раз около 1551 года. Известно, что с 1553 года в результате снежной зимы тебеневка оказалась невозможна, и начался падеж коней в западном крыле Ногайской Орды. Поэтому междоусобица в Ногайской Орде оказалась итогом сочетания экологических, экономических и политических факторов.

Скрытое противостояние в 1554 году перешло в открытую форму и закончилось убийством Юсуфа. Исмаил стал бием, но признан был не всеми, и Ногайская Орда вновь скатилась в междоусоби-

цу, которую характеризуют как Вторую ногайскую смуту. Этот период в истории Ногайской Орды занимает продолжительное время и имеет абсолютно негативный характер. Ход междоусобицы был отягощен голодом. В итоге Ногайская Орда пережила глубокую демографическую катастрофу. Усилился отток населения в сопредельные страны, особенно заметными стали миграции ногаев в Крымское ханство и Московское государство. Начался процесс распада Орды. На Северо-Западном Кавказе образовалась Малая Ногайская Орда, все больше обособливались восточные владения, хотя ногайские бии сохраняли свой сюзеренитет над этими землями. Некогда степная «империя» ногаев превратилась в уменьшенную копию — Большую Ногайскую Орду [36, с. 270–310].

Кардинальные изменения в Поволжье в 1552–1556 годах также создали в регионе новую реальность, в которой доминирующую роль играло уже Русское государство. Теперь ногайские династии были вынуждены искать новые способы удовлетворения своих претензий на волжскую дельту. Поползновения же на обладание правым берегом Волги из-за глубокого политического и хозяйственного кризиса ногайскому бию Исмаилу пришлось прекратить. Исмаил и его окружение в связи с откочевками людей за Волгу даже просили русские власти отменить волжские перевозки беглецов. Охрана речных перевозов была установлена в начале 1557 года. Отряд атамана Ляпуна Филимонова охранял волжскую Переволоку, а отряд стрелецкого сотника Степана Кобелева стоял на Иргизе. Однако основная задача — «беречи Нагай от Русских казаков и от Крымских» — неожиданно оказалась трудновыполнимой. В мае 1557 года казаки взбунтовались, убили Филимонова. В ответ царское правительство было вынуждено начать борьбу с ними, что, естественно, ослабило контроль над перевозами [25, с. 279, 283]. Астраханские воеводы постепенно пошли на сворачивание охраны перевозов, что вызывало сопротивление ногайских династий, озабоченных сохранением в своем ведении своих подданных. Ногаи активно стали требовать от русских постройки крепостей по Волге для контроля над переправами [5].

Таким образом, к концу 1550-х годов Ногайская Орда отказалась от своих притязаний на правый берег Волги. Впрочем, борьба за право обладания дельтой Волги, а точнее Бузаном, достигла своего накала именно в это время. Исмаил и его окружение старались, используя факт союзнических отношений с Москвой, добиться права на обладание Бузаном по всему его течению. Однако царское правительство непреклонно отстаивало интересы своих новых подданных — астраханцев. «...По своей стороне по за Бузану люди своих кочевати велел, а за Бузан бы к Астороханской стороне люди его не перелазили и в рыбные ловли у наших астороханских людей не вступались», — писалось в царском наказе воеводам [34, кн. 7, л. 14–14 об.]. Жесткая позиция царского правительства и неспособность ногаев самостоятельно добиться пересмотра сложившейся ситуации привели к тому, что к 1560-м годам западная граница Ногайской Орды окончательно стабилизировалась [21].

Приемники Исмаила, его сыновья Дин-Ахмад и Урус, искали возможность вывести свою державу из этого глубочайшего кризиса и спасти ее. Признание Дин-Ахмада базировалось на традиции уважения статуса бия и признании верховенства потомства Исмаила, а также на том, что в его подчинении были самые многочисленны племена (эли). Дин-Ахмад стремился собрать всех мирз — потомков Исмаила вокруг себя, для этого он раздавал лояльным себе аристократам различные блага, которые получал в основном от Русского государства. Именно поэтому он стремился поддерживать с русскими добрососедские отношения: это позволяло ему защищать тех своих родственников, которые враждовали с Москвой. Однако его политика балансирования между интересами разных группировок постепенно стала сдавать сбои. Так, в 1575 или 1576 году начались новые конфликты между ногайскими аристократами, но самым опасным стал разрыв между Дин-Ахмадом и его братом Урусом, правителем западного крыла орды (нурадином) в конце 1570-х годов. От нового витка усобицы ногаев спасла смерть Дин-Ахмеда в мае 1578 года [36, с. 312–319].

Урус сместил вектор русской политики Ногайской Орды от в целом миролюбивого сосуществования к жесткому противостоянию. Но подобная политика не имела общей поддержки в среде ногайской знати. Противником Уруса в этом вопросе был его племянник Ураз-Мухаммад. Это противостояние привело к некоей «смуте и розни», глухие сведения о которой сохранились в русских дипломатических документах. Московские политики всячески поощряли лояльность Ураз-Мухаммеда и его сторонников. Это приводило к тому, что именно его подданные оказывались в наиболее выгодном положении, что привело к притоку к нему других ногаев. В этих условиях влияние Уруса стало падать, а число соратников Ураз-Мухаммеда, напротив, росло.

Весной — летом 1584 года представители бывшего Тайбугина юрта, кочевавшие вместе с Кучумом и поддерживавшие его, отступили в ногайские степи, во владения ханского зятя Ураз-Мухаммада [38, с. 74]. В результате для удовлетворения его властных амбиций для него был создан ранг тайбуги

(третий по статусу у ногаев; по имени легендарного основателя династии сибирских князей Тайбугидов) и отдана под его управление северо-восточная область Ногайской Орды (точная территория неизвестна, но, возможно, размещалась она в верховьях Ишима и Тобола). С этого времени Ураз-Мухаммад несколько «охладел» к Московскому государству, что отразилось и в распределении «жалованья». В целом к концу 1580-х годов произошло размежевание мирз, можно говорить о латентном процессе распада Большой Ногайской Орды. В условиях дезинтеграции и откочевки мирз Эдигеевичей в сопредельные страны начался рост социальной роли немангытской племенной знати (хотя отдельные проявления этого процесса стали заметны еще ранее, во второй половине 1550-х годов) [36, с. 319–329].

На фоне жесточайшего внутреннего кризиса международное положение Ногайской Орды ухудшилось. В целом началась провинциализация положения ногайской державы. В годы правления

Приход Шибанидов к власти в Искере: ногайский след. В январе 1555 года в Москву пришло первое посольство от сибирского князя Едигера, которое шертвовало русскому царю и предлагало ему взять Сибирь под «свою руку», а также наложить на нее дань. Практически в это же время в Москву прибыло еще одно посольство — от нового ногайского бия Исмаила, который вел про-русскую политику, и его союзников, в частности сыновей Шейх-Мамаю — кековата Касима и его брата Бия [36, с. 275]. Именно при дворе Шейх-Мамаю воспитывались Ахмад-Гирей и Кучум, сыновья старшего из представителей сибирской ханской семьи Муртазы ибн Ибрахим-хана [36, с. 199]. Оба они в разное время были наместниками Ногайской Башкирии. Однако связи с ногаями имели не только тюменские

Шибаниды, но и сибирские Тайбугиды. По одним источникам, на сестре Исмаила был женат сибирский бек Казым [Там же, с. 310], по другим данным, сам Едигер ибн Казым был женат на дочери бия Исмаила [31, с. 323]. В ходе столкновений летом 1555 года Касим был убит, что еще теснее связало его родственников и Исмаила. Во главе Шихмаевичей встал брат убитого Бий, что подтверждается и его участием в переписке Исмаила с Москвой в ноябре 1555 года. Однако в июне 1556 года Исмаил поссорился с Шихмаевичами, в ходе дальнейших столкновений Шихмаевичи потерпели поражение и отступили на территории, подконтрольные казахскому хану [36, с. 278–281]. Именно летом 1556 года было зафиксировано первое нападение на Искер неизвестного шибанского царевича [26]. Дальнейшая борьба за Сибирь, в резуль-

тате которой в 1563 году на сибирский престол местные «лучшие люди» пригласили Ахмад-Гирея Шибанида, явно была следствием более сложного регионального конфликта между Исмаилом, союзником которого был, видимо, Едигер, и Шихмаевичами. Недаром в сентябре 1563 года русский царь именно Исмаилу выговаривал: «...зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта доступати, и за то ему мстити» [31, с. 323]. По всей видимости, Едигер незадолго до этого скончался, поскольку Исмаил пытался организовать новые русско-сибирские переговоры именно для сибирского царя, но сам вскоре скончался. В результате позиция Шихмаевичей перевесила, что стало дополнительным фактором в возвращении Шибанидов в Сибирь [12]. Связи сибирских правителей с но-

гаями укрепились в конце 1570-х годов. Летом 1577 года дочь Кучума была выдана замуж за Ак-мирзу, нового лидера потомков Шейх-Мамаю. Старший сын Кучума Алей примерно в это же время женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмада [32, с. 189, 193]. Матримониальные планы хана были гораздо шире, поскольку Кучум и его сын Канай женились на дочерях бия Уруса, а сын последнего Джан-Арслан, видимо, был женат на дочери Кучума [1, с. 84; 36, с. 375; 37, с. 43]. По подсчетам В. В. Трепавлова, «по меньшей мере четверо... ногайских мирз женились на дочерях Кучума, а сам он взял за себя ногайскую “княжну”». Например, на дочери Кучума Карамыш был женат Ураз-Мухаммад ибн Дин-Ахмад. Часть ногайских аристократов разного уровня получили в управление волости на территории Сибирского ханства [36, с. 373].

Московская империя.
1600 год. Карта И. Магина

Исмаила, Дин-Ахмеда и Уруса предпринимались попытки актуализировать место Ногайской Орды в международной системе. Среди этих действий было и участие ногаев в войнах Московского государства [22]. Другой способ спровоцировать внимание к себе «великих держав» продемонстрировали Дин-Ахмед и особенно Урус, пытавшиеся сыграть на их противоречиях. Впрочем, все эти активные действия оказались бесплодными. После разгрома Уруса яицкими казаками в 1586 году роль Ногайской Орды в системе международных отношений стала ничтожной. Поражение вынудило ее прекратить сопротивление Российскому царству и принести присягу-шерть в Астрахани перед русскими воеводами. В 1590 году Урус был убит Малыми Ногаями. Бием, при русской поддержке, стал Ураз-Мухаммад. В 1598 году бием был провозгла-

шен новый русский ставленник Дин-Мухаммад. Роль и значение этих биев и их преемников были политически ничтожны, а сами они получали свой статус при очевидной поддержке русских властей из рук астраханских воевод. На рубеже XVI–XVII веков Ногайскую Орду охватила Третья Смута.

Победителем из Третьей смуты вышел Иштерек, которому досталась лишь жалкая совокупность раздробленных кочевых улусов на относительно небольшой территории Волго-Яицкого междуречья. Слабость ногаев проявлялась в том, что вопросы кочевания контролировали уже не сами бии, а астраханские воеводы. Параллельно с этим внутреннее противостояние, между группировками мирз, не утихало. Так, к концу 1610-х годов образовались три основные группировки мирз, а в конце 1619 года русские власти зарегистрировали очередное деление Больших Ногаев на две «половины».

Ногаи и Зауралье в начале XVII века. Тесные политические и родственные связи между мангытской аристократией и Шибанидами на протяжении XV–XVI веков, а также сам характер государственности у номадов, по всей видимости, делали абсолютно прозрачной и номинальной границу между Ногайской Ордой и Тюменским и Сибирским ханствами, которая проходила где-то по Тоболу. Ногаи свободно кочевали вплоть до Исети. В 1595 году в грамоте царя Федора Ивановича в Тару воеводе Федору Елецкому указывалось, что за ногайским мурзой Али ибн Ураз-Мухаммадом были семь волостей по Иртышу [17, с. 362]. Именно на него и Аулию Алтыула (Шихмамаевича) и стремился опереться Кучум в своем последнем противостоянии с русскими в 1595–1598 годах [2, с. 236–238].

Многие зауральские племена, например катаяцы и сынрянцы на Исети или представители Салжиутской волости, платили ногаям ясак. Судя по последующим документам, ясак с зауральских волостей Уфимского уезда и Китайской волости Тюменского уезда собирал мурза Канай ибн Динбай ибн Исмаил [18, с. 184, 194, 342].

Летом 1601 года в Тюмень пришла информация о том, что по осени («как хлеб поспеет») на Исеть в Пускурскую (Бачкурскую) волость хотели прийти до семи тысяч ногайцев во главе с детьми Уруса ибн Исмаила мурзами Ян Расланом и Алта Улышаимом. Генеалогия Урусовых

позволяет идентифицировать этих мурз именно как Джан-Арслана (одного из лидеров Урусовых в эти годы, женатого на дочери Кучума) и Балта-Барака. Они вместе с «Казакские орды люди» в 1601 году подошли к Исети и хотели использовать кочевья между Исетью и Миассом для того, чтобы оставить здесь жен, детей и «кошевных людей». Кочевья должны были стать тылом в дальнейшей войне с «Казыевым улусом, с Урмаметевыми детьми» [Там же, с. 198]. Под ними имелся в виду большой клан братьев и сыновей прорусски настроенного ногайского бия Ураз-Мухаммада, зятя Кучума. Несмотря на длительный союз этих кланов против казыевцев, в 1598 году Ураз-Мухаммад был убит в ходе столкновения с Джан-Арсланом. Вражда между этими кланами продолжалась вплоть до 1604 года [36, с. 387–392]. В описке указывается, что Урусовы хотели заключить договор с ханом Али ибн Кучумом и бывшими при нем табынцами и сынрянцами для совместного нападения на Пускурскую и Кинырскую волости. К 1606 году Урусовы, видимо, утратили свой статус в окружении Али в Тобольске и Тюмени [18, с. 198, 226].

Родственные Кучумовичам Алтыулы (Шихмаевичи) вернулись в Сибирь несколько позднее. В 1603 году на Обуге (Убагане) недалеко от хана Али зимовали 300 ногаев во главе с мурзой Урусом Алтыулова улуса. Весной он подкочевывал

к Ую, недалеко от места его впадения в Тобол, где вскоре были ограблены «Кильдемановы дети» из Терсятской волости. Тогда же была предпринята попытка организации совместного похода Али и Уруса с 1100 татарами на Тюмень, оставшаяся безуспешной в связи с ожиданием возвращения из Московии царевича Кансувара и цариц. Несмотря на это, определенная часть ногаев (видимо, и Урусовых и Алтыуловых) была при Али и в 1606 году. В 1607 году ногаи во главе с Пен-мурзой, клановую принадлежность которого определить не удается, единственный раз упоминаются в окружении другого сына Кучума — Каная. В августе 1607 года кочевье Али на Ишиме было разгромлено тюменцами, родственники Али и Азима попали в плен [18, с. 21–212, 226, 231–234]. После этого Али ушел к ногаям, скрывался у Урмаметевых, а затем попал в русский плен [37, с. 76]. В августе 1608 года мирза Урус, кочевавший ранее с Алеем, ограбил еще два юрта татарских служилых людей на Пышме, но затем был разбит за Исетью служилыми людьми того же атамана Дружины Юрьева, что ранее разбил Азима. Несмотря на это в сентябре 1610 года ногаи вновь грабили Салжиутскую волость, а затем по Миассу ушли в сторону Тюмени [18, с. 243, 256]. По всей видимости, это был последний поход ногаев на юге русских земель в Западной Сибири, не фиксируется после этого и присутствие ногаев в зауральских степях [15, с. 7–8].

Экономика Ногайской Орды. Ногаи были типичными кочевниками. Основу их экономики составляло скотоводство. Обычное соотношение видов скота у рядовых кочевников: на одну лошадь — одна корова и шесть-семь овец. Маршруты кочевий и пастбища закреплялись за определенными эями, улусами и управляемыми ими мирзами. В Ногайской Орде было два больших кочевых цикла: арало-уральский и поволжский. При арало-уральском цикле зимовка располагалась в низовьях Сырдарьи, а летовка на Яике (Урале). При поволжской системе кочевания зимовья находились в волжских низовьях, а летовки — на Самаре и Каме. Потрясения второй половины XVI века привели к изменению системы кочевания с меридиональной на широтную. Существовали у ногаев и не скотоводческие занятия: охота, рыболовство и земледелие. Впрочем, земледелие не играло существенной роли. Было у ногаев и ремесло, призванное удовлетворить минимальные потребности в утвари. Большую роль в ногайской экономике играла торговля. Основными торговыми агентами были Казанское, Астраханское и среднеазиатские ханства, а также Московское государство. Данные сохранились лишь о русско-ногайской торговле. В Россию ногаи поставляли в основном коней, сама торговля велась преимущественно в Москве.

В целом русско-ногайская торговля имела весьма существенный характер для обоих государств. Об этом свидетельствуют заинтересованность русского правительства в стимулировании ногайских мирз, чтобы те отсылали торговые караваны в Москву, а также усилия по восстановлению торговли в завоеванных областях [34, кн. 4, л. 159, 161 об.— 162, 163, 165–165 об.]. Однако тенденция ее развития оказалась регрессивной, что объясняется междуусобицей и «хозяйственной катастрофой» в Ногайской Орде в середине XVI столетия. Лошадей за описываемое время было поставлено ногаями 319 465 голов, причем за период с 1527 по 1549 год на русские рынки поступило 211 700 коней (то есть 66,26 %), а с 1551 по 1563 год — всего 33,73 %. Пошлины с ногайских купцов взимались регулярно. Освобождение от них было актом чрезвычайным и диктовалось в первую очередь политическими соображениями. Таким образом, торговля в русско-ногайских отношениях занимала важное место, но преувеличивать ее роль нельзя. Для Русского государства, несмотря на его высокую заинтересованность в ногайском конском экспорте, она была дополнительным инструментом политического воздействия на ногаев ради сохранения союзных отношений или нейтралитета.

В ходе усобиц 1619–1620 годов выделился мирза Канай, на которого Москва решила сделать ставку. Именно его мирзы и избрали бием в 1622 году, но усобицы так и не прекратились. Серьезным ударом по остаткам Большой Ногайской Орды нанесли калмыки. Под их давлением ногаи были вынуждены покинуть свои кочевья и перебраться на правый берег Волги. Последний правитель Большой Ногайской Орды, Канай, умер в 1638 году в заключении — в астраханской тюрьме. Вместе с ним исчезла и сама орда как некое государственное образование. Осколки Ногайской Орды в течение XVII века рассеялись по пространствам евразийской степи, образуя улусные потестарные структуры — орды. Самыми заметными и долговечными оказались Едисан, Едишкуль и Буджакская Орда, из ногайских кочевников сформировались каракалпаки [36, с. 329–454].

Список источников и литературы

1. Беляков А. В. Новый документ о ранней истории г. Самара // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. История. Междунар. отношения. 2014. Т. 14, № 1. С. 82–85.
2. Беляков А. В., Маслюженко Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum Plus. Археология и культур. антропология. 2016. № 6. С. 229–243.
3. Валиханов Ч. Ч. Извлечения из Джамии ат-таварих. Сборник летописей // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Алма-Ата : Гл. ред. Казах. совет. энцикл., 1984. С. 228–254.
4. Герберштейн С. Записки о Московии / под ред. В. Л. Янина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 420 с.
5. Дубман Э. Л. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2012. № 2-2 (93). С. 30–35.
6. Жирмунский В. М. Избранные труды: Тюркский героический эпос. Л. : Наука, 1974. 727 с.
7. Зайцев И. В. Астраханское ханство. М. : Вост. лит., 2004. 303 с.
8. Зайцев И. В. Шейх-Ахмад — последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы : сб. ст. в честь 100-летия проф. А. Ф. Миллера. М. : Муравей, 2003. С. 31–52.
9. Золотая Орда в источниках : в 5 т. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / сост. Р. П. Храпачевский. М. : Наука, 2003. 448 с.
10. Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV — XVI в. Семипалатинск : Тенгри, 2002. 139 с.
11. Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата : Наука, 1988. 268 с.
12. Маслюженко Д. Н. Ногайский фактор в московско-сибирских переговорах 1555–1563 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф., г. Курган, 17–18 апр. 2014 г. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 51–55.
13. Маслюженко Д. Н. Поименные списки соратников Абул-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник / под ред. Д. Н. Маслюженко, З. А. Тычинских. Вып. 3. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та. 2015. С. 44–60.
14. Маслюженко Д. Н. Сообщение Продолжателя «Чингизнаме» Утемиша-Хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 117–134.
15. Маслюженко Д. Н. Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг. // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. 2016. № 3 (41). С. 5–10.
16. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата : Наука, 1969. 652 с.
17. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. Т. 1. М. : Вост. лит., 1999. 630 с.
18. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. Т. 2. М. : Вост. лит., 2000. 796 с.
19. Миргалеев И. М. Сообщение Продолжателя «Чингизнаме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 64–66.
20. Моисеев М. В. Взаимоотношения России с Ногайской Ордой в годы регенства Елены Глинской и боярского правления (1534–1541 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С. 82–97.
21. Моисеев М. В. Западные рубежи Ногайской Орды. К истории ногайско-крымских и ногайско-астраханских отношений XVI века // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016. С. 180–182.
22. Моисеев М. В. Некоторые замечания по истории русско-ногайского военного сотрудничества [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Спец. вып. 1. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного : материалы науч. дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. 1. Статьи. Вып. 2. С. 179–187. URL: <http://www.mihlist.info/2013/03/19/moiseev>
23. Моисеев М. В. Ногайская Орда в системе международных отношений рубежа XV–XVI вв. // Золотоордын. обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 369–384.
24. Мустакимов И. Источники по истории владений Шибана и Шибанидов в золотоордынское время // История и культура татар Западной Сибири : монография. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 168–177.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Никоновская летопись. М. : ЯРК, 2000. 544 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. С. 248.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М., 2004. 704 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л. : Наука, 1982. 228 с.
29. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / подгот. текста Н. М. Рогожина. Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 1995. 356 с.
30. Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. : Евразия, 2010. 408 с.
31. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 10. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1795. 327 с.
32. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 11. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1801. 315 с.
33. Сношения России с Крымом // РГАДА Ф. 123. Оп. 1.

34. Сношения России с ногайскими татарами // РГАДА Ф. 127. Оп. 1.
35. Сношения России с Турцией // РГАДА Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1.
36. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Вост. лит., 2002. 752 с.
37. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
38. Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань : Фолиант, 2011. 252 с.
39. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме (Тарих-и Дост-султан) / факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина ; коммент. и указат. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата : Гылым, 1992. 296 с.
40. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы) / факсимиле рукоп., пер. с перс., введ., примеч., указ. М. А. Салахетдиновой. Ч. 1. М. : Наука, 1983. 155 с.
41. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / под ред. А. З. Буниятова. Баку : Элм, 1984. 88 с.

Вид с горы Ауштау.
Учалинский район
Республики Башкортостан.
2013 год. Фото: Г. Самигулов

История Южного Урала

ТОМ
глава
63

ЮЖНОЕ
ЗАУРАЛЬЕ
середины
XVI — начала
XVII века

Глава 3. ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ середины XVI — начала XVII века

Необходимые пояснения относительно социальных групп, административных границ и системы подсудности населения в рассматриваемый период

Рассматривая историю Южного Урала, Зауралья в составе Российского государства, мы неизбежно столкнемся с довольно большим количеством понятий, которые без объяснения будет достаточно сложно воспринимать. Некоторые из них знакомы читателю, но далеко не всегда мы понимаем значение этих понятий в их полноте и разнообразии. Между тем без знания значений этих терминов будет сложно понять, о чем же идет речь. Помимо терминологических тонкостей есть и просто реалии того времени, которые надо себе представлять, чтобы последующий текст не казался головоломкой. Часть таких понятий и реалий будут объясняться ниже, по ходу изложения материала, но кое с чем следует ознакомиться в самом начале.

Большая часть местного (нерусского) населения территорий Урала и Сибири, вошедших в состав Московского государства в середине XVI—начале XVII века, получило статус «ясачного» населения. Уплата ясака была обязанностью ясачных людей, но помимо этой обязанности они обладали вотчинным правом на землю, иначе говоря, владели вотчинными землями.

Вотчина, вотчинные земли — земли, которые давались некоторым категориям служилых людей за службу. Помимо этого вотчинными считались земли ясачного населения, с которых уплачивался ясак. Для ясачного населения Урала и Западной Сибири вотчинными были все земли традиционного хозяйствования. Большинство населения Южного Урала и Зауралья вошло в состав сословия ясачных людей (ясачного сословия), меньшая часть была включена в группу служилых людей (тарханы, служилые татары). Подобное разделение было характерно для тюркского населения Уфимского, Тюменского и Тобольского уездов. Вотчинные угодья у ясачного и местного

служилого населения обычно были нераздельными в рамках ясачной волости. Таким образом, основная часть территорий Уфимского, Тюменского, Верхотурского, Туринского и других уездов представляла собой вотчинные земли ясачного и, частью, служилого, населения.

Ясак — подать, обычно выплачивавшаяся населением в натуральном виде, чаще пушниной (мех соболя, куницы, белки), иногда медом. В поздний период (XVIII – XIX века) ясак могли собирать лосины-ми кожами и деньгами.

Ясачные люди — податное сословие Московского государства, позже — Российской империи.

Есть устойчивый стереотип, транслируемый в работах некоторых уфимских коллег, что якобы башкиры были уникальным народом, поскольку только башкиры обладали вотчинным правом на землю. Это абсолютно неверно — вотчинным правом пользовалось все ясачное население. Но при этом существовали довольно существенные отличия в зависимости от типа хозяйства ясачного населения. Можно выделить два основных типа для населения Урала и Зауралья: охотники и рыболовы

лесных территорий и скотоводы лесостепной и юга лесной зоны. У охотников и рыболовов владельцем вотчинных угодий являлась отдельная семья (род). У тюрков-скотоводов коллективным вотчинником являлся родо-племенной коллектив, составлявший ясачную волость [65; 66].

Ясачная волость скотоводческая представляла собой в первую очередь родо-племенной коллектив. То есть скотоводческую ясачную волость составляли люди, и уже во вторую очередь подразумевалась территория, на которой эти люди жили и хозяйствовали. Волость могла «состоять» из двух или трех несмежных участков: например, из территории постоянного проживания и территории сезонной охоты или территорий зимнего и летнего выпаса скота и охотничьих угодий. Более того, ясачное население (или часть его) могло находиться вдали от своей территории и сохранять принадлежность к своей волости. И, что очень важно, ясачные волости обычно административно никак не были связаны с русскими слободами, даже в тех случаях, когда слободы получали название, созвучное названию ясачной волости. Иначе говоря, Терсятская

ясачная волость Тюменского уезда на реке Исети не имела отношения к Терсятской слободе Тобольского уезда на Исети, хотя слобода была поставлена на землях, с которых платили ясак татары Терсятской волости Тюменского уезда. Но к этому моменту мы вернемся позже.

У ясачных волостей, в отличие от земледельческой волости, обычно не было административного центра.

Ясачная волость охотников и рыболовов состояла из ясачных семей, каждая из которых владела своими вотчинными угодьями. Вотчинные угодья также могли представлять собой два отдельных участка территории, обусловленных сезонными хозяйственными нуждами. В случае с семейными вотчинами ясачных людей выморочные угодья мог купить любой желающий, но в таком случае он принимал на себя обязанность уплаты ясака.

«Ландкарта Уфимской провинции или всему башкирскому жилью», составленная М. Пестриковым в 1736 году. Показаны все четыре дороги

Казанской провинции: Казанская, Осинская, Сибирская и Ногайская. Надписи выполнены латиницей

Основной административно-территориальной единицей в России конца XVI — начала XVIII века был уезд. Уезд включал в себя податные, земледельческие и ясачные волости. В Зауралье с 1630-х годов в качестве земледельческой волости зачастую выступала слобода, о чем подробнее будет рассказано ниже. Податное население каждого уезда подчинялось своему уездному руководству и было подсудно только в своем уезде. То есть ясачными людьми и крестьянами Тобольского уезда распо-

ряжались тобольский воевода и тобольская же приказная изба. Башкиры Уфимского уезда были подсудны в Уфе, ясачные татары и крестьяне Тюменского уезда — в Тюмени, а ясачные вогулы и крестьяне Верхотурского уезда — в Верхотурье. Разумеется, нарушения этого принципа были, но в целом подчинение и подсудность в «своем» уезде соблюдались. Ниже это будет показано.

В составе уезда могли выделяться четверти, дороги (от монгольского «даруга» — чиновник,

ведавший сбором налогов). Это были крупные подразделения: например, Уфимский уезд подразделялся на четыре дороги. Причем разделение на дороги, как показал Б. А. Азнабаев, было введено уже российскими властями в начале 1630-х годов — видимо, для удобства учета населения и сбора ясака.

Еще один весьма важный момент: в рамках практически каждого уезда существовало унифицированное обозначение ясачного населения. И в качестве такого обозначения обычно использовали те термины, которые мы привыкли считать «этнонимами»: «башкиры», «татары», «вогулы», «остяки». Так, ясачное население Уфимского уезда называлось «башкиры», а служилое — «тарханы». Ясачных людей Верхотурского уезда называли вогулами вне зависимости от того, на каком языке они разговаривали и какую религию исповедовали. А в Тобольском и Тюменском уездах были ясачные, служилые и захребетные татары, причем захребетные являлись ближайшими родственниками служилых татар и составляли своего рода кадровый резерв для пополнения рядов служащих в случае убыли.

Подробнее обо всем этом будет рассказано ниже, а здесь мы привели тезисные объяснения, которые выполняют роль справки, призванной облегчить восприятие дальнейшего текста.

Включение тюрков Зауралья в социальную и административную структуру Московского государства

К середине XVI века Южный Урал был разделен между тремя постордынскими государствами: Казанским ханством на западе, Ногайской Ордой на юге и Сибирским (Тюменским) ханством на востоке. Зачастую границы вообще не были как-либо обозначены на местности. Территорией государства считались те земли, население которых платило ясак этому государству. Но ситуация с определением границ усложняется тем, что в Ногайскую Орду, например, платили ясак жители земель по рекам Сылва и Ирень, расположенных достаточно далеко на север от основной территории ногайцев, в сфере влияния Казанского ханства. Кроме того, существовало такое явление, как «двоеданничество» — ситуация, когда население какой-то территории выплачивало ясак сразу двум государствам, например Казанскому и Сибирскому ханствам. Такие детали значительно затрудняют реконструкцию границ того или иного из упомянутых государств. Кроме того, ситуация могла меняться, как это описано в предыдущих главах: зона влияния того или иного государства могла расширяться в одни периоды и сжиматься в другие.

Южное Зауралье ко времени вхождения в состав Московского государства практически полностью было подконтрольно Сибирскому ханству. Есть интересный документ, приведенный Б. А. Азнабаевым, о башкирах Бурзянской волости, которые платили ясак из двух частей — казанской и сибирской. Это показывает, что граница влияния этих двух ханств проходила практически по среднему хребту гор Южного Урала. Южная часть — по реке Яик в районе современного Орска и ниже — была подконтрольна Ногайской Орде.

Общеизвестно, что принятие русского подданства племенами Южного Приуралья началось в 1554 году. Менее известна ситуация с принятием в том же году русского подданства князем Едигером, возглавлявшим Тюменское княжество. В 1554 году Едигер обратился к московскому царю Ивану Васильевичу с просьбой принять его со всеми подданными «под свою руку», поскольку к это-

му вынуждала обстановка: обострились отношения с соседями, и нужна была если не поддержка, то хотя бы гарантии ненападения со стороны Москвы. Иван IV челобитье принял, наложил на население Тюменского княжества ясак и к своей титулатуре добавил обозначение «Сибирские земли повелитель». В наказной памяти, данной в Москве Савлуку Турпееву, отправленному в Вильно (1555) указано: «А нечто спросят Савлука: почему царь и великий князь пишется Сибирские земли повелителем? И Савлуку говорити: Сибирская земля порядку с Казанскою землею; и как государь наш царь и великий князь взял Казань, и сибирский князь Едигер бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь и великий князь пожаловал Сибирскую землю держал за собою и ясак бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил. И государь их пожаловал, дань свою на них положил давати им с сорока тысяч человек на всякий год с всякого человека по два соболя з головы, да данщику по две белки з головы и грамоту им свою жаловальную дал... а дань с них имати на всякий год без перевода» [58, с. 38].

Впоследствии Тайбугид Едигер проигрывает войну за престол и к власти возвращаются Шейбаниды, о чем рассказано в первой главе. В 1571 году в грамоте Ивана IV (Грозного), составленной по обращению сибирского хана Кучума, сказано: «И Царь и Великий Князь Сибирского Царя грамот и его челобитье выслушал и под свою руку его и во обереганье принял, и дань на него положил, на год по тысячу соболей, да посланнику государскому, которой по дань приедет, тысячу белок». Мы можем обратить внимание, что вместо двух соболей с человека или 40 000 — с населения в этом документе речь идет лишь о тысяче соболей с Сибирского ханства вообще. То есть ясак, который обязали платить хана Кучума, носил скорее символический характер. Тем не менее у московского царя были формальные основания считать эти земли под своей рукой. Кстати, в той же грамоте 1571 года в царской титулатуре указано: «...все Сибирские земли (повелитель)» [60, с. 63]. Хан Кучум первоначально сохранял видимость подданства в отношении царя московского. Но уже в 1573 году царевич Маметкул

осуществляет набег на прикамские владения Строгановых.

В 1574 году, после похода подданных хана Кучума на Прикамье, царь Иван Васильевич дал Строгановым жалованную грамоту на обширные земли в Зауралье, включавшие территорию Южного Зауралья: «...на Тахчее и на Тоболе реке, и кои в Тобол реку озера падут, и до вершин, на усторожливом месте ослободити крепости делати, и сторожей наймовати, и вогняной наряд держати собою, и железо делати, и пашни пахати и угоды владети» [28, с. 332–233]. Причем выше в этом же документе отмечалось, что область Тахчеи хан Кучум в 1573 году «перевел» на себя, но жители этой области и раньше не платили ясак русскому царю, будучи ясачниками Ногайской Орды. В отношении Тобола указано, что там собираются ратные люди «Сибирскова салтана». То есть Строгановым была дана жалованная грамота на территории, которые находились в ведении Сибирского хана. Тем самым царь показывал свое право распоряжаться владениями за Уралом и создавал противовес, точнее, сдерживающий фактор действиям Кучума. Правда, мы не имеем сведений о реальной постройке Строгановыми хотя бы одной слободы в Зауралье.

Тахчеи — территория, упоминаемая в ряде документов XVI–XVII веков. Разные исследователи соотносили эту область с разными районами, от верховьев реки Туры до верховьев Тобола. Мы пришли к выводу, что Тахчеей называлась территория по рекам Сылва, Чусовая и частью по реке Уфе, где и сегодня проходит наиболее удобный путь через Уральский хребет. Тюркское население этой области — сылвенские татары — платили ясак в Ногайскую Орду, как и указано в документах. Для Строгановых это был к тому же наиболее прямой путь из Прикамья в Зауралье по рекам Сылва и Чусовая.

Шертъ — присяга, клятва. Давалась при принятии подданства либо по другим поводам (не злоумышлять против здоровья государя и членов его семьи, например). Существовали шертные договоры, когда присягу приносил правитель государства, например князь Едигер, и шертные записи, куда записывали списком рядовое население.

Таким образом, претензии Московского царства на территорию Зауралья существовали и до похода Ермака. Более того, в титулатуре русских царей с 1554 года присутствовала фраза «Сибирской земли повелитель». В Сибирь из Москвы ездил специальный человек за ясаком, хотя сам механизм сбора подати в известных нам источниках не прописан. С большой долей вероятности можно предположить, что непосредственно сбором ясака занимались чиновники князя Едигера, позже хана Кучума, а посланнику Ивана Грозного передавали уже оговоренное количество шкурок. Но при том что русский царь именовал себя повелителем Сибирской земли, шерсть ему приносило не все население, а только князь Едигер.

Тем не менее о начале реального принятия русского подданства населением территорий по Исети, Тоболу можно говорить после похода Ермака и последующего прихода в Сибирь войска под командованием воевод И. Н. Мясного и В. Б. Сукина, основания городов Тюмень и Тобольск. Мы говорим именно о начале процесса, поскольку, невзирая на разгром Кучума и его гибель в 1598 году, Российское государство и после этого де-факто признавало существование Сибирского ханства. Об этом свидетельствует хотя бы использование в официальных документах обозначения «царь» в отношении старшего сына Кучума — Али, который в русских источниках обычно фигурирует как «Алей».

Ни один из указанных выше походов русских войск не коснулся непосредственно территории Южного Зауралья — основные события происходили восточнее и севернее. Но поскольку здешнее население подчинялось Сибирскому хану, то после падения Искера и последующего разгрома Кучума началось постепенное вхождение Зауралья в состав Московского царства. Первые сведения о сборе ясака с населения по Исети и южнее относятся к 1586 году. В наказе, данном приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленным для встречи польского посла М. Гарабурды, в составе ясака с сибирских территорий упоминаются «белки большие... илецкие» [42, с. 49], то есть добытые в Илецком бору. А этот бор тянулся в то время от среднего течения Миасса до места впадения его в Исеть. Сегодня от него остался только

Иковско-Илецкий бор в нижнем течении Миасса. Характерно, что «белки илет» фигурировали в описаниях ясака населения татарских волостей Тюменского уезда вплоть до 1670-х годов [61, л. 172, 276].

Но перейдем собственно к процессу принятия населением Южного Урала подданства Московского государства. Относительно ситуации в Приуралье существует достаточно большое количество работ, выявлены различные источники, хотя в последнее время взгляды на вхождение этих территорий в состав Московского государства претерпевают изменения. Традиционно принято считать, что приуральские тюркские племена приняли русское подданство в 1554–1557 годах. Но в работах Б. А. Азнабаева показано, что процесс был более затяжным, и некоторые родо-племенные группы реально пришли под руку русского царя уже ближе к концу XVI века [1; 2]. С этим хорошо перекликаются претензии, высказанные ногайским владельцем Урус-бием царю Федору Иоанновичу в 1586 году: «...что ты на четырех местех хочешь города ставить: на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке. А теми места твои деды и отцы владели ли?.. Поставил те города для лиха и недружбы. Да писал еси ко мне, чтобы мне с башкурдов и с остяков дани никакие не имати... И с тех остяков не только отец мой Исмаил от Идигея князя и по се время с остяков дань мы имывали». И из другого документа: «Государь де у нас отымает ясаки с иштаков (остяков), что де имывали прежде сего, а хочет тое пошлину имать на себя» [37]. Урус-бий однозначно обозначал, что территории, о которых идет речь, в том числе по рекам Уфа и Белая (Белая Воложка), до этого контролировались ногайцами, и они собирали ясак с местного населения. И уже происходило их вытеснение с этих территорий, но Урус-бий явно не считал отход территорий к Москве уже свершившимся фактом.

Что же касается зауральского населения, проживавшего в прилегающих к горам районах, то не исключено, что часть из них приняла подданство Московского государства еще до похода Ермака, как предполагает Б. А. Азнабаев. Но вряд ли это могло принять широкие масштабы, поскольку территории эти и население, на них проживавшее, входили в состав Сибирского ханства, и убыль

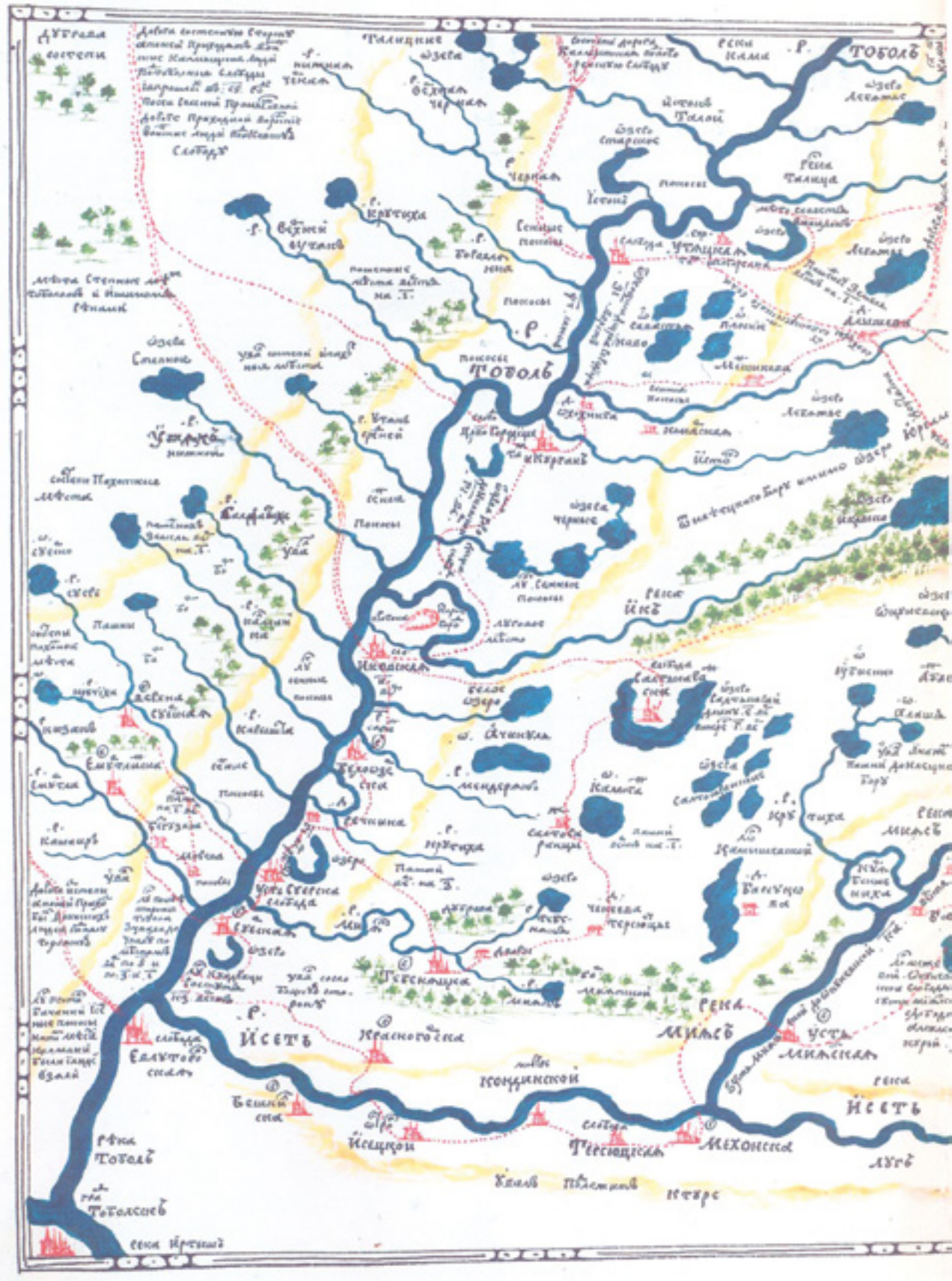
податного населения не встретила бы понимания со стороны его администрации. Кроме того, зауральское тюркское население, хоть и не было обособлено от приуральского, составляло отдельную культурно-хозяйственную общность, включавшую население от восточного склона Уральского хребта до рек Тобол, Тура и восточнее. Поэтому принятие русского подданства зауральскими тюрками относится, скорее, к периоду после похода Ермака и достаточно растянуто во времени. Причем в большей степени это касается именно населения территорий, которые сегодня относятся к Курганской и Челябинской областям Российской Федерации и Северо-Казахстанской области Республики Казахстан.

Тюркское население к востоку от Уральского хребта к «моменту» вхождения в состав Московского царства представляло собой единое культурно-хозяйственное сообщество. Это было обусловлено прежде всего особенностями ландшафта, общим типом хозяйства, сходством языка и, возможно, тем, что в течение довольно продолжительного времени эти территории входили в состав Тюменского (Сибирского) ханства. Это сообщество подразделялось на родо-племенные группы — улусы, которые впоследствии стали основой для формирования волостей в составе Российского государства. Основой хозяйства тюркского населения Зауралья являлось скотоводство полукочевого типа. Соответственно хозяйственные территории каждой родо-племенной группы включали в себя летние и зимние пастбища, причем территории летовок и зимовок могли находиться на достаточно большом расстоянии друг от друга. Пока что остановимся на факте, что тюркское население Зауралья представляло собой единое культурно-хозяйственное сообщество, и перейдем к рассмотрению формирования системы уездов в Зауралье.

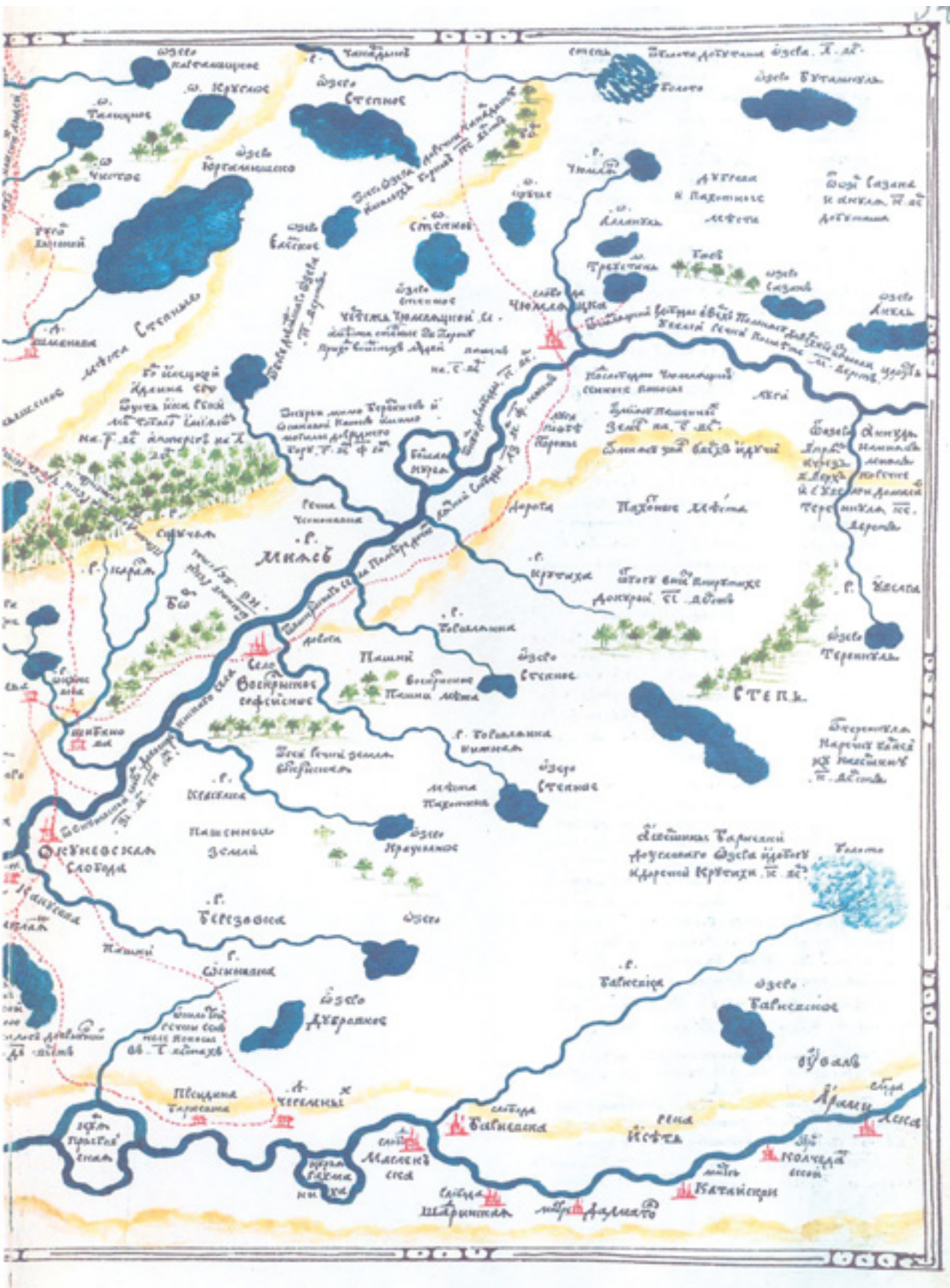
Система уездов на Урале и в Зауралье формировалась постепенно, и границы уездов менялись. К сожалению, этот вопрос не очень хорошо изучен, и во многом изменение границ уездов конца XVI — начала XVII века до сих пор является загадкой. Попробуем мысленно реконструировать формирование системы уездов в Зауралье. Нам это нужно хотя бы потому, что на территории нынешней Че-

лябинской области сходились границы нескольких уездов — Уфимского, Верхотурского, Тюменского и Тобольского, — хотя далеко не всех одновременно. И необходимо представлять себе, как менялась ситуация, поскольку в разных уездах даже ясачное население называлось по-разному.

Формирование Уфимского уезда мы можем отнести к 1586 году — времени основания самого города Уфы. Но было бы неверным считать, что территория уезда сформировалась сразу. Что же касается территорий в Зауралье, то здесь есть интересный момент, уже кратко упоминавшийся выше: достаточно долгое время русской администрацией де-факто признавалась территория, принадлежавшая потомкам хана Кучума. Иначе говоря, граница Уфимского уезда в Зауралье определялась соседством с территориями традиционного кочевания Кучумовичей. По сути, это были остатки Сибирского ханства, но русская администрация избегала использования этого определения. В 1601 году, согласно «Отписке уфимского воеводы Михаила Наглого тюменскому воеводе князю Луке Щербатому о сношениях с царевичами Алеем, Азимом, Кубею и Канаем», на поиски царевичей были отправлены послы из Уфы. По результатам переговоров царевичи «наезжать себя велели на Тоболе реке, на Арал Карагае, от Каратабынские и от башкирские волости ездю пять днищ» [29, с. 195]. Название «Арал-карагай», очевидно, носила территория, которая сегодня приходится на Брединский район Челябинской области и Кваркенский район Оренбургской области вплоть до места впадения реки Синташты в Тобол. Там и сейчас есть остатки бора, а одна из малых рек, приток Синташты, называется Арал-Карагай. Описание пути еще одного посольства: «...от Уфинского города до Каратабынской башкирской волости 10 днищ, а от нее до царевичевых кочевий 8 днищ. А кочуют де царевичи Канай да Азим меж Ишима и Обаги реки в дуброве, от устья Обаги реки 3 днища ездю конного вверх по Абаге...» [Там же, с. 196]. Если исходить из процитированного документа, то в то время граница Каратабынской волости была в пяти днях пути от Арал-Карагай. Даже если считать, что в документе подразумевается та часть бора, которая прилежала к Тоболу, то Каратабынская волость в рамках

Карта С. У. Ремезова «Доезд полковника Мейна» (ориентировочно 1706 год). Показан бор в междуречье Ика и Миасса. Тут же пояснение: «Бор Илецкой, а длина его от усть Ика реки меж Тоболом и Миасом на 100 верст, а поперег на 30 верст»

Уфимского уезда тогда помещалась приблизительно на территории нынешнего Учалинского района Республики Башкортостан. При этом используется выражение «Каратабынская дальняя волость» [Там же, с. 195], иначе говоря — крайняя, пограничная в рамках уезда. В «Отписке тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову» 1623 года сообщается: «...большие де их таиши Байбагиш с товарищи прикочевали со всеми своими улусы по Тоболу реке меж Тюмени, от Уфы за два днища от Уфинской волости от Ератабыни, где кочевал наперед сего сибирской Кучум царь, а Ишим де царевич кочует ныне с тестем своим Урлюком таишею с товарищи вместе» [Там же]. Ситуация довольно сильно отличается от той, что описана выше: от лагеря тайши, расположенного к востоку от Тобола, до «Ератабынской» (по всей вероятности, Каратабынской) волости всего два дня пути. То есть между 1601 и 1623 годами восточные границы этой волости Уфимского езда значительно продвинулись к Тоболу. Уже по документу 1692 года территория волости включает в себя в том числе земли по Тоболу — от места впадения в него реки Уй и выше, и, безусловно, включает Уй в нижнем и среднем течении, Санарку, Увельку, а также Миасс в его верхнем течении [25, с. 80].

По всей видимости, в конце XVI — начале XVII века территория традиционных кочевков Кучумовичей признавалась де-факто землями, принадлежащими Сибирскому ханству. Граница этих земель проходила по реке Исеть и восточному склону Уральского хребта. К 1623 году ситуация изменилась, возможно, в связи с тем, что законный наследник Кучума и носитель ханского титула Али попал в плен. Насколько можно судить, река Ишим и верховья Тобола оставались за Кучумовичами, а позже в большей степени — за калмыками, но границы Уфимского уезда в Зауралье были существенно раздвинуты. В результате граница Каратабынской волости оказалась в двух днях пути от Тобола, и в состав Уфимского уезда вошла Катайская волость на Исети. Есть все основания полагать, что Катайская волость на Исети представляла собой летнюю территорию хозяйствования родо-племенной группы катая, а зимние их становища находились в Ураль-

ских горах, на тех землях, которые они в XVIII веке продали или сдали в аренду под заводы [47, с. 49–50]. Можно предположить, что помимо восточной Катайской волости в состав Уфимского уезда вошли также территории бакатин, или Мякотинская волость, и ряд других территорий. Хотя о времени их вхождения нет единого мнения. В одном из документов 1635 года, где говорится о необходимости перевести башкир из зауральской части Уфимского уезда в Приуралье, перечислены зауральские волости. Достаточно характерно, что там указаны лишь Кущинская, Балыкатайская, Челзоутская, Каратабынская и Айская волости [31, с. 214]. Можно констатировать, что практически все эти волости располагались в горах, Айская и Челзоутская (Сальютская) волости — в долине реки Ай, Балыкатайская — в пределах современного Белокатайского района Республики Башкортостан, Кущинская примыкала к ней. Единственно лишь Каратабынская волость частично размещалась действительно в Зауралье. Если исходить из этого документа, то Мякотинская, Черлинская, Шигирская, Терсякская и другие волости, находившиеся к востоку от Уральских гор, еще не вошли в состав Уфимского уезда либо же вошли незадолго до момента составления документа и еще не стали привычными частями уезда для чиновников.

При этом вполне возможно, что более северные зауральские территории, по рекам Уфа и Чусовая, в 1586 году или вскоре после основания Уфы были включены в состав Уфимского уезда. Одной из причин могла быть населенность этих земель тюркоязычным населением. В 1598 году при образовании Верхотурского уезда для его формирования были отрезаны части Тюменского, Уфимского и Чердынского (Соликамского) уездов. Возможно, так жители земель по Уфе и Чусовой стали ясным населением Верхотурского уезда. Сейчас преобладает версия, что практически все зауральские территории, помимо тех, что и позже входили в состав Уфимского уезда, были включены в 1586 году в Тюменский уезд. Но в действительности мы не имеем этому никаких подтверждений. А вот косвенные свидетельства того, что земли по Чусовой и Уфе первоначально входили в Уфимский уезд, имеются: в частности, тот факт, что население этих

территорий к середине XVII века перешло в уфимский ясак, в большинстве не покидая территорий проживания [54].

Тюменский уезд возникает примерно в то же время, что и Уфимский, и поначалу они делят между собой пространство Зауралья. Как писал П. И. Буцинский, «Тюменский уезд, до образования Верхотурского и Туринского уездов, простирался по всему течению Туры с ее притоками, но в XVII веке, после основания Верхотурья и Туринска, его территория охватывала нижняя течения рек Туры, Пышмы и Исети, значительную часть реки Тобола, до впадения в нее реки Иски и все течение этой последней реки» [11, с. 7]. Впоследствии происходит перераспределение территорий уездов, о чем мы расскажем в свое время.

Важно понимать, что после вхождения в состав Московского государства тюркское население Зауралья оказалось разделено границами уездов, и, соответственно, разные группы одного родо-племенного объединения находились в ведении руководства разных уездов. Помимо разницы в официальном обозначении это влекло и другие различия, зачастую серьезные. Так, ясачное население сибирских уездов помимо ясака платило государевы и воеводские поминки, то есть дополнительные сборы. В Уфимском уезде государевы и воеводские поминки не собирали, в том числе и в зауральской его части.

Помино́к — дар, подарок, подношение в «почесть». Государевы и воеводские поминки, возможно, являлись продолжением традиции платить помимо ясака еще и отдельно «данцику». Порядок уплаты поминков устанавливался

в разных уездах по-разному. В Верхотурском уезде размер поминков устанавливался на все ясачное население в целом. А в Якутском уезде их платили персонально, причем далеко не все ясачные.

Этнонимы «остяки», «вогулы», «башкиры», «татары» в номинации групп населения Урала и Зауралья

Для нас привычно, что словом «остяк» в дореволюционное время называли хантов. Однако приращение этого понятия было гораздо более широким. Относительно использования термина «остяк» в Сибири XVII века С. В. Бахрушин писал: «Точно так же называли русские остяками и некоторые племена, совершенно отличавшиеся от них (хантов.— Авт.), в первую очередь нарымских остяко-самоедов. Впрочем, уже Спафарий отметил разделение так называемых остяков на две группы, резко отличные: собственно остяков (“кандаях”) и “чугулов”, называемых в настоящее время остяко-самоедами (селькупам). “Толко у них хотя и един народ и вера одна,— пишет он,— однакоже языки у них живут разные, насилу друг друга выразумют”. Наконец, под именем остяков известны были русским и кеты (так называемые енисейские остяки)» [9, с. 87]. Тот же Бахрушин отмечал: «Трудность точного географического распределения народностей, называемых в актах вогуличами и остяками, заключается в случайности употребления обоих терминов» [Там же]. Сегодня мы можем уточнить, что речь идет не о случайном использовании этих терминов, проблема, скорее, заключается в нашем восприятии. Мы традиционно интерпретируем оба эти понятия исключительно как «этнонимы», в то время как они могли обозначать также и определенные группы населения по их социальному (сословному) признаку. Более того, в документах XVII века мы зачастую сталкиваемся именно с таким значением этих терминов.

Известно, что словом «иштэк», или «остяк», нередко называли башкир и сибирских татар. Так, нуратдин Ногайской Орды Динбай ибн Исмаил писал, что до 1578 года он кочевал за Яиком по реке Эмбе и «имал есми з башкирцы дани» [62, с. 9], а его преемник Сайд-Ахмед ибн Мухаммед сообщал в 1579 году: «А брат мой Тинбай, что владел иштяки — мне пожаловал» [2, с. 51]. Казалось бы, отсюда можно сделать вывод, что слова «башкиры» и «иштяки» являются синонимами, но вряд ли это будет верным. Приведем еще цитату из письма

ногайского бия Уруса царю Федору Ивановичу: «Да писал еси ко мне, чтобы мне с башкурдов и с остяков дани никакие не имати... И с тех остяков не только отец мой Исмаил от Идигея князя и по се время с остяков дань мы имывали» [38, с. 8]. И из другого документа: «Государь де у нас отъимает ясаки с иштаков (остяков), что де имывали прежде сего, а хочет тое пошлину имать на себя» [37, с. 11]. В письме князя Уруса речь идет о территории Поволжья и Приуралья, к тому же обратим внимание, что в царском письме использовалась формулировка «с башкурдов и с остяков», а в ответе ногайского бия ясачное население обозначено одним словом «остяки» или, в другом документе, «иштаки». Из приведенных выше цитат из документов видно, что ногайцы под словом «иштэк» / «остяк» подразумевали податное население как таковое, то есть тех, с кого они брали дань, ясак.

Обратим внимание на фразу «башкурды и остяки» из цитированного выше письма Урус бия. В статье Д. М. Исхакова приводятся цитаты из двух документов 1618 года. В первом из них — отписке пермского воеводы — сказано: «...в Чердынском уезде на речки на Сылву и на Ирень... приезжают и торгуют русские торговые люди и Казанских и Уфимских уездов тотара и остяки и башкирцы» [22, с. 118]; во втором документе — памятной записи, данной уфимскому толмачу Таганаеву, говорится: «...учнут торговать на Ирени Уфимского уезду Аксиевы волости и Белоканские и Кушцимские и Балакчинские тотара и остяки» [Там же]. Насколько можно судить, выражение «остяки и татары» вообще было весьма распространенным в конце XVI — XVII веке. К примеру, в царской грамоте на Верхотурье, Василию Головину и голове Ивану Воейкову, сказано: «...велено вам со всех ясачных Татар и с Остяков наш ясак имати по ясачным книгам...» [4, с. 10]. Позже в отношении ясачного населения Верхотурского уезда стали использовать обобщающее определение «ясачные вогулы», при этом одновременно в документах могли использоваться и названия, служившие дополнительными характеристиками описываемого населения: «татары», «татары и остяки» [50, с. 138–142].

Очень хорошо прослеживается неоднозначность понятия «остяки» в русских документах,

касающихся начальной истории Епанчина (Туринского) острога. В грамоте 1600 года голове Федору Янову о построении острога в Епанчине юрте говорится: «...велел бы еси у себя быть татарину Епенче и иным лутчем людям» [29, с. 374]. Далее в тексте ясачное население окрестностей нового острога именуется «сибирскими людьми», еще дальше сообщается: «А говорил бы еси татаром, и остяком, и вогуличам, чтоб они жили безстрашно» [Там же, с. 375]. В другой царской грамоте от того же года говорится: «А у остяцкого головы у Япанчи в юрте всего 8 человек... в 5 верстах юрт Кокузов, 6 человек, а выше того верст с 5 юрт Ургунчин, 6 человек, в полуднице от острогу, юрт Илясов 6 человек, во днище от острогу юрт Байгарин да Калмаков 6 человек, в тех юртах пашенные остяки... а выше Тагильского устья пашенных тотар нет... И те татарове и остяки, которые юрты Епанчинского збору, били нам челом...» [29, с. 378–379]. В царской грамоте в Туринск от 28 января 1601 года: «...кочевали татарове Епанча с товарищи» [28, с. 384]. В грамоте от 12 марта 1601 года: «...ясачных остяков... И те деи остяки Епанчин брат Тувонга Кувандыков и в товарищей своих место 50 человек, которые жили с Епанчею» [Там же]. В отписке туринского головы, датированной концом декабря 1601 — началом 1602 года: «...челобитную принесли Кайманча и Чечюк во всех товарищев своих место туринских вагулич... что они наперед сего... для государевых и волостных дел приходили в Тюменской же город родня де их вся и племя с Япанчинскими татары вместе» [Там же, с. 399]. Грамота от 29 января 1602 года в Туринск: «...говорил деи Епанчинского юрта татарин Дуващ Чей, да Коза, да Оргунчей, ла Сеил, да Ивас, да староста татарской Курдум...» [Там же].

Из приведенных цитат видно, что понятия «татары» и «остяки» могли использоваться в отношении одного и того же населения, «татарин Епанча» оказывается «остяцким головой», понятие «пашенные остяки» равно понятию «пашенные тотары», а затем используется фраза, уже отмечавшаяся выше, — «татарове и остяки». Нам же остается лишь констатировать, что в процитированном документе понятие «остяк» используется скорее как соционим, то есть термин, обозначающий податное

население — «ясашные остяки». В одном из цитированных документов это подтверждается наличием выражения «остяцкий голова», поскольку термин «голова» обозначал руководителей сословных групп (казачий голова), либо административных единиц, как, например, Федор Янов, которому и была адресована первая из цитированных грамот. Впоследствии в отношении ясачного населения Туринского и Тюменского уездов так же установилось устойчивое выражение «ясачные татары». Можно предположить, что поначалу в Туринском уезде предполагалось для обозначения ясачного населения использовать слово «остяки», но по каким-то причинам (возможно, потому что практически все ясачные люди небольшого Туринского уезда были тюркоязычными) остановились на выражении «ясачные татары». Царская грамота в Туринск воеводе Кафрытеву (1640) гласила: «... татарских угодий, где они зверь всякой добывают и рыбу и бобры ловят, и в те ни в какие татарские зверовые ловли, и в бобровые гоны, и в рыбные ловли отнюдь крестьяном вступатца не велел, чтоб татар с юрт их не гнать и ясак бы им было платить с чего по прежнему» [29, с. 530–531]. Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что понятие «иштэк» / «остяк» использовалось в таких постордынских государствах, как Ногайская Орда и Сибирское ханство, для обозначения податного населения Урала и Западной Сибири. После вхождения этих территорий в состав Московского государства это обозначение было воспринято русской администрацией, причем использовалось в документах часто параллельно или даже одновременно с уточняющими названиями: «башкиры и остяки», «татары и остяки». В большинстве случаев понятие «остяк» вскоре было вытеснено из делопроизводственной практики терминами, принятыми в каждом уезде для обозначения ясачного населения. В Уфимском уезде таким термином являлось слово «башкиры», в Верхотурском — «вогулы», в Туринском и Тюменском — «татары». В Пелымском, Тобольском, Березовском, Томском уездах понятие «остяк» сохранилось в качестве одного из обозначений ясачного населения. При этом далеко не всегда группы населения, называвшиеся в документах XVII–XIX веков остяками, в действительности относились к уграм.

Выше приведена цитата из работы Бахрушина, где констатируется, что остяками в документах названы нарымские селькупы или даже кеты.

А в отношении населения Сылвенско-Иренского поречья в документах долгое время использовалось выражение «сылвенские татары и остяки». На основании этого многие авторы приходили к заключению, что в составе сылвенско-иренского населения был велик угорский компонент либо же это вообще отюркоязыченные угры. Если же мы примем во внимание, что словом «остяк» / «иштэк» обозначалось податное население, а сылвенско-иренские татары в XVI веке платили ясак ногайцам, то более вероятно, что выражение «татары и остяки» было синонимично определению «ясачные татары».

Прочитую еще пару характерных документов: «...прислали под отпиской челобитную, Верхотурского уезду наших ясачных волостей, Лозвинские, Сосвинские, Вагринские, ясачных вагулич Богдашка Криворотов с товарищи» [4, с. 313]; «1613 г. мая 10» царская грамота верхотурскому воеводе Годунову: «...лутчих Вагульских сотников, Кумыча Байтерека, Богдашка Орлика, в город привел, и их сотен вагулич, во многих юртах, по их вере к шерти привел» [Там же, с. 1]. Интерпретировать этническую принадлежность Кумыча Байтерекова как манси достаточно сложно — у него даже не мусульманские, а тюркские имя и отчество. Богдан Криворотов (он же, видимо, Богдашка Орлик), скорее, из славян. Тем не менее оба обозначены в документе как «лутчие вагульские сотники». Наличие среди ясачных людей Верхотурского уезда рассматриваемого времени русских не является открытием. По подсчетам Б. О. Долгих, в 1710 году было 74 плательщика ясака из русских [18, с. 23]. Непривычным является лишь тот факт, что в документах XVII века эти русские плательщики ясака обозначаются как «ясачные вагуличи». Но это вполне вписывается в ту схему, о которой было сказано выше.

При таком подходе, когда для обозначения ясачного населения в разных уездах использовались разные этнонимы, неизбежно возникали коллизии, когда представители одного рода, проживавшие в разных уездах, в документах (и не только в них) носили разные «имена». Выше уже было показано, что ясачное население по реке Туре, представлявшее

некую единую общность, оказалось разделено на «Туринаского уезда татар» и «Верхотурского уезда вогуличей». Но в этом случае мы не знаем даже, относились ли ясачные татары Туринаского уезда к одной родо-племенной группе (улусу) или к нескольким. Гораздо более четко это проявляется, когда речь идет о представителях одного рода, проживавших на территории разных уездов.

Наверное, наиболее ярким примером разделения одной родо-племенной группы на «вогулов», «башкир» и «татар» является род терсяк. В Верхотурском уезде вплоть до последней трети XVII века их называли вогулами [4, с. 165–166; 28, с. 375–376; 30, с. 346]; в Тюменском уезде терсяки (как и все прочие ясачные) именовались ясачными татарами [29, с. 449, 455; 61, л. 170]. В Уфимском уезде представителей рода терсяк обозначали как «башкир». Это можно выяснить при сопоставлении документов. В достаточно известных документах «Сыска и досмотра Ивана Полозова» перечислены некоторые башкирские селения Южного Зауралья, в том числе «от Китайского острогу по мере в 10-ти верстах живут башкирцы Россан-бек с товарищи в 10-ти юртах, а от тех юрт в дву верстах у озера Коклану живут башкирцы Росланбек с товарищи в 10-ти юртах... а от тех юрт в 5-ти верстах живут башкирцы Якшинбетко с товарищи в 5-ти юртах...» [25, с. 85]. В 1768 году терсяки Исетской провинции подали челобитную в Сибирскую губернскую канцелярию, где объясняли, что некоторые из башкир, перечисленных в сыске И. Полозова,— их родственники: «...из них, просителей, сотнику Чирикову Розсамбек дед, Ибрай Сабанов[у] Разланбек дядя, Тапу Илгинееву Икшимбетко дед же родные...» [13, л. 92]. Иначе говоря, проживавшие в конце XVII века на территории Уфимского уезда представители племени терсяк обозначались как башкиры. На озере Маян и на реке Исеть обозначено расположение терсяков Уфимского уезда и в 1667 году [25, с. 197–198]. Есть упоминания о Терсяцкой волости Уфимского уезда и в документах Верхотурской приказной избы, в частности в отписке воеводы верхотурского уфимскому коллеге по поводу жены, ушедшей от татарина Уткинской волости к отцу в «Уфинскую волости в Терсяцкие волости» от 7188 (1679–1680) года [45, стб. 228–228 об.]. Судя

по обращению к уфимскому воеводе, под словами «Уфинскую волости» подразумевался Уфимский уезд.

Выше уже было показано на примере терсяков, что если одна родо-племенная группа оказывалась разделена границами уездов, то ее представители назывались в зависимости от того, на территории какого уезда они оказались: башкирами, вогулами или татарами. Проиллюстрируем это еще на одном примере. Если еще в 1600–1601 годах ясачное население по Туре называли и татарами, и остяками, и вогулами [28, с. 374, 378, 384–385, 397], то впоследствии происходит размежевание. Отписка царю верхотурского воеводы Стрешнева (октябрь 1645): «...прежде де сего у них ссоры и спору меж ими, Туринского и Верхотурского уездов у ясачных людей, о пашенных землях и о сенных покосех и о рыбных ловлях и о звериных промыслах и о всяких угодьях никакого не бывало, и ясачные де люди, Туринского острогу Татаровя и Верхотурского уезду Вогуличи, всякими промыслами промышляли, где кому сручно, меж собою смесицею» [5, с. 23]. Составлен этот документ был по поводу конфликта, возникшего при размежевании территорий Верхотурского и Туринского уездов: туринские ясачные татары «Енгильдейко Колмаков с товарищи» заявили, что подтверждать существующие межи не будут, и потребовали включения в состав Туринского уезда земель в устье реки Реж с Невьянской волостью, Ницынской, Ирбитской, Белослудской и Ощепковой слободами. Основная их аргументация заключалась в том, что все это угодья туринских ясачных людей, а не Верхотурского уезда [Там же]. Соответственно, когда верхотурский воевода писал о «Туринского острогу татаровях» и «Верхотурского острогу вогуличах», он имел в виду представителей одной и той же группы, разделенных границей уездов. Это подтверждается содержанием той фразы из документа, где сообщается, что раньше ясачные люди этих уездов хозяйствовали где кому удобно, «меж собою смесицею».

Как было сказано выше, ясачное население Уфимского уезда в XVII веке обозначалось словом «башкиры». Иначе говоря, в состав сословной группы ясачных башкир могли входить люди различной этнической принадлежности. Такая ситуация была

показана на примере Верхотурского уезда [54], поэтому здесь ограничусь одним, но весьма характерным примером, который привел в одной из своих статей Б. А. Азнабаев: «...просьба Тогая Белякова от 1620 г. В своей челобитной он называет себя “казанским чувашенином Зюрейской дороги деревни Берсю”, однако указывает на то, что “...в Уфимском уезде в Юрминской волости вотчина моя от дедов и прадедов потому, что я, государь, башкирец и с той вотчины плачу ясак на Уфе с юрминскими башкирцами”» [2, с. 25]. Можно сослаться также на опубликованный документ 1700 года о спорных землях Елдятской волости, где ответчики оказываются то татарами Казанского уезда, то башкирами Уфимского уезда [25, с. 102–104]. А в описании Челькутской (Сальютской) волости 1670-х годов в составе башкир указано несколько человек «немецкой породы» [15, д. 385, л. 139–140].

Та же ситуация с другими этнословесными группами: оброчный татарин мог носить имя Мишка Черемисинов [14, л. 4] или Микитко Слендин [43, л. 962 об.— 964]; есть в документах упоминания служилого мещеряка Сеита Романова и ясачного татарина Терентия Илюшина [15, д. 1092а, л. 322–323 об.] и т. д.

Основная задача настоящего раздела, надеемся, достигнута: мы хотели показать, что обозначение специальными терминами податного населения было характерно для рассматриваемых территорий еще до вхождения их в состав Российского государства. Российские чиновники восприняли существовавшую терминологию «остяки», но вскоре разнообразили ее, исходя из системы уездного деления. Как уже было сказано, в каждом уезде были установлены свои названия ясачного населения. Причем в качестве терминов, обозначающих ясачных людей, выступали те понятия, которые мы сегодня считаем этнонимами, то есть названиями народов. В Верхотурском уезде ясачных называли «вогулами», в Уфимском — «башкирами», в Туринском и Тюменском — «татарами». При этом было совершенно не важно, на каком языке говорят ясачные и какую религию исповедуют.

Обстоятельства вхождения тюрков Зауралья в состав Московского государства

Постараемся разобрать некоторые тезисы о вхождении населения Южного Урала и Зауралья в состав Московского государства, которые уже стали стереотипными, но при этом противоречат известным источникам. Иначе говоря, мы рассмотрим некоторые историографические мифы, сегодня достаточно широко распространившиеся, в том числе и в среде специалистов-историков, не соприкасающихся с этой тематикой непосредственно.

Миф первый: договорный характер вхождения башкирских племен в состав Русского государства.

Сейчас практически в любом башкирском историческом (а также научно-популярном и публицистическом) издании на это указывается как на аксиому. В «Истории Башкортостана с древнейших времен до наших дней» читаем следующий пассаж: «Составленные жалованные грамоты представляли собой договор между Русским государством и башкирами. Согласованные сторонами жалованные грамоты означали заключение письменного соглашения между ними по принципиальным вопросам» [21, с. 109]. Обосновать это положение попытался Н. М. Кулбахтин в статье «Жалованные грамоты Ивана Грозного башкирам». Цитаты при необходимости будут большими.

«В Никоновской летописи говорится, что после взятия Казани Иван IV “послал по всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты, чтобы шли к государю, а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казанским царям”. Н. М. Карамзин приводит цитату из “Царственной книги” и сообщает, что Иоанн послал жалованные грамоты во все окрестные места, объявляя мир и безопасность: “Идите к нам без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским”».

В Никоновской летописи говорится, что первыми на грамоту московского царя откликнулись арские люди (удмурты) и луговые черемисы (марийцы). Напуганные падением Казани, они бежали в леса. Но, получив царскую жалованную грамоту,

Карта Антонио Дженкинсона, составленная им в 1562 году. Дженкинсон много путешествовал по России, проплыл по Волге до Астрахани. Карта отображает представления того времени о географии: территория Южного Урала входит в состав Сибирского ханства (Tumen) и Ногайской орды (Nagaia)

*Questa Baba al est aerna
vicula ab Chiderano, et lau
goverio religio colitur. Mo
lum hoc fuerit confite,
quod ipse facillim, quare si
migrandum, ipsum, de la
marum) certa, confidendo
dat responsa, certique e
sentus, confiquantur.*

*Horum regionum incolae
Solem, vel rubrum pan
num pertica suspensum
adorant. In castris vi
t. m. ducunt; ac post ani
mulum ferunt in, verum
q, carne vescuntur ac pro
prio idiomate loquuntur.*

*Upe sua hinc iumentorum camelorum
provocantur, quorumq, terra, formas re
rentia illudis populi gregis pulentis, ac
indag, fuit. Upe stupenda quidem meta
mox, repente in sua signis, prior for
ma nulla in parte dominata. Excitit hoc
prodigium anno circiter 500. retro
elapsis.*

*Kingia gens cateruatum legit, ut est in hordis habetis,
ritum huiusmodi cum id diuinum infirid sacerdos peragit,
sequitur, lac, et fima iumentorum accipit, ac terrae misit.
ing, vas quoddam infundit, eiq, arborem fundit, atq, deus
ne habita, in populum surgit, atq, hoc aspersio pro Deo ha
betur & colitur. Cum qui dem inter duo die, loco sepulch
ry arboribus surgunt.*

*A. Mansueta Shyphorum vsp, 20. deriam
iter habent, sine vlla custodia, cum summa
aque penuria. A Shyphura vsp, 20. par
iteru interuallum atrocitate testis sunt.*

*Shamouanda olim totius Tartary
metropoli fuit, ac hinc rano deprimi
taet, ma cum multo antiquitate resti
t. q. Ue condita est Tamerlanus de pa
cine Tataru Imperatoris Poyghid) ap
tum arietem, in hunc circumuallat
Incolae musulmanes sunt.*

*Casara, hinc tringta deriam
entem Verho incant
they ab ho
mentum*

400	450	500	550	600	650	700	750	800
300	350	400	450	500	550	600	650	700
200	250	300	350	400	450	500	550	600

они послали своих представителей с челобитьем о принятии подданства. По материалам летописей трудно определить, были ли среди них башкиры. Исследователи, сославшись на летописи, также не признают обращения башкир к Ивану IV непосредственно в октябре 1552 года, когда тот находился еще в Казани. Однако в преданиях гайнинских башкир говорится о поездке Урак-бия в Москву в 1552 году и возвращении домой с жалованной грамотой московского царя о принятии их в свое подданство» [24].

Процедура принятия русского подданства бывшими подданными Казанского ханства в общих чертах описана в Никоновской летописи: «Того ж месяца (октября 1552 года.— Г. С.) 10 приехал Никита Казаринов да Камай-мурза, а с ними многие Арские люди, и царю государю били челом, чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают. И царь государь черных людей и Арских пожаловал, ясаки на них велел имати прямые, как было при Магделиме царе, и приказал боярину своему князю Александру Борисовичю, а велел их к шерти привести и ясаки на них имати и во всем их управливати... Того ж дни луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали, а бьют челом государю ото всех луговых людей, тако же, как и Арские, хотят государева жалования. И царь и государь их пожаловал по тому же, приказал боярину своему их к шерти приводить и управу чинить; и того дни правду ото всех черных людей дали» [41, с. 221–222].

В декабре 1553 года: «И посылали воеводы на Арскую и на Побережную сторону ясаков брать детей боярских Алексея Давидова, Назара Глебова, Григория Злобина, Якова Остафьева, Ширия Кобякова и иных в розные волости и те дети боярские ясаки собрали сполна и привезли к воеводам» [Там же, с. 229]. То есть ясак собирали на левобережной стороне Волги и в Прикамье, в том числе, очевидно, и на территории будущего Уфимского уезда. Процедура была вполне стандартна: новые подданные шертовали, то есть приносили присягу, после чего определялись территория их проживания (улус или волость), количество ясачного населения в волости и размер ясака. Затем выдавалась жалованная грамота.

Н. М. Кулбахтин пишет: «Даже один из самых суровых начальников Оренбургской комиссии В. Н. Татищев в указе башкирам Сибирской дороги от 24 июня 1736 года вынужден был признать факт “добровольных договоров”» [24], имея в виду документ, опубликованный в томе VI «Материалов по истории Башкортостана». Приведу фразу В. Н. Татищева, о которой написал Н. М. Кулбахтин: «Известно всему российскому государству и всем окрестным народом, что вы под власть и державу российскую не вашей доброю волею ни добровольными договорами, но силою оружия российского приведены» [27, с. 189]. Как видим, смысл заявления Василия Никитича прямо противоположен тому, как интерпретирует его Н. М. Кулбахтин.

Башкиры вошли в состав Московского государства таким же порядком, как и представители многих других народов, оказавшихся в орбите интересов этого государства в ходе его расширения на восток. Обычно подчеркивают, что вотчинное право башкир было оговорено в «Соборном уложении», но в тексте статьи, где говорится о вотчинных землях, башкиры никак не выделены среди других народов, которых касался этот документ: «А в городех у Князей, и у Мурз, и у Татар, и у Мордвы, и у Чуваши, и у Черемисы, и у Вотяков, и у Башкирцов, Бояром и Окольников и Думным людем, и Стольником, и Стряпчим, и Дворяном Московским, и из городов Дворяном и детям Боярским, и всяких чинов русским людем, поместным, и всяких земель не покупать и не менять и в заклад, и сдачею в наем на многие годы не имать. А будет которые Московские и из городов Дворяне и дети Боярские, и всяких чинов люди учнут в городех у Князей, и у Мурз, и у Татар, и у Мордвы, и у всяких Ясашных людей земли имать, сдачею, или покупать, или в заклад, или в наем на многие лета имать, или менять: и тех всяких чинов людей те Татарския поместныя и Ясашныя земли имать на Государя; да им же за то от Государя быть в опале» [39, с. 80–81]. Статья Соборного уложения как раз таки определяет наличие вотчинного права на землю у служилых (князья и мурзы) и ясачных людей.

Жалованные грамоты по определению не являлись договорными документами и не могли «согласовываться сторонами» [21, с. 109], как это

утверждают авторы «Истории Башкортостана», поскольку даровались государем своим подданным. Приведу здесь определение жалованных грамот из академического словаря «Государственность России»: «Жалованная грамота. XII–XVII вв. Грамота, содержащая распоряжение о пожаловании землями или льготами. Жалованная грамота выдавалась центральной властью или служилыми князьями (в этом случае она должна была утверждаться центральной властью). Жалованные грамоты выдавались как феодалам, так и населению городов и волостей, по инициативе власти или по челобитью» [16, с. 214]. В приведенной М. Н. Кулбахтиным копии с жалованной грамоты сказано: «961 (1554) года Октября во 2-й день, в воскресенье Русские люди город Казань завоевали и строение в том городе застроили, а после того из четырех родов башкирских, а, именно, Усерганский князь Бикбов, Кипчатский князь Му-шувлы Карагузяк, Бурзянский князь Искибей, Тамьянский князь Шагали Шакман по призыву ездили в Казань к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу о принятии с родами в подданство, по которому прошению, а по указу великого государя, а по принятии в подданство жалованы тарханами и для размежевания земель по Ногайскую и Сибирскую дороги посланы переписчики, которые как степные, так и уральские вотчинные земли и воды размежевали и платили сей ясак...» [24]. То есть опять же — сначала прошение, шерть, затем осмотр земель и составление жалованной грамоты.

Подтверждением того, что принятие русского подданства, как и его подтверждение при смене правителя, сопровождалось принесением клятвы (шерти), являются различные документы, в частности, опубликованные в части I «Материалов по истории Башкирской АССР»: «...до 170 (1662.— Г. С.) году шатости и измены не бывало, стояли в твердости шерти своей и утверженью. И в прошлом во 170-м году, вы, башкирцы, забыв бога, шерть свою и прадедов, и дедов, и отцов своих преступили и нарушили, великому государю изменили...» [25, с. 184]. Принесшие повинную после восстания башкиры также приносили шерть: «... челобитчики их Тин-Мамето Юлаев с товарищи за всех башкирцов Нагайской и Казанской до-

рог и Ицких волостей в приказе Казанского дворца перед боярином перед князем Юрьем Алексеевичем Долгоруково да перед диаки перед думными Ларионом Лопухиным, перед Федором Грибоедовым, перед Тимофеем Безсоновым великому государю душу дали, на куране шерть учинили. И милостивый великий государь, ево царское величество, нежалатель кровей их пролития, положил на милость, за прежние службы прадедов и дедов их и отцов велел им вины отдать и быть под своею великого государя самодержавною высокою рукою в вечном холопстве, и ясак платить и жить в старых местах по прежнему, и по своему государеву милостивому осмотрению велел им дать свою великого государя жалованную грамоту на две листах за красною отводчатою печатью руским и татарским письмом» [25, с. 189]. Прочитанный документ многие исследователи трактуют как жалованную грамоту. Можем отметить лишь, что здесь, как и в случае с первой процитированной «грамотой», речь идет не об оригинальном документе, а о пересказе обстоятельств получения жалованных грамот и их содержания. Иначе говоря, это даже не копии документов.

Мы можем заключить, что тезис о том, что жалованные грамоты являлись договорными документами между царем и башкирами, подписывавшимися обеими сторонами, является несостоятельным. Характер этих документов обозначен их названием — «жалованные» (значит, грамоты, фиксирующие пожалование от сюзерена вассалам). Актом, закреплявшим подданство, как и в случае с представителями других групп населения, являлось принесение шерти, то есть присяги, клятвы.

Мне могут возразить, что царская администрация придерживалась определенных правил в отношении населения Южного Урала, и это является косвенным подтверждением наличия договора. Однако определенных правил правительство придерживалось в отношении практически всех групп населения, и это вполне нормально: подданные несут определенные обязательства перед государством, но и государство, в свою очередь, имеет обязательства перед подданными.

Миф второй: «завоевание» зауральских тюрок (башкир) как причина их более тяжелого

положения относительно населения приуральской части Башкирии.

Этот тезис настолько часто повторяется, что стал уже почти аксиомой, хотя я не смогу назвать работу, в которой бы автор (авторы) попытался дать его развернутое подтверждение. Достаточно кратко и полно эта точка зрения сформулирована А. Н. Усмановым: «Процесс вхождения зауральских башкир в состав России был, прежде всего, более затяжным, чем у уфимских башкир. Основная часть северо-восточных башкир признала власть русского правительства в 1586 г., когда шла борьба с сибирским ханом Кучумом... Другая, меньшая часть зауральских башкир, а именно родовые группы табынцев, сынрянцев и отчасти мякотинцев, вошла в состав России после окончательного разгрома Сибирского ханства и в процессе последующей борьбы уже с сыновьями Кучума. До конца первого десятилетия XVII в., оставаясь в лагере кучумовичей, эти башкиры участвовали в борьбе, которую вели сибирские царевичи» [63]. Б. А. Азнабаев несколько усилил этот тезис: «Значительная часть зауральских башкир до 30-х годов XVII века не признавала российского подданства и поддерживала антирусские действия хана Кучума и его сыновей» [1, с. 76]. Попробуем разобраться, насколько эти выкладки соответствуют документам.

Наиболее часто упоминаемая группа зауральских тюрков, поддерживавшая Кучума и его потомков,— табынцы. Одновременно одна из самых упоминаемых в документах с конца XVI века зауральских волостей — Табынская, или Каратабынская. Уже одно это должно навести на размышление: возможна ли однозначная трактовка роли табынцев в противостоянии русских и Кучумовичей в конце XVI — начале XVII века? Весьма наглядный документ — отписка уфимского воеводы Михаила Нагого тюменскому воеводе князю Луке Щербатому от 1601 года. В сентябре 1600 года к Кучумовым детям было направлено своеобразное посольство, состоящее из детей боярских, новокрещена и десяти «башкирцев Табынские волости» [29, с. 195]. К государю из степи выехал царевич Ишим. Затем в «Каратабынскую башкирскую дальнюю волость» был послан для встречи царевичей сын боярский Гаврила Артемьев с группой помощников.

Далее часть «татар», то есть тех же табынцев, отправляется в становище Кучумовичей, в верховья Тобола, для передачи им приглашения прийти под государеву руку. В лагере царевичей, по описаниям посланных, было 150 воинов, все табынцы. Уже в конце пребывания Артемьева в Каратабынской волости из степи, от Кучумовичей, вышло 20 семей табынцев [Там же, с. 195–198]. Казалось бы, все описанное является прямым подтверждением процитированного выше тезиса о том, что табынцы воевали на стороне Кучума и его потомков против России и приняли российское подданство после разгрома Кучумовичей. Но это только кажется.

Рассмотрим другой смысловой пласт того же самого документа: на момент описываемых событий Каратабынская волость — это «башкирская дальняя волость» Уфимского уезда, то есть табынцы являлись подданными русского царя. В составе посольства к сыновьям Кучума со стороны Российского государства едут табынцы. Обратим внимание, что даже про те вышедшие от Кучумовичей 20 семей сказано: «...бывали де... они прежде того тое же Каратабынские волости ясашные же башкирцы, были с Кучумом». Следовательно и Каратабынская волость в Зауралье существовала еще до 1600 года, в то время, когда еще был жив хан Кучум, при этом табынцы считались подданными русского царя, а то, что часть из них поддерживала Кучума, а позже Кучумовичей, просто было политической реальностью того времени. Обратим внимание, что в этом документе (как и в других документах начала XVII века) по отношению к табынцам, находившимся в лагере Кучумовичей, ни разу не использованы такие выражения, как «воры» или «изменники». Обратимся к другим документам 1600 года.

Тюменский служилый татарин «ездил... из Баскурские волости (Тюменского уезда.— Г. С.) в Уфимский уезд, в Чилчеутскую волость, вестей проводывать и слышал... Уфинсково уезду государевы Тобанские волости ясашной татарин Утемыш...» [29, с. 184]. «...В прошлом в 104-м году... приезжал де он из своей Сарыжской волости в Каратабынскую волость Уфинского ж уезда...» [Там же]. То есть Каратабынская волость Уфимского уезда существовала в 1595–1596 годах. Думаю, что

эти фрагменты достаточно показательны, и не будем умножать количество цитат.

Что касается представителей другой родо-племенной группы, поддерживавшей Кучума и его потомков,— сынрян,— то в 1593–1594 годах они участвовали в строительстве Тарского острога [28, с. 342]. В этот период Сынрянская волость относилась к Тюменскому уезду, после создания Верхотурского уезда (1598–1599) она отошла в ведение Верхотурья, где мы и обнаруживаем ее в 1623 году. Впоследствии сынрян стали платить ясак Уфе, не покидая территории своего проживания в верховьях Исеть и по ее притокам: Сысерти, Синаре, Багаряку [54]. То есть участие части сынрян в борьбе с русскими совершенно не препятствовало тому, что родо-племенная группа сынрян сохранила свои вотчинные угодья, а Сынрянская волость существовала в своих границах до того времени, когда началось активное строительство русских слобод в верхнем течении Исети и по ее притокам [Там же].

О башкирах Мякотинской волости информации в документах XVII века мало, практически нет, но в XVIII веке мы обнаруживаем их на территориях близ озер Иртяш, Наного, Касли и др. В 1734 году старшина Мякотинской (бакатин) волости Янгильда Самангулов Бигишев писал: «В Уфинском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старинную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той де ево вотчине имеетца владений ево озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера» [15, д. 1092а, л. 11 об.]. То, что у нас не имеется сведений о Мякотинской волости конца XVI — начала XVII века, связано, скорее, с тем, что слабо изучены документы, касающиеся этой территории в указанный период. Я могу привести пример таких родо-племенных тюркских групп Зауралья, как сызги, кувакан и другие, о которых тоже нет практически никаких опубликованных сведений до начала XVIII века. Но это не означает, что этих волостей в XVII веке не существовало.

Таким образом, представление о том, что часть зауральских родо-племенных групп принимает российское подданство лишь в 1610-е, а то и в 1630-е годы, не подтверждается документами. Табын и сынрян являлись российскими подданными уже

в конце XVI века, имели свои волости, платили ясак и несли повинности. О бакатин (Мякотинская волость) мы можем утверждать это лишь предположительно, но и аргументов в пользу того, что они не являлись подданными Московского государства в конце XVI — начале XVII века, никто не привел. При этом часть (и, возможно, немалая) табынцев, сынрян и бакатин поддерживала Кучума, а впоследствии — его сыновей, но на вотчинных правах людей, относящихся к этим волостям в Тюменском (Верхотурском) либо Уфимском уезде, это никак не сказалося, как будет показано дальше.

Миф третий: зауральские башкиры платили значительно более тяжелый ясак по сравнению с приуральскими.

Приведу цитату из книги Б. А. Азнабаева 2016 года: «По Ногайской и Сибирской дорогам ясак вносился, в основном, крупными родовыми коллективами или даже объединениями родов. Здесь и в 30-е гг. XVIII в. действовали принципы ясачного обложения, утвержденные Ногайской Ордой. В 1734 г. мулла Тохчура Алмяков отметил, что с захваченной сакмарскими казаками вотчинной земли они всей волостью платят ясак “6 бобров, 30 куниц, да с каждой души по лисице на год, тако же прибавляя от отца, для того на каждой день по сту младенцев родится вашего императорского величества сто лисиц прибавок”. Напротив, в земледельческих районах севера и запада ясак вносили отдельные семьи, которые платили в казну по 5–10 куниц» [2, с. 241–242]. Не очень понятно, почему население Сибирской дороги платило ясак по принципам, «заложенным Ногайской ордой» — автор никак не обосновывает свое заявление. Но обратимся к ясачному обложению зауральских башкир.

Башкиры Сынрянской волости в 1673 году заявляли: «А в тех урочищах (вотчинах башкир Сынрянской волости.— Г. С.) рыбные и звериные всякие ловли, бортных де угодьев нет, а ясаку он Куракай с товарищи на Уфу в государеву казну платят по 10 куниц на год» [15, д. 1092а, л. 83]. Сынрян («сынрянцы») как раз были одной из родо-племенных групп, представители которой воевали на стороне Кучумовичей и, по логике авторов работ, процитированных выше, не могли обладать вотчинными

правами на землю и должны были платить очень большой ясак. Тем не менее размер их обложения вполне сопоставим с тем, что указал Б. А. Азнабаев для приуральского населения — десять куниц. А земли Сынрянской волости в переписных книгах 1673–1674 годов названы вотчинными [Там же]. Башкиры Каратабынской волости в 1692 году описывали границы своих вотчинных земель (гигантских по площади) и писали, что платят они с этих вотчин 300 лисиц в год [25, с. 80]. Можно уточнить, что до 1733 года, когда Таймас Шаимов был пожалован тарханским званием, он платил ясак в одну лисицу в год [7, л. 1].

Обратим внимание еще на один момент. В своей работе 2005 года Булат Ахмерович писал, что в Приуралье ясак платили коллективно, а в Зауралье — с каждого человека [1, с. 76]. В работе 2016 года он описывает прямо противоположную ситуацию [2, с. 241–242]. Не очень понятно, на чем он основывался, делая столь обобщающие выводы в том и другом случае. Представляется, что и там и там были варианты как коллективной уплаты ясака, так и посемейной. Приведенная выше выдержка из документа об ясачном окладе сынрян ясно показывает, что они платили подати раздельно. А башкиры приуральской Елдяцкой волости сообщали в 1714 году, что они окладной ясак платят тьюбою (то есть родовым коллективом) по 37 батманов меда [25, с. 107].

Следовательно, говорить о том, что зауральские башкиры платили ясак более тяжелый, чем приуральские башкиры, неверно. Размер ясака, который платили жители разных волостей в приуральской и зауральской части Уфимского уезда, был вполне сопоставим.

Миф четвертый: зауральские тюрки платили воеводские и государственные поминки.

Поминки, как обязательные выплаты зауральских башкир, упоминаются в цитированных выше текстах Б. А. Азнабаева и «Истории башкирского народа» [1, с. 76; 20, с. 58]. При этом Азнабаев ссылается на документ из «Материалов по истории Башкирской АССР» [25, с. 73]. Авторы «Истории...» ссылаются на работу А. Н. Усманова [63, с. 180], а он опирался на... те же самые документы из «Материалов по истории Башкирской АССР»,

которые позже использовал Б. А. Азнабаев [25, с. 71]. Таким образом, выводы об уплате всеми зауральскими башкирами государственных и воеводских поминков основываются на одних и тех же весьма немногочисленных источниках. Что же послужило основой для столь серьезных выводов?

Документы № 1–3 в первой части «Материалов по истории Башкирской АССР» отображают ситуацию с уплатой ясака и государственных и воеводских поминков ясачными людьми Верх-Уфимской волости Верхотурского уезда [25, с. 69–73]. Сами себя жители этой волости называли башкирами (башкирцами), власти Верхотурского уезда обозначали их как «ясачных вогулов» [17, с. 173; 25, с. 72–73].

Здесь мы сталкиваемся с той самой ситуацией, когда исследователи не понимают, что в Верхотурском уезде была одна система податного обложения ясачного населения, а в Уфимском — другая.

В Верхотурском уезде (как и в прочих сибирских уездах) существовала практика сбора, помимо ясака, государственных и воеводских поминков. В Уфимском уезде такой практики не существовало, то есть здесь не облагали ясачных людей дополнительно еще и государственными и воеводскими поминками.

Я не встречал документов, в которых упоминается об уплате воеводских и государственных поминков ясачным населением зауральской части Уфимского уезда. Никто из упомянутых выше авторов подобных документов также не приводит.

Получается, что все выкладки авторов нескольких работ опираются на три документа, которые касаются ясачных людей Верх-Уфимской волости Верхотурского уезда. К ясачному населению Уфимского уезда, в том числе и зауральской его части, эти документы никакого отношения не имеют. Распространять информацию о видах и размерах сборов с ясачных людей Верхотурского уезда на Уфимский уезд некорректно, а если быть более точным, то в принципе недопустимо. В каждом уезде была своя система обложения ясаком, и уездным властям было абсолютно все равно, к какой родо-племенной группе относят себя ясачные люди их уезда и на каком языке разговаривают — на систему обложения ясаком это никак не влияло. В Верхотурском уезде были ясачные люди из угров, тюрков, славян — все они назывались в документах Верхотурской при-

казной избы по сбору ясака XVII века «ясачными вогулами», точно так же, как ясачное население Уфимского уезда в документах Уфимской приказной избы называлось «башкирами», а Тюменского и Туринского уездов — «татарами» [50].

Заблуждение уфимских коллег хорошо демонстрирует одно из замечаний Б. А. Азнабаева: «Сибирская администрация, в отличие от уфимских воевод, не делала никакого различия между башкирами и другими ясачными людьми. Не случайно этноним “башкир” практически не встречается в официальной документации Сибирского приказа» [1, с. 76]. Уфимские воеводы тоже не делали различия между разными языковыми либо «этническими» группами в составе ясачного населения Уфимского уезда — в документах они все назывались башкирами.

Понятие «башкиры» в документах второй половины XVI — начала XX века — это обычно соционим, а не этноним. Точно так же как и понятия «вогулы», «остяки», «татары» в Зауралье. Поэтому те люди, которые считали себя башкирами, но платили ясак в Тюмень, Тобольск или Туру, для воевод этих уездов были ясачными татарами. Точно так же как татары, чуваша или мордва, платившие ясак в Уфу, в уфимских документах обозначались как «башкиры».

Миф пятый: уряда башкирских родо-племенных групп Зауралья отсутствовали вотчинные права на землю, в связи с тем что в состав Российского государства они вошли не добровольно, а были завоеваны.

Соответственно наличие вотчинных прав на землю у каких-либо еще нерусских групп населения, кроме башкир, отрицается: «Башкиры были единственным, уникальным в этом смысле народом, у которого сословие (вотчинник) и этничность практически совпадали (иные сословные группы были незначительны)» [46, с. 161]. Тесно смыкается с этим утверждение авторов «Истории башкирского народа»: «Главной особенностью социально-экономического положения дореволюционных башкир было то, что они с середины XVI до начала XX в. являлись народом-вотчинником. Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю. Ни один из народов Российского

государства не имел таких прав» [20, с. 61]. Могли лишь добавить, что аргументов, которые бы подтверждали их слова, авторы этих заявлений не привели.

В «Истории Башкортостана» констатируется: «...сибирские башкиры разными путями — одни мирно, другие в результате завоевания — приняли русское подданство» [21, с. 108]. Комментируя эту часть цитированного издания, авторы «Истории башкирского народа» заявляют: «Однако в числе первых (то есть мирно принявших русское подданство.— Г. С.) не совсем оправданно перечисляются племена Айле, Кувакан, Катай, Сызгы, не владевшие жалованными грамотами на заселяемые ими земли, следовательно, завоеванные русскими военными командами» [20, с. 55].

Далее авторы рассуждают о вотчинных правах зауральских башкир: «Известно, что башкиры, добровольно принявшие русское подданство, сохранили свои земли на условиях вотчинного права» [Там же, с. 57]. В тексте нет никаких пояснений, откуда именно это известно. Непонятно, как совместить это заявление с цитированным выше тезисом из того же тома: «Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю» [Там же, с. 61].

Но обратим внимание на аргументы, которыми они подтверждают свои выводы об отсутствии якобы у части зауральских башкир вотчинных прав на землю: «Рассмотрим земельные права башкир Сибирской дороги после присоединения к Русскому государству. При сохранении ими вотчинного права на землю можно делать вывод об их добровольном вхождении. По ведомости, составленной в 1841–1842 гг. кантонными начальниками, сохранились конкретные материалы о земельных отношениях у башкир и мишарей. В Екатеринбургском уезде имелось 34 башкирские аула. Из них жители 13 деревень жили на своих вотчинных землях. Башкиры 21 аула из Улу-Катайской, Шуранской, Сынрянской, Больше-Кущинской и Айлинской волостей располагались на вотчинах других башкирских волостей на правах припущенников. В Троицком уезде из 95 деревень жители 64 были вотчинниками, остальной 31 деревни — припущенниками. В Челябинском уезде из 130 аулов

башкиры 73 являлись вотчинниками, 57 — припущенниками... Таким образом, больше половины башкир северо-востока и востока приняло русское подданство добровольно. Около 40 % сибирских башкир было завоевано Ермаком, правительственными командами Мансурова и других воевод» [20, с. 57–58]. Подобная аргументация, мягко выражаясь, вызывает недоумение. Прямая экстраполяция ситуации с земельными владениями середины XIX века на конец XVI — начало XVII века с категоричными выводами о процентах «завоеванных» и «добровольно присоединившихся» башкир — это пример совершенно некорректного манипулирования информацией.

За два с половиной века — с конца XVI до середины XIX столетия — значительные территории вотчинных земель зауральских тюрков были забраны, куплены или взяты в аренду под строительство слобод, крепостей и заводов. Казалось бы, я написал ровно то, что раньше изложил Б. А. Азнабаев: «Однако главное отличие состояло в том, что зауральские башкиры до начала XVII века не получили вотчинных прав на свои земельные владения, что позволило правительству развернуть здесь масштабное строительство крепостей и острогов» [1, с. 76]. Но это кажущееся сходство, поскольку в главном мы с Булатом Ахмеровичем (как и со многими другими исследователями истории Зауралья) расходимся. То, что земли были забраны (куплены, арендованы) под строительство острогов, крепостей, заводов, вовсе не означало, что зауральские башкиры, равно как и ясачные татары Тюменского и Туринского уездов или ясачные вогулы Верхотурского уезда, не имели вотчинных прав на них. Все они были ясачными людьми и, соответственно, вотчинниками. Но верховным собственником земли являлось государство в лице царя. Можно напомнить, что наличие вотчинных прав совершенно не мешало правительству, или частным лицам с помощью правительства, забрать у башкир земли под строительство Бирского городка, позже — под первый Оренбург, Ельдяцкую крепость, Саткинский, Белорецкий, Архангельский и прочие заводы в Приуралье и т. д.

Причины того, что земли отчуждались, заключались вовсе не в отсутствии вотчинных прав

у ясачного населения, а в том, что государство стремилось развивать сначала крестьянскую колонизацию, затем военное продвижение и колонизацию заводскую. Рассматривать эти ситуации надо более подробно и с учетом особенностей процессов каждого периода и на каждой территории. Не имея возможности сделать это в рамках настоящего раздела, постараемся все же показать, почему использовать информацию о расселении башкир в середине XIX века для реконструкции ситуации начала XVII века абсолютно некорректно.

В 1735 году на Южном Урале началось одно из крупных башкирских восстаний. 11 февраля 1736 года, в разгар восстания, был подписан именной указ императрицы Анны Иоанновны генерал-лейтенанту Румянцеву и статскому советнику Кирилову. Пункт № 16 указа определял: «Хотя по прежним указам и Воеводским наказам, в Уфимском уезде у Башкирцев земли и уголья покупать и крепить не велено, однакож ныне усмотрено, что то запрещение им Башкирцам весьма не полезно: того ради, для лучшей их впредь пользы, указали Мы, то запрещение отменить, и впредь с сего указа, земли и уголья тамошним жителям Дворянам и Офицерам и Мещерякам у Башкирцев покупать и за себя крепить позволить» [40, № 6890]. То есть отменялась неприкосновенность вотчинных земель башкир и предоставлялось право покупать их «дворянам, офицерам и мещерякам». Этим же указом разрешалось строительство крепостей в Южном Зауралье на башкирских землях.

Следствием выхода указа и развития событий в Зауралье стало то, что уже в 1736–1742 годах было поставлено несколько крепостей: Чебаркульская, Миасская, Челябинская, Еткульская, Укы-Карагайская, Верхояицкая. В 1743 году началось планомерное укрепление Оренбургской пограничной линии со строительством крепостей по рекам Уй и Яик [10, с. 81–156]. При этом каждой крепости отводилась земля для хозяйствования ее населения, и отводы эти были достаточно большими. Укажу лишь, что участки земли, отведенные Челябинской, Чебаркульской, Миасской и Еткульской крепостям, смыкались между собой [33]. Земли крепостям нарезались, естественно, из башкирских вотчинных владений, более того, всем четырем перечисленным

укреплениям, а также Уйской и Уклы-Карагайской крепостям, были отведены земли Каратабынской и Барынтабынской нераздельных волостей [32, л. 1; 34, л. 1]. В царском указе 1692 года прописаны границы вотчинных земель Каратабынской: от реки Ай по реке Миасс до озера Аргази, затем до реки Течи, по ней до брода в районе современного села Бродокалмак Челябинской области, отсюда до брода в районе впадения реки Чумляк (Сумляне) в реку Миасс и далее на устье реки Уй и за Тобол, из-за Тобола к верхнему течению Яика (Урала) [25, с. 80]. Но в 1730-е годы государству эти земли понадобились, и часть их была изъята для постройки крепостей. В 1740 году вышло распоряжение начальника Оренбургской экспедиции князя В. А. Урусова о размежевании земель крепостей с вотчинными землями башкир, а старшине Каратабынской волости Таймасу Шаймову направлен от Урусова указ «со объявлением е. и. в. имянного всемилостивейшаго повеления, что за все те земли, которые под строение крепостей заняты и ко оным приписаны будут, положенной на них, башкирцов, ясак по пропорции снимется... а протчими их землями... владеть им, башкирцом, по силе их старинных грамот по-прежнему» [26, с. 503]. То есть власти подтвердили вотчинные права башкир Каратабынской волости, в том числе и самим фактом снятия ясака пропорционально отчужденным землям.

Впоследствии началось строительство металлургических заводов на Южном Урале. А каждому заводу требовались огромные территории лесных угодий для отжига древесного угля, поскольку вплоть до конца XIX века местная промышленность использовала древесный уголь. И земли эти, естественно, покупались или арендовались у местного вотчинного населения. Основанием для покупки или долгосрочной аренды служили горная привилегия и Берг-регламент, согласно которым любой житель страны имел право искать и разрабатывать рудные «прииски», плавить и очищать металл и т. д. Именно на основании Берг-регламента были куплены земли для нужд Каслинского и Златоустовского заводов [36, д. 10, л. 3 об.; 44, д. 4, л. 91]. Позже в договорах о продаже земли заводам стали ссылаться на цитированный указ от 11 февраля 1736 года и общее определение И. И. Неплюева

и Аксакова от 10 июля 1742 года, в котором уточнялось, что продажи башкирских земель следует заверять в Уфимской и Исетской провинциальных канцеляриях [35, д. 7, л. 19 об.— 20].

Вследствие отчуждения земель для нужд крепостей, а затем для обеспечения заводов, к середине XIX века у зауральских башкир осталась лишь небольшая часть их вотчинных угодий. Но произошло это вовсе не потому, что они изначально не имели вотчинных прав на земли, а просто потому, что для государства было важнее строительство крепостей и заводов, чем соблюдение вотчинных прав местных жителей. Поэтому делать выводы о добровольном или принудительном вхождении тех или иных родо-племенных групп башкир на основании материалов о землевладении середины XIX века не просто странно, а в принципе недопустимо.

Что же касается вотчинных прав, то очень хорошо иллюстрирует этот вопрос один из давно опубликованных документов. В царском указе 1694 года, присланном уфимскому воеводе Д. Н. Головину, в ответ на челобитную башкир всех четырех дорог сказано: «...наше де великих государей жалованья вотчины за ними в Уфимском уезде — леса, рыбные ловли, бобровые гоны и звериные ловли и всякие угодья, и тем нашим великих государей жалованьем вотчинами пращуров и прадедов, и деды, и отцы их владели по своим урочищам и тамгам, и они також владеют по родству по прежним тамгам и урочищам, и на те их старинные вотчины у прадедов и у дедов и у отцов их письменных крепостей нет, кроме ясашной книги, по чему платят в нашу, великих государей, казну куничной и лисий ясак и медвяной оброк... И как к тебе ся наша, великих государей, грамота придет, и ты б их угодий и земель русским пришлым людям в оброк, и в тягло, и в службу отдавать не велел» [25, с. 82–83]. Жалованные грамоты вовсе не были необходимы для признания вотчинных прав.

Как уже говорилось, вотчинное право было связано с ясачным (или служилым) статусом населения, что полностью подтверждается процитированным документом. Можно привести пример из одного дела XVIII века, когда башкиры Бала-Катайской волости объясняли: «А чем она земля

им, белокатайцам, то есть дедам их и прадедам крепка, были ль какие данные крепости или указы, того он, Абдулла и другие белокатайские старожилы никто не знают. У него Абдуллы и ни у кого никакого виду не имеетца, владеют издревле ею, как и других волостей башкирцы» [44, д. 7, л. 129 об.]. На что чиновники Исетской провинциальной канцелярии отмечали: «В Ысецкой правинциальной канцелярии определено: хотя предписанным Абдуллой никакого права, кроме того, что издревле прапрадеды, прадеды, деды и они тою землею владеют, не объявил, но небезъизвестно, и других волостей у вотчинников не у всякова крепости или грамоты есть, а владеют из давних лет, тако ж как Абдулла с товарищи» [Там же]. Таким образом, власти вполне признавали право владения «по старине» и не требовали обязательного наличия жалованных грамот. Вотчинное право зауральских башкир признавалось без особых вопросов, причем применительно ко всем родо-племенным группам (волостям). Что же касается основных территорий вотчинных угодий Сызгинской, Айлинской, Куваканской и Китайской волостей, то они были проданы под строительство заводов в 1750-е годы, причем в документах оговаривается, что это именно старинные вотчинные земли [35, д. 7, л. 66–66 об.; д. 8; д. 11; 36, д. 6, л. 27–41 об., 136–145 об.].

Совсем странно выглядит ситуация с табынцами: поскольку представители этого рода дольше всех воевали с русскими на стороне Кучума и его потомков, у них, по логике авторов упомянутых трудов, вообще не должно было быть вотчинных прав. Но выше уже указывалось, что наличие вотчинных земель у башкир Каратабынской волости было подтверждено царским указом 1692 года. Могу добавить, что в 1842 году подавляющее большинство деревень этой волости стояло на собственных вотчинных землях [12, с. 210–233].

Понятия «вотчина» и «вотчинные угодья» встречаются в документах, касающихся ясачного и служилого населения уральских и сибирских уездов, довольно часто. Я процитирую несколько документов, которые подтверждают, что ясачные люди, как и служилые, владели вотчинами не только в Уфимском уезде.

4 июля 1620 года. Царская грамота в Туринск воеводе Данилу Милославскому: «Писал еси к нам и прислал Туринского острогу ясашных татар... 20-ти человек челобитную на верхотурского жильца на Ортюху Бабинова с товарищи... И будет так, как нам Туринского острогу есачные татаровья Ишмаметко Тентюков с товарищи били челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про то сыскал туточными ясачными людьми старожильцы: их ли ясачная вотчина, и почему владеет Ортюшка Бабинов; да будет та земля их старинная ясачная, а тот Ортюшка с товарищи будет деревню поставил насильством без вашего указа, и ты б ту землю отдал Туринского острогу ясачным татарам, а Ортюшке б еси отказал и вперед ему тою их землею владеть не велел» [29, с. 296].

18 июля 1628 года. Грамота на Тюмень воеводе Петру Пушкину: «Писал еси к нам и прислал под отпискою Тюменского уезду Кынырские и Бачкурские и Терсяцкие волости ясачных татар Ясаула Мурзагелдея Енабекова с товарищи челобитную, а в челобитной их написано: платят де они нам наш ясак по вся годы бобрами и лисицами и белками, с женатых в цену против 3 рублей 10 алтын; а с холостых в полы; и нынешней де на 136-й год ваш ясак платим с великою нужою, что прикочевали под Тюмень многие колмацкие люди и их ясашных людей вотчинные речки, и угодья у них у ясачных людей отняли... И мы указали: ...будет колмацкие люди не послушают, прочь не пойдут и тюменским ясачным людем тесноту и налогу учнут чинити, вотчинные их угодья пустошити и их учнут грабить и побивать, и на них посылать тюменских служилых людей [29, с. 394–395].

В писцовых книгах Михайла Кайсарова по Кунгурскому уезду все угодья ясачных татар (остяков) записаны как вотчины: «А вотчина у них у всех Рожинских остяков река Шаква от вершины и до устья реки до Сылвы, по обе стороны, на сто пятьдесят верст с бортные ужожи, и звериными и с рыбными ловлями, и з бобровыми гоны... А вотчина их старинная, обща с сылвенскими остяками с Танайком Ебалаковым, да Сыгибирдейком Баишевым... по реке по Сылве вверх от остяцкого от Молебного Камени до Частова острова, по обе стороны реки Сылвы на пятнатцеть верст со всеми угоды; да река

Сылва же от Малыя речки до речки Тару; да речка Таз от вершины до устья до реки до Сылвы по обе стороны на пятнадцать верст; а знамена их писаны выше сего — с Рожинским и Шаквинскими знаменами вместе. Рожина же улусы юрты стоят врозни по реке по Сылве и по малым речкам... А вотчина тех Юрманских остяков по реке по Сылве вверх от озера Акзибая выше Органы речки до Сухова врагу, по правой стороны Сылве, со всеми угодами...» [19]. И так далее.

Право на вотчинные ясачные земли, существовавшее по факту уже в XVI веке, было отобразено и в «Соборном уложении» 1649 года: «А будет некоторые московские и из городов дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди учнут в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясачных людей земли имати з дачею, или покупати, или в заклад, или в наем на многия лета имати, или меняти, и у тех всяких чинов людей те татарския поместныя и ясачныя земли имати на государя, да им же за то от государя бытии в опале» [39, с. 80–81]. Приведенная выше цитата, упоминающая ясачные земли, взята из статьи 43 главы XVI «Соборного уложения», а эта глава называется «О поместных землях», хотя речь в ней идет и о поместьях, и о вотчинах [Там же, с. 74–87]. Впрочем, и в следующей главе XVII, которая называется «О вотчинах», точно так же встречаются и статьи о поместных землях [Там же, с. 87–100]. Соответственно юридический статус ясачного населения определялся как статьей 43 главы «О поместных землях» «Соборного уложения», так и наказными грамотами воеводам, шертными записями, царскими указами по поводу ясачных земель, уплаты ясака и т. д. То есть всех тех актов, которые мы можем охарактеризовать как «источники права».

Таким образом, все ясачные башкиры и тарханы зауральских башкирских волостей являлись вотчинниками. Точно так же как ясачные и служилые татары Тюменского уезда, ясачные вогулы Верхотурского уезда и др.

Список источников и литературы

1. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII в.): монография. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2005. 228 с.;
2. Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII — первой трети XVIII в. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2016. 370 с.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841. 476 с.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. 538 с.
5. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4: 1645–1676. СПб., 1842. 599 с.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Дополнены и изданы высочайше учрежденною Комиссиею. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1836. 518 с.
7. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1.
8. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Сибир. огни. 1927. № 3. С. 95–129.
9. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3, ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 303 с.
10. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.
11. Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. 353 с.
12. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. / публ. А. З. Асфандиярова // Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа: БФ АН СССР, 1976. С. 196–342.
13. ГАПК. Ф. 177. Оп. 2. Д. 121.
14. ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.
16. Государственность России: слов.-справ.: в 6 кн. Кн. 6: Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного самоуправления и частнопроводные акты: конец XV века — февраль 1917 года: в 2 ч. Ч. 1: А–Л. М.: Наука, 1996. 359 с.
17. Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 7: Верхотурский край в XVII веке. Пермь, 1897. 258 с.
18. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 624 с.
19. Ислаев Ф. Писцовая книга пермских татар // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2008. № 1. С. 45–59.
20. История башкирского народа: в 7 т. Т. 3. Уфа, 2011. 476 с.
21. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / под ред. И. Г. Акманова. Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. Уфа: Китап, 2007. 488 с.
22. Исхаков Д. М. К вопросу об «остячком» компоненте пермских татар и его связи с носителями Сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С. 114–121.
23. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880. 110 с.
24. Кулбахтин Н. М. Жалованные грамоты Ивана Грозного башкирам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vatandash.ru/index.php?article=1505> (дата обращения: 20.05.2019).
25. Материалы по истории Башкирской АССР: в 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 631 с.
26. Материалы по истории Башкирской АССР: в 3 т. Т. 3. М.; Л., 1949. 783 с.
27. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в.: в 6 т. Т. 6 / авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Уфа: Китап, 2002. 768 с.
28. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 1. 3-е изд. М.: Вост. лит., 1999. 630 с.
29. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 2. Изд. 2-е доп. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
30. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 3. М.: Вост. лит., 2005. 598 с.
31. Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. 269 с.
32. ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 164.
33. ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 448.
34. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 44.
35. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1.
36. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1.
37. Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. 1872. Т. 10. № 5.
38. Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара?: Исторические разыскания академика П. П. Пекарского. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. 31 с.
39. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1: С 1649 по 1675. СПб., 1830. 1075 с.
40. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 9. 1027 с.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 13 (первая половина). СПб.: Изд. Имп. Археограф. комиссии, 1904. 308 с.
42. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 261 с.
43. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261.
44. РГАДА. Ф. 411. Оп. 1.
45. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 240.
46. Роднов М. И. В поисках татарской истории // Река времени. Уфа: УНЦ РАН, 2013. С. 154–162.
47. Самигулов Г. Х. Территория Сафакулевского района в XVII — начале XIX века // Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века): монография / под ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012.
48. Самигулов Г. Х. Тюркские этно-сословные группы Южного Зауралья XVIII — первой половины XIX века (к постановке проблемы) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации: материалы Междунар. науч. конф., г. Барнаул, 25–27 нояб. 2012 г. / под ред. Т. К. Щегловой, Г. Ф. Габдрахмановой. Барнаул: АлтГПА, 2012. С. 163–170.
49. Самигулов Г. Х. Ичкинские юрты: новые материалы к истории тюркского населения Зауралья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всерос. науч. конф., г. Курган, 17–18 апр. 2014 г. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 92–97.

50. Самигулов Г. Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 138–142.

51. Самигулов Г. Х. К изучению исторической географии территорий по Исети и Пышме XVII века // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2016. № 1 (32). С. 84–95.

52. Самигулов Г. Х. Материалы сыска тобольского дворянина Ивана Полозова 1695 года в свете вновь выявленных документов // Науч. диалог. 2016. № 9 (57). С. 217–229.

53. Самигулов Г. Х. Захребетные татары в Тюменском уезде XVII — первой трети XVIII в. // Науч. диалог. 2017. № 5. С. 266–281.

54. Самигулов Г. Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века // Науч. диалог. 2017. № 1. С. 183–203.

55. Самигулов Г. Х. Уиратская волость или проблемы источниковедения истории тюрков Зауралья XVII–XVIII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всерос. (с международным участием) науч. конф., г. Курган, 21–22 апр. 2017 г. Курган : Библ.-издат. центр КГУ, 2017. С. 108–109.

56. Самигулов Г. Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен — практические размышления о теории // Золотоордын. обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369.

57. Самигулов Г. Х., Татауров С. Ф. Аялынская волость в Тарском Прииртышье и Южном Зауралье // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. № 49. С. 94–98.

58. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. 706 с.

59. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М., 1813. 533 с.

60. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой. М., 1819. 399 с.

61. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8.

62. Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. 73 с.

63. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1982. 336 с.

64. Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842. 120 с.

65. Шакурова Ф. А. Башкирская волость и община в середине XVIII — первой половине XIX века. Уфа, 1992. 138 с.

66. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

67. Якутия в XVII веке: очерки / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1953. 441 с.

Сокращения:

ГАПК — Государственный архив Пермского края

ГАСО — Государственный архив Свердловской области

ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Лето. Учалинский район
Республики Башкортостан.
2012 год. Фото: Г. Самигулов

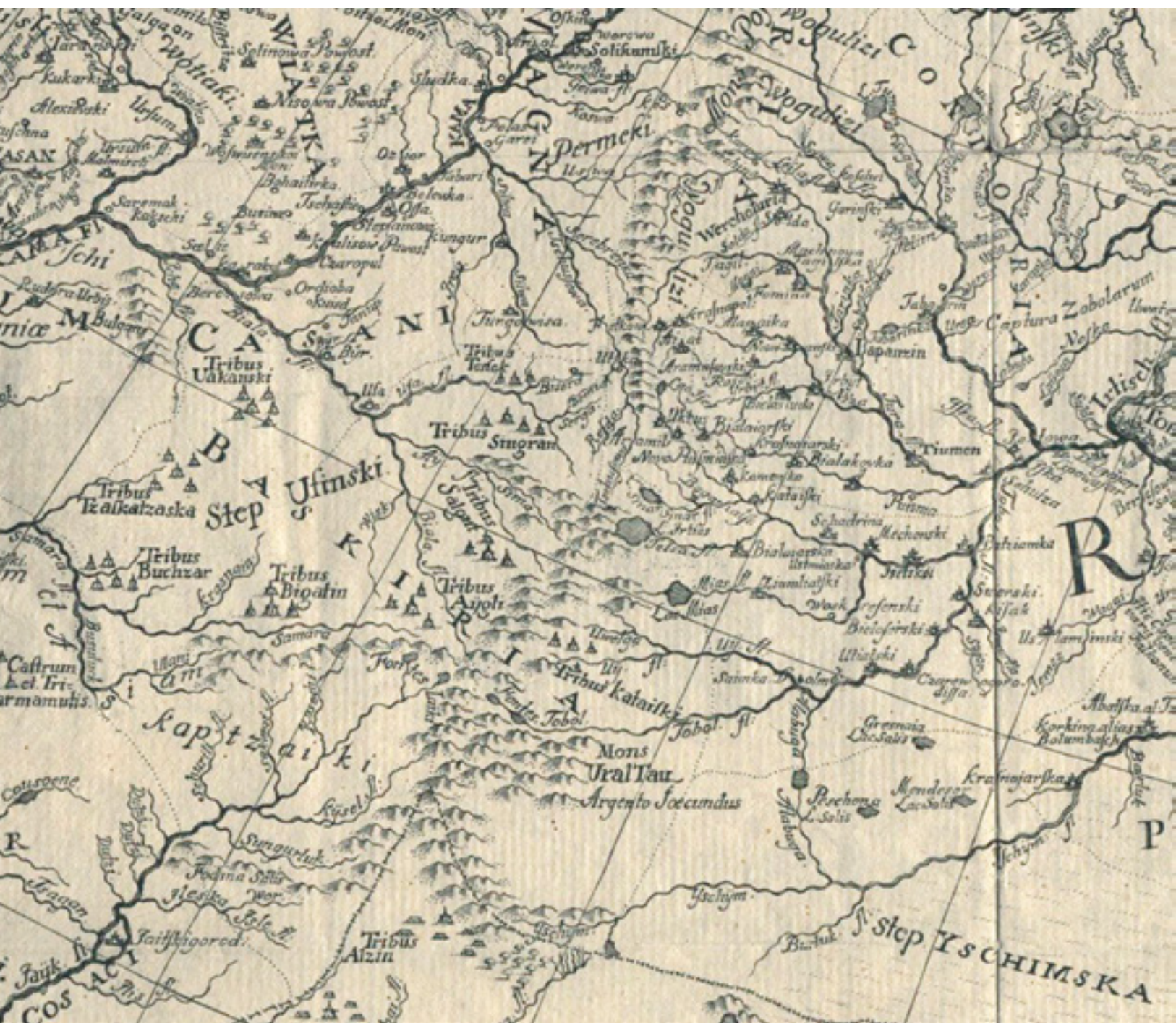

История Южного Урала

6
Том
глава
4

РАССЕЛЕНИЕ
И ХОЗЯЙСТВО
ТЮРКОВ
ЗАУРАЛЬЯ

Глава 4. РАССЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО ТЮРКОВ ЗАУРАЛЬЯ

Как уже было сказано, зауральские тюрки составляли культурно-хозяйственную общность на территориях от Уральского хребта, до рек Тура и Тобол (в нижнем его течении). Основой хозяйства было скотоводство. Они не были кочевниками, но летние и зимние пастбища порой разделяли сотни километров. Помимо пастбищ были еще обширные земли, использовавшиеся как охотничьи угодья. Причем эти территории использовались как места охоты практически всеми зауральскими тюрками — и башкирами, и ясачными и служилыми татарами Туринского, Тюменского и части Тобольского уезда. Земли Илецкого бора (Илет Карагая) по реке Ик, связанных с ним боров Арал Карагая и Хама (Кама) Карагая, земли между Миассом и Тоболом, а также озера и урочища к востоку от Тобола и по Ишиму использовались в качестве зверовьев табынцами, катаяцами, терсяками, кинырцами и иными группами башкир и ясачных татар на протяжении всей первой половины XVII века. В расположении этих зверовий заметно два нюанса. Во-первых, наиболее южные

из них, в Кама Карагае, располагались где-то в районе впадения реки Убаган в Тобол, где и сейчас расположены значительные боровые террасы. Вторых, складывается впечатление, что собственно все эти земли не использовались тюрками Зауралья для постоянного проживания, поскольку юрты чаще всего располагались по Пышме, Туре, Исети и ближе к Уральскому хребту.

Прежде чем перейти собственно к знакомству с особенностями расселения тюркского населения Зауралья, необходимо более подробно рассмотреть основное подразделение этого населения в рамках Российского государства — волость.

Ясачная волость достаточно редко становилась предметом исследования. Можно назвать двух авторов, в работах которых эта тема была достаточно подробно рассмотрена: Ф. А. Шакурова [45] и Л. И. Шерстова [46]. Но если мы возьмем академическое издание «История Урала», то обнаружим, что в разделах, посвященных XVI–XVII векам, ясачные волости практически не рассматриваются, да и собственно ясачному населению уделено минимум внимания [15, с. 139–251]. В «Уральской исторической энциклопедии» ясачная волость трактуется так: «...в XVII в. единица обложения ясачной повинностью коренного населения. Уральская волость ясачная, как правило, соответствовала сотне. В отличие от сотни в названии волости отражалось ее месторасположение (волость на Туре реке; волость на Мугае)» [44, с. 128]. Определение верное, но достаточно аморфное по формулировке

Фрагмент карты Ф. И. Страленберга. 1730 г. Обозначены некоторые тюркские племена Южного Урала и Зауралья (tribus — племя). Но их расположение вызывает много вопросов. В частности, племя катая показано на реке Тобол в верхнем его течении, сынрян — по левому берегу реки Уфы,

а терсяк — по правому берегу той же реки, айле помещены на правобережье Белой, сальют — на реку Ай, а бикатин вообще на реку Самару. Карта явно не отображает реального положения вещей в вопросе расселения тюркских родоплеменных групп на Южном Урале и в Зауралье

и излишне лаконичное — собственно характеристики, определяющие ясачную волость, здесь не акцентированы. Достаточно характерно определение, которое приведено в учебнике «История Урала» для 10–11-х классов общеобразовательных школ: «...административно-территориальная единица (на Урале, в Поволжье и в Сибири), входившая в состав уезда и населенная аборигенами, платившими государству ясак» [16, с. 84]. Наверное, странно ссылаться на школьный учебник, но это можно объяснить катастрофической нехваткой обращений к рассматриваемой теме в научной литературе. К тому же состав авторов этого учебника вполне представительен. Это определение фактически отображает представления большей части научной общественности, которая напрямую не соприкасается с темой социальной истории ясачного населения Поволжья, Урала и Сибири.

Ясачная волость, в представлении части исследователей, являлась аналогом волости земледельческой, только населяли ее не крестьяне, а ясачные люди. Следовательно, основой выделения такой волости является территория, что и прописано в цитированном выше определении: «административно-территориальная единица». Представляется, что такое восприятие для зауральской (и не только) действительности ошибочно и мешает при интерпретации документов XVII, да и XVIII века. Исследовательница феномена Башкирской волости Ф. А. Шакурова выделяет как минимум три значения слова «волость» для Башкирии: земельная организация, наделенная правами собственника, административно-территориальное образование и волость как обозначение рода [45, с. 41–44]. В идеале все три значения должны были совпадать. Сошлемся также на мнение Л. И. Шерстовой о социальной организации кыргызов Южной Сибири в XVII веке: «Социальная структура кыргызского общества была вполне четкой и определенной. В основе ее понятие «улус», т. е. держание, состоящее из зависимых людей, населенное податными людьми, и лишь затем и только вкуче с ними — территория, на которой те в каждый данный момент обитают» [46, с. 26]. Это очень точное определение. Таким образом, основой формирования и существования ясачной волости служила не территория, а подат-

ное население. Соответственно территория была вторична в определении ясачной волости.

При изучении документов XVII века необходимо учитывать приведенные выше выкладки, это позволит избежать ошибок, которыми чревато восприятие текста документов сквозь «призму» наших стереотипов.

Анализ расселения разных групп тюркского населения затрудняется разной системой наименования ясачных волостей, сложившейся в разных уездах. Волости в Уфимском уезде соответствовали родо-племенной группе (роду, племени), по имени которой и назывались: Катайская, Упейская, Табынская и т. д. В Верхотурском, Тобольском, Туринском и Тюменском уездах зачастую выделение ясачных волостей происходило произвольно, исходя из представлений или интересов местной администрации. Такие волости могли объединять группы населения, относящиеся к разным родовым подразделениям, либо наоборот, территория хозяйствования одного рода могла быть разделена на две или больше волостей. Относительным исключением из этого правила в Верхотурском уезде была Терсякская (Терсяцкая) волость, а также Сырнянская волость, территория которой позже (в 1671 году) отошла к Тобольскому уезду [38]. Остальные интересующие нас образования в Верхотурском и Тюменском уездах назывались по географическим объектам: Аятская, Верх-Чусовская, Верх-Уфимская, Исетская и Пышминская, волость Киньрского городка и т. д. При этом ясачное население в документах обычно обозначалось по принадлежности к волости, а не к родовому подразделению: ясачные вогулы Аятской волости, ясачные татары Киньрского городка и т. д. Соответственно определить родовую принадлежность ясачных людей большинства волостей Верхотурского, Тюменского и Туринского уездов достаточно сложно. Есть и другие сложности: если в документах Уфимского уезда еще в XVIII веке многие обращения

Тамга — родовой или личный знак, выполнявший функцию подписи, знака собственности. Обычно имел вид геометрической фигуры.

У тюркского населения зачастую представители одной родо-племенной группы использовали одну и ту же тамгу.

башкир снабжены изображениями родовых знаков (тамг), то в документах Тюменской приказной избы практически во всех документах за ясачных людей расписывались русские. Таким образом, и возможность сравнить тамги разных групп населения соседних уездов отсутствует, за редким исключением.

Еще одна причина, крайне затрудняющая реконструкцию родо-племенного состава тюркско-го населения Верхотурского и Тюменского уездов: в XVII–XIX веках ясачное население разных уездов обозначалось с помощью этнонимов, причем в разных уездах обозначения могли отличаться. Так, ясачных людей Верхотурского уезда обозначали как вогулов вне зависимости от их этнической принадлежности; в Тюменском и Туринском уездах ясачных людей называли татарами, а в Уфимском — башкирами. Проиллюстрирую это на примере ясачных людей из племени терсяк. В Верхотурском уезде вплоть до последней трети XVII века их называли вогулами [5, с. 165–166; 23, с. 346, 375–376]; в Тюменском уезде терсяки (как и все прочие ясачные) именовались ясачными татарами [22, с. 449, 455; 41, д. 8, л. 170]. В Уфимском уезде представителей рода терсяк звали башкирами. Это можно выяснить при сопоставлении документов. В достаточно известных документах «Сыска и досмотра Ивана Полозова» перечислены некоторые башкирские селения Южного Зауралья, в том числе «от Катайского острогу по мере в 10-ти верстах живут башкирцы Россан-бек с товарищи в 10-ти юртах, а от тех юрт в дву верстах у озера Коклану живут башкирцы Росланбек с товарищи в 10-ти юртах... а от тех юрт в 5-ти верстах живут башкирцы Якшинбетко с товарищи в 5-ти юртах...» [20, с. 85]. В 1768 году терсяки Исетской провинции подали челобитную в Сибирскую губернскую канцелярию, где объясняли, что некоторые из башкир, перечисленных в сыске И. Полозова, — их родственники: «... из них, просителей, сотнику Чирикову Розсамбек дед, Ибрай Сабанов[у] Разсланбек дядя, Тапу Илгинееву Икшимбетко дед же родныя...» [8, д. 121, л. 92]. Иначе говоря, проживавшие в конце XVII века на территории Уфимского уезда представители племени терсяк обозначались в документах того времени как башкиры. Повторимся — ясачное

население одного уезда обозначалось зачастую одним этнонимом вне зависимости от происхождения. В подтверждение этого процитирую фрагмент из документа, который привел в одной из своих статей Б. А. Азнабаев: «...просьба Тогая Белякова от 1620 г. В своей челобитной он называет себя “казанским чувашенином Зюрейской дороги деревни Берсю”, однако указывает на то, что “...в Уфинском уезде в Юрминской волости вотчина моя от дедов и прадедов потому, что я, государь, башкирец и с той вотчины плачу ясак на Уфе с юрминскими башкирцами”» [2, с. 25]. Как мы уже видели и увидим дальше, использование этнонимов для обозначения групп ясачного населения предопределило интерпретации этнической принадлежности этого населения в более поздних работах.

В частности, обозначение ясачного населения Верхотурского уезда как вогулов, весьма затруднило выяснение языковой принадлежности жителей некоторых волостей. Кроме того, слабая изученность специфики системы подчиненности податного населения привела к возникновению версии об уходе населения ряда ясачных волостей Верхотурского уезда «в степь», «в Уфимский уезд» и т. д. Анализ этой ситуации посвящен следующий раздел.

Тюркские ясачные волости Верхотурского уезда

Уже отмечалось, что часть тюркского населения после формирования Верхотурского уезда оказалась на его территории. Однако тема тюркского населения этого уезда на сегодняшний день практически не изучена. Наверное, единственная работа, в которой предпринята попытка интерпретации языковой, а иногда и этнической принадлежности населения разных волостей Верхотурского уезда, — фундаментальный труд Б. О. Долгих. Борис Осипович полагал, что практически все ясачное население Верхотурского уезда XVII века (за исключением терсяков) было вогульским по этнической принадлежности, в том числе и ясачные люди Верх-Уфимских волостей [14, с. 21]. Очевидно, свое

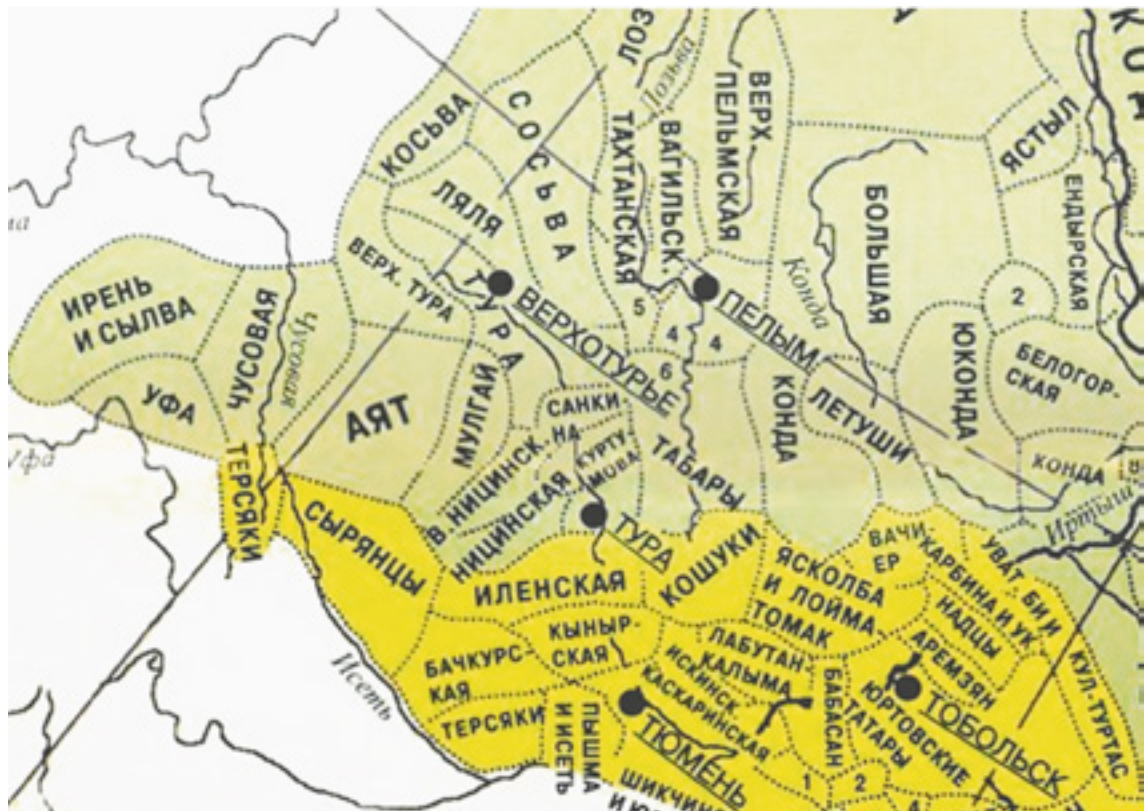
магическое воздействие оказывали слова «вогулы» и «остяки» («иштэки»). Например: «Сылвенские и иренские вогулы сначала пишутся как остяки (1606 г.), а затем как “татары и остяки” (1613 и 1626 гг.) или даже просто как татары (1617 г.). Мы в определении их этнической принадлежности исходим из их первоначального определения как остяков, т. е. вогулов» [Там же, с. 22]. Или: «Хотя наши источники называют население верховьев Уфы татарами, мы предполагаем, что это все-таки были вогулы. Переписью 1897 г. коренные обитатели р. Бисерт (притока Уфы в ее верховьях) в Кленовской волости Красноуфимского уезда зарегистрированы как вогулы» [Там же, с. 21]. Иначе говоря, в эпоху господства примордиалистского подхода и практически полного отсутствия исследований по истории ясачного населения и его места в социальной структуре населения Российского государства понятия «вогул» и «остяк» воспринимались только как этнонимы. Разглядеть в этих терминах обозначение групп податного, а точнее, ясачного сословия было очень сложно. Визуальным отображением такой трактовки является карта, составленная Б. О. Долгих, на которой показана

языковая принадлежность населения разных волостей Сибири.

Если исходить из описанного выше подхода, тюркского населения в Верхотурском уезде в XVII веке, казалось бы, не было, за исключением терсяков и сынрянцев. Но и сынрянцы и терсяки, как будет показано ниже, по убеждению большей части авторов, писавших об истории этих территорий, ушли из Верхотурского уезда еще до последней трети XVII века. Как только мы обращаемся к истории этих мест в XVIII веке, оказывается, что вся территория по Уфе, земли в верхнем течении Чусовой, по Серге, Полевой, Режу и т. д. — башкирские. И не просто башкирские, а вотчинные владения. Но поскольку никто не пытался рассмотреть историю ясачных волостей этой территории на протяжении XVII–XVIII веков, то и соотнести волости XVII и XVIII веков бывает очень трудно. Да и локализация некоторых из них в XVII веке (в частности Терсятской) в работе Б. О. Долгих не очень точна.

Ясачные волости, существовавшие на Уфе, Чусовой и Исети, по мнению ряда авторов, «исчезли» в конце XVI — второй трети XVII века. Констатируется, что население этих волостей ушло, но за-

Фрагмент карты распространения языковых групп из монографии Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.». Зеленой заливкой показаны группы, которые автор относил к уграм, желтой — к тюркам

частую без уточнения, куда именно переселились ясачные люди. В ясачных книгах Верхотурского уезда с определенного времени эти волости также не фигурируют. Однако в ходе своих изысканий я все больше убеждался, что ясачное население этих волостей в значительной части оставалось на территориях по Чусовой и в верхнем течении Исети или Уфы и в конце XVII, а зачастую и в XVIII веке. Какие же волости имеются в виду? Терсякская (Терсяцкая), Аятская, Сырянская (Зырянская, Синерянская и т. д.), Верх-Чусовская и две Верх-Уфимские.

Практически никто из современных авторов, занимающихся историей Урала XVII века, не принимает в расчет Сырянскую волость в верхнем течении Исети, поскольку все убеждены, что ее в то время уже не существовало. Об уходе со своих вотчинных земель ясачных людей Сырянской волости в конце XVI века писал еще Г. Ф. Миллер: «... не признавая больше русскую власть, ушли затем в отдаленные места» [21, с. 282]. Все последующие авторы основывались на его тексте. Б. О. Долгих в своей работе повторил информацию о сырянах из книги Г. Ф. Миллера [14, с. 42]. Еще две волости Верхотурского уезда, Терсякскую и Аятскую, объединяет то, что и там и там жили представители племени терсяк. Как сообщает Б. О. Долгих, «татары (башкиры) Терсяцкой волости (“верхние терсяки”) с верховьев Чусовой уже в 1630 г. бежали в Тюменский уезд к соплеменникам, хотя еще в 1634 г. продолжали формально числиться в Верхотурском уезде... аятские вогулы (“остяки и татары”) в 1663 г. ...” изменили и отъехали в поле» [Там же, с. 23–24]. Примечательно, что «верхних терсяков» Б. О. Долгих соотносил с волостью «вверх Чусовой» [Там же, с. 21].

Та же точка зрения транслируется и в работе по истории Уктуса: «С запада с бассейном Уктуса непосредственно соседствовала Терсяцкая (“Верхние Терсяки”) ясачная волость Верхотурского уезда. Вместе с вогулами терсяки жили, видимо, в располагавшейся севернее “сырянцев” Аятской волости того же уезда» [6, с. 8]. «Верховья Пышмы и Исети заселяли, вероятно, так называемые “сырянцы”, “зырянцы”» [Там же, с. 8–9]. Авторы книги про Уктус сообщают, что после ухода терсяков ближайшими с запада к верховьям Исети и Пышмы

коренными жителями остались «Чусовские вогуличи», жившие в волости «верх Чусовой реки», а с юга с бассейном Уктуса граничила Челжеутская (Салжеутская, Сальютская) волость Сибирской дороги Уфимского уезда [Там же, с. 8–9]. Насчет Верх-Чусовской волости мнение процитированных авторов расходится с точкой зрения Б. О. Долгих: напомню, что он помещал в Верх-Чусовской волости терсяков. Относительно Сырянской волости авторы книги повторяют выкладки Г. Ф. Миллера и Б. О. Долгих.

Другой точки зрения придерживался Р. Г. Кузев: «Уход сырянцев с левобережья Исети и переселение их на юг имели место в конце XVII в., когда на Пышме и Исети башкирское и татарское население постепенно сменилось русским» [18, с. 239]. «В XVI — начале XVII в. терсяки жили “вверх [по] Чусовой”, где была Терсяцкая волость. <...> В начале XVII в. большая часть терсяков бежала в Тюменский уезд. Там также в 1630 г. появляется Терсяцкая волость... Примерно в одно время с сырянами терсяки покинули междуречье Пышмы и Исети и поселились южнее Исети, в сальютских землях» [Там же, с. 241]. Как видим, Раиль Гумерович несколько иначе реконструировал ситуацию с переселениями сырянцев и терсяков, чем авторы, цитировавшие выше. Хотя есть и значительные совпадения.

Две Верх-Уфимские волости, как понятно из их названий, находились в верхнем течении реки Уфы. Как отмечено в работе Б. О. Долгих, «часть верх-уфимских “татар” (башкир) в 1641, 1646 и 1648 гг. “отошла на Уфу”, хотя некоторые из них в 1645 г. продолжали еще числиться в Верхотурском уезде» [14, с. 23]. Из приведенной цитаты мы узнаем, что жители обеих Верх-Уфимских волостей также в 1640-е годы «отошли на Уфу»; в таблице, приведенной в исследовании Бориса Осиповича, показано, что ясак после 1663 года с этих волостей не взимался [Там же, с. 24].

Такова одна версия развития событий: ясачное население Сырянской, Терсякской и Аятской, Верх-Уфимских волостей ушло со своих территорий в период с конца XVI по конец XVII века. «Верх-Чусовская», по версии Б. О. Долгих, была лишь другим названием Терсякской волости. По

версии авторов книги об Уктусе, Верх-Чусовскую волость населяли «ясачные вогуличи», а располагалась она к западу от верховьев Исети и реки Уктус.

Есть другая точка зрения на историю этих (и не только) волостей в XVII веке, высказанная Б. А. Азнабаевым: «Несмотря на незначительность административного и военного присутствия российской власти в Уфимском уезде Приказ Казанского дворца посчитал необходимым, в 20–40-е годы XVII века, передать в ведомство уфимских воевод башкирские волости Тюменского уезда. К 1629 году к Уфимскому уезду отошла обширная Катайская волость по реке Исети. В период 1641, 1646 и 1648 годов башкиры Терсяцкой и Сырнянской волостей были выведены из подчинения верхотурского воеводы и переданы уфимским властям» [1, с. 77]. Несмотря на уверенный тон изложения, эта версия достаточно сомнительна. Так, Катайская волость в 1629 году уже входила в состав Уфимского уезда, поскольку в документе 1623 года говорится: «... съехались Уфинского уезду Катайской волости татарове и Верхотурского уезду сырянцы» [22, с. 423]. Нет никаких документальных подтверждений тому, что территория этой волости ранее входила в состав Тюменского уезда. Б. А. Азнабаев в цитированном выше тексте о передаче волостей в ведение Уфимского уезда ссылается на Г. Ф. Миллера [1, с. 77]. Никаких упоминаний о подобной передаче я в работе известного историка не нашёл¹. Практически буквальное совпадение с текстом Б. А. Азнабаева по датам и, условно, по смыслу можно увидеть в книге Б. О. Долгих (эту цитату я уже приводил, но повторю еще раз): «Часть верхуфимских “татар” (башкир) в 1641, 1646 и 1648 гг. “отошла на Уфу”, хотя некоторые из них в 1645 г. продолжали еще числиться в Верхотурском уезде» [14, с. 23]. Но в работе Бориса Осиповича речь идет не об официальной передаче волостей из ведения Верхотурского уезда, а об уходе населения. И Верх-Уфимские волости — это не Терсятская и не Сырнянская. Иначе говоря, никаких подтвержде-

ний того, что произошла официальная передача волостей из Верхотурского в Уфимский уезд, нет.

В действительности ситуация развивалась не по первому и не по второму сценарию. Постараемся разобраться, что же именно происходило.

Жители Сырнянской волости в 1590-е годы находились в ведении Тюменского уезда и вместе с другими ясачными татарами, подведомственными Тюмени, были направлены на строительство города Тары в 1595 году [21, с. 351]. При создании Верхотурского уезда территория волости была включена в его состав, и в первой четверти XVII века сырянцы платили ясак Верхотурью [22, с. 341–342]. Но уже в 1630-е годы они решили, что выгоднее быть уфимскими ясачными людьми — «ясашныя татаровя зырянцы Уфимского уезда» упоминаются в 1635 году [Там же, с. 492]. При этом они не сменили место жительства, и по-прежнему Сырнянская волость располагалась в верхнем течении Исети и по ее притокам — Уктусу, Сысерти, Синаре. То есть территориально они оставались в Верхотурском уезде. Но сырянцы (сырянцы) считали, что живут «Уфимского уезда Сибирской дороги Сенирянской волости» [11, д. 1092а, л. 81 об.]. Так считали и их соседи — ясачные люди Тюменского уезда. В мае 1663 года вернулись в Тюменский уезд, на Пышму, «Кынырского городка и Бачкурские волости ясашные татаровя, которые были в отъезде у сенгирянцов башкирских татар». А отъехали они, опасаясь расправы, «к усегирянцам башкирским татаром з женами и з детьми и жили они у сенгирянцов в Уфимских уездах с вершин Исетских»² [41, д. 8, л. 216–217]. То есть ясачные Тюменского уезда считали сырянцев, обитавших в верховьях Исети, жителями Уфимского уезда, поскольку те платили ясак в Уфу. Но, повторюсь, территория эта до 1671 года административно относилась к Верхотурскому уезду. В 1671 году было проведено межевание земель Верхотурского и Тобольского уездов [29, д. 89, л. 44–49], в результате которого земли в верховьях Исети, включая вотчинные земли тюр-

1

Булат Ахмерович ссылается на «Историю Сибири» Г. Ф. Миллера, но ни в издании 1937 года, ни в издании 2005 года на указанной странице речь не идет об этих волостях, и датировка документов, цитируемых на этой странице, совсем другая — начало XVII века.

2

Напомню, что речь идет о периоде восстания нерусского населения Южного Урала и Зауралья. Тюрки Кынырского городка и Бучкурской волости ушли к сырянцам от возможной расправы со стороны отрядов русской «вольницы» из соседних слобод.

ков Сырнянской волости, отошли к Тобольскому уезду³.

Границы Сырнянской волости, зафиксированные в 1673 году со слов самих сырнянцев: «181 (1673–1674 гг.) году в переписных ясашных вотчинных книгах переписи уфимские приказные избы подьячего Ивана Жилина да иноземского списку Наума Ногатикова написана... Вотчина де у них у сенирянцов у всех вопче за Урал горою, на степной стороне, а межа той вотчине с вершины речки Багаряк и до устья, а от той речки с вершины речки Елганды (современная Боевка.— Г. С.) и до устья, а от устья той речки по речку Казиганды до вершины и до устья, да на вершины речки Уйлабасты и до устья, да через речку Сесер (Сысерть.— Г. С.) на сосняг а с того соснягу на вершины речки Исеть и с вершины Исети на речку Уктус, с устья и до вершины» [11, д. 1092а, л. 81].

Таким образом, сырнянцы по-прежнему жили на той же территории, что и раньше, просто числились теперь не в Верхотурском, а в Уфимском уезде. Но создававшаяся ситуация имела весьма неприятные для них последствия. Приказная изба в Тобольске считала территории в верхнем течении Исети и по ее притокам входящими в состав Тобольского уезда. По крайней мере с 1671 года Сырнянской ясачной волости для той же приказной избы просто не существовало, поскольку в ясачных книгах Тобольского уезда она не значилась. Более того, она не значилась и в ясачных книгах Верхотурского уезда, куда территории в верховьях Исети входили ранее. И руководство Тобольского уезда выдало наказные памяти на основание ряда слобод и острогов на территории, которую сырнянцы считали своими вотчинными землями. В 7205 году (1697–1698) жители Сырнянской волости направили челобитную в Уфимскую приказную избу. Помимо прочего в их жалобе говорилось следующее: «...да на их же вотчинников земли поселились русские многие люди четыре слободы Ремянская (Арамилская.— Г. С.), Камышенка, Колчедан, и Багаряк и в тех слободах

населено дворов по триста и по четыре ста и больше и те русские люди всякой зверь в той их вотчине повыбили и отогнали и вотчинами их завладели и от того им Великого Государя ясак промышлять стало негде а они де люди степные безпашенные кормятца всяким уловным зверем а ныне де оне за себя в казну Великого Государя ясак платят с великою нуждою» [11, д. 1092а, л. 80]. Жалоба башкир ни к чему не привела.

Есть пример того, как столкнулись интересы башкир Сырнянской волости и основателей новой слободы. Осенью 1688 года в Тобольской приказной избе была выдана указная память на строительство Багарятской слободы, «Шадринские слободы Дрягуном (драгунам.— Г. С.) Ивашку Кузнецу с сыном Данилком да Катайского острогу крестьянину Панкрашке Жданову». Граница отвода земли для новой слободы была описана так: «...в которых местех построить вновь на Багаряке речке Слобода межи и грани и чертеж учинил: с верхние межи Колчеданскаго острогу от Глубокова логу вниз по речке Богоряку по правую сторону до Синары речки, а по Синаре речке в верх на правую сторону, до березы а на той березе грань, а от той березы и грани на речку Синару прямо на ключ и до межи Катайскаго острогу, а от того ключа и Катайской межи до Уральские дороги, а от Уральские дороги в верх по той же Синаре речке по обе стороны на нижнее озеро Аллак, а оттого озера на Синарское озеро, а с Синарскаго озера на Богарятское озеро, а с Багарятскаго озера на межевое Колчеданскаго острогу на Карасье озеро, а с Карасьяго озера на Юлаш озеро, а с того озера Юлашу на Куеньш озеро, а с Куеньша на Травенное озеро, а с Травяннава озера прямо на Багаряк речку, до того же глубокого логу» [25, д. 97, л. 1–4]. Описанная в тексте территория почти целиком входила в вотчинные земли сырнянцев, границы которых описаны в цитированном выше документе 1673 года.

О дальнейших событиях мы знаем из рассказа сына основателя Багарякской слободы, Ивана Слободчикова: «В Ведомости от разночинца Багаряцкой слободы Данила Слоботчикова 1735 в августе написано — в прошлые давные годы как Багаряцкая слобода строилась приезжали башкирцы Сыгранской, Сылдыгульской (Салзаутской?) волостей и те

3

Надо отметить, что помимо описанных территорий у сырнян были еще вотчинные земли на озере Иткуль [24, д. 44, л. 56, 64–65], в верховьях рек Чусовая и Уфа [Там же, д. 7, л. 132–132 об., 199–199 об.].

Фрагмент «Ландкарты рекам Исети, Течи, Синаре, Миясу, Тоболу, Уи и спадающим в них речкам, озерам и протчим удобным местам Тобольского, Екатеринбургского и Уфимского ведомств». 1735 год. На реке Караболка показана деревня Сугрян

башкирцы отца ево Ивана Слободчикова (очевидно, слободчика — драгуна Ивана Кузнецца.— Г. С.) связали и увезли в город Уфу и... воевода, досмотря указ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ которой дан был ис Тоболска о построении Багаряцкой слободы и оной воевода отпустил [воз]вратно в Багаряцкую слободу с тем же указом и велел строить, и он Данило не дождавсь с Уфы отца своего уехал в Тоболск бил челом ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ и боярину Степану Ивановичу и по ево челобитею дан ему Данилу указ в Колчеданской острог к прикащику Богдану Шишкину ту Багаряцкую слободу бер[ечь от] башкирцов и велено ему прикащику ехать в Багаряцкую слободу и тех башкирцов которых он Данило покажет, и о коих... приехав в Багаряцкую слободу и поймал башкирцов... и выслал в Тоболск к боярину Степану Ивановичу Салтыкову и за то им башкирцам учинено наказание батошьем и велели выслать за Багаряцкий чертеж и оные башкирцы и поныне живут за их Багаряцким чертежом, вверх по речке Карабалке» [11, д. 1092а, л. 209].

Не помогло даже то, что у башкир на земле, отведенной под новую слободу, была деревня — территорию признали «порозжей» и отвели под слободу, а попытка башкир добиться справедливости в Уфе ни к чему не привела. Очевидно, на обратном пути

из Уфы они расправились со слободчиком Иваном Кузнецом, а сами впоследствии были биты батогами и выселены за пределы отвода Багаряцкой слободы, на Караболку (Карабулук). Деревня Сугрян (Сугрян) на реке Караболке обозначена на «Ландкарте рекам...», составленной в 1735 году [31], и на карте «Тракт полковника Тевкелева» 1736 года [30, оп. 160, кн. 139, л. 168].

Этот достаточно подробный рассказ приведен намеренно — на разных примерах и фактах я показал, что фраза «отошли на Уфу» зачастую вовсе не означала реального ухода людей из Верхотурского (или из Тюменского и т. д.) уезда в Уфимский, и наоборот. Она могла означать (и часто означала) переход ясачного населения в уфимский ясак. Как я писал выше, ясачная волость определялась не территорией, а коллективом плательщиков ясака. Следовательно, после того как население Сынрянской, к примеру, волости переходило из верхотурского ясака в уфимский, эта ясачная волость больше не фигурировала в бумагах Верхотурской приказной избы, зато появлялась в документах Уфимской приказной избы. То, что территория волости находилась вовсе не в Уфимском уезде, а в Верхотурском, а позже в Тобольском, очевидно, особых вопросов у уфимских чиновников не вызывало.

Перейдем к Терсякской волости Верхотурского уезда. Во-первых, Терсякская ясачная волость располагалась не там, где ее поместил Б. О. Долгих — на его карте она показана в самом верхнем течении Чусовой [14, вкладка], а по нашим данным, в XVIII веке ее земли занимали по Чусовой территорию ниже Чусовской ясачной волости и Чусовской слободы и на юге граничили с Упейской и Катайской волостями, включая в себя земли в верховьях рек Маниска и Назя [25, д. 7, л. 205]. Более ранние источники также не подтверждают версию о том, что терсяки жили в верховьях Чусовой, в отписке верхотурского воеводы от 1651 года про

татарина Мамая Турсунбаева с братом «Тихонком, да зятем Шадрыбаем» говорилось, что они завладели угодьями «верх по Чусовой реке и до Терсятской волости и до верх Бисери реки» [23, с. 346]. Верховья реки Бисерти находятся примерно «напротив» устья реки Утки, впадающей в Чусовую. То есть речь идет не о землях в самом верхнем течении Чусовой. При основании Чусовской слободы верхние границы земли, отведенной ей, были обозначены по пашне «татарина» Тихонко Турсунбаева [Там же, с. 388]. Причем Турсунбаев, как и его родственники и товарищи, ни в этом, ни в каком другом документе, где они упоминаются, не названы терсяками, их волость называлась Чусовской [29, д. 51, л. 62]. Следовательно, земли Терсякской волости находились ниже Верх-Чусовской (или просто Чусовской) волости, а Аятская волость смыкалась с ней на

Карта «Вотчина статского советника господина Демидова, купленная у башкирцов». 1741 год. Показана земля Ревдинского завода статского советника Демидова,

«купленная у башкирцов», а вдоль западной и южной границ этой территории надпись: «Уфимскаго уезда Сибирской дороги Терсятской волости башкирцов»

востоке, что вполне логично. Если быть более точным, то вотчинные земли терсяков в Верхотурском уезде были разделены уездной администрацией на две волости — Терсякскую и Аятскую. Б. О. Долгих, полагавший, что терсяки жили в Верх-Чусовской волости, все же ошибался. Ниже мы еще обратимся к этой волости (Верх-Чусовской) и ее населению.

Выкладки разных авторов об уходе терсяков со своих территорий на Чусовой не подтверждаются документами. В 1651 году ясачные люди Терсякской волости Верхотурского уезда участвовали в «сыске» по поводу основания Чусовской слободы [23, с. 345–346]. Затем терсяки практически исчезают из документов Верхотурской приказной избы. По крайней мере в ясачных книгах Верхотурского уезда они не фигурируют — казалось бы, это прямое подтверждение ухода терсяков с указанных территорий. Но в XVIII веке мы сталкиваемся с большим количеством документов, касающихся уже не ясачных вогулов, а башкир Терсякской волости. И их вотчинные земли находились на территории все того же Верхотурского уезда либо, позже, Екатеринбургского ведомства. В начале 1720-х годов башкиры Сибирской дороги утверждали, что «по Чусовой-де реке и которые речки [в]пали во оную Чусовую — вотчина-де исстари их, Челжеутской, да Терсятской, да Сениренской волостей башкирцев» [17, № 7]. В начале 1730-х годов Н. Демидов купил у башкир Терсякской волости земли под Ревдинский и Сергинский заводы [12, оп. 7, д. 115; 39, с. 30]. На карте 1741 года показана земля Ревдинского завода статского советника Демидова, «купленная у башкирцев», а вдоль западной и южной границ этой территории надпись: «Уфимскаго уезда Сибирской дороги Терсятской волости башкирцев» [12, оп. 7, д. 115]. Позже, в 1755 году, терсяки продали Е. Я. Яковлеву землю, граничившую с отводами Полевского, Нязепетровского и Сергинских заводов [25, д. 7, л. 205–206]. В одном из документов 1765 года имеется описание части земель Терсякской волости на Чусовой, которая еще не была продана заводам: «А напредь де сего владеющуюся исстари вотчинную Терсяцкой волости землю, имеющуюся ж по течением Ревды, Ливалиды и Ика, Большой Арши и Зявзялге-речкам» [11, д. 1798, л. 335].

Таким образом, массового ухода терсяков с вотчинных земель по реке Чусовой в XVII веке не было. Вотчинники Терсякской и, видимо, Аятской волостей просто перешли в уфимский ясак, перестали числиться ясачными вогулами Верхотурского уезда и учитывались в ясачных книгах Уфимского уезда как башкиры. Соответственно в ясачных книгах Верхотурского уезда их не было, хотя жили они на территории именно этого уезда. Уже после учреждения губерний Петром I, когда административная система была достаточно серьезно реформирована, стало возможным учитывать как реальный фактор ясачных людей, плативших ясак в Уфимском уезде, но проживавших на территории Верхотурского уезда. Более того, признавались их вотчинные права на землю.

Верх-Чусовская волость

Выше было показано, что отождествление Терсякской и Верх-Чусовской волостей в работе Б. О. Долгих было неверным — Терсякская волость располагалась ниже по течению Чусовой. Сегодня мы можем достаточно уверенно соотнести Верх-Чусовскую волость Верхотурского уезда с Салзатской (Сальютской) волостью Уфимского уезда. В подтверждение приведу фрагмент одного документа — описания границы «Челжеутской» волости, составленного в июле 1735 года: «Отъехав от Полевского завода вверх по Чусовой реке оную ж называют полевские обыватели Полуденною верст з дватцать пять до малой речки Беркатыша, впадающей в Чюсовую по течению оной с правую сторону. От устья речки Беркатыша чрез Чюсовую на вершину реки Сейнягиша, от вершины Сейнягиша на вершину речки Шагана, от Шагана на вершину реки Когат которую называют полевские обыватели Чюсовую, от Когат на вершину речки Елагач... от устья Ливды чрез реку Чюсовую вверх по истоку по левую сторону до озера Болтой Чюсовское тож и около того озера по левую сторону чрез Урал камень на болшую дорогу что лежит из Екатеринбург на Кунгур и по болшой дороге семь верст от болшой дороги влево чрез болото и чрез речку Кялдин на болшую дорогу лежащую из Екатерин-

бурга в Горной Щит к речке Сынарян Шитовской исток тож, от дороги немного вверх по левую сторону речки Сынарян, от речки Сынарян круто влево чрез луга на дорогу лежащую из Горного Щита в Арамилскую слободу, и по дороге чрез гору березником до лугов на правой руке от дороги верстах в двух близ речки Арамилы виден камень Ракал называемые палатки тож, оттуда подле горы круто

«Чертеж, учиненной по указу Ея Императорского величества из канцелярии камисии башкирских дел примерной по скаскам вышеписанных волостей башкирцов и мещеряков, за опасным временем. А вышеписанные волости Сибирской дороги. Сочинен в 1737 году сентября в 8 день.

Сочинял геодезист Иван Шишков». Ситуация на чертеже расходится со свидетельствами документов 1750-х годов, но это вполне допустимо, поскольку карта составлена на основании рассказов, а не является результатом топографической съемки

влево по дороге ж версты две и от дороги вправо к Арамили речки на Мартежской яр что ниже деревни Седелниковой версты две, от Мартежского яру чрез речку Арамил вправо чрез дорогу лежащую из деревни Седелниковой на Сысертский завод чрез реку Камшу Каменка тож, от речки Камши чрез речку Еик Черная тож где в середине речки камень Куйматаш, от камня Куйматаша чрез речку Сысерть на устье речки Лвасты...» [11, д. 644, л. 94–94 об.]. При прочтении этого документа возникает ощущение, что в 1735 году салюты указывали как свою значительную часть территории, входившей в описание Сырнянской волости 1670-х годов, приведенное выше.

Из приведенного текста понятно, что Салзаутская (Сальютская) волость занимала территории в верхнем течении Чусовой, включая оба ее истока — собственно Чусовую и Полдневую и вплоть до Полевского завода и далее до Кунгурской дороги. Представляется, что этого достаточно, хотя есть и другие документы, описывающие ее границы, подтверждающие в этой части цитированный документ, в том числе текст, относящийся к 1673 году [17, № 8]. Подробно излагать здесь все имеющиеся материалы будет излишним, поскольку границы этой волости выходят за границы Верхотурского уезда, а история ее формирования достаточно сложна. Пока нам достаточно показанного, чтобы констатировать, что Верх-Чусовскую волость Верхотурского уезда мы можем смело соотнести с Салзаутской волостью Уфимского уезда.

Что касается Верх-Уфимских волостей Верхотурского уезда, то точно локализовать их пока сложно — в верхнем течении Уфы в XVIII веке фиксируется несколько башкирских волостей, если рассматривать от верховьев вниз, то в следующей последовательности: Бала-Катайская и Катайская (Улу-Катайская) [25, д. 7, л. 180, 190; д. 8, л. 2–2 об.; д. 11, л. 10], Упейская [Там же, д. 11, л. 30], Шигирская [26, л. 256–257], Кущинская [Там же, л. 260–261 об.] и Сызгинская [9, д. 88, л. 1; 12, оп. 15, д. 16]. Можно предположить, что под «Верх-Уфимскими волостями» подразумевались Катайская и Упейская волости, но уверенно соотнести их мы не можем. Во-первых, каждая из Верх-Уфимских волостей в составе Верхотурского уезда вполне могла

включать в себя территорию хозяйствования не одного, а двух-трех родовых подразделений, либо наоборот, обе эти волости могли быть частями одного улуса, как это было в случае с Терсякской и Аятской волостями. Возможно, со временем, после дополнительной работы с документами и выявления цепочек имен XVII–XVIII веков, этот вопрос удастся решить достаточно однозначно. Башкирские волости, располагавшиеся на этой территории, показаны на одной из карт 1737 года.

Совершенно ясно, что население территорий в верхнем течении реки Уфы было тюркским, а не угорским. Точно так же понятно, что это население проживало на этих землях и в XVIII веке.

Разные волости

Как уже объяснялось, достаточно большое количество родо-племенных групп имели зимние и летние пастбища (угодья), зачастую располагавшиеся на расстоянии десятков, а то и сотен километров друг от друга. Пока что мы сумели выявить информацию только по нескольким таким «сложным» волостям, о которых и пойдет речь ниже. Общей иллюстрацией к этому тексту является «Примерная схема расположения территорий некоторых тюркских волостей Зауралья в середине XVII в.». Начнем описание с тех волостей, о которых только что шла речь в рассказе о тюркских группах населения Верхотурского уезда.

Можно предположить, что две составляющие одной волости представляли собой Сырнянская волость в верховьях Исети, по Синаре и Багаряку и Киньрская волость (Киньрский городок) Тюменского уезда в низовьях Туры и по реке Пышме. Как и с прочими волостями Тюменского уезда (кроме Терсякской), мы испытываем большие затруднения в интерпретации племенной принадлежности населения Киньрской волости (Киньрского городка), поскольку практически нет упоминаний об отношении населения к какому-либо родовому или племенному подразделению. Само название Киньрского городка (как и Иленского, и Обуховского) происходит от имени Киньр, как об этом писал Б. О. Долгих [14, с. 44–45]. Но в одном из ран-

них документов, 1601 года, встречаем следующее сообщение: «Нынешнего, господине, 109-го году июня в 16 день приехали к нам в Тюменский город Тюменского уезда Балкурские волости ясачные татарове Ахкоза Янчатов, Абжитемир Тохташев, да Козыбай Янчеров, да Кизылбай Усенгильдеев, да Кошбархан Болтин, 5 человек, а в распросе нам сказали: приезжал де из Киньрские волости ясачный татарин Кудабердей сырянец, в Теренгульскую волость к татарину к Мангуту с сыном свататься на дочь...» [22, с. 198].

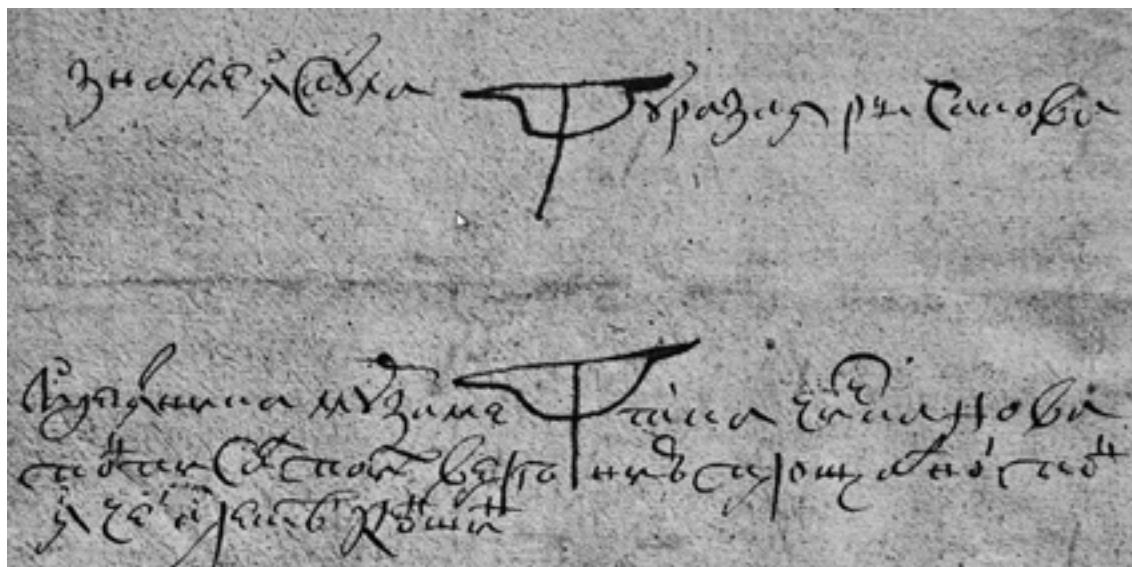
Еще один документ сообщает, что в 1662 году, в разгар восстания тюркского населения, ясачные татары Киньрского городка и Бачкурской волости ушли от угрозы разорения к «сенигирянцам башкирским татарам». Разумеется, этих упоминаний недостаточно для уверенных выводов, но исходя из ситуации Катайской, Терсякской, Мякотинской волостей, мы можем предположить, что Киньрская волость является восточной «половиной» волости Сырянской. Точнее, часть населения этой волости могли составлять сынрянцы. Это уточнение представляется необходимым, поскольку ясачные волости Тюменского (как и Туринского, и Верхотурского) уезда были выделены в основном по территориальному признаку. То есть население таких волостей могло состоять из представителей разных «улусов». Проживание людей из одной родоплеменной группы на территории другой группы вообще являлось обычным делом.

Примерная схема расположения территорий некоторых тюркских волостей Зауралья в середине XVII века. Схема не претендует на точность

отображения границ волостей, ее задача — показать общую ситуацию. Некоторые детали этой схемы сложно понять, не обращаясь к тексту книги

Один из очень немногих документов Тюменского уезда, выявленных на сегодняшний день, где местные ясачные татары поставили тамги, показан на рисунке [13, д. 2207, л. 37 об.]. Тамги соответствуют сальютским знакам «лук со стрелами», приведенным Р. Г. Кузеевым в его монографии [18, с. 293, табл. 3]. Кузеев констатировал, что представители родо-племенной группы сынрян зачастую использовали тамгу, характерную для сальютов [Там же, с. 222]. Со своей стороны мы можем это подтвердить. При этом достаточно интересно, что

Тамги есаула волости Киньрского городка Тюменского уезда Уразакова Рысакова и десятника той же волости Мерсембета Чичканова. Тамги типа «ук» (лук со стрелами). Подобные тамги характерны для родоплеменной группы сальют, но использовались также представителями Сырянской волости

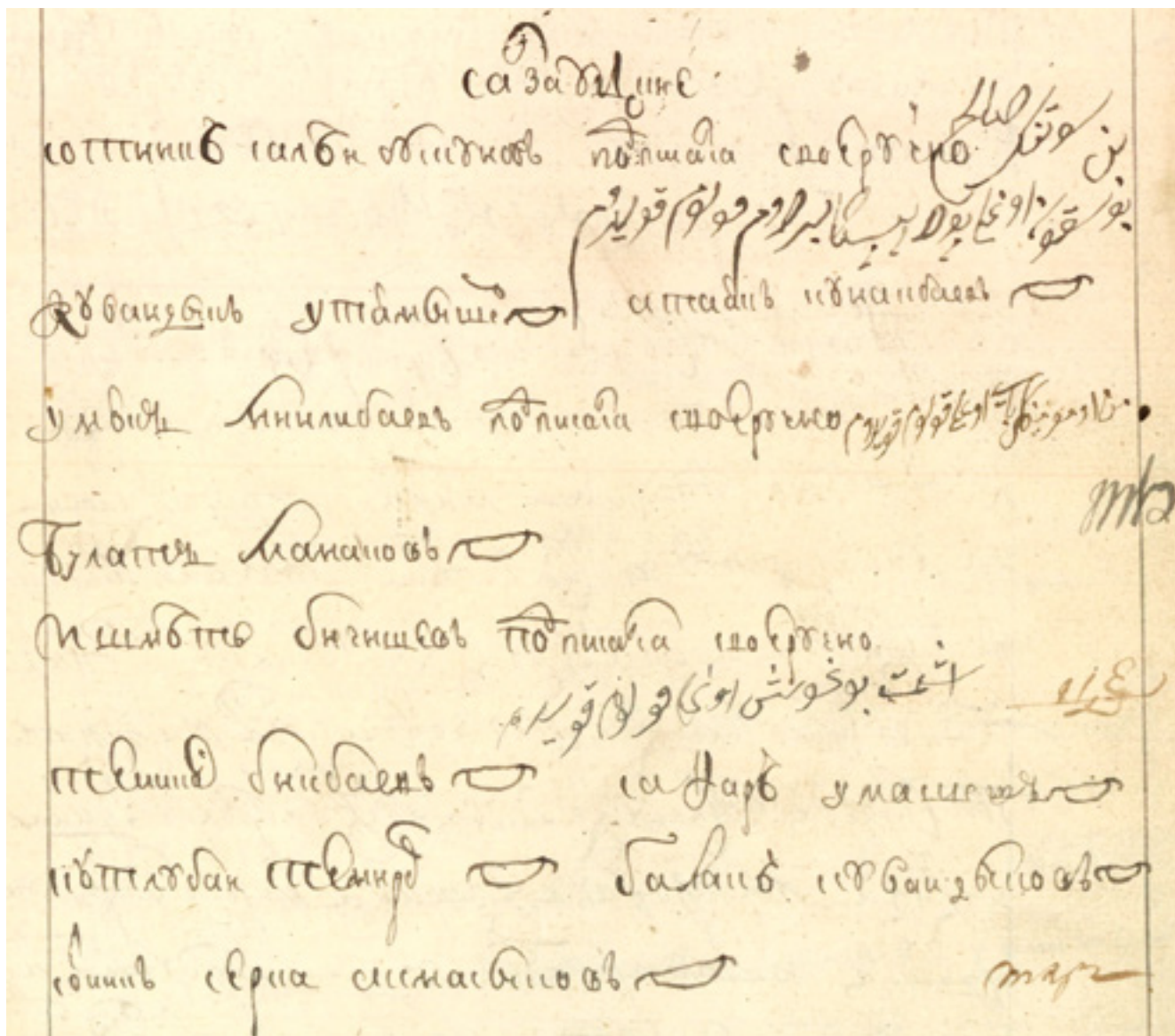

тамги сальютов и сынрянцев, встреченные нами в документах первой половины XVIII века, отличаются от тех, что показаны в работе Р. Г. Кузеева, и тех, что изображены в документе из Тюменского уезда. Как можно видеть на рисунке, это лук со стрелой. А в документах из Уфимского уезда это чаще всего лук без стрелы [11, д. 1092а, л. 284]. При этом несомненно, что это тамги одного плана, но по какой-то причине традиции их изображения несколько разошлись. Поскольку в действительности очень сложно на основании тамг однозначно интерпретировать принадлежность населения волости Киньрского городка к конкретной родо-

племенной группе, на рисунке на ст. 105 указано «сынрян», а ниже обозначено «салют?».

Терсятская волость также имела вторую половину. Помимо той ее части, что располагалась на землях по рекам Чусовая, Ревда, Серьга и озеру Аят в Верхотурском уезде, была другая ее составляющая, которая после вхождения территорий Зауралья в состав Российского государства оказалась в границах Тюменского уезда. Вторая часть территории этой же волости находилась на Исети и входила в XVII веке в состав Тюменского уезда. Б. О. Долгих описывает ее так: «Терсяцкую волость мы показываем на карте по Исети вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Исеть речки Терсяк» [14, с. 47]. Эти две террито-

Тамги башкир Салзаутской (Челжеутской) волости Уфимского уезда. 1745 г.

рии (на Чусовой и на Исети) составляли до вхождения Зауралья в состав Московского государства один «улус», но впоследствии оказались разделены между Верхотурским и Тюменским уездами. Естественно, с введением уездного деления система хозяйства местного тюркского населения не изменилась мгновенно, и терсяки использовали как восточную (на Исети), так и западную (на Чусовой) части своих вотчинных земель. Переход терсяков из Верхотурского уезда в Тюменский и обратно не был чем-то из ряда вон выходящим. Царская грамота верхотурскому воеводе Федору Бояшеву 1632 года: «...в прошлом во 138 году до вашего на Верхотурье приезду, сошло из Аятцкой, и из Сосвинской, и из Лозвинской, и из Косвинской волостей, в Тюменский да в Чердынский ясак двадцать человек... И для тех Аятцких ясачных Татар, которые сошли в Уфинский уезд, посылал ты... и тех беглых Аятцких Татар сыскал подъячей Михайло Сартаков только трех человек, которые живут в Тюменском ясаке, а иные ясачные люди сошли на зверовье, а сказывали про них, что те ясачные люди платили ясак на Тюмень» [5, с. 313]. В 1663 году «приехали из степи на Тюмень в город... верхотурского ясаку татаровя Купердей Кокулгилдеев (Кутлугилдеев), Бекмурза Курмаматов, а тот Бекмурза преж сего был тюменской ясачной татарин» [41, д. 8, л. 216]. Есть и информация о том, где именно они жили в Верхотурском уезде: «Купердейко Кутлугилдеев в распросе сказал: жиле де с Бикмурзою и з женами и з детьми от Верхотурья вверх по Режу» [Там же, д. 8, л. 219 об.], то есть на территории Аятской ясачной волости Верхотурского уезда.

Что же касается Салзаутской волости, или племени сальют, то где-то в последней трети XVII века сальюты начали переселяться на реку Багаряк и озера южнее ее. Причем можно примерно определить время, когда это произошло. Во время опросов, проводившихся в 1745 году, жители деревень Булатова, Теникачева, Сибикаева, Темирбаева, Лявдина сказали, что поселились здесь их деды, «а сколько тому лет подлинно показать не могут, понеже не токмо они, но и отцы их родились во оной Салзаутской вотчине» [11, д. 1092а, л. 335–336]. При этом ясачные татары, жившие в деревнях Новая, Нижнесинарская и Ключевская, вместе на-

зывавшихся Усть-Багарятскими юртами, платили им оброк. А ясачные татары деревни Османовой оброка не платили. Деревня Османова была основана не позже 1675 года, а деревни Усть-Багарятских юртов — на рубеже XVII–XVIII веков [35]. Таким образом, часть сальютов переселились к Багаряку и Синаре, скорее всего, после 1675 года. Была еще одна группа сальютов, жившая на территориях по реке Ай и переселившаяся в Зауралье уже в начале XVIII века. Как показали они сами, переселение произошло за тридцать лет до проводимого опроса [11, д. 1092а, л. 338].

Однако в конце XVII — начале XVIII века произошло не полное переселение сальютов с Чусовой к Багаряку и озерам Маян, Чебакуль и др., а, скорее, началось освоение этих территорий в качестве сезонных угодий (пастбищ). Полномасштабное перемещение на зауральские территории случилось позже и было связано со строительством заводов.

Еще одна в прошлом единая волость оказалась разделена границами уездов — Мякотинская, образованная родо-племенной группой бекатин (бакатин). Мякотинская волость Уфимского уезда локализуется на территории козле озер Иртяш, Наного, Алабуга и др. Исетская и Пышминская волость Тюменского уезда располагалась в нижнем течении Исети и Пышмы и по Тоболу ниже устья Исети и была названа по географическим объектам. Эта волость локализовалась, согласно данным Б. О. Долгих, в нижнем течении Пышмы и в самых низовьях Исети, упоминается в документах с 1631 года, причем Борис Осипович утверждал, что, согласно его источникам, населяли эту волость «уфимские пришельцы» [14, с. 42, 48]. Его выводы подтверждаются документами. В 1663 году в росписи ясачной и поминочной мягкой рухляди Тюменского города сначала констатируется, что нескольких жителей Пышминской и Исетской волости «не стало без вести», а потом вернувшийся из побега Аллагул Баишев сообщил, что «те де Пышминские волости татаровя, которые в сыску писаны и они де живут ныне все с ызменники около Аритяша (Аиретяша) озера з башкирцы вместе» [41, д. 8, л. 215 об.— 216]. Название «Аретяш» с большой долей уверенности можно интерпретировать как Иртяш, а это озеро входило в вотчинные владения

родо-племенной группы бекатин. В русских документах эта территория обычно обозначалась как Мякотинская волость. В 1734 году старшина Мякотинской (бекатин) волости Янгильда Самангулов Бигишев писал: «В Уфинском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старинную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той де ево вотчине имеетца владений ево озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера» [11, д. 1092а, л. 11 об.]. Есть и еще одно обстоятельство. В начале XVIII века, видимо, в период восстания 1705–1709 годов, сам Янгильда Бигишев уехал в Сингульские скиты, где и прожил не менее десяти лет, а затем вернулся в деревню Редяшеву (она же Иртышская) [Там же, л. 277]. А Б. О. Долгих соотносил Пышминскую и Исетскую волость с более поздней Сингульской волостью Ялуторовской округи [14, с. 42, 48].

Еще один сюжет в пользу нашего предположения: «В декабре 1673 г. тобольский служилый татарин Азбакей Кулмаметов в Сибирском приказе сообщил о тех местах, где хотел кочевать тайджи Дундук: “Ис Тобольска де езду до Черного, где стоит острог Абашской, зимним и летним путем 2 дни, а от Абашского острогу до Бекетина — день, а на Бекетине живут тобольские захребетные ясачные татаровя. А от Бекетина до Капканы — день, а тут живут тобольские кречатьи помыкальщики, а от Капканы до Ика-речки — полтора дни”» [32, № 134]. Район, обозначенный как «Бекетин», приходится на земли по Тоболу ниже устья Исети, выше устья Туры. Это подтверждается и расположением деревни Аvezбакеевой в этом районе, где и жили тобольские захребетные татары (деревня была названа по имени основателя — Авазбакея Кулмаметова). Эта деревня, как и упомянутый Кулмаметовым Тарханский острог, показаны на «Чертеже земли Тюменского городу» из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. Кажется бы, если территория Бекетин действительно соотносится с Пышминской и Исетской волостью (точнее, в данном случае — с частью этой волости), то ее население должно платить ясак в Тюмень, а не в Тобольск. Но выясняется интересная деталь: Авазбакей Кулмаметов купил землю у служилого татарина Шугура Майтмасова и ясачных татар Иртычко Чюрина

Фрагмент карты С. У. Ремезова «Чертеж земли Тюменского города». Показаны участок Тобола ниже устья Исети, Тарханский острог и «юрты Аvezбакины», то есть Аvezбакея (Азбакея) Кулмаметова

«с товарищи». Точная дата покупки неизвестна, но произошло это до 1683 года, поскольку в переписных книгах Льва Поскочина эти угодья числились уже за Авазбакеем. Но скорее всего, покупка этих земель произошла гораздо раньше [10, д. 109, л. 72]. В тексте допроса ясачных людей Тюменского уезда в 1671 году есаулом Пышминской и Исетской волости назван Юртайко Чюрин. Точнее, в документе перечислены сначала волости, а потом есаулы, но Пышминская и Исетская волость — последняя среди перечисленных, так же как и имя Юртая Чюрина приведено последним среди имен есаулов [41, д. 8, л. 245 об.]. Мы не можем гарантировать, что Юртайко и Иртычко — это один и тот же человек, но как минимум это братья, поскольку отчество Чюрин в документах этого периода нам больше не встретилось. А Шугур Майтмасов был сыном Майтмаса Ачекмасова, первого головы тюменских служилых татар, перешедшего на русскую службу не позже 1586 года [Там же, л. 66 об.].

То есть Авазбакей Кульмаматов купил у жителей Пышминской и Исетской волости часть их вотчинных земель и населил основанную им деревню Авазбакееву своими людьми [10, д. 109, л. 72]. А поскольку он был головой служилых и захребетных татар Тобольска, то и поселил он в своей деревне татар, подведомственных Тобольску. Мы не знаем, как соотносились с бекатинцами Мякотинской и Пышминской и Исетской волостей селения бекатинцев, живших на Иртыше, Вагае и по Уватским болотам [43, с. 38–39], но не исключаем, что это еще одна часть изначальной территории хозяйствования бекатинцев, которая оказалась после прихода русских на территории Тобольского уезда.

Очевидно, Пышминская и Исетская волость изначально представляла собой летние пастбища родо-племенной группы бакатин (Мякотинской волости). При этом контакты между двумя частями бакатинцев поддерживались и спустя практически сто лет, хотя одна из них вошла в состав формировавшегося башкирского народа, а другая — в состав сибирско-татарского.

Катайская волость также состояла из двух частей. Так получилось, что в публикациях и опубликованных документах гораздо чаще упоминается ее территория по Исети: «...в мае 1633 года

Катайская волость на Исети подверглась нападению калмыков... Эта волость находилась там, где теперь Катайский острог. В прошлые годы она не причислялась к башкирским волостям, к которым она присоединена в настоящее время, и жители ее были известны под общим названием катайских татар. Впрочем, ею заканчивался Уфимский уезд, простиравшийся тогда до реки Исети» [22, с. 122]. Подтверждаются выводы Г. Ф. Миллера данными письменных источников: «...приезжали те воинские люди к нему Козюбайку к юртам (на Исети выше устья Течи.— Г. С.) от Билягиля да пошли назат к Билягилю ж в Катайские волости» [Там же, с. 468] (Билягиль — озеро Беликуль в нынешнем Красноармейском районе Челябинской области). В розыске 1651 года о нападении на Далматов монастырь, сказано: «...те воинские люди приходили к Успенскому монастырю из за Исети реки пониже Катайского бору да тою же де сакмою и назад пошли» [23, с. 348–349]. То есть к 1651 году в Приисетье уже существовала топонимика, связанная с племенным названием «катай». Есть выписка из грамоты 7203 (1694–1695) года, где обозначены южные земли Салзатской и Улу-Катайской волостей: «...старинную прадедов и отцов их в Уфимском уезде вотчину, по рекам Ревле, Сырое (Сысерти.— Г. С.), Исете и по речке Иремеле (Арамили.— Г. С.), по озеру Оттару, по реке Синару, Багаряке, по озеру Савайку, по речке Марамке, по озеру Кокляну, по речке по Цечех (Тече.— Г. С.), по озеру Чухояку, по озеру Аледи, по озеру Авелге (Уелги.— Г. С.), по реке Миясе, по реке Каразылге, да по озеру Маяну» [8, д. 121, л. 90; д. 127, л. 37; 47, с. 46]. В 1735 году представитель Кошунской (Кушинской, Кошсо) волости Расмангулов объявил, что земли к востоку от линии устье реки Багаряк — озеро Маян — озеро Айдыкуль — деревня Калмацкий Брод принадлежат катайцам [11, д. 1092, л. 82, 85]. И еще из одного документа 1623 года известно, что Катайская и Сырянская волости находились рядом: «...съехались Уфинского уезду Катайской волости татарове и Верхотурского уезду сырянцы» [23, с. 342]. Очень примечательно упоминание в документе 1647 года о том, что калмыки идут от уфимских Катайских волостей вниз по Исети к «нашим» (то есть сибирским) волостям [11, д. 609]. Таким образом, мы

можем локализовать восточную (юго-восточную) часть Катайской волости на реке Исети, включая земли по реке Тече.

Скорее всего, Катайская волость занимала территорию по обе стороны Исети, отсюда и Катайский бор, и название Катайского острога. В 1695 году в слободах по Исети и Пышме провел «сыск» стольник Гаврила Тухачевский. Поводом для проведения обследования стала челобитная башкир Улу-Катайской и Салзаутской волостей (фрагмент ее с описанием границ вотчинных земель был приведен выше). А результат выглядел так: «...по сыску посланных в Катайской острог стольников Тухачевских (так в документе.— Г. С.) явилось: деревни, острог и слободы Колчеданская, Камышловская, Арамильская, Белоярская, Багарятская и деревня Песошная и Чумлятская на башкирской земле. Меж тех слобод Колчеданской [и] Камышловской деревня Каменска — из Сибири Успенского Далматова монастыря живут прихожия люди. Да во близости того ж Катайского острогу построены слободы и деревни на татарской земле род их же башкирцев, а отняли у них прихожия люди и поселили слободы Камышловская, Красноярская и деревня Тамакульская» [8, д. 121, л. 90 об.].

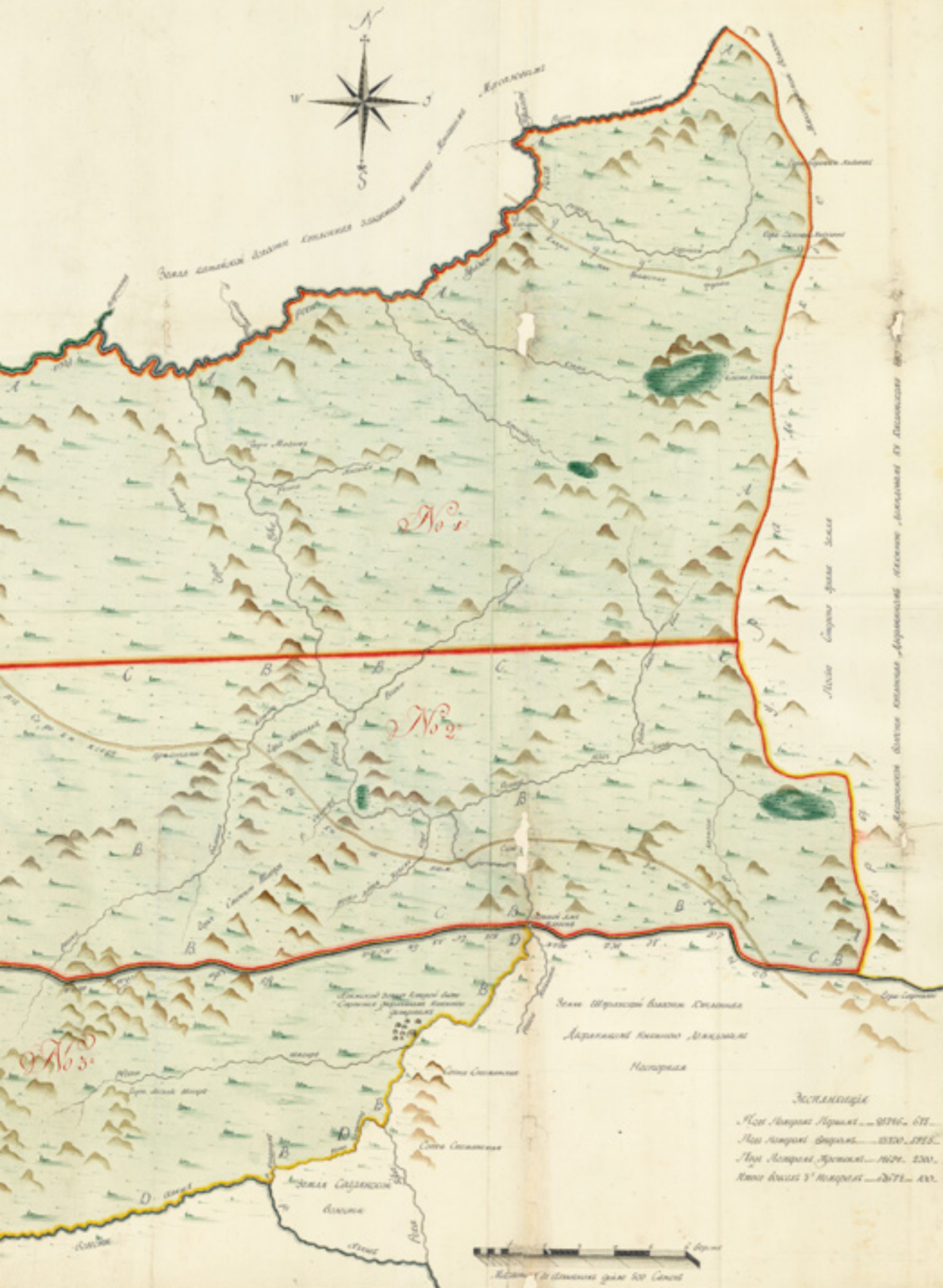
Северо-западная (летняя) часть Катайской волости приходилась на нынешний Белокатайский район Республики Башкортостан, часть современного Нязепетровского района Челябинской области. Примерное расположение этой части волости показано на плане 1758 года [12, д. 175]. В 1754 году в купчей, данной башкирами Катайской волости Ивану Масалову-младшему были обозначены следующие границы продаваемого участка: «...на летний закат с преждеотданною землею от заводу (Нязепетровского.— Г. С.) Белокатайской волости до деревни Катай по Уфу реку мерою на девятнадцать

«Ланкарта, учиненная во исполнение присланных Ея Императорского величества указов из Оренбургской губернской канцелярии... о спорной земле между заводчиком Иваном Меншим Мосаловым и дворянином Никитою Демидовым по купной ими у Шуранской волости башкир земли...». Не ранее 1764 г. Зеленым выделены спорные земли,

купленные заводчиками у башкир Шуранской волости. С севера и запада эти земли граничили с Катайской волостью; с юга — с Айлинской волостью; с юго-востока, между реками Уфа и Азяш — небольшой участок Сырянской (Сынрянской) волости; далее, с юго-востока — земли Шуранской волости (вне спора); с востока — территория Мякотинской (бакатин) волости

Горы Кавказские горы Кавказские горы Кавказские горы

№ 1

№ 2

№ 3

Гора Машук

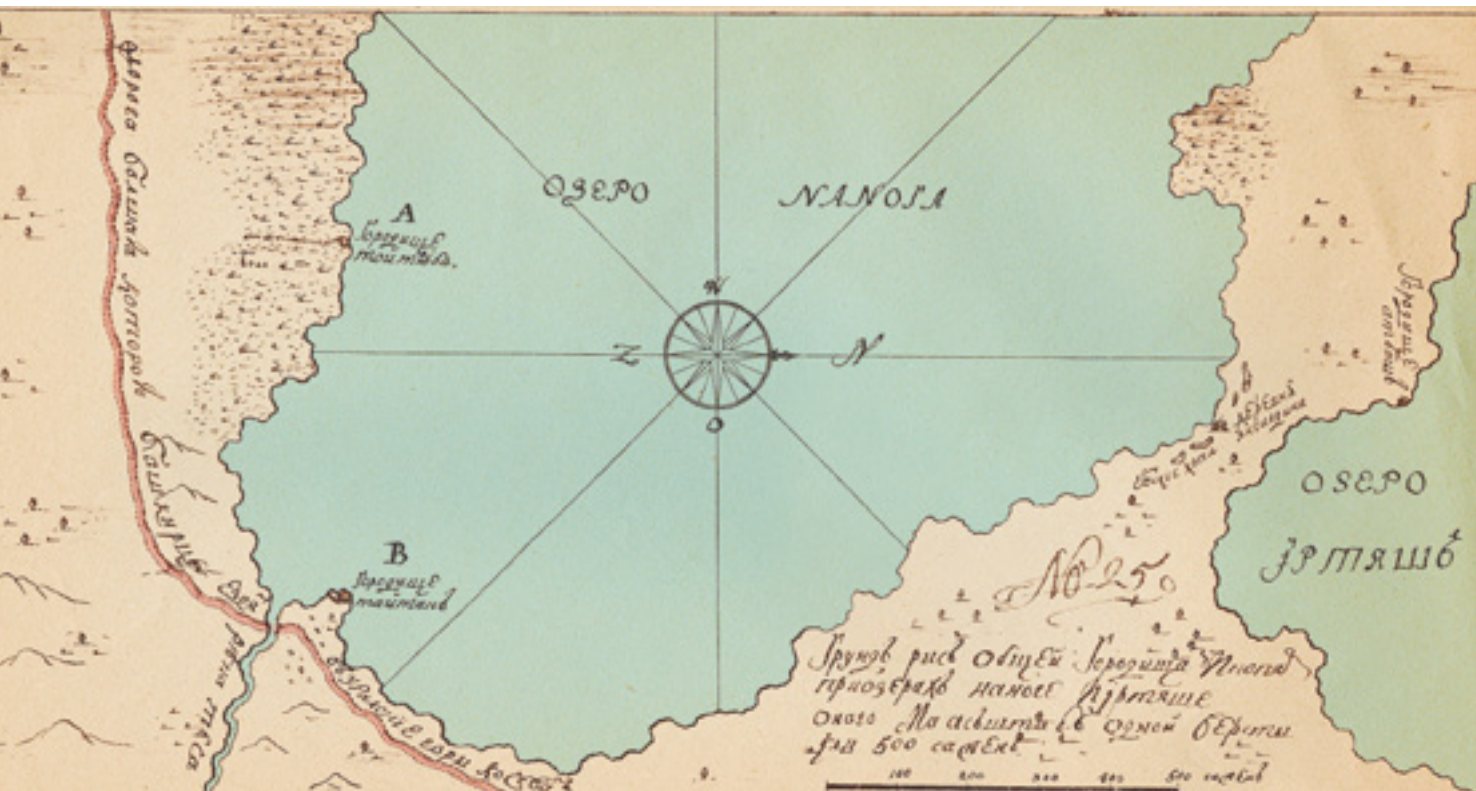
Горы Кавказские горы Кавказские горы Кавказские горы
 Гора Машук
 Гора Машук
 Гора Машук

Землеустройство
 План Машукского округа... 1816. 611.
 План Машукского округа... 1820. 1715.
 План Машукского округа... 1824. 1200.
 План Машукского округа... 1871. 100.

Масштаб 1:100000

Горы Кавказские горы Кавказские горы Кавказские горы

верст; на Север от завода до речки Табыша до межи Упейской волости разстоянием например на тридцать верст, а по Назе реке вверх даже до самой реки Назий вершины до межи Терсяцкой волости; а на восток летней и зимней до межи Салзаутской и Мякотинской и Шуранской волостей к устью Уфалейскому; а в четвертую сторону, на полдни, за Ураимской рудник, до межи Белокатайской волости» [25, д. 6, л. 180; д. 6, л. 2–2 об.]. Как писали вотчинники, земля была продана вся «без остатку». Но помимо Катайской (или Улу-Катайской) волости была еще Бело-Катайская (Бала-Катайская), упомянутая в цитированном документе, чья территория находилась западнее вышеописанной и включала уголья по рекам Маскарят, Курга (левый берег), Табыска (Куртабыша, Киртабыска) [Там же, д. 11, л. 2, 10].

Территории катайцев и сальюттов по Исети и между Течей и Синарой мы можем интерпретировать как летние пастбища (летовки), в то время как горные территории служили зимовками. Еще в XVIII веке существовала так называемая кошевая дорога, которая вела из горной части Урала на равнинную территорию Зауралья. Шла она как раз

«Грунд-рисунок общей городищам и копиям при озерах Наного и Иртыше». 1741 год. Вдоль западного берега озера Наного показана дорога,

подписанная следующим образом: «Дорога большая, которую башкирцы ездят в Уральские горы кочевать»

из северных (горных) районов Катайской волости, проходила через Мякотинскую (Бакатинскую) волость и уже в равнинной части раздваивалась — одна ветвь шла на юг, к Ую и Тоболу, а другая на восток, к Исети, к равнинной части той же Катайской волости. На карте, составленной в 1741 году Ф. Санниковым, эта дорога в районе озер Наного и Иртыш подписана так: «Дорога большая которую башкирцы ездят в Уральские горы кочевать». Небольшой обзор этих дорог был сделан в статье [33].

Есть и другие примеры таких двойных волостей. В 1651 году жители Чусовской слободы писали: «... на Верхотурье в съезжей избе подали Соли Камской уезду на сывинского татарина на Мамай-ка Турсунбаева з братьею челобитную, а в челобитной их написано: в нынешнем де во 159-м году в Петров пост приезжал к ним вверх Чюсовые реки в новую слободу тот Мамайко с братом своим с Тихоном и с воровскою черемисою человек с 50, з боем и с грабежом, и их, Сеньку и Афонку, с того места

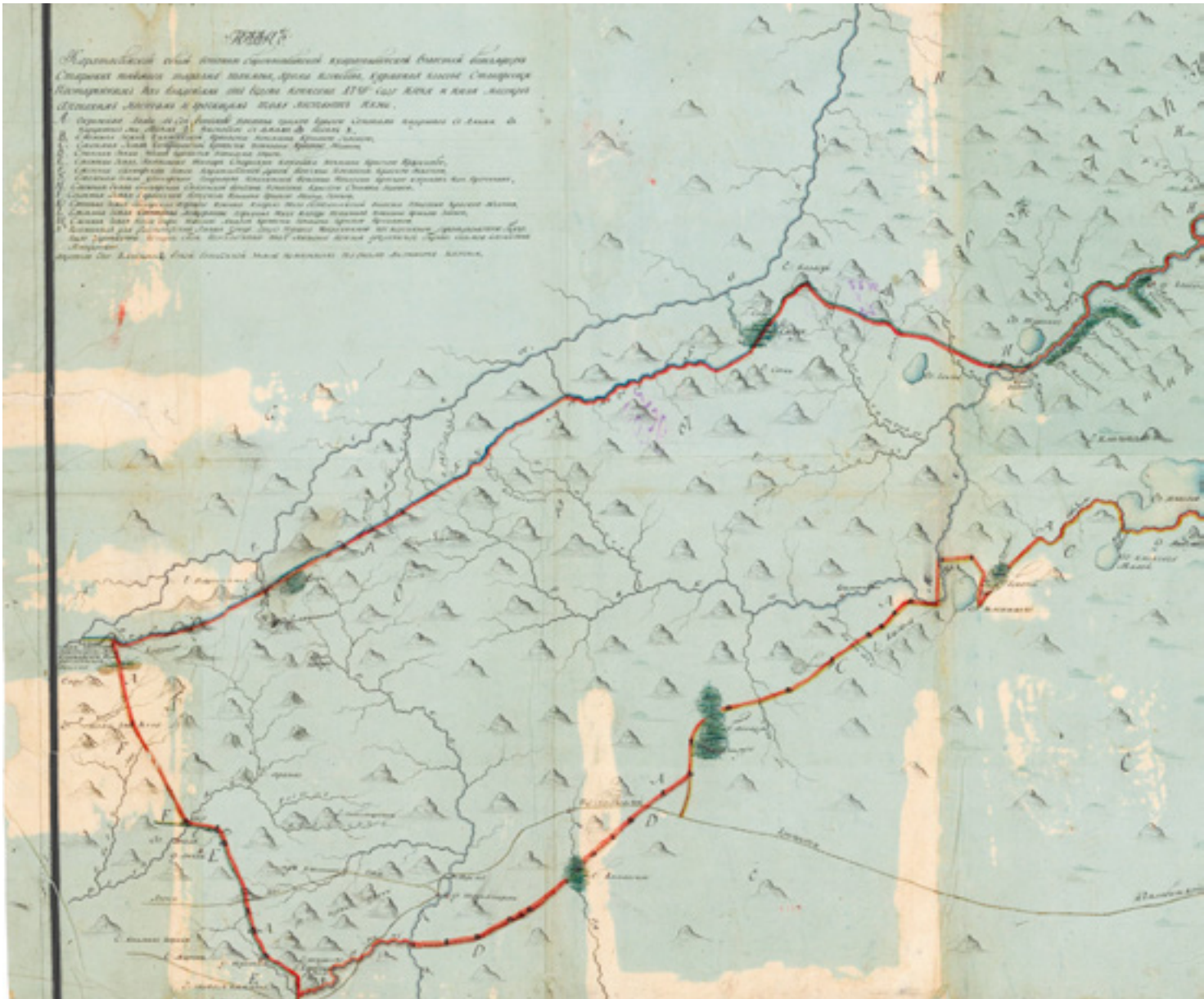
из новой слободы разогоняли» [21, с. 346]. Кажется бы, написано про сылвенских татар Соликамского уезда, которые пришли с разбоем на чужие территории, тем более что и свидетельства ясачных «вогулов» из окрестных волостей такую точку зрения подтверждают. Но выясняется, что при отводе земель Чусовской слободе в 1651 году была определена «межа с верхнего краю ниже Тихонковых юрт Турсунбаева да вагулятина Филатковых юрт Кучумова 5 верст по бору, а снизу Утка река» [23, с. 388]. Соответственно юрты Турсунбаевых к моменту отвода земель под слободу уже существовали, и права на землю Тихонка и Филатка Кучумова под сомнение не ставились. Но уже в 1656 году «Офонько Гилев и Фролко Арапов» бьют челом о постройке еще одной Чусовской слободы, выше по течению реки, иначе говоря, на тех землях, где стояли юрты ясачных людей. И тут оказывается, что приказчик существующей Чусовской слободы «Томилко и в том другом месте наши слободы строить им и крестьян призывать не велел, и то место у них отнял и отдал то место сылвинскому воровскому татарину Мамайку Турсунбаеву» [Там же, с. 386]. То есть Турсунбаевы из живших здесь ясачных людей быстро «превращаются» в захватчиков земли, отведенной под новую слободу, и обозначаются как «сылвинские татары». Следующий указ этого же 1656 года предписывал «прикащика Томилка из тех новых слобод выслать. И сылвинского татарина Мамайку Турсунбаева и с тех новприборных пашенных мест выслати вон же» [23, с. 389]. Но следующий документ, уже 1660 года, показывает, что Турсунбаевы со своих земель на Чусовой не ушли. Говорится в источнике об окольной (мимо таможи) дороге: «...мимо Чюсовскую слободу к Тихонку Турсунбаеву в юрты, а приезжают де к нему, Тихонке, многие назнаемые татары, и бухарцы, и черемиса с торгома, и тех людей он, Тихонко, к вам, Петрушке с целовальником, в Чюсовскую слободу не отсылает, торгует де он с ними, татары, втаи и отпускает их от себя в Сибирь окольною дорогою» [Там же, с. 346]. А в документе 1670 года: «...бьют челом сироты ваши Верхотурского уезду Чюсовской волости ясачныя татаровя и черемиса Бишко Тихонков Пахоско Шакшияров и все Чюсовской волости ясачныя татаровя и черемиса а в прошлых Госуда-

ри годех по вашим Великих Государей указам селились мы сироты ваши вновь в Чюсовской волости от Чюсовской слободы 10 верст» [29, д. 51, л. 62].

Очевидно, эта ситуация может быть реконструирована следующим образом: речь идет о тюрках (сылвенских татарах), имевших летовки на Сылве, а зимовки — на Чусовой. После похода Ермака и приведения к шерти населения по Сылве и Чусовой это население сначала платило ясак Строгановым (точнее, русскому царю, но правом сбора обладали Строгановы), а затем в Соль Камскую [40, с. 45]. С созданием Верхотурского уезда волости сылвенских и иренских татар и остяков были переведены в его состав [7, с. 5], а в начале XVII века по просьбе части ясачных людей их вернули в ведение Соли Камской [4, № 62; 5, № 125]. Таким образом, до 1608 года (до передачи сылвенских и иренских волостей в ведение Соли Камской) вопрос о двух частях волости с административной точки зрения не возникал. До создания Верхотурского уезда разделения быть и не могло, после возникновения Верхотурья и его уезда обе части волости находились в его составе, и только после передачи сылвенско-иренских территорий в Соликамский уезд сылвенская и чусовская «половины» оказались разведены по разным административным образованиям. Кстати, в челобитной 7134 (1623–1624) года жители сылвенских и иренских волостей объясняли, что в соликамский ясак они перешли неправильно и «искони вечно де та Сылва и Ирень Верхотурского уезду, а не Пермского» [41, д. 2, л. 137]. Скорее всего, попытка вернуться в верхотурский ясак была вызвана комплексом причин, но разделенность территории волости между уездами вполне могла быть одной из них.

И еще пример — Сызгинская волость. Северная ее часть располагалась в верхнем течении реки Уфы и по ее притокам Саране, Сардаге, Юве [9, д. 88, л. 1; 12, оп. 15, д. 16], карта 1737 года примерно отображает ее положение. Вторая ее часть находилась на восточном склоне Уральского хребта, к северо-востоку от озера Аргазы и реки Миасс [12, оп. 3, д. 2236].

Были и волости, размер которых позволял почти весь хозяйственный цикл осуществлять в пределах одной территории. Самым ярким примером,

пожалуй, является нераздельная Каратабынская и Барынтабынская волость (либо земля двух этих волостей, находящаяся в нераздельном пользовании). Граница этой волости, по документу 1692 года, проходила в Зауралье следующим образом: «...на вершину реки Урака и до устья оной на речку Ай до устья горы Шунгурьюа, потом уральскую Мулдыбыик по речке Миясу и горе Укне-Имякне и на озеро Идрязи; поворот от оногo на речку Тикюс и по оной до брода Кармали, со оногo по речке Сумляне и до брода Буракая лежащего через реку Миас, до устья реки Уя и до степи состоящей за рекою Тоболом, до озера Юбелея и от оногo до вершины реки

до Черного тока и до местечка Акиар-Гиргу, от коегo поворот до Чюрика-Икая» [20, с. 80]. Если перевести на современные географические названия, то от реки Ай по реке Миасс до озера Аргази, затем, очевидно, до реки Течи, по ней до брода в районе современного села Бродокалмак Челябинской области, оттуда до брода в районе впадения реки Чумляк (Сумляне) в Миасс и далее на устье реки Уй и за Тобол, из-за Тобола к верхнему течению Яика (Урала). Эта огромная территория позволяла жителям вести хозяйство, не выходя за пределы волости, используя и размеры, и ландшафтное разнообразие. Так, когда в январе 1735 года крестьяне

«План Каратабынской общей вотчины Барантабынской и Каратабынской волостей башкирцев старшин Таймаса тархана Шаимова, Арыка Исенбаева, Курманая Кулеева с товарищи по старинным их владениям отведена и описана 1749 году июня и июля месяцев, а по каким местам и урочищам о том явствует ниже:
 А. Окружная линия в сей вотчине показана краскою красною со знаками на деревьях с ямами, на деревьях же без ям, на столбах с ямами, без ям

В. Смежная земля Челябинской крепости показана краскою зеленою
 С. Смежная земля Чебаркульской крепости показана краскою желтою
 D. Смежная земля Уйской крепости показана умрою
 E. Смежная земля ясачных татар старшины Илтабана показана краскою празеленью
 F. Смежная башкирская земля Каратабынской другой вотчины показана краскою желтою
 S. Смежная земля башкирская за Уралом Куваканской вотчины показана краскою индиком или крутиком

Н. Смежная земля башкирская Сызгинской вотчины показана краскою стемна зеленою
 I. Смежная земля Чирлинской вотчины показана краскою желта зеленою
 K. Смежная земля башкирская по речке Изюзелге и по реке Тече Белокатайской волости показана краскою желтою
 L. Смежная земля служилых мещеряков по реке ж Тече и озеру Тышкам показана краскою зеленою

M. Смежная земля подле озера Тышков Мияской крепости показана краскою празеленью
 N. Положенная для рассмотрения линия чрез озеро Тышк на граненную изпорченную суховерховатую березу и яму заровняную, которые были по объявлению якобы межевые и от нея до граненой березы с ямою служилах мещеряков А протчее, что имеющееся в той вотчинной земле и смежных, то оным явствует на описи»

Багарякской слободы приехали на озеро Чебаркуль, чтобы договориться с башкирами об его аренде, оказалось, что те на зиму откочевали в верховья Уя [27, д. 97, л. 66 об.; 30, л. 47 об.]. В то же время Таймас Шаимов со своими людьми зимовал на озере Аргази, а на летовку откочевывал на Уй или Тобол. В апреле 1736 года толмачу И. Дуракову башкиры сказали, что Т. Шаимов «ушел де со всеми жителями, с женами и с детьми на реку Уй» [11, д. 626а, л. 566 об.]. П.-С. Паллас, описывая деревню Таймас-аул, полагал, что «жители со своими стадами убралась в прохладнейшие горы» [28, с. 157], поскольку, по его описаниям, башкиры «в июне месяце, избегая комаров и оводу, кои тогда в сих странах почти воздух наполняют, с своими стадами в холоднейшия горные места переходят... опять в степь возвратится в конце июля и начале августа, к своим зимовьям» [Там же, с. 96]. Очевидно, здесь речь идет о сочетании разных вариантов полукочевого хозяйства — яйлажного и равнинного. Об исходных размерах Каратабынской и Барынтабынской волости можно судить по карте 1759 года, на которой показана территория волости, оставшаяся после отчуждения огромных площадей для нужд Миасской, Еткульской, Челябинской, Чебаркульской, Уйской, Верхояицкой, Троицкой, Степной, Каракульской крепостей в 1736–1744 годах.

История хозяйствования тюрков на территории Каратабынской волости в XVII–XVIII веках является своеобразным ключом к пониманию того, как выходили из ситуации жители небольших по территории волостей, не имевшие второй «части» угодий для летнего или зимнего выпаса скота. Ярким примером значительной группы башкир, проживавших вне территории своей волости, являются айлинцы. Помимо части этого родового подразделения башкир, проживавших в Айлинской волости, в долине реки Ай, крупные группы их жили на территории Каратабынской и Баратабынской неразделенной волости, видимо, еще с конца XVII века, если не с более давних времен. В документе 1753 года говорится: «...ездил де он (геодезист.— Г. С.) для размежевания башкирских земель в Баратабынскую и Каратабынскую волости у которых де одна вотчина старшин Таймаса тархана Шаимова, Арыка Исенбаева, Курманая Кулеева

и с ними дв[о]е Айлинской волости команд, старшин — Кортбая Ишбаева, Бангазы Козямышева в той волости живущие по припуску... а что же де, в той вашей вотчине имеются вышеписанные изстари припущенные прапрадедами и дедами двух айлинских волостей башкирцы команды старшины Кортбая Ишбаева, Бангазы Козямышева, по договорным данным им угодьям, от прадедов и дедов ваших владеть яко то селением, санными покосами, пахотной землей, почему и ныне вы, Таймас с товарищ, им, айлинцам, жить в той вашей волости во обществе по тем договорам позволяете» [25, д. 44.]. Несколько позже число айлинцев в Каратабынской и Баратабынской волости еще увеличилось, и вотчинники попытались отправить домой хотя бы часть их. На что айлинцы команд старшин Кужи Левашева и Адилши Муртазина в 1793 году сообщили в земский суд: «... Айлинской волости башкирцы на принадлежащую как им Каратабынской так и Барынтабынской волости башкирцам вотчинную землю никогда самовольно не заселялись... а живут единственно с самых давних лет от прапрадедов по полюбовному между собой соглашению и припуску...», «на собственной нашей земле, пожалованной ото великих государей прапрадедам, дедам и отцам нашим, которая простирается от Уральских гор до реки Аю... ис которой прадедами и дедами нашими продано под бывшей во владении заветчика Масалова, а ныне Лугинных Златоустовской и вновь строящийся Кусинский заводы немалая часть. За тем же оставшею владеют той же Айлинской волости старшина Абдулкарим Кулбаков с подкомандующими, но и то состоит большею частию в одних Уральских горах, каменистых и болотистых местах, к поселению, хлебопашеству и скотоводству неудобное...» [24, д. 164, л. 16–16 об.].

Описанная выше ситуация относится к XVIII веку, точнее, к его середине и второй половине, то есть к периоду, когда значительная часть вотчинных земель тюркского населения Южного Урала была выведена из их хозяйственного оборота — забрана под земли крепостей, «куплена» или «арендована» для обеспечения потребностей металлургических заводов. Земли стало просто не хватать, и это хорошо прослеживается в рассма-

триваемой ситуации. Башкиры Каратабынской и Барынтабынской волостей так и объясняли, что айлинцы жили на их земле с давних пор «когда еще оной у них каратабынцов довольно было» [24, д. 164, л. 3]. А к 1780-м годам значительная часть владений Каратабынской волости была забрана под нужды Челябинской, Миасской, Чебаркульской, Уйской, Троицкой, Еткульской и других крепостей. Причем земельные отводы этих крепостей смыкались между собой, то есть из землепользования табынцев была исключена огромная территория. Впоследствии они продали часть земель под нужды заводов, что еще больше уменьшило их вотчинные угодья. Восточную часть их волости отвели ичкинским татарам, служилым сартам, аюкинским калмыкам, катаяцам и служилым мещерякам [33, с. 38–50]. В этой ситуации произошел дополнительный приток айлинцев, а кроме них еще и сызгинцев — и у тех и у других проблемы с землей были гораздо серьезней, чем у табынцев. По заявлению старшин Каратабынской волости, на ее территории (разделенной между Троицким и Челябинским уездами) проживало до 700 дворов припущенников [24, д. 164, л. 1].

Но одним из самых важных моментов, отмеченных в процитированном документе, было изменение характера использования земель Табынской волости припущенниками. Чтобы проиллюстрировать это, приведем большой фрагмент документа: «...с начала припущения на ту их Каратабынской волости вотчинников землю... тогда показанные айлинцы на той земле не всегдашнее имели житие, а только времянно, яко то зимою. С начала лета уходили на жалованную их Айлинскую собственную землю... где и проживали по полугоду и более, а по наступлении зимы приезжали на их Каратабынские земли со скотом, на малое только время. И тем самым тогда оным каратабынцам от них айлинцев дальняго притеснения не происходило. Но ныне де те айлинцы оставляя таковыя их прежняя положения, в тех каратабынских дачах загораживая великими поскотинами и захватывая их самые нужные к продовольствию оных каратабынцев лутчие хлебопахотные, сенокосные и сему подобные выгодные места и для прокормления как летом, так и зимою скота, всего онаго их карата-

бынцев лишают...» [Там же, л. 3–3 об.]. Очевидно, первоначально припуск носил частичный характер. Иначе говоря, в XVII веке те группы тюрков, которые не располагали обширными вотчинными угодьями, решали проблему сезонных перекочевок за счет территорий соседних волостей, как это видно на примере айлинцев и табынцев.

Подобная ситуация не была исключением, и такие перемещения групп ясачного населения между волостями, в том числе и между волостями соседних уездов, не были редкостью. Приведем лишь несколько примеров. В документе 1606 года сообщается: «...посылал де тюменский новокрещеной Олеша Алимов в Уфинский уезд в свою вотчину для бобровые ловли тюменского ясачного татарина Исенка Бетикова и сказывал де тот Исенка ему Мотмасу: был де он Исенка в Уфинском уезде в волости в Челзеуте у ясачного татарина у Ендоски [22, с. 226]. В документе 1650 года: «...ездили де они в Уфинской уезд, и, едучи, у тотар про воинских людей проводывали и татар спрашивали, и в Китайских волостех им сказали уфимской татарин Кулмаметко, а чей сын, того не упомянут, да тюменские ясашные татаровя, которые живут в уфинских волостях, Кызабай, да Бееулы, да Англич...» [23, с. 336]. «Видел де он Бекмаметко у Тимошки Иткулова в юртах епанчинского татарина Кузюбайка, и тот де Кузюбалко сказывал ему Бекмаметку: жил де он, Козюбайко на пашне, з женою и детьми, вверх по Исете речки повыше Теньчи реки...» [22, с. 468]. В 1635 году кучумович Аблай приходил на Исеть «и взял на Исете уфинского ясаку с татар 24 семьи, да тюменсково ясаку татар 3 семьи... тот Бекенейко туринсково ясаку, а живет на Исете...» [Там же, с. 493]. Туринские татары летом 1629 года были на Пышме, причем в достаточно большом количестве, поскольку «взяли де они (калмыки.— Г. С.) на Пышме Туринсково острогу ясашных татар Талмаметка с товарищи, а иных побили» [22, с. 416]. В 1633 году Девлеткирей напал на селения Уфимского и Тюменского уездов, в Бачкурской волости разорил Баишевы юрты «и татар всех из тех юрт, тюменских и уфинских з женами и з детьми в полон взял и животы их все пограбил» [Там же, с. 474]. То есть процесс был взаимным: тюменские ясачные люди жили в Уфимском уезде, уфимские —

в Тюменском, туринские — также в Тюменском уезде.

Достаточно любопытно, что на карте Ф. Страленберга, шведского офицера, бывшего в российском плену, жившего в Тобольске и получавшего информацию если не из первых, то из вторых рук, достаточно своеобразно показаны башкирские волости. Во-первых, этих волостей гораздо меньше, чем было в реальности, причем не обозначены даже такие крупные, как Каратабынская. Во-вторых, помещены они довольно далеко от реальных мест хозяйствования. Ну, и на территории Тюменского, Тобольского и Верхотурского уездов практически не обозначено ясачных волостей.

Для завершения картины необходимо добавить еще одну важную деталь: помимо зимних и летних угодий существовали еще угодья охотничьи. Для тюрков Зауралья в качестве таковых выступали земли в верхнем течении Тобола, по Ую, Убагану, Ишиму, в нижнем течении реки Миасс (Илецкий бор). Мы можем убедиться в этом благодаря многочисленным опубликованным документам, которые свидетельствуют о том, что и башкиры Уфимского уезда, и турки Верхотурского уезда и ясачные и служилые татары Тюменского и Туринского уездов воспринимали в качестве охотничьих угодий описанные выше территории. В 1603 году терсяки Верхотурского уезда вместе с ясачными татарами Башкурской волости Тюменского уезда зверовали за Уем «по речке по Тузаку (Таузаку.— *Авт.*)» [23, с. 212]. В 1616 году каратабынцы зверовали по обеим сторонам Миасса, переехав Тобол к Арал Карагаю [Там же, с. 274]. В 1623 году катайцы Уфимского уезда зверовали «верх Тобола река на Илет Карагае», а ясачные татары Тюменского города — на Среднем Юртыке (Утыке), притоке Тобола [Там же, с. 341, 348]. В 1628 году тюменские татары находились на зверовьях у реки Черной (приток Тобола). В 1630 и 1632 годах ясачные татары Терсяцкой и Тарханной волости были на зверовьях на озере Медвежьем и Кушкуле за Миассом, там же зверовали и служилые татары Тюменского уезда [Там же, с. 449, 455]. В том же году на притоке Тобола Среднем Утеке (Утыке) были тюменские ясачные татары Пышминской волости [Там же, с. 455]. Тогда же киньрцы были на охоте на реке Кизык (Кизак),

притоке Емуртлы, которая входит в водную систему Тобола, а тюменские татары — на рыбной ловле и зверовьях на Тоболе недалеко от впадения в него Исети [Там же, с. 462]. В 1645 году тюменские юртовские служилые татары зверовали за Тоболом, на Нижней Алабуге [Там же, с. 591], а в 1647 году — за Тоболом, в верховьях Суери [22, с. 609]. В 1649 году тюменские ясачные татары зверовали в урочищах за Тоболом [Там же, с. 380; 23, с. 329].

В этих же угодьях охотились и ясачные люди Уфимского уезда, то есть башкиры, причем зачастую охотники из Тюменского и Уфимского уездов действовали вместе. В 1623 году Тохлубай из Катайской волости Уфимского уезда зверовал на Илет Карагае «верх Тоболу реки» [23, с. 341]. В том же году зверовали на Тоболе, на Хама Карагае башкиры Тахчинской волости [Там же, с. 350]. В 1635 году за Тоболом были на зверовьях «уфимские ясачные татаровья», в том числе из Катайской волости [Там же, с. 525]. В 1638 году уфимские зверовщики были на «Терегече бору» у Тобола, в семи днях пути от Тюмени [Там же, с. 527]. В 1649 году тюменский ясачный татарин Шахим Кутадалетов сообщал: «... были де они с братом своим Янгурчею на зверовье за Исетью на Миесе речке, и слышали де они от уфимских татар...» [Там же, с. 330].

В 1653 году ясачные люди разных волостей Тюменского уезда объясняли, что «кочуют калмыцкие люди и Кучюмовы внучата Тюменскова уезду блиско, днища в дву и в трех, и зверуют по которым местам преж сего они, ясачные люди, зверовали и ясак добывали — по Ишиму, и по Тоболу, и по Исете, и по иным речкам, и в степе, и по лесом» [41, д. 8, л. 170].

В отношении использования охотничьих угодий по Тоболу, Ишиму и их притокам интересно то обстоятельство, что охотиться сюда ходили и ясачные, и служилые люди из тех волостей, связь которых с известными нам волостями Южного Зауралья не прослежена (или пока не прослежена) — уже упоминавшихся Иленской и Шикчинской и Каскаринской волостей Тюменского уезда, а также Тарханской волости Тобольского уезда, которая располагалась по Тоболу, рядом с устьем Туры, и фактически находилась на стыке Тобольского и Тюменского уездов. Жители этой волости

упоминаются вместе с ясачными татарами Тюменского уезда [22, с. 449, 474].

В рассказах тюменских ясачных людей середины XVII века и более поздних есть одна очень важная деталь: «...ясашные ж люди Кынырсково городка, и Бачкурской и Терсяцкой волостей, и Ленсково городка, и Пышминской и Исецкой волости допрашиваны: Для чего они, ясашные люди, в прошлых и в нынешнем во 162 году в ясак белки илети, и бобров, и ярцов, и кошлоков приносили мало, а иные и не сполна? И ясашные люди сказали, что от погрому калмыцких людей и Кучюмовых внучат они бедны... по которым местам ясашные люди преж сего белку илет по бором добывали, и бобры, и ярцы, и кошлоки по вотчинным своим землям, а лисицу на зверовье в степе промышлял, и ныне по тем местам зверуют калмыцкие люди и Кучюмовы внучата, и им, ясашным людям зверовать не дают. И Илецкие боры по вся годы выжигают...» [41, д. 8, л. 171 об.— 172]. Последний штрих — о выжигании боров, то есть пускании пала — очень хорошо показывает разницу в использовании земель по Тоболу с его притоками, низовьям Миасса и Ишиму местным ясачным населением и калмыками. Для ясачных это были охотничьи угодья, и пал был бедствием, так как наносил огромный ущерб промысловому зверю (пал обычно пускается ранней весной с целью выжечь старую траву и стимулировать рост новой травы). Для кочевников пал был обычным способом улучшения качества пастбищ.

Подытоживая этот раздел, посвященный системе землепользования тюрков Южного Зауралья, можно сделать следующие выводы: к моменту вхождения в состав Русского государства Южное Зауралье и прилегающие территории, включая земли в верхнем течении Уфы и Чусовой, по рекам Пышма, Исеть и частью Тура и Тобол между устьями Исети и Туры, представляли собой территорию комплексного хозяйствования местного тюркского населения. Многие из волостей, которые традиционно описывались в отечественной историографии как самостоятельные (единичные) ясачные волости Верхотурского, Уфимского и Тюменского уездов, при ближайшем рассмотрении оказываются частями «сложных» (двухкомпонентных) волостей, разделенных, после включения территории в адми-

нистративную систему Российского государства, между различными уездами. Так, одна часть Терсяцкой волости оказалась в Верхотурском уезде, а вторая — в Тюменском; западная составляющая Мякотинской (бакатин) располагалась в Уфимском уезде, а восточная — в Тюменском, в низовьях Исети и Пышмы, и т. д. Такая «двухкомпонентность» волостей объясняется спецификой полукочевого скотоводческого хозяйства, подразумевавшего наличие летних и зимних пастбищ. Кроме того, важным признаком, показывающим сложившийся единый культурно-хозяйственный комплекс тюркского населения указанной территории, являлась общая охотничья территория, включавшая земли в верхнем течении Тобола и по Ишиму, Илецкий бор. Как показывают документы XVII века, эти территории использовались в качестве охотничьих угодий тюрками зауральских волостей Уфимского уезда, южных волостей Верхотурского уезда, Тюменского уезда и юго-западных волостей Тобольского уезда. Очевидно, что такая ситуация сложилась в период, предшествовавший русскому завоеванию Сибири. Таким образом, земли Зауралья от восточного склона Уральского хребта и до рек Тура и Тобол (или даже до Ишима) в XVI — середине XVII века представляли собой общие территории хозяйствования тюркского населения, включавшие пастбищные и охотничьи угодья по Тоболу, Миассу (в нижнем течении) и Ишиму.

Изложив некоторые предварительные сведения о расселении тюркского населения в конце XVI — начале XVII века, перейдем к вопросу русского расселения в Зауралье, поскольку две эти темы очень тесно связаны, и рассматривать их по отдельности было бы неверно. Но прежде необходимо рассмотреть систему коммуникаций, существовавшую в те времена, то есть дороги. Поскольку именно дороги определяли как направления расселения, так и, зачастую, места основания новых населенных пунктов.

Список источников и литературы

1. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства: (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.) Уфа : РИО БашГУ, 2005. 228 с.
2. Азнабаев Б. А. К вопросу о возникновении дорог Уфимского уезда // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 30 (321). История. Вып. 57. С. 24–30.
3. Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII — первой трети XVIII в. Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841. 476 с.
5. Акты исторические собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. 538 с.
6. Байдин В. И., Грачев В. Ю., Коновалов Ю. В., Мосин А. Г. Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. Екатеринбург : Грачёв и партнеры, 2011. 68 с.
7. Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. 353 с.
8. ГАПК. Ф. 177. Оп. 2.
9. ГАПК. Ф. 297. Оп. 2.
10. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.
12. ГАСО. Ф. 59. Оп. 3.
13. ГАГО. Ф. И-47. Оп. 1.
14. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 624 с.
15. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М. : Наука, 1989. 608 с.
16. История Урала с древнейших времен до наших дней : учеб. для учащихся 10–11 классов / И. А. Алексашенко и др. Екатеринбург : Сократ, 2006. 496 с.
17. Корепанов Н. С. «Горная власть» и башкиры [Электронный ресурс]. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html> (дата обращения: 29.06.2019).
18. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. 570 с.
19. Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.) // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа, 1962. С. 171–267.
20. Материалы по истории Башкирской АССР : в 3 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 631 с.
21. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. Т. 1. 3-е изд. М. : Вост. лит., 1999. 630 с.
22. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. Т. 2. Изд. 2-е, доп. М. : Вост. лит., 2000. 796 с.
23. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. Т. 3. М. : Вост. лит., 2005. 598 с.
24. ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1.
25. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1.
26. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 2.
27. ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1.
28. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 3 ч. Ч. 2, кн. 1. СПб. : Имп. акад. наук, 1786. 476 с.
29. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1.
30. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1525.
31. РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 130.
32. Русско-монгольские отношения : сб. док. : в 3 т. Т. 3. М. : Вост. лит., 1996. 559 с.
33. Самигулов Г. Х. Территория Сафакулевского района в XVII — начале XIX века // Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) : монография / под ред. Д. Н. Маслюженко. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. С. 38–70, 83–97.
34. Самигулов Г. Х. Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия // Науч. диалог. 2013. История, социология, этнография. № 6 (18). С. 75–87.
35. Самигулов Г. Х. Багарякские татары // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. С. 15–17.
36. Самигулов Г. Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения истории ясачных волостей: Зауралье XVII века // Вестн. Томс. ун-та. 2016. История. № 5 (43). С. 138–142.
37. Самигулов Г. Х. К изучению исторической географии территорий по Исети и Пышме XVII века // Вестн. Перм. ун-та. 2016. История. № 1 (32). С. 84–95.
38. Самигулов Г. Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века // Науч. диалог. 2017. № 1. С. 183–203.
39. Свистунов В. М., Меньшенин Н. М., Самигулов Г. Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск : Обл. дом печати, 2007. 224 с.
40. Сибирские летописи. Издание императорской Археологической комиссии. СПб., 1907. 465 с.
41. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4.
42. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1980. 276 с.
43. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
44. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Академкнига : УрО РАН, 200. 640 с.
45. Шакурова Ф. А. Башкирская волость и община в середине XVIII — первой половине XIX в. Уфа, 1992. 136 с.
46. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
47. Шишонко В. Пермская летопись. 1263–1881 г. Пятый период: 1682–1725 гг. Часть вторая: 1694–1701 гг. Пермь : Тип. Перм. зем. управы, 1887. 659 с.

Обо. Зауральская степь.
2011 год. Фото Г. Самигулова

Дорога.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

6
Том
глава
5

ДОРОГИ
ЮЖНОГО
ЗАУРАЛЬЯ

Глава 5. ДОРОГИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Мы постараемся дать представление о том, какие пути имелись в наших краях к приходу русских, какую роль они сыграли в русском расселении в Южном Зауралье и как все это воспринималось и называлось. Еще одно необходимое пояснение: в тексте «обоснованы» только некоторые трассы дорог, поскольку изложить сведения обо всех известных нам путях в рамках одной главы сложно. Поэтому ниже будет показано существование исторических дорог (Казанских, упоминаемых в русских документах XVII–XVIII веков), использовавшихся с глубокой древности; приведены различные обозначения (названия), которые «маскируют» различные трассы и участки исторических дорог; объяснены причины и проиллюстрированы изменения трасс некоторых дорог в течение последних трехсот лет.

Дороги являются неотъемлемой составляющей человеческой цивилизации. Как только человек начинает осваивать местность, окружающую его поселение,— появляются первые дороги, или тропы, которые соединяют наиболее «востребованные» районы в округе. Например: поселение — река, где берут воду и ловят рыбу — удобный путь к ближайшему лесу, где можно набрать хвороста для костра, добыть дичь и пр. По мере освоения территории система дорог усложняется: кроме тех, что служат для

удовлетворения местных нужд, появляются своего рода «межплеменные» пути, которыми люди пользуются, чтобы добраться до соседних (или отдаленных) поселений с целью обмена, поиска невесты для своего сына и т. д. Бытующие на повседневном уровне представления о том, что люди в древности, да и в Средневековье знали только свою округу, а о дальних краях представления не имели, верны лишь отчасти. Достаточно вспомнить Великий шелковый путь (которому предшествовал «лазуритовый путь», существовавший с III тысячелетия до н. э.), путь «из варяг в греки». Но это лишь наиболее известные, если угодно, «разрекламированные» пути. Они были отнюдь не единственными. Подобные дороги, торговые коммуникации, покрывали всю Евразию, за исключением самых суровых и малонаселенных районов. Южный Урал не являлся исключением, его территорию точно так же с древних времен пересекали пути, связывавшие Сибирь и европейскую часть материка, Среднюю Азию и Поволжье (Прикамье) и далее, вплоть до Балтики, степь и северные леса [2; 5, с. 145–149; 25–28; 32; 33, с. 3–8]. И эти пути, пересекавшие Уральские горы и соединявшие разные территории Евразии, действовали и в эпоху бронзы, и в раннем железном веке — когда в степях кочевали воинственные саки, сарматы и гунны, а в лесной зоне жили металлурги

Лист из атласа «Хорографическая книга Сибири» С. У. Ремезова. Начало XVIII века. Карта ориентирована на юг.

Показаны территории по реке Ичкин. Через верховья речки проходит дорога, которая обозначена как «Казанска»

ананьинской (в Прикамье) и иткульской (в Зауралье) культур, — и в раннем Средневековье, и в период существования Казанского и Сибирского ханств и Ногайской орды, и в эпоху русского расселения.

Попытаемся представить себе, как могли изменяться трассы дорог на протяжении тысячелетий. Казалось бы, в течение таких отрезков времени сетка путей должна измениться совершенно, но чем, какими факторами определялись конкретные трассы? Удобством пути, в степях — наличием водоемов на пути следования, то есть либо рек и озер, либо колодцев. В лесу с водой проблем обычно не бывает, но желательно, чтобы путь был расчищен и представлял собой хотя бы удобную тропу. В степи дорога может не иметь четкой трассы — каждый караван выбирает путь исходя из наличия травы — корма для лошадей и верблюдов, но есть точки, где эти широко раскинувшиеся вееры путей собираются в один «пучок» — у колодцев и на переправах через реки, у бродов. В лесу возможности каждому каравану двигаться своим путем нет, поскольку маршрут определяют существующие торные дороги (попробуйте представить передвижение каравана по чащобе, с упавшими деревьями и пр., без тропы). Еще один вид преграды, кроме рек, изрядно затрудняющий передвижение, — это горы. Уральские горы, конечно, не Кавказ, но пройти через них, особенно с грузными вьючными животными, можно далеко не везде. Горные хребты люди преодолевают обычно по перевалам — местам, удобным для перехода. Так что при всей кажущейся свободе выбора пути набор вариантов все же ограничен.

Любая дорога, ведущая из Зауралья в европейскую часть материка, была привязана к определенным точкам: колодцам (в пустынной и степной зоне), бродам через реки и горным перевалам. Но любая серьезная и протяженная преграда одновременно могла выступить и в роли своего рода «направляющей» для дорог, что мы и видим в действительности — очень многие дороги шли вдоль рек и вдоль тех же Уральских гор.

Насколько много было дорог в Зауралье к тому времени, когда началось активное русское расселение в этих краях, показывает карта С. У. Ремезова «Чертеж, колико приходов под слободы и кою

«Чертеж, колико приходов под слободы и кою сторону по дорогам и сакмам из одного места» С. У. Ремезова.

Показаны дороги, существовавшие на относительно небольшой территории по рекам Миасс, Теча и в верхнем течении Исети

сторону по дорогам и сакмам из одного места». На чертеже показаны дороги, существовавшие на относительно небольшой территории по рекам Миасс, Теча и в верхнем течении Исети.

Любое население, придя на новое место, в первую очередь использует имеющиеся коммуникации. Потом, когда окажется, что этих дорог уже не хватает, начинает прокладывать новые пути. Не были исключением и русские, начавшие хозяйственное освоение Зауральской Башкирии. В пер-

вые два-три десятилетия немногочисленное пока русское население обходилось имеющимися, исторически сложившимися дорогами. Правда, они получили новое осмысление исходя из потребностей и целеполагания пришлого населения и новых реалий. Старые ориентиры и названия дорог или каких-то их участков для пришедших русских могли быть неактуальны либо не вызывали ассоциаций в их картине мира — тип хозяйствования и восприятие окружающего ландшафта у башкир и русских переселенцев все же различались.

Плюс к этому пришлое русское население пыталось освоить новые территории, для чего требовалось сделать их более понятными — отсюда переименование различных природных объектов: рек, гор, озер. Окружающий мир, таким образом, становился «понятнее», ближе. Иногда переименование было буквальным, и река Елганды становилась Боевкой. Иногда переселенцы просто немного переделывали название, адаптировали его, и тогда вместо названия «Карабулак» (в переводе — «черный», или «северный» родник), появлялось «Караболка». Появляются русские поселения (крепости, села, заводы), многие из которых получают русские названия. Сознание пришлого населения, от крестьянина до чиновника, переключается на более близкую и понятную систему пространственных ориентиров.

Документы, содержащие сведения о конкретных трассах дорог, относящихся к периоду Сибирского ханства и Ногайской орды, к сожалению, нам не известны. Самый ранний источник, упоминающий о путях, ведущих через Южный Урал в Сибирь, датирован уже концом XVI века, когда Московское государство приняло в свое подданство часть башкирских племен. Это наказ послам, отправленным в сентябре 1586 года в Ногайскую орду, где содержатся наставления, что им говорить по поводу заложенных в том же году городов Самара и Уфа. Нас интересует именно Уфа: «А на Уфе (имеется в виду река Уфа.— Г. С.) на бело волжке (Белая волжка, или Белая Воложка — так называли реку Белую в XV–XVII веках.— Г. С.) государь велел город поставить, что беглой из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву вотчину в Казанской уезд в башкирцы, учел кочевать и ясак со государевых людей

з башкирцов, почел был имати и ныне государь на Уфе велел город поставить и людей своих в нем устроити для обереганья Казанского уезда башкирцов, и для того, что государевы люди города многие поставили в Сибирской земле. И из того города з Белой волжки казанским людем многим ходить на Сибирь. А тот город стал на дороге, да и потому, чтобы казаки беглые с Волги на Белую волжку не ходили и вашим улусом убытков никаких не чинили» [20, с. 19–20]. Несомненно, эти аргументы имели целью несколько успокоить князя Уруса, возглавлявшего Ногайскую орду. Однако вряд ли эти доводы представляли собой просто «дымовую завесу» — князю выдавали часть причин строительства города, не оглашая других оснований. Дело в том, что южная и центральная части Башкирии в конце XV — XVI веке составляли одно из наместничеств Ногайской орды, во главе которого стоял наместник — «нуратдин». Ногаи кочевали по реке Белой, а ставка, или «столица» ногаев в Башкирском «наместничестве», которую башкиры называли «Иман-кале», находилась у места впадения реки Уфы в Белую. То есть русская крепость Уфа была поставлена на месте традиционного расположения ногайской ставки [35]. И огромную роль в возникновении и существовании этого города играли дороги, поскольку Уфа (как и ее предшественники) была поставлена на перекрестке дорог, шедших с юга на север и с запада на восток, обычно вдоль рек. Город, поставленный на важном узле путей, позволял контролировать передвижения, торговлю. Основные дороги, сходящиеся к городу Уфе, показаны на более поздней карте, составленной в 1736 году.

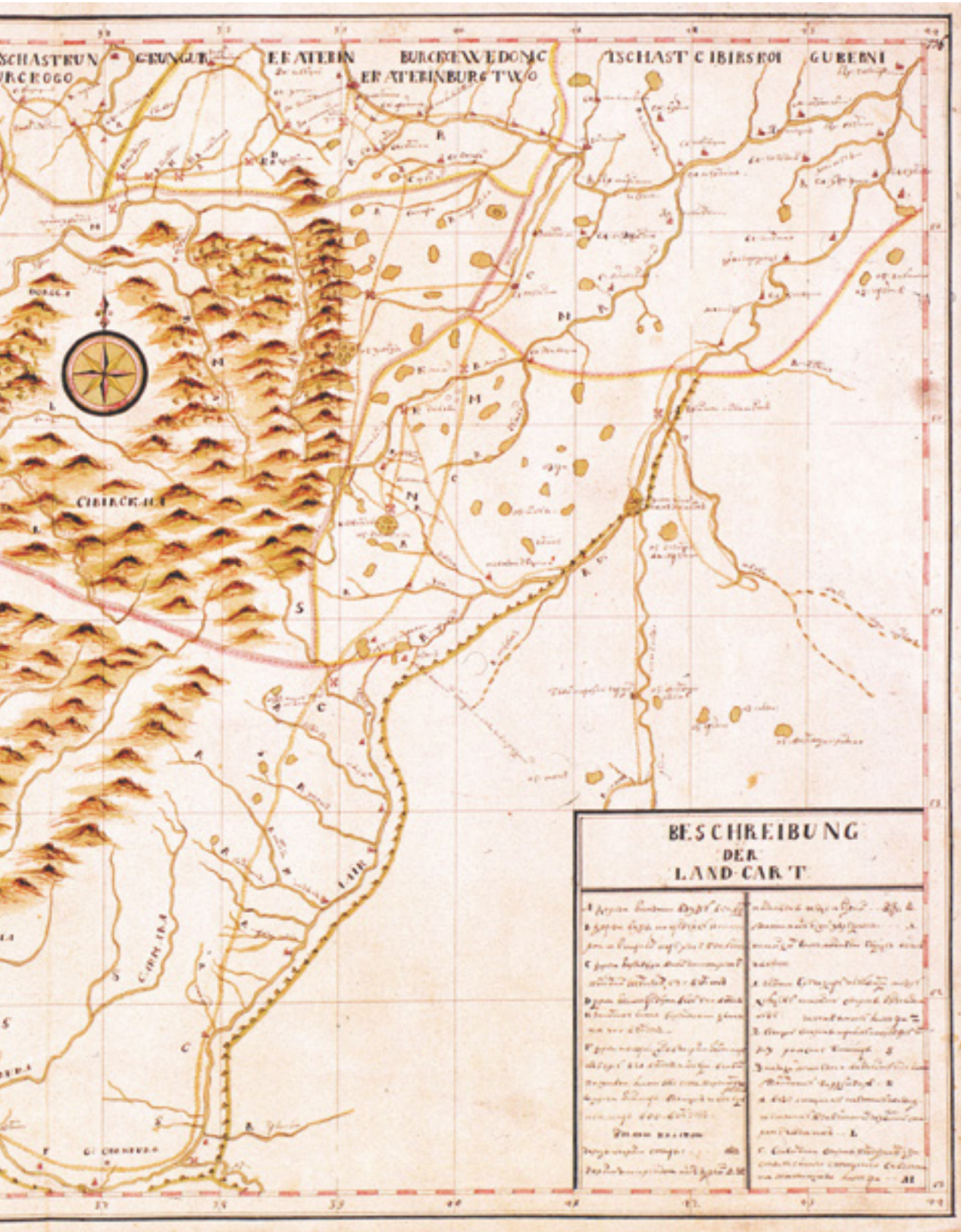
О том, что прямой путь в Сибирь лежал через Уфу, свидетельствуют многие источники. К начальному периоду русской колонизации Зауралья относится документ, упоминающий короткую дорогу из Сибири на Уфу и датированный 1600 годом. Это отписка тюменского воеводы Луки Щербатого уфимскому воеводе Михаилу Нагому, где содержится следующий текст: «А путь, господине, от Уфы на Тюмень ближний сухой. А я, господине, тюменским служивым людям и волостным татарам по государеву указу позволил ездить на Уфу и в Уфинский уезд в волости со всяким товаром» [14, с. 187].

Канай да Озим меж Ишим и Обага реки (современный Убаган — приток Тобола.— Авт.) в дуброве, а от устья Обаги реки три днища ездю конного

вверх по Абаге...» [Там же, с. 195–196]. И, скорее всего, именно по этому пути в начале XVII века гнали на продажу коней и коров в Туринский острог

План-карта Уфимской провинции или всему башкирскому жилью и около проложенной живой линии от Волги до Сибири на 1200 верст, также прежней земляной линии и прочему. Собирал с разных карт геодезии прапорщик Михаил Пестриков, в Мензелинске, 1736 года месяца декабря.

Описание план-карты:
 А. Дорога от Казани в Уфу 650 верст.
 В. Дорога от Уфы к Оренбурху, по которой шел Кирилов к Оре реке, 500 верст.
 С. Дорога от Оренбурха в Сибирь, по которой шел полковник Тевкелев, 580 верст.
 D. Дорога от Екатеринбурга в Уфу, 520 верст.
 E. Закамская линия с крепостями, длины на 400 верст.
 F. Дороги новопроложенные и городки от Волги к Оренбургу 620 верст и оттуда в Сибирь по живой линии, то есть по рекам 580 верст.
 G. Дорога от Самары в Яицк и оттуда к Самаре, 600 верст.

«казанские татаровя и черемиса и чуваша» [Там же, с. 214–215]. Хорошо сочетается этот документ с тем, что приведен ниже — о том, как «скот ганивали» из Казани в «Тоболеск». Да и сложно представить себе перегон коров из Поволжья в Туринск через Верхотурье, по Бабиновской дороге — по крайней мере, прибыльность подобного торгового предприятия была бы довольно сомнительна. Путь по Старой Казанской дороге был ближе как минимум в два раза. В начале 1670-х годов на месте впадения в Ай двух речек Тасъм стоял Новый Уральский городок — база экспедиции по поиску серебряной руды. Руководитель работ в 1672–1674 годах Яков Хитрово, похоже, вновь «открыл» Старую Казанскую дорогу, по которой можно было отправлять письма и грузы от Уральского острожка до Москвы напрямую — через Уфу и Казань, а не вкруговую — через Верхотурье. Он писал, что «уфимской дорогой до Москвы полтрети тысячи (две с половиной тысячи. — *Авт.*), а сибирской — 4000 верст и более». Правда, уточнял, что через башкирские леса и степи без толмача и проводника ездить невозможно [11, с. 177–179]. Очевидно, именно в этом была причина не очень большой популярности этой дороги у проезжих людей. Причем надо отметить, что такая дорога через горы была вовсе не одна.

С северо-востока к Уфе и дальше на юг и на запад, очевидно, шел путь из Северного Зауралья, упоминающийся в некоторых исследованиях: Ермак, согласно летописным указаниям, которые приводят как В. Шишонко, так и А. Дмитриев, во время своего перехода через Уральский хребет дошел до Сибирской дороги, проходившей в двух днях пути вверх от Чусовой по речке Серебрянке [38, с. 168–169]. Как поясняет А. Дмитриев, под Сибирской дорогой здесь «нужно разуметь южную дорогу из Сибири в Ногайскую орду, между которыми существовали постоянные сношения. Этою дорогою пользовались только инородцы, особенно Сибирские Татары, Вогулы, Остяки и Ногаи; русское же правительство ее не признавало» [7, с. 169], а «столица» ногаев в Башкирском «наместничестве», которую башкиры называли «Иман-кале», находилась, как уже упоминалось, на впадении Уфы в Белую, где и был позже поставлен город Уфа [35]. Соответственно эта дорога связывала север-

ные территории Зауралья (два дня пути от Чусовой вверх по реке Серебрянке — это недалеко от современного Нижнего Тагила) и Южное Приуралье. Горы дорога пересекала, скорее всего, по долине Чусовой — это вообще самое удобное место, где горы сходят почти на нет.

Дороги служили для передвижения торговых караванов, но по ним же шли и отряды неприятеля — и в том и в другом случае ситуацию надо было контролировать. С привязкой новых русских острогов и слобод к существующим дорогам, переправам через реки мы не раз еще встретимся по ходу повествования. Теперь неплохо было бы посмотреть, а как обстояло дело с путями через южную часть Уральского хребта в Зауралье и далее в Сибирь. Начнем издадека, с низовьев Исети...

В одной из статей, где рассматривается вопрос о придорожном кресте, поставленном на перекрестке дорог, неподалеку от новопостроенного Исетского острога (сегодня село Исетское Тюменской области), приведен документ XVII века. Дадим, в свою очередь, выдержки из этого документа: «В прошлом де во 158-м (1649–1650)... построен на реке Исети Тоболского уезду вновь Исецкой острог... а к тому острогу была дорога которая ныне есть с Тюмени в Ысецкой острог, и через ту тюменскую дорогу ездили дорогою ис Казани в Тоболеск и ис Тоболска в Казань с торгами всяких чинов люди и скот ганивали; ...а та дорога проложена была исстари, для того что ездили де тою дорогою ис Тоболска в Казань, а ис Казани в Тоболеск торговать... и в тех годах слобод и острогов не было, ездили тем пустым местом тою дорогою» [10, с. 70]. Речь идет о дороге, которая пересекала путь из Тюмени в Исетский острог, то есть шла по левому берегу Исети (по крайней мере, на этом участке) и соединяла Казань и Тобольск. В. Н. Курилов, из статьи которого взят приведенный текст, соотносит ее со Старой Казанской дорогой, которая шла с запада на восток по водоразделу Исети и Туры — Пышмы [Там же], но не рассматривает часть дороги далее к западу, поскольку это далеко выходит за рамки его работы. В. В. Пестерев пишет, что на Старой Казанской дороге в 1655 году был поставлен Катайский острог. Он же сообщает, что этот путь реально существовал и использовался еще во вто-

рой половине XVII века, цитирует «Список с чертежа Сибирския земли», где дана общая характеристика маршрута дороги от Тобольска до Казани: «...мимо Тюмени и Уфы, степью чрез Башкирскую землю, ездю месяц» [21, с. 206]. Отдельные участки этой дороги между Исетью и Пышмой отображены на чертежах «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова.

Практически все приведенные материалы фиксируют наличие пути из Казани в Сибирь через Уфу, причем пути, существовавшего до начала русской колонизации. Однако в этих документах отсутствуют указания на конкретный маршрут. Единственное, что можно заключить из вышеизложенного — путь действительно шел по короткому маршруту, иначе сложно представить себе, как добирались из Тобольска до Казани за месяц. Нас же как раз интересует маршрут (маршруты) Казанской дороги на Южном Урале и место (места) пересечения ею Уральского хребта.

Лист из атласа «Хорографическая книга Сибири» С. У. Ремезова. Начало XVIII века. Карта ориентирована на юг.

Показан один из участков по реке Пышме. К югу от реки между ней и Исетью показана «Дорога Казанская»

Поскольку исчерпывающего ответа в современных работах найти не удастся, попытаемся поискать информацию в старых исследованиях. У В. Шишонко в одном из томов его «Пермской летописи» есть такое примечание: «Чрез Катайский острог пролегла старинная дорога из Сибири, от урочища Явлутор... Означенная дорога тянулась к перешейку между озерами Иртышем (Иртышем.— *Авт.*) и Большие Касли, потом, по перевале через Урал, она разделялась на две ветви, из коих одна шла на Кунгур, другая на Уфу. Эта дорога еще в 1680 г. называлась Старой Казанской дорогой; называлась она и Уральской дорогой (курсив В. Шишонко.— Г. С.)» [39, с. 478]. Название «Уральская» также весьма характерно. Тот же В. Шишонко отмечает: «Название: Урал заимствовано от Башкирцев, которые придавали его водоразделу в нынешнем округе Златоустовских заводов и несколько южнее и несколько севернее; Русские вначале тоже только эту часть хребта называли Уралом. (Так в книге большому Чертежу говорится, что р. Белая вытекла от Уральтовыя горы). И до ныне в простонародье только эта часть хребта называется

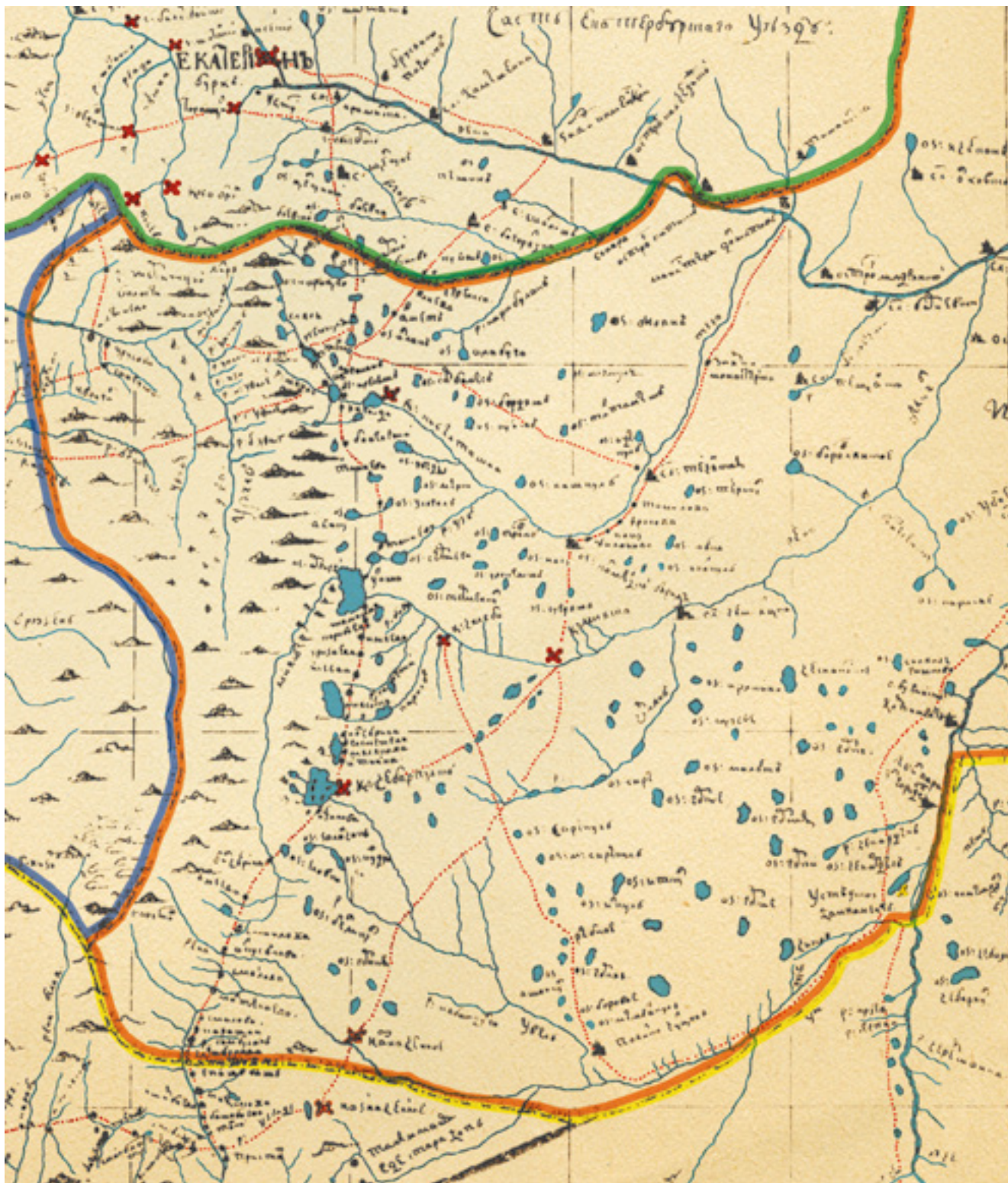

«Новая ландкарта Башкирской орды или Уфимской провинции с прибавлением пограничных частей и всей закамской стороны, первой земляной, а второй живой Оренбургской линии. Учинена в Самаре месяца декабря 1737 года».

Показаны дороги, существовавшие на тот момент. В том числе дорога, шедшая вдоль Уральских гор с юга на север, и дороги, пересекавшие горы в районе озер Иртяш, Наного, рек Уфа, Сурияма

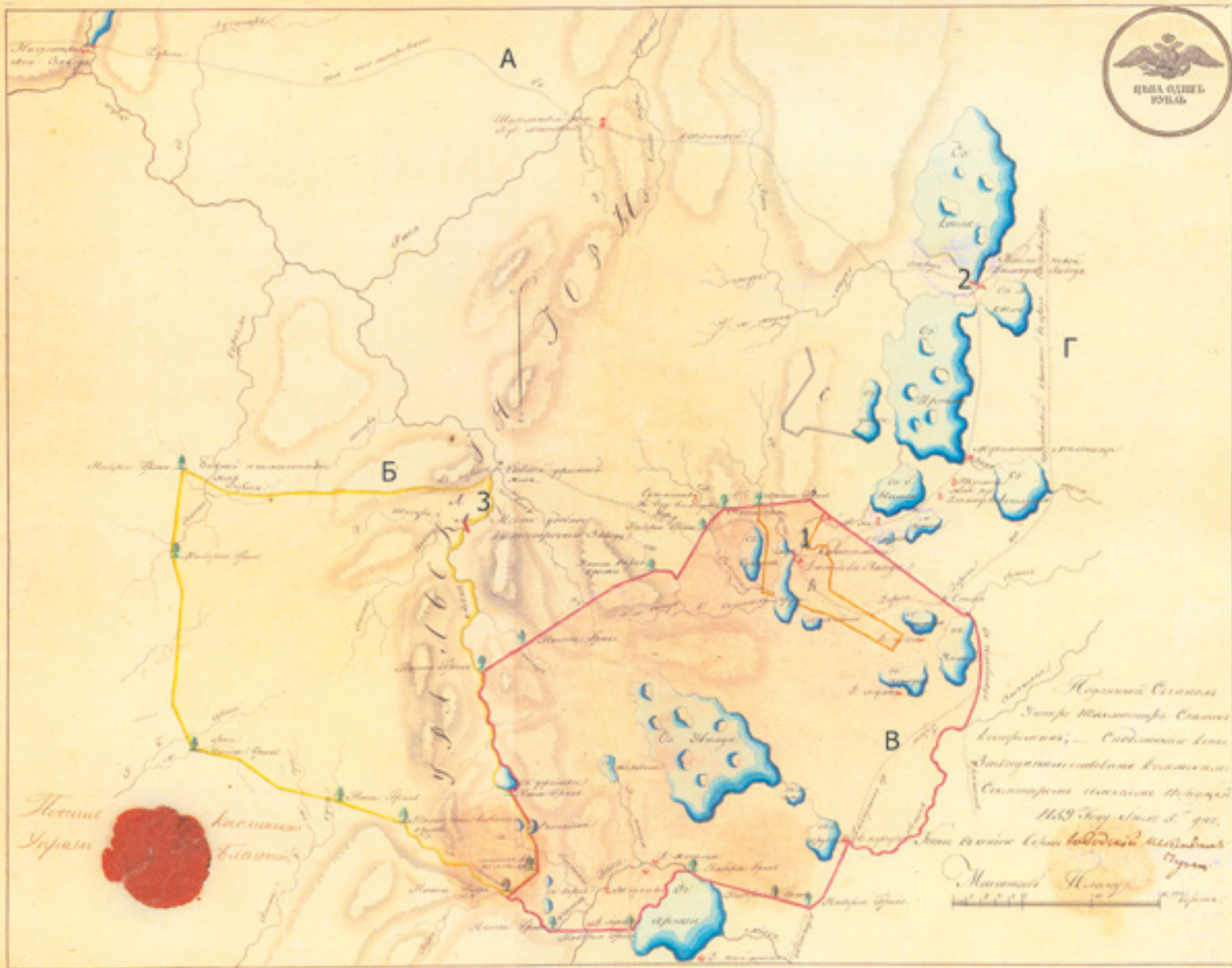
Порохового... А от того озера, едучи по Казанской же дороге, к Камению на правой стороне Алак Большой, другое озеро Алак Малой... А от того озера едучи на правой стороне Казанской дороги близ Камени озеро Касли...» [12, с. 85–86]. К материалам сыска И. Полозова была приложена карта — «Чертеж межи Башкирской земли с слободами». Копия ее сохранилась в «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова. На карте показаны различные детали ситуации конца XVII века в Южном Зауралье, в том числе и трасса Казанской Уральской дороги, о которой говорилось в сыске И. Полозова и которая вела к истоку из озера Касли в озеро Иртяш, а также дорога, которая вела мимо озера Чебаркуль в «Слюдные горы».

Дороги отображены и на «Ландкарте Уфимской провинции» 1737 года. Стоит отметить путь, шедший вдоль Уральского хребта с юга на север, а вдоль него — большое количество башкирских поселений. Это свидетельствует о том, что дорога использовалась часто, в том числе и торговыми людьми, жить у дороги было выгодно. В северной части показаны дороги, пересекавшие горы, фактически это та самая дорога, что показана на «Ландкарте...». А узел путей в районе озер Иртяш и Касли очень хорошо иллюстрирует пассаж из челобитной зауральских крестьян 1695 года: «...меж озер Иртяш и Касли через Урал-Камень проезжая большая дорога в Казань, и на Уфу, и на Кунгур, купеческия люди из русских городов с товары по вся годы ездят в Сибирские города, а из Сибири ездят с товары в Русские города. И кроме той дороги летом и зимою купецким людям с товары проехать утайкою будет не куды: объезжая дороги все сошлись к тем озерам, к Истоку, что течет из Касли озера в Иртяш озеро. И от того будет вашей государственной казны таможенным пошлинам сбор большой» [40, с. 55–56]. Обратим внимание на то, что в центральной и южной частях карты 1737 года дорог, помимо идущей вдоль гор, практически не показано. И это не значит, что их не было. Скорее, это свидетельствует о том, что эти трассы практически не использовались русским населением. Вспомним замечание чиновника XVII века о том, что без проводника и толмача по прямой дороге ездить не стоит.

Соответственно на картах в основном показаны те дороги, которые были актуальны для тех, кто их составлял и для кого их составляли. В качестве примера приведем карту 1759 года, на которой показаны земельные отводы Кыштымскому и Азяш-Уфимскому заводам, а помимо этого актуальные пути сообщения. «Дорога из Нязепетровского в Каслинский завод» фактически совпадает с дорогой «до истоку, что течет в Ыртяш» на рисунке на с. 132–133. Пути в Челябинскую крепость и в Екатеринбург вместе представляют собой вариант дороги вдоль Уральских гор на рисунке на с. 134. Но весьма интересно, что дорога в Уфу — причем не просто дорога, а почтовый тракт из Челябинска в Уфу с бывшими почтовыми ямами — проходит севернее Кыштымского завода. При наличии прямой дороги до Уфы использовали объездную, поскольку прямой путь, видимо, был небезопасен. Но в 1759 году этот тракт был уже бывшим, и связано это было, скорее всего, со строительством Саткинского и Златоустовского заводов.

Если дорога в целом воспринималась как «Старая Казанская дорога», то отдельные участки ее обозначались в соответствии с локальными ориентирами. Это хорошо видно на рисунке с. 132–133 — в целом трасса называлась «Казанской Уральской», а отдельные участки: «к истоку что течет в Ыртяш», «к Слюдным горам». В случае с периодом русского расселения это зачастую были новые объекты: слободы, крепости, заводы. Поэтому, увидев на карте надпись «Дорога (от строящегося троицкого Саткинского завода графа Александра Строганова.— Г. С.) в Троицкую крепость» [17, д. 72], очевидно, надо задуматься: кому надо было строить дорогу от не построенного еще завода к Троицкой крепости в 1762 году? Тем более что дорога упоминается и в документах 1740–50-х годов, когда от основания Троицкой крепости прошли считанные годы: «... до дороги от города Казани в Троицкую крепость, которая дорога от сей дистанции осталась право» [18, д. 1, л. 215, 447]. Очевидно, что мы имеем дело с одной из трасс Старой Казанской дороги, названной по недавно основанной Троицкой крепости. Эти моменты хорошо иллюстрирует карта земель Златоустовского завода. Тот путь, который на карте назван «из Саткинского в Златоустовский

Карта, на которой показаны отводы Кыштымскому и Азяш-Уфимскому заводам. 1759 год. Нас здесь больше интересуют обозначенные дороги.

Условные обозначения:
 1 — Кыштымский завод;
 2 — Каслинский завод; 3 — место, удобное к построению завода (Азяш-Уфимского);
 А — дорога из Нязепетровского в Каслинский завод;
 Б — дорога в Уфу; В — дорога в Челябинскую крепость;
 Г — дорога из Челябинской крепости в Екатеринбург

завод», на самом деле является частью Старой Казанской дороги. Именно о нем писал в 1670-е годы Яков Хитрово из Уральского острожка, который располагался рядом с тем местом, где в XVIII веке будет поставлен Златоустовский завод. Трасса «от Назепетровского до Златоустовского завода» в действительности дорога, идущая вдоль Уральского хребта — она и на карте проходит мимо Златоустовского завода. Дорога в Троицкую крепость — также вариант трассы Казанской дороги, ушедшей в степь. Ну а путь «в деревню Кундравы» описан В. Шишонко: «На истоке этом (из озера

Большие Касли в озеро Иртяш.— Г. С.), запруженном при самом выходе из озера Каслей, построен Каслинский... завод. Через завод сей и доселе проходит довольно важный торговый путь из Европейской России в Троицк и в Сибирь, нигде в статистических описаниях не показанный. Дорога эта в царствование Алексея Михайловича и Федора Алексеевича уже называлась «Старой Казанской дорогой» [40, с 61].

9 ноября 1684 года была выписана указная память «Барневской слободы Васке да Кондрашке меньшему Соколовым», поскольку они били в июне этого же года челом о том, что «приискали они вверх по Миясу реке на левой стороне выше митрополии[чьей] межи на устье речек Чюмляков на перевозе Казанское дороги под слободу вновь порозжее место». И указной памятью предписывалось «Барневской слободы крестьяном Васке да Кондрашке меньшему Соколовым проехав верх по Миясу реке на левую сторону на устье речки Чюмляков на перевозе Казанской дороги строит им вновь слобода Верх Мияская» [23, д. 481, л. 169–171]. В документе дано краткое описание размеров (есть еще и подробное описание границ): «...от речки Изюмки до митропольей (митрополичьей, то есть митрополичьего села Воскресенского.— Г. С.) межи тридцет верст а в степь по обе стороны Миясу реки верст с тридцет же и болше» [Там же]. Хочу обратить внимание на тот факт, что место расположения новой слободы было приурочено к перевозу, то есть к броду на реке Миасс по Казанской дороге. Верхне-Миасская, она же Чумляцкая, слобода — сегодня село Чумляк Курганской области.

Практически любая дорога в Зауралье в XVII–XVIII веках оказывалась Казанской (Уральской, Сибирской) либо частью Казанской дороги. Казанскими они назывались преимущественно к востоку от Уральского хребта, поскольку вели в европейскую часть России, в Казань. Сибирскими их чаще называли к западу от хребта, обозначая их направленность в Сибирь. Уральскими назывались те дороги, которые пересекали горную систему в южной ее части, ибо только к ней до середины XVIII века относились названия «Урал», «Уральские горы», «Урал-Тау». В целом же Старая Казанская дорога

представляла из себя систему путей, соединявших европейскую часть России и Сибирь, а также степные территории. Бессмысленно искать какую-то одну трассу этой дороги, поскольку практически все пути Южного и частью Среднего Урала, так или иначе включены в эту систему.

Дороги важны не только как коммуникации, связывавшие разные территории. Это еще и пути возможного прихода отрядов вооруженного противника. И в качестве торговых / переселенческих коммуникаций, и в качестве направления возможной угрозы они требовали контроля. Поэтому большая часть слобод, острогов, а впоследствии крепостей ставились с привязкой к дорогам. В 1655 году (примерно) был поставлен Катайский острог [9, с. 115; 13, с. 90]. В документах сыска Полозова говорится: «...по указу великих государей Катайский острог заводил и строил верхотурской сын боярской Панкратей Перхуров... и учинен тот острог заставою для проезду ис Казани и с Уфы купецких людей в Тоболеск и в ыные сибирские городы» [12, с. 88].

Прочитую небольшой фрагмент из «Чертежа всей Сибири, избиранного в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича»: «А от Далматова монастыря до Катайского острогу 15 верст, быть драгуном полроте, а было беломестных казаков 50 человек, а ныне быть драгунов в том же числе. А от Катайского острогу до усть Сынары реки до увалу 7 верст, и тут быть острожку, а быть драгуном полроты. А от усть Сынары реки до усть верхней речки Каменки 60 верст, и тут быть острогу и в нем быть драгун 2 роты, и тут самопущий проход воинским людем. А от усть речки Каменки до озера Исети 60 верст, и тут быть острогу, а в нем быть драгуном роте. А от озера Исети через Каменку до вершины Чюсовое реки 30 верст, и тут быти острогу, а в нем быть драгунов 2 роты, и тут самопущей же проход воинским людем с тех мест, как Баскирцы великим государем изменили» [34, с. 24–26, 28–29].

Документов, в которых указывается, что слободы или острог были поставлены именно на дороге — на месте, где «приход воинским людем», — довольно много, но полагаем, что достаточно

и процитированных. Тем более что в дальнейшем еще пойдет речь о выборе мест для строительства крепостей и не только.

Выше было сказано, что практически неизменными отрезками исторических путей были участки бродов и перевалов. Но это вовсе не означает, что между этими жесткими привязками дороги не имели четкой трассы. Казанская дорога не была чем-то условным, неким «общим направлением движения». Судя по документам, в лесной и лесостепной зонах ее трассы имели четко выраженную «проезжую» часть, то есть хорошо фиксируемое дорожное полотно. Причем границы этого полотна были достаточно постоянны, чтобы служить ориентиром при межевании, описании границ земельных владений. Одно из первых упоминаний Старой Казанской дороги как межевого ориентира приведено в том самом документе об Исетском остроге: «... будто та дорога Казанская межею Тюменскому городу и Исецкому острогу». Правда, в документе эта точка зрения как раз таки оспаривается, но важен сам факт восприятия дороги как зримой разделительной черты [10, с. 70]. В описи земель Успенского Далматова монастыря, составленной стольником Львом Поскочиным в 1683–1684 годах, значится: «...а межа той земли и санным покосам (Далматова монастыря.— Авт.) от реки Исети от заречного соснового бору через реку Исеть к Казанской дороге прямо в гору через наволок у дороги Казанской выкопана яма, а в ней уголье, а подле тоя ямы столб а [на] нем грань... подле колка на краю береза... от березы прямо на Казанскую дорогу, а с Казанской дороги на речку...» [3, д. 26, л. 2 об.]. В указной грамоте на основание Багаряцкой слободы, выданной в 1688 году, также фигурирует в качестве пространственного ориентира эта дорога, но уже под вторым своим названием — «Уральская»: «...до межи Китайского острогу а от того ключа и Китайской межи до Уральские дороги а от Уральские дороги в верх по той же Синаре речке по обе стороны на нижнее озеро Аллак...» [17, д. 97, л. 1–4]. В наказной памяти Ваське и Кондрашке Соколовым на основание Верхне-Миасской Чумляцкой слободы было прописано: «...проехав верх по Миясу реке на левую сторону на устье речки Чюмляков на перевозе Казанской дороги строит им вновь слобода

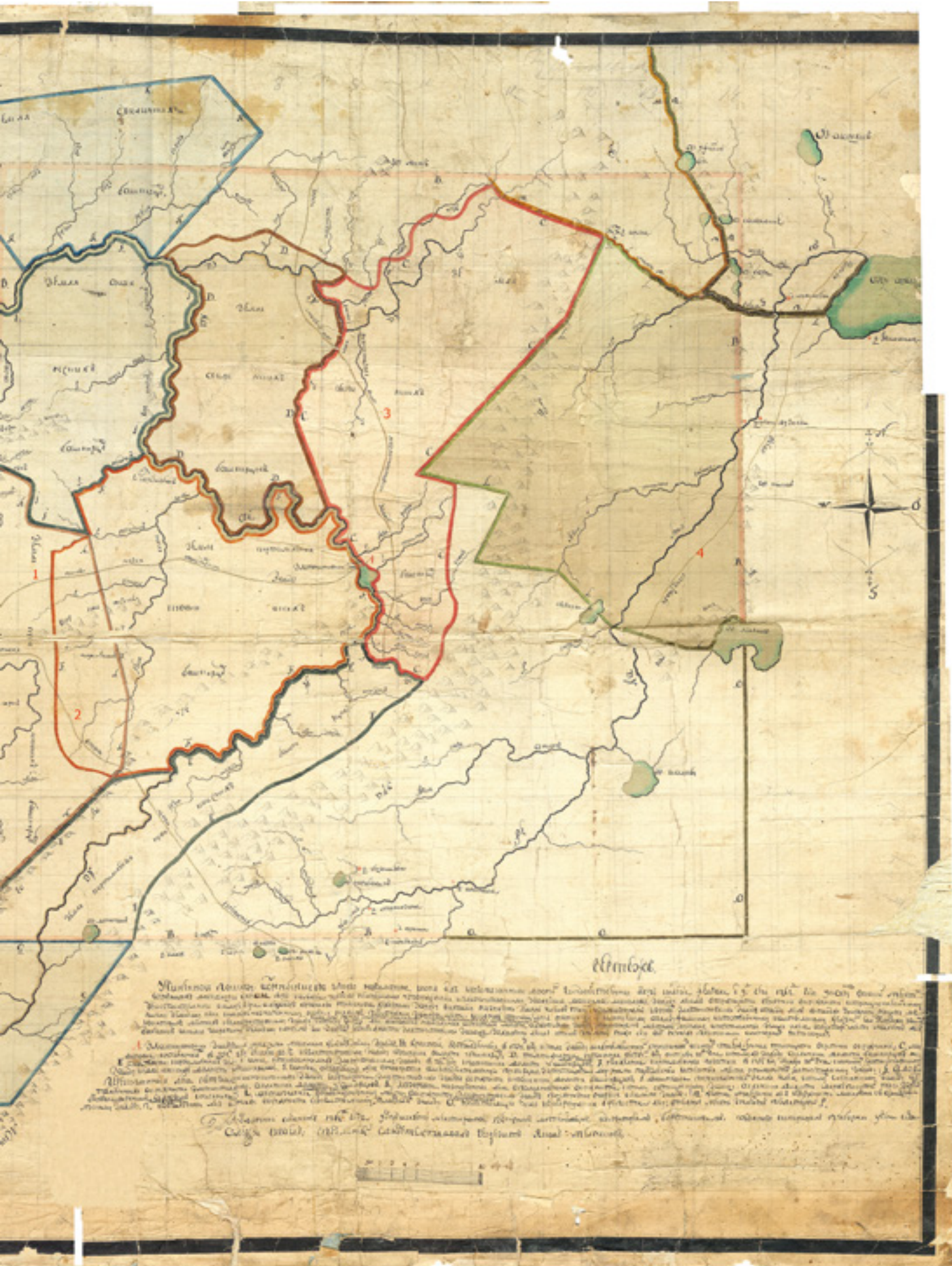
Чертеж, учиненной по указу Оренбургского горного начальства июня от «17» и прописанного во оном Государственной Берг коллегии февраля от «9» сего 1762-го году указу: в каких местах и урочищах в отводной и оном Берг коллегии указом неотъемлемо утвержденной к Златоустовскому заводчика Максима Масалова лесам в тридцати верстной окружности и Троицко Саткинскому действительного камергера Александр Сергиевича Строганова к железному заводу назначено земель и лесов, также и захваченным из того ж Златоустовского заводу отводу в отвод же дворянину Никите меньшему Демидову ныне ко вновь назначенному на речке Киялиме под строение заводу месту и вновь строящемуся на реке У[фе] (?) именуемому Азяш Уфимскому и к построенному Кыштымскому железному заводу Демидова заводам и в которых местах к Златоустовскому заводу (земли и лес разных волостей башкирцов покупные и кортомленные не) которой части лесу вдобавок на безлесных и степных местах, а к которому заводу по которым местам куплены и кортомлены земли и леса и в котором месте отведен лес вдобавок и сколко дворянину Демидову и трем ево заводам из окружности Златоустовского завода захвачено лесов, о том значит ниже сего в сем чертеже под красками и литерным расписанием...

Пояснения к карте:

- А. Златоустовский завод;
- Б. Назначенное графа Строганова под строение завода место;
- В. Троицко-Саткинской графа Строганова завод;
- 1. Дорога с Саткинского на Златоустовской завод;
- 2. Дорога (новая) в Троицкую крепость;
- 3. Дорога с Назепетровского на Златоустовской завод;
- 3. Дорога в село Кундравы

Верх Мияская» [23, д. 481, л. 169 об.— 170]. Использовали Старую Казанскую дорогу (причем именно под таким названием) как ориентир и геодезисты, составлявшие планы и описания участков, отводимых под разработку рудников для назначенных к строительству Златоустовского и Саткинского заводов в 1751–1765 годах: «...до речки Уряк с левой стороны и до дороги старой Казанской, а вершина оной речки Уряка влеве с 4 версты... от той дороги Старой Казанской поворота влево до речки Куваши впадшей в речку Ай вниз с левой стороны... пошли по инструменту от Саткинского завода подле дороге по которой ездят из города Казани в Новотроицкую крепость» [18, д. 1, л. 215]. Использовалась как ориентир эта дорога и при межевании земель Далматова монастыря в 1756 году: «От оной кудреватой березы и ям по дороге Казанской в двухстах сажнях поставлен столб...» [3, д. 26, л. 66]. Там же зафиксировано изменение створа дороги на определенном участке: «...по дороге чистым пахотным местом между прежней и нынешней Казанскими дорогами...» [Там же, л. 67]. Следовательно, дорога могла сместиться, но происходило это достаточно редко и не мешало использовать ее как ориентир или даже межевой знак.

Есть один аспект, не очень часто рассматриваемый в публикациях: все описанные выше дороги практически были под запретом с 1598 года, то есть с момента постройки Верхотурья, обустройства Государевой Верхотурской (Бабиновской) дороги и основания Верхотурской таможни. Использование прочих дорог, помимо верхотурской, было запрещено, все должны были ехать через Верхотурье и проходить контроль на таможне. Причем этот запрет неоднократно подтверждался царскими указами: «...и ныне де положена из Сибири, мимо Верхотурскую заставу, дальняя вновь околная дорога по слободам, через Утку и Кунгур на Каму рек, в Русские города... и вы б на ту дорогу, где пригоже, посылали с Верхотурья детей боярских добрых и служилых людей, по сколку пригоже, и велели учинить на той новой дороге заставу, и с той заставы тех людей, которые поедут ис Казани и ис Сибири с товары, отсылать на Верхотурье, в таможню к таможенному голове...» [8, с. 84]; «...и вы б с Верхотурья, в Катайский острог послали сына боярского и слу-

жилых людей и целовальников добрых, и велели устроить заставу и беречь накрепко, чтобы торговые и промышленные и всяких чинов люди, мимо Верхотурскую заставу, чрез Катайской острог, с Русскими и со всякими товары не ездили» [1, с. 90]. Кстати, в этом последнем документе имеется такая формулировка: «...есть де Уфимского уезду... из Уфы и с Кунгура старая Казанская дорога Тоболского уезду в Катайский острог» [Там же]. То есть самая северная «ветка» Старой Казанской дороги иначе называлась Кунгурской дорогой и проходила по рекам Сылва и Чусовая и далее по Исети, где и стоял Катайский острог. Впоследствии, когда был основан Екатеринбург, именно он стал пунктом маркирующим путь, то есть дорога теперь обозначалась как соединявшая Кунгур и Екатеринбург. Но и после основания новой горнозаводской столицы использование Кунгурской дороги оставалось под запретом. И как В. Н. Татищев обходил этот запрет, составляет отдельный небольшой сюжет.

В 1734 году, вскоре после своего приезда в Екатеринбург, В. Н. Татищев озаботился организацией прямого пути в Европейскую Россию. Путь в действительности существовал, но был не обустроен. В частности, на основной протяженности дороги не было ни деревень, ни почтовых ямов, ни постоялых дворов. Первые действия в отношении обустройства если не всей Кунгурской дороги, то брода через Чусовую (Косого брода) В. Н. Татищев предпринял еще в период своего первого пребывания на Урале. В 1721 году, описывая резоны отъема земель у Чусовой у башкир, он писал в числе прочего: «...место Косой Брод, о котором наиболее татары спорят, хотя на нем деревни не было, но выше и ниже оногo деревни поселены были русские, (Л. 371 об.) а на оном месте пахали пашню и сена косили. И понеже оный токмо един чрез Чусовую способнейший брод татарам приезжать в русские слободы для воровства, того ради, пресекая оное, весьма надлежит во оном месте быть караулу <...> Крайне же, что без жилища на оном месте заводов строить невозможно, ибо во время зимнее надобно иметь работным людям <...> пристанище на пути, чтоб в лесу пустом не ночевать и корм конский не всегда из дальних мест возить. Весною же и в осень быть перевозу или весьма сделать мост

Фрагмент карты путешествия Н. И. Рычкова (1773). Показана Кунгурская дорога, Ачитская, Бисерская, Кленовская, Киргишанская крепости и Гробо́во Поле, которые были основаны в 1735 году как деревни и населены крестьянами Кунгурского уезда

и оный кому хранить, дабы татары не сожгли...»¹. Имелась в виду безопасность проезда на Полевской завод и Гумешевский рудник. Но спустя более десяти лет Василий Никитич решил довести дело до конца и уже не только в связи с необходимостью обеспечения деятельности одного завода.

В 1734 году из канцелярии Главного правления Казанских и Сибирских горных заводов был направлен указ в контору Чусовских казенных пристаней сержанту лейб-гвардии Никифору Безсонову о том, чтобы «ис Кунгурского уезду для справу на судах с караваны крестьян к поселению ближе к Чусовой рке на удобные места дворов до двести или до триста, чтоб работников было указное число определено, чтоб они и селились прежде в нужнейших местах, а имянно: на Бисерте и по реке Трошу дворов пятьдесят, вверх Бисерти подле черемисина Ба(й)темира дворов до ста, а другие на Гробо́во поле и ближе к Утке, кто где пожелает» [4, д. 608, л. 265]. В указе от 20 июня 1735 года конкретно указывалось «оним назначенным в поселение всем высылку чинить немедленную капитану Житкову дабы удобного времени не опустить и они, прибыв, могли заводиться дворами, запаста сена и хлеба заблаговременно» [Там же, л. 265–266]. Казалось бы, причем здесь Кунгурская дорога, если в документе чет-

ко прописано, что крестьян переселяют для сплава караванов? Но достаточно посмотреть на карту, где обозначены эти поселения, вскоре ставшие крепостями, чтобы стало понятно — расположены они вовсе не на реке Чусовой, а именно у дороги.

В декабре 1736 года в Главное правление Казанских и Сибирских заводов поступила промемория из Сибирской губернской канцелярии, где транслировался вопрос Сибирского приказа: «...чего ради не по силе прежних указов чрез Екатеринбург в сибирские города купецким людям и протчим с товарами учинен пропуск» [Там же, д. 606, л. 425]. Запрос был связан с нарушением упоминавшихся выше указов, запрещавших использовать все дороги помимо Верхотурской. В промемории, адресованной В. Н. Татищеву, чиновники Сибирского губернского правления акцентировали внимание на причинах, побудивших пойти поперек указов: «...понеже по прежней Вами здесь бытности довольно известно было: чрез Верхотурье положенная дорога как российскому так и сибирскому купечеству надмерна <...> далека и так много трудна, что большая часть года и проезду возами не способна и купцы принуждены товары свои верхом на вьюках возить, платя с пуда по полтине и более, и сверх того, когда лошадь упадет в грязи то подмочением товаров в крайнее разорение впадали и купечества лишались» [Там же, л. 426]. Купечество неоднократно обращалось с просьбами разрешить проезд в Сибирь через Екатеринбург.

1

Корепанов Н. С. «Горная власть» и башкиры [Электронный ресурс]. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html> (дата обращения: 29.06.2019).

Далее в промемории шло обоснование использования Кунгурской дороги, причем по тексту документа можно предположить, что аргументация изначально была «разработана» В. Н. Татищевым. В июле 1731 года указом из Сибирского приказа было разрешено «по мнению Сибирской губернской канцелярии на Ирбицкую ярмонгу и возвратно с ярмонги, купецких людей с товары, осмотра, по силе указов по выписям пропускать чрез Сибирский обер берг-амт на Казань, а когда она ярмонга минуетца, тогда чрез тое дорогу никого не пропускать» [Там же]. Указом было определено пропускать купцов на Ирбитскую ярмарку и с ярмарки только в январе, феврале и марте. Сенатским указом от 4 апреля 1734 года повелено учредить в Екатеринбурге ярмарку с 23 или 25 марта продолжительностью две недели, с тем, в том числе, чтобы те купцы, которые не успели на Ирбитскую ярмарку, имели возможность расторгнуться. А поскольку в указе имелась фраза о том, что из Екатеринбурга «товары как в Россию так и в Сибирь водою отпускать», сибирские чиновники делали вывод, что речь в документе идет о летнем времени [4, д. 60, л. 429]. То есть, исходя из текста, проезд по Кунгурской дороге разрешался и летом, но указ на этом не акцентировался.

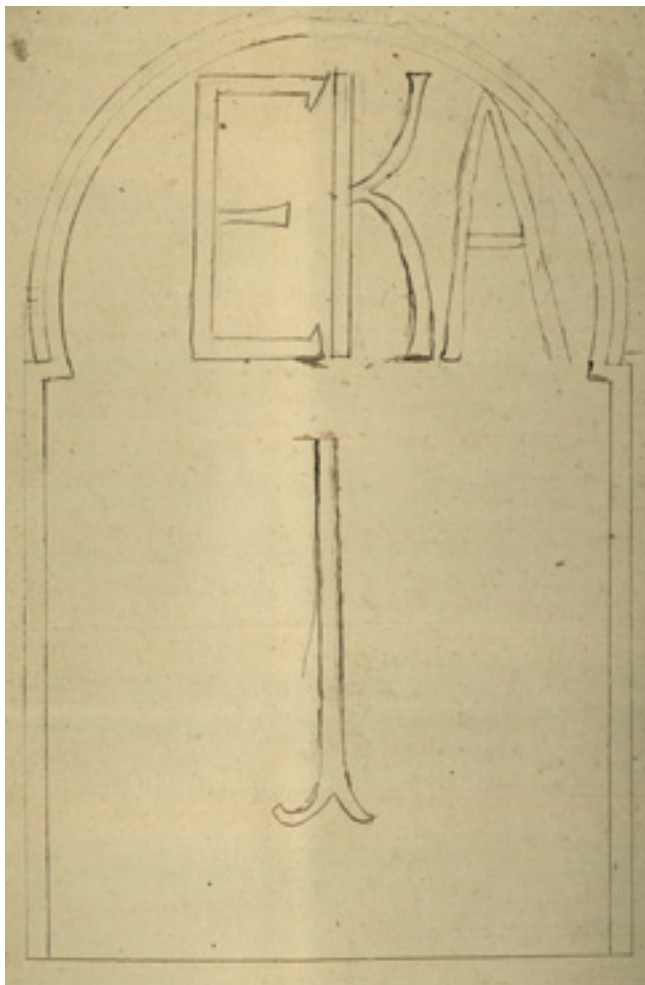
16 апреля 1736 года В. Н. Татищев в доношении писал: «Указ Ея императорского величества ис правительствующаго сената от 6 февраля под № 550 здесь получен апреля 10; в котором повелено: о учинении почтовой в Сибирь, от Кунгура до Тобольска дороги, иметь сношение с Сибирским губернатором и чтоб до рассмотрения правительствующаго сената карчем не строить и на дороги людей не переводить, летней и зимней дорогам быть одними местами. И на оное дерзаю правительствующему сенату для известия обстоятельно донести: ... (2) отсюда ж до Кунгура дорога частью розчищена и крестьяне, по присланному ис Кабинета Ея императорского величества указу, ис Кунгурского уезда в пустые места переведены и для безопасности остроги построены, а корчмы во оных или кабаки строит откупщик сам. Но оное крестьяне переведены более для близости к пристаням и облечения того Кунгурского уезда по прозбе мир-

ских старост, ибо прежде поселения кунгурские крестьяне принуждены были теми пустыми местами возить до сех мест без перемены, наипаче же летом от недостатка мостов и перевозов, а зимою кормов претерпевали нужду. Часто лошадей теряли и от татар не без воровства было, и приписные указом сенатским на заводы в работы на сроки поспевать не могли, но ныне всей той тягости лишились и курьеры ездят без остановки и страха» [4, д. 612, № 12, л. 20]². Опять фигурируют пристани и делается акцент на том, что это вообще чуть ли не инициатива самих крестьян.

А в протоколе канцелярии Главного заводов правления от 16 августа 1736 года зафиксировано определение: «По прежней Кунгурской дороге чрез Гробоно поле кои ис кунгурцов уже поселились или начали селиться, тем быть тут, и к немедленному их населению принуждать поручику Бранту, кои же на дорогу выписаны, а селиться не начали, тех о поселении на дорогу ж, что чрез Сылву учинить ему ж Бранту по определению сего году апреля 10 числа и населением на оную поспешить без упущения времени» [Там же, д. 612, № 12, л. 22]. Реально крестьян переселяли, скорее, в принудительном порядке и именно для нужд обустройства дороги. В 1735–1736 годах в деревнях были устроены крепости для обеспечения безопасности в условиях башкирского восстания. Именно эти крепости мы и видим на карте. Дорога была фактически открыта. В 1737 году было организовано изготовление чугунных «табличек» для помещения на верстовых столбах. На каждой табличке должно было быть указано, сколько верст до Екатеринбурга [4, д. 684, л. 8]. Однако в 1739 году царским указом был подтвержден запрет купцам ездить в Сибирь и из Сибири другими дорогами, кроме Верхотурской [37, с. 33].

И в этой связи еще одна небольшая история, касающаяся уже непосредственно Южного Зауралья. В 1750 году И. И. Неплюев и А. И. Тевке-

² В единице хранения отсутствует сплошная, сквозная нумерация листов. Единица хранения составлена из нескольких отдельных «дел», внутри каждого из которых имеется своя нумерация листов.

Проект чугунной «таблички». Такие таблички предполагалось крепить на верстовых

столбах по дороге от Екатеринбурга до Кунгура и далее до Казани

лев организовали меновой торг при Троицкой крепости. За восемь месяцев было получено пошлин на 9000 рублей, а кроме того, выменяно приличное количество серебра [Там же, с. 32–33]. Уже в январе 1751 года губернатор И. И. Неплюев и бригадир А. И. Тевкелев входят в правительствующий Сенат с представлением о том, что «для произведения с киргиз-кайсаками торгу и мены, сверх Оренбургской, в Троицкой крепости, торг и мену необходимо учредить определено» [Там же]. И дальше руководители Оренбургской губернии пытаются убедить Сенат в необходимости «открыть» для купцов прямую дорогу в Сибирь через Южный Урал. В 1752 году Сенат по представлению Неплюева и Тевкелева дважды выходил уже на императрицу Елизавету Петровну с прошениями открыть пря-

мой путь «из России» в Сибирь, «для того наипаче, что Троицкая крепость к Сибири весьма близкая, а чрез Верхотурье во оную, так же и в Оренбург из Сибири, ездить весьма далеко и убыточно, торг же при оной Троицкой крепости для Российскаго купечества, также как и в Оренбурге, полезный зачинается еще вновь, и тем надежда подается привлечению и Средней Киргиз-Кайсацкой Орды...» [Там же, с. 35–36]. Словно в насмешку 27 сентября 1754 года выходит указ Сената, который подтверждает царский указ 1739 года о запрете купцам ездить в Сибирь другими дорогами, кроме Верхотурья... [22, № 10.302, с. 231]. То есть Сенат, с одной стороны, ходатайствует об отмене указа 1739 года, а с другой — сам же его и подтверждает.

На этом закончим рассказ о дорогах и непростой истории их использования. Отдельные аспекты истории дорог были нами рассмотрены в различных публикациях [29–32]. Итак, противоречивость описаний маршрутов рассматриваемого пути объясняется довольно просто, и об этом уже говорилось выше: название «Старая Казанская дорога», или просто «Казанская дорога», относилось не к одной, а к целой сети дорог, соединявших европейскую часть России, в первую очередь Поволжье и Прикамье, с Зауральем и далее с Центральной Азией. Так, один из документов середины XVII века гласит: «...Казанские дороги, которыми дорогами из Казани ездят на Верхотурье и на Тюмень и в Тоболеск и в иные Сибирские города всякие люди...» [14, с. 200]. Старая Казанская дорога (или Казанские дороги) в действительности представляла собой часть существовавшей как минимум с эпохи бронзы сети торгово-миграционных коммуникаций [33, с. 3–8]. Название «Старая Казанская дорога» применялось к участкам этой сети, проходившим в Южном Зауралье, поскольку они были «ориентированы» на Поволжье, то есть Казань. В Приуралье эти же дороги назывались Сибирскими, поскольку вели в Сибирь.

Список источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5: 1676–1700. СПб., 1842. 572 с.
2. Аминев З. Г. Дороги Южного Урала и их роль в этногенезе башкир // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Уфа — Сибай, 27–29 мая 2009 г. Уфа, 2009. С. 25–27.
3. ГАГШ. Ф. 224. Оп. 1.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.
5. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. 464 с.
6. Дело о рсчиске и о измерении дороги // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 612. № 12 Л. 20.
7. Дмитриев А. А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 5: Покорение угорских земель и Сибири. Пермь, 1894. 227 с.
8. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: в 12 т. Т. 4: 1655–1664. СПб., 1851. 446 с.
9. История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года): в 2 т. Т. 1. Курган: Курган. гос. пед. ин-т, 1995. 370 с.
10. Курилов В. Н. Крест на перекрестке: свидетельство XVII столетия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния РАН 2004 г. Т. 10, ч. 2. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 69–72.
11. Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. 324 с.
12. Материалы по истории Башкирской АССР: в 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 631 с.
13. Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: монография. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 200 с.
14. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 2. Изд. 2-е, доп. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
15. ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1.
16. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1.
17. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1.
18. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1.
19. Памятники Сибирской истории XVIII в.: в 2 кн. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. 551 с.
20. Пекарский П. П. Когда и для чего построены города Уфа и Самара? СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1872. 29 с.
21. Пестерев В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI середины XVIII в.: монография / науч. ред. В. В. Менщиков. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Т. 14: с 1754 по 1757 г. СПб., 1830. 997 с.
23. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1.
24. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20618.
25. Савельев Н. С. «Трансуральский путь» и формирование этнокультурной карты лесостепи Южного Урала в эпоху раннего железа // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001. С. 140–141.
26. Савельев Н. С. Ландшафтно-экологическая обусловленность освоения кочевниками Южного Урала изолированных территорий в эпоху раннего железа // Уфим. археол. вестн. 2004. № 5. С. 181–188.
27. Савельев Н. С. Население Месягутовской лесостепи в V–III вв. до н. э.: Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа, 1998.
28. Савельев Н. С. Население Месягутовской лесостепи в V–III веках до н. э.: автореф. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 26 с.
29. Самигулов Г. Х. Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия // Науч. диалог. 2013. История, социология, этнография. № 6 (18). С. 75–87.
30. Самигулов Г. Х. Исторические дороги и их роль в основании слобод и острогов Южного Зауралья XVII века // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2013. № 34. История. Вып. 53. С. 30–35.
31. Самигулов Г. Х. Трансформация дорожной сети Южного Зауралья в XVII–XVIII веках // Вестн. Челябин. гос. ун-та, 2013. № 6. История. Вып. 54. С. 5–8.
32. Самигулов Г. Х., Свистунов В. М. Что такое Старая Казанская дорога? // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск: Наука, 2007. С. 66–72.
33. Таиров А. Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья: [препр.]. Челябинск, 1995.
34. Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. 216 с.
35. Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. Вып. 2. Уфа, 1997. С. 5–37.
36. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит., 2002. 752 с.
37. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 3: Июль — сентябрь. Смесь. М., 1860.
38. Шишонко В. Пермская летопись. 1263–1881 гг. Первый период: 1263–1613 гг. Пермь: Тип. губерн. зем. управы, 1881. 238 с.
39. Шишонко В. Пермская летопись. 1263–1881 гг. Третий период: 1645–1676 гг. Пермь: Тип. Перм. зем. управы, 1884. 1168 с.
40. Шишонко В. Пермская летопись. 1263–1881 гг. Пятый период: 1682–1725 гг. Часть вторая: 1694–1701 гг. Пермь: Тип. Перм. зем. управы, 1887. 659 с.

У реки Ай. Утро.
Фото С. Арканова

В Зауралье.
Окрестности Нечунаево.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

6
ТОМ
глава
6

РУССКОЕ
РАССЕЛЕНИЕ
В ЗАУРАЛЬЕ.
Век XVII

Глава 6. РУССКОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ЗАУРАЛЬЕ. Век XVII

Слободское расселение как основная форма крестьянской колонизации Зауралья

Русское заселение Зауралья и Сибири в XVII — первой половине XVIII века шло по большей части через север современной Свердловской области. Основной «официальной», то есть разрешенной и рекомендованной царскими властями дорогой из Европейской России в Зауралье была Государева Верхотурская или, в просторечии, Бабиновская дорога, которую мы уже упоминали выше. Она вела через Уральский хребет на верховья реки Туры и изрядно сокращала путь по сравнению со старой дорогой, которая шла по Вишере и затем по Лозье. Кроме того что Бабиновская дорога была более короткой, она была и гораздо более удобной. Поэтому и основной поток переселенцев шел через Верхотурье и дальше уже рассеивался по Зауралью. Часть людей оседала относительно недалеко от Верхотурья — в верхнем течении Туры, по ее притокам Ница, Тагил.

Естественно, разрастались русские поселения и в районе уже существовавших городов Тюмень и Тобольск, позже Тары, продолжалось продвижение на восток, и так получилось, что территорию в далекой Якутии и по Ангаре русские начали осва-

ивать одновременно с гораздо более близкими землями Южного Зауралья или даже раньше. Постепенно продвигаясь с севера на юг, от Верхотурья, Тагила, волна крестьянской колонизации дошла до рек Реж, Ирбит. Пользоваться другими дорогами, ведущими в Сибирь, кроме Верхотурской (Бабиновской), власти запрещали, поскольку это сокращало возможность контроля над переселением, в том числе и поимку беглых: на тех дорогах зачастую не было таможенных застав. По этой причине даже самый удобный путь через Урал — по Чусовой и Сылве и далее на Исеть — практически не использовался. Исеть пока еще оставалась дальним порубежьем, опасным для заселения.

Самый распространенный тип крупного поселения в Зауралье XVII — начала XVIII века — слобода. Причем это не та слобода, которая бытовала в то же время в Европейской России. Со своими российскими «тезками» сибирскую слободу роднит лишь то, что ее население на первые годы освобождалось от уплаты податей. Во всем остальном крестьянская слобода в Зауралье очень сильно отличалась от «одноименных» поселений в Европейской России. В России традиционно слобода — часть города, населенная ремесленниками одной профессии (Горшечная слобода, Пушкарская слобода), либо поселение монастырских крестьян при самом монастыре (служек), которая обычно называлась Служней слободой, либо это небольшое сельское поселение, выселок, отпочковавшийся от крупного села или деревни. Почти все перечисленные виды

слобод существовали и в Сибири. Вот только сельскохозяйственная слобода представляла здесь из себя нечто иное, чем в Европейской России. Еще в Прикамье начала складываться новая традиция, когда слобода основывалась сразу как будущий центр сельскохозяйственной округи. В качестве примера можно привести Новоникольскую (Осинскую) слободу (сегодня город Оса Пермской области). В ходе освоения Сибири это новшество стало нормой, но далеко не сразу. Представить себе территорию отвода одной слободы можно по «Пла-

ну... округности Ирбитской слободы», составленному в 1765 году [9, оп. 7, д. 332].

Слово «волость» для обозначения территории, населенной русскими пашенными крестьянами, использовалось в Зауралье первой половины XVII века применительно к северным территориям Верхотурского уезда, где в 1600–20-е годы и возникли волости: Подгородняя, Тагильская, Невьянская. Очевидно, там еще сказывались северорусские и прикамские традиции расселения деревнями и починками. Это хорошо показано у П. И. Бучин-

Слобода — крестьянское поселение и земля, отведенная этому поселению. В отличие от традиционного русского крестьянского расселения починками и выселками в случае со слободой сразу создавалось центральное поселение (собственно слобода), которому отводилась значительная территория для развития. Впоследствии из центральной слободы выделялись отдельные семьи и группы семей и расселялись деревнями на землях, отведенных слободе, составляя ее «присуд», или «уезд».

ского на примере Тагильской волости: с 1612 года на реках Тагил, Мулгай, Салда возникают русские деревни, которые составляют Тагильскую волость. Затем «на Тагильском погосте, по просьбе крестьян Тагильской волости, построен в том же году (в 1625-м.— Г. С.) острожек, а с основанием острожка здесь начали селиться крестьяне и образовалось Тагильское село» [4, с. 34–36]. В данном случае даже слово, обозначающее условный центр волости («погост»), взято из практики Русского Севера. Невьянская волость начала формироваться в 1621 году

с основания слободы, но в самой слободе поселилось лишь десять семей, при этом в том же году было основано двадцать деревень, в которых было пятьдесят дворов [Там же, с. 37–40]. То есть в этих случаях мы так же видим свободное расселение, характерное для формирования территориальных волостей Русского Севера, где слобода не являлась ни первоначальным, ни, безусловно, центральным поселением. Формально эти территории составляли Невьянскую слободу, но схема, впоследствии ставшая практически обязательной, еще не была

«План, учиненной по наказу Екатеринбургских судных и земских дел канторы по окружности Ирбитской слободы з деревнями и спорным пахотным местам...». 1765 год.

Показаны границы отвода Ирбитской слободы, сама слобода и деревни, к ней относящиеся. Желтоватой заливкой обозначены территории, спорные между крестьянами Ирбитской и Киргинской (Иргинской по пояснению к плану) слобод и ямщиками деревни Бердюгиной. Документ позволяет оценить размеры отвода слободы

отработана. На карте С. У. Ремезова видно, что значительная часть деревень в верхнем течении Туры и в нижнем течении Тагила располагались вне слободских отводов.

Но уже с 1620–30-х годов ситуация изменяется, и крестьянское расселение в Зауралье обретает иной характер — основой новой системы расселения становится слобода. По оценке В. И. Шункова, слобода — «это первоначальное поселение на отведенном для заселения участке, которое становилось центром для всех селений данного участка... С другой стороны, слобода — это территория, которая составляется из слободы в узком значении этого слова и всех “тянувших” к ней селений (деревень). Общие размеры этой территории обычно устанавливались (хотя и очень приблизительно) при первоначальном устройстве слободы, путем упомянутого выше отвода. Внутри этой территории и возникали деревни слободского присуда. Выселение за пределы этой территории затруднялось, так как наталкивалось на земли соседних слобод или соседних ясачных волостей» [63, с. 89–90]. Цитата длинная, но в ней изложено все, что необходимо.

Когда речь шла о территории, относящейся к конкретному острогу или слободе, использовалось то же самое слово — «слобода», либо выражение «в чертеже». Если говорилось о каких-то деревнях, то писали: «такая-то деревня такой-то слободы» (например, деревня Калмацкий Брод Теченской слободы). Довольно редко встречается слово «присуд» («в присуде такой-то слободы»), тем не менее именно его использовал В. И. Шунков для обозначения территории, отведенной слободе (см. цитату выше). Иногда встречается выражение «в уезде такой-то слободы». Я не буду здесь приводить много примеров в подтверждение своих слов — это не имеет смысла, количество источников огромно, в том числе и опубликованных. Приведу лишь одну большую цитату из документа, относящегося ко времени основания Новой Туринской слободы и составленного ее приказчиком Давыдом Андреевым: «И меньшей Ремезов с туринский сын боярский Семеном Шорыгиным и с тюменскими с ясачными татары под государеву новую Туринскую слободу пашенные земли очер-

тили, опричь дубровы и лугов, на семь сот десятин. А верхняя межа от Туринского острогу покамест бывали вотчины тюменских ясачных татар по Томниковы поскотины, а с нижнюю сторону от Тюмени учинена межа повыше Катаргулова городка, по исток, что из Нижново ис Кривово озера. ...И Тюменского города ясачные татаровя услышали, что на том месте велено строить государева слобода, учяли в той государеве слободе пашенные земли и санные покосы продавать... а ясачные ж татаровя Чеик, да Копланда, да Кучкун, да Бекбайко живут с нами в слободской чертежу и тот Бекбайко продал в чертежу Новые Туринские слободы туринскому ямскому охотнику Давыдку Лукоянову пашенные земли десятин с сорок, а взял за то слободское место десять рублей, да те ж татаровя Катаргулова городка и Чеик з детьми своими приезжают в туринской чертеж, которое место отведено под государеву слободу, у крестьян на реке и по озерам рыбные ловлишка езишка ломают и крестьян бьют и увечат» [59, д. 8, л. 122–123 об.]. Собственно, в приведенном фрагменте документа есть практически все те обороты, о которых я упоминал. И ни разу не использовано слово «волость» применительно к территории, подведомственной слободе.

Но возникает вопрос: по какой причине традиционная для выходцев с Русского Севера и Верхнего Прикамья система расселения починками и деревнями сменилась слободским расселением? Обычно этим вопросом не задаются либо же объясняют внедрение слобод угрозой набегов из степи. Однако здесь есть три момента, которые вынуждают усомниться в убедительности такого объяснения.

1. Первые слободы появились в северной части зоны, пригодной для земледелия. Причем я не имею в виду Невьянскую и Тагильскую слободы, поскольку они, скорее, соответствовали земледельческим волостям Русского Севера. Но слободы Усть-Ницынская, Ощепковская, Ирбитская представляли собой уже тот вариант, который мы видим впоследствии вплоть до XVIII века: отвод земли на вырост, основание центрального поселения (собственно слободы) и последующее расселение крестьян деревнями в пределах слободского «чертежа».

Один из листов чертежа земель по реке Туре из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова. Показан участок территории по Туре и вдоль ее притока реки Тагил, а также фрагмент территории по реке Нице. Обозначены слободы Тагильская, Невьянская, Ирбитская и Ощепкова. Основная часть деревень по Туре, как и по реке Тагил, расположены вне слободских отводов

2. При этом крестьяне собственно Тюменского уезда не основали ни одной слободы, при том что подвергались значительно большей опасности набегов из степи, чем поселившиеся по Нице, Режу или в верхнем течении Туры.

3. Практически все слободы, располагавшиеся на территории Тюменского и Туринского уездов, были поставлены по наказным памятям из Тобольска или Верхотурья, но не из Тюмени или Туринска (Епанчина).

Постараемся разобраться в этой ситуации и в причинах выбора именно слободской системы крестьянского расселения.

Представляется, что причина перехода к расселению слободами достаточно проста — необходимость развития хлебопашества в Сибири и переход на самообеспечение хлебом. Проблема развития земледелия, а точнее, увеличения пахотных площадей на присоединенных территориях возникла практически с начала русской колонизации Сибири. Требования «сажать» на пашню разные категории людей содержатся во многих воеводских наказах с конца XVI века. В качестве примера можно привести наказ Петру Ивановичу Горчакову на основание города Пельма, где говорилось: «...а стрельцов прибирать пеших до 100 человек... а земли бы им всем давати, чтоб вперед всякой был хлебопашцом и хлеба не возить» [50, стб. 110–111]. Предписывалось также выделить землю отправленным из Каргополя, Перми и Вятки и проследить, чтобы они взяли с собой сохи. Тут же было прописано требование «посадить» на пашню местных жителей и брать с них оброк хлебом, а не соболями [Там же, стб. 111]. Обратим внимание на фразу из документа «и хлеба не возить»: она отображает конечную цель развития земледелия в Сибири — переход региона на самообеспечение зерном. Дело в том, что земледелие в Западной Сибири к концу XVI века было развито слабо. Русское население на начальном этапе колонизации было представлено преимущественно служилыми людьми, у которых зачастую физически не было возможности заниматься хлебопашеством. Соответственно хлеб, как и многое другое, приходилось везти из Европейской России. Практически до последней трети XVII века снабжение населения Сибири хлебом производи-

Фрагмент «Ланкарты ведомства Екатеринбургского и провинций Соли Камской, Чердынского, Кунгурского, Верхотурского и Туринского уездов, вотчины баронов Строгановых, и заводов статского действительного советника Акинфия Демидова. В ней же и по части смежно окрестных уездов.

Сочинена в 1734, 1735 и 1736 годах. С подлинной рисовал ундер шихт мейстер Афанасий Кичигин, месяца октября 1744 года. При Екатеринбурхе». В верхней части показан пригород Оса — бывшая Нивоникольская (Осинская) слобода

лось в значительной степени за счет «сибирских отпусков» — поставок хлеба из Поморья, Прикамья. Как отметил В. И. Шунков, «Пермь, Соль Камская, Кайгородок, Вятка с пригородами, Соль Вычегодская и Вымь Яренская, Чердынь с их уездами обязаны были поставлять в Сибирь «сошные запасы» [64, с. 11]. «Сибирские отпуски» дополнительным тяжелым налоговым бременем ложились на насе-

ление тех районов, которые поставляли в Сибирь сошные запасы.

Существовавшая система расселения крестьян не позволяла резко увеличить посевные площади, как уже было сказано, в первой трети XVII века распространение крестьянских поселений шло в традиционной для русского Севера системе починков и деревень. Во-первых, при такой системе расселения реальное освоение новых перспективных площадей происходило достаточно медленно. Во-вторых, значительная часть крестьянства зауральских уездов была сосредоточена в северной лесной части, где плодородность почв была невысока. И, в третьих, более плодородные земли в среднем течении Туры, по Пышме и Исети являлись вотчинными владениями ясачного населения Тюменского

и Туринского уездов [28; 54; 56; 57]. Селиться здесь можно было только по договоренности с ясачными и служилыми татарами — вотчинниками этих земель. Так и происходило. Но процесс прирастания пахотных земель был неспешным, и изменения ситуации не предвиделось.

Сложно сказать, кто был автором (авторами) идеи организации слобод в Зауралье, но именно это обеспечило «прорыв» в процессе русской колонизации сельскохозяйственных районов Западной Сибири. Один из первых примеров такого типа поселения, который мне известен, — Ново-Никольская, или Осинская слобода. Она была основана в 1591 году, очевидно, по распоряжению руководства Казанского уезда, видимо, в северной части Уфимского уезда. Вывод о том, что инициатором закладки

слободы были власти Казанского уезда, я делаю на том основании, что первую перепись населения слободы в 1596 году проводили по распоряжению казанского воеводы. Кстати, и сама территория обозначена как относящаяся к Казанскому уезду [37, с. 135–140]. Собственно, в этом месте впоследствии Казанский уезд вдавался далеко на восток между Уфимским уездом и землями Строгановых. В Приуралье этот опыт дальнейшего развития практически не получил, а вот в Зауралье с 1620-х годов технология слободского расселения плотно берется на вооружение.

В Туринском уезде с 1623 по 1639 год были основаны пять слобод: Чубарова, Нижне-Ницынская и Верх-Ницынская, Киргинская и Красная (Благовещенская) [4, с. 71–76]. Причем все, за исключением последней (Благовещенской), были поставлены по распоряжениям из Тобольска либо Верхотурья (Верх-Ницынская, она же Ощепкова). П. И. Буцинский сообщает, что «к концу царствования Михаила Федоровича, за удовлетворением местных потребностей, с государевых туринских десятин отправлялось в Тобольск и Пелым ежегодно по 10 и 15 тысяч четвертей разного хлеба, да еще в царских житницах оставался значительный запас» [Там же, с. 78]. При этом собственно туринских крестьян, живших в деревнях, не относящихся к слободам, было в 1645 году 238 человек, а общее число крестьян в уезде составляло в то время до 1600 человек [Там же, с. 37–38]. Соответственно слободские крестьяне составляли абсолютное большинство — 1632 человека. Как бы то ни было, слободская система показала свою эффективность: жители Туринского уезда за двадцать лет смогли не только себя обеспечить зерном, но и ежегодно отправляли значительное количество хлеба в Тобольск и Пелым.

Практически такая же ситуация с основанием слобод сложилась в Тюменском уезде. По распоряжениям из Тобольска были основаны: Туринская слобода [59, д. 8, л. 122–123 об.], Исетский острог [1, с. 126–127; 32, с. 341], Беляковская [13, с. 152–153], Буткинская [48, д. 481, л. 172–174] слободы и т. д. По наказным памятям из Верхотурья: Катайский острог [59, д. 2, л. 292], слободы Мехонина Курья [Там же, д. 3, л. 9 об.— 10], Пышминская, Камышев-

ская, Красноярская, Тамакульская [11, д. 26, л. 20–20 об.] и пр.

Еще В. И. Шунков отмечал, что к 1699 году 76 % крестьянского населения Сибири было сконцентрировано в четырех уездах: Верхотурском, Тюменском, Туринском и Тобольском [63, с. 58–59]. Он же отмечал, что к концу первого десятилетия XVIII века на этой территории «находилось 28 слобод Тобольского уезда с 325 деревнями и ряд слобод Верхотурского уезда» [Там же, с. 59]. В. И. Шунков отобразил ситуацию, сложившуюся к началу XVIII века, но не акцентировал внимания на том, что большая часть слобод Тобольского уезда размещалась на землях Тюменского уезда. А проиллюстрировать это можно с помощью карты, составленной С. У. Ремезовым на рубеже XVII–XVIII веков. Мы видим, что слободы по Туре, Пышме и Исети (особенно по Исети) стояли весьма плотно. Необходимо учитывать, что слово «слобода» означало не только само поселение, но и территорию, ему отведенную. Отвод занимал иногда весьма значительную площадь. Приведу некоторые примеры: Далматовскому Успенскому монастырю были отведены по Исети земли размером 60×20 верст [39, с. 184]; Верх-Миасской (Чумлякской) слободе отвели «от речки Изюмки до митрольей межи тридцет верст а в степь по обе стороны Миясу реки верст с тридцет же и больше» [48, д. 481, л. 169–171]; Рафайлову монастырю на Исети нарезали «с пашенными землями, санными покосами и борowymi лесами и всякими мокрыми и кочковатыми местами в длину прежних тысячных на 10, а поперег на 4, на 3 и на 2 версты»; под Белоярскую-Теченскую слободу «под слободу и под пашни и под санные покосы земли отведено по обе стороны Течи речки в длину на 10 верст, а поперег с тож число» [39, с. 185]. В последних двух случаях речь идет о «тысячных» верстах, включавших в себя по тысяче сажен и равных двум обычным верстам.

А теперь посмотрим на «Чертеж града Тюмени и его уездов» и сопоставим его с предыдущей картой. На карте Тюменского уезда показаны только русские деревни и юрты тюркского населения. Практически ни одной слободы или острога. Это представляется достаточно странным, пока не понимаешь, что документ отображает только те объ-

Карта слобод из «Служебной чертежной книги»
С. У. Ремезова. Юг — вверху

Когда В. И. Шунков писал про слободы Тобольского уезда, он имел в виду преимущественно слободы, располагавшиеся на территории Тюменского уезда, но поставленные по наказным памятям из Тобольска и подчинявшиеся тобольским воеводе и приказной избе. На территории собственно Тобольского уезда слобод было немного.

Семен Ульянович Ремезов (1642 — после 1720) — выдающийся географ и историк Сибири. Им подготовлены три уникальных атласа: «Чертежная книга Сибири», «Служебная чертежная книга» и «Хорографическая книга Сибири». Помимо этого его считают автором «Краткой Сибирской летописи» (Кунгурской летописи). Атласы и летопись являются ценными источниками сведений об истории Урала и Сибири.

екты, которые относятся именно к Тюменскому уезду. Слободы и остроги, показанные на рисунке выше к нему не относятся, то есть не входят в состав Тюменского уезда. Для подтверждения смотрим следующую карту, которая называется «Чертеж Тобольского и Верхотурского уездов». Она отображает существенно большую площадь, чем чертеж града Тюмени, но, тем не менее, понятно, что многие слободы показаны на тех местах, которые территориально должны входить в состав Тюменского уезда.

Возникает вопрос: почему слободы, расположенные на территории Тюменского уезда, не относились к этому уезду? Ответ достаточно прост: потому, что были основаны по наказным памятям из Тобольска и Верхотурья. Та же ситуация была в Туринском уезде. Дело в том, что в XVII веке

Чертеж Тюменского города и его уезда из «Большого чертежа Сибири» С. У. Ремезова.

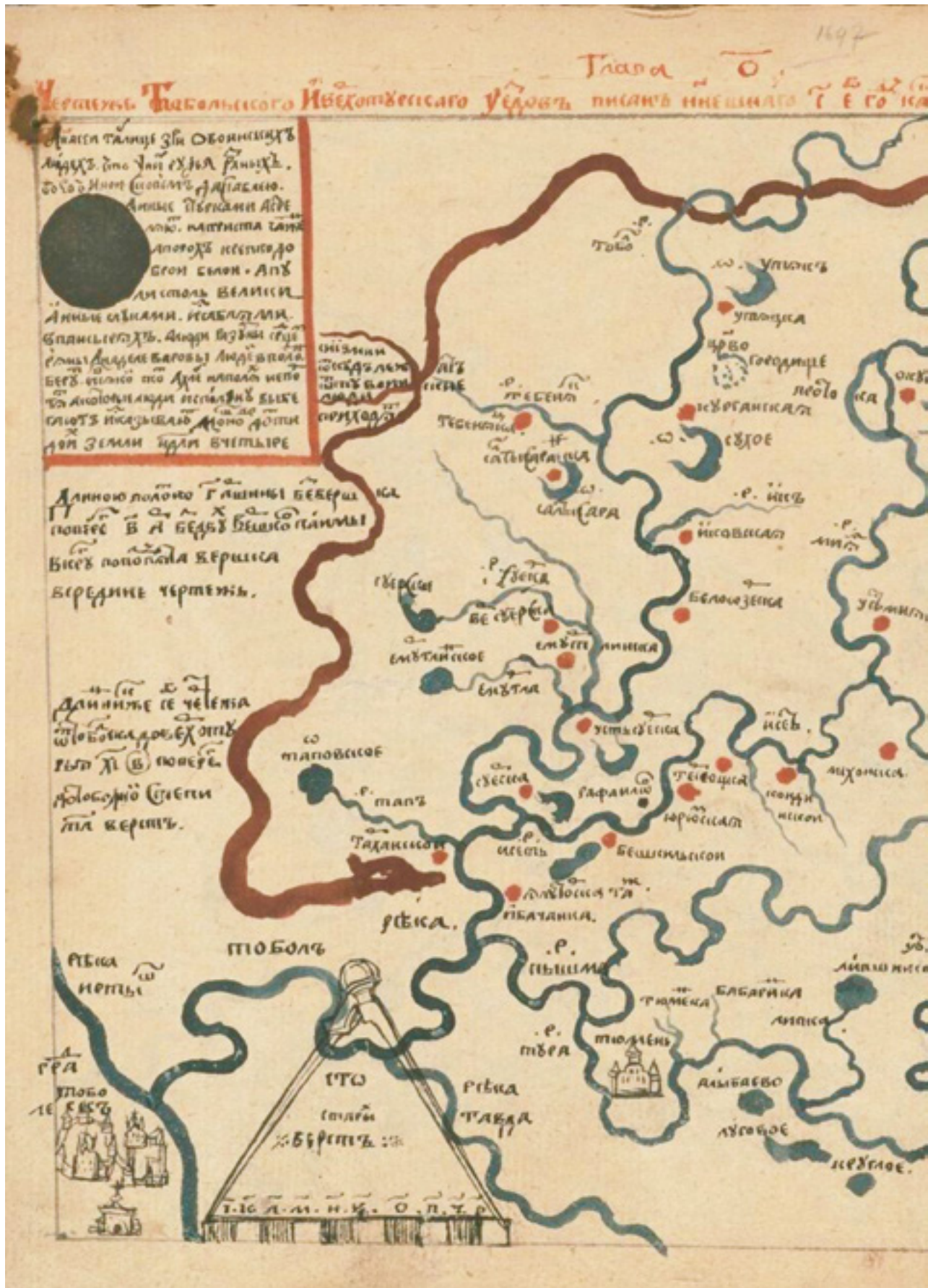
По рекам Тура, Пышма, Иска не показано ни одной слободы, зато обозначены ясачные волости, юрты, русские деревни и повосты (погосты), относящиеся именно к Тюменскому уезду. Все слободы относились к Тобольскому и Верхотурскому уездам, поэтому на карте не показаны. Исключение составляют земли по Тоболу и Исети, и в самом устье Туры, где мы видим Тарханский острог, Покровскую, Ингалинскую, Исетскую и прочие слободы

Чертеж
Тобольского
и Верхотурского
уездов
из «Хорографической
книги Сибири»
С. У. Ремезова.

Фактически не показана основная часть Тобольского уезда, располагавшаяся по Иртышу и Вагаю. Здесь мы видим территории Тюменского, Туринского, Верхотурского уездов и земли Тобольского уезда по Тоболу и Исети. Но на территории Тюменского и Туринского уездов размещались слободы, которые относились к Тобольскому и Верхотурскому уездам, что и отображено на чертеже. При сравнении с «Чертежом Тюменского города» (см. на с. 158–159) очень хорошо прослеживается, что значительная часть слобод приходится именно на территорию Тюменского уезда, но на чертеже этого уезда не показана

(да и позже) население, как податное, так и служилое, подчинялось и было подсудно руководству того уезда, в котором платило подати либо в котором служило. То есть крестьяне Тобольского уезда, жившие в слободе, поставленной по наказной памяти из Тобольска, пусть даже и на территории Тюменского или Туринского уезда, считали себя подчиненными и подсудными только тобольскому воеводе и Тобольской приказной избе. Туринский воевода жаловался в 1632 году в Москву: «И около, государь, Туринского острогу ясашных волостей построились твои государевы слободы: Красная слобода и Чюбарово городище, и в те слободы по твоему государеву указу указывают из Тобольска, и на Невье и на Реху и в Новой слободе указывают с Верхотурья... и мне, государь, холопу твоему в тех слободах русским людям о звериных ловлях и огнях заказать не уметь, что они не под туринским присудом...» [32, с. 460].

Достаточно хорошо описывается ситуация в челобитной ясачных татар 1635 года: «Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьют челом и плачутца сироты твои государевы Туринского уезду ницынские ясашные тотаровья... С прошлово, государь, со 108-го году, как стал Туринской острог, и мы сироты твои жили в твоём государеве жалованье на Нице и на Ирбее в тишине и в покое, и обид ни от каких людей не бывало, и промеж себя у нас волость с волостью вотчины загранины и леса и бобровые гоны и рыбные ловли и хмелевые ухожья х кому х которой волости блиско где добывать сохатой зверь и для твоего государеву ясаку и соболи и лисицы и в бобровых речках бобры и для кормленья про себя, в рыбных реках и в речках и в запертых истоках и в озерах ловили бобры и рыбу, и в пашенных местах пахали пашню по 131-й год, а во 131-м году в твоём в государеве жалованье в наших вотчинах и Кичюбаеве и в Тюрютиеве волости устроена твоя государева слобода на Чюбарове городище, а во 143-м году устроена Киргинская слобода и ведают их к Тобольскому; а Ирбеская слобода строена в Колмакове и в Ермолаеве и в Зензярове и в Илчибаеве волостях во 143-м году; а Ницынская Ощепкова слобода строена в Ермолаеве ж и в Тентюкове волостях; а строены, государь, те слободы в нашем в Турин-

ском уезде в старинной вотчине, и ис тех слобод пашенные крестьяне поселились дворами своими на наших юртовищах, и с мольбищ и с кладбищ нас сирот твоих согнали, и пашенные места и сенные покосы отняли, и леших собак выбили и в лесах зверь: лоси и соболи и лисицы и в бобровых речках бобры побивают, и в реках и в запертых истоках и в озерах рыбу ловят, и в хмелевых наших ухожьях хмель дерут, и в лесах слопцы ставят своим насильством. И нам, государь, сиротам твоим ис тех слобод от прикащиков и от пашенных крестьян насильства и обида великая, а в обидах и в насильстве в слободах прикащики на пашенных крестьян суда и управы не дают, а иные и сами крестьян научают, а отказывают бити челом тебе государю на пашенных крестьян в Тобольску и на Верхотурье, что де они Чюбаровские и Киргинской слободы крестьяне Тобольского присуду, а Ирбеской и Ощепковы слободы Верхотурского присуду» [32, с. 501–502]. Туринские воеводы не брали на себя смелость судить слободских крестьян, которые были не их «присуду», и советовали ясачным людям бить челом в Москву или Тобольск. На что татары сетовали, что до Тобольска им ехать далеко, а в Москву к царю их воеводы не пускают [Там же, с. 502].

Мало того что жители слобод были не подсудны туринскому и тюменскому воеводам, иногда они брали на себя смелость суда или просто расправы с ясачными людьми того уезда, на территории которого стояла слобода. Так, приказчика Ирбитской слободы туринский воевода обвинял: «А меня ты тем бесчестишь, что мимо меня туринских ясачных татар судишь» [43, с. 176]. Ситуация в Тюменском уезде в конце XVII века хорошо отображена в документе, где ясачные люди из разных волостей Тюменского уезда объясняют причины неуплаты ясака: «И с тех де мест учили по вотчинным их местам: по Туре и по Нице и по Пышме и по Исети рекам и по иным многим малым их татарским вотчинным речкам и с Тобольска и с Верхотурья и ис Туринского острогу ставят острошки и слободы деревнями русские люди селятца и с тех де мест они ясачные люди за бедностию доплачивать ясаку и поминков не стали и платить стало нечем, а исстари де у них были угодыя и вотчины по Туре и по Нице и по Пышме и по Исети рекам и по иным

малым многим малым речкам, где они прежде сего ясак добывали, и потом их вотчинным речкам устроены ныне великого Государя острошки и слободы и деревнями русские люди поселились и дворы свои русские люди тех слобод крестьяна поставили в их татарских поскотинных местах и в юртах, иныя строят и селятца вновь и земли их паханые и луги и сенные покосы и скоцские выпуски и леса и реки и всяки угодыя и вотчины их тотарские отняли и завладели, а их де ясашных людей стеснили на речках и на лесах ясаку промышлять и никак-во зверя не дадут... а зверя добыть негде, всяко-во зверя русские люди отгнали потому что на их вотчинах поставлены острошки и слободы и их тех слобод и острошков прикащики и слободчики Тобольские и Верхотурские дети боярские приезжают сами к им на юрты и присылают беломестных казаков и пашенных крестьян, бьют и грабят, лошади и всякой скот отимают и их в слободы емлют, мучат и в тюрьмах держат...» [59, д. 8, л. 246–247 об.]. И объяснение: «А бити де челом великим Государем на тех прикащиков и на тобольских и верхотурских детей боярских и на слободских казаков и на крестьян в их изгоне и в разоренье им татаром ездить в Тоболеск и на Верхотурье за бедностию не мочно, да и не смеют боясь от тех прикащиков и от слободских казаков и от крестьян впредь большего разорения, а на Тюмени тобольские и верхотурские дети боярские и казаки и крестьяне не подсудны» [Там же, д. 8, л. 247 об.].

Нельзя сказать, что тюменские и туринские воеводы не пытались воздействовать на ситуацию. Летом 1654 года тюменский воевода Н. И. Елдезин обратился в Сибирский приказ с предложением ради удобства административного и ясачного управления передать в его ведение некоторые слободы Тобольского уезда, территориально тяготевшие к Тюмени. В ответ ему жестко указали: «...выше своей меры и не за свое дело не цепляйся, полно тебе и того ведать, что тебе указано делать» [3, с. 189].

Фактически мы видим ситуацию, когда обязанность сохранять неприкосновенность вотчинных территорий была обойдена властями относительно легко и просто. Наиболее плодородные земли в Зауралье были в Туринском и Тюменском уездах. Практически вся территория этих уездов была по-

делена между ясачными волостями и представляла собой вотчинные земли ясачных людей. В случае отчуждения вотчинных земель туринскими и тюменскими воеводами возникали бы конфликтные ситуации, которые им самим пришлось бы решать. Совершенно другое дело, если поставить на этих территориях слободы по наказным памятям, выданным воеводой соседнего уезда. В условиях существовавшей системы, когда податные люди были судимы только в своем уезде, это относительно решало для властей проблему вотчинных земель. Крестьяне слобод, поставленных на территории Туринского и Тюменского уездов, оказывались не подсудны местным воеводам. Тобольскому и Верхотурскому воеводам нужды ясачных людей других уездов были менее важны нужд податных людей своего присуда. Главной для них была задача обеспечения Сибири своим хлебом. Схема была нацелена на то, чтобы обойти необходимость соблюдения вотчинных прав ясачного населения перспективных в плане земледелия территорий. Соответственно ясачное население оставалось фактически без защиты своих интересов.

Жалобы ясачных людей Туринского и Тюменского уездов вовсе не были чрезмерно преувеличены. Вытеснение ясачных с вотчинных земель привело к тому, что к концу XVII века практически в каждой татарской деревне Тюменского уезда жили представители самых разных волостей, как это видно из книг по сбору ясака начала XVIII века [10, д. 881, 882, 885, 897]. То есть ясачное население жило уже не по волостям, а там, где была возможность.

Были и другие, возможно, не менее важные аспекты, которые объясняли использование именно слободской формы расселения: крестьяне в слободах были, во-первых, стимулированы к быстрому развитию хозяйства: в 1620–30-е годы им выдавались деньги на обзаведение, льготный срок, то есть освобождение от уплаты податей, доходил до шести лет; во-вторых, слободы были более цен-

трализованной формой организации крестьянства; в-третьих, благодаря системе отвода земли для слободы крестьяне на первых порах были ограничены в размерах запашки только физическими возможностями. Все это вместе взятое способствовало активному привлечению крестьян в слободы и быстрому расширению запашки на слободских землях.

Результаты слободского расселения сказались ближе к концу XVII века. В 1685 году с поморских городов была снята повинность поставки хлеба в Сибирь [20, с. 32; 51]. Сибирь перешла на самообеспечение в снабжении хлебом, хотя при этом ежегодная нехватка зерновых ощущалась еще долго. В последней трети XVII века четыре уезда Тобольского разряда (Тобольский, Тюменский, Верхотурский и Туринский) обеспечивали большую часть казенных хлебных поступлений в Сибири [63, с. 9]. Иначе говоря, только к этому времени Сибирь перестала полностью зависеть от поставок продовольствия (в первую очередь хлеба) из Европейской России. А наиболее плодородными были земли по Исети и Пышме, поэтому расположенные там слободы были особенно важны для снабжения населения Сибири своим хлебом. Интересы ясачного населения оказались вторичны по сравнению с необходимостью снабжения русского населения Сибири хлебом. При этом никто не снимал с ясачного населения Туринского и Тюменского уездов обязанности уплаты ясака.

Вполне возможно, что именно с задачей скорейшего сельскохозяйственного освоения вотчинных земель связано стремительное развитие именно слободской формы крестьянской колонизации на территории Западной Сибири. Слободская форма организации была изначально централизована: во главе стоял слободчик, которого спустя несколько лет сменял назначенный воеводой приказчик. А первые слободы (Туринская, Киргинская, Ирбитская и др.) вообще ставились не по инициативе снизу, а по распоряжению властей, и руководили ими с самого начала приказчики, поставленные администрацией. Причем функции приказчиков выполняли боярские дети или тобольские казаки, уже имевшие опыт острожного либо слободского строения. То есть с ясачным населением в контакт вступали не разрозненные крестьяне, а слободской коллектив, находящийся под руководством / защитой приказчика и беломестных казаков. Для сравнения можно посмотреть на расселение крестьян собственно Тюменского уезда, которые оседали отдельными деревнями, и такое ощущение, что даже земледельческих волостей до конца XVII века не сформировали. Кроме того, как было

показано выше, стимулирование крестьян на первом этапе существования слободы (льготные годы, подъемные выплаты) и возможность запашки относительно больших площадей в границах отвода также способствовали более быстрому сельскохозяйственному освоению территорий и быстрому росту объемов товарного хлеба.

Русское расселение по Исети и Пышме

Поскольку русское расселение шло с севера (от Верхотурья) на юг, то до Южного Зауралья очередь дошла далеко не сразу. В 1644 году Далмат (в миру Дмитрий Мокринский) основывает Успенскую пустынь, впоследствии ставшую Успенским Далматовым монастырем. Насколько можно судить, пустынь с самого начала задумывалась как прообраз монастыря. Об этом говорит и само название, данное по иконе Успения Божией Матери. Уже с начала 1750-х годов в документах упоминаются то пустынь, то монастырь. Остановимся подробнее на Успенской пустыни, ее ранней истории. На ее примере и на примере еще нескольких пунктов, основанных русскими в Южном Зауралье, я постараюсь показать, как это происходило: выбор места, решение проблем с местным населением и пр.

Итак, старец Далмат решил основать пустынь на Исети. Этот вариант подсказал ему житель Киргинской слободы Семен Тимофеевич Сосновский [39, с. 112]. Место, выбранное Далматом по совету Сосновского, было известно как «Белое городище» и располагалось на левом берегу Исети, напротив впадения в нее Течи [36, с. 1]. В 1651 году место под монастырь с угодьями, то есть с землей, необходимой для ведения хозяйства и его содержания, было официально отведено царским указом. Предварительно были проведены все необходимые официальные мероприятия: осмотр территории, опрос населения окрестных слобод [39, с. 188]. Опрос был простой формальностью, поскольку место, выбранное Далматом, располагалось в трех «днищах» пути от ближайших слобод [40, с. 73] и от уже построенного в 1650 году «Исецкого нового острогу же скорым ходом в 4 днищах» [32, с. 353, № 18].

В таких условиях сложно найти людей, знающих что-либо конкретное... В действительности земля находилась в вотчинной собственности татарина Илигея и его товарищей, плативших ясак в Тюмень. Причем не в общей собственности, а отдельно у каждой семьи (по крайней мере, земля передавалась по закладным каждым хозяином в отдельности, хотя и здесь не все понятно). Как будет видно из последующего повествования, собственников было как минимум трое. К моменту подачи челобитной об отводе Далмат знал, что земля не свободна. Согласно преданию, Илигей по наущению арендаторов порывался убить Далмата, но не преуспел в этом.

А теперь попробуем разобрать ситуацию подробнее. Землей по Исети, которую присмотрел Далмат, владеют татары. Но дело обстоит еще запутаннее — эту землю они сдают в аренду для

Портрет преп. Далмата, писанный при его жизни. Фотография С. М. Прокудина-Горского

Шлем и кольчуга, по преданию, подаренные Далмату Илигеем. Фотография С. М. Прокудина-Горского

промыслов жителям Ирбитской и Невьянской слобод (современные город Ирбит и село Невьянское Свердловской области). Записки сына Далмата, Исаака, донесли до нас их фамилии: «Ирбитцы и невянцы Королевы и Шипицынцы с товарищи» [40, с. 184–186]. Промысловики ловили на Исети рыбу, брали выдру и бобра, зверовали. Отдавать угоды им не хотелось, и они натравили на Далмата Илигея. Описание рисует образ одинокого старца, живущего в пещере, которую он выкопал под городищем в склоне холма. Илигей дважды предпринимает попытки к убийству Далмата. Первый раз — в 1644 году. Но старец Далмат воззвал к его кровным чувствам, сказав, что он по матери... татарин. Г. С. Плотников цитирует «Известие...» сына Далмата Исаака: «...причелся к нему родом старец Далмат, сказавши, что матери его от новокрещена была рождена» [Там же, с. 185]. (В одной из недавних статей утверждается, что мать Далмата не была татаркой, при этом авторы ссылаются... на этот же фрагмент из повествования об основании монастыря [19, с. 178–179]. Один и тот же текст служит источником для двух противоположных версий!) Вторичное покушение не состоялось, поскольку Илигею, заночевавшему на лугу у Белого Городища, во сне явилась Божия Матерь: «...в видении виде благолепну жену в ризах багряных, которая, при грозном взоре, с бичем в деснице, к нему изрекла, чтобы старца Далмата не убивал, чтобы к нему даже зла слова не произносил, и чтоб в собственность его передал вотчину свою с угодыми» [Там же, с. 75]¹. В реальности Далмат, очевидно, провел очень хорошую пропагандистскую работу среди татарского населения и дальше считался уже почти как свой. В 1746 году Илигей отдал свои вотчинные земли на Исети Далмату по закладной записи [Там же]. Г. С. Плотников пишет: «Железный шишак и кольчуга, видимые в молитвенной хранине

над гробом основателя монастыря, и теперь еще, по прошествии двух с лишком столетий, показываются почитателям его, как памятники смирения Илигеева пред святостью мужа, хранимого свыше» [Там же]. Святому человеку не дарят оружие или защитный доспех. Илигей, скорее, сделал бы такой подарок воину. Не надо забывать, что Дмитрий Мокринский до ухода в Невьянский монастырь был воином, сыном боярским (то есть служилым человеком).

В действительности все было, видимо, совсем иначе, нежели рассказывает предание, и никаких доспехов Илигей Далмату не дарил. В статьях А. П. Зыкова и И. Л. Маньковой дан подробный разбор «шлема Илигея» и показано, что наиболее вероятным временем появления шлема в монастыре являются 1663–1667 годы, а сам шлем представляет собой рейтарский шишак [17; 18].

Миф подчиняется своим законам: любая деталь, играющая на образ, должна быть использована. Рассказ о замирении Илигея был «подтвержден» демонстрацией шлема и кольчуги. По мнению А. П. Зыкова и И. Л. Маньковой, «легенда о передаче Илигеем своих доспехов Далмату появилась довольно поздно — во второй половине XVIII — XIX в. в связи с завершением оформления культа праведного Далмата необходимыми атрибутами» [18, с. 331].

Вернемся к ситуации с собственностью на землю, которую занял Далмат. Г. С. Плотников в своем повествовании пытается доказать, что земля Илигея располагалась на другом (правом) берегу Исети, и Далмат никоим образом не захватывал его собственности, а недоразумение произошло лишь из-за жадности русских арендаторов-промысловиков, натравивших Илигея на старца [40, с. 73]. Однако в 1665–1669 годах тюменский татарин Емельцал Бурашев с товарищами передали в полную собственность Успенского Далматова монастыря по закладным земли по правому берегу Исети (от Красного Яра до устья реки Крутихи) и по реке Теча (от устья до Белого Яра) [6, д. 26, л. 7, 15; 38, с. 188] (сегодня на Белом Яру стоит село Русская Теча, бывшая Белярско-Теченская слобода). То есть эти татары как раз и отдали территории по противоположному от Белого Городища (и расположения Успенской

1

Сюжет с видением, скорее всего, был вставлен Исааком в повествование для полноты, поскольку этот рассказ о жизни Далмата очень похож на повести и жития, которые подготавливались для канонизации. С канонизацией Далмата в тот период ничего не получилось, хотя сложно в зауральской истории XVII века найти более достойную фигуру. Возможно, помешала его причастность к расколу.

пустыни) берегу Исети². Тогда какие земли передал в 1646 году Илигей? Очевидно, именно Белое Городище с окрестностями.

Если описать ситуацию простым языком фактов, получается следующая картина: когда Далмат пришел на Исеть с целью основать пустынь, земля, на которую он рассчитывал, оказалась занятой. За два года он добился передачи ему прав на землю одним из собственников. Затем, зная, что значительная часть территории, которую он испрашивает для монастыря, все еще находится в собственности тюменских татар (земли по правому берегу Исети), Далмат скрывает этот факт от властей и получает отводную грамоту на земли. На этом конфликт не закончился, и последние участки земли, как уже упоминалось, были переданы татарами монастырю лишь в 1665–1669 годах. Характерно, что территория по правому берегу Исети, переданная по закладным татарами в 1665–1669 годах, по царской жалованной грамоте Далматову монастырю 1659 года и описи того же года, числилась... за Далматовым монастырем [39, с. 184; 40, с. 12; 48, д. 481, л. 98–100 об.]. При этом Далмат прекрасно знал, что в действительности это собственность того самого Емельцала Бурашева и его товарищей. Этот конфликт интересов и был решен в конце 1660-х годов. Выкупил Далмат эту землю или нашел другие пути решения проблемы, мы не знаем.

Есть еще одна нестыковка в описаниях этих событий. Современные исследователи часто пишут о служилом тюменском татарине Илигее и его товарищах [39, с. 187–188; 45, с. 87–88], причем В. Д. Пузанов полагает, что землю они получили уже после покорения Сибири, от русского правительства [45, с. 88]. В единственном источнике об основании Далматова монастыря говорится: «... тюменского ясаку татарина, зовомого Илигея» [5, с. 85]. Ясачные татары — это вовсе не то же самое, что служилые татары. Скорее всего, это были люди, чьи предки владели землей по Исети еще до похода Ермака.

2

И Илигей, и Емельцал — ясачные татары Тюменского уезда. Соответственно и территория, на которой Далмат заложил пустынь, относились к Тюменскому уезду. Но памяти, закрепляющие земли за монастырем, исходили из Тобольска [5, д. 26, л. 6].

По крайней мере, оснований считать иначе у нас нет.

Кроме участка размером 60×20 верст под собственно Далматовым монастырем были другие угодья, отведенные ему в разное время [39, с. 184]. В 1681 году монахи обнаружили на речке Железенке, впадающей в Исеть, железную руду и обратились с челобитной к царю с просьбой отвести им эти земли «на монастырскую потребу» [25, с. 92]. 28 июня 1682 года сын тобольского боярина Федор Руков отвел Успенской Исетской пустыни территорию по речкам Железенка и Камышенка и по берегу Исети. Линейные размеры в документе не указаны, но есть описание угодий: «Да по речке ж Железенке по смете пахотных земель в разных местах на сто десятин, а сенных покосов в разных же местех на шесть сот копен. Да лесных угодий и соснового и дубравного лесу, по обе стороны Железенки речки, и на устья к Исете реке, выше и ниже писанных меж, выше Железенки до Камышенки речки, а ниже Железенки же до ключа на верхней изголови Красной Горы по смете на четыреста десятин. Да между теми всеми угодья болотных и кочешных колочных мокров и дикого камня, лугов и баяраков, и всякого негодного места по смете на пять сот десятин» [15, № 122, с. 351–353]. Речка Железенка в обиходе чаще именовалась Каменкой, отсюда некоторый разнобой в последующих названиях. Здесь было организовано Каменское поселье монастыря, где выплавляли

Фрагмент чертежа «Межа слободам и башкирским жилищам» из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова, 1795 год.

Показана заимка Далматова монастыря на реке Каменке, она же Железенка

железо из болотной руды. В 1699 году земля эта была у монастыря изъята под строительство казенного Каменского завода, который и был поставлен в 1701 году [40, с. 94]. Затем монастырю стало мало рыболовных и покосных угодий в границах отвода. В 1686 или 1687 году монастырю отвели «речку Уй, источину, три больших курьи, затоны, озера, самый Тобол вниз от Уя на 12 верст, а между рыбными промыслами — сенные покосы и хмелевые угодья» [39, с. 105]. Несколько позже, в 1692 году, этот участок, видимо, был дополнен: «...по Тоболу от речки Черемшанки до речки Абуги, а по левую сторону Тобола ж реки по речке Уе и по речке Чагардыке, по обе стороны до нижних борков, и до речки ж Абуги» [48, д. 481, л. 96–97]. На этом отводе близ места впадения реки Уй в Тобол было поставлено поселье Далматова монастыря. В 1735 году на поселье был поставлен Усть-Уйский компамент (то есть форпост), но угодья остались за монастырем. По крайней мере, Г. С. Плотников, описывая владения монастыря, не пишет об Усть-Уйском поселье как об утерянном. По его словам, монахи и работники ходили туда и в 1737, и в 1741 году [40, с. 38–39]. Таким образом, монастырь кроме весьма крупного «надела» в 1200 квадратных верст получил еще более чем солидные угодья на реке Железенке и Тоболе. На чертеже к «доезду» Л. И. Парфеньева также

указаны «рыбные промыслы Далматова монастыря» в устье Уя³. Слюдяной промысел был сезонным занятием, и избы, очевидно, не означали постоянного поселения, так же как и на Усть-Уйском поселье Далматова монастыря не было постоянного населения — люди приходили сюда в рыболовный сезон.

Власти в Тобольске вскоре оценили перспективы использования сложившейся ситуации — она позволяла сдвинуть границу русского расселения далеко на юг. Уже говорилось о том, что когда старец Далмат начал деятельность по обустройству пустыни, ближайшие слободы находились в трех днях пути. То, что на этих новых неосвоенных территориях уже стоит монастырь, давало определенное идеологическое обоснование русского расселения: если уж монахи православные там живут, то остроги поставить просто необходимо. Правда, первый острог решили поставить вовсе не вблизи Успенской пустыни. Тобольский воевода Василий Шереметев, видимо, задумал отодвинуть границу еще дальше на восток. В 1649 году было принято решение о строительстве Исетского острога, который, как уже упоминалось, был поставлен в трех днях спешного пути от Далматова монастыря вниз по течению Исети, в месте, называвшемся Красный Бор. При строительстве острога в полной мере использовали естественные укрепления: он был поставлен на участке, который с юга омывался Исетью, а с двух других сторон был прикрыт ее старицей и озером — получался своеобразный остров, подходы к которому были максимально затруднены [51, с. 346].

Организатором работ по строительству и заселению Исетского острога был назначен конный казак Давыд Андреев. В самом конце 1649 года он был отправлен по уездам Западной Сибири, чтобы агитировать крестьян идти на жительство в но-

Фрагмент чертежа к «доезду» Л. И. Парфеньева из «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова. 1710 год. Юг — вверх. При впадении реки Уй в Тобол показаны

«На устье Уя рыбные промыслы Далматова монастыря». Выше обозначена «мечеть древней чуди» — мавзолей Кесене, расположенный сегодня в Варненском районе Челябинской области

3

Полковник (сначала подполковник) Леонтий Иванович Парфеньев служил в Сибирском драгунском полку от его восстановления в 1698 году и как минимум до 1709 года [38, с. 290–301]. Но поскольку в доезде упоминаются воевода князь Михайло Яковлевич и стольник князь Алексей Михайлович Черкасские, то датировать документ и чертеж можно 1709–1710 годами, а точнее, весной 1710 года [Там же, с. 364–368].

вую слободу, а также увести с собой первую партию стрельцов и крестьян на строительство нового укрепленного поселения. На строительство должны были направить из Верхотурья двадцать стрельцов с ружьями, а также крестьян из Верхотурского уезда: из Ирбитской слободы — 15 человек, из Ницынской слободы — 10. Крестьяне отправлялись со своими лошадьми, зимой — на санях, летом — на телегах. У каждого — лопата и топор, на десять человек — по четыре заступа и по две кирки. И среди крестьян, и среди стрельцов должны были быть плотники. Если у кого-то из крестьян было оружие, его тоже предписывалось брать с собой. Работать крестьяне должны были «вахтовым» методом: месяц работает одна партия, затем ее сменяет другая. Работы считались законченными по окончании строительства укреплений и возведении церкви [1, с. 126–127].

По окончании строительства острога Давыд Андреев и еще двое исетских казаков вновь отправились по уездам «призывать» желающих ехать на жительство на новое место. Количество льготных лет (шесть), видимо, определялось действительно пограничным положением нового форпоста. Насколько можно судить, крестьяне существующих слобод не спешили менять место проживания (традиционно при закладке новой слободы значительная часть ее населения формировалась за счет жителей «старых» слобод, а новые переселенцы из-за Урала, гулящие люди, составляли зачастую не больше половины первопоселенцев). Крестьяне, записавшиеся в Исетский острог, были в основном выходцами из Казанского уезда — русские и татары [44, с. 13].

Исетский острог, насколько можно судить, первоначально задумывался воеводой Василием Шереметевым как крупный военно-административный пункт на юго-западе Сибири. Очевидно, прикрывая старинный торговый путь, он должен был играть важную роль в торговле, отношениях с кочевыми соседями. Именно поэтому для организации и охраны строительства посылалась команда тобольских казаков (которые после начала строительства Исетского острога назывались уже исетскими). Само использование выражения «исетские казаки», которое, кстати, в документах после 1650-х го-

дов⁴ встречается крайне редко и только применительно к казакам Исетского острога, подтверждает, что задумывался острог как нечто очень серьезное, скорее всего, как центр нового уезда на юге Сибири. То есть казаки Исетского острога первоначально воспринимались как самостоятельная группа городских служилых людей — наподобие тобольских, тюменских, березовских казаков. Но, очевидно, вскоре стало ясно, что ситуация несколько иная: Исетский острог так и не стал центром нового уезда, и казаки Исетского острога получили статус беломестных, как и их «коллеги» из прочих слобод и острогов по Исети. Еще одна деталь — во главе администрации, управлявшей Исетским острогом и довольно большой округой, стоял не воевода, а приказчик. Такая же система управления впоследствии была и в других острогах и слободах Приисетья. Сложно сказать, почему так сложилось, но формальный статус этих укрепленных поселений оказался ниже, чем у острогов, основывавшихся на востоке, в Сибири. Один Исетский острог не позволял контролировать ситуацию на всем приисетском пограничье, и вскоре количество русских поселений на Исети резко возрастает.

В 1651 году происходит нападение на Далматов Успенский монастырь. Современники путаются в том, кто же именно напал и разорил пустынь — не то калмыки, не то татары (татарами в ту пору обычно называли все тюркоязычное население), хотя в одном документе довольно категорично указано, что калмыков среди нападавших не было [13, с. 328–330; 32, с. 346–355, № 135–138]. Поздняя традиция почему-то упорно называет этот набег калмыцким, но, очевидно, здесь сказывается информация, приведенная Г. С. Плотниковым [40, с. 177]. Старец Далмат, которого в момент нападения не было в монастыре, вернувшись, тут же отправился в Тюмень и там сообщил, что «монастырь воинские люди выжгли и старцев 5 человек да трудников и детенышев 3 женами и 3 детьми человек с полшестидесяти (пятидесяти пяти.— Г. С.) побили».

⁴

Исетские конные казаки в качестве понятых участвовали в «сыске», то есть осмотре места при отводе земли Троицкой Исетской пустыни (Рафайлова монастыря) в трех верстах от Исетского острога в 1657 году [32, с. 395].

К этому моменту в монастыре, не считая Далмата, проживали пять старцев (то есть монахов) и более пятидесяти крестьян! Естественно, среди последних взрослых мужчин было немного, но сам факт, что на пограничной окраине в короткое время собирается около десяти крестьянских семей, уже показателен. Нападение степняков было жестоким: половина обитателей пустыни была заколота или сожжена, половина уведена в полон [32, с. 346–355, № 135–138]. Вскоре после первого разорения монастыря к Далмату на помощь приходит его сын Иван (в монашестве Исаак), монашествовавший в Рафайловом монастыре, который располагался рядом с Исетским острогом. На свои деньги и деньги вкладчиков они в короткое время строят церковь на месте сгоревшей часовни, корпус келий, обносят монастырь тыном (забор из плотно поставленных заостренных вверху кольев). Так об этом повествует Г. С. Плотников [40, с. 179]. По мнению архимандрита Макария, к 1659 году была сформирована так называемая Служняя слобода с Николаевской церковью, впоследствии она была переименована в село Никольское, впоследствии — город Далматов [27, с. 278]. «Служняя слобода» — обычное название для поселений крестьян при монастырях, которые зачастую были заняты непосредственно на обслуживании нужд обители (служки, или трудники), отсюда и название.

При нападении на Успенскую пустынь «те воинские люди приходили к Успенскому монастырю из-за Исети реки пониже Катайского бору да тою же сакмою (дорогой, следом.— Г. С.) и назад пошли» [32, с. 349]. В разделе о Казанских дорогах говорилось, что в районе современного Катайска был брод через Исеть на одном из маршрутов дороги. Именно его и использовали степняки при нападении на монастырь. Вскоре для контроля за переправой и в целом чтобы усилить оборону по Исети и собирать таможенные пошлины с проезжающих торговых людей, рядом с бродом строится острог. Катайский острог, возможно, был основан в 1654 году. В 1655 году острог уже существовал, о чем свидетельствует сообщение казачьего атамана Андрея Липина: «В прошлом во 164 году прислана ко мне с Верхотурья память — велено быть

по государеву указу на заставе в Катайском остроге на Исете, а велено мне быть попеременно с верхотурским сыном боярским з Григорием с Лишеровым. И тот Григорей съехал с Исетского ис Катайского острогу с Прокопьева дни и по сие число на перемену не бывал...» [59, д. 2, л. 292]. В материалах «сыска» о спорных землях в Зауралье, проводившегося Иваном Полозовым в 1695 году, записано: «Катайский острог по сказке и по справкам старожилов заводил и строил по указу великих государей верхотурской сын боярской Панкратей Перхуров при бытии на Верхотурье воевод Льва Измайлова, Ивана Хитрово, а в котором году, того в Тобольску в приказной палате не сыскано...» [29, с. 85]. Чупин на основании опубликованных документов установил, что Лев Измайлов был воеводой в Верхотурье в 1652–1655 годах, а Иван Хитрово — в 1656–1658 годах [61, с. 40]. Кроме того, в марте 1657 года верхотурский воевода Иван Хитрово послал «память Панкратью Семеновичю Перхурову. Ехати ему с Верхотурья Верхотурского уезда в слободы на Невью, в Арамашевскую, и в Ницынскую и в Белослуцкую для того: в прошлых годех устроена на Исете реке вновь в Верхотурском уезде в Катайском остроге застава для государева денежного збору, а беломестных казаков в остроге нет. И ему Панкратью, приехав в те слободы, выбрать из беломестных казаков в тот новый Катайской острог 30 человек людей добрых и прожиточных и перевести их, беломестных казаков в тот новый Катайской острог нынешним зимним путем з женами и з детьми на житье, и построить их дворами, и пашенными землями и санными покосы по рассмотренью» [32, с. 394]. В том же году Перхуров докладывал воеводе Хитрово о том, что он «из слобод беломестных казаков 30 семей выбрал в Катайской острог и перевел и государево жалованье денежное их оклады впредь на 166-й год для новые катайские селидьбы дал» [Там же, с. 394–395]. Собственно, фраза о постройке острога «в прошлых годех» указывает на то, что Катайский острог был построен до 1657 года, но произошло это в 1655 году или несколько раньше, мы сегодня сказать точно не можем. Ясно лишь, что в 1651 году, когда был разорен Успенский монастырь, никакого острога здесь не было.

В сентябре 1660 года Панкратий Перхуров, который является уже приказчиком Катайского острога, рапортует о том, что за 1657–1660 годы в пахотные крестьяне в острог прибрано пять семей русских крестьян и 36 семей татар и черемисов (марийцев). Крестьян принимали на четыре льготных года. В качестве подъемной ссуды им выдали в общей сложности 61 рубль. Это немалая сумма, учитывая, что по истечении льготных лет весь годовой оброк с них должен был составить «по осмнадцати рублей по двадцати алтын на год» [14, с. 224, № 84]. Насколько можно судить, процесс набора людей в новый острог тоже проходил непросто. И крестьянам, и беломестным казакам выдали деньги на обзаведение на новом месте. Характерно, что в отношении беломестных казаков не использовано слово «призывать», как это обычно практиковалось, а было четко сказано — «выбрать» и «перевести». Казаки в данном случае, как и во многих других случаях, вовсе не сами пошли приискивать новых земель, им сказали идти в новый острог — и они пошли. Видимо все же земли по Исети основной массе крестьянства казались слишком опасными, поэтому в новые остроги шли большей частью выходцы из Европейской России. Что характерно, и в случае с Исетским острогом, и в Катайском остроге это были преимущественно выходцы из Казанского Поволжья. Это резко отличалось от общей тенденции русского заселения Зауралья: подавляющее большинство переселенцев в другие слободы шло из так называемых «поморских городов», то есть из районов Устюга Великого, Соликамска, Вятки, с Ваги и т. д., а также из ранее основанных слобод и острогов Зауралья. Тем не менее заселение земель по Исети шло...

В 1657 году была отведена земля Рафайлову Троицкому монастырю, или, как он назывался официально, Троицкой Исетской пустыни. Причем в документе четко указано: «Троицкой Исецкой новой пустыни строитель Филарет с братьею» [32, с. 395]. Однако при осмотре (сыске) местности и опросе понятых — исетских конных казаков Мишки Дементьева и Онишки Матвеева — оказалось, что «тою де пашенною землею, и санными покосы, и поскотинным местом владеет издавна старец Рафаило, а после ево Рафаила, никто не владеет» [32, с. 395].

Было также указано, что речки Юзя и Язевка, по которым проходили границы монастырского отвода, являются «татарскими вотчинными», и монастырским насельникам запрещалось ловить рыбу, зверя и прочую живность на этих речках [Там же]. Датой основания Рафайлова монастыря обычно называют 1645 год [30, с. 112]. Ни подтвердить, ни опровергнуть эту дату я не могу. Всего монастырю было отведено «с пашенными землями, санными покосами и боровыми лесами и всякими мокрыми и кочковатыми местами в длину прежних тысячных на 10, а поперег на 4, на 3 и на 2 версты» (цит. по [39, с. 186]). «Прежняя тысячная верста» (иначе — межевая верста) — верста в 1000 сажен, в отличие от обычной, которая включала в себя 500 сажен. Была еще «семисотная» верста — в 700 сажен. В пересчете на современные меры, тысячная (межевая) верста — это примерно 2,26 километра, путевая верста — чуть больше 1 километра, а семисотная верста — почти 1,5 километра.

При основании Исетского острога ему были отведены обширные территории по Исети, у рек «Барнева» (Барнева) и Мехонина курья. Но к 1658 году территория по речке Барневой была отдана старцам Невьянского Спасского монастыря [59, д. 3, л. 10 об.]. По данным Пестерева, землю в районе Шадринной курьи и «по речку Крутиху» также нарезали старцу Невьянского Богоявленского монастыря Давиду с братией⁵ [39, с. 193]. В 1657 или 1658 году ирбитские оброчные крестьяне Демка Шипицын с братом Ивашкой получили разрешение на строительство слободы на Исети, на Мехониной курье. Разрешение было им выдано Верхотурским воеводой Иваном Камыниным [59, д. 3, л. 9 об.— 10]. Но вскоре выяснилось, что земли эти вовсе не «порозжие»: в тот же год верхотурскому воеводе написал письмо воевода тобольский Иван Хилков, объясняя, что земля, на которой ирбитцы собрались ставить слободу, уже занята [Там же, л. 10 об.]. Правда, слобода, как будет ясно из дальнейшего текста, все же была поставлена. Ситуация

5

Невьянский Спасский Богоявленский монастырь больше известен как Богоявленский, но в документах использовались оба обозначения — и «Спасский», и «Богоявленский».

слободского расселения в среднем и нижнем течении Исети показана на чертеже С. У. Ремезова.

Очень похоже, что первая «волна» колонизации земель по Исети была преимущественно монастырской. Но в 1658–1659 годах ситуация меняется. Старец Богоявленского монастыря Давид в 1659 году сообщает, что земли у Шадриной курьи у них забрали «на великие государи и под слободы» [39, с. 193]. Очевидно, в это же время у монастыря забирают землю по Исети у речки Барневы и отдают ее под строительство слободы. Соответственно строятся слободы Царево Городище, Барневская и слобода на Мехониной курье. Такой вывод сделан на основании нескольких более поздних опубликованных документов. Осенью 1662 года воевода Хилков направил в Верхотурье грамоту, которая предписывала в слободах Царево Городище, Мехонская и Барневская «с громленных крестьян оброчного хлеба не брать... а пожженные дворы велеть застроить» [30, с. 116].

Из этого сообщения выясняется несколько моментов. Первое: указанные слободы были сожжены в ходе башкирского восстания (может быть, частично). Второе: к этому времени они существо-

вали, скорее всего, не меньше двух-трех лет. В документе говорится о том, чтобы не брать оброчного хлеба с крестьян, чьи дворы сгорели. Следовательно, льготный срок закончился, и начались выплаты крестьянами оброка. А в это время льготный период для крестьян, поселившихся в новых слободах, составлял от двух до шести лет. Третий момент: оброчный хлеб с жителей этих слобод собирала верховтурская администрация.

Слобода Царево Городище (на Исети), видимо, была сожжена полностью. На ее месте, как полагает Пузанов, поставили Шадринскую слободу [44, с. 15]. В. В. Менщиков считает, что Царево Городище на Исети, возможно, располагалось в нескольких верстах от того места, где позже была поставлена Шадринская слобода [30, с. 117–118]. В 1662 году Юшка Соловей (он же Юрий Малечкин) получает в Тобольске указную память на постройку на Исети, у Шадриной заимки, новой слободы — Шадринской. Судя по тому, что в тексте памяти говорится, будто лес острожный уже заготовлен, это действительно фактически возрождение одной из существовавших слобод (Царево Городище на Исети). В пользу этого свидетельствует и то, что в тексте памяти не оговорены границы территории, отведенной слободе [62, с. 795–796].

Фрагмент чертежа «Межа слободам и башкирским жилищам» из «Чертежной книги Сибири»

С. У. Ремезова. 1795 год. Слободы, остроги и монастыри в нижнем и среднем течении Исети

Таким образом, в конце 1650-х — начале 1660-х годов в среднем и нижнем течении Исети возникают новые слободы, и инициаторами их строительства являются как верхотурские, так и тобольские крестьяне. Достаточно важный момент: если инициаторами основания первых слобод были власти Верхотурского и Тобольского уездов, то в 1650-е годы инициатива переходит к населению: крестьянам, беломестным казакам. Процесс слободского расселения был запущен и вовлекал в крестьянскую колонизацию все большее количество людей. При этом наказные памяти на основании новых слобод на территории Тюменского уезда по-прежнему выдавались в Верхотурье и Тобольске.

Инициаторы строительства новой слободы обычно назначались ее руководителями — слободчиками. На них возлагались обязанности местного управления, им давалась «государева таможенная печать», поскольку они должны были собирать пошлины (налоги) с проезжавших через слободу купцов. Это один из моментов, которые человеку современному не совсем понятны: зачем нужна таможня в каждой слободе, если учесть, что далеко не все из них стояли на границе? Дело в том, что вплоть до 1754 года в России кроме таможен пограничных (или портовых) существовали так называемые внутренние таможи [41, № 10.308]. Теоретически они должны были стоять на границах каждого уезда, но для того чтобы перекрыть все дороги, требовалось очень много людей. Выше говорилось о том, что торговым людям, как и переселенцам, запрещалось ездить в Сибирь другими путями, кроме как через Верхотурье. Одной из причин такого запрета была именно необходимость взимания таможенных сборов с провозимых товаров. Однако правительство все же понимало, что лазейки отыщутся, и поэтому полномочиями таможенных чиновников наделяли глав местного самоуправления, в данном случае — слободчиков. Учитывая, что чаще всего слободы ставились либо непосредственно на существующей дороге, либо вблизи ее, купцы, едущие по «незаконным» дорогам, тем не менее, должны были проехать через какую-нибудь из слобод. Если у них не было свидетельства об уплате таможенных сборов с товара в этом уезде, они должны были выплатить их слободчику, который выдавал им соответству-

ющую квитанцию о получении пошлин. Для того чтобы заверять такие документы, и нужна была государственная печать. Но, насколько можно судить, таможенная печать являлась универсальной, и ей заверялись все важные документы.

Следующим шагом после официального отведения земель под новую слободу и получения указанной грамоты на ее строительство слободчик (слободчики) должен был организовать набор в новую слободу крестьян и беломестных казаков. Крестьяне набирались на льготные годы, то есть записавшийся в новую слободу на какой-то срок освобождался от уплаты налога⁶. Если еще в середине XVII века от податей освобождали на четыре года, то в Багарятской слободе сложилась уже иная ситуация. Во-первых, здесь количество пахотной земли определялось суммой оброка, которую человек соглашался платить: «...пашни крестьяном давать на рубль с полтиною по пяти десятин в поле а в дву по тому ж⁷ а на двадцеть на пять алтын⁸ по полутретьей⁹ десятины...» и т. д. Согласен платить полтора рубля оброка — получай надел в 15 десятин, платишь семьдесят пять копеек — будешь пахать семь с половиной десятин, и далее по уменьшению.

6 Налог мог быть натуральным — запашка так называемой «государевой десятины», урожай с которой шел в казну, либо оброк. Размер оброка устанавливался в зависимости от размера надела, который брал человек.

7 «По пяти десятин в поле, а в дву по тому ж» — то есть пять десятин в одном поле и еще два таких же надела, всего получается три надела по пять десятин (15 десятин). Стандартная формула, используемая в документах того времени — «столько-то десятин в поле, да в дву по тому ж», объясняется трехпольной системой земледелия: один участок под яровыми культурами, один под озимыми, один под паром, то есть «отдыхает». Отсюда и формулировка: «пять десятин в поле» — то есть под яровыми, да «в дву по тому ж» — еще в двух наделах по столько же, то есть по пять десятин.

8 Алтын — 3 копейки.

9 «Полутретьей десятины» — две с половиной десятины. Обычная практика того времени писать (и говорить) не «столько-то с половиной», а «половина от такого-то» (не два с половиной метра, а пол третьего метра). В современном русском языке с того времени сохранилось слово «полторы» — «пол вторых», то есть один с половиной. Более полно эта традиция дошла до наших дней в счете времени, мы привычно говорим «полтретьего» и «полпятого», вместо «два часа с половиной» или «четыре часа тридцать минут».

От размера оброка зависела и продолжительность льготных лет. Правда, здесь уже о годах говорить сложно — если платишь полтора рубля оброка (имеешь 15 десятин пашни) — освобождаешься от податей на год, если семьдесят пять копеек — освобождаешься на полгода, и т. д. Как видим, срок освобождения от податей сокращался до минимума: очевидно, уже не было нужды приманивать крестьян большими льготами — населения хватало, а земли в Южном Зауралье более плодородны, чем под Тагилом.

Кроме крестьян в слободу набирались беломестные казаки — люди, которые должны были служить государеву службу с пашни без денежного, хлебного и соляного жалованья [45, с. 119–121; 46, с. 311–315]. Они должны были обеспечить безопасность слободы от набега, нести караулы в ее окрестностях и в случае нападения калмыков или башкир оборонять слободу и ее население. За это они пользовались семью с половиной десятины пашни без уплаты податей, то есть жили на самообеспечении, не получая за службу жалованья от государства. В середине XVII века казак Тобольского гарнизона получал 6–8 рублей в год [12, с. 53]. Предполагалось, что дохода с семи с половиной десятины хватит, чтобы восполнить отсутствие государева жалованья. В связи с этим мы можем оценить, насколько тяжок был оброк в полтора рубля, назначавшийся с пятнадцати десятин. Очевидно, он не превышал десятой части доходов крестьянина с поля.

Возвратимся к беломестным казакам. В эту группу населения набирались все желающие «служить с пашни», то есть без жалованья, но при условии наделения пашенными угодьями, не облагаемыми налогом. Само слово «беломестный» означало наличие у человека участка земли («места»), свободного от податей. Сравните с «черносошный» — так назывались крестьяне, платившие подати с обрабатываемой земли (словом «соха» в средние века часто обозначался не только инструмент для обработки земли, но и участок обрабатываемой земли, с которого взимался налог). Слово «белый» часто означало освобождение от налогов и повинностей, в противоположность «черному». Так, в городах того времени были «белые» и «черные» слободы.

Существовало понятие «беломестцы» — люди (не обязательно казаки), не платившие податей со своего участка земли. Существовали и другие группы казаков, но о них чуть позже.

На организаторов строительства новой слободы, ставших ее первой администрацией, возлагались и обязанности контроля как над населением самой слободы, так и над проезжающими людьми. Кроме того, они должны были обеспечить сбор податей с крестьян, поселившихся в слободе; удерживать их от «воровства» (под словом «воровство» в ту пору понимались преступления вообще, а не только присвоение чужой собственности), собирать пошлины с продаж приезжих торговых людей, со сделок с недвижимостью. Надо добавить, что с 1630-х годов практически все новые слободы имели защитные укрепления — на случай набега. Слободчики, то есть люди, организовавшие строительство слободы, обычно возглавляли ее первое время, до десяти лет. Затем их сменяли назначенные тобольской администрацией приказчики. Видимо, считалось, что за эти годы слободчики вполне могли вознаградить себя за труды и хлопоты, связанные с основанием нового населенного пункта, и должны уступить место чиновникам, назначаемым от администрации. Естественно, немалую роль играли личные качества и организаторские способности человека.

Вернемся к интересам Верхотурья и Тобольска в деле основания слобод и сбора податей. Напомним об еще одном известном документе, датированном январем 1662 года и направленном верхотурским воеводой своему тобольскому коллеге: «... по указу де великих государей в прошлом во 168-м (1659–1660) году писал ты ко мне, что тое Мехонину курью, и Царево городище, и Барнево к Верхотурью ведать не велено...» [32, с. 437–438]. Следовательно, в конце 1650-х — начале 1660-х годов шел спор Верхотурья и Тобольска за контроль над территорией Среднего Приисетья. У Тобольска аргументы были солиднее, поскольку тобольский воевода одновременно был главой Тобольского разряда, в который входил и Верхотурский уезд. Этот спор завершился в конце 1660-х годов в пользу Тобольска.

В 1668–1669 годах произошла передача Катайского острога в ведение Тобольского уезда [47,

д. 150, л. 348–354; д. 306, л. 192–197]. Тобольский воевода Петр Годунов писал воеводе Верхотурскому: «Катайскому острогу для драгунского строя велено быть к Тобольску» [Там же, д. 306, л. 192]. Связано это было, очевидно, с проектом организации пограничной линии по Исети, прописанным П. И. Годуновым в 1667 году. Отсюда и упоминание о «драгунском строе»: в каждом остроге по пограничной линии предполагалось разместить от полуроты до двух рот драгун [52, с. 39–41].

В результате территория по Исети практически полностью оказалась в ведении Тобольского уезда, а по Пышме ситуация оставалась неоднозначной: часть слобод относилась к Тобольскому, а часть — к Верхотурскому уезду. Под ведением Верхотурья находились, например, Пышминская, Камышевская, Красноярская слободы [6, д. 26, л. 20]. В то же время Белоярская, Беляковская слободы относились к Тобольскому уезду. Достаточно интересно посмотреть документы об основании Беляковской слободы: «Велено слободчикам Максимке Васильеву да Силке Гаврилову в Тюменском уезде, на Пышме реке, где впала речка Беляковка, строить слободу» [13, № 46, с. 152–153]. А слобода ставилась по указу из Тобольска и после постройки относилась к Тобольскому уезду вместе со всей отведенной ей территорией.

Земли по Исети полностью отошли к Тобольскому уезду, на Пышме соседствовали слободы Тобольского и Верхотурского уездов. Но не все, оказывается, столь однозначно. В 1686 году между Исетью и Пышмой, в районе озер Атяж и Тамакуль, была поставлена Тамакульская слобода Верхотурского уезда, а ее земли лежали по притокам Исети — речкам Боровлянка, Атяж, в верхнем течении Суварыша [6, д. 26, л. 20–20 об.]. На Пышме находились также сенные покосы и пашни тюменских крестьян, «перемежавшие» территории слобод Верхотурского и Тобольского уездов [10, д. 60, 66, 76]. Поэтому однозначно констатировать, что земли по Исети и ее малым притокам относились к Тобольскому уезду, видимо, не получится. А вот пример еще более сложного сочетания: земли между речками Верхний и Средний Бешкиль принадлежали тюменским ясачным татарам Чаплыньских

юрт и граничили с территорией Исетского острога и Сунгуровой деревни [23].

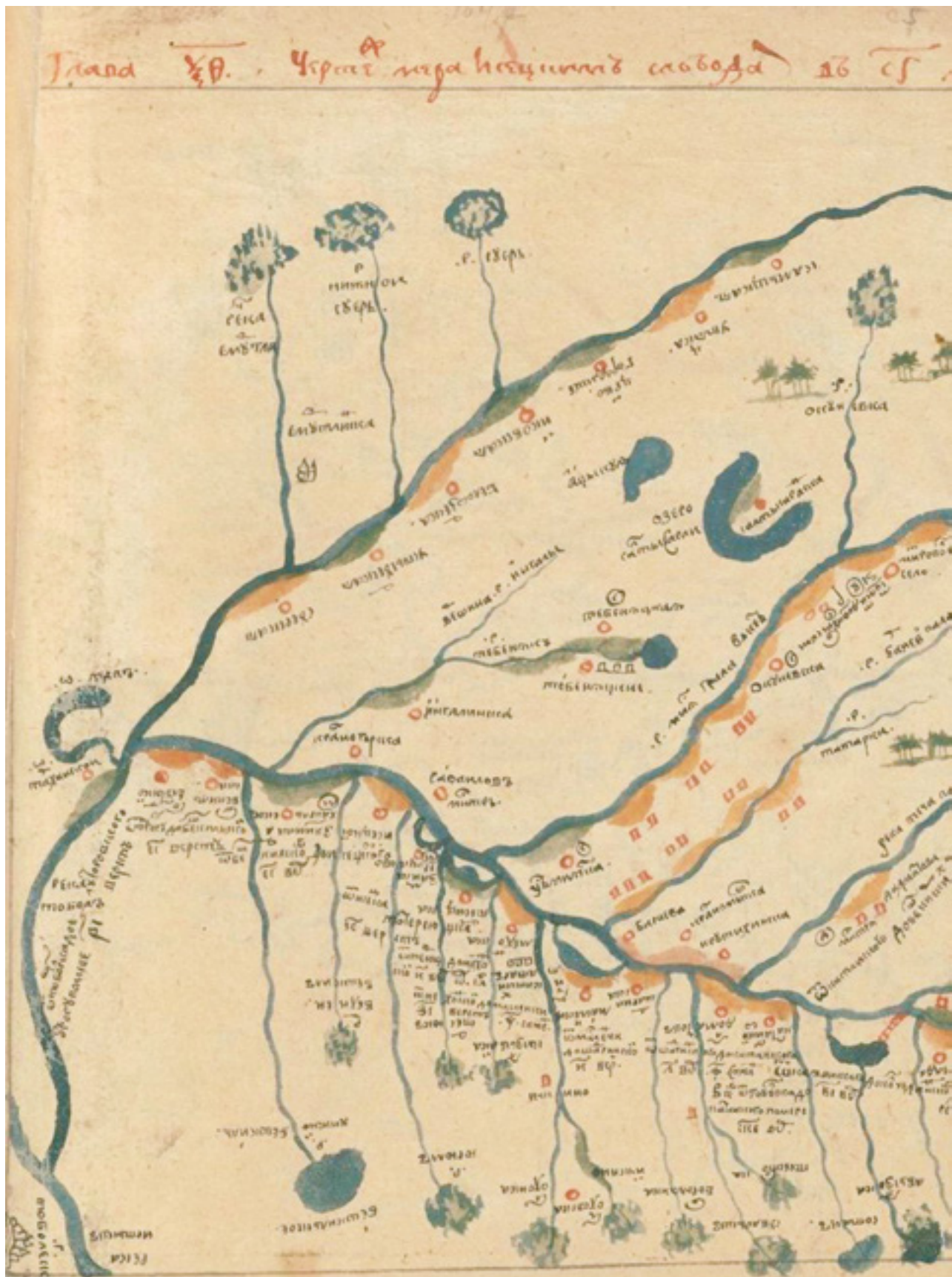
К концу 1660-х годов свободная земля в среднем и нижнем течении Исети... кончилась. Это может показаться невероятным — за 25 лет с начала русского заселения исчерпать запас земли вдоль реки на протяжении почти 400 километров! Дело в том, что отводились земли исключительно вдоль реки, то есть пойменные участки и надпойменные террасы. Вглубь «суши», в сторону от реки народ особо не заглядывал. Правда, вскоре ситуация начала меняться — появились слободы у озер (но их так и было немного), земли новым слободам, отводимые по рекам, стали гораздо больше в «ширину», то есть в сторону от реки. Но все это еще впереди, а пока что на Исети становится тесно, и русские начинают селиться по ее притокам.

Русское расселение по Миассу и Тоболу

В 1670 году на реке Миасс, несколько выше ее впадения в Исеть, была поставлена Усть-Миасская слобода (сегодня одноименное село в Каргопольском районе Курганской области) [45, с. 97]. Через шесть лет, в 1676 году, «Волотькой Качюсовм» была поставлена Средняя Миасская Окуневская слобода [29, с. 87; 44, с. 97]. В 1679–1681 годах отведены земли Тобольскому Софийскому дому на Миассе, выше Окуневской Средне-Миасской слободы. Весной 1683 года боярский сын Софийского дома Яков Фадеев отправился в Покровскую, Усть-Ницынскую слободы и Пышминскую заимку, для того чтобы отобрать семьи, которые будут переведены на новые земли. Первым делом по прибытии на новое место нужно было «над рекою Миясом на усть речки Боровлянки велеть крестьяном построить острог со всякими крепостями и з башни и в остроге часовню и казенной двор...» [48, д. 481, л. 161–163 об.]. Построен острог был в 1684 году под руководством архимандрита Далматовского Успенского монастыря Исаака и упомянутого боярского сына Якова Фадеева [45, с. 98]. Построенный острог впоследствии стал называться митрополичьим

Чертеж межам исетских слобод. 1695 год. Из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова

Воскресенским селом (сегодня село Кирово Мишкинского района Курганской области).

9 ноября 1684 года была выписана указная память «Барневской слободы Васке да Кондрашке меньшему Соколовым», поскольку они били в июне того же года челом о том, что «приискали они вверх по Миясу реке на левой стороне выше митрополи[чьей] межи на устье речек Чюмляков на перевозе Казанское дороги под слободу вновь порозжее место». И указной памятью предписывалось: «Барневской слободы крестьяном Васке да Кондрашке меньшему Соколовым проехав верх по Миясу реке на левую сторону на устье речки Чюмляков на перевозе Казанской дороги строит им вновь слобода Верх Мияская» [48, д. 481, л. 169–171]. В этом случае размер участка, отведенного слободе, маленьким не назовешь, да и к руслу реки он уже не так жестко привязан. В документе дано краткое описание размеров (есть еще и подробное описание границ): «... от речки Изюмки до митрольей межи тридцет верст а в степь по обе стороны Миясу реки верст с тридцет же и больше» [Там же]. Хочу обратить внимание на тот факт, что место расположения новой слободы было приурочено к перевозу (то есть к броду) через Миасс на Казанской дороге. Уже в который раз мы сталкиваемся с тем, что слободы и остроги ставятся не просто там, где удобнее, а с привязкой к существующим коммуникациям. Эта слобода первое время носила длинное название — Верхне-Миасская Чумлятская. В документе 1695 года о ней сказано так: «Верхняя Миасская Чюмлятская слобода: и в прошлом во 192-м году по указу великих государей... заводил и строил тое слободу Васька Соколов з братом...» [29, с. 87]. В челобитной жителей зауральских слобод, датированной В. Н. Шишонко концом 1795 — началом 1796 года, в тексте указана Верхне-Миасская слобода, а в подписной части использовано ее второе название. Подписи под челобитной ставили жители Чумлятской слободы — слободчик Васька Соколов с казаками и крестьянами (точнее, за них расписывался дьячок), а Верхне-Миасская слобода в подписной части челобитной не упоминается; текст этой челобитной приведен полностью и Ф. М. Стариковым, и В. Н. Шишонко [60, с. 127–138; 62, с. 53–57]. Название «Верхне-Миасская» довольно скоро

забылось, и осталось наименование по речке, впадающей в Миасс, на которой и была построена слобода, — «Чумлятская», или «Чумлякская».

Одновременно с продвижением русского населения вверх по Миассу начинается строительство новых слобод в Среднем Притоболье (выше устья Исети). Были также основаны слободы по Тече и Багаряку. Начнем с ближнего к нам «края».

В 1682 году крестьянин Катайского острога Иван Синицын заложил Белоярскую-Теченскую слободу (помните об уступке тюменским татаринном Далмату земель по Тече до Белого Яра?) [61, с. 651]¹⁰. У В. В. Пестерева приведена следующая цитата: «... под слободу и под пашни и под сенные покосы земли отведено по обе стороны Течи речки в длину на 10 верст, а поперег с тож число» [39, с. 185]. Однако деревня Калмацкий Брод Белоярской-Теченской слободы располагалась от нее в 22 верстах вверх по Тече [48, д. 481, л. 150 об.— 152]. Скорее всего, в описании имелись в виду 10 межевых верст — по 1000 саженой каждая, соответственно, получается 20 верст обычных. Деревня Калмацкий Брод стояла на краю отвода Теченской слободы. В 1743 году отвод земли «мещерякам» отмерялся практически от ее границы (от речки Акбаш, притока Течи) [34, д. 106, л. 15].

Опять-таки осенью, но уже в 1688 году, была выдана указная память на строительство Багарятской слободы «Шадринские слободы Дрягуном (драгунам.— Г. С.) Ивашку Кузнецу с сыном Данилком да Катайского острогу крестьянину Панкрашке Жданову». Граница отвода земли для новой слободы была описана так: «...в которых местех построить вновь на Багаряке речке Слобода межи и грани и чертеж учинил: с верхние межи Колчеданскаго острогу от Глубокова логу вниз по речке Богоряку

10

В. Шишонко в своей работе указал отдельно Белоярскую и Теченскую слободы. Это объяснимо, поскольку уровень общего представления историков о ситуации и названиях был ниже современного. Но раздельное указание Белоярской и Теченской слобод (причем обе на реке Тече) встречается и сегодня в солидных изданиях и у весьма компетентных авторов. Очевидно, такие мелкие вопросы, не попавшие непосредственно в поле зрения, принимаются на веру. Сам вынужден иногда так поступать. Но в случае с Белоярской-Теченской слободой давно опубликованы документы, из которых четко видно, что это один и тот же населенный пункт.

по правую сторону до Синары речки, а по Синаре речке в верх на правую сторону, до березы а на той березе грань, а от той березы и грани на речку Синару прямо на ключ и до межи Катайского острогу, а от того ключа и Катайской межи до Уральские дороги, а от Уральские дороги в верх по той же Синаре речке по обе стороны на нижнее озеро Аллак, а от того озера на Синарское озеро, а с Синарского озера на Богарятское озеро, а с Багарятского озера на межевое Колчеданского острогу на Карасье озеро, а с Карасьего озера на Юлаш озеро, а с того озера Юлашу на Куеныш озеро, а с Куеныша на Травенное озеро, а с Травянного озера прямо на Багаряк речку, до того же глубокого логу» [35, д. 97, л. 1–4]. Почти все названия, указанные в документе, существуют и сегодня, можно посмотреть на современной карте, какие земли были отведены Багаряцкой слободе. Расположение слобод по Тоболу, Миассу, Тече и Багаряку показано на чертеже «Межа слободам исетским» из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова.

И эта слобода привязана к «Уральской» дороге. Выше мы говорили о том, что «Уральская» — одно из названий Старой Казанской, или Сибирской дороги. Багарятская слобода располагалась рядом с одной из основных в XVII веке трасс этой дороги — той, что вела от Исети мимо Аллаков к озеру Касли и дальше через Урал-камень (Уральский хребет). Заметно также, что отвод, немаленький по размерам, включает в себя большое количество озер. Багарятская слобода была последней относительно «спокойно» построенной за линией существующих русских поселений (слово «спокойно» взято в кавычки, поскольку на самом деле строительство слободы происходило вовсе не бесконфликтно).

Выше уже упоминалось, что «сыск и досмотр», то есть осмотр территории для выяснения, не являются ли эти земли чьими-то угодьями, не имеется ли на них хозяев, зачастую проводился формально. В данном случае все обстояло так же. В документе записано: «...та де земля порозжая и в отводе за кем былаль про то они не знают» [Там же, л. 2]. Но есть другой документ — 1673 года: «181 (1673–1674 гг.) году в переписных яшашных вотчинных книгах переписи уфимские приказные избы подья-

чего Ивана Жилина да иноземского списку Наума Ногатикова написана... Вотчина де у них у сенирянцов у всех вопче за Урал горою, на степной стороне, а межа той вотчине с вершины речки Багаряк и до устья, а от той речки с вершины речки Елганды (современная Боевка.— Г. С.) и до устья, а от устья той речки по речку Казиганды до вершины и до устья, да на вершины речки Уйлабасты и до устья, да через речку Сесер (Сысерть.— Г. С.) на сосняг а с того соснягу на вершины речки Исеть и с вершины Исети на речку Уктус, с устья и до вершины» [8, д. 1092а, л. 81]. То есть земли, отведенные под Багарятскую слободу, в большей части находились на территории Сынрянской волости. Впоследствии, в 1743 году, Исетская провинциальная канцелярия указывала, что земля была признана «порозжей» необоснованно, при обследовании участка под отвод Багарятской слободе не было представителей от башкир и татар [Там же, л. 53–60].

История изгнания башкир Сынрянской волости с их вотчинных угодий жителями слободы во главе с Данилой Слободчиковым при поддержке руководства Тобольского уезда изложена выше, в предыдущей главе. Данило Слободчиков — один из основателей Багаряцкой слободы, сын Ивана Кузнеца, оба они упоминаются в приведенном выше отрывке из указной памяти на основание слободы. Смена фамилии в те времена было делом вполне обычным, а еще более вероятно, что слово «Кузнец», которым называли отца, — это не фамилия, а прозвище по роду занятий (то, что он был драгуном, вовсе не исключало занятий кузнечным ремеслом). А затем его сын принял фамилию Слободчиков (точнее, опять же прозвище, позже ставшее фамилией). А от фамилии позже пошло название деревни. Слобода Багаряцкая и деревни, возникшие в границах ее отвода, показаны на карте 1749 года.

На этом русское продвижение на запад и юго-запад остановилось. Последняя попытка была предпринята вскоре после постройки Багарятской слободы — в 1693 году «Камышевской слободы слободчики Гришка, да Ивашко, да Филька Сысоевых» предпринимают попытку строительства «Изюзелской» слободы близ места впадения речки Зюзелги в Миасс. На основании царского указа слободчики получили в Тобольске наказную память

Фрагмент карты 1749 года, на котором показана Багарякская слобода с деревянными. Помимо русских деревень отмечены также деревни башкир и ясачных татар на реке Синаре

и таможенную печать. Однако башкиры, не признавая тобольских грамот, потребовали московские указы, разломали поставленные десять звеньев заплота, а строителей «били смертным боем». Из Тобольского воеводского дома было послано письмо главе беломестных казаков о посылке людей из Китайского и Колчеданского острогов и Арамильской слободы для защиты зюзельских слободчиков [29, с. 81–82]. Но уже в 1694 году в Уфу приходит грамота государей Ивана и Петра Алексеевичей, составленная в ответ на челобитную башкир всех четырех даруг Башкирии и запрещающая отдавать «башкирские угоды... русским пришлым людям в оброк и в тягло и в службу» [Там же, с. 82–83]. О причинах выхода такого указа будет подробно рассказано ниже.

Фактически правительство в 1694 году подтвердило нормы Соборного уложения, по которым вотчинные земли нельзя было изъять у хозяина и даже запрещалась покупка вотчинных земель, и остановило дальнейшее продвижение русских в Уфимский уезд.

Уральский городок, или Поиски серебряной руды

В середине XVII века в России стала особенно остро ощущаться нехватка своего серебра. Серебро являлось основным платежным средством, и отсутствие запасов серебряных руд вынуждало Россию пользоваться импортным металлом. Алексей Михайлович организовал сбор информации о признаках серебряной руды в разных местах государства, а затем направил несколько экспедиций на проверку полученных сведений и поиски руды. Одна из таких экспедиций работала в 1669–1773 годах в наших краях.

Е. А. Курлаев опубликовал текст документа, на основании которого и проводились поиски серебряной руды на Южном Урале. Это свидетельство монаха Долматовского монастыря старца Лота. Мы, в свою очередь, процитируем фрагмент этого текста: «...золото с серебром, которое находят русские люди в татарских могилах, происходит из руды, которую добывают сибирские татары и их калмыцкие люди в горе в вершинах рек Уфы, Гадены и Яика... и домницы, и ямы в том месте есть... а езды от Китайского острогу — 11 дней. Около той горы, речки названием Тасмы, устьями сошлись в Ай-реку, а длина той горы верст 7, поперек в версту, в вышину сажень на 200 и более. На ту гору проложены дороги великие. Теми дорогами ездят многие башкирцы, этот камень берут и плавят золото и серебро. Ту руду они продают в Уфу русским людям по 13 рублей за пуд. Есть и город каменный на берегу озера Иредяша (Иртяша.— Г. С.) в пол-днице пути, и башни великие и палаты каменные, башкирцы его скрывают, а также некто служилый человек Батитко видел на острове Иртяш-озера этот город в саморостном камени. Вокруг него ров, а за тем городом сделаны домницы исстари, видны плавильная руда и шлак. В длину городище 100 сажень, а поперек 50 сажень» [24, с. 43]. Показания старца подтвердились находками в Зауралье руды с признаками серебра [25, с. 150–151].

Свидетельство об этой экспедиции и об Уральском острожке сохранилось и в Есиповской летописи: «Того ж году (1672.— Г. С.) прислан с Москвы в Тоболск думной дьяк Яков Тимофеевич Хитрово,

а с ним в товарищи сын ево Венедихт да с приписью подьячей Еремей Полянский на Уралские горы и на Синару реку для прииску серебряной руды. И с ним посланы были ис Тоболска в службу и работу и для подвод ратные люди и пашенные крестьяне. И на тех Уралских горах построен был город со всяким строением. И был в Сибири по 1680 год а на тех горах серебряной руды не сыскалось. И по указу уехал с сыном к Москве а тот город сжек со всем строением» [42, с. 100]¹¹. Более подробно эти события изложены в Сибирском летописном своде [Там же, с. 165].

Таково краткое изложение событий. Даже в этом тексте ощущается напряжение, потребовавшееся от населения зауральских городов и слобод для обеспечения экспедиции. Попытаемся рассмотреть историю поисков руды на Южном Урале и в Зауралье подробнее, опираясь на книгу Е. А. Курлаева и И. Л. Маньковой, посвященную освоению рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке,— она содержит наиболее полное изложение событий. Память о работах по поиску серебряной руды «отозвалась» в виде пометки «Урал серебряные руды» на одной из карт, составленных С. У. Ремезовым.

Поиски руды начались в 1669 году. Для работ был создан специальный полк с численным составом более 2000 человек. Кроме солдат, которые должны были, очевидно, выполнять и функции работников, в отряд экспедиции входили различные специалисты: рудознатный мастер Кристиан Дробыш, его ученик Карлис Римит (Карлус Риман), мастера серебряного дела Яган Инсберх и Яков Блуд; вспомогательный, или обеспечивающий персонал составляли: четыре каменщика, четыре кирпичника, четыре печника, двенадцать плотников, два сапожника (для изготовления мехов), обручник и угольный мастер, два серебряных мастера, два котельника, шесть кузнецов с инструментом и лекарь [25, с. 156–157]. Как видим, практически все специалисты по рудному делу — иностранцы. В дальнейшем я не буду приводить численность отрядов и перечислять специалистов. Скажу лишь, что общие характеристики экспедиций оставались

такими же. Хотя на месте, то есть непосредственно в разведочных, поисковых работах было задействовано меньшее количество людей. Полевыми изысканиями 1669 года руководил сам тобольский воевода стольник Петр Иванович Годунов. Отряд работал близ места впадения рек Большой и Малой Тесъм (Тасьм) в Ай. Полученные десять пудов образцов руды были отправлены в Москву с Кристианом Дробышем [Там же].

В 1670 году работы на горе в междуречье Тесъм продолжил М. Селин. Был произведен новый «набор» иностранных специалистов, которых привезли из Германии (то есть из германских земель) в Москву в сентябре того же года. Параллельно проводились работы на другом участке, который был выявлен после нового допроса старца Лота. Новое перспективное место называлось Биабья гора и находилось в 20 верстах от озера Иртяш. Работы на Биабьей горе возглавлял тобольский боярский сын Федор Фефилов. Руда, добытая М. Селиным, при выплавке дала 7–8 золотников серебра на каждый пуд [Там же, с. 158–159].

Обнадеженные положительным результатом, власти отправили следующей весной очередную экспедицию во главе с М. Селиным. Из специалистов был послан Христиан (Кристиан) Дробыш.

Фрагмент чертежа «Вершина реки Тобола» из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова. В Уральских горах, западнее озера Чебаркуль есть надпись «Серебряные руды». Очевидно, это напоминание об экспедиции по поиску серебряной руды 1669–1673 годов

11

В другом издании тот же текст дается с небольшими отличиями в окончаниях слов, сочетаниях [16, с. 211–213].

Работать экспедиция должна была как у речек Тесъм, так и на Биабьей горе. Добрались до Кайтского острога уже осенью, работы толком не получилось: десять дней находились на Биабьей горе, а до Тесъм так и не добрались. Затем Дробыш поехал в Москву и, будучи перехвачен в Великом Устюге, никак не желал ехать обратно на Урал. В это время был назначен новый руководитель работ — думный дворянин воевода Яков Хитрово. Именно в последний период работ, в 1672 году, между речек Тесъм и был поставлен Уральский острожек, или Уральский городок, который должен был служить базой экспедиции. Одно из описаний острожка сообщает: «...на тех речках строят рубленый город с тарасы. Длина и ширина по городу по сороку сажень, а вышину две сажени печатных» [25, с. 175]. Другое описание гласит: «...рубленой небольшой городок, а по мере государь того городка две стены по сорока по пяти, две стены по тридцати сажень, а над [углы?] и над ворота башни четвероугольные» [49, д. 881, ч. 2, л. 344]. Вообще, предполагалось построить полноценный острог, со рвом и острожной стеной, но поскольку скальный грунт не позволял выкопать ров, то решили ставить тарасный городок, то есть составленный из срубов. Строительство заняло десять дней [26, с. 16–17; 49, д. 881, ч. 2, л. 343–344]. Поисковые работы велись в различных местах в 1672 и 1673 годах. В результате серебряная руда так и не была обнаружена. Но уже весной 1673 года последовал царский указ о переносе работ в Ярославский уезд. Был один интересный момент в царском указе об окончании поиска руды на Урале: после отъезда экспедиции существование нового Уральского городка оставалось на усмотрение тобольского воеводы, при необходимости острог мог быть сохранен [25, с. 183; 49, д. 881, ч. 2, л. 492]. Тобольские власти, видимо, сочли содержание городка, столь удаленного от сибирских слобод, нецелесообразным, и он был сожжен [16, с. 211–213; 24, с. 44; 42, с. 165]. Вполне возможно, что сожжение этого городка сыграло впоследствии негативную роль для русских интересов в Зауралье: построенный после подавления обширного восстания 1662–1669 годов городок был символом права русских на территорию Зауралья, а уход с восточных склонов Южного Урала и уничтожение своими руками

острога могли быть восприняты как слабость, отказ от военного присутствия на этих землях.

Отголоском этих событий выглядит обозначенное на «Грунд-рисунке», составленном в 1741 году шихтмейстером Федором Санниковым место, «где работал из Москвы думный дьяк» [9, д. 3020]. Карта была составлена по итогам работы разведочной экспедиции в составе шихтмейстера Ф. И. Санникова и маркшейдерского ученика А. И. Кичигина, работавшей на Южном Урале в 1741 году [8, д. 867, л. 679–686 об.]. Характерная деталь — место работы экспедиции XVII века было найдено по рассказам башкир. Естественно, информация претерпела некоторые изменения. «Багарякской слободы крестьянин Никита Катанаев объявил о копиях старых: имеются-де копи в Урале, в называемой Думбай-горе в чертеже Сызгинской волости, о которой сказывали ему башкирцы, что в давние годы те копи разрабатывал думный боярин с Москвы. А сколько тому подлинно годов, и как звали — не знает... Сызгинской волости деревни Миягеуевой башкирец Идзжимас Ускайлов сказал, что помянутую гору Думбай знает, и копи видал, и слышал-де от стариков, что оные копи копал думный боярин Демка, а чей прозванием — того он не знает... Башкирец Идзжимас Ускайлов при том же сказал, что оный думный боярин пошел от Уфы и до Яику, и был в том правлении два года, и умер во оных горах. А из которого города, с какими людьми и многолюдством ли, и что он сыскивал, такожде колико лет тому назад, и которою дорогою ездил, и не плавил ли чего в каких печках где, и не работал ли где в других местах, о том он, Идзжимас, не знает» [Там же]. Экспедиция нашла и городище на озере Иртяш, о котором упоминал старец Лот, точнее, нашли три городища и «чудские копии»¹² [Там же, л. 690–691].

12

В XVII–XVIII веках существовала легенда о народе «чудь» (чудь белоглазая), который жил в Уральских горах и спрятался под землю, когда пришло новое население. Традиционно все древние разработки на Урале называли «чудскими копиями» либо, в более южных местах, «татарскими копиями».

Сыск стольника Гаврилы Тухачевского и сыск тобольского дворянина Ивана Полозова

Осенью 7203 года, то есть в 1694 году, башкиры Уфимского уезда Сибирской дороги Улукатайской и Салзаутской волостей Амагуза Аккузин, Якшимейка Корданов (Кордашев), Кошкильдей Канаев, Ябалачко Кучуков и Анчурка Анчуков подали челобитную, в которой говорилось об обидах, причиненных им русским населением. Вначале описывались заслуги их предков, в частности: «...о строении дедов Ямагускиных Шугуром Девлетарлолузовым (?), города Уфы и о наговоре под высокодержавную руку блаженныя памяти великого государя Царя и Великого князя Михайла Феодоровича всей России касимовского царя Араслана Алексевиича, а за то де о пожаловании ево Шугура княжим именем. И о взятии в полон дяди ево Ямагускиным Куякялдеем Якшидевятевым своим особым полком приходившаго под го(суда)ревы города войною Облада Девнея и о полонении царевича Канширя Облаевича с женою, сестрою, и з детьми и черных калмык» [7, д. 127, л. 37]. Далее идет описание их вотчинных земель: «...старинную прадедов и отцов их в Уфимском уезде вотчину, по рекам Ревле, Сысое (Сысерти.— Г. С.), Исете и по речке Иремеле (Арамили.— Г. С.), по озеру Оттару, по реке Синару, Багаряке, по озеру Савайку, по речке Марамке, по озеру Кокляну, по речке по Цечех (Тече.— Г. С.), по озеру Чухояку, по озеру Аледи, по озеру Авелге (Уелги.— Г. С.), по реке Миясе, по реке Каразылге, да по озеру Маяну» [Там же; Там же, д. 121, л. 90]. Башкиры жаловались на притеснения и разорения со стороны сибирских и тобольских людей и просили послать в Катайский острог «сыщика и воеводу», чтобы провести расследование о пришлых людях.

20 декабря 1894 года государи Иван Алексеевич и Петр Алексеевич «указали и бояры приговорили, тот Катайский острог и слободы Ременскую, Камышевку, Колчудан, Чулмакову, Бело Ярскую¹³ и Исетскую, и деревни Багаряк и Алабугу ведать в приказе Казанского дворца потому, что тот острог и слободы

и деревни в близости к Уфе и смежны с Уфимским уездом и башкирскими вотчинами и от Тобольска в дальном разстоянии, да и для того, чтобы ссор не было с башкирцами. Для приему того острогу, слобод и деревень и описи послать стольника Гаврилы Тухачевского и острог, слободы и деревни, приказных людей принять и описать всех подлинно людей, что есть... и до их, великих государей, указу быть ему в том остроге и в убытках, и в разорении и в сметном убивстве против башкирского челобитья розыскать. И земли и бортные угодья и всякия угодья уфимских башкирцов с теми новпоселенными слободами и деревнями развесть и размежевать по писцовому наказу. И тот розыск и межевые книги прислать в Казанский приказ»¹⁴ [Там же, д. 127, л. 37; 61, с. 46]. И в публикации В. Шишонко, и в одном из цитированных вновь выявленных документов после этого фрагмента сразу начинается изложение результатов сыска Ивана Полозова, и, естественно, возникает полное ощущение, что вместо Г. Тухачевского розыск проводил И. Полозов и выявил он полное несоответствие реальной ситуации обстоятельствам, изложенным в челобитной башкир [7, д. 127, л. 37; 62, с. 46].

На самом деле сыск стольника Гаврилы Тухачевского состоялся, и его результаты вполне соотносились с челобитной башкир и с информацией, приведенной в царском указе. В другом деле из ГАПК кратко изложены выводы розыска стольника Тухачевского, пропущенные в публикации В. Шишонко. Выглядят они следующим образом: «...по сыску посланных в Катайской острог стольников Тухачевских (так в документе.— Г. С.) явилось: деревни, острог и слободы Колчеданская, Камышловская, Арамилская, Белоярская, Багарятская и деревня Песошная и Чумлятская на башкирской земле. Меж тех слобод Колчеданской [и] Камышловской деревня Каменска — из Сибири Успенского Далматова монастыря живут прихожия люди. Да во близости того ж Катайского острогу построены слободы и деревни на татарской земле род их же башкирцев,

¹⁴

Напомню, что Уфимский уезд находился в ведении приказа Казанского дворца, а Тобольский, Тюменский, Верхотурский и прочие уезды к востоку от Уральского хребта — в ведении Сибирского приказа.

¹³

В «Пермской летописи» написано «Белозерскую» [62, с. 46].

а отняли у них прихожая люди и поселили слободы Камышловская, Красноярская и деревня Тамакульская» [Там же, д. 121, л. 90 об.].

Здесь сразу же возникает вопрос о дублировании в тексте документа названия Камышловской слободы, причем в разных контекстах. Можно с уверенностью сказать, что и в первом, и во втором случае имела место ошибка переписчика. Таких ошибок много в каждом из документов — ни один из них не совпадает по написанию многих фрагментов (точнее, слов в этих фрагментах) с аналогичными частями других копий. В первом и втором упоминании в документе, очевидно, имелась в виду Камышевская слобода на Исети, которая упоминалась в указе Ивана и Петра Алексеевичей. А вот в последнем предложении цитаты, где Тухачевский сообщал о слободах, поставленных на татарской земле, речь шла именно о Камышловской слободе на реке Пышме. Это подтверждают и названия двух населенных пунктов, указанных вместе с Камышловской слободой в этом случае, — Красноярская слобода на Пышме и Тамакульская на реке Атяж, между Пышмой и Исетью. Под деревней Каменской здесь подразумевается заимка, или поселье, Далматова монастыря на речке Каменке, где добывали руду и плавиле железо. Практически все эти поселения (за исключением Тамакульской слободы / деревни) отображены на карте С. У. Ремезова, и заимка Далматова монастыря показана как раз между Колчеданским острогом и Камышевской слободой (смотри рисунок на с. 176–177).

Таким образом, обследование территории, проведенное стольником Гаврилой Тухачевским, не только подтвердило справедливость претензий башкир, но и выявило, что и другие слободы построены на вотчинных землях местного тюркского населения («на татарской земле, род их же башкирцев»). Характерно, что Исетская слобода (Исетский острог), указанная в царском указе, в тексте, излагающем итоги розыска Г. Тухачевского, отсутствует. Очевидно, стольник понимал, что если подтвердится принадлежность территории, отведенной Исетскому острогу, тем же татарам, это чревато слишком большими последствиями. Напомню, что Исетский острог был поставлен в нижнем течении

Исети, и между Катайским и Исетским острогами располагались следующие русские населенные пункты: Успенский Далматов монастырь с селом Воскресенским (Служней слободой) и деревнями, Крутихинская, Барневская, Шадринская, Масленская и Усть-Миасская слободы, Мехонский острог, Терсютская слобода, земли Кондинского Рафаилова монастыря. То есть речь шла бы уже о практически всех землях по Исети, а следом потянулись бы еще и земли по Пышме, как показывают результаты выполненного Г. Тухачевским обследования. Столь обширный передел территорий выглядел, очевидно, чрезмерным. Как показало развитие событий, и тот вариант размежевания уездов, который прописал стольник Тухачевский, оказался нереальным.

6 марта 1695 года из Сибирского приказа в приказ Казанского дворца «объявлено тако: естли Катайской острог, слободы и деревни написанныя в той грамоте отдать в ведомство в приказ Казанского дворца, то за прописанными в той памяти резоны и что в Тобольске и в иных городех в хлебных записях будет большее оскудение» [7, д. 121, л. 90 об.]. Напомню: в последней трети XVII века четыре уезда Тобольского разряда (Тобольский, Тюменский, Верхотурский и Туринский) обеспечивали большую часть казенных хлебных поступлений в Сибирь [63, с. 9]. Иначе говоря, только к этому времени Сибирь перестала полностью зависеть от поставок продовольствия (в первую очередь хлеба) из Европейской России. А наиболее плодородными были земли по Исети и Пышме, поэтому расположенные там слободы были особенно важны для снабжения населения Сибири своим хлебом.

В этих условиях руководство Сибирского приказа достаточно четко одной фразой показало чиновникам приказа Казанского дворца (а также и государям Ивану и Петру Алексеевичам), какие последствия для экономики Сибири и страны в целом может иметь возвращение земель по Исети и Пышме башкирам. Но поскольку имелся царский указ о передаче слобод в ведение Казанского приказа, а также результаты сыска стольника Г. Тухачевского, то просто отказаться выполнять указ было невозможно. Необходимо было какое-то обоснование. И оно появилось.

Объяснив, чем грозит экономике Сибири справедливое размежевание земель слобод с башкирами, авторы послания дальше сообщали: «Для чего в Тобольску, в приказной палате и велено справится: близ Катайского острогу деревни Багаряк, да слободы Ременская, Камышевска, Колчюдан, Белоярская, Чулманова и деревня Алабуга в Тобольском уезде есть ли, и сколько в них дворов поселено, и сколько далеко от Тобольска и от башкирских жилищ. И теми Катайского острогу и прежде теми землями до башкирской войны и после кто владел — старожилых розыскать. Башкирцы за Каменем на Сибирской стороне изстарь ли живут или вновь поселились и сколь давно, и до них кто на той земле жил, где ныне башкирцы живут. И сколь те остроги и деревни от Тобольска и от башкирских жилищ далеко и меж тех острогов, слобод и деревень нет ли где башкирских жилищ? Для которого розыску и послать нарочного по той Сибирского приказу грамоте в показанья остроги и слободы для переписи всяких людей и досмотру земель и всяких угодей и башкирских жилищ на сибирской стороне Камени, посылан тобольской дворянин Иван Полозов да подъячей Лапин, кои приехав в Тобольск переписные книги сыск и досмотр, а в сыску и в книгах тобольского дворянина Полозова и подъячего Лапина написано...» [7, д. 121, л. 91].

Фактически это опросник с тенденциозно сформулированными и выстроенными вопросами. К примеру, начало вопроса выглядит совершенно нормально: «Башкирцы за Каменем на Сибирской стороне изстарь ли живут или вновь поселились[?]». Такой вопрос подразумевает два варианта ответа, и его можно было бы считать корректным, если бы дальше не было продолжения: «и как давно[?]». Это дополнение сразу ставит под сомнение вариант ответа о том, что башкиры живут на этой земле «изстари». А затем следует завершение вопроса, которое фактически окончательно диктует ответ на первую его часть: «и до них кто на той земле жил, где ныне башкирцы живут?». Взятый целиком, вопрос программирует ответ, особенно у заинтересованных людей, что мы и видим в тексте сыска И. Полозова. Заинтересованными оказывались практически все представители русского насе-

ления Зауралья, поскольку для одних возвращение земель башкирам грозило потерей своих пахотных угодий, а для других, живших в слободах, не указанных в челобитной башкир, означало переселение в их поселения лишившихся земли крестьян и усиление конкуренции за земельные угодья.

Приведем результат сыска, кратко описанный в следующей большой цитате из документа: «А на которых землях и угодья[x] те вышеписанные остроги и слободы построены, и те земли и угодья были сибирского царя Кучюма улусных людей; а как Кучюма с улусными людьми Ермак Тимофеевич с товарищи побил и Сибирь взял, и после ево взятыя теми землями владели тобольские и тюменские служилые и ясашные татара для промыслов по заимкам, кто где занял, потому в те годы в Сибире русских людей было малолюдство. А башкирцы жили за Каменем в Уфинском уезде и живучи великому государю изменили, ни хотя ясаку платить на Уфу, по Каме многие русские деревни войною разорили, и с уфинской стороны Камени бежали на сибирскую сторону Камени и на угожих местех поехали жить, и тобольским [и] тюменским татаром с тех земель и угодей давали кортомные деньги. И чая от них башкирцов шатости, для осторожности от приходу воинских людей и от их башкирской шатости впредь для прибыли великому государю вышеписанные остроги и слободы построены на сибирских землях и угодьях по указу великих государей, а не на башкирских вотчинах и угодья[x]; а те де башкирцы, живучи на сибирской стороне Камени, великому государю изменили и в острогах и слободах многое разоренье учинили; а как их полковою службою смирили, и от того воровства бежали оне на уфинскую сторону Камени и после того, не в равных летех переехав на сибирской стороне Камени почали жить и всякое утеснение чинить руским людем. А башкирские их жилища и вотчины на уфинской стороне Камени, по Белой, по Аю и по Уфе и в ыных тамошних местех, и те их вотчины и угодья от сибирских земель и угодей отделил Камень Урал до Яицких вершин, и межа земли посреде того Камени, ис которых мест в Сибирь потекли реки, также и з другой стороны Камени потекли воды в Уфинской уезд в русские реки. А по досмотру на сибирской стороне Камени Вб[л]изости

вышеписанных острогов, слобод, на данных старинных сибирских Катайского и иных острогов слобод русских людей землях явились башкирские жилища многие» [29, с. 96].

Иначе говоря, согласно данным, собранным Иваном Полозовым, башкиры изначально жили за Уральским хребтом, то есть в Приуралье, и на восточную сторону Урала перешли только после восстания (войны) 1662–1669 годов. Земли к востоку от Урала до похода Ермака относились к Сибирскому ханству, а после вхождения их в состав Русского государства были вотчинами ясачных и служилых татар. И уже башкиры обвинялись в том, что они поселились на старинных землях русских слобод. Выглядит все достаточно логично, если не принимать во внимание многочисленные документы первой половины XVII века, упоминающие башкир, живших к востоку от Уральского хребта, а также то, что та самая «башкирская война» в 1662 году началась именно в Зауралье с нападения на Катайский острог и Далматов монастырь.

Сопоставив «опросник» и результаты обследования, проведенного И. Полозовым, можно увидеть, что информация крестьян и беломестных казаков зауральских слобод очень четко коррелирует с вопросами, сформулированными Сибирским приказом, и абсолютно расходится с реальной ситуацией в Зауралье в XVII веке.

Я не буду углубляться в подробный разбор истории территории первой половины XVII века, процитирую лишь несколько документов, которые указывают на существование башкирских волостей в Зауралье в то время. «Лета 7143 (1635) года июня в 20 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея России указу память Федору Ивановичу Коловскому да с ним уфинцом детям боярским и конным стрельцом ехать им по Сибирской дороге в Кущинскую и в Балыкатайскую и в Челзоутскую и в Каратабынскую и в Айскую волости за Урал гору и приехав им в те волости велети выслать башкирцев по сю сторону Урала горы кочевати в крепкие места...» [33, с. 214]. Более того, башкирские волости были и по Исети, о чем говорит документ 1623 года: «...съехались Уфинского уезду Катайской волости татарове и Верхотурского уезду сырянцы» [31, с. 342]. А вот более

поздний документ: «...приезжали те воинские люди к нему Козюбайку к юртам (на Исети выше устья Течи.— Г. С.) от Билягиля да пошли назат к Билягилю ж в Катайские волости» [Там же, с. 468] (Билягиль — по всей вероятности, нынешнее озеро Беликуль в Красноармейском районе Челябинской области). Ну, и в завершение документ 1647 года: «...объявились де на Исете реке, усть речки Суварыш, воинские люди человек с 300, а идут от уфинских катайских волостей на наши ясачные волости и Тобольского уезду на слободы» [Там же, с. 608].

Результатом сыска И. Полозова стало появление в мае 1696 года нового указа, который завершился таким оборотом: «А в которых местах на сибирской стороне ныне башкирцы живут, и им большаго земель давать не велеть, и Тобольского уезду слобоцким крестьяном с ними, башкирцы задору никакого чинить не велеть же; а Гаврила Тухачевского, или хто впредь прислан будет из Приказа Казанского дворца, без указу великого государя и без грамоты из Сибирского Приказу Тобольского уезду в слободы ни для каких дел пускать не велеть же» [29, с. 99]. Таким образом, указ закреплял сложившуюся на момент его выхода ситуацию разграничения земель, отвергая претензии башкир на территории, занятые русскими слободами. Более того, авторы указа приняли меры, чтобы фальсификации сыска И. Полозова не были разоблачены, запретив автору первого обследования стольнику Г. Тухачевскому и вообще любым людям, посланным из приказа Казанского дворца, проводить любые работы на территории Тобольского уезда, если у них не будет грамоты Сибирского приказа.

Фактически по итогам этого спора явочным порядком была определена граница башкирских земель и «русских» уездов в Зауралье. То есть те земли, которые были отведены слободам, оставались за русскими, а дальше на юг и запад русские крестьяне и казаки селиться не могли. Последние (до середины XVIII века) слободы были основаны в 1690-е годы: Тебеньякская — в 1694-м, Солтосарайская — в 1693-м. Причем поставлены они были уже не на новых неосвоенных землях, а внутри колонизированной территории.

Сыск И. Полозова, точнее, его официальные результаты, имели весьма значительные последствия

не только в плане сохранения сложившейся структуры русских поселений по Исети, но и для формирования историографической традиции. Г. Ф. Миллер, описывая границы Сибирского ханства и входившие в его состав территории и население, отмечает: «Башкиры... уверяют, будто они тоже состояли под властью Кучума. Но этому тем более нельзя верить, что из последующего изложения будет видно, что башкиры в то время еще не жили в пределах Сибири, но, как и большая часть этого народа в настоящее время, имели свое местопребывание по ту сторону Урала, в пределах Уфимского уезда» [31, с. 194]. Работа Г. Ф. Миллера является базовой для любого исследователя Зауралья и Сибири, поэтому тезис о том, что сибирские татары и башкиры к моменту вхождения Зауралья в состав Российского государства представляли собой два сложившихся народа, становится принимаемым априори. Более того, крупнейший исследователь этнической истории башкирского народа Р. Г. Кузеев писал: «Г. Ф. Миллер был прав, когда писал, что “нельзя верить” тому, что башкиры “состояли под властью хана Кучума”, так как в то время “они еще не жили в пределах Сибири”. В источниках XVII–XVIII вв. довольно часто можно прочитать: башкиры в Сибирь “пришли из-за Камня и не владельцы здешних мест”; “прежние их, башкир, жилища и всякие их угодья за Камнем на уфимской стороне”. Чтобы пересмотреть точку зрения крупного знатока истории Сибири Г. Ф. Миллера, подтвержденную к тому же сведениями Ремезовской летописи, нужны новые серьезные источники, которые пока не обнаружены» [22, с. 282]. Обратим внимание на то, что Р. Г. Кузеев апеллирует к работе Г. Ф. Миллера и к тем самым материалам сыска И. Полозова, опубликованным в первой части «Материалов по истории Башкирской АССР» [29, с. 86, 88]. Он совершенно справедливо писал, что до появления новых серьезных источников пересмотреть изложенную точку зрения сложно. Но мы полагаем, что выявленный источник о результатах сыска Г. Тухачевского и дополнительная информация по обстоятельствам проведения сыска И. Полозова, в частности характер вопросов, которые предписывалось задавать зауральским крестьянам и казакам при проведении последнего, и причи-

ны его организации,— этого достаточно для того, чтобы усомниться в «корректности» результатов, полученных И. Полозовым. Противоречат материалам сыска Полозова и изложенные выше результаты исследований, показывающие, что разделение единой культурно-хозяйственной общности зауральских тюрков на башкир и сибирских татар произошло уже в составе Российского государства.

Таким образом, мы можем достаточно уверенно сказать, что сыск И. Полозова являлся ангажированным мероприятием, вопросы, задававшиеся зауральским крестьянам и беломестным казакам, носили тенденциозный характер (сегодня подобные мероприятия называются «формирующими опросами»), а результатом сыска стала фальсификация истории.

В результате земельных споров между башкирами и жителями зауральских слобод в 1694 году была установлена граница русского расселения. Как будет показано дальше, русские активно взаимодействовали с башкирами, брали в аренду озера и прочие угодья, но селиться на вотчинных землях ясачных людей Уфимского уезда не могли.

Список источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4: 1645–1676. СПб., 1842. 572 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5: 1676–1700. СПб., 1842. 572 с.
3. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 400 с.
4. Будицкий П. И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. 353 с.
5. Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII в.) : сб. док. / сост. И. Л. Манькова. Свердловск : Урал. отд-ние АН СССР, 1992.
6. ГАГШ. Ф. 224. Оп. 1.
7. ГАПК. Ф. 177. Оп. 2.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.
9. ГАСО. Ф. 59. Оп. 3.
10. ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1.
11. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1.
12. Дмитриев А. В. Полки «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века : монография. Новосибирск : Новосибир. гос. ун-т, 2008. 237 с.
13. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. Т. 3: 1645–1654. СПб., 1848. 564 с.
14. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. Т. 4: 1655–1664. СПб., 1851. 446 с.
15. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. Т. 9: 1676–1682. СПб., 1875. 376 с.
16. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии касающихся. Изд. 2-е. Ч. 3. М., 1788. 492 с.
17. Зыков А. П., Манькова И. Л. «Шлем Илигея» — реликвия Далматовского Успенского монастыря (к вопросу о формировании культа праведного Далмата) // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С. 110–116.
18. Зыков А. П., Манькова И. Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2000. С. 315–332.
19. Карсонов Б. Н., Манькова И. Л. Старец Далмат: человек и святой // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры (600-летию памяти святителя Стефана Великопермского) : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1. Пермь, 1997. С. 178–179.
20. Корчагин П. А. История Верхотурья (1598–1926 гг.). Екатеринбург : Банк культур. информ., 2001. 180 с.
21. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская), со 154 рисунками. СПб., 1880. 110 с.
22. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. 570 с.
23. Курилов В. Н. Крест на перекрестке: свидетельство XVII столетия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 10: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Ч. 2. С. 69–72.
24. Курлаев Е. А. Определение маршрута и района работ крупнейшей поисковой экспедиции XVII в. под руководством Т. Селина и Я. Хитрово // Россия и Восток: история и культура : материалы IV Междунар. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск : Омск. фил. Объедин. ин-та истории, филологии и философии, 1997. С. 42–45.
25. Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М. : Древлехранилище, 2005. 324 с.
26. Летопись Челябинской области : сб. док. и материалов : в 3 т. Т. 1. 1673–1917. Челябинск : Книга, 2008. 399 с.
27. Макарий, архим. (Миролюбов Николай Кириллович). Распространение христианства в Пермской епархии // Журн. М-ва нар. просвещения. 1857. Ч. 93, отд. 2. СПб. : Тип. Имп. акад. наук. С. 225–280.
28. Маслюженко Д. Н., Самигулов Г. Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в. // Вопр. истории. 2017. № 1. С. 57–72.
29. Материалы по истории Башкирской АССР : в 3 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 631 с.
30. Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии : монография. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 200 с.
31. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. Т. 1. 3-е изд. М. : Вост. лит., 2005. 630 с.
32. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. Т. 3. М. : Вост. лит., 2005. 598 с.
33. Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. 271 с.
34. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1.
35. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1.
36. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (в Екатеринбургской епархии Пермской губернии). Екатеринбург : Тип. М. И. Филипповой, 1891. 113 с.
37. Осинская писцовая книга Палицына и Аристова 1596 года // Пермская старина : сб. ист. ст. и материалов, преимущественно о Перм. крае. Вып. 8: К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации / сост. А. А. Дмитриев. Пермь, 1900. 183 с.
38. Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. 551 с.
39. Пестерев В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII вв. : монография / науч. ред. В. В. Менщиков. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.
40. Плотников Г. С. Очерки истории бедствий Далматовского монастыря и частию края с 1644 по 1742 год // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Генварь — март. Кн. 1. М. : В унив. тип., 1863. С. 72–114.
41. Полное собрание законов Российской империи. Т. 14: с 1754 по 1757 г. СПб., 1830. 997 с.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповских летописей. М. : Наука, 1987. 382 с.
43. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М. : Наука, 1972. 261 с.
44. Пузанов В. Д. Военно-политические факторы колонизации Приисетья. Шадринск : Исеть, 2001. 46 с.

45. Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX вв.) // История Курганской области : в 7 т. Т. 7. Управление Южного Зауралья в досоветский период. Курган : Курган. обл. о-во краеведов, 2002. С. 7–212.
46. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.) : монография. СПб. : Алетей, 2010. 432 с.
47. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1.
48. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1.
49. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3.
50. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. 2. СПб., 1875. 661 с.
51. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренб. отд-ние ИРГО. 405.
52. Самигулов Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Чебаркуль ; Челябинск : Книга, 2011. 280 с.
53. Самигулов Г. Х. К изучению исторической географии территорий по Исети и Пышме XVII века // Вестн. Перм. ун-та. 2016. Сер. История. № 1 (32). С. 84–95.
54. Самигулов Г. Х. Материалы сыска тобольского дворянина Ивана Полозова 1695 года в свете вновь выявленных документов // Науч. диалог. 2016. № 9 (57). С. 217–229.
55. Самигулов Г. Х. Слободское расселение как способ отчуждения вотчинных земель ясачного населения: Туринский и Тюменский уезды XVII века // Вестн. Омс. ун-та. 2017. Сер. Ист. науки. № 3 (15). С. 238–248.
56. Самигулов Г. Х. Татары служилые, захребетные, ясачные: Тюменский уезд XVII века // Науч. диалог. 2018. № 3. С. 198–208.
57. Самигулов Г. Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен — практические размышления о теории // Золотоордын. обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369.
58. Самойлов Н. Описание Далматовского Успенского мужеского монастыря, состоящего в Пермской губернии. М., 1830. 35 с.
59. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8./ Д. 2./ Д. 3.
60. Стариков Ф. М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1881. 264 с.
61. Шишонко В. Пермская летопись. 1263–1881 гг. Четвертый период: 1676–1682 гг. Пермь : Тип. губерн. зем. управы, 1884. 653 с.
62. Шишонко В. Пермская летопись. 1263–1881 гг. Пятый период: 1682–1725 гг. Часть вторая: 1694–1701 гг. Пермь : Тип. Перм. зем. управы, 1887. 659 с.
63. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М. : Наука, 1946. 228 с.

Река Ай. Май 2015 года.
Фото: В. Шарпов

История Южного Урала

6
ТОМ
глава

ЮЖНОЕ
ЗАУРАЛЬЕ
в конце XVII —
первой трети
XVIII века

Глава 7. ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ в конце XVII — первой трети XVIII века

Общие изменения ситуации в регионе

Практически весь XVII век для Южного Зауралья основную угрозу представляли калмыки. Если еще в начале века в донесениях постоянно транслировались тревожные вести о возможном набеге «царевичей» (потомков хана Кучума) и ногайцев, то уже в начале 1620-х годов калмыки вытесняют ногайцев на запад за реку Яик (Урал). Калмыками называли представителей западно-монгольских племен, ушедших из Монголии на запад после столкновений в Монголии конца XVI — начала XVII века. Самоназвание их было «ойраты», но в Зауралье за ними закрепилось обозначение «калмак» или «калмык». С их приходом Кучумовичи обретают новых союзников. В 1630-е годы нападения калмыков на ясачные волости и русские селения Зауралья становятся постоянными. Зачастую отряды нападавших возглавляли Кучумовичи Аблай и Девлеткирей [36, с. 115–134]. При этом калмыки могли не только кочевать в верховьях Тобола и на Ишиме, как обычно, но и останавливаться на зимовку в лесной части Зауралья. В 1636 году направленный из Уфы отряд разгромил калмыцкий стан в верховьях реки Уфы, в плен были взяты царевичи Аблай и Тевкей [Там же, с. 126]. Ситуация в целом достаточно хорошо отображена на одной

из самых ранних дошедших до нас карт Сибири, составленной в 1667 году по распоряжению тобольского воеводы П. И. Годунова. На ней мы видим, что вся южная, степная, часть Зауралья и Западной Сибири обозначена как «Урлюковы (земли)», «Кучюковы (земли)» и «Калмыки». Урлюк — имя тайши одного из калмыцких объединений. Кучюк — правнук Кучума, фактически тесно связанный с калмыками. Ну а словом «калмыки» обозначалась не персонализированная часть ойратского сообщества.

Угроза нападения калмыков сохранялась практически до конца XVII века. К этому времени основная часть калмыков, кочевавших в Зауралье, ушла за Яик, и в 1657 году тайши калмыцких племен торгоутов принесли шерть русскому царю [73, с. 105]. Но нападения на ясачных людей, особенно на охотничьих угодьях по Тоболу, Ишиму, продолжались еще достаточно долго. По крайней мере, еще в 1670 году ясачные татары из разных волостей Тюменского уезда объясняли неуплату ясака в том числе и «потому, калмыцкие де воинские люди Кучюмовы внучата Кучюк с братьею и с племянники от Тюмени города и от Тюменского уезду у ясачных волостей кочуют по речкам блиско днищам в двух и в трех, по которым местам они, ясачные люди, прежь всего всякой зверь и белку илет по борам добывали и по вотчинным своим речкам бобры и ярцы и кошлоки и лисицы на зверовьях в степи промышляли» [71, л. 246]. Значительная часть ойратов, объединившись в составе Джунгарского

Карта Сибири 1667 года, известная как «Карта П. И. Годунова». Ориентирована на юг.

В верхней (южной) части земли, прилегающие к Зауралью, обозначены как «Калмыки», «Кучюковы» и «Урлюковы»

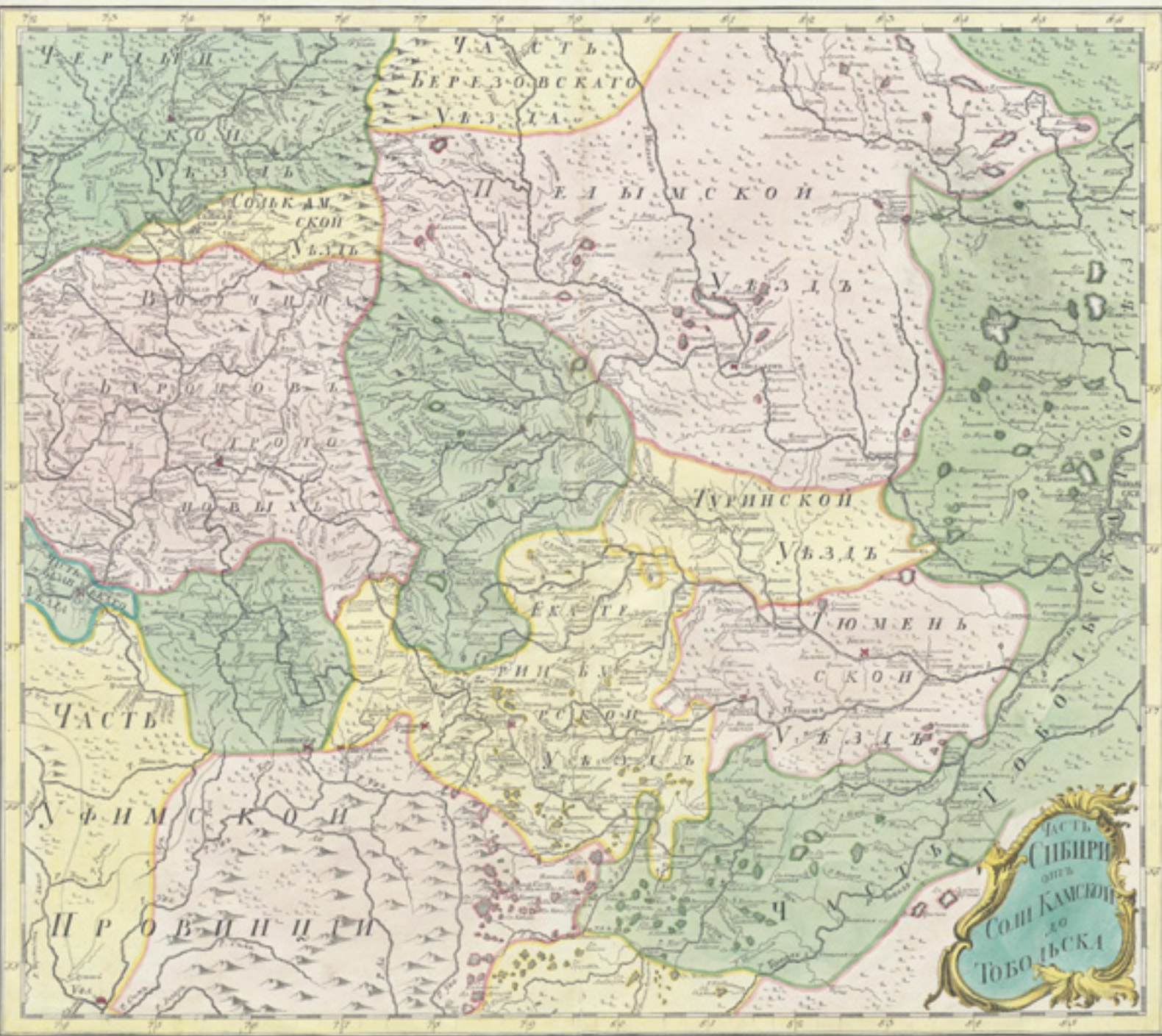
Фрагмент карты «Административное деление Сибири XVII века» из монографии Б. О. Долгих.

Показаны Верхотурский, Березовский, Туринский, Тюменский, Тобольский и прочие уезды

ханства в верхнем течении Иртыша, представляла серьезную опасность для соседних государств, но постоянная угроза набега калмыков на слободы или ясачные волости Зауралья в конце XVII века снизилась. В результате противостояния Джунгарского ханства и казахских жузов, после поражения в 1723 году на север, к Тоболу, Ую, Яику или, как пишет С. У. Таймасов, «к российским границам» [72, с. 142], были вынуждены уйти казахи Младшего жуза. Возникают новые противоречия, поскольку казахи занимают пастбища, которыми пользовались башкиры и калмыки, начинаются трения казахов с яицкими казаками. События этого времени достаточно подробно описаны у Г. Ф. Миллера [36], в ряде современных работ [34; 42; 49 и др.].

Произошли достаточно серьезные изменения в административных границах в Зауралье и Западной Сибири. Если Тюменский уезд в начале XVII века включал в себя территории по Тоболу между устьями Исети и Туры, земли по Исети и Пышме до верховьев, то к концу XVII века он достаточно сильно сократился, уступив территории Тобольскому уезду. В 1720-е годы возникло Екатеринбургское ведомство, или Екатеринбургский уезд, забрав, в свою очередь, часть территорий у Верхотурского и Тобольского уездов. Оценить изменения в целом можно, сопоставив карту административного деления Сибири в XVII веке, составленную Б. О. Долгих [15] и карту из «Атласа Российского 1745 году» [4]. Хотя атлас вышел в 1745 году, на карте отображена ситуация более раннего времени, максимум 1737 года, поскольку на ней не показана Исетская провинция.

Отдельно стоит рассмотреть ситуацию изменения границ Уфимского и Верхотурского уездов. Выше уже указывалось, что территории по верхнему течению Уфы в XVII веке входили в состав Верхотурского уезда. Ясачное население этих волостей, как и Терсятской и Сынрянской, перешло в уфимский ясак. Но в случае с Терсякской и Сынрянской волостями мы видим, что передачи их территорий Уфимскому уезду не произошло. Реконструкция границы Верхотурского и Тюменского уездов с Уфимским для начала — середины XVII века приведена на карте Б. О. Долгих [15]: на территории Верхотурского и Тюменского уездов показаны ясачные волости, территория Уфимского осталась незаполненной. Таким образом, границы Уфимского уезда оконтурены границами волостей, относившихся к соседним зауральским уездам. Но представляется, что ситуация была несколько иной. Б. О. Долгих показал границы Верхотурского уезда по Исети в верхнем ее течении («Сырянцы»), затем чуть западнее Чусовой в ее верхнем течении и захватывая небольшой участок по Уфе в самой северной ее части. У нас есть возможность посмотреть, как была размежевана территория Верхотурского и Уфимского уездов в самом начале XVIII века: в 1703 году Кунгурский уезд был передан в ведение Верхотурья для нужд заводского строительства, и было велено направить С. У. Ремезова в Верхоту-

рье для составления чертежа Кунгурского уезда [41, с. 207–208]. Чертеж он составил [5]. К сожалению, границы уездов не показаны линиями, как мы привыкли, а описаны в комментариях на самом чертеже. Тем не менее все достаточно понятно. В частности, в верхнем течении Уфы есть пояснение: «По Яманилге и по Тюше до Уфы верхотурская межа

Карта «Часть Сибири от Соли Камской до Тобольска» из «Атласа российского» 1745 года. По сравнению с XVII веком произошли значительные изменения границ Тобольского, Тюменского и Верхотурского уездов,

как за счет перераспределения территории между ними (в пользу Тобольского уезда), так и в связи с появлением нового административно-территориального образования — Екатеринбургского воеводства

«Изящное вновь начертание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду, описи размерам чертежа, грани и межи по рекам с Верхотурьем и Уфюю и с осинцами и со Строгановыми». Карта ориентирована на юг. В верхней части между реками Ямаилга и Тюши указано: «По Ямаилге и по Тюше до Уфы верхотурская межа с уфинцы и по вершине по сей стороне Уфы реки, от Сотника 60 чюмкасов».

Причем по самой Ямаилге показаны «в разделе на речке промыслы кунгурцов и уфинцов по третям. В середине Чусовой указано «Башкиры», а также «Борти и промыслы башкирские», но территории по Чусовой точно входили в состав Верхотурского уезда, позже — Екатеринбургского ведомства

с уфинцы и по вершине по сей стороне Уфы реки, от Сотника 60 чюмкасов¹». Не очень понятно, от какого Сотника до истоков Уфы было 300 километров, а то и больше. Но то, что примерно от реки Тюши территория по правому берегу Уфы относилась к Верхотурскому уезду, понятно. Ямаилга — возможно, река, которая позже называлась (и называется) Серга.

При этом в 1730-е годы земли по обеим берегам Уфы на всем ее протяжении являлись частью Уфимской провинции. Возможно, территория была

1

Чюмкас, или чумкас — единица измерения расстояния, равная примерно 5–7 верстам.

Фрагмент «Чертежа слобод» С. У. Ремезова начала XVIII века. Показана ситуация в верхнем течении Исети, в том числе Каменский завод и «Работные заводы», то есть Утусский завод

Фрагмент «Ланкарты ведомства Екатеринбургского и провинций Соли Камской, Чердынского, Кунгурского, Верхотурского и Туринского уездов, вотчины баронов Строгановых, и заводов статского действительного советника Акинфия Демидова. В ней же и по часте смежно окрестных уездов. Сочинена в 1734, 1735 и 1736 годах. С подлинной рисовал ундер шихт мейстер Афанасий Кичигин, месяца октября 1744 года. При Екатеринбурхе».

В левой части показана «Сибирская дорога Уфимского уезду башкирских жилищ». Река Уфа показана на территории Уфимского уезда. Очевидно, название «Уфимская провинция» еще не закрепилось в обиходе и при составлении карты в 1734 году использовали старое наименование «Уфимский уезд»

расширена в период создания Уфимской провинции, который датируют 1708–1714 годами [9], но этот вопрос проработан крайне слабо, не выявлено даже документов о формировании провинции. Известно, что в 1708 году в состав Уфимской провинции был включен пригородок Оса, до этого относившийся к Казанскому уезду [Там же], могли передать и некоторые территории за Уральским хребтом, хотя обычно передавали какие-нибудь крупные селения с корестностями, а по реке Уфе никаких подобных объектов не было...

Серьезным фактором, значительно повлиявшим на ситуацию в Зауралье, как и на Урале в целом, стало строительство заводов. В начале XVIII века уже были поставлены Каменский и Уктусский заводы на Исети. Впоследствии началось активное строительство металлургических заводов в Среднем Зауралье. Это привело к вытеснению ясачного населения с вотчинных угодий. Поскольку для каждого завода требовались огромные территории: помимо рудников было необходимо большое количество леса — как на строительные нужды, так и для постоянного отжига угля. Напомним, что заводы Урала вплоть до второй половины (а зачастую до конца) XIX века работали на древесном угле. Соответственно леса требовалось действительно много. К заводам покупались и арендовались в первую очередь вотчинные земли ясачного населения. Соответственно, лишившись значительной части территории хозяйствования, ясачные люди были вынуждены переселяться, куда была возможность.

Башкиры и сибирские татары

Тюменский уезд. Нас он интересует в первую очередь постольку, поскольку впоследствии часть территории, находившейся в его составе, отошла к Тобольскому уезду, а позднее к Исетской провинции. Как было показано выше, в Тюменском уезде основная часть территории к концу XVII века отошла к слободам, население которых не подчинялось тюменскому воеводе. Тюркское население было оттеснено с большей части своих вотчинных угодий и проживало на участках, не отведенных слободам, монастырям, подгородным крестьянам и т. д. Их расселение показано на карте. Во вторую очередь, потому, что тюрки Зауралья, как уже было показано, к моменту вхождения в состав Российского государства представляли собой единую культурно-хозяйственную общность, которая впоследствии разделилась на башкир (ясачное население Уфимского уезда), татар (ясачное и служилое население Тюменского, Туринского и Тобольского уездов) и вогулов (ясачное население Верхотурского уезда). Но тюркоязычные «вогулы» южной части Верхотурского уезда во второй половине XVII века перешли в уфимский ясак, став башкирами.

В связи с этим представляется необходимым еще раз вернуться к вопросу о башкирах и сибирских татарах. Преобладающая на сегодняшний день точка зрения: башкиры и сибирские татары, как сложившиеся народы, существовали к моменту вхождения территории Зауралья в состав Российского государства [23; 34; 36 и др.]. И исходя из этого обычно трактуются этносоциальные процессы. Так, Н. А. Томилов полагает, что жители Терсякской и Бачкырской (Бушкурской) ясачных волостей были башкирами [76, с. 30–35, 186–187], при этом туринско-тюменские татары жили не только по Туре, Нице, Пышме и Тоболу, но и в верховьях Уфы и по Сылве [Там же, с. 34–35]. Ему противоречит Б. О. Долгих: «Сылвенские и иренские вогулы сначала пишутся как остяки (1606 г.), а затем как “татары и остяки” (1613 и 1626 гг.) или даже просто как татары (1617 г.). Мы в определении их этнической принадлежности исходим из их первоначального определения как остяков, т. е. вогулов» [15, с. 22]; или: «Хотя наши источники называют население

верховьев Уфы татарами, мы предполагаем, что это все-таки были вогулы. Переписью 1897 г. коренные обитатели р. Бисерть (притока Уфы в ее верховьях) в Кленовской волости Красноуфимского уезда зарегистрированы как вогулы» [Там же, с. 21]. А по поводу населения нижнего течения Исети и Тобола ниже его устья он пишет: «...относительно жителей Пышминской и Исетской волости наши источники прямо указывают, что это “уфимские пришельцы”» [Там же, с. 42]. Авторы «Истории Башкортостана» считают, что границы «Исторического Башкортостана» на севере доходили «примерно до устья р. Сылвы и среднего течения Чусовой, далее на северо-востоке они суживались к югу и шли по северному берегу р. Исеть от верховьев до ее впадения в Тобол» [19, с. 110]. А. В. Тоган полагал места, где в XVI веке были основаны ногайские и тюменские деревни, «Восточным и Средним Башкурдистаном» [74, с. 40–41]. Есть своего рода компромиссная точка зрения: Сибирское ханство на западе доходило до восточного склона Уральских гор, включая в себя земли зауральских башкир [81, с. 148]. Д. М. Исхаков прописывает, что фактически от Поволжья до Прииртышья существовало пространство, на котором формировалось население, обладавшее сходными чертами и в значительной степени сходной историей формирования [22, 19–23].

Во всех приведенных выше мнениях историков (за исключением Файзрахманова и Исхакова) ярко проявляются два стереотипа:

1. Экстраполяция на ситуацию XVII века современных реалий (если какая-то родо-племенная группа входит в состав башкир сегодня, значит, ее представители были башкирами и 400 лет назад). Ситуация усугубляется тем, что в литературе практически не освещен родовой состав тюменско-туринских и ялutorовских татар. В самой основательной на сегодняшний день работе Н. А. Томилова о тюрках Западной Сибири достаточно подробно рассмотрена родовая структура тобольских и тар-

ских татар, но практически ничего не сказано о родо-племенных объединениях в составе татар тюменских и ялutorовских. Исключение составляют уже упоминавшиеся представители Терсякской и Бушкурской волостей [76]. По зауральским башкирам такая работа проведена, и родо-племенные группы, их составляющие, хорошо известны [27; 28]. Собственно, именно поэтому группы терсяк, сырян, катый, табын и др., представленные в со-

«Чертеж Тюменского города с уездами» из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова. Татарские юрты обозначены тремя красными кружками, русские деревни — квадратиками

стве башкирского народа, воспринимаются как однозначно башкирские и для XVII века и для более раннего периода. И если подобные группы упоминаются в документах XVI–XVII веков, их интерпретируют как «башкир», вне зависимости от контекста.

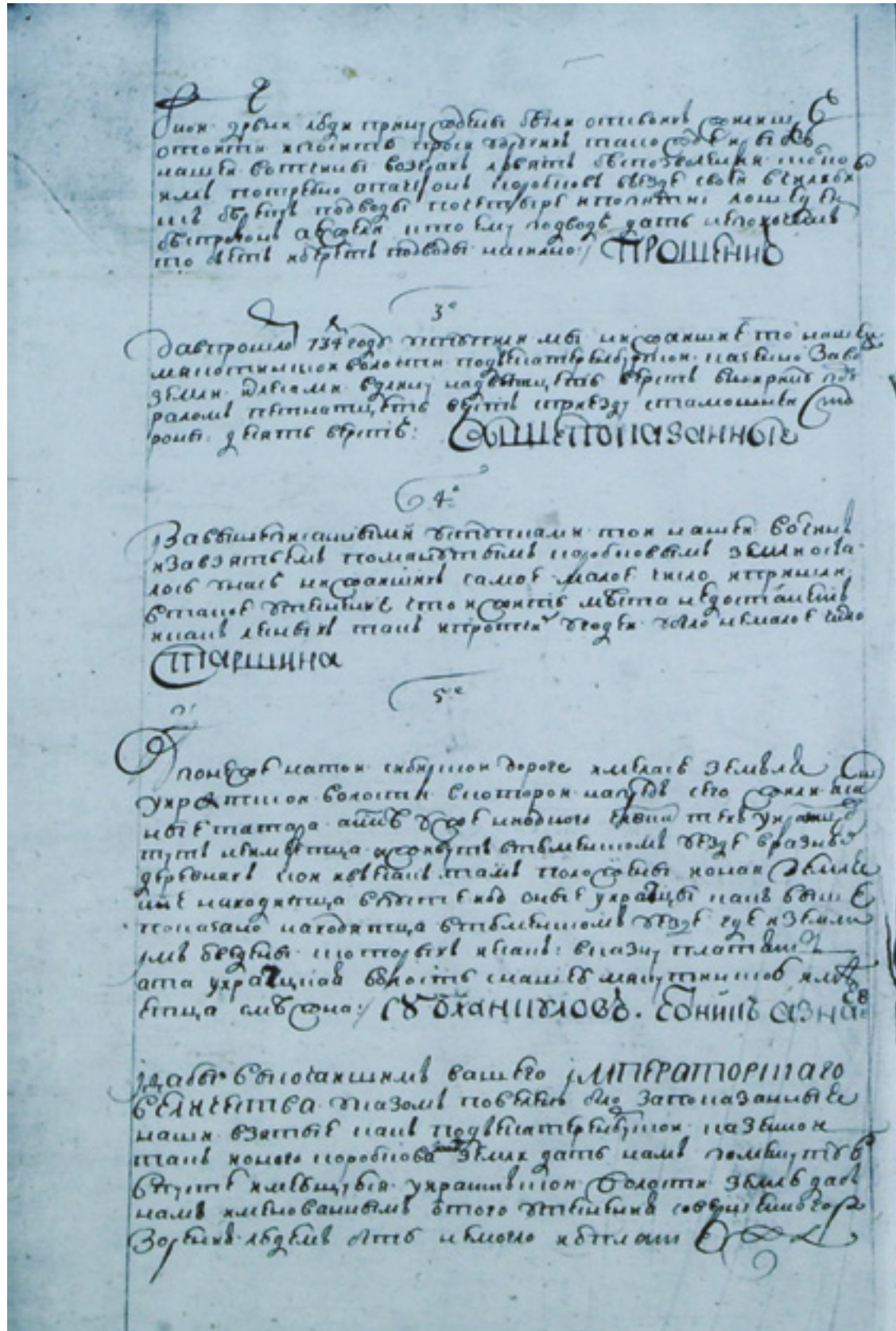
2. Интерпретация понятий «башкир», «вогул» и «татарин» в документах XVII века строго в современном понимании, то есть как этнонимов. В то

время как в документах XVII века эти термины гораздо чаще употребляются для обозначения принадлежности к сословной группе, что не исключает их этнического содержания [65]. В результате мы получили достаточно запутанный набор мнений, когда исследователи пытались «корректировать» ситуацию реконструируемую с опорой на один ошибочный стереотип, с помощью «учета» другого, столь же далекого от реальности.

Раиль Гумерович Кузеев (1929–2005) — этнограф, историк, член-корреспондент Российской академии наук (1991). Кавалер орденов Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и ордена Почета. Автор фундаментального исследования «Происхождение башкирского народа» — первой и пока что единственной фундаментальной работы, охватывающей самые разные аспекты формирования башкир. Помимо этого подготовил и издал следующие труды: «Историческая этнография башкирского народа», «Очерки исторической этнографии башкир: Родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв.», «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю» и др. Предпринял первое издание части шежере (исторических родословных) башкир. Работы Р. Г. Кузеева являются базовыми при изучении истории формирования башкирского народа.

Очень примечательно мнение Р. Г. Кузеева о формировании идентичности зауральских тюрок XVI–XVII веков: «Часть тюркского населения Северо-Восточной Башкирии и особенно Зауралья еще не определила прочно своих политических позиций по отношению к Русскому государству, в состав которого добровольно вошла подавляющая часть башкирских племен, и к Сибирскому ханству, поражение и кризис которого вырисовывались ясно, но на стороне которого были традиционные симпатии некоторых кочевников. В этих условиях вполне допустима и неопределенность этнического тяготения тех или иных родо-племенных групп к башкирам и сибирским татарам» [27, с. 244]. Это при том, что Р. Г. Кузеев датировал начало переселения родо-племенных групп, вошедших в состав зауральских башкир, временем не ранее XVI века. У меня складывается очень субъективное мнение, что он опасался в те времена транслировать «конструктивистский» подход и достаточно завуалированно описал ситуацию неопределенности самоидентификации тюркского населения Зауралья.

Для демонстрации того, что представители одной родо-племенной группы могли относиться и к башкирам, и к сибирским татарам, очень показателен пример Уиратской волости. В 1730–40-е годы башкиры Мякотинской волости уступают часть своих земель для нужд заводов Екатеринбургского ведомства, затем для Каслинского завода. В результате оставшейся земли оказывается мало для поддержания прежнего уровня жизни и уплаты ясака. И башкиры Мякотинской волости нашли выход — в челобитной, направленной в Исетскую провинциальную канцелярию они предложили свой вариант компенсации потерь: «За вышеписанными уступками той нашей вотчины и за взятъем помянутым Коробковым земли осталось у нас, нижайших, самое малое число, и пришли в такое утеснение, что и жить места не достает, и как лесных, так и протчих угодей убыло немалое число. А понеже на той Сибирской дороге имелась земля Уиратской волости, в которой напредь сего жили ясашные татара, а ныне уже ни одного человека тех уиратцев тут не имеетца, а живут в Тюменском уезде в разных деревнях, кои и в ясак там положены и оная земля ныне находитца в пуге, ибо оные уиратцы,

как выше показано, находятца в Тюменском уезде, где и земли им отведены, с которых и ясак в казну платят. А та Уиратцкая волость с нашею Мякотинскою имеетца и дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было за показанные наши взятые как под Екатеринбургской казенной, так и оного Коробкова земли, дать нам тую в пуге имеющуюся Уирайтской (так в тексте.— Г. С.) волости землю, дабы нам, именованным, от того утеснения разорения совершенного быть не могло, и от платежа в казну Вашего Императорского Величества ясаку и от всяких служб не лишитца» [50, л. 106 об.— 107, 113 об.].

Так мы узнаем о существовании смежной с Мякотинской некоей волости «Уиратской». Здесь странно выглядят два момента: 1) мы никогда не сталкивались в документах по Зауралью, да и по прилегающим территориям, с упоминанием такой волости; 2) ясачное население Уфимского уезда, имевшее свои вотчинные земли, называлось башкирами, а не ясачными татарами. Почему в этой самой Уиратской волости жили ясачные татары, представляется на первый взгляд необъяснимым. Разумеется, ясачные татары в Зауралье были, о чем пойдет речь ниже, но своих волостей с отдельными территориями они до середины XVIII века не имели.

Объяснение этой ситуации мы находим далее: «Белокатайской волости башкирской старшина Абдулла Каскинов по призыве в Ысецкую провинциальную канцелярию сказкою показал: о которой де земле Мякотинской волости старшина Янгильда Сапхангулов с товарищи называя Уряцкою пустою просят, та земля не пустая, но он, Абдулла, и все Белокатайской волости башкирцы на ней жительство домами имеют, понеже де исстари роду Белокатайской волости роду их башкирского, а не Уряцкая, на коей прапрадеды и деды их жили, а урятцом и никому другому до нее дела нет. И Уряцкою признавая называют потому, что на той земле жили их же роду белокатайские башкирцы, а имянно лутчие люди прапрадед ево, Абдуллин, Казбуря, да Казбурин брат родной Учюмсал Касамберевы (коих уже живые нет). И назад тому лет с триста или более, подлинно он, Абдулла, не знает, когда еще и города Тобольска не было, откочевал помянутой Учюм-

сал с несколько человек башкирцами на то место, где ныне означенной город Тобольск, к хану Кучуму и не возвратились. А прапрадед ево, Абдуллин, Казбюря и другие башкирцы остались на оной земле и с того времени поныне живут, в том числе и он, Абдулла. А ныне слышно, оставшья роду Учюмсалова башкирцы, дав себе назов урятцами, жительство имеют Сибирской губернии в городе Тюмени, где им и земли даны, и платят по тому городу ясак, а иные числятся бес платежа ясака, служылыми. А чем оная земля им, белокатайцам, то есть дедам их и прадедам крепка, были ль какие данные крепости или указы, того он, Абдулла и другие белокатайские старожилы никто не знают. У него Абдуллы и ни у кого никакого виду не имеетца, владеют издревле ею, как и других волостей башкирцы. А напред сего некоторым называвшимся урядцам, приезжавшим из помянутого города Тюмени, а кому имянно показать, за многопрошедшим временем он, Абдулла, не помнит, давали якобы имеющим в той земле по родству, как выше показано, часть по несколько оброку и то чрез обман их, а не правдиво. А потом по сведениям их белокатайцов, что показанным урятам до той земли никакова дела уже нет, платить оброку не стали и впредь не будут» [50, л. 129 об.—130].

Иначе говоря, согласно этому тексту, уиратцы представляли собой часть группы катай (балакатай), которая примерно во второй половине XVI века ушла в Сибирь, на Тобол. Время ухода не понятно, поскольку сначала говорится о трехстах годах «или более», а затем сообщается, что они ушли к хану Кучуму. Налицо явная нестыковка. Но в отсутствие дополнительной информации мы это несоответствие вряд ли разрешим — балакатайцы могли спутать количество лет, либо же имя Кучума было упомянуто как некая понятная всем привязка (да и в общественном сознании балакатайцев вполне могли произойти некие подвижки, связавшие основные события истории с именем Кучума).

Как бы то ни было, существование уиратцев / урятцев мы можем считать реальным фактом. Более того, еще незадолго до появления процитированных документов их территория на стыке Мякотинской и Балакатайской волостей Уфимского уезда составляла отдельную «Уиратскую» волость.

Аргументы балакатайцев о том, что «урятцы» жили там из оброка, обманом и т. д., с большой долей вероятности могут быть отнесены к обычным доводам, призванным снять сомнения властей в вотчинных правах башкир Балакатайской волости на эти земли. Сомнения в том, что эта земля незадолго до составления цитируемых документов действительно принадлежала неким «урятцам», рассеиваются при прочтении продолжения документа: «... дали он, Абдулла, и все белокатайцы, согласно по добровольному договору письмо, чтоб тою белокатайскою, называемою уряцкою, землею владеть как белокатайским, ему, Абдулле с товарищи, так и мякотинским, Янгильде с товарищи и команды ево служылым сартом, обще всем» [50, л. 130 об.]. Башкиры Балакатайской волости при всех своих доводах признавали, что земля, о которой просили мякотинцы, действительно называлась «уиратской» / «уряцкой» (собственно, это и было обозначением территории, о которой шла речь), и соглашались владеть ею совместно с башкирами Мякотинской волости. Обратим внимание, что в документе даже не оговариваются границы той территории, которая обозначена как Уиратская волость. Это может означать лишь то, что обеим сторонам эти границы были хорошо известны и вопросов не вызывали. То есть это была конкретно определенная территория, которая в недавнем прошлом находилась во владении неких ясачных татар Тюменского уезда.

Какие выводы можно сделать из приведенных материалов?

1. В XVI–XVIII веках в Зауралье существовала группа населения, именовавшееся «уират» / «урят».

2. Уират изначально являлись частью родоплеменной группы катай, ушедшей на восток, в низовья Тобола.

3. После вхождения Южного Зауралья и Сибири в состав Московского государства представители этой части группы катай начали платить ясак в Тюмень, в связи с чем стали именоваться «ясачными татарами», в то время как родственные им балакатайцы платили ясак в Уфу и назывались башкирами. Очевидно, в это время формируется название этой части группы катай, ушедшей на восток, — уират.

4. При этом уираны долгое время сохраняли за собой вотчинные угодья в Уфимском уезде.

5. Никакого другого варианта интерпретации названия «уиран», кроме «ойран», мы не видим.

Интересно примечание Г. Ф. Миллера: «Уйраны, или собственно калмыки... Если кто-нибудь сомневается, что под именем уйранов подразумеваются калмыки, для тех доказательством должно служить то, что качинские, сагайские и прочие татары Красноярского и Кузнецкого уездов называют калмыков Уйранами. Слово “калмык” татарское и произносится на этом языке “калмак”. Но это слово употребляется только теми татарами, которые живут от Волги до Оби, тогда как прочие татары узнали его только из сношений с русскими» [35, с. 176]. Собственно, учитывая, что название «калмык» было действительно дано извне, а самоназвание их было «ойраны», форма «уиран / уиран» вполне естественна для обозначения племен ойранов. Но возникает вопрос: почему именно уиранами называли часть родо-племенной группы катая? Впрочем, здесь можно высказать лишь предположение, от чего мы воздержимся.

Достаточно интересен еще один момент: при том что люди осознавали, что балакаиты и уираны — это две родственные группы (а точнее, уираны являлись исходной частью балакаитов), за отколовшейся частью закрепляется новое название — «уиран», которое транслируется в том числе и ближайшими соседями по исходной территории проживания и собственно самими балакаитами. Это заставляет задуматься, насколько быстро и устойчиво может закрепиться новое обозначение даже не за одним человеком, а за целой группой.

Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) — историк, этнограф, археограф, организатор науки. Учился в университетах Ринтельна и Лейпцига. С 1725 года в Петербургской академии наук. Академик (1751). В 1733–1743 годах участвовал во Второй Камчатской экспедиции. Во время работы в Сибири собрал в местных архивах уникальную коллекцию источников, сняв копии с оригинальных документов. Также выявил летопись, которую он сам называл «Ремезовской». Впоследствии на основе этих материалов была написана «История Сибири» — труд, по сей день не утративший своего значения.

Этот небольшой сюжет был достаточно подробно разобран, чтобы дополнительно показать, что зауральские тюрки были в действительности единым сообществом, разделившимся на башкир и сибирских татар уже в составе Российского государства.

В завершение этой темы приведу другой сюжет. В мае 1675 года уфимец Д. Артемьев был направлен на Сибирскую дорогу Уфимского уезда для призыва башкир на службу в Крымский поход. Практически во всех волостях башкиры выразили готовность отправиться на службу, но значительная часть башкир Бала-Катайской волости заявила: «...будет поедут ис Сибирских городов, ис Тоболькова, ис Тюмени и ис Тары, и мы де в те поры будем готовы» [32, с. 200]. Это очень косвенный признак, но, тем не менее, достаточно характерный: катаяцы ссылались не на башкир Ногайской дороги, которые отказывались идти в поход [Там же, с. 200–205], а на те сибирские города, где имелись группы служилых татар.

Вопрос идентификации и самоидентификации тюркского населения Зауралья XVII века достаточно непросто. Можно привести фрагмент одного документа 1662 года: «...да на том же бою взяли Япончинского ясаку татарку Пелевну, и та де татарка ему Федору сказала: стоит де царевич Бугай Салтан у озера Иреша за Исетью в степи, а с ним де стоят изменники Башкирцы, Сынгранцы, Бушкурты, Сонгуты, Терсяки, Аилы, да с ними же де в заговоре все Татаровя и Вогуличи Верхотурские и Тюменские и Епанчинские и Пелымские и Кондийские...» [17, с. 290]. В изложении татарки Туринского уезда отдельно обозначены башкиры и представители родоплеменных групп сынрян, сальют (сонгуты), терсяк, айле или аялы (аилы) и представитель Бушкурской (Бачкырской) волости Тюменского уезда. Какая группа в этом случае подразумевалась собственно под названием «башкиры», сказать сложно. Можно также привести перевод письма зауральских башкир от 1709 года, обращенного к тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому: «Великого государя ясашные холопы за государя бога молят, живем, внязь Михайло Яковлевич, по милости вашей и впредь по милости своей нас бедных не покиньте... А мы живем в камнях и меж островами,

а которые здесь живут лутчие люди Карабаш батур, да у Карабаша живут 60 домов, и с ними тут же приехал Качей Зайсал шалзуцкий, Юмахожин сын, Хожагул терсацкой, Суяргулов сын, Чермишь сынрянской, Кошкилдей, Ахчюра, которые написаны в сем письме лутчие люди... Я Сенчюра, я Деметей, я Очай государские ясашине холопи просим милости, живем по Миясу на Чюбарколе, преж шертовали и аманатов давали, а ныне пора страдная, хлеб жать и сена косить...» [32, с. 270–271]. Челобитчики называют себя нейтрально — «ясашные холопи», не обозначая себя ни башкирами, ни татарами. Еще фраза из документа 1647 года: «... те де уфинские татаровя вестъ подали башкирским татарам, и те де башкирские татаровя с уфинскими татары на тех калматских людей собрались вместе на другой день июля в 26 день 150 человек» [36, с. 608]. То есть и те и другие — ясачные люди Уфимского уезда, но одни для автора документа почему-то «уфинские татаровя», а другие «башкирские татаровя»². В 1667 году «прибежали ис поля Уфинского уезду, Терсятской волости татарин с оберегальной памятью, что им дал на Уфе стольник и воевода Федор Сомов, что они, башкирцы, от изменников отстали всей Терсицкою волостью. А в расспросе де тот терсицкой татарин сказал: маяя же в 28 день выбежали к ним, татарам, от царевича башкирцов 2 семьи... нам де терсят и³ башкирцом стоять по Маяну и по Исете, от Катайского острогу за день, полторы тысячей» [32, с. 197–198]. Здесь слово «башкиры»

2

В свое время я комментировал этот документ следующим образом: «Рискну предположить, что под “уфинскими татарами” здесь понимаются тюрки, платившие ясак на Уфу, но башкирами не считавшиеся, в отличие от “башкирских татар”, т. е. собственно башкир. Причем жили те и другие бок о бок, если в течение суток смогли собрать отряд в 150 воинов» [58, с. 128]. Это был ошибочный вывод — я еще не осознавал социального характера терминов «башкиры» и «татары» в основной массе документов. Но то, что автор обозначал определенную разницу между двумя этими группами, безусловно.

3

В публикации документа написано «терсятцким башкирцам», но в сноске под страницей указано, что в документе значится не «терсятцким», а «терсят и». Я восстановил исходный текст. Представляется, что он достаточно верен еще и потому, что вряд ли одни терсяки были в состоянии выставить полторы тысячи воинов, как указано в документе. А вот терсяки вместе с зауральскими башкирами могли. Поэтому вариант написания «терсяк и башкирцам» более вероятен.

Чертеж Тобольского и Верхотурского уездов из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова. Коричневой линией выделена часть территории, включающая

в себя земли по рекам Синаре и Багаряк, в среднем течении реки Течи и в верховьях Исеты. Выделенная часть подписана: «Живут башкиры»

применено к представителям родоплеменной группы терсяк только при пересказе «оберегальной памяти» уфимского воеводы. При желании примеров такого рода можно найти достаточно много. При этом в целом ясачное население Уфимского уезда трактуется как башкиры. Хотя на тех же чертежах С. У. Ремезова обозначение «башкиры» использовано относительно редко и даже в этих случаях подразумевает далеко не всех. Примером может послужить «Чертеж Тобольского и Верхотурского уездов», где надписью «живут башкиры» обозначены весьма ограниченные территории по Синаре и Багаряку и в верхнем течении Исеты.

В расселении тюркского населения в зауральской части Уфимского уезда, южной части Верхотурского уезда и по Исете во второй половине XVII — первой трети XVIII века происходят изменения. Необходимо отметить сокращение территории Уфимского уезда. Если в первой трети XVII века Исеть являлась фактической границей Тюменского и Уфимского уездов, то с основанием Успенской пустыни, Катайского и Колчеданского острогов, Белярской-Теченской и Багарякской слобод эта ситуация изменяется. Это отметил еще Г. Ф. Миллер: «В мае 1633 году Катайская волость на Исете подверглась нападению калмыков... Эта волость находилась там, где теперь Катайский острог...

Проект завода именуемого Императрицы Анны. Во оном строение: А — крепость; В — церковь, С — кантора,

D — плотина, Е — фабрики, F — дома заводских служителей, G — лавки купецкие

Впрочем, ею оканчивался Уфимский уезд, простиравшийся тогда до реки Исети. Возможно, что уфимские воеводы еще дальше расширили бы свои волости, если бы не встретили препятствий в этом со стороны Сибири, которая все больше стесняла Уфимский уезд и присоединила к себе не только всю Исеть, но все впадающие в нее с юга и севера ее притоки» [36, с. 122]. Катайцев оттеснили вглубь Уфимского уезда с отводом земли по правому берегу Исети Далматову монастырю и Катайскому острогу, а затем по реке Тече — Белоярской-Теченской слободе. Сынрян лишились части своих вотчинных угодий после строительства Колчеданского острога, Арамильской и Багарякской слобод. В 1732 году на землях сынрян и сальютцев был построен Сысертский завод (завод императрицы Анны). И катайцы, и сынрян были вынуждены переселиться в междуречье Течи и Синары. В низовьях Багаряка, по Синаре и на озере Маян осела часть терсяков, пришедших сюда из Верхотурского уезда и, возможно, из Тюменского уезда, после того как там на их вотчинных землях были поставлены Исетский острог, Мехонская, Барневская и Шадринская слободы, заимка Райфайлова монастыря. Сюда же, к реке Синаре и озеру Маян, в самом начале XVIII века переселяется часть родо-племенной группы сальют (Салжеутская волость) с реки Ай.

Сальюты с Чусовой со временем также переселяются в междуречье Синары и Течи, и причиной переселения становится заводская колонизация Среднего Урала. В августе 1721 года представители сальютов обращаются к капитану В. Н. Татищеву: «...вышеписанный Чубар-батыр с мирскими людьми сюда и велели просить у г-на капитана Василья Никитича Татищева, чтоб по реке Чусовой с вершины по обе стороны ниже Курганской деревни русских людей не селить. Такжеже из Багарякского озера из деревни Казарины жителей сослать или-де оброк с того места платить, понеже-де оные называют вышеписанные места своими: те-де места отданы нам в вотчину. А между своим вотчинам называют по сю сторону Чусовой-реки с Багарякского

Фрагмент чертежа «Изящное вновь начертание граду Кунгuru и всему Кунгурскому уезду...». Показаны земли в верхнем течении реки Чусовой с обозначениями: «Башкиры», «Борты и промыслы

башкир». Между реками Исток Половинка (Полевая?) и Билимбай показано место, где добывали медную руду, по другую сторону Чусовой обозначено место добычи магнитной руды и горючей серы

озера на Арамилскую вершину и ниже Курганской деревни» [13, д. 9, л. 330–330 об.]. Выяснилось, что ранее — очевидно, до восстания 1705–1711 годов — на Чусовой были деревни русских крестьян Арамилской слободы. В ходе восстания они были сожжены, и сейчас крестьяне хотели вернуться на прежние места, поскольку их стали выпроваживать из тех мест, где они в свое время укрылись [24, № 3]. Поскольку на реке Полевой еще в начале XVIII века были выявлены месторождения медной руды и вблизи Чусовой планировалось построить заводы, ставится задача заселения этой территории русскими крестьянами и обосновывается то, что сами эти земли не башкирские, а государевы. В подтверждение этому приводится ссылка на жалованную грамоту Ивана Грозного, данную им Якову Аникееву Строганову в 1568 году на земли

по Чусовой [Там же, № 6; 80, с. 35–36]. Хотя еще на чертеже Кунгурского уезда, составленном С. У. Ремезовым в 1703 году, в верховьях Чусовой отмечено проживание башкир, а также их бортевые и промысловые угодья. Там же указаны и места добычи металлических руд. В 1724 году генерал-майор Г. В. Геннин дает задание берг-гешворену Клеопину «принять за Государя Чусовую от самой вершины со всеми впадающими речками, и истоками и падунами, с обеих сторон, також и Полевую, и все те места, на которые дана от прежних царей грамота г-дам Строгановым», но тут приходит указание из Сената, что межевание земель с башкирами должен провести уфимский воевода. Провести межевание в 1724 году не получилось: «Для межеванья-де оной земли уфимский воевода приезжал в 1724 году осенью. Но отложено-де было то межеванье до весны 1725 года, для того что-де в то время башкирских вотчинников, с кем землю межевать, не было, но имели войну с Казачьей Ордой⁴. И тогда ради оный воевода паки в Уфу возвратился. А в 1725 году, собрався оные вотчинники от межеванья, письменно ему, воеводе, отказали и межевать не стали, и называют оную землю своею» [24, № 6].

Землю по Чусовой у сальютцев забрали, построили Полевской завод [13, д. 376] и башкиры Салзатской волости Келчюра Кинзягулов с товарищами в июле 1732 году просили возместить ущерб от потери земли: «В прошлом 1723 году по указу блаженные и вечнодостоянные памяти Его Императорского

⁴ Казачья орда — государство казахов. Поскольку слово «казак» в исходном варианте практически созвучно слову «казак» (а также в целом синонимично по значению), то и обозначения в русских документах XVII — начала XVIII века обычно выглядели так: «казакская степь», «казачья степь», «казачья орда» и т. п. В первой трети XVIII века в российском делопроизводстве активно внедряется обозначение «киргиз-казаки» или более распространенный впоследствии вариант «киргиз-кайсаки». Термин «киргиз-казак», очевидно, должен был означать нерусскую принадлежность для удобства отличия в документах казахов от казаков, но быстро «эволюционировал» до «киргиз-кайсака». Уже в середине XVIII века выражение «киргиз-кайсаки» стало основным для обозначения казахов в российском делопроизводстве, хотя и не вытеснило полностью понятия «казак» или «киргиз-казак» (см., к примеру, работу А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей» [30]).

«Чертеж Полевской горной работы. Размериван сентября месяца 1734 году»

Величества взято владения нашего в Уфимском уезде в Салюцкой волости при речке Полевой место, при котором найдены медные руды и при той построен завод, с которого [места] мы платим ясак в казну Вашего ИВ и службы служим. И в прошлом 1728 году просили мы Вашего ИВ в Москве в Высоком Сенате, чтоб нам за оное наше взятое под завод место дать Вашего ИВ жалованье, дабы нам от того разорения не было. И чтоб указом Вашего ИВ повелено было нам за показанное Полевское взятое от нас под завод место по рассмотрению что надлежит жалованье выдать» [13, д. 385, л. 143–143 об.] Насколько можно судить, возмещения башкиры не получили. Не помогли и копии переписных ясачных книг Уфимского уезда 1673 года, присланные из Уфы, где были обозначены вотчинные земли Салжеутской волости по Чусовой [Там же, л. 139–140]. В 1733 году Келчюра Кинзягулов подписал обязательство с клятвой на Коране: «...в то место, где ныне построен казенной Ея Императорского величества Полевской медной завод с подлежащими ему рудокопными местами, что будто оной казенной завод построен на нашей башкирской вотчинной земле, впредь ему, Келчуре и протчим

башкирцом не вступать и вотчинною своею землею не называть и плевел о том никаких не разсеять и других к тому не возбуждать и не научать» [Там же, л. 145].

После этого башкиры Сальютской (Салзаутской) волости окончательно перебираются на территорию между Синарой и Течей, хотя о землях по Чусовой не забывают. Если в 1721 году сальюты «между своим вотчинам сказывают по сю сторону Чусовой-реки с Багарякского озера на Арамилскую вершину и ниже Курганской деревни» [24, № 2], то в 1735 году они заявляют, что помимо тех межей, что показаны в старинных переписных ясачных книгах Уфимского уезда, есть другие владения их пращуров и дедов: «...в тех писцовых книгах проронкою в тех годах писцов кво владение к той волости [не] прописаны» [13, д. 1092а, л. 66]. А дальше описывают те межи, которые были «проронкою писцов» не указаны в старых переписных книгах: «...по Синаре реке, по мысу Бабак Карагаю, от Бабака по лугу по ту сторону Маяна до Течи реки и по сю сторону Течи реки вверх по озеру Яланды

Листов

№ 142 города апреля 5 числа 1733 года

Копию зорой Салма Ущой Волгити зорой Лобода башки
 бещь шельса незаджалв Сирило Нейкильз Ртосийз Моюи птаи
 поитржд мюид назавл Подкутоса втомб что мид негдво
 мислой нротопожки обрзо, что место же ниб построе
 назеило и Ея Императрицеиного Величества полевской медно
 заводь (городаший) ктому рудокотным местамъ что
 бутьто оной заводь построень на нашемъ башкир
 войной земле втпе ему пелгера ктроди башкирцо кдотв
 та Клотпийков доов Землето князвца Птадасель отпой
 нйпайц несаждатъ нрурмилъ что кело дуратъ Пикаука
 Пна Уке до Ойма пелгера кттралод мюе (городимъ башкирц
 отпой полевской земле Своитве Свобитне ниб, кттрера нур
 неситпеломъ Кендвйна фазад катне Сурайца оспонхъ земля
 нурдъ нротопой полевской земле мид кттралод башкирцомъ
 земля кттралод аделей та негдво заки обязательствамъ поид
 фанд модид ханв пшше Сего показано вду отпой земле
 Кмелъ чтобъ кттралод птадасемъ своимъ разеделатъ кттралод
 тоа делгосъ ватреститпание мое поидкель в (местиме
 назни Угрозанной втотпийша Ело не вь вь кттралод
 Коттолмкой пометта птаица (в) поитрисид кттралод нур
 птаиттв нурдъ пегома вообрз бегев амтв пометта поиттв
 кттралод
 Столи нов Сипа птаидреститв Клант Исановъ
 Протополашевъ Свояи дмоведъ

Обязательство Кенчюры Кензягулова «в то место, где ныне построен казенной Ея Императорского величества Полевской медной завод с подлежащими ему рудокотными местами, что будто оной казенной завод построен на нашей башкирской вотчинной земле, впредь ему, Келчуре и протчим башкирцом не вступать и вотчинною свою землю не называть и плевел о том никаких не разсевать и других к тому не возбуждать и не научать». 5 апреля 1733 года

«План, сочиненной 1758 году сентября 30 числа в силе указов межеванию земли между Екатеринбургского ведомства Багаряцкой слободы крестьян Исецкой провинции Сибирской дороги Салзатской волости з башкирцами, а по каким межам и урочищам и в каком расстоянии где грани и межи учинены, та кож где какое жила, река, речки и болота, сенокосные и пахотные места, значит во описании межевой книге и во оном сочиненном плане под краскою. А имянно: Оттушеванной краскою красною сторона ко владению Багаряцкой слобды крестьяном, возле оной же же оттушевано желтою краскою сторона ко владению башкирцом и протчим живущим деревнями по Синаре реке. На подлинном подписано: капитан Семен Метлин, управитель Иван Выхотцов; сочинили геодезисты Иван Калинин, Яков Мельников».

Желтая линия отбивает границу владения башкир и крестьян Багарякской слободы. Башкирские земли — в нижней и левой части плана

Кулбеля, Табинское озеро, по сю сторону по луку Курьялги, по ту сторону речки Карабалки, по край березнику по Тургакову логу даже до имянуемого Кырлава камени» [Там же, л. 66–66 об.]. В качестве обоснования прав на землю были использованы переписные ясачные книги Сырнянской волости Уфимского уезда 1673 года [Там же, л. 81]. Фактически сальюты забирали оставшиеся земли сыррян. Впоследствии было проведено межевание сальютов с соседями [Там же, д. 2239], но земельные споры между сальютами (башкирами Салзаутской волости), крестьянами Багарякской и Арамильской слобод, татарами Усть-Багарякских юртов, башкирами Катайской и Терсякской волостей и мещеряками будут продолжаться.

Еще один очень примечательный момент. Представители проживавшего на озере Пороховом на территории Салзаутской волости одной деревней местного тюркского населения называли себя

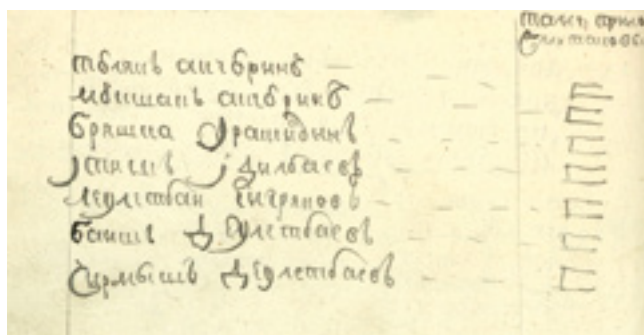
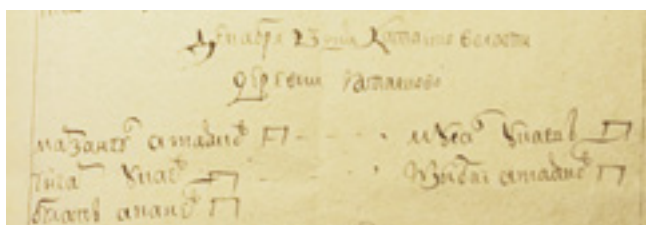
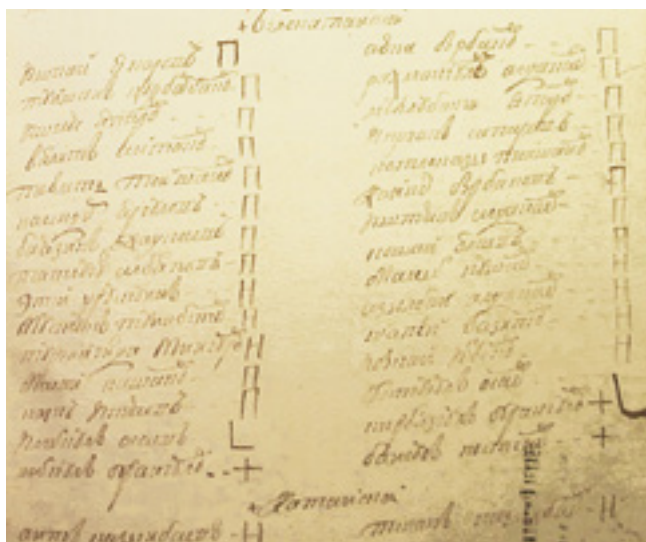
башкирами Бушкурской волости. Мы пишем «называли себя» потому, что вообще-то Бушкурская волость с конца XVI века входила в состав Тюменского уезда, и составлявшее ее население относилось к тюменским ясачным татарам.

В документах о проведении опроса 1745 года записано: «Бушкурской волости ведомства старшины Темира Маметьева дрвни Ураскилдиной бышкырцы которая стоит над озером Пороховым. Тюляк Акчюрин с товарищи в допросе сказали во оной де деревне жителство имеют из давных годов а сколко подлинно тому лет показать не могут для того что в той деревни родились они и отцы их а поселились тою дрвнею деды и прадеды их а то место где та деревня стоит Салзаутской волости волости а пашнею и санными покосы при той деревни доволствуютца сколко потребно которую ко осмотру и описанию имеющимся при оном следствии геодезистам объявят. А кортомы салзауцким не пла-

Тамги некоторых башкир Белокатайской (Балакатайской) волости. В этой группе основная часть подписывалась тамгой «П», некоторые —

тамгой «Н», которая в целом у башкир Катайской и Балакатайской волостей была самой распространенной

Тамга «Н», самая распространенная у башкир Катайской и Балакатайской волостей, по документам XVIII века

Тамги некоторых башкир Катайской волости. 1736 год

Список башкир деревни Ураскилдиной Бушкурской волости на озере Пороховом. 1745 год

чивали для того что во всех волостях башкирцов живущих не в своих волостях доволно а кортому не берут яко то заемное ибо ис тех волостей не в своих же волостях живущия есть и не хотя друг другу тягости в том учинить ис своей волости не зсылают а кто имяны во оной дрвне жительствует оное объявляетца сим реэстром» [13, д. 1092а, л. 338 об.].

Бушкурская волость располагалась на левом берегу Исети, в том районе, где позже возникли Катайский острог, Далматов монастырь и, возможно, Шадринская слобода. В документе 1596 года ее население названо «башкирцами» [36, с. 174]. В этом году Семейка Вязьмин со служилыми татарами должен был вернуть 50 бежавших из Тюмени татар, которые скрылись на острове на Исети у татарина Килдемана, при нем оказалось около 30 человек киньрцев и башкирцев. Причиной бегства был слух о том, что представителей этих кланов хотят «сослать на Тару». Тюменские посланцы были схвачены и ограблены [Там же]. В более поздних документах сибирских чиновников волость Башкирской, а ее население башкирами больше не называют. Уже в 1600 году она названа «Бушкурской» [Там же, с. 187]. В более поздних документах она фигурирует как Бушкурская, Пускурская, Бачкырская. В свое время мы высказывали мнение, что жителями Бушкурской волости могли быть люди из некоего формирования (племени), которое и называлось собственно «башкиры». Но с большей вероятностью Бушкурскую волость составляли представители одной из родо-племенных групп Зауралья. Мы сопоставили тамги бушкурцев с тамгами разных родоплеменных групп башкир из документов 1736–1737 годов и обнаружили буквальное совпадение с тамгами части представителей катай (улу-катай) [50, оп. 1, д. 754, л. 21, 26 об., 28, 135, 135 об.] и балакатай [Там же, л. 32, 148 и др.], при том что тамга бушкурцев в документах 1736 года точно такая же, как и приведенная на рисунке «Список башкир деревни Ураскильдиной Бушкурской волости на озере Пороховом. 1745 год» [Там же, л. 23, 29 об., 31, 31 об., 33 об. и др.]. Можно сказать, что тамга в форме буквы «П» была второй по распространенности у катайцев, самой распространенной была тамга в форме буквы «Н». Можно интерпретировать тамгу «П» как половину тамги «Н». Еще достаточно

характерно, что тамги «П» использовали башкиры катайцы, которые жили в деревнях Аючина на реке Караболке, Итаякова (Ятаякова) на озере Кунашак, то есть в деревнях, которые находились близко и к Бушкурской волости, и к деревне выходцев из Бушкурской волости Ураскильдиной, стоявшей на озере Пороховом.

Служилые сарты

Весьма интересна группа сартов, переселившихся в Зауралье в начале XVIII века. Поселившись на землях башкир Мякотинской (бакатин) волости, они основали деревню. Деревня эта называлась Ахметевой — по имени Ахмета Уразова, возглавлявшего эту группу пришлых людей, либо Сартовой — по обозначению их происхождения. В 1744 году при проведении опроса сарты «Утягян Егумбетев с товарищи сказали: во оную деревню Ахметеву пришли и живут поныне из Уфимской провинции из деревни Лабау⁵ назат тому лет тритцать. Токмо та земля на которой на которой оная деревня стоит и они живут башкирская Мякотинской волости которая тогда была под ведением Уфимской а ныне в Исетской правинции, понеже в помянутой прежней деревне пашнею и сенными покосами стало быть недоволено. Того ради в реченную Мякотинскую волость пришед поселились, ныне уже дватцать пять дворов ибо той Мякотинской волости башкирцы вотчинники Исмангул Тевеев, Сююргул Терегулов с товарищи всею волостию к жителству тут допустили взяв с них денег сто рублей и дали на Уфе ему Утягану да Акимбетю Уразову, Ибраю Караабызову, Бовбеку Ликулову, Кулукаю Мурумбетеву от крепостных дел запись в такой силе: что им, Утягану с товарищи, дворами селитца, пашню пахать, сено косить, и борти в лесу делать, и всякова зверя побивать, и рыбу ловить, и лес рубить, и хмель щипать, и лубья снимать и во всем в вотчине их владеть в равенстве, кроме бранья с рыбных

5

Деревня Сарт-Лабау (харт-Лабау) есть в Иглинском районе Башкортостана, относится к Уктеевскому сельсовету. Есть еще Песчано-Лабау — в том же районе, но Чуваш-Кубовского сельсовета.

ловель оброков. А с той вотчины никогда их не ссылатъ, а всякия подати и ясак и всякие ежемирские расходы платить им Утягану с товарищи с ими Мякотинцами в равенстве» [13, д. 1092а, л. 327].

О той деревне, откуда сарты пришли в Зауралье, А. З. Асфандияров писал: «Д. Сарт, впоследствии Сарт-Лобово, при р. Лабау была основана в 1744 г. башкиром Суюндуком Амировым и его родственниками из трез семей д. Уразаево. Их припустили башкиры д. Адзитарово... с условием участия припущенников в уплате казне ясака... Давние «выходцы из Бухарии» сарты явившиеся предками Суюндука Амирова, были ассимилированы башкирами» [3, с. 454]. Очевидно, сартская деревня Лабау возникла несколько раньше, чем предполагал А. З. Асфандияров, поскольку практически за тридцать лет до указанной им даты, в 1715 году, выходцы из этой деревни получили владенную запись от башкир Мякотинской волости.

Во владенной записи указано: «...дали на Уфесию запись тое ж Сибирской дороги деревни Сартовой служилым тезиком Акимбетю Уразову, Ибраю Караобзову, Утегану Егумбетеву в том припустили мы Исламгул с товарищи их Акымбетя с товарищи жить в вотчину свою...» [13, д. 1092а, л. 328]. Слово «тезик» («таджик») также использовалось для обозначения выходцев из Средней Азии, обычно земледельцев. Как нарицательные выражения, слова «сарт» и «тезик» были во многом синонимичны. Очень интересно выглядит выражение «служилые

тезики», впрочем, обычное название этой группы в Зауралье — служилые сарты, так что, видимо, мякотинцы просто заменили одно слово другим.

Деревня Ахметева на озере Аллаки отмечена на карте «Уфимской провинции» 1737 года [54] и на карте Исетской провинции, составленной в 1742 году [32]. В 1736 году отряд капитана А. Житкова ограбил жителей деревни «башкирцев служилах сартов» Ахметевой. В документах фигурируют имена Ахмета (Акимбета) Уразова⁶, его сына Салтана (Султана) (соответственно Ахметева или Акимбетова) и служилого сарта Утягана Елимбетева (Егумбетова) [13, д. 626а, л. 523–525, 529–529 об.].

Ахмет Уразов, упоминавшийся выше, пользовался большим уважением начальника Сибирских и Казанских горных заводов В. Н. Татищева. В одном из писем (адресат не указан) Татищев довольно много места уделил его персоне. В частности: «Вашему сиятельству в пополнение сим всепокорнейшее доношу, что по заключении доношения посыланной мною в Башкирь, к Ахмет сарту, возвратился и что показал оное кратко в экстракте внесено, токмо об нем Ахмете не отписано. Он есть в Сибирской дороге почитай знатнейший... ныне он весьма ревностно к удержанию от бунта поступает... Ныне они намерены сюда быть сами для показания верности» [52, оп. 17, д. 1133, л. 139]. Письмо это было написано в августе 1735 года. Интересна оценка, данная Василием Никитичем Ахмету Уразову, — «знатнейший». Это слово зачастую означало не благородство происхождения (дворянство), а степень влияния на окружающих. Возможно, Татищев и преувеличивал значимость фигуры Ахмета Уразова, но то, что сарт был личностью не из последних среди тюркского населения Зауралья, можно говорить довольно уверенно. «Бунт», от которого удерживал «Ахмет-сарт» башкир Сибир-

Фрагмент «Ланткарты Исетской провинции» 1742 года. Показана северо-восточная часть провинции, в правом краю фрагмента —

озера Малый и Большой Аллак, между ними деревня Ахметева. Характерно, что на карте показаны также скалы Бей-Таш

6

В издании «Этнокультурной истории Сафакулевского района» 2012 года было указано имя Ахмет Алметев. Это ошибка, допущенная автором. После проверки и сверки нескольких документов можно с уверенностью сказать, что есть различия в имени — Ахмет и Акимбет. Возможно, имя было двойное, и в разных ситуациях фигурировала какая-то одна часть. Но отца Ахмета-Акимбета звали Ураз, а не Алмет.

Скалы Бей-Таш на восточном берегу озера Большие Аллаки, которые легенда связывает со «старым сартом»

ской дороги,— это башкирское восстание 1735–1740 годов, о котором говорилось выше.

О занятиях сартов мы знаем не так уж много. Из определения «служилые» ясно, что они отправляли воинскую службу в случае, если их мобилизовали. То, что их хозяйство носило земледельческий характер, тоже не вызывает сомнений, хотя и разведение скота, несомненно, входило в хозяйственный комплекс. Есть достаточно своеобразный источник информации о достатке и хозяйстве жителей деревни Ахметевой в 1730-е годы. Зимой 1736 года из Екатеринбурга для «искоренения воров башкирцев» был направлен отряд капитана Житкова. По пути следования отряд разорил деревню Ахметеву. В архиве отложились документы, где перечислены убытки двух семей — Утягана Ялембетева и Салатана Ахметева: скот — лошади (в том числе иноходец), верблюды в небольшом количестве, 300 пудов хлеба, 150 пудов овса, 50 пудов соли; медные и чугунные кумганы, чугунные котлы [13, д. 626а, л. 523, 529–529 об.]. Занимались сарты (по крайней мере, некоторые из них) торговлей, причем не местной

мелкой куплей-продажей, а достаточно основной. В уже упоминавшемся письме В. Н. Татищев писал про Ахмета Уразова, что «служитель его татарин поехав с товарами тысячи на две в Томск, не возвратился и живет тамо записався в Томске» [52, оп. 17, д. 1133, л. 139].

Группа эта небольшая, но достаточно значимая — она упоминается постоянно в документах, связанных с восстанием 1735–1740 годов, кроме того, сарты вошли в местный фольклор, причем как фигуры символические и вполне знаковые⁷ [7; 82, с. 100–101]. Причем оба известных предания связывают известные скалы Бей-Таш (они же Каменные палатки на озере Большие Аллаки) с неким старым сартом. В одном варианте он, окаменев, стал скалой Бей-Таш, в другом — был похоронен под этой скалой. На другом берегу озера стоят скалы, которые называются Килен-Таш — их название также связано с одним из этих преданий. Примечательно, что оба названия оказались зафиксированы

⁷ Обе легенды опубликованы в [64].

на карте, составленной в 1782 году и скопированной в 1792 году [37]. Правда, состояние ее не очень хорошее, и в нашем распоряжении есть лишь снимок посредственного качества.

В других волостях зауральской части Уфимского уезда (Уфимской провинции) значительных изменений не произошло. Точнее, мы пока мало знаем о том, что происходило на северной границе уезда, вдоль Старой Кунгурской (она же Старая Казанская) дороги. А в тех волостях, которые находились дальше от границ с русскими слободами и заводами, ситуация изменилась мало. Происходили обычные подвижки населения, переселения небольших групп. Но история внутренних волостей известна нам гораздо хуже, поскольку выявлено очень мало документов в сравнении с теми территориями, которые граничили с русскими слободами, особенно с территорией заводского (Екатеринбургского) ведомства. Жившие в приграничных волостях башкиры, с одной стороны, чаще обращались с просьбами в Екатеринбург, в связи с чем документы отложились в архивных делах. С другой стороны, на этих территориях чаще возникали земельные споры, как было показано выше и еще будет рассказано далее. По ходу разбора спорных дел зачастую привлекались документы более раннего

времени, не сохранившиеся в других архивных хранилищах. Поэтому по башкирским волостям, граничившим с Екатеринбургским ведомством мы имеем относительно неплохую сохранность документов, позволяющих реконструировать ситуацию конца XVII — начала XVIII века и, более подробно, второй трети XVIII века.

Немного о структуре «татарского» населения Тюменского уезда

Вопрос о том, как соотносятся между собой такие группы, как служилые, захребетные и ясачные татары, в Западной Сибири XVII–XVIII веков довольно сложен в решении, поскольку обычно каждая из этих групп упоминается отдельно. Это вполне объяснимо, поскольку учет населения в России XVII–XIX веков велся по социальным (сословным) группам, а не по этническому признаку. Тем не менее есть источники, позволяющие ответить на поставленный вопрос, и в совокупности их свидетельства дают достаточно понятную и фундированную схему. Правда, сделаем мы это пока только на примере Тюменского уезда, поскольку количество материалов по нему позволяет нам достаточно уверенно интерпретировать ситуацию. Литература по этому вопросу достаточно обширна, но в нашу задачу не входит ее анализ, поэтому просто укажем некоторые исследования, в которых содержатся разработки по истории социальной структуры сибирских татар [6; 22; 25; 26; 61; 64; 66; 75; 77–80 и др.]

Исходно ясачные, захребетные и служилые татары Тюменского уезда входили в родоплеменные группы, жившие на этой территории. После формирования в рамках Московского государства социальных групп часть населения вошла в состав служилых татар, часть составила прослойку податного (ясачного) населения. Поскольку численность служилых татар была ограниченной, не все представители социальной верхушки родоплеменных групп смогли получить этот статус. Близкие родственники служилых составили привилегированную группу захребетных татар. Служилые татары получали жалованье, пахотные земли и покосы, скорее всего,

Фрагмент «Выкопировки из геометрического специального плана... Каслинского завода с принадлежащими к нему землями...». На западном берегу озера Большой Аллак надпись «Килинташ камень»,

на восточном берегу пометка и подпись «Кам(е)нь Бейт(а)ш». В месте обозначения камня Бей-Таш калька повреждена, поэтому читаются не все буквы

недалеко от Тюмени, что позволяло им достаточно быстро собраться в поход в случае необходимости. Но при этом они сохраняли, вместе с ясачными и захребетными, права на вотчинные земли, то есть на территории хозяйствования — жители той волости, к которой они изначально относились. Перейдем к более подробному изложению, а точнее, к подтверждению изложенного.

Начнем с тезиса о том, что служилые, ясачные и захребетные вместе составляли волости (улусы). Итак, «во 124 году, как изменили нам Терсяцкие волости служилые ясачные татаровя» [36, с. 284; 71, л. 67]. Следующее сообщение от 1631 года: «Терсяцкие волости ясашной татарин Янгит Бангучатов да захребетный татарин Якшураз Бахтуразов и били челом государю... что отняли де от них коматцкие люди их оброчные реки Кадамыш, да Ердмыш, да Лабугу и иные их вотчинные речки и озера, на которых оне речках бобры добывали, и боры на которых борах белку, и лисиц, и куницы, государев ясак, добывали» [36, с. 450]. Сообщение 1617 года: «Били нам челом Терсяцкия волости ясачные татаровя Енбай Коянтурин, да Кынырские⁸ волости ясаул Яныбек, да Кобычина городка ясаул Кобыч,

8

Написано «Кынырские», затем «ы» исправлено на «о».

да Обухова городка Щербак Обухов и во всех товарыщев своих ясачных татар и захребетников место» [71, л. 61]. Очень краткие сообщения, но из них мы можем вынести информацию о том, что ясачные, захребетные и служилые люди — это различные социальные группы в рамках волости (улуса), в данном случае в рамках Терсяцкой волости.

Есть и документы, содержащие информацию о вотчинных угодьях: «...били нам челом сибирские тюменские юртовские служилые татаровя Мугаш Ма(й)тмасов, Вакутунай Алашугунов и в товарыщех своих, тюменских юртовских татар семидесят пять человек место. А сказали: служат де они на всякия наши службы... А ныне к Тюмени прикочевали многие наши изменники коламацкие люди, а кочуют от Тюмени и зверуют по Тоболу и по Исете реке в их угодьях и в вотчинах, и теми их угодьи и вотчинами завладели» [Там же, л. 110 об.— 111 об.] Царская грамота 1678 года гласит: «Тюменские де служилые и ясачные Татаровя владели изстари же вотчинными землями на Тоболе реке, а ныне де на тех их старинных вотчинах и урочищах ловят всякого зверя, бобры и выдры, и хмель и орловые гнезда снимают силно всяких чинов Руские люди, и их Татар теснят и изгоняют, а с тех де вотчин они служилые Татаровя служат

Фрагмент «Ланткарты рекам Исети, Течи, Синаре, Миясу, Тоболу, Уи и впадающим в них рекам, озерам и протчим удобным местам Тоболского, екатеринбургского и Уфимского ведомств... геодезиста Ивана Шишкова... Сочинная 1735 году августа месяца. Копировал ученик Пимен Старцов».

Показана территория, на которой формировались группы ясачных татар Усть-Багарякских юртов, ясачных татар команды Ильтебана Степанова, служилых мещеряков, служилых сартов и деревня башкир Бушкурской волости Ураскильдино на озере Пороховом

нашу Великого Государя службу, а ясачные пашут пашню и ясак платят» [1, с. 49–50]. В царском указе 1696 года: «...в прошлых де годах владели тюменские служилые и ясачные татаровья Шугур Матма-сов с товарищи вотчинными землями на Тоболе реке пониже Исецкого устья в верхнюю сторону с речки Кунтуля до речки Бачанки и до речки Чакчи по Майре речке по вершину болота с городовую сторону Тюмени а пониже Чекчи до Камарья бугра и против Чекчи от речки на другой стороне Тоболу реки бор а ныне те тюменские ясачные татароовья Иртычко Чюрин тою пашенною землею Бурубкою озероми вверх по Тоболу реке за Тарханским острогом и санными покосы и озерами и рыбными ловли и всякими угоды подле Бачанки речки на Тоболе реке поступились ему Азбакею» [12, л. 72 об.— 73]. В царском указе 1649 года, присланном тюменскому воеводе Сильвестру Чеглокову по челобитью сыновей Майтмаса Ачекмасова, указаны границы вотчинных земель, о которых они и били челом: «...на Тоболе реке пониже Исецкого устья, с верхнюю сторону межа Акияр, а от Кияра вниз по Тоболу по обе стороны Тоболу до речки до Кюхтюля, да до речки до Куптемярка, да до речки Чекчи, да пониже Чекчи до Коморья бугра» [15, с. 174]. Представление о том, что служилые татары жили под самым городом, вне территории ясачных волостей, не совсем верно. В 1627 году тюменский воевода П. Пушкин писал царю, описывая ситуацию со служилыми юртовскими татарами: «А Татаровья, государь, живут летом по юртам и по пашням в отъезде, от города вдали за два днища и болше, а к городу в ближние юрты съезжаютца как реки станут» [56, стб. 465–466].

Совместное вотчинное владение угодьями разных групп местного населения в данном случае подтверждается различными документами. Приведенные выдержки достаточно убедительно показывают, что исходно представители всех трех рассматриваемых групп входили в состав конкретных волостей. Дальше я постараюсь раскрыть систему взаимоотношений ясачных, служилых и захребетных татар Тюменского уезда.

В документе 1697 года констатируется: «...тюменские захребетные татаровья на службу великого государя к Ямышу озеру никуда не посылаютца

Фрагмент «Плана... межеванию земли между Екатеринбургского ведомства Багаряцкой слободы крестьян Исецкой правинцы Сибирской дороги Салзаутской волости з башкирцами» 1758 года. Показаны Усть-Багаряцкие юрты (деревни Нижняя, Новая и Ключики) и деревня Усманова

и подводы не гоняют, а пашенными землями и сенными покосы владеют» [14, д. 1722, л. 1]. Помимо этого захребетные владели «звериными, и птичьими и рыбными промыслами, и хмелевыми и всякими угодами с ясашными и с своею братьею захребетными татары владеют обще» [Там же, д. 1723, л. 8 об.; д. 1725, л. 23 об., 39 об., 49 об., 53 об., 61 об.].

При этом группу захребетных татар составляли ближайшие родственники служилых — сыновья, братья, племянники, которые являлись кадровым резервом для татар служилых. Именно за их счет пополнялись ряды последних. В списке служб тобольских и тюменских служилых людей 1633–1634 годов есть фраза: «Да захребетные татарове служилых татар дети» [50, оп. 3, д. 525, л. 58]. В «Росписи сибирским городам и острогам: «А гоняют из Тобольска ямскую гоньбу <...> тобольские захребетные татаровя на четыре дороги: на Тюмень, на Березов, на Тару, на Пелым; да им же помогают гонять тобольские служилые татаровя, потому что у них живут в захребете дети их и братья и племянники» [73, с. 19]. Эти документы показывают, кто входил в состав захребетных татар и почему эта группа, как будет показано дальше, служила источником пополнения состава служилых татар⁹.

В 1645 году на государево имя поступила челобитная тюменских юртовских татар, объяснявших, что их 75 человек, а меньше 100 служилых татар на Тюмени быть не должно. Наличного состава просто не хватало для выполнения текущих обязанностей: поездок за солью на озеро Ямыш, несения карательной службы и работы в качестве проводников. Ответом стал царский указ, который предписывал: «И мы тюменских юртовских служилах татар пожаловали, велели тех дети и братья и племянники к ним, старым тюменским татаром, к семи-

десяти пяти человеком в прибавку взяв с Тюмени в Тоболеск в нашу службу поверстати тобольским стольнику и воеводам князю Михаилу Темкину-Ростовскому с товарищи, которые б были добры и в нашу службу их стало... А как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тюменских юртовских служилых татар детей, братью и племянников тритцать пять человек для верстанья с Тюмени в Тоболеск отпустил, а как тех тюменских юртовских татар детей, братью и племянников в Тобольску поверстают и на Тюмень их ис Тобольска пошлют, и ты б им велел на Тюмени нашу службу служить и наше жалованье давать против сего нашего указу по тобольскому верстанью с старыми тюменскими юртовскими татары в ряд» [71, л. 111–111 об.]. Но больше таких масштабных пополнений группы тюменских служилых татар не было.

Зато происходили регулярные замещения служилых татар, покидавших службу по возрасту, по болезни либо же умерших, их родственниками из захребетных татар. Приведу подробные выдержки из документов об одном таком замещении: «Державнейший царь, государь милостивейший, служил тебе, Государю, на Тюмени в служилых татарех, брат мой, Бизияк Кызылов всякие твои государевы службы с служилыми татары в рят лет с тритцать. И в нынешнем 1702 году он, брат Бизияк, умре, а в ево место ништо не поверстан. Всемилоостивейший государь, прошу Вашего Величества, вели, государь, быть мне на Тюмени, в служилых татарех, вместо умершего брата моего, Бизияка, в том же ево денежном и в соляном окладе, вашего величества нижайший раб, захребетной татарин Оксарык Кызылов» [14, д. 1723, л. 8]; «И против сей челобитной выписано: В городских перечневых списках прошлых и нынешняго 1703 годов написано: жалованья великого государя оклад служилому татарину Бизелячку Кызылову денег 5 рублей, пуд соли, да пашенной земли за ним по переписке московского дворянина Ивана Качанова 5 десятин. Да в его Ивановых переписных книгах Качанова прошлаго 1700 году написан вышеписанной челобитчик захребетной татарин Аксарычко Кызылов, у него брат Курткашко тритцати лет, племянник Буйдак Ичкин дватцати лет, в захребетных. Скота: три лошади, три коровы, а пашни у них паханы

9

Авторы примечаний к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера со ссылкой на материалы фонда Сибирского приказа РГАДА сообщают: «В 1624 году ямская гоньба в Тюмени была возложена на захребетных татар и детей служилых татар, которым стали выдавать жалованье ямских охотников; но уже в следующем 1625 году татарский голова Неудача Молчанов говорил в Тюменской съезжей избе, что «тюменские служилые и захребетные татаровя от ямской гоньбы скорбят», а вскоре затем сами служилые татары подали челобитную, прося отставить их братьев и племянников от ямской гоньбы и переложить ее на ясашных татар Ленской волости» [36, с. 640–641].

обще, десятина ржи, четыре десятины ярового. Сенных у них покосов за рекою в луку на полтора ста копен, да подле Андреевское озеро на сто копен, владеют изстари. А звериными, и птичьими и рыбными промыслами, и хмелевыми и всякими угоды с ясашными и с своею братьею захребетными татары владеют обще» [14, д. 1723, л. 8 об.— 9].

Остальные ситуации, зафиксированные в документах ГАТО, весьма схожи с описанной выше, только обычно речь идет о замене человека, уходящего со службы по возрасту и инициатором такой замены выступает он сам. Он же называет имя «сменщика». Чаще всего это брат, иногда сын или племянник, есть пример, когда на замену себе уходящий в отставку человек заявил внука [Там же, д. 1725, л. 39–40, 43–44, 49–50, 53–62; д. 1726, л. 48–50; д. 1739, л. 21–21 об.]. Остается лишь добавить, что практически во всех указанных документах содержится информация о пашенных и покосных землях захребетных татар, а также о том, что прочими угодыями они владеют вместе с ясачными.

Таким образом, тюркское население той территории, которая после вхождения в состав Московского государства составила Тюменский уезд, было разделено на три социальных группы: ясачные, захребетные и служилые татары. Разделение это произошло, судя по всему, уже в рамках Московского государства.

1. Служилые татары, как и следует из названия, несли воинскую службу, представляя собой один из видов иррегулярного войска. За службу они получали денежное, хлебное и соляное жалованье. Помимо этого наделялись пашней и санными покосами. Вместе с ясачными владели вотчинными землями той волости, к которой изначально относились. Податей не платили.

2. Захребетные татары вовсе не соответствовали известным нам по Европейской России «захребетникам». Состояли преимущественно из близкой родни татар служилых и играли роль кадрового резерва для пополнения рядов служилых татар, замещая выбывших из службы по возрасту, болезни или по причине смерти родственников. При этом они владели пашнями, санными покосами и скотом и не платили податей. Скорее всего, захребетные татары выполняли также функции помощников по

хозяйству своих служилых родичей, поскольку те зачастую отсутствовали дома по несколько месяцев и заниматься хозяйством не имели возможности. Таким образом, они пребывали «за хребтом» служилых татар, но представляли собой не зависимую группу, наподобие холопов, а напротив, являлись привилегированным населением.

3. Ясачные татары являлись податным населением, чьей обязанностью была уплата ясака пушминой либо хлебом (отдельные группы), а также другие «службы»: предоставление подвод, ремонт мостов и т. д.

При этом все три группы тюркского населения изначально относились к одним волостям или улусам — родо-племенным или территориальным объединениям в рамках сначала Тюменского юрта, впоследствии Московского государства. Это не исключало возможности принятия в служилые татары пришлых людей, не входивших в местную родо-племенную систему. Общим правом, объединявшим ясачных, служилых и захребетных татар, было вотчинное право на земли: звериные, птичьи и рыбные ловли, хмелевые и прочие угоды. Как сказано в уже цитированном документе: «...с тех вотчин они, служилые татаровья, служат нашу Великого Государя службу, а ясашные пашут пашню и ясак платят» [45, с. 175–176]. Захребетные в этом источнике не упомянуты, поскольку иных явных обязанностей перед государством, помимо замещения выбывших служилых татар, у них не было, да и считались они «за хребтом» служилых.

Ясачные татары на слободских территориях

Наряду с ясачным населением старых волостей по Исети и Пышме во второй половине XVII века формируются группы оброчных, плативших оброк в местные остроги, то есть фактически создавались группы податного тюркского населения, платившего (опосредованно) подати в Верхотурье и Тобольск. Пока что этот процесс мы фиксируем с 1661 года, когда пошла волна «выходцев» из степи — людей, которые были взяты в плен во время набегов Кучумовичей и калмыков либо сами уходили в степь, а потом решили вернуться. Одна из групп, в восемь семей, вышла к Катайскому острогу, и семь семей изъявили желание остаться жить на этих землях [53, стб. 12]. Верхотурский воевода сообщал в Тобольск, что он «память к Илье Бакшеву послал, а велел: которые татара похотят жить в Катайском остроге в ясачных, или на денежной оброк, и я им велел дать льготы против иных татар, на сколько годов даетца» [71, л. 13]. Вспомним, что и первоначальное население Катайского острога, прибранное Панкратием Перхуровым в 1657 году, составляли татары и черемисы, поэтому фраза про «льготы против иных татар» здесь вполне логична. Оброчное население Катайского острога вполне могло формироваться как из татар, переселившихся из Поволжья, так и из местных тюрков, вышедших из степи либо переселившихся на эти земли по другим причинам.

Одной из таких групп, начавших формироваться в XVII веке, являются багарякские татары, или татары Усть-Багарякских юртов. Сегодня мы имеем возможность предварительно реконструировать начало формирования этой группы, основываясь на архивных документах. Об этих поселениях есть довольно подробная информация, которая содержится в одном из спорных дел о территориях между башкирами Салзатской (Сальютской) волости и Катайским острогом и Багарякской слободой. Дело это рассматривалось Главным правлением Казанских и Сибирских заводов совместно с Исетской провинциальной канцелярией в 1740-е годы. В числе прочего в материалах содержатся и результаты опросов жителей разных деревень, в кото-

рых зафиксировано, с какого времени существует деревня, когда и откуда переселились разные жители. По документальным материалам, самая ранняя из существующих сегодня татарских деревень Челябинской области — Усманова. По опросам 1745 года выяснилось, что первые жители пришли туда как минимум за шестьдесят лет до этого, то есть около 1685 года. Один из них, Исекай Кадыргулов, в момент переписи был жив, имел возраст 108 лет [13, д. 1092а, л. 291–293; 38, л. 103–106 об.]. С этой деревни, которая в документах XVIII века часто носит название Асманова, или Османова¹⁰, начинается формирование группы деревень, которая позже получит название Усть-Багарятские юрты, а население их станет называться «багарятскими татарами». Название деревня получила, скорее всего, по имени отца одного из ее жителей, указанного в списке 1745 года, — Зайта Асманова, который скончался за 16 лет до проведения опроса [13, д. 1092а, л. 293; 38, л. 105 об.]. Всего в деревне Усмановой были опрошены 24 хозяина дворов. Еще три деревни назывались: Нижнесинарская (она же Багарятская), Новая (она же Давыдкова, или Даутова) и Ключевская (Ключики).

Нижнесинарская деревня располагалась на реке Синаре, чуть выше впадения в нее Багаряка. В 1745 году в ней был 31 двор ясачных татар [13, д. 1092а, л. 297 об.–301; 38, л. 106 об.— 109 об.]. Деревня Новая, она же Даутова, она же Дывыдкова, стояла несколько выше Нижнесинарской по течению. На 1745 год в ней было 24 двора ясачных татар и 15 дворов служилых мещеряков [13, д. 1092а, л. 301 об.— 304; 38, л. 109 об.— 111]. А ниже по течению Нижнесинарской находилась еще одна деревня — Ключевская, или Ключики, а в ней 14 дворов ясачных татар [13, д. 1092а, л. 304 об.— 305; 38, л. 111]. Насколько можно судить, сегодня эти три деревни слились в одно село Усть-Багаряк. Собственно, обобщающее название «Усть-Багаряцкие юрты» применялось по отношению к трем татарским деревням в нижнем течении Багаряка и Синары еще в 1736 году [13, д. 626а, л. 584–585], а иногда

10

Собственно, имя Усман также вплоть до XIX века фиксировалось в виде Осман или Асман.

их обозначали вообще как одну Усть-Багаряцкую деревню [Там же, л. 585].

Поскольку в ходе опроса люди рассказывали, пусть и не подробно, откуда и когда они переселились в эти деревни, это дает возможность выяснить некоторые интересные детали. Один из жителей Нижнесинарской, Антык Кепаков, сказал, что ему семьдесят лет, родился он в деревне Асмановой, а в Нижнесинарскую пришел лет за тридцать до опроса [Там же, д. 1092а, л. 296 об.; 38, л. 107]. Если эта информация достоверна, то деревня Усманова существовала уже в 1675 году, правда, называлась она тогда как-то иначе. Уже упоминавшийся Исекай Кадыргулов говорил: «...лет с шестьдесят [назад] переехал без указа где ныне она деревня Асманова селением состоит и он Исекай живет». Причем он был не первым, поселившимся там, поскольку тут же упоминается: «...согласясь со своей братьей, протчими таковыми ж татарами...» [13, д. 1092а, л. 291 об.; 38, л. 103 об.]. Да и выше уже говорилось, что Кепаков родился в Асмановой за семьдесят лет до 1745 года. Как бы то ни было, похоже, что Усманова (Асманова) — это самый старый из существующих сегодня населенных пунктов Челябинской области, имеющий хоть какое-то документальное подтверждение своего возраста. Характерно, что при межевании русских и башкирских земель на этой территории Исетской провинциальной канцелярией в 1744 году было рекомендовано обойти межой земли деревни Асмановой поскольку «она поселением своим тут старинная и прежде еще тутошних русских жил (поселений.— Г. С.)» [13, д. 1092а, л. 441].

Помимо прочего в материалах опросов содержится информация о поселениях, которые к тому времени уже прекратили свое существование. Три человека сообщили, что пришли в Нижнесинарскую из деревни Курмашевой, которая раньше стояла на Багаряке ниже Усмановой, и к моменту составления документа (1745) уже не существовала. Самому старому из родившихся в Курмашевой и перебравшихся позже в Нижнесинарскую было 72 года [13, д. 1092а, л. 297 об.; 38, л. 107 об.]. На устье Багаряка в самом конце XVII — начале XVIII века размещались деревни Бабикова и Айметева, которые к моменту опроса также не существовали

[13, д. 1092а, л. 297–299 об.; 38, л. 107–108]. Кроме того, в ведомстве Катайского острога в середине XVII века находилась деревня ясачных татар Кадыргулова, все население которой ушло в Ичкинские юрты во время «башкирского замешательства» — очевидно, в 1662–1669 годах. Такой вывод я делаю исходя из рассказа Исекай Кадыргулова, поскольку, пожив в ичкинских юртах «лет с тридцать», он пришел в Усманову «назад тому лет с шестьдесят» [13, д. 1092а, л. 291–291 об.; 38, л. 103–104]. Тридцать лет в Ичкинских юртах — это явное преувеличение, вполне объяснимое с учетом преклонного возраста рассказчика. Население татарских деревень в окрестностях Катайского острога могло быть как местного происхождения, так и пришлым. Если посмотреть материалы из сыска тобольского дворянина Ивана Полозова 1695 года, то в описании Катайского острога значатся лишь двое русских татарского происхождения [51, оп. 5, кн. 1444, л. 73 об.— 106], один из которых, Осип Трофимов сын Мурзин, был потомком мурзы алатырских татар [Там же, л. 73 об.]. А в сентябре 1660 года приказчик Катайского острога Панкратий Перхуров рапортовал о том, что за 1657–1660 годы в пахотные крестьяне в острог прибрано пять семей русских крестьян и 36 семей татар и черемисов (марийцев) [16, с. 224, № 84]. Очевидно, большая часть нерусского населения расселилась деревнями на землях, отведенных Катайскому острогу. Не исключено, что Кадыргулово как раз таки и была деревней, в которой жили татары, поселившиеся в Катайском остроге, но впоследствии вынужденные отсюда уйти.

Большинство поселившихся в перечисленных четырех деревнях на Синаре и Багаряке до этого жили на Южном Урале — «в Уфимской провинции». Определить, где именно, пока не представляется возможным, поскольку по названию локализовать место расположения поселения на начало XVIII века практически нереально, за редким исключением. К таким исключениям относятся Ичкинские и Терсютские (Терсякские) юрты. Из последних в деревню Новую переселились шесть человек, в том числе сотник ясачных татар Марзагул Исенбаев. По их сообщению, они ушли от разорения русской «вольницы» [13, д. 1092а, л. 301 об.;

38, л. 106 об.— 109 об.]. Но «вольница» (отряды из русских крестьян) созывалась обычно во время башкирских восстаний, когда сил регулярной армии не хватало для борьбы с восставшими. Поэтому «переезд» татар из Терсютских юрт в Новую деревню произошел, скорее всего, в период восстания 1705–1709 годов, то есть чуть раньше, чем они указали при опросе.

Ясачные татары команды Ильтебана Степанова

Помимо ясачных татар команды Марзагула Исенбаева, большая часть которых проживала в Усть-Багарякских юртах, в первой трети XVIII века в восточной части Уфимской провинции формируется команда ясачных татар Ильтебана Степанова. Эта группа проживала в деревнях Алчаева, Кутукаева, Кызылташева, Новая, Улугуш, Шешма на озере Кызылташ, реках Багаряк и Синара в 1730–40-е годы [13, д. 626а, л. 128–133 об.]. По крайней мере, в документах 1744 года ясачные татары команды Ильтебана Степанова еще упоминаются [Там же, д. 1092а]. В 1743 году по их прошению им были отведены земли в нераздельной Кара-Табынской и Барын-Табынской волости, куда они впоследствии и переселились, образовав 13 новых деревень. Если в 1744 году они значатся еще как ясачные татары, то в 1750 году, как пишет А. З. Асфандияров, в документах их называли уже тептярями [2, с. 26]. Собственно и обозначение «ясачные татары» в данном случае является ярким примером соционима, то есть обозначения социальной группы без привязки к этнической составляющей, поскольку есть все основания полагать, что в команду Ильтебана Степанова входили в основном чуваши. В письме Батырши Алеева императрице Елизавете Петровне приводятся слова старшины служилых мещеряков Муслюма (Муслима) Аширова: «...оглашен указ о том, чтобы старшина Ильтабан со всей своей командой, оставив веру ислама, перешли бы в русскую веру, или же вернулись в прежнюю, дедовскую свою веру — чувашскую» [43, с. 80]. Следовательно, если и не всю команду Ильтебана Степанова, то большую ее часть составляли чуваше. При

этом назывались они «ясачными татарами». Можно с уверенностью говорить о том, что это название носило сословный характер.

Подтверждением этого является и один из документов 1736 года: «...февраля 20 дня Уфинского уезду Сибирской дороги ясашный татарин Катуйкай Масков и Муллаш Масков привезли Сибирской дороги Упейской волости башкирца Самангула Баракова, которой приезжал от Юсупа вора о возмущении башкирцов для воевания на Русь и протчих мещеряков и чуваш и по приводе допрашиван. А в допросе сказал: послан де был он с товарищи Деваской волости з башкирцом Бакбыном, Пущинской волости Кулаем Айвыповым от Юсупа вора с товарищи в зауральские все волости живущие на Сибирской дороге и близ русских жильев о совокуплении чтоб с весны идти на русские все слободы и деревни войною рубить и разорять всех русских також и мещеряков и ясашных татар. И оных де всех волостей Сибирской дороги живущие за Уралом башкирцы обещались и по своей вере Куран целовали чтоб идти с весны воевать и ныне башкирцы аманатов дали под видом, чтоб как-нибудь прожить зиму, дабы сошел снег, а по сшествии снегу не упущая не малое время пойдут с войною на русских и мещеряков и чуваш». Как видим, в этом документе понятия «ясачные татары» и «чуваше» являются взаимозаменяемыми.

Поселились они в восточной части Уфимского уезда уже в начале XVIII века, точнее, после окончания восстания башкир 1705–1711 годов. По крайней мере, практически никто из ясачных татар команды Ильтебана Степанова в 1745 году не сказал, что переселился в эти деревни раньше, чем за тридцать лет до проведения опроса [13, д. 1092а, л. 303–327].

Служилые мещеряки

Служилых мещеряков обычно однозначно интерпретируют как «мишарей», но это не совсем верно¹¹. «Служилые мещеряки» (а также «ясачные татары» и «башкиры») — это название сословной группы, а входить в ее состав могли представители разных народов, носители разных языков. По крайней мере, в документах 1730–40-х годов перечисляются следующие имена служилых мещеряков: Фалдар Степанов, Бектемир Петров, Бекбулат Тимофеев, Тимофей Мирясов, Алексей Байбулатов [13, д. 626а, л. 131–132 об.], Терентий Илюшин [Там же, д. 695, л. 287]. В 1737 году в состав служилых мещеряков команды Муслюма Аширова был включен клан калмыков — Ямар Зургатаев с семьей взрослыми сыновьями. Правда, пробыли они в мещеряках недолго [62, с. 47–50]. Но об этом подробнее скажем в следующих главах. В широком значении мещеряков часто называли просто «татарами», на картах обычно деревни мещеряков обозначали как «татарские», то есть помечали буквой «т», в отличие от башкирских, которые выделяли с помощью буквы «б».

Формировалась группа служилых мещеряков на той же территории, что и ясачные татары команд Марзагула Исенбаева и Ильтебана Степанова. Одно из самых ранних упоминаний о мещеряках, живших в этой местности, относится к 1708 году: «...и приехав де к Синарским юртам и в тех юртах поймали мещеряка Елдаша Утесмышева... А Елдаш Утямышев в допросе сказал: с Караболки де речки из Новые деревни с Уряком Чукалевым да с Темеряком Тюкалевым ездил он Елдяш за Камень к башкирцом... И он де от них приехал в Уфинской уезд на Караболку...» [32, с. 233–234]. На карте 1735–1737 годов мы видим на Караболке (Карабулаке) две татарские деревни — Кутакаеву и Доскееву. Какой из них соответствовала деревня Новая в 1708 году и сохранилась ли она вообще, нам судить сложно.

Опрос жителей, проведенный в 1745 году, показывает, что первые представители группы служи-

лых мещеряков переселились в эти края примерно за сорок лет до этого. Указанная информация совпадает с данными процитированного выше документа. Следующие группы присоединялись в течение последующих 20–25 лет. В 1736 году служилые мещеряки жили в 13 деревнях. Часть деревень была смешанная — там жили и мещеряки, и ясачные татары: Алчаева, Новая на Синаре и Улугуш. В 1736 году служилых мещеряков насчитывалось как минимум 93 человека мужского пола (с детьми).

Мы полагаем, что название «служилые мещеряки» сложилось уже на Южном Урале. А основу самой группы составили служилые татары Кадомского, Темниковского и других уездов. В конце XVII века после первых указов о крещении, в частности «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года [45, № 867, с. 312–313] и именного указа от 26 апреля 1683 года [Там же, № 1009, с. 644–645], у мурз и князей, которые отказывались принимать крещение, отнимали земли и крепостных людей православного вероисповедания. Часть тех, кто не хотел принимать крещение, ушли на восток — на Урал и в Зауралье, сформировав новую сословную группу «служилых татар». Новый толчок к переселению служилых татар дал указ Петра I от 3 ноября 1713 года о крещении в Казанской и Азовской губерниях магометан, у которых в поместьях и вотчинах находились крестьяне православной веры [46, № 2734, с. 66–67]. В частности, после этого указа в Зауралье пришла достаточно большая группа служилых татар с Бекметом Тонкачевым. Но, в отличие от тех, кто осел на реках Караболка, Синара и Багаряк и поблизости от них, Тонкачев с товарищами ушел в Ичкинские юрты. Эта группа не называла себя мещеряками, влившись вскоре в сообщество ичкинских татар [8].

Жили мещеряки на землях башкир и изначально платили оброк в размере 10–20 копеек в год с каждого двора. Характерно, что даже мещеряки, жившие в деревне Улугуш, которая находилась восточнее реки Течи, платили оброк башкирам Салзатской волости. Это при том что земли восточнее Течи точно не являлись вотчиной салзатцев (Салзатской волости), а относились скорее к Катай-

11

Я также допускал подобную ошибку в относительно недавних публикациях, например [59].

ской волости. Но сальютцы явно наращивали свое присутствие в регионе и заявляли права на те территории, которые изначально входили в сферу интересов других групп.

Ичкинские татары

Еще одна группа, формировавшаяся в последней трети XVII — XVIII веке на территории Шадринского уезда, вблизи Мехонского острога, — ичкинские татары. Ситуация здесь несколько отличается от ситуации с багарякскими татарами, поскольку группа начала формироваться на реке Ичкин, на землях, пожалованных тобольским служилым татарам Сейдяшевым. Самая ранняя информация о речке Ичкин и татарам, владевшим землями по ней, относится ко второй половине XVII века. В одном из дел, хранящихся в ГАПК, имеется копия текста «данной», или «отказной грамоты», выданной тобольским служилым татарам. Полный текст документа опубликован в одной из недавних статей [60], поэтому здесь я приведу лишь фрагменты. В 7195 (1686–1687) году «тобольския служилыя татаровя Аптышка Сейдяшев з братьями с Чемейком с Бакитком с Кушаметком с Тюлячком» били челом, чтобы им выдали копию данной на пожалованные земли по речке Ичкину и по Тоболу [11, л. 5]. На что тобольским властям было предписано: «...и как к вам сия наша Великих Государей грамота придет и вы б учинили против сего Великих Государей указа прочитая грамоту и списав с нея список оставили в Тоболску в приказной палате а подленную отдали им Абдышку з братьями» [Там же, л. 5 об.— 6]. Собственно первоначальное пожалование было дано при воеводе Петре Васильевиче Шереметеве в 7186 (1675–1676) году [Там же, л. 4].

В этом же документе цитируется фрагмент переписной книги Льва Поскочина: «И по памяти на подленной челобитной в Сибирском приказе написано в писцовых книгах писца Льва Поскочина в татарских землях 193 году написано в Тобольском уезде деревня Ичкина вверх реки Исети на речке Ичкине а в той деревне двор служилых татар Абдышка да Чемейка Сейдяшевых з братьями а в том дворе живут дворовые их люди купленные калмы-

ки Мишайко Галдычко Аиткулко Лачинко женаты на калмыцких же девках» [Там же, л. 5 об.]. В книге З. А. Тычинских приводятся имена служилых татар XVII века, в числе прочих значатся Аптыш Сейдяшев с окладом в 12 рублей, «Абдысаличко» Сейдяшев с окладом 9 рублей [77, с. 255–256].

А в переписных книгах того же Поскочина по русским поселениям в ведении Мехонского острога указана деревня Ичкина, в которой живут «промышленные татаровя казанцы и иных городов. Платят государев денежный оброк» [51, оп. 5, д. 261, л. 962 об.— 964]. Все они были выходцами из Казанского, Свияжского и Кадышского уездов и числились в Мехонской слободе. Здесь возникает достаточно интересная коллизия: земли, на которых стояла деревня Ичкина или Ичкинские юрты, не относились к Мехонскому острогу, они были пожалованы братьям Сейдяшевым. Очевидно, формально эти переселившиеся татары числились по Мехонской слободе, но жить предпочитали на землях, принадлежавших татарам.

В 1770 году академик П.-С. Паллас записал: «Напротив того дорога предлежала мне по левой стороне Исети по степи чрез село Масленское, деревню Ичкину над ручьем такого же имени, от коего наречены и прочия деревушки оселенныя Татарами, происходящими из поколения Казанских и здесь во первых поселившихся в развалившийся Мехонский острог» [39, с. 471]. В другом месте, описывая население деревни Могильной или Альменкуль, он сообщил: «Сии татара суть роду Ичкинских казаков, которые лет за сто, или как старики меж ними говорят, во время юношества Петра Великого, пришед из Казанской провинции, поселились в малом числе на реке Ичкане впадающей в реку Исеть, теперь же число их столь умножилось, что составляют почти 200 семей, которые живут рассеявшись по реке Тече и Миясу» [40, с. 30–31]. То есть по версии, записанной Палласом, ичкинские татары — потомки татар казанских, поселившихся в Мехонском остроге. Надо отметить, что люди, жившие в деревнях на территории, отведенной острогу, тоже считались его (острога) жителями. То есть вне зависимости от того, жили они в самом остроге или в деревнях, расположенных на отведенных ему землях, числились они в Мехонском остроге

(Мехонинской слободе). Эти версии, записанные П.-С. Палласом, подтверждаются приведенными выше фрагментами из переписной книги Льва Поскочина.

Перепись 1710 года зафиксировала изменение количества и состава населения деревни Ичкино: «И всего Ичкинских татар... 47 юрт в них людей мужеска полу 158 человек женска 131 человек» [51, оп. 5, д. 434, л. 696]. Если расшифровать эти цифры, то окажется, что в 1710 году в Ичкинских юртах было восемь дворов служащих драгун, пятнадцать дворов отставных драгун, четыре двора казачьих детей, одиннадцать — оброчных татар, два — пришлых татар, четыре — татар-бобылей, два двора бобыльских вдов и один двор тобольского посадского человека. В числе прочих есть двое Сейдяшевых (Седяшевых) — отставной драгун Кулаш и казачий сын Тюляк [Там же, л. 649–655 об.]. Насколько можно судить, Тюляк — один из братьев Сейдяшевых, указанных в процитированном выше документе конца XVII века. И если казаков мы можем отнести к тобольским служилым людям, то где служили драгуны, я не знаю — со списком тобольских служилых татар XVII века, приведенным З. А. Тычинских, имена упомянутых персонажей не соотносятся. Скорее всего, эти драгуны в недавнем прошлом беломестные казаки, переведенные в новое состояние в связи с реформой конца XVII века, когда из бывших беломестных казаков был создан Сибирский драгунский полк [49, с. 368–369].

Первый этап формирования этой группы приходится на последнюю треть XVII — начало XVIII века. В документах начала XVIII века уже используется обозначение «ичкинские татары». Так, полковник Ф. Толбузин в отчете о действиях против восставших башкир упоминает «служилого ичкинского татарина Сумалея Енеева», который умер от раны, и «драгуна ж, ичкинского татарина, Изюка Кленчина» [41, с. 389, 391]. Помимо служилых татар, которые относились, скорее, к тобольским служилым татарам, были драгуны Мехонского острога (точнее, драгуны роты Сибирского драгунского полка, базировавшейся в Мехонском остроге) и оброчные / ясачные татары. Некоторые дополнительные аспекты истории ичкинских татар и клана Сейдяшевых рассмотрены в нескольких работах

[60; 61; 63; 65; 66]. Дальнейшая история развития группы будет проходить уже в изменившихся исторических условиях и при других административно-территориальных границах.

Слюда, рыба — промыслы на вотчинных землях зауральских башкир

Невозможность строить новые слободы и остроги на территории Зауральской Башкирии вовсе не означала, что русские не имели доступа на эти земли. Сами же челобитчики сообщали, что озера башкиры отдавали им в кортому, то есть в аренду. Подобная ситуация сохранялась и в XVIII веке. А пахать землю не разрешалось. Башкиры справедливо полагали, что, осев на земле, русские уже не уйдут. Кстати, запрет пахать землю обычно касался и своих — башкир из других родов и волостей (припущенников), которые поселялись на чужих землях: они могли пасти скот, косить сено, ловить рыбу, но пахать им не позволялось.

В известном «Деле о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала», в челобитной зауральских крестьян и беломестных казаков сказано: «Во 181-м году августа в 1 день в отписке ж из Сибири с Уральских гор думного дворянина Якова Тимофеевича Хитрово с товарищи написано: по указу блаженныя памяти государя и по грамотам велено им из сибирских городов идти на Уральские горы, серебряной и иных руд и слюды в Уральских горах и в иных местах сыскивать» [32]. Стоит заметить, что в работе Е. А. Курлаева и И. Л. Маньковой, где достаточно подробно рассмотрена история экспедиции по поиску серебряной руды на Южном Урале в 1669–1773 годах, о задачах поиска слюды не упоминается (см. [29]). Возможно, в челобитной 1695 года упоминание слюды являлось отображением представлений о важности это минерала. В той же челобитной приводятся следующие данные: «Во 197-м и 198-м годах по указу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича и великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича посланы грамоты из Сибирского приказу в Сибирь в Тобольск, велено близ Уральских гор в гороже, в камению промыш-

лять на них великих государей слюду, а в промысле и в присылке ис Тобольска к Москве в Сибирский приказ слюды 900 пуд, в продаже по 3 руб. пуд» [31, с. 94]. Соответственно слюда, полученная с месторождений в Уральских горах, поступала в Москву, и в немалых количествах (см. [48, с. 233]). В данном случае мы можем точно определить место, где проводилась ее разработка: на карте С. У. Ремезова, составленной по материалам сыска тобольского дворянина И. Полозова в рамках процитированного выше «Дела о спорной земле...», показаны «Слюдные горы» и даже «Дорога к Слюдным горам» (рис. 2, 1А).

Эта история имела продолжение — в 1690-е годы добыча слюды на территории Тобольского разряда была отдана в монопольное содержание подъячему приказной палаты Якову Лапину. Он жаловался, что крестьяне Новопышминской слободы «на приискных ево слюдных местах утайкою слюду промышляли и на Ирбитцкой ярманке продавали» [Там же, с. 234]. Яков Лапин имел разрешение на разработку тех месторождений, где до этого «промышляли слюду на великих государей», а также на поиск и эксплуатацию новых «вновь слюдных мест» [Там же, с. 233]. В 1693 году на добыче слюды у Я. Лапина работали сто человек, которых возглавлял его племянник Иван Коляев. Как пишет А. А. Преображенский, промысел Я. Лапина был расположен по рекам Уй и Увелка [Там же, с. 234]. Место расположения рудников, которые разрабатывал Я. Лапин, можно уверенно определить с помощью еще одной карты С. У. Ремезова — «Чертежа» к «доезду» полковника Л. А. Парфентьева (рис. 2, 2). Полковник Леонтий Иванович Парфеньев служил в Сибирском драгунском полку от его восстановления в 1698 году и как минимум до 1709 года (см. [41]), но, поскольку в доезде упоминаются воевода князь Михайло Яковлевич и стольник князь Алексей Михайлович Черкасские, то датировать документ можно 1709–1710 годами, а точнее, весной 1710 года (см. [Там же, с. 364–368; 55, вклейка, рис. 5]). Эти сведения важны, поскольку А. А. Преображенский полагал, что слюдяной промысел Лапина к 1697 году уже не существовал [48, с. 234]. Но если верить карте С. У. Ремезова, избы слюдяного промысла уцелели во время восстания

1705–1709 годов либо же к моменту составления «чертежа» были отстроены вновь.

Надо отметить, что в сравнении с «чертежом» 1695 года (рис. 2, 1) документ 1710 года (рис. 2, 2) показывает довольно сильно изменившуюся ситуацию. Если на карте 1695 года Слюдные горы расположены недалеко от озера Чебаркуль, то на чертеже к «доезду» полковника Парфентьева обозначены горы Слюдные (рядом с озером Чебаркуль, из которого вытекает река «Коилна», а точнее, Коелга). Выше (то есть западнее) в горах у истоков Кабанки показаны «Слюдные новыя места», а чуть ниже по Кабанке, по правому ее берегу — «промысел слудной» и «признаки слудные», а далеко на юге (в левой части карты), ниже места слияния Увелки и Кабанки, мы видим «Заимку Лапина, избы слудного промыслу» (см. рис. Фрагмент карты «Административное деление Сибири XVII века» 2, 2). Интересно, что заимка Я. Лапина находилась практически в степной зоне. О разработках слюды в этой местности в более позднее время, в отличие от окрестностей озера Чебаркуль, ничего не известно. Вполне возможно, что и то и другое места разработки этого полезного ископаемого эксплуатировались Я. Лапиным, поскольку ему было разрешено использовать старые месторождения, которые в 1690-е годы вовсе не были выработаны, если принять во внимание, что добыча там продолжалась и в конце XVIII века.

Многие озера сдавались башкирами в «кортом», то есть в аренду крестьянам из разных мест — из Катайского острога, Арамильской слободы [13, д. 1092а, л. 3]. Крестьяне брали на откуп озеро, платили в год хозяевам установленную сумму, в урочное время приходили на озеро, ставили балаганы, ловили рыбу, в летнюю пору вялили, а зимой просто замораживали и на санях везли на продажу. Очевидно, это было выгодно, поскольку русские крестьяне арендовали таким образом многие озера в башкирских волостях.

Остановлюсь на этом моменте чуть подробнее, поскольку обычно такие детали остаются «за кадром» исторических повествований. В 1730-е годы в ходе одного из разбирательств власти в Екатеринбургe выясняли, кто брал в кортом озера у башкир Мякотинской волости и прочие обстоятельства.

Были допрошены представители трех артелей. Крестьянин Арамильской слободы Ульян Блинов рассказал, что в 1723–1732 годах он с тремя товарищами арендовал у башкир деревни Редяшевой озеро Сунгуль и исток из озера Наноги. Платили они за аренду озера по 30 или 40 рублей в год, а за исток — 3 рубля. А в 1732 году заплатили вперед за аренду озера Сунгуль 45 рублей, истока из озера Наноги — 3 рубля [13, д. 1092а, л. 12]. Другая артель, крестьянина Арамильской же слободы Ефима Шмелева с товарищами, всего восемь человек, кортомили с 1712 года озеро Иртяш и платили в год по 10 или 20 рублей, а в 1732 году заплатили вперед 40 рублей. Третья артель на этом фоне сильно выделяется. Артельщик, бывший кузнец Арамильской слободы Петр Банных, с восемью товарищами арендовал озеро Кызылташ за 4 рубля в год [Там же, д. 1092а, л. 12–13]. Как им это удалось, не очень понятно. Возможно, вместо денег они нелегально рассчитывались с башкирами чем-нибудь другим, например железом, что было запрещено. Тем не менее только с трех озер башкиры Мякотинской волости получили в 1732 году арендной платы больше 90 рублей.

Зимой 1735 года Татищев направил крестьян Баряжской слободы к башкирам Каратабынской волости, чтобы договориться об аренде озера сроком на пять лет и о постройке поселения. Выяснилось, что на тот момент озеро Чебаркуль было отдано в аренду крестьянам Далматова монастыря за 20 рублей в год [38, д. 97, л. 66 об.].

Попытка строительства острога на Чебаркуле

Попытки изменить ситуацию с русским расселением в Зауральской Башкирии предпринимались и в первой трети XVIII века. Они были вызваны как притязаниями русских крестьян на неосвоенные, с точки зрения земледельца, территории, так и вопросами административного характера. Одна из последних (до начала работы Оренбургской экспедиции) подобных попыток продолжить строительство русских слобод и крепостей в Зауральской Башкирии была предпринята крестьянином Крутихинской слободы С. И. Кузнецовым. В 1729 году он подал на имя Петра II прошение о разрешении построить крепость на озере Чебаркуль. В своем прошении Кузнецов делал акцент на двух моментах: первый и основной — безопасность русских селений в Зауралье; второй — выгода государству: «...и те оброчные деньги в казну мы платить будем, а прежде сего татары-башкирцы ни почему не платили и ныне не платят». Аргументация челобитчика во многом схожа с доводами слободчиков в документах «сыска» Ивана Полозова, он также упоминает попытку строительства Зюзельской слободы. В отказе Сената на прошение Кузнецова первое место занимает довод: «...могут иноверцы, с коими велено поступать ласкою, причитать в себе озлобление...» [32, с. 487–489]. Царское правительство продолжало придерживаться довольно мягкой политики в отношении башкир.

К челобитной прилагалась карта Южного Зауралья, составленная явно не геодезистом. Но общую ситуацию, изображенную на ней, понять можно, потратив немного времени. На этой карте (опубликованной в том же томе «Материалов по истории Башкирской АССР», что и челобитная С. Кузнецова) обозначена ситуация, как ее представлял автор (С. И. Кузнецов), и показаны места, где должны были стоять межевые столбы [33, фотокопия № 1]. Межевые столбы должны были обозначать границы участка, отведенного Чебаркульской слободе, если бы таковую разрешили строить. Поскольку разобраться в том, что же показано и написано на исходной карте, сможет далеко не всякий неподготовленный человек, мы привели адаптированную

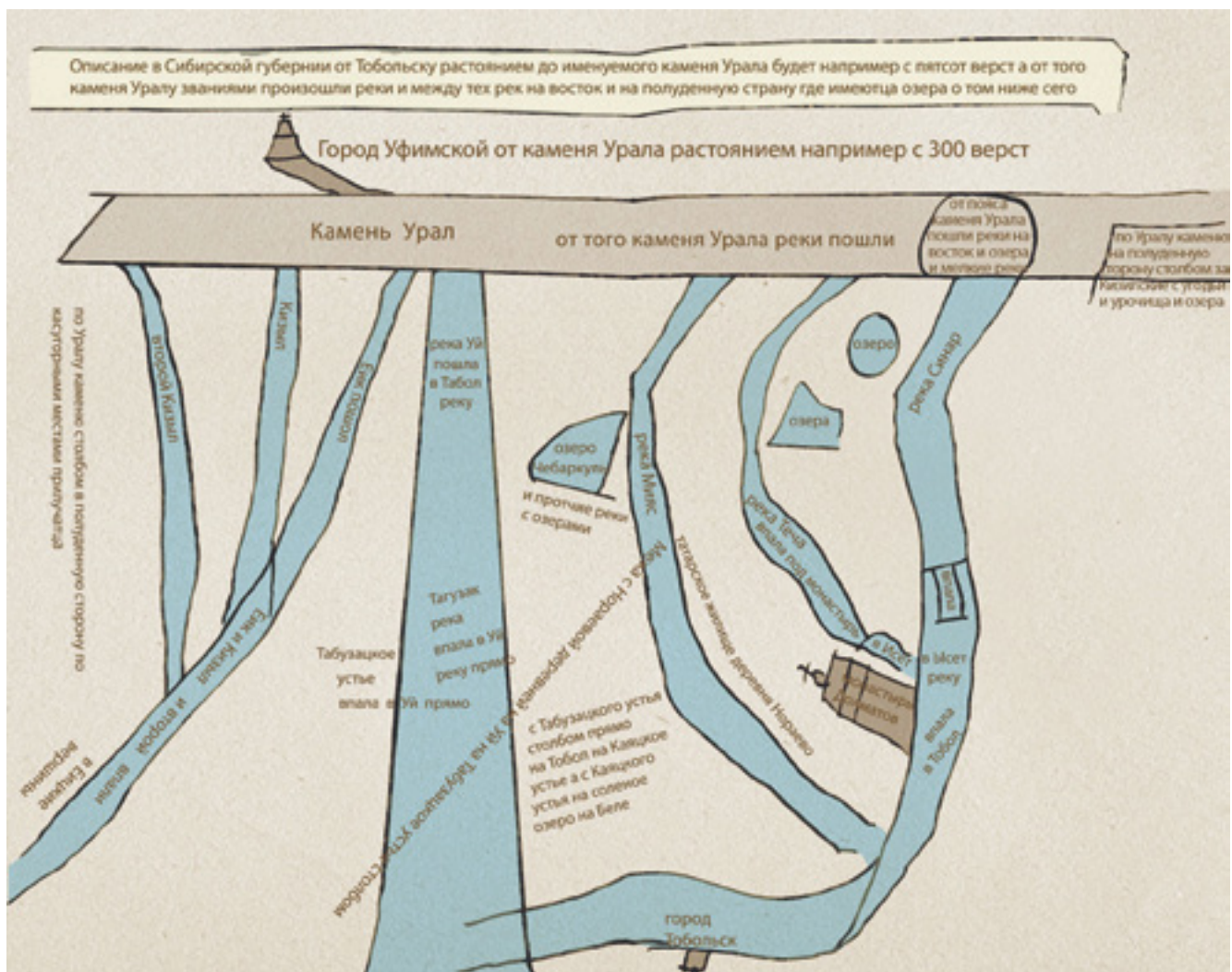
версию карты, помещенной в «Материалах по истории Башкирской АССР». Но даже в таком виде непривычное отображение географических объектов (рек и гор), а также архаичный язык затрудняют понимание чертежа. Поэтому лучше сопроводить его комментарием.

Итак, постараемся описать то, что показано на чертеже Кузнецова. Сразу обратим внимание, что ориентировка этого чертежа не соответствует современным стандартам (у карт сегодня верх — это север). В данном случае верх чертежа ориентирован на запад. Вверху полоса, обозначающая «камень Урал», то есть Уральские горы. Выше гор показан Уфимский город, расстояние которого от «камня Урала» — примерно в 300 верст. Здесь явное преувеличение, очевидно призванное показать,

что описываемая местность относится именно к Сибири, а не к Уфимской провинции. На полоске Уральского хребта («камня Урала») написано: «От пояса камня Урала пошли реки на восток и озера и мелкие реки». Реки показаны весьма условно — полоски, очерченные двумя линиями. Направление рек зачастую очень сильно расходится с действительным. В случае с Синарой все совсем постмодернистски: Синара просто переходит в Исеть (на этом отрезке, где «полоска» изображает Исеть, в нее впадает Теча), затем Исеть так же запросто оказывается Тоболом, то есть с какого-то места Исеть — это уже Тобол. Река Миасс впадает не то в Исеть, не то в Тобол, но все же выше Тобольска. Кроме того, показаны: река Уй с впадающим в нее Тогузаком и река Яик (Урал) с двумя речками Кизыл. Речка Тогузак даже не нарисована, просто на полоске, изображающей Уй, написано: «Тогузак река впадала».

Чертеж к челобитной
С. Кузнецова о разрешении
постройки слободы

на озере Чебаркуль. 1729 год.
Адаптированный вариант

в Уй реку прямо», а чуть левее и ниже: «Тагузацкое устье впадала в Уй прямо». Никакие другие притоки Уя не обозначены. Кроме Далматова монастыря и Тобольска на схеме обозначено лишь «татарское жилище деревня Нораево» по левому берегу Миасса. На картах 1735–1737 годов деревня с названием Нораево (или схожим) не показана. Но в документах 1736 года фигурирует «мещерятская деревня Нураева» [13, д. 626а, л. 128–133 об.]. Возможно, подразумевалась именно она. Для крестьян Южного Зауралья мещеряки были в большей степени союзниками и, как «свои», очевидно, имели право на угодья, относящиеся к их жилищам (с точки зрения русских крестьян). Башкирские деревни, которых было довольно много на обозначенной на чертеже территории, в документе никак не упомянуты. Судя по всему, С. И. Кузнецов, как и авторы челобитной 1695 года, придерживался той точки зрения, что Южное Зауралье — это земля Сибирского ханства, которая после разгрома Кучума Ермаком стала «государевой», а башкиры пришли сюда после поражения Сибирского ханства из-за Уральского хребта.

Характерны контуры участка, предполагаемого Кузнецовым в качестве угодий будущей Чебаркульской крепости. На юге межевой столб предполагалось поставить южнее верховьев Яика и Кизыла: «По Уралу камению столбом по косугорными местами притучатца». С юга на север граница, очевидно, должна была идти по Уральскому хребту, по восточному его склону. На севере межевой знак планировалось поставить севернее Синарского озера. Надпись на этой точке гласит: «По Уралу камению на полуденную сторону столбом за Кизилские с угодья и урочища и озера». То есть действительно вся земля вдоль Уральского хребта и за рекой Кизил на юге должна была отойти новой крепости. От северной точки граница участка должна была пойти на юго-запад, не затрагивая угодий деревни Нораево (Нураево), по границе с ними, на устье Тогузака: «Межа с Нораевой деревней на Уй на Табузацкое устье столбом». Далее граница шла по Ую до места впадения в него речки Каячь и за Тобол на озеро Беле. С озера Беле, судя по всему, граница шла к столбу южнее Кизильских верховий. В общем, С. И. Кузнецов планировал отмежевать крепости

на озере Чебаркуль территорию, сопоставимую с территорией современной Челябинской области. Подпись в левом нижнем углу читается не полностью, потому что чертеж здесь обрезан.

Еще раз отдельно подчеркну — никаких русских поселений на территории, которую Кузнецов проектировал под угодья новой крепости, не было. Если бы какие-нибудь русские населенные пункты здесь существовали, то их угодья были бы обойдены предполагаемой границей участка, как это было сделано с границей деревни Нораево. Этой самой деревне Нораевой отмежевывался участок земли меньший, чем для Чебаркульской крепости, но довольно приличный: территория между Караболкой и Течей, которая в действительности относилась в ту пору к Салзаутской, Мякотинской и Катайской волостям башкир.

Остановимся чуть подробнее на челобитной Кузнецова. Некоторые исследователи ссылались на приведенные в ней сведения как на подтверждение факта существования русских поселений на землях около Чебаркуля до 1729 года. С. И. Кузнецов в своей челобитной писал: «...а в близости того места Камня Урала у Чебаркуля озера имеют жительство Долматова монастыря крестьяне да в Окуневской слободе в устреке 7 слобод» [33, с. 488]. М. И. Альбрют полагал, что эти поселения находились где-то вблизи Чебаркуля, что Кузнецов упоминал о них как о свидетельстве освоенности русскими этих земель [2]. В действительности Окуневская (или Средне-Миасская) слобода с относящимися к ней деревнями находилась там же, где находится сегодня село Окуневское Курганской области — в среднем течении реки Миасс. Об основании этой слободы уже говорилось в предыдущей главе. Поселье Далматова монастыря располагалось близ места впадения Уя в Тобол. В 1686 году Успенский Далматов монастырь получил «речку Уй, источину, три больших курьи, затоны, озера, самый Тобол вниз от Уя на 12 верст, а между рыбными промыслами — санные покосы и хмелевые угодья...» [42, с. 106]. Годом позже крестьяне Маслянской слободы получили наказную память на «рыбные угодья, луговые и наволошные места» «выше отводу Успенского Далматова монастыря вверх по Тоболу реке от межьюй (межевой, разделяющей владения. — Г. С.) реч-

ки от Уя до речки Абуги по досмотру и переписным книгам Окуневской слободы слободчика Федьки Качесова (Качюсова.— Г. С.), при посредстве старцев Савватия и Афанасья и близких тутошних жителей» [42, с. 106]. В первой трети XVIII века рядом с этими посельями были поставлены Усть-Уйский и Усть-Абугский «компаменты» (укрепленные посты). Так что в действительности Сергей Кузнецов объяснял в своей челобитной, что русских поселений поблизости от озера Чебаркуль нет. То есть земля, с точки зрения русских земледельцев, «пустопорожня», никем не занятая. М. И. Альбрут не очень хорошо представлял себе реальное расселение русских в Южном Зауралье на конец XVII — начало XVIII века, и это вполне объяснимо, поскольку в ту пору (1950–60-е годы) история этого периода была менее изучена, чем сейчас. Кроме того, он не обратил внимания на чертеж, сопровождавший прошение С. И. Кузнецова либо просто не смог прочесть и понять надписи на нем. Как бы то ни было, документ, который М. И. Альбрут посчитал подтверждением существования к западу от Миасса русских поселений до 1729 года, на самом деле отрицает их существование.

Степан Ильин сын Кузнецов не отказался от своей идеи после получения отказа из Сената. После безуспешных попыток письменных прошений он в 1733 году отправился в Санкт-Петербург, чтобы убедить Сенат в необходимости строительства крепости на озере Чебаркуль. Сенат поручил рассмотреть вопрос сибирскому губернатору вместе с генерал-лейтенантом В. Геннином, который был в ту пору начальником Главного правления Сибирских и Казанских горных заводов. А Сергей Кузнецов до решения вопроса содержался «в Тобольску под крепким караулом» [13, д. 608, л. 36]. Фактически уже в это время происходили события, которым было суждено вновь повернуть его судьбу на 180 градусов.

Список источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 5: 1676–1700. СПб., 1842. 572 с.
2. Альбрет М. И. Соответствие данных об Александровской слободе ходу колонизации // Челябинск неизвестный: краевед. сб. Вып. 4 / сост. и науч. ред. В. С. Боже. Челябинск: Б. и., 2008. С. 318–319.
3. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 742 с.
4. Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями. СПб., 1745.
5. Байдин В. И., Грачев В. Ю., Коновалов Ю. В., Мосин А. Г. Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: Грачёв и партнеры, 2011. 68 с.
6. Бахрушин С. В. Служилые татары в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды: в 3 т. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 153–175.
7. Бей-Таш // Екатеринбург. неделя. 1888. № 29.
8. Беляков А. В., Маслюженко Д. Н., Самигулов Г. Х. Сибирская ветвь касимовских мурз Тонкачевых: к истории ичкинских татар // Былые годы. 2019. № 51 (1). С. 41–54.
9. Биккулов И. Учреждение Уфимской провинции в начале XVIII века /// Ватандаш [Электронный ресурс]. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=332>
10. Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. 353 с.
11. ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030.
12. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 109.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.
14. ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1.
15. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 623 с.
16. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией: в 12 т. Т. 3: 1645–1654. СПб., 1848. 553 с.
17. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией: в 12 т. Т. 4: 1655–1664. СПб., 1851. 445 с.
18. Дубман Э. Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005. 196 с.
19. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / под ред. И. Г. Акманова. Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. Уфа: Китап, 2007. 488 с.
20. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: в 10 т. Т. 3: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / сост., транскр. скорописи XVIII в., историогр. очерк и коммент. И. В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 493 с.
21. Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
22. Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006. 196 с.
23. Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках: в 2 т. Т. 1, ч. 2. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966.
24. Корепанов Н. С. Горная власть и башкиры [Электронный ресурс]. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110g2.htm>
25. Корусенко С. Н. Социальная стратификация и этнический состав тюркоязычного населения Среднего Прииртышья в начале XVIII в. (по материалам Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.) // Изв. Алтайс. гос. ун-та. 2008. № 4–2 (60). С. 107–114.
26. Корусенко С. Н. Татары Сибири в источниках XVII–XX вв.: этнословесные штудии // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск: КАН, 2016. С. 144–155.
27. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 570 с.
28. Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.) // Археология и этнография Башкирии: сб. ст. Т. 1. Уфа, 1962. С. 171–267.
29. Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков Российской промышленной политики. М., 2005. 324 с.
30. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей: в 3 ч. СПб., 1832.
31. Макарова Г. Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.
32. Материалы по истории Башкирской АССР: в 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 631 с.
33. Материалы по истории Башкирской АССР: в 3 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 783 с.
34. Меншиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: монография. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 200 с.
35. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 1. 3-е изд. М.: Вост. лит., 2005. 630 с.
36. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 2. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
37. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 83.
38. ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 76.
39. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства: в 3 ч. Ч. 2, кн. 1. СПб.: Имп. акад. наук, 1786. 476 с.
40. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства: в 3 ч. Ч. 2, кн. 2. СПб.: При Имп. акад. наук, 1786. 571 с.
41. Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1: 1700–1713. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1882. 604 с.
42. Пестерев В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII вв.: монография / науч. ред. В. В. Меншиков. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.
43. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне / сост., авт. введения, коммент. и глоссария акад. Г. Б. Хусаинова. Уфа: УНЦ РАН, 1993. 250 с.
44. Под стягом России: сб. арх. док. М.: Рус. кн., 1992. 432 с.
45. Полное собрание законов Российской империи: в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 2: 1676–1688 гг. СПб., 1830. 978 с.
46. Полное собрание законов Российской империи: в 33 т. 2-е собр.: 1825–1881 гг. Т. 5: 1830 г. СПб., 1831. 782 с.
47. Полное собрание законов Российской империи: в 33 т. 2-е собр.: 1825–1881 гг. Т. 9: 1834 г. СПб., 1855. 1026 с.

48. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М. : Наука, 1972. 261 с.
49. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.) : монография. СПб. : Алетей, 2010. 432 с.
50. РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7.
51. РГАДА. Ф. 214.
52. РГАДА. Ф. 248.
53. РГАДА. Ф. 1111. Д. 139.
54. РГВИА. ВУА. Д. 20618.
55. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 129.
56. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссией. Т. 8. СПб., 1884. 696 с.
57. Самигулов Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск : Книга, 2011. 278 с.
58. Самигулов Г. Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI — первой половине XVIII в.: консолидация / разделение — к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Междунар. конф. Курган, 2011. С. 127–131.
59. Самигулов Г. Х. О тюркских волостях Южного Зауралья XVII–XVIII вв. // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. Челябинск : Рифей, 2013. С. 314–334.
60. Самигулов Г. Х. Ичкинские юрты: новые материалы к истории тюркского населения Зауралья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф., г. Курган, 17–18 апр. 2014 г. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 92–97.
61. Самигулов Г. Х. Сейдяшевы и Кульмаметевы — попытка реконструкции // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. С. 162–166.
62. Самигулов Г. Х. Аюкинские калмыки: к истории этнической группы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 45–50.
63. Самигулов Г. Х. К истории ичкинских татар последней трети XVII — XVIII века // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 100–107.
64. Самигулов Г. Х. Из истории зауральских башкир-сартов (XVIII век) // Гороховские чтения : материалы седьмой регион. музейн. конф. Челябинск, 2016. С. 153–159.
65. Самигулов Г. Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 138–142.
66. Самигулов Г. Х. Захребетные татары в Тюменском уезде XVII — первой трети XVIII в. // Науч. диалог. 2017. № 5. С. 266–281.
67. Самигулов Г. Х., Тычинских З. А. Формирование земельных владений мурз Кульмаметевых и Сейдяшевых в XVII веке // Науч. диалог. 2017. № 9. С. 182–201.
68. Самигулов Г. Х., Тычинских З. А. Новые источники по истории мурз Кульмаметевых // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 99–107.
69. Сибирские летописи / Изд. имп. Археогр. комис. СПб., 1907. 465 с.
70. Смирнов Д. А. Начало Оренбургской истории. (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург, 2003. 66 с.
71. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8.
72. Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М. : Наука, 2009. 344 с.
73. Титов А. Сибирь в XVII веке : сб. старин. рус. ст. о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. 250 с.
74. Тоған А-З. В. История башкир : пер. с тур. Уфа : Китап, 2010. 352 с.
75. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1981. 276 с.
76. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX в. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1992. 271 с.
77. Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань : ФЭН, 2010. 288 с.
78. Тычинских З. А. К вопросу о категории захребетных татар // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. 5. Казань : ЯЗ ; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 110–117.
79. Тычинских З. А. Социальная структура сибирско-татарского населения в конце XVI — начале XVII в. // Средневековые тюрко-татар. гос-ва. 2012. № 4. С. 144–148.
80. Устрялов Н. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842. 142 с.
81. Файзрахманов Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань : ФЭН, 2002. 488 с.
82. Харузин В. Н. Сказки русских инородцев (с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями). М. : Изд. А. И. Мамонтова, 1898. 301 с.

Край озерный. Челябинская область. Апрель 2016 года.
Фото: В. Шаронов

История Южного Урала

68

ТОМ
глава

ОТ НАЧАЛА
ОРЕНБУРГ-
СКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
ДО ПУГАЧЕВ-
СКОГО
ВОССТАНИЯ

Глава 8.

ОТ НАЧАЛА ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ДО ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ

Эта глава охватывает короткий временной период и при этом достаточно велика по объему. Этому есть два объяснения — первое, это то, что рассматриваемый период для Южного Зауралья (той его части, что входила в состав Уфимского уезда) едва ли не самый переломный со времени вхождения в состав Российского государства и до революции; второе — мы имеем возможность достаточно подробно показать некоторые процессы, которые зачастую бегло освещены в литературе, либо же практически совсем не были изучены до недавнего времени. И в первую очередь это касается истории тюркского населения Южного Зауралья, поскольку оно крайне редко оказывалось объектом целенаправленного изучения специалистов. Не имея возможности подробно изложить различные аспекты процессов, происходивших на этих территориях, постараемся описать некоторые моменты, имеющие важное значение для понимания истории края.

Кондурчинский фельдшанц и оборонительный вал Закамской линии. Современное состояние. Фото предоставлено Э. Л. Дубманом

Особенности ситуации в Южном Зауралье первой трети XVIII века

Несмотря на то что население Южного Урала приняло российское подданство еще в XVI веке, с точки зрения контроля военных угроз и просто действий местного населения территория еще в первой трети XVIII века являлась частью Российской империи более номинально, чем реально. Население присягало каждому из царей / цариц, платило ясак и несло прочие службы и повинности, но возможности реально контролировать ситуацию у власти были весьма ограничены. Очень ярким показателем является тот факт, что кунгурский бургомистр Юхнев, отправленный в 1725–1726 годах В. Геннином для сбора информации о башкирах, был вынужден передвигаться под видом купца, чтобы не вызвать недовольства башкир [45, с. 239]. Граница со степью была открыта, поскольку организовать полноценную пограничную охрану государство не могло — элементарно не хватало ресурсов, как людских, так и финансовых. В сочетании с угрозой башкирских восстаний эта ситуация привела к тому, что в 1731 году начались работы по сооружению Новой Закамской пограничной линии, которая протянулась на 240 километров от впадения реки Большой Кинель в реку Самару до реки Кичуй. Сенатским указом от 14 февраля 1731 года тайному советнику Ф. В. Наумову было поручено начать работы по строительству укрепленной линии «для лучшего охранения низовых городов

за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим до реки Ик» (цит. по [30, с. 25]). Причем постоянные нападения групп калмыков, каракалпаков и башкир на команды, занимавшиеся изучением местности и планированием расположения оборонительных сооружений, происходили и в период подготовительных работ [Там же, с. 34]. Строительство линии было практически завершено к 1737 году, но впоследствии она была оставлена в связи с изменением ситуации на Южном Урале.

Позднее, как мы увидим ниже, В. Н. Татищев был вынужден организовать так называемую Заводскую линию, чтобы прикрыть территорию Среднего Урала от нападений восставших башкир. Кстати, именно он предложил в свое время план установления реального контроля над территорией Южного Урала. В 1724 году начальник Главного правления Сибирских горных заводов В. Н. Татищев направил на имя Петра I представление о причинах башкирских волнений и мерах по улучшению управления башкирами. Можно выделить три момента, указанных Татищевым: 1) «оные (башкиры.— Г. С.) нигде инде не судимы, токмо на Уфе»; 2) живущие в отдаленных от Уфы местах не боятся наказания, а в случае если провинившихся ищут, то они могут уйти в степи за Яик и Tobол; 3) практически поголовная неграмотность приводит к неправильному пониманию указов самими башкирами, а также дает возможность недобросовестным посыльным произвольно излагать тексты официальных документов, искажая их смысл.

Для решения этих проблем В. Н. Татищев предлагал следующие меры. Во-первых, создать «в разных пристойных местах городки и определить особых судей», чтобы сделать правосудие более доступным, как для башкир, так и для тех, кто имеет повод для жалоб на башкир. Как вариант, если этот способ окажется неприемлемым, выдвигалась возможность организовать прямой путь из Казани в Сибирь и расставить вдоль дороги ямы (почтовые станции) с вооруженными командами для охраны. Во-вторых, детей лучших мурз обучать грамоте, как русской, так и, по их желанию, татарской. В-третьих, поставить на местах, годных к переправе через Яик и Tobол, острожки и поселить их осужденными, приговоренными к смерти,

направив вместе с ними семьи — подобная мера должна была обезопасить Зауралье от набегов со стороны степных народов и, очевидно, перекрыть башкирам возможность скрываться в степи [44]. Непосредственных последствий это представление не имело, однако то, что проблемой управляемости башкирских земель всерьез озаботился начальник Главного правления Сибирских и Казанских заводов, свидетельствует о важности вопроса. Впоследствии именно план Татищева, скорректированный реальной ситуацией разгоревшегося башкирского восстания, был взят за основу действий в 1736–1740 годах.

Таким образом, предпосылок для начала решительных действий не только по более плотному включению Южного Урала в административную систему Российской империи, но и по обеспечению контроля над его территорией, было достаточно. Но правительство довольно долго вело себя осторожно, памятуя о взрывоопасности региона. Вспомним ситуацию с попыткой крестьян Крутихинской слободы добиться основания Чебаркульской слободы, когда Сенат отказал в их ходатайстве, опасаясь реакции башкир.

Цепь событий, приведшая к изменению ситуации берет начало с того, что казахи Младшего жуза были оттеснены джунгарами на север и прикочевали к рекам Яик, Уй и Tobол. Здесь начались конфликты с башкирами, калмыками и яицкими казаками на экономической почве — в первую очередь из-за пастбищ и прочих угодий. Причем столкновения были достаточно масштабными, даже если судить по косвенным свидетельствам. В 1724 году по ходу спора о землях по реке Чусовой «посыльщики из Башкири прибыли и в доездах написали, что в Терсятской и в Сенирянской волостях башкирцев никого не изъехали, и куда-де оные башкирцы из деревень выехали — известия взять не от кого. А из Челжеутской и Мякотинской волостей привезли башкирцев трех человек — Чюмича Мамбетова с товарищи — которые в сказках написали: <...> А для межеванья по Жалованной грамоте Строгановым без совету оных волостей с башкирцами и старшинами ехать им, Чюмичу с товарищи, невозможно, понеже-де помянутых волостей их братьи башкирцев в домах ныне никого не обретается — пошли

на киргиз-казаков войною» [39]. Речь идет о том, что практически все мужчины четырех волостей уехали воевать с казаками. При этом вряд ли они участвовали в этом обособленно, с большей вероятностью в поход выступили представители всех зауральских волостей. Подданные Российского государства отправились на войну с соседним государством, даже не поставив в известность местные органы власти. Подобные действия, которые могут развязать полноценную войну, вообще-то обычно трактуются как противоправные. Но не в случае Южного Урала того времени.

Спустя почти десять лет, 22 марта 1734 года, из Коллегии иностранных дел была послана императорская грамота в Уфимский уезд: «Донесено нам Императорскому Величеству, что вы по подданнической своей верной должности в прошлом 1733 году в августе месяце по уведомлению нашего подданного киргиз касацкого Абулхаир хана противного Средней киргиз касацкой орды Шемяки хана, которой оставя учиненную нам в подданстве присягу собрався с такими ж противными и хотел пленить и разорить ваши башкирские жилища, не токмо того не допустили, но весьма их разбили и многих из них побили и знамена ханские, также ружья, пансыри и лошадей многих взяли. А нынешняго году в первых числах Генваря, еще тот же хан в другой ряд собрався со многими противными хотел было на ваши башкирские жилища напасть, но от вас не токмо такой же воинской отпор учинен, но и сам тот хан с войски был осажден и принужден со всею старшиною просить у нас Императорскаго Величества, милостиваго прощения и подданства, чего для прислали нарочно двух посланных к нашему полковнику и воеводе уфимскому Кошелеву. И видя мы те ваши верные к нам, Императорскому Величеству, службы милостиво вас тарханов, батырей и старшин и весь башкирской народ похваляем, что та ваша служба Нашему Императорскому Величеству угодна, и при том нашу Императорскою самодержавною властью повелеваем и впредь такая ж по подданнической своей верности на наших неприятелей службы свои оказывать, за что и наилучче нашу императорскою милостию обнадеживаем. И для того повелели мы сию нашу Императорскую милостивую грамоту помянутому

уфинскому воеводе вам на Уфе объявить, а кто на оных двух службах действительно были и живут в дальних местах, тем в их жилища копии разослать. И впредь для всегдашняго известия на Уфе в канцелярии в особую послужную книгу записать» [94, кн. 147, л. 150 об.— 151]. В резолюции императрицы Анны Иоанновны относительно проекта Оренбургской экспедиции сказано: «Получены ведомости с Уфы и с Казани, что та Средняя Орда хотела напасть на башкирцов в 20 тысячах человек, от которых башкирцев разбиты и осаждены были, и тем принуждены просить подданства Российского». И далее: «Таймас-батыр собрался с башкирцами, и тех идущих киргизцов встретил и разбил, так что ханское знамя и многих киргизцов побили и гнали до самых их жилищ» (см. [73, с. 309, 311]).

Вполне возможно, что за несколько лет до этих столкновений с казаками, в 1726 году, Т. Шаимов возглавлял отряд башкир, который отправился на помощь казакам в их войне с джунгарами. Документальных подтверждений этому не выявлено, но сохранились казахские предания, рассказывающие об этой странице истории. Этот сюжет описан в художественной книге А. Алимжанова «Гонец». Насколько соответствует эта информация историческим реалиям, сказать сложно. Но то, что в посольстве А. И. Тевкелева Шаимов сыграл немалую роль именно в силу своего авторитета у казахов, отрицать сложно. Как писал П. И. Рычков: «Таймас батырь, будучи у киргиз-кайсака славным башкирским наездником (или богатырем)» [108].

Таким образом, в 1720–30-х годах прошли две военные кампании между казаками и башкирами, причем без малейшего участия русской администрации и русских регулярных либо иррегулярных частей. Более того, местные руководители, похоже, узнавали о военных столкновениях постфактум.

С. У. Таймасов и Б. А. Азнабаев полагают, что в первой трети XVIII века башкиры вообще оказались вне российского подданства. С. У. Таймасов пишет про 1710-е годы, что «это был уникальный период, когда башкирам удалось временно обрести самостоятельность», правда, потом приводит примеры и из ситуации 1720-х и даже 1730-х годов [102, с. 122–124]. Б. А. Азнабаев утверждает, что с 1711 по 1722 год башкиры не были подданными

Российского государства и подданство их было восстановлено только сенатским указом 1722 года [1]. В подтверждение своих слов оба автора приводят достаточно много фактов, свидетельствующих о слабом контроле государства на территории Уфимского уезда, то есть о том, что изложено выше в нашем тексте. Но есть определенные противоречия в аргументации коллег. В частности, оба упоминают обращение башкир к казанскому дворянину Д. И. Молостовову, который в конце XVIII века был уфимским воеводой. Как сообщает Б. А. Азнабаев: «В 1718 г. башкиры просили Молостова похотатайствовать за тех казахов и каракалпаков, которые решили переселиться в Уфимскую провинцию. Башкиры особо настаивали на том, чтобы для обложения ясаком переселенцев “послать розыщика, а казанским судьям того не ведать”» [1]. Башкиры просили принять в российский ясак казахов и каракалпаков, которые желали поселиться в Уфимском уезде — на мой взгляд, после этого факта утверждать, что башкиры не были и не считали себя российскими подданными просто абсурдно. Очень странно было бы, если бы люди, не являвшиеся и не считавшие себя подданными, просили принять в российское подданство людей, поселившихся на их землях и прислать для этого «розыщика». На фоне общей слабой изученности периода 1710-х годов на Южном Урале, ситуация этого времени в Зауралье известна еще меньше. Здесь зачастую приносили шерть и давали аманатов не на Уфу, а в сибирские города. В частности, в уже цитированном выше документе 1709 года, адресованном тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому, отмечалось: «государские ясашные холопы просим милости... преж шертовали и аманатов давали» [44, с. 270–271]. Аманаты из башкир Сибирской дороги вплоть до конца 1720-х годов содержались в Тобольске [95, кн. 225, л. 913–925]. Впоследствии, в 1730-е годы, принимать присягу у башкир Сибирской дороги будут чиновники Екатеринбургского ведомства и офицеры сибирских полков, а аманатов будут брать в Екатеринбург... Есть также опубликованные источники совершенно другого характера, которые не очень стыкуются с предположениями уважаемых коллег. Можно упомянуть документы 1714 г. о решении спорного земельного

дела башкир Ельдяцкой волости и запись о припуске в общую вотчину башкир Куштинской волости [44, с. 104–108]. Документы были составлены в местных органах управления, то есть в Уфе.

Мы полагаем, что ситуация с подданством башкир в 1710–1720-е годы вовсе не так однозначна — башкиры обращаются с челобитными именно как подданные, «ясашные холопы», просят о решении спорных дел, просят о принятии в ясак пришлого населения. Иначе говоря, они не отрицают своего подданства. При этом степень самостоятельности башкир гораздо больше любой другой группы населения, а степень контроля со стороны государства территории Южного Урала минимальна.

То, что вопрос контроля территории стоял достаточно остро, и местные администраторы предлагали проекты его решения, вовсе не означало, что правительство было готово к решительным действиям. Выше уже отмечалось, что с 1731 года началось строительство Новой Закамской линии, что четко показывало намерение империи обойтись оборонительными мероприятиями и неготовность ее к решительным действиям по расширению территории, как верно подметил Д. А. Сафонов [120, с. 16]. Но развитие событий привело к такой ситуации, когда государство оказалось вынуждено решать эти проблемы. И значительную роль в этой истории сыграло посольство, которое было направлено к хану Младшего жуза Абулхаиру в 1731 году.

В 1726 году состоялось первое обращение старшин Младшего жуза о принятии их под покровительство Российской империи [69, с. 361]. В 1730 году хан Младшего жуза Абулхаир направил императрице Анне Иоанновне письмо, в котором объяснял: «...прошу в.и.в.¹, что с Ногаской и Аралской дороги башкирцами прежде сего согласия и миру не имели, а ныне желаю быть со всем моим владением в.и.в. в подданстве» [69, с. 363].

Анна Иоанновна адресовала ему ответное письмо, с согласием принятия Абулхаира с подданными в Российское подданство и направила в степь переводчика Коллегии иностранных дел Кутлу-Мухаммеда Тевкелева. Как пишет Д. А. Сафонов: «Официально он вез ответную грамоту, на самом

¹ Ваше императорское величество.

же деле, его едва ли не основная задача заключалась в выяснении обстановки на месте — вероятно, утверждения Абулхайра о готовности перейти «под протекцию е.и.в.» «с сорока тысяч человек», вызывали серьезные сомнения... Кроме того, официально А. Тевкелев должен был довести до сведения Абулхайра встречные требования: ежегодная выплата ясака; прекращение набегов на башкир, калмыков и яицких казаков; возвращение русских пленных; помощь в охране торговых караванов, идущих через казахские земли и, наконец, присылка в Москву аманатов (заложников) как гарантов верности» [120, с. 17]. В Уфе в сопровождение посланнику были приданы десять драгун,

десять уфимских дворян, десять яицких казаков и тридцать представителей башкирской знати во главе с Алдаром Исянгильдиным. Миссия Тевкелева была непроста, поскольку по прибытии в ставку Абулхайр-хана выяснилось, что большая часть старшин Младшего жуза не знали об обращении хана к российской императрице и были резко против принятия российского подданства. История посольства проанализирована в работе И. В. Ерофеевой, в том же издании опубликован «Журнал» переводчика Тевкелева, в котором описаны переписки его миссии [37, с. 493]. Отметим два момента:

1. Посольство увенчалось успехом, и в этом была немалая заслуга башкир, сопровождавших переводчика Коллегии иностранных дел, в особенности старшины Алдара Исянгильдина и батыра Таймаса

Остатки крепости Красный Яр Закамской линии. Фото представлено Э. Л. Дубманом

Шаимова. Посольство вернулось в 1733 году в Уфу и к концу года было в Петербурге, в составе посольства был брат Абулхаира Кияз-султан и младший сын Эрали-султан, который был направлен в качестве аманата или заложника.

2. Кутлу-Мухаммед (Алексей Иванович) Тевкелев провел на Южном Урале и в казахских степях практически полтора года, и все это время собирал информацию о населении, политической ситуации, экономических связях, соседних территориях. Впоследствии он использует эту информацию для подготовки почвы организации экспедиции, которая изменит судьбу Южного Урала и не только.

Оренбургская экспедиция и начало строительства крепостей в Южном Зауралье

Деятельность Оренбургской экспедиции и историю строительства первых крепостей нет необходимости разбирать подробно, они описаны в различных работах [6; 23; 24; 28; 34; 83; 85–87; 108–110; 112; 113; 116; 117; 120 и др.]. Точно так же достаточно много работ, посвященных изучению восстаний 1735–1741 гг. [2; 3; 28; 29; 35; 36; 81; 108; 132 и др.] Поэтому мы позволим себе краткое изложение некоторых моментов, связанных с деятельностью Оренбургской экспедиции.

Экспедиция была сформирована в 1734 году, ее руководителем назначили обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, который и являлся автором проекта, поданного на высочайшее имя. Но реальным инициатором с большой долей вероятности можно назвать переводчика Коллегии иностранных дел Кутлумухаммета Тевкелева, который и был впоследствии назначен помощником И. К. Кирилова. Исходя из названия многие полагают, что экспедиция была «нацелена» на Южный Урал, но это не совсем так. Основные задачи экспедиции касались Средней Азии, Бадахшана, Приаралья. Предполагалось, к примеру, построить пристань на Аральском море [73, № 6576, п. 19]. В состав экспедиции были включены матросы и галерные мастера, то есть корабельщики [108, с. 10]. Но одна из первоочередных задач экспедиции — строительство города

в устье реки Ор — Оренбурга. Цели и задачи экспедиции разобраны в трудах коллег довольно подробно и хорошо [120; 124]. Значительное внимание этому вопросу уделил и В. М. Свистунов в седьмом томе настоящего проекта, внимательно рассмотрев именно аспекты, связанные с промышленным освоением Южного Урала.

Осенью 1734 года экспедиция прибыла в Уфу и здесь Кирилов узнал, что место, где предполагается заложить Оренбург, находится далеко от Уфы и возникает проблема снабжения нового города припасами. Завести нужные припасы зимним путем в Сакмарский городок, чтобы оттуда потом доставить к месту строительства, не получилось. Нужно было искать другой вариант. 15 декабря 1734 года (по старому стилю) И. К. Кирилов писал главному начальнику Казанских и Сибирских заводов В. Н. Татищеву: «...в ландкарте значит, вершины реки Яика (сегодня Урал.— Г. С.) подошли к Сибирским и Екатеринбургским слободам и заводам, откуда мочно все, что нужно, учредя удобную пристань и тут заимным путем перевозить, а весною с первой водою на плотках сплыть» [63, д. 97, л. 60 об.]. Далее начальник экспедиции просил Татищеву, если тому известна ситуация в верховьях Яика, прислать предложения, как удобнее организовать доставку инструментов и продовольственных припасов к месту где удобнее строить пристань, из екатеринбургского ведомства. «Буде же Вашему превосходительству о вершинах неизвестно, то прошу послать из купцов и с ними тайно, вместо прикащика, геодезиста, который бы объехал надобные места и где быть пристани осмотрел и после сделав чертеж, вернее будет» [98, кн. 1525, л. 21] писал И. К. Кирилов. Татищев, получив письмо, отправил к «вершинам» Яика екатеринбургского купца Ивана Харчевникова а с ним послал геодезиста Ивана Шишкова, приказав тому взять с собой помощника («ученика»). Они должны были найти в верхнем течении Яика или какого-либо притока место, удобное для постройки пристани, откуда можно было бы по весне отправить припасы на плотках вниз по реке. Кроме того, подрядить живших там «татар» (имеются в виду башкиры — в документах того времени их часто называют татарами) построить сараи для хранения провиан-

Рычков Петр Иванович (1.10.1712 — 15.10.1777) — географ, экономист, историк, член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1759), статский советник. Служил в Оренбургской экспедиции и комиссии (1734–1743), Оренбургской губернской канцелярии (1744–1760), соляной конторе (1770–1777). Был одним из организаторов и руководителей Экспедиции заграничных и иноверческих дел.

Известен историческими и историко-географическими исследованиями края и сопредельных с ним областей. Им опубликованы: «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии» (СПб., 1759), «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии» (СПб., 1762), «Опыт Казанской истории древних и средних времен» (СПб., 1767) и др.

та и заготовить лес для плотов. А «ему Шишкову колько можно положение тех мест разведывать, и рассмотря сделать чертеж»² [Там же, л. 3–3 об.].

Верхояицкая пристань была заложена не ранее конца февраля. И. К. Кирилов 29 января 1735 года писал В. Н. Татищеву, что к отправке на место постройки он назначил по одной роте из Уфимского батальона и Казанского полка, но они пока были в Уфе, ожидая приезда прапорщика И. Гладышева, который знал «куда б им на осмотренное место надежнее прийти» [Там же, л. 60–61 об.]. Поскольку Гладышев из Теченской слободы выехал не раньше 23 февраля [Там же, л. 87–88], то и солдаты из Уфы на Яик двинулись не раньше конца февраля. Инструкция капитану Уварову и поручику Ветошникову, командовавшим первой ротой, отправленной на Яик, подписана 21 февраля 1735 года [97]. В письме от 30 марта Татищеву начальник экспедиции сообщал, что «пристань Верхояицкая, надеюсь на истинного бога, утвердится и там первая рота в крепком месте рогатками окинулись, а другая рота и адмиралтейские служители отсюда пошли 16 марта...» [98, кн. 1525, л. 93–94 об.— 88]. Таким образом, Верхояицкая пристань была реально основана в самом конце февраля или марте 1735 года. Хотя обычно принято говорить о 1734-м — именно

этот год официально считается датой основания Верхнеуральска.

Последующие события показали, что оптимистичные прогнозы И. К. Кирилова оказались не состоятельны. Башкиры восприняли попытку строительства Оренбурга и деятельность Оренбургской экспедиции в целом, как угрозу своим вотчинным правам и не только. Был и второй пласт мотивации, который достаточно подробно описал С. У. Таймасов. Вспомним, что Абулхаир хан в письме Анне Иоанновне писал о башкирах «Аральской и Ногайской дороги». Аральской дороги в составе Уфимского уезда не существовало, но Абулхаир применил это выражение, скорее всего, для обозначения тех башкир, чьи кочевья практически доходили до Аральского моря. Башкиры Ногайской дороги имели кочевья на рр. Уил, Иргиз, Илек и т. д. Казахи, теснимые джунгарами, в свою очередь, вытеснили башкир к Уральским горам [128, с. 46–49]. То есть Строительство Оренбурга как пограничного города с казахской степью практически означало, что Российская империя признает южные башкирские вотчины владениями казахов и в случае реализации проекта башкиры теряли всякую надежду на возвращение своих территорий.

11 апреля 1735 года И. К. Кирилов выступил из Уфы в сопровождении двух рот драгун, сформированных из «дворянских детей» Уфимской провинции. Почти два месяца отряд простоял на реке Чесноковке и выступил к реке Орь не дождавшись дополнительных частей. «Вологодские роты подполковника Чирикова подошли в Чесноковский лагерь четыре дня спустя и поспешили следом. 1 июля в 160 верстах от Уфы на колонну напали около 3000 башкир из отряда Кильмяк-абыза. Потери составили 60 чел., в том числе погиб и Чириков; башкирам достались 46 повозок обоза» [120, с. 36]. Началось активное противодействие башкир планам Кирилова построить город на реке Орь.

Вскоре очень остро сказалась удаленность строящегося города от ближайших населенных пунктов. Шишков в своем отчете о командировке с купцом Харчевниковым отметил, что по дороге от Екатеринбурга к вершинам Яика «сенами великая скудость... тако же подводы нанять не можно» [98, кн. 1525, л. 19]. Последним пунктом на пути из

2

И. Шишков составил на основании данных, собранных во время поездки к верховьям Яика, одну из самых подробных карт Южного Зауралья, которую к тому же пополнял во время следующих походов, в частности весной 1736 года. А фрагменты этой карты мы будем использовать в качестве иллюстраций к различным сюжетам повествования.

Фрагмент «Ланткарты рекам Исети, Течи, Синаре, Миясу, Тоболу, Уи и впадающим в них рекам, озерам и прочим удобным местам Тоболско-екатеринбургского и Уфимского ведомств... геодезиста Ивана Шишкова... Сочинная 1735 году августа месяца. Копировал ученик Пимен Старцов».

Показана дорога от Теченской слободы к верховьям реки Яик (самой реки на карте нет), подписана: «дорога в новостроющейся город Орен бурх». Литерой «А» обозначены броды через реки на этой дороге. Ни одного русского населенного пункта в 1735 году по этой дороге не было

Екатеринбурга на запад, к вершинам Яика, были Багарякская или Теченская слободы, а дальше только башкирские деревни, где сменных лошадей и сена могло просто не быть. Но это была весьма существенная, но не самая главная трудность.

18 июля из Теченской слободы выходит обоз в 1084 подвод, с провиантом для строящегося Оренбурга и, частью, для гарнизона Верхояицкой пристани. Обоз сопровождало 14 солдат уфимского полка под командой прапорщика Ивана Гладышева и 3 «капральства» Сибирского драгунского полка (капральство — часть роты, численностью от 12 до 25 человек). Около озера Уклы-Карагай обоз был атакован башкирами. Спустя некоторое время подошла помощь, и продовольствие доставили до места назначения. Но второй обоз, вышедший из Теченской слободы 2 декабря³, был окружен возле речки Янбики, не доходя Верхояицкой пристани. Это также в районе Карагайского бора. Отрядом, сопровождавшим обоз, командовал майор Енисейского пехотного полка Шкадер. После боя с башкирами, продолжавшегося с 22 по 24 декабря, он понял, что самостоятельно ему с обозом из блокады не выйти и отправил гонцов за помощью [17, д. 626а, л. 41]. Отправившийся ему на подмогу отряд полковника Арсеньева, командовавшего Сибирским драгунским полком, был, в свою очередь, 12 января окружен большим отрядом башкир у речки Куским, не доходя несколько верст до блокированного обоза [17, д. 626а, л. 8]. Зажатый в распадке, на дороге между двух склонов, отряд Арсеньева после двухдневного боя и переговоров с башкирами ушел обратно в Теченскую слободу [Там же, л. 9]. Вскоре после этого, майор Шкадер, у солдат которого кончились боеприпасы, принял предложение башкир — 16 января его отряд вместе с обозом направился к Теченской слободе, предварительно обменявшись с башкирами аманатами, то есть заложниками. 23 января обоз вернулся в слободу [Там же, л. 41 об.].

3

Здесь ситуация неоднозначна. А. И. Добросмыслов в своей работе пишет, что обоз вышел из Теченской слободы «в половине (то есть в середине.— Г. С.) ноября» [28, с. 47]. И. В. Дегтярев писал о выходе обоза 2 декабря [24, с. 7]. Эта же дата подтверждается и архивными документами [17, д. 626а, л. 41].

Оставшиеся без продовольствия Верхояицкая пристань и Оренбург оказались в трудном положении. Гарнизон Верхояицкой пристани был уничтожен восставшими башкирами [117, с. 11–12]. Основную часть строителей и гарнизона Оренбурга полковник Чемодуров был вынужден отправить в сторону Волги, к Сакмарскому городку. Из 770 человек дошли 220, из которых 80 обморозили руки или ноги, остальные 550 человек погибли в пути [16, Д. 626а, л. 278; 24, с. 7].

Стало ясно, что без защищенных коммуникаций продолжение строительства Оренбурга остается слишком рискованным. В декабре 1735 года начальник Оренбургской комиссии И. К. Кирилов и начальник созданной для решения ситуации башкирского восстания Башкирской комиссии А. И. Румянцев направили императрице Анне Иоанновне проект мер для успокоения башкир [28, с. 60]. Одним из основных пунктов этого проекта было «в нужных местах на большом расстоянии между городами нужно утвердить городки малые, а около их селение помянутых служилых мещеряков, потому что никак невозможно одною Уфюю, сколько б она многолюдна не была, такую великую обширность обнять, что по меньшей мере до Мензелинска триста, до Сакмарска, где самое малолюдство казачишков, триста ж, до Оренбурга прямою дорогою с четыреста, а к Верхотурью и Екатеринбурху верст по пятисот, до сибирских слобод с семьсот» [Там же, с. 25]. Фактически, в этом пункте Кирилов развил предложение В. Н. Татищева десятилетней давности. Даже расположение их в целом укладывалось в схему, прописанную Татищевым в 1724 году — основная часть крепостей, основанных Оренбургской экспедицией в 1735–1737 годах располагалась по реке Яик и далее к Волге — Тоцкая, Озерная, Бердская и др., и несколько во внутренних областях Башкирии — Елдяцкая, Нагайбацкая, Кубовская [108, с. 26–27; 108, с. 379–380].

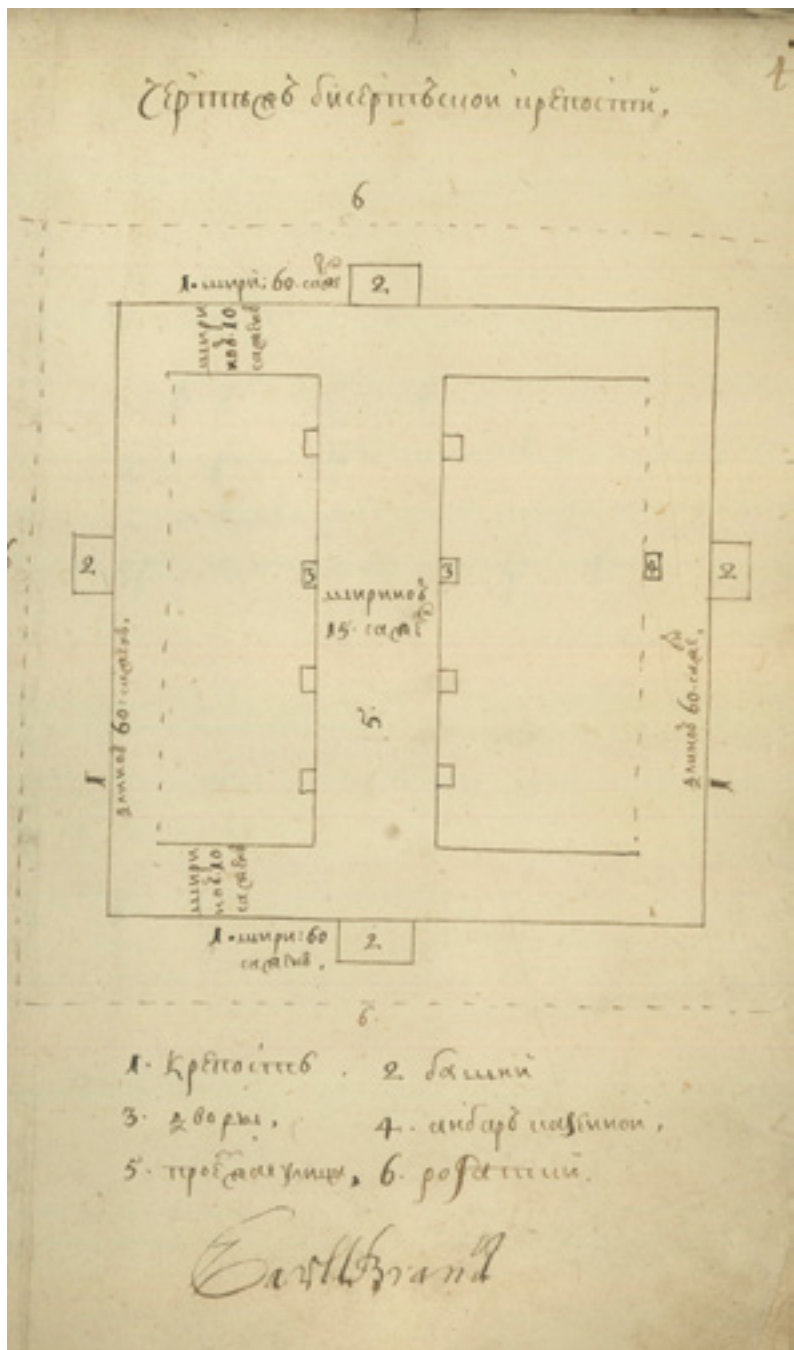
Еще до отправки Кириловым своих предложений в Сенат, В. Н. Татищев явочным порядком приступил к реализации своего давнего плана, его к этому подталкивала ситуация. В первую очередь было необходимо обезопасить коммуникации, связывавшие Екатеринбург с Приуральем, так называемую Кунгурскую дорогу. И уже в 1735 году

Фрагмент «Ланткарты от Красноярской крепости тракту господина полковника Тевкелева с командою по ново строящуюся крепость Чебаркульскую при озере Чебаркуле». Сочинена 1736 году месяца сентября при Чебаркуле». Показан фрагмент «тракта» полковника А. И. Тевкелева по Кунгурской дороге.

Показаны крепости: Ачит, Бисерт, Кленовская и Гробовская (Гробово Поле). Еще не поставлена крепость у деревни Байтемировой (на карте она обозначена как Бектемирова). В целом видно, что к осени 1736 года обустройство дороги укреплениями если и не было завершено, то продвинулось достаточно далеко. Крепость у деревни Байтемировой поставят в 1737 году

В. Н. Татищев отдает распоряжение построить крепостные укрепления на Гробовом Поле, в Кленовской и Ачитской деревнях, а в начале 1736 года распорядился заготовить лес для строительства небольшой крепости в Бисертской деревне, беспокоился о снабжении этих крепостей ружьями, артиллерией [17, д. 608, л. 1, 11, 165 и др.]. Капитан Карл Брант докладывал в Главное правление Казанских и Сибирских заводов 3 декабря 1736 года: «...сего ж 1736 году мая 19 дня велено на Бисерте крепость строить по желанию тутошных обывателей рубленную, но токмо за бывшим в нынешнем году в летнее время военным случаем и за малолюдством работников, помянутая Бисертская крепость по силе вышеозначенного февраля 24 дня первого указу построена полисадником а не рубленая...» [Там же, д. 675, л. 1]. «Полисадник» — обычно часток. К донесению капитан К. Брант приложил чертеж крепости [Там же, д. 675, л. 3]. Крепость имела размеры 60×60 сажен (примерно 130×130 метров), постройки внутри ее группировались в две линии, оставляя посередине одну «улицу» шириной 15 сажен. Постройки в крепости были расположены на расстоянии 10 сажен от стен, чтобы не мешали при

«Чертеж Бисертской крепости», приложенный к рапорту К. Бранта в канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов от 3 декабря 1736 года.

Условные обозначения:
 1. Крепость, 2. Башни,
 3. Дворы, 4. Анбар казенной,
 5. Проезжая улица, 6. Рогатки. Подпись: Карл Брант

обороне. Снаружи к частокону пристроены четыре башни, располагавшиеся по центру стен. Для строительства укреплений в Бисерти были привлечены крестьяне Кунгурского уезда, получавшие за работу оплату [Там же, д. 675, л. 1–1 об., 7–14]. Зна-

чительная часть перечисленных выше укреплений обозначена на «Тракте полковника Тевкелева».

11 февраля 1736 г. вышел указ Анны Иоанновны, адресованный И. К. Кирилову и А. В. Румянцеву в котором содержались следующие пункты: «19. О строении вновь городков для свободного к Оренбургу проезда караванов и обозов, и лучшего содержания Башкирской и Бухарской сторон в надлежащем подданстве: чинить вам по своему разсмотрению. 20. Для поселения при Оренбурге и в других городах легких войск: принять вам охотников из Яицких казаков до 500 человек, да из Сибирских ближних городов казачьих и Дворянских детей неверстанных, и не положенных в подушной оклад до 1000, и из Уфимских служилых Мещеряков и при поселении дать им на строение домов денежного жалованья, против Волжских казаков; а впредь для их содержания под селение и под пашню отвести им земель и прочих угодий, против того, как давано Уфимским дворянам и казакам, только оных Мещеряков во всех местах селить между Русскими... 23. Крайних Сибирских, також и с Теченской слобод из крестьян написать в казаки охотников до 1000 человек, и употребить их в разъезды по Тоболу и Ишиму рекам и до Иртыша, в осторожность от Зенгорских калмык и Кайсаков и подушной за них оклад платить из Оренбурга, а за оных выбранных для разъездов по окладу сколько будет надлежать по расположению вместо их брать из Сибирских недорослей казачьих детей живущих праздно» [73, № 6890, с. 744–745].

Таким образом, было разрешено строить «городки» для безопасного проезда к Оренбургу обозов, а расположение этих городков должны были определить Кирилов и Румянцев как два главных руководителя на этой территории. Но в том, что касалось Зауральской Башкирии реальными возможностями, знанием ситуации и опытом работы обладал В. Н. Татищев — начальник правления Сибирских и Казанских заводов, располагавшегося в Екатеринбурге. Именно ему Кирилов с Румянцевым фактически передали полномочия по подавлению восстания в Зауралье, строительству крепостей по дороге от сибирских слобод на Оренбург.

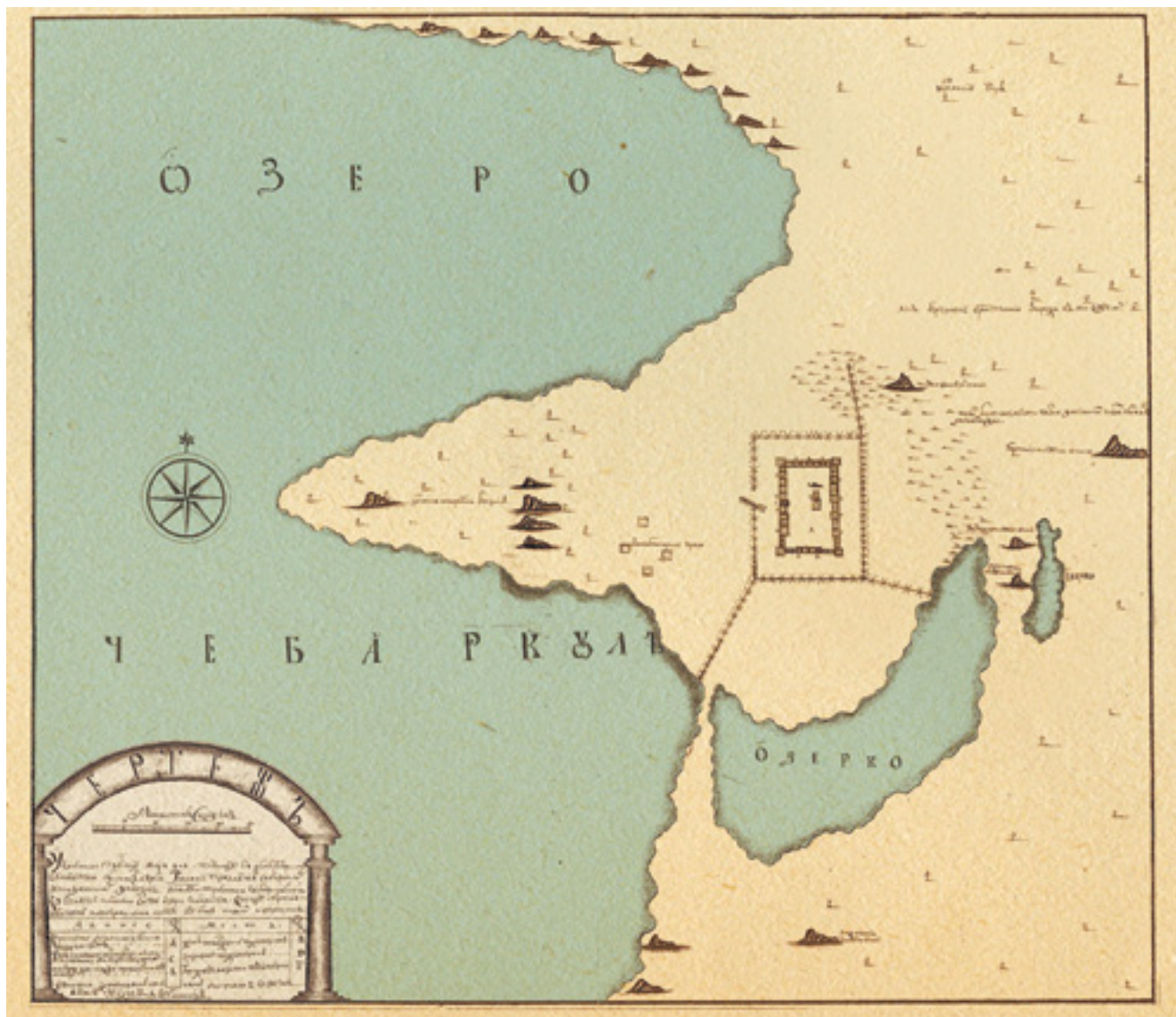
Татищев Василий Никитич

Весной 1736 года была поставлена первая крепость на озере Чебаркуль. Еще после донесения И. Шишкова о том, что на всем пути от Багаряцкой слободы до Яика негде пополнить запасы фуража и продовольствия, В. Н. Татищев предпринял попытку организовать поселение на этом озере. 24 января он получает отчет геодезиста и, похоже, сразу отдает распоряжение крестьянам Багаряцкой слободы — ехать в Табынскую волость «для проведывания об озере Чебаркуле, что оно — отдается на откуп и кому? И ежели можно, чтоб оно нанять под поселение якобы на себя» [98, кн. 1525, л. 47]. Отправились крестьяне Багаряцкой слободы Трифон Карандашев и Семен Юшков. На Чебаркуле башкиры не оказались, они перебрались на зиму в верховья реки Уй (современный Учалинский район Башкирии). Добравшись туда, крестьяне переговорили с табынцами об аренде озера на 5 лет и возможности постройки селения. Башкиры сказали, что взять озеро на откуп можно, а вот «крестьяном в наших местах землю дать не смеем, опасаясь Ея Императорского Величества указов...» [Там же, л. 47 об.]. Выяснилось, что на тот момент оз. Чебаркуль было отдано в аренду крестьянам Далматова монастыря за 20 рублей в год.

11 марта 1736 года В. Н. Татищев присылает командиром Тобольского драгунского полка Ивану Савичу Арсеньеву указ. Текст этого указа частью базируется на Генеральном определении, присланном

Герб Тобольского драгунского полка. По А. В. Висковатову. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

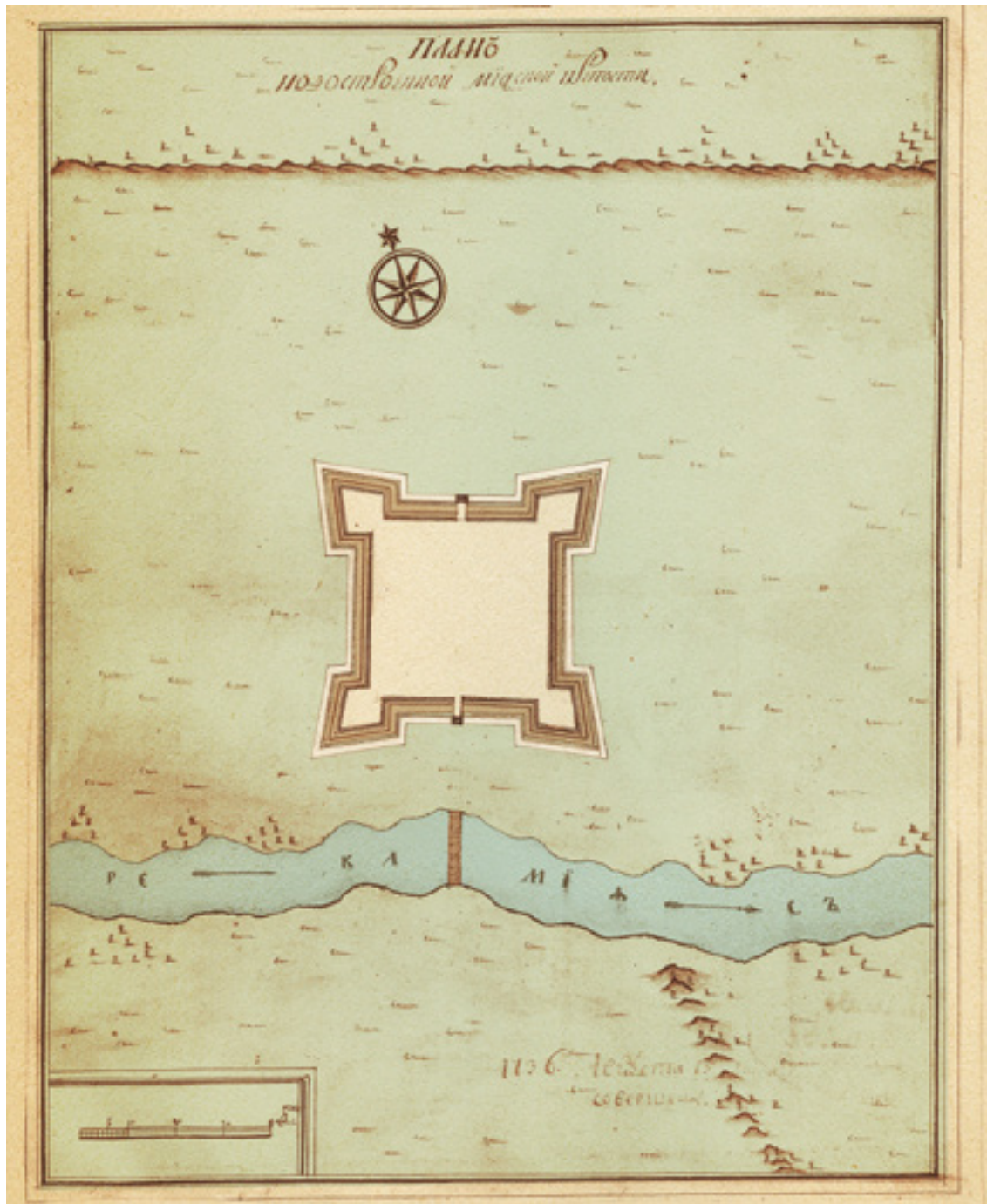
«Чертеж учиненной 1736 года мая дня по указу ея императорского величества от канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов новопостроенной Чебаркулской крепости и означено часть озера Чебаркуля. Которое строение — значит литера, а оная крепость о двух боях, нижнем и верхнем. Здание: крепость деревянная рубленая под литером А; гора каменная и назначено место порохову анбару под литерою С; анбары для клажи провианта под литером Е. Места: дом командирской под литером В; казармы под литером D;

городовые ворота под литером F. Высота городовым стенам до кровли 2 сажени. Сочинял геодезист Иван Шишков».

К западу от крепости несколько квадратных значков подписаны: «бывали башкирские юрты». К северо-востоку от крепости подписано: «Лес березовой в расстоянии от города в 100 сажен». К востоку от северо-восточного угла крепости текст: «По виду болотное место, токмо за великим снегом познать было невозможно». Апрель 1736 г. [99, д. 240, кн. 1133, л. 254]. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

ему А. И. Румянцевым, частью содержит выкладки самого Татищева. Приведу фрагмент этого документа: «...в том же генеральном определении в 8-м пункте написано: с командами где случай допустит в нужных по дорогах местам поделать редуты или острошки малые с таким предположением дабы в них по числу людей было провианта оставлено не меньше году чтоб в случаи от воров в проездах помешательства не претерпели нужды к тому ж при регулярных были б и нерегулярные [войска] кои б могли ис таких редутов розъезды иметь и тем оставших воров утеснять лошадей и скот отгонять и из места в место ведомости давать. А понеже от Течинской слободы к Верх Яитской пристани для комуникации и безопасности

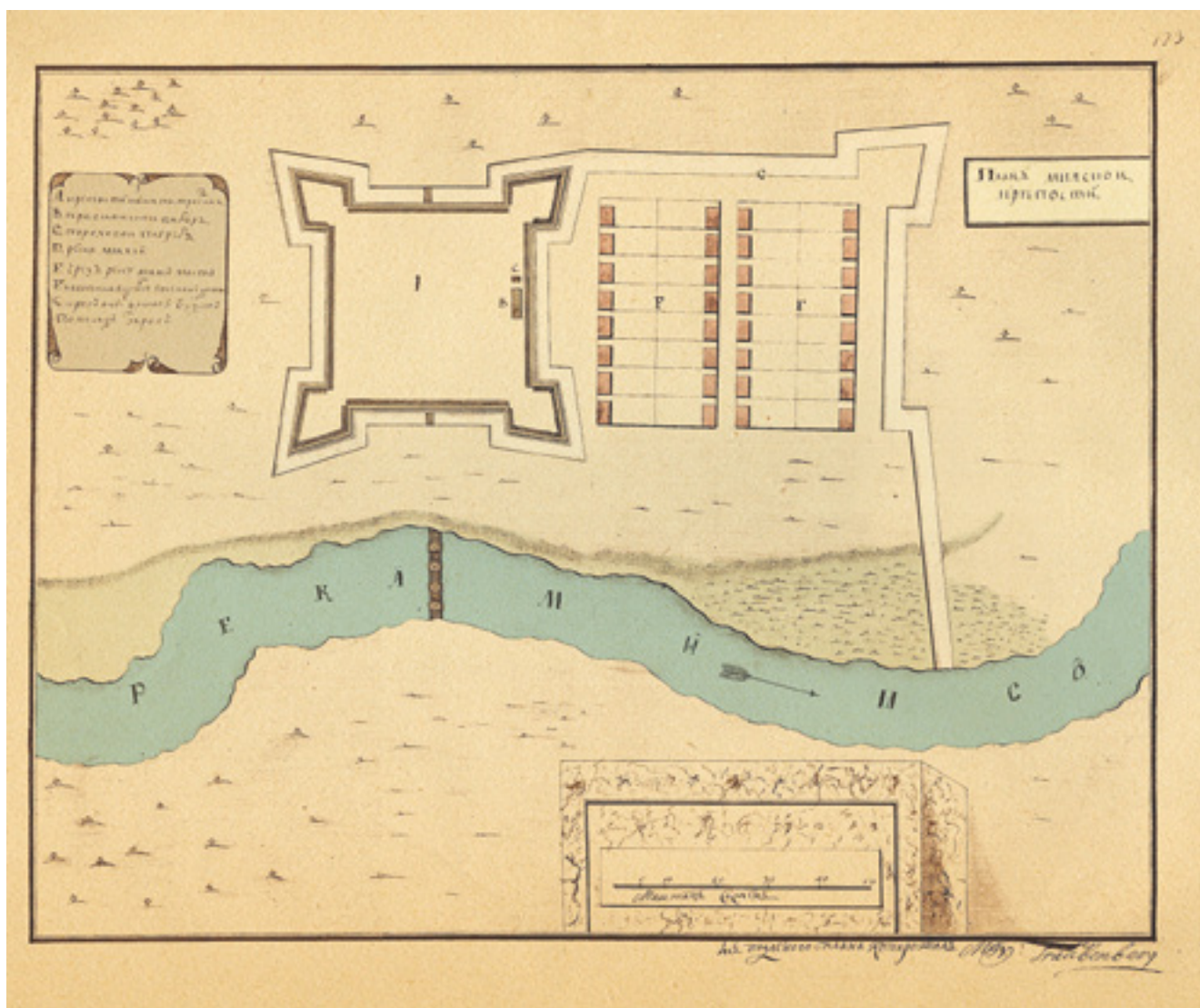
«План ново-
строенной
Миасской
крепости». Внизу на
плане надпись:
«1736 августа
15 числа
совершен»
[99, д. 334,
кн. 1532,
л. 465]. Рекон-
струкция цвета
Т. А. Дудник

также для пресечения между башкирцами и казачьей ордою (казахами.— Г. С.) согласия усмотрено одно наилучшее место к строению крепости при озере Чебаркуле для которого посланы отсюда геодезист Шишков да инженерной ученик Баннер, с которыми вам осмотреть как при Чебаркуле, так между оною к сибирским слободам и Верх Яитской пристани где удобно крепости построить и какие, велеть им чертежи сочинить и возвращаясь назад,

во оных местах оставя пристойное число людей, велеть немедленно остроги делать и правянтам удовлетворять. А суда обстоятельно писать и чертежи оные с геодезистом Шишковым прислать» [17, д. 626а, л. 335 об.].

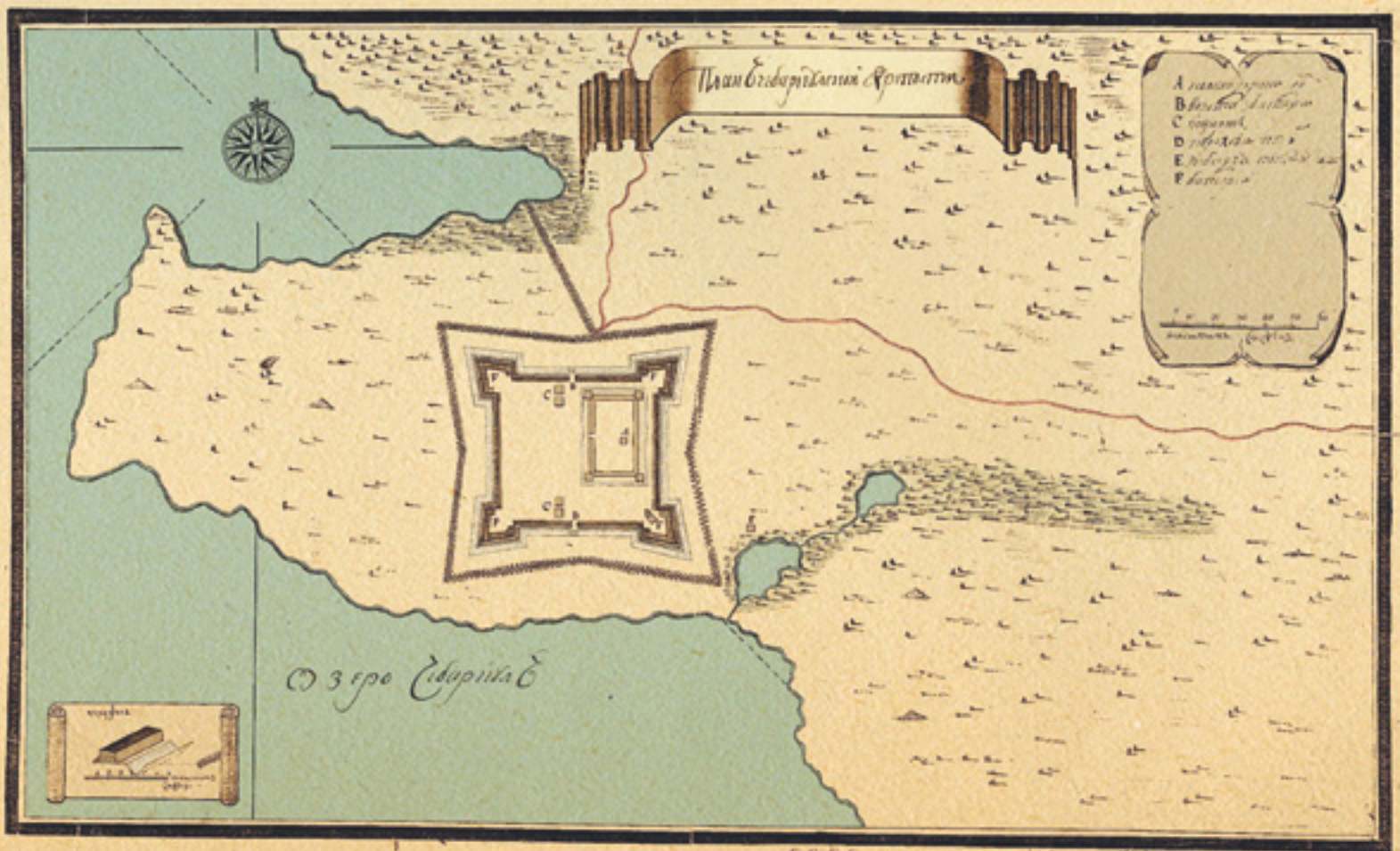
Отдельная инструкция была дана геодезисту Шишкову и помощнику работ (инженерному ученику) Баннеру. Этот документ содержит конкретные условия, которым должно было отвечать место,

выбранное для постройки крепости: «...при озере Чебаркуле прилежно осмотреть место где б наилучше крепость построить. При котором примечать: (1) чтоб место было ровное близ воды. (2) чтоб вблизи крепости гор не было, откуда б крепости неприятель ис писчалей и луков вредить мог. (3) весьма изрядно ежели где наиболее природное укрепление яко вода немелкая и болоты. (4) чтоб земля была не песчаная дабы земляную крепость нетрудно было зделать. (5) чтоб она от русских жилищ трудностью проезда отделена не была. (6) чтоб вблизи земли жителям под огороды и сенокосы не оскудевало. (7) чтоб леса на строения не в дальном разстоянии были» [17, д. 626а, л. 332]. Фактически это были общие требования к выбору мест для постройки крепостей.

«План Мияской крепости. А — крепость ныне построенная; В — провиянской анбар; С — пороховой погреб; D — река Мия; Е — чрез реку Мияс мост; F — новописавшихся поселян дома; G — круг оных домов будет полисад и ров». На оригинале под планом подпись: «сей план сымал кандуктер Телнов, 25 августа 1736 года» [99, д. 5, кн. 139, л. 172]. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

В начале мая полковник И. Арсеньев рапортовал В. Н. Татищеву: «...на острове где была деревня башкирская Ябалакова крепость построили рубленую в вышину семь аршин и с полевую сторону кругом покрыта а начали строить с 14 а кончили 20 числа которая по положению места в длину тридцати а поперег восемнадцати сажен с половиною в которой поделаны по углам четыре башни казарм двенатцать афицерская одна изба и поделаны бойницы верхние и нижние для положения праиванта пять анбаров и кругом обметали рогатками от стены по восьми сажен» [Там же, л. 337 об.]. План крепости показан на рис. на с. 252 [99, д. 240, кн. 1133, л. 254]. Из-за глубокого снега выбрать места для постройки других крепостей не получилось — снег начал таять лишь в мае месяце, когда

«План Чибаркульской крепости. А — командирской дом; И — ворота з батареи; С — казармы; D — пороховой погреб; E — дом для приезжих башкир; F — батареи». Под планом подпись: «Сию крепость построил и план

чертил надзиратель работ Еган фон Баннер. 1736 году августа...». В правом нижнем углу нами помещен увеличенный чертеж профиля укреплений крепости [94, кн. 139, л. 169]. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

отряд И. Арсеньева уже возвращался в Теченскую слободу. Собственно, этим же объясняется и тот вариант укрепления, который был поставлен на озере Чебаркуль — не «вобановская» земляная крепость, а рубленый острог.

В июле — августе 1736 года была поставлена Миасская крепость, причем начинал ее строить отряд под командованием Я. Павлуцкого [98, д. 334, кн. 1532, л. 385], а заканчивал отряд полковника Тевкелева [Там же, л. 563–563 об.]. У нас есть возможность сравнить планы Миасской крепости,

составленные с разрывом в 10 дней — 15 и 25 августа 1736 года [Там же, л. 465; д. 5, кн. 139, л. 172]. На втором плане показаны кварталы, распланированные рядом с крепостью для поселения людей, изъявивших желание записаться в казаки. Поставлена она была рядом с бродом, который назывался «Каракалпацким», «Калмыкским», он же «Оло туп».

Тем временем отряд майора Я. Павлуцкого занимался строительством у оз. Чебаркуль новой крепости, на этот раз грунтовой [98, кн. 1532, л. 561–562 об.]. К концу августа, очевидно, работы в целом по возведению стен крепости были завершены под руководством надзирателя работ Егана (Иоганна) фон Банера, который и составил чертеж нового укрепления [94, кн. 139, л. 169]: квадратная, со стороной в 60 сажен, с угловыми бастионами и двумя воротами, снаружи стены — ров, далее по периметру шли рогатки, от северной линии которых к берегу Чебаркуля также были протянуты рогатки, перекрывавшие доступ на полуостров, в основании которого находилась крепость. Старая крепость оказалась внутри стен новой, в ее северо-восточном углу и, очевидно, еще некоторое время выполняла функции казармы и склада, поскольку показанные на плане новые казармы были невелики, а провиантские склады вообще не указаны. Кроме плана вновь построенной крепости, документ содержит чертеж разреза укреплений, который позволяет нам получить представление об их параметрах. Земляная стена имела высоту в 1 сажень и толщину в 1,5 сажени, менее чем в 1 сажени от основания стены начинался ров, имевший глубину около 1 сажени и ширину 2 сажени, в 4 сажнях от рва проходила линия рогаток.

Достаточно интересна ситуация с основанием Челябинской крепости. Кроме уже сооруженных, на дороге от Теченской слободы к Верхояицкой пристани надо было поставить еще, как минимум, две крепости. Но полковник Тевкелев, на которого, по прибытии в Зауральскую Башкирию, было возложено общее руководство полевыми командами на месте, писал: «... между Миаской крепости и Чебаркуля не успеется двух, одна крепость будет построена...» [6, с. 133–134]. 21 августа 1736 года он сообщал в Сибирскую губернскую канцелярию: «... велено ему (Тевкелеву.— Г. С.) для утверждения

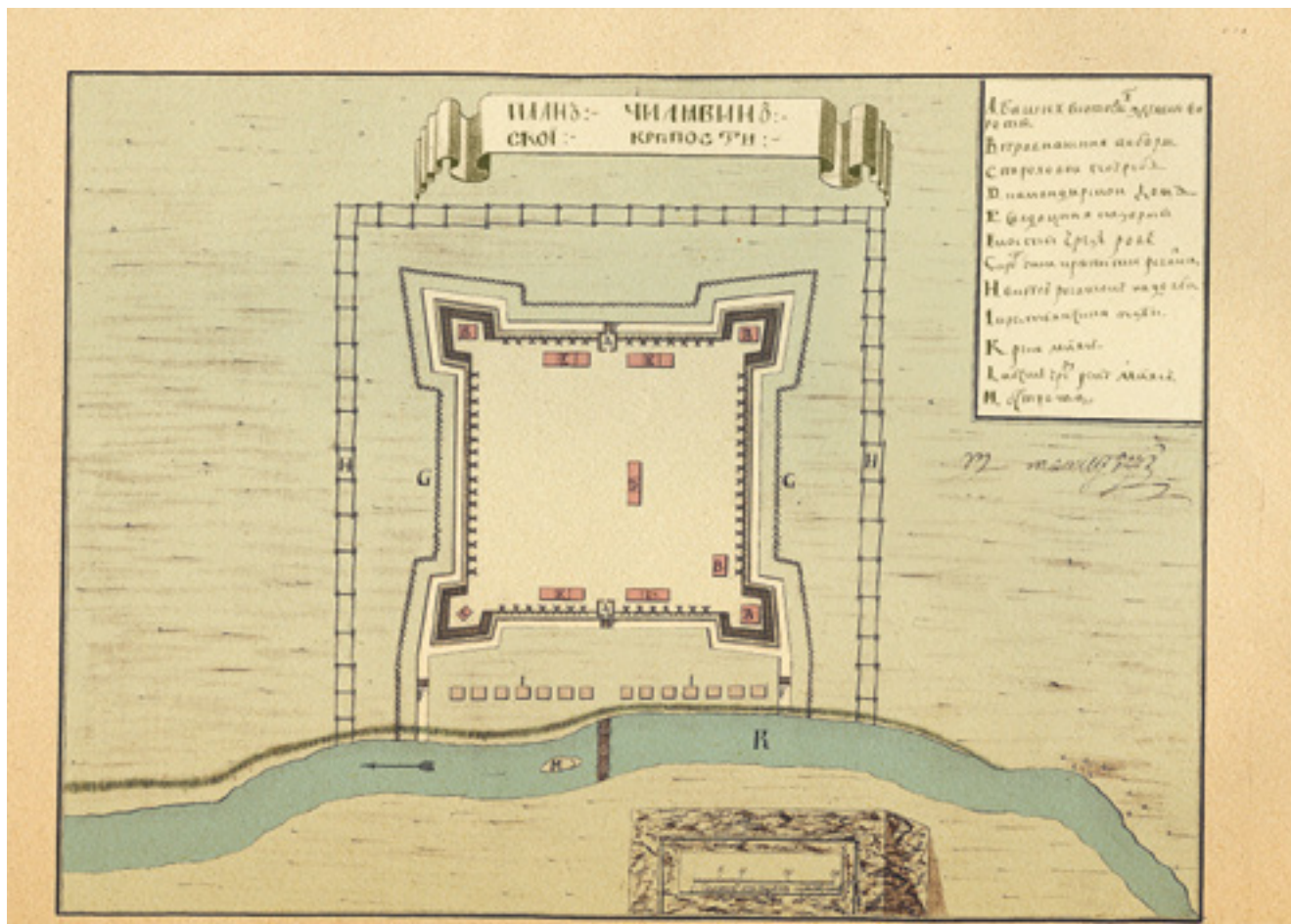

Фрагмент «Ланткарты от Красноярской крепости тракту господина полковника Тевкелева с командою по ново строящуюся крепость Чебаркульскую при озере Чебаркуль. Сочинена 1736 году месяца сентября при Чебаркуле».

Показаны дороги от брода, на котором была поставлена Миаская крепость, к верховьям Яика: одна — напрямую через реки Коелга и Квель, другая — на озеро Чебаркуль и Чебаркульскую крепость. Челябинская крепость поставлена в стороне от обеих трасс

Сибирской до Оренбурха дороги старание приложить чтоб по проложенной в прошлом году дороге, которая позади всего башкирского жила до Верхояицкой пристани, в нужных местах построить 6 — семь крепостей и оставя в каждой крепости людей не меньше дву сот человек удовольствовав провиантом на год... вскоре строением зачата быть имеет между Мияса и Чебаркуля от Мияса в сорока верстах, от Чебаркуля в толиком же числе верст...»

[9, д. 183, л. 17–17а]. Место расположения этой крепости, планируемой к постройке, еще не было определено. Дорога «позади всего башкирского жила» шла мимо озера Чебаркуль, в отличие от «степной», которая вела к Верхояицкой пристани напрямую от Миасской крепости — оба этих пути показаны на «Ландкарте тракту от Красноярской крепости». И там же очень хорошо видно, что Челябинская крепость поставлена не на самой дороге от Миасской до Чебаркульской крепости, а в стороне от нее.

25 августа 1736 года отряд полковника А. И. Тевкелева отправился от Миасской крепости. Маршрут его нам не известен. Через неделю полковник докладывал в Екатеринбург: «...сего сентября 2 дня на реке Миясе в урочище Челяби от Мияской крепости в 30 верстах заложил город, где оставя для строения оного Челябинского городка и кошения сена надежную команду, регулярную и нерегулярную и несколько мужиков, сего же сентября 10 дня

«План Челябинской крепости. А — башни в которых зделаны ворота; В — правианския анбары; С — пороховой погреб; D — командирской дом; E — салдацкия казармы; F — мосты чрез ров; G — круг оной крепости рогатки; H — вкруг рогаток надолбы;

I — крестьянские избы; K — река Мияс; L — мост чрез реку Мияс; M — острова». На плане справа от крепости подпись скорописью: «В. Татищев». Осень 1736 г. [94, кн. 139, л. 170]. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

прибыл я с командою моею в Чебаркульскую крепость благополучно...» (цит. по [23, с. 10; План крепости: 94, кн. 139, л. 169]). Достраивал крепость, насколько можно судить по документам, полковник Павлуцкий [49, с. 2]. Надо добавить, что Челябинская крепость была поставлена в 27 верстах от Миасской и в 64 верстах от Чебаркульской крепостей (по П. И. Рычкову, ошибка Тевкелева, ориентировавшегося «с ходу» и назвавшего 30 верст, была невелика) [109, с. 258–260]. То есть, в итоге она была заложена вовсе не там, где предполагал Тевкелев еще 21 августа (по 40 верст от Миасской и Чебаркульской).

Параллельно деятельности военных по строительству крепостей, развивалась вторая линия. Еще в 1729 году крестьянин Крутихинской слободы Степан Кузнецов попытался добиться разрешения поставить крепость на озере Чебаркуль. В своем прошении Кузнецов делал акцент на двух моментах: первый и основной — безопасность русских селений в Зауралье; второй — выгода государству — «и те оброчные деньги в казну мы платить будем, а прежде сего татары-башкирцы ни почему не платили и ныне не платят». Сенат отказал в прошении Кузнецова. В отказе Сената первое место занимает довод: «...могут иноверцы, с которыми велено поступать ласкою, причитать в себе озлобление...» [109, с. 487–489]. Степан Ильин сын Кузнецов не отказался от своей идеи после получения отказа из Сената. После безуспешных попыток письменных прошений он в 1733 году отправился в Санкт-Петербург, чтобы убедить Сенат в необходимости строительства крепости на оз. Чебаркуль. Сенат поручил рассмотреть вопрос сибирскому губернатору вместе с генерал-лейтенантом В. Генином, который был в ту пору начальником Главного правления Сибирских и Казанских горных заводов. А Степан Кузнецов, до решения вопроса, содержался «в Тобольску под крепким караулом» [17, д. 608, л. 36]. Вскоре ситуация изменилась самым решительным образом.

12 марта 1736 года Главное правление Сибирских и Казанских заводов рассмотрело дело о крестьянине Кузнецове и его попытке поставить «город» на озере Чебаркуль и приняло решение писать в Тобольск, в Сибирскую губернскую канцелярию, с тем, чтобы Кузнецова выслали в Екатеринбург. 4 апреля Кузнецова отправили и 14 апреля привезли в Екатеринбург [Там же, л. 337–38а]. Уже 15 апреля на заседании Правления заводов принято решение: «...объявить ему, Кузнецову, чтоб он показал сколько у него к поселению у Чебаркуля озера вольных (которых он наперед сего к тому призывал и о построении при оном города просил в Правительствующем Сенате) записалось. Ныне, когда им тамо селиться допущено будет, то он с товарищи могут у Чебаркуля поселитца не менее ста дворов и палисадами укрепится. Во 2-м месте от Чебаркуля к Тече расстоянием не далее тридцати верст тако

ж дворов сто. Ежели ж затем охотники будут, то и в третьем месте в таком же расстоянии от оной к Тече поселится. А кто и которых слобод в поселение у него записались или запишутся, о тех ему подать именную роспись в мае месяце сего года...» [Там же, л. 39]. Затем В. Н. Татищев рассылает по районам, подведомственным Екатеринбургскому указу, где призывает желающих селиться «на Исецком озере, по Синаре вверх и по другим удобным местам... У Чебаркуля озера и от Чебаркуля к Тече не далее 30-ти верст» [Там же, л. 41].

Фактически, В. Н. Татищев решил использовать фактор «народной колонизации» — крестьяне выбирают место для поселения, где много удобной земли, подают прошение и, получив разрешение, основывают там слободу. Этот вариант был, безусловно, выгоден, поскольку требовал от государства минимум затрат — все ложилось на плечи самих крестьян. Что характерно — о правах на землю местного населения даже не упоминалось. При этом нельзя все объяснить тем, что это были земли бунтующих башкир и поэтому их вотчинные права оказывались под сомнением (указ 11 февраля 1736 года содержал и такой пункт). Было довольно большое количество башкир, не поддержавших восстание, и речь зачастую шла о землях как раз «верных» башкир, но это администрацию совершенно не смущало.

22 мая 1736 года Степан Кузнецов присылает в Правление Сибирских и Казанских заводов доношение, где говорится о том, что он «призывал» людей для поселения и строения крепостей на реке Увелке и озере Аргази [17, д. 608, л. 44]. К доношению были приложены списки людей, желавших переселиться в новые слободы. В июне начинают поступать доношения со списками желающих селиться в новых местах из разных слобод. Так, из Арамильской слободы от старосты Дементия Косулина со списком, где были перечислены желающие жить: «...вверх по Тече реке на озере Кызылташ», «на озеро Аргази, на усть нижнего Миясу» [Там же, л. 157–163 об.]. Желающих переселиться было достаточно — крестьяне видели в этом возможность получить новые большие территории, где все можно начинать с начала и не будет, на первых порах, проблем «тесноты».

5 июня 1736 года В. Н. Татищев «с товарищи» слушали дело о крестьянине Крутихинской слободы Кузнецове, который хотел построить «город» на озере Чебаркуль [Там же, л. 116–117]. К этому времени, видимо, стало понятно, что в условиях башкирского восстания строительство крепостей все равно остается делом воинских команд и обычная практика строительства слобод в данном случае не годится. В. Н. Татищев решил объединить две линии в одну: «...при Чебаркуле озере крепость построили и людей оставили с правянтном, а в других местах, где крепостям быть способно, не назначили за глубокими снегами. И хотя оных поныне не назначено, но для вышеписанных резонов (смотри инструкцию Арсеньеву выше в тексте.— Г. С.) в показанных местах крепостям быть нужно. Согласно определили: писать в Сибирскую губернскую канцелярию, чтоб оной о построении в нужных, показанных в определении марта 13-го местах крепостей и о преселении туда на житье объявленных от Кузнецова охотников ... благоволили учинить по указом...» [Там же, л. 117]. Иначе говоря, воинская команда будет ставить крепости, а заселять их будут крестьяне, записавшиеся в списки Степана Кузнецова и старост своих слобод.

Идея ставить слободы была отложена, поскольку ситуация восстания не способствовала крестьянскому расселению на башкирских землях. Пока реализовывалась программа строительства крепостей. Но в крепости сразу набирали желающих записаться в «казаки». В кавычки это слово взято постольку, поскольку в документах первых лет их обозначали обычно «записавшиеся из крестьян в казаки». П. И. Рычков пишет, что все жители Исетской провинции из подушной подати платили 70 копеек деньгами, а в счет остального «четырёхгривенного» сбора (40 копеек) пахали казенную десятину [109, с. 363]. Это касалось и записавшихся в казаки крестьян. Уплата податей была снята с казаков новых крепостей в 1743 году [57, д. 1, л. 107]. Но вернемся к набору в казаки. В качестве примера можно привести деятельность полковника А. И. Тевкелева. В период с 20 по 25 августа, находясь при строящейся Миасской крепости, он записал 28 желающих поселиться семьями. Из них 22 человека были из крестьян, строивших

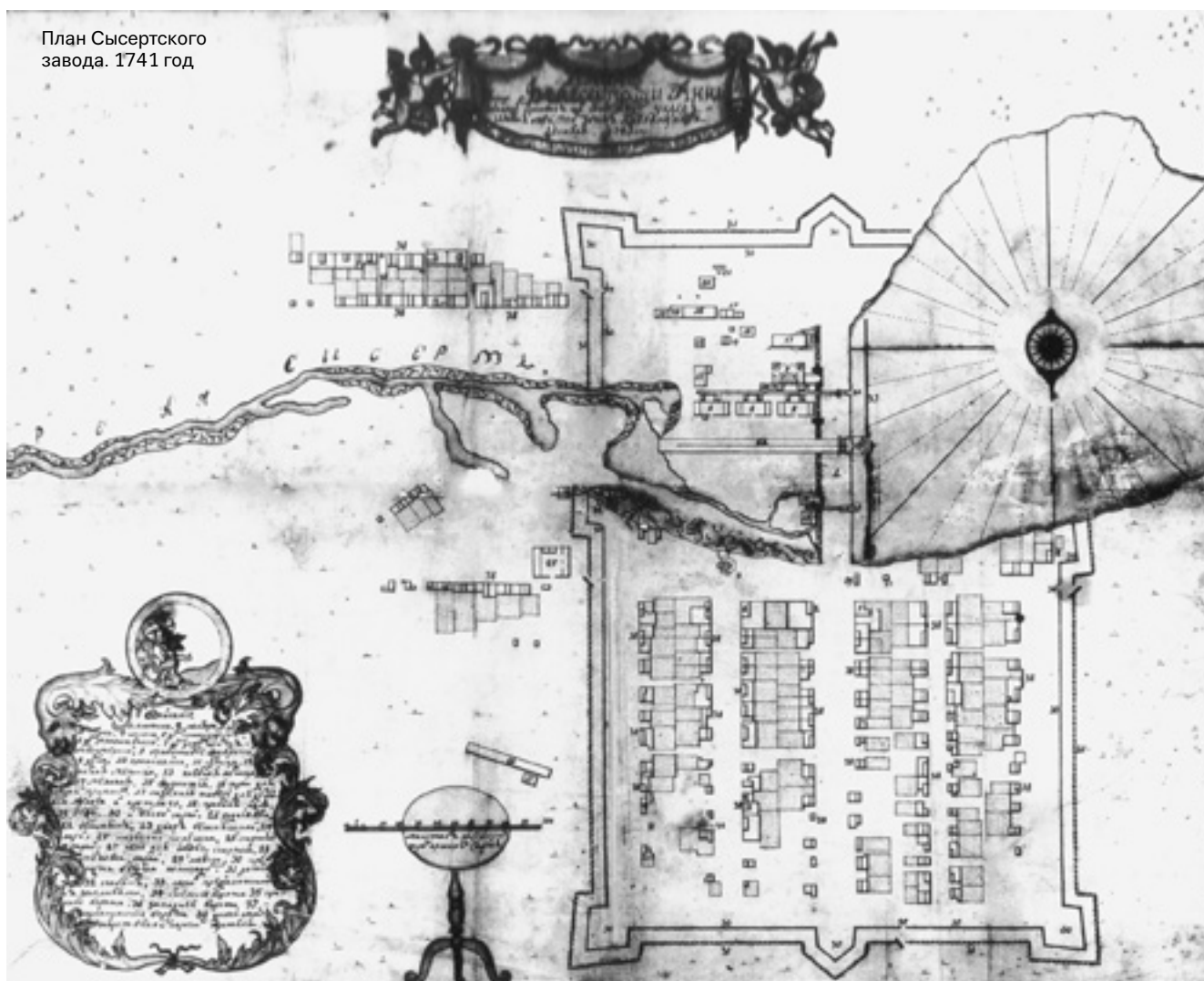
крепость и шесть человек из яицких и сакмарских казаков. Крестьянам полковник дал сроку десять дней на то, чтобы уладить свои имущественные дела и, забрав семьи, приехать в Миасскую крепость [98, кн. 1532, л. 563–563 об.]. При закладке Челябинской крепости он также записывал желающих и отправлял к месту проживания с ордерами, чтобы они вернулись с семьями. В промемориях (донесениях, записках), написанных А. И. Тевкелевым архимандриту Далматова монастыря Порфирию из строящейся Челябинской, а затем из Чебаркульской крепости, с 5 по 20 сентября 1736 года по старому стилю, т. е. практически с первых дней строительства Челябинска, говорится о крестьянах Далматова монастыря, записавшихся на жительство в новой крепости. Приведу фрагмент одного такого документа: «И оныя крестьяня, по силе помянутого Ея Императорского Величества имянного указа, при означенной Чилиябинской крепости для житья определены, и под [д]воры места отвесть им велено, и ныне для забраня жен их и детей и скарбу своего також и для собрания с пол[ей] посеянного их хлеба и продажи хоромного строения отпущены в означенныя их жилища на срок сентября по 15 число. Того ради тебе пречеснейшему отцу архимандриту Перфилию з братиею, по силе помянутого ея императорского величества указа, вышеписанных крестьян ко означенному сроку в Челябинскую крепость выслать для селения, не чиня им никакова препятствия или задержания, дабы они могли заблаговременно к зиме исправитца хотя малым строением и заготовлением сена» [9, д. 186, л. 2–3, 4–5, 6–6 об., 9–10]. Запись в крепости продолжалась и в 1737 году. В начале октября 1737 года из Далматова монастыря было предписано отправить 35 человек с семьями и холостых, записанных в крепости майором Дурасовым [Там же, д. 193, л. 23об.— 24].

Есть косвенное доказательство того, что Челябинская крепость действительно была поставлена вне основных путей. 16 июня 1737 года полковник И. Арсеньев писал от «озера Эккуль»: «не соизволено ль будет по построении при озере Эккуль новой крепости и по переводе в тое из Челябинской людей и протчаго, ту крепость за опасностию от воров башкирцов отдать им месчерякам, а у обывателей

40

реестр Белоярской слободы крестьянских сот по решению пожелавших переселиться в Белоярские места именно, в Кабанья озеро	2
владеть Федоткин Соинь Синомъ Ивано	2
деревни шиховской василья афонкинина Ротомовъ Зуева михайло вайс янономъ	4
Владимирского погоста павло вайсва забли Зуева аверина Григорий	3
Иван михайло порозе Зоратомъ янономъ Петр михайло Иваномъ	3
защито янономъ сиб. павлушкинъ Зуева лаврентий Федотомъ, Федоткинъ сиб. Зоткинъ	4
деревни мухшиной Антонъ Яковлевъ сиб. кичиновъ Синомъ Иваномъ Иваномъ Иванъ сиб. Иванъ	4
Степанъ вайс сиб. Бухаръ Зоратомъ Степаномъ Степаномъ Розмои, Федоткинъ сиб. Иванъ	4
деревни погостной родна михайло сиб. Зоткинъ Степаномъ Степаномъ	2

«Реестр
Белоярской
слободы кре-
стьяном кото-
рые пожелали
для поселения
и в которых
местах». Начо
одно из спис-
ков крестьян,
пожелавших
переселить-
ся в новые
слободы. На
этом листе
указана часть
крестьян,
захотевших
переехать
на озеро
Чебаркуль

дворы и пашенные места могут они ж купить» [17, д. 695, л. 84–84 об.]. В ответе ему было рекомендовано: «с показанными в том доношении мещеряками учинить вам усмотря наилучшие способы от безопасности по своему благо изобретению» [Там же, л. 85]. Сама формулировка в письме «по переводе в тое из Челябинской людей и протчаго» показывает, что судьба Челябинской крепости была фактически решена — людей из нее предполагалось перевести в Еткульскую крепость. Арсеньев предлагал затем крепость отдать для поселения мещерякам. Этот вариант не был реализован и Челябинская крепость осталась заселенной казаками, но то, что переселение людей из нее в Еткульскую рассматривалось вполне серьезно, достаточно интересно.

В 1736 году, когда стало ясно, что восстание башкир скоро не окончится, была спешно укреплена

так называемая «Заводская линия» — территория, пограничная с землями заводов Среднего Урала. Точно так же, как на Кунгурской дороге, здесь укрепления строились в уже существующих населенных пунктах. Ранее я очень кратко упомянул об этой линии, сейчас есть возможность рассмотреть ее строительство немного подробнее, хотя говорить о завершенной картине пока не приходится.

14 июня, проезжая через Сысертский имени цесаревны Анны завод, В. Н. Татищев распорядился достроить крепость, окружавшую большую часть Сысерти — поставить ворота и бастионы, закончить «палисад», то есть деревянную стену [17, д. 608, л. 182]. На плане завода императрицы Анны 1741 года показано расположение заводского комплекса, жилых построек и оборонительной стены [43, с. 173, рис. 173].

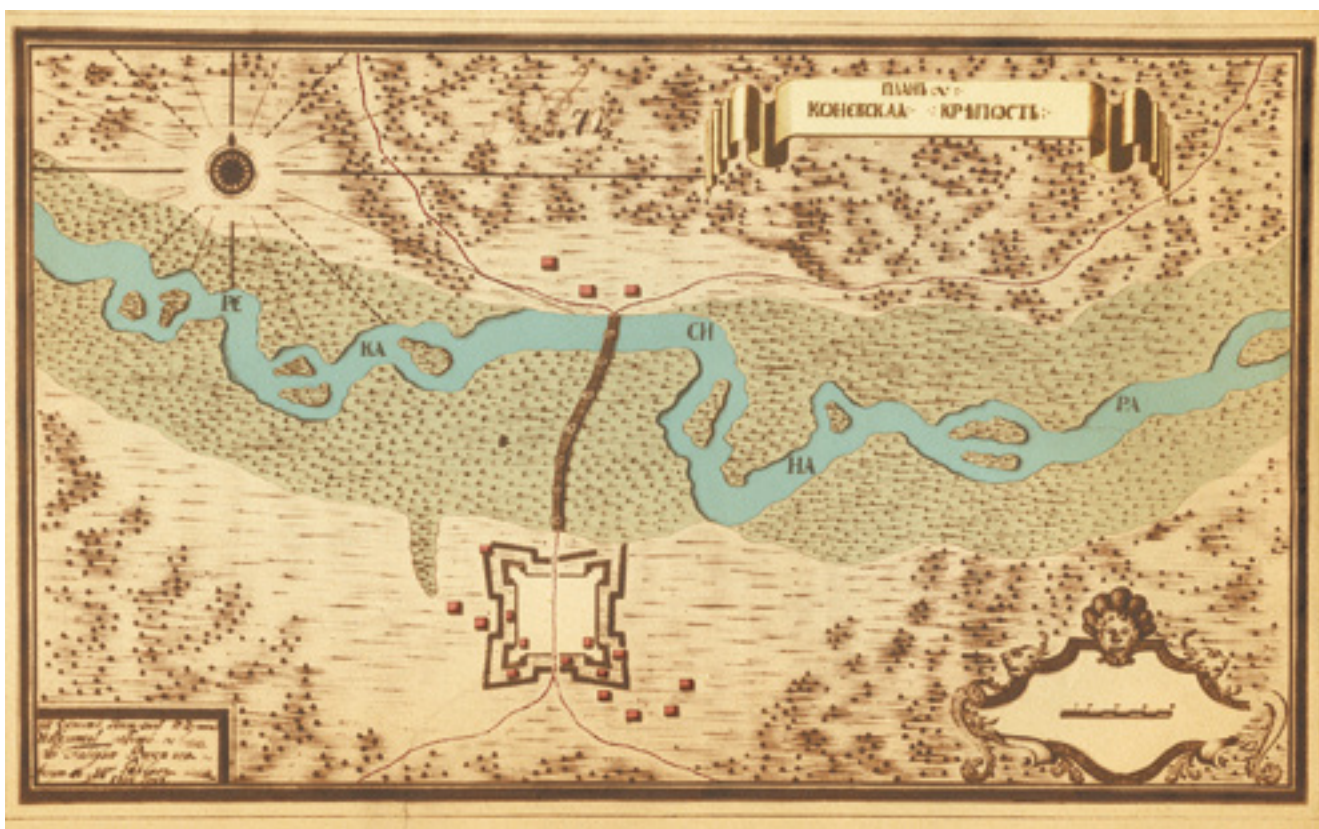

Основные принципы, соблюдаемые при постройке крепостей в поселениях Заводской линии изложены в документе о строительстве Коневской крепости: «Крепость оную строить не около всей деревни, но довольно, когда несколько изб в ней будет, а затем охотники внутри построятца. И оную хотя невелику полисадником против моста, токмо б скоро зделать, и для того жители могут сами несколько помочь, на которых по числу работников по несколько полисадин расположить. Оные (полисадины, то есть столбы.— Г. С.) имеют быть сколько можно сыскать толстые длиною по 5 аршин, итого полтора аршина в земле, а три с половиною вверх. Их не продалбливать, но провертывая буравом, прикрепить по две пластины... Ворота зделать двои, одни с приезде, другие к мосту» [17, д. 608, л. 191]. Крепость представляла собой частокол («полисад») из вкопанных в землю бревен, соединенных между собой поперечными брусьями («пластинами»).

«План: Коневская крепость. Сию крепость построил и чертил надзиратель работ Otto Fabigan baron von der Pahlen /

Август. 15 дня 1736 году» [100, д. 71]. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

На плане Коневской крепости [100, д. 71] мы можем видеть общую ситуацию на завершающей стадии строительства. Крепость, имела в плане форму квадрата с угловыми бастионами. Стены представляли из себя частокол, бастионы — частокол с дощатыми (скорее из плах) помостами для верхнего ружейного и пушечного боя — раскатами. С севера и юга в стенах два проема, еще даже без ворот, не говоря уже о башнях. Вокруг крепостной стены идет широкая полоса рогаток, имеющая проемы (разрывы) напротив проемов в частоколе крепости. От северных «ворот» крепости идет дорога к мосту через реку Синару и болотистую пойму. Поскольку крепость поставлена на месте существующей деревни, то полоса рогаток оказалась в двух местах разорвана домами поселян. В четырех случаях дома стояли между рогатками и стеной, весьма затрудняя как обзор подступов, так и стрельбу по неприятелю. Фактически, подбежав к линии рогаток сразу за домом, противник оказывался в «мертвой зоне». Столь странная картина объясняется тем, что на плане зафиксирован не окончательный вариант, а какой-то этап строительства, когда еще не были снесены мешающие дома, не поставлены проезжие

«Чертеж примерной крепостям имеющимся в Екатеринбургском ведомстве из которых по мнению Канцелярии Главного Правления

Сибирских и Казанских заводов некоторым быть, а другие оставить вовсе надлежит» [100, д. 224а]. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

башни и не построены казармы и пороховой погреб внутри крепости.

Дальнейшее развитие событий при постройке Коневской крепости можно реконструировать по документу, описывавшему ситуацию при Щелкунской крепости: «Тако ж в Щелкуне которая имеетца крепость и в близости тое крепости имеютца дворы, саженьях в двух и в четырех и в десяти. А когда та крепость строилась другие ближние дворы отломаны и другие велено ломать же, только и поныне не отнесены и вновь блиско строят. И ежели, от чего Боже сохрани, в нападение неприятельское в слободе зажжены будут дворы, понеже тое слободы охранить некем... то от таких ближних дворов крепость спастись будет никак не возможно» [17,

д. 608, л. 185]. И по указаниям Татищева при строительстве крепости в Сысерти: «Лес около города кругом обрубить от полисадника по сту сажен, дворы с западной стороны за городом поставленные, перенести в город» [Там же, л. 182]. То есть, те дворы, которые мы видим на плане Коневской крепости в опасной близости от крепостной стены, вскоре были снесены, или перенесены на другое место.

Масштабы строительства укреплений Заводской линии показывает «Чертеж примерной крепостям имеющимся в Екатеринбургском ведомстве, из которых по мнению канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов некоторым быть, а другие оставить вовсе» [100, д. 224а]. Эта линия проходила по рекам Багаряк, Синара, Сысерть — территориям, к тому времени уже около полувека освоенным русским населением и плотно заселенным. Своеобразие этого оборонительного пояса заключалось в двух моментах: во-первых, укрепля-

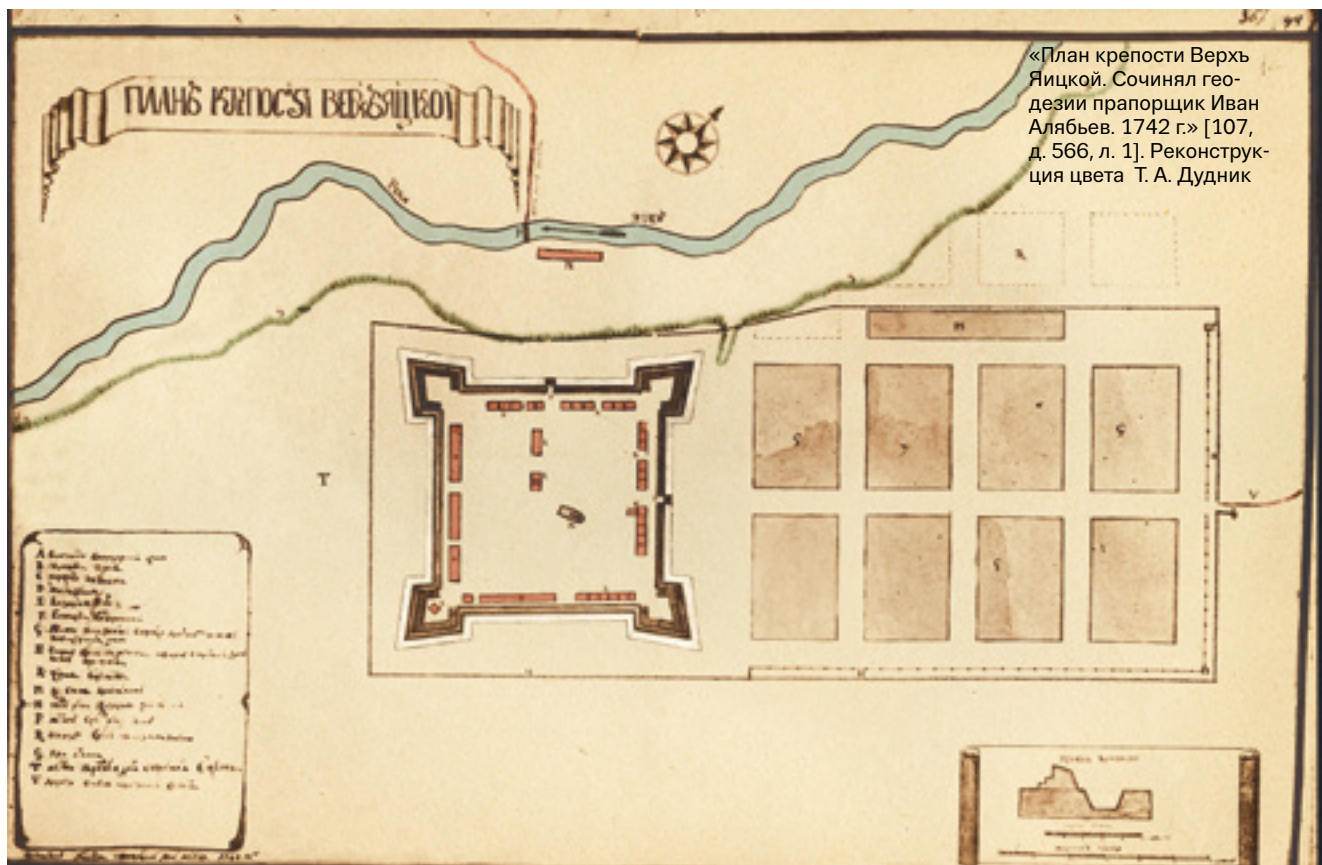
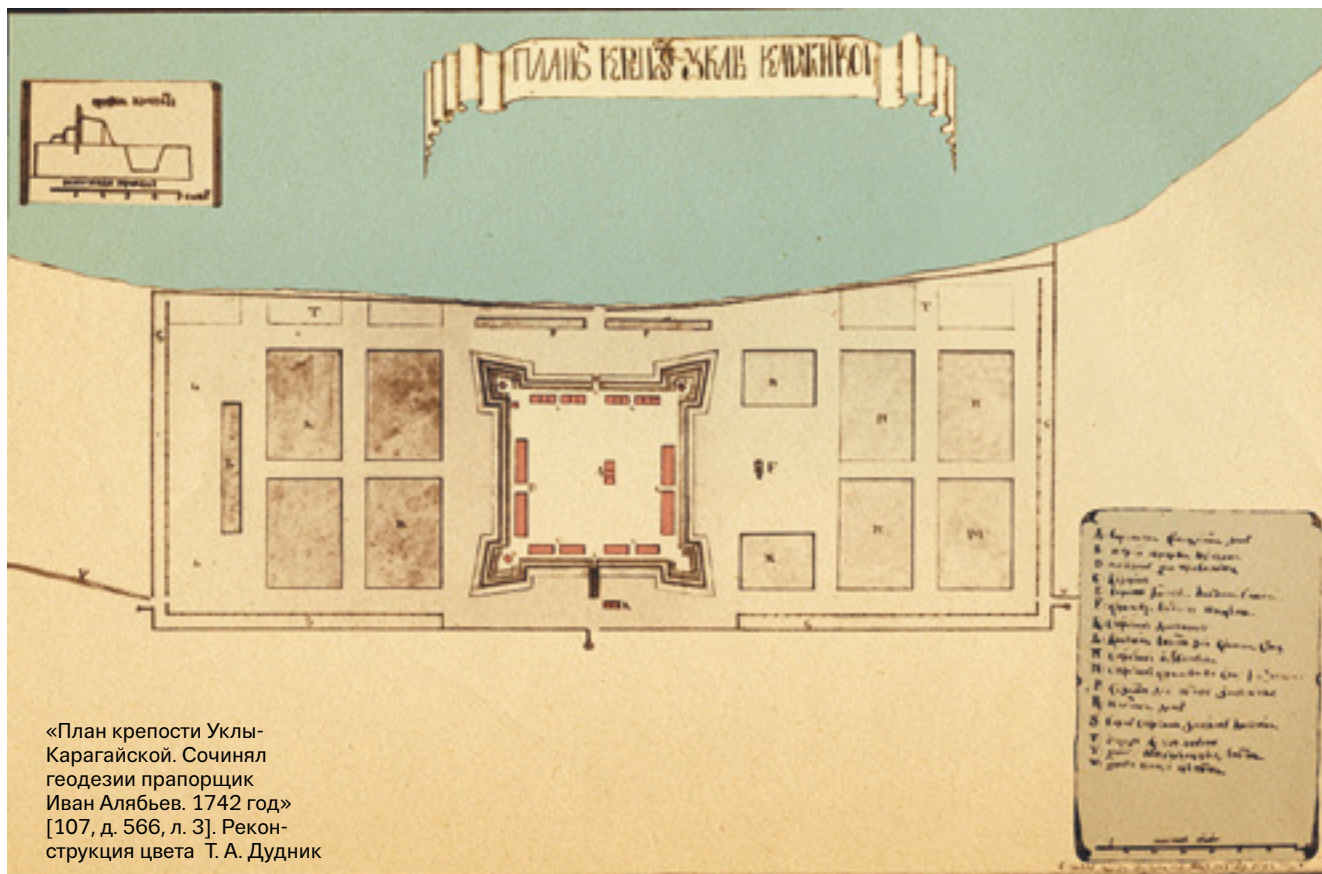
лись существовавшие деревни и села; во-вторых оборона получалась эшелонированной, поскольку укреплена была большая часть деревень в довольно широкой полосе. Эшелонированность обороны, в сочетании с тем, что укрепленные деревни прикрывали основные переправы через реки, делало маловероятным нападение башкир с этой стороны. В 1737 году крестьяне, командированные из разных слобод и острогов, несли службу в следующих крепостях по Заводской линии: Багаряцкой, Коневской, Карсях, Истоцкой, Шаблишской, Окуловой, Улугушской, Зырянской, Щелкунской, Сысертской,

«План Калмацкаго броду. А — речка Теча; В — речки малинкия, именуются одним званием Барсунка; С — болоты промеж которых текут речки; Д — мост чрез речку и болотное место; Е — чрез речку Барсунку зашачено фашинами, чтоб не было переправы неприятелям чрез речки

и болоты; F — деревня Калмацкой Брод, круг которой ныне городок». Под планом подпись: «Ablosirt Hinrich Magnus von Traubenberg» (выполнено Генрихом Магнусом фон Траубенбергом). Лето 1736 г. [94, кн. 139, л. 174]. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

Полевской и Северской [17, д. 579, л. 130–131]. Последние три крепости были организованы вокруг заводов: Сысертского, Полевского и Северского, которые оказались в приграничной зоне Екатеринбургского ведомства. А Улугуш — деревня на

«Ланкарта назначенным местам под строение крепостей под литерами: А. при озере Иек-куль (Еткуль.— Г. С.) от Мияской крепости расстоянием 46 верст. В. при озере Уськуль, от озера Иеккуль расстоянием 28 верст. С. При реке Увеле и при урочище Имчактау, от озера Уськуль расстоянием 29 верст. Д. При реке Уй и при урочище Нарым крагай-от реки Увели расстоянием 66 верст. Всего расстоянием верст от Мияской крепости по назначенное место при реке Уй 169 верст. Сия дорога хотя прежней нечто кривее, но суше и привольнее, также для строения крепостей способнее ибо оные места водою, покосами и лесами довольны. В. Татищев»
 Возможно, осень 1736 г. [95, кн. 254].
 Реконструкция цвета Т. А. Дудник

одноименном озере (сегодня в Катайском районе Курганской области).

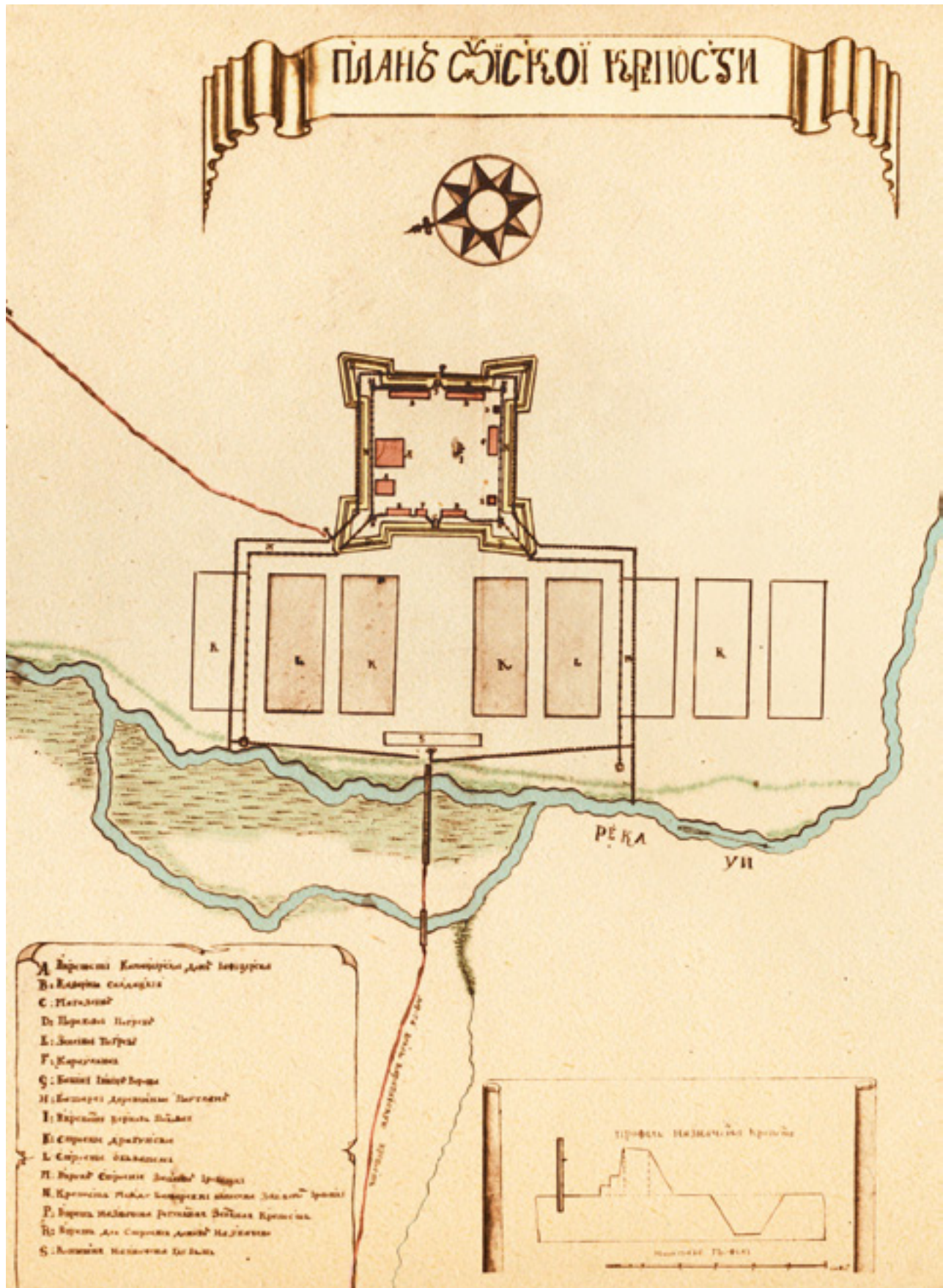
В 1748 году уже было решено убрать большую часть крепостей Заводской линии, кроме нескольких опорных и тех, в которых были поставлены церкви. Необходимость в столь плотной линии обороны отпала: башкирское восстание было усмирено, от Теченской слободы к Чебаркулю протянулась пусть реденькая, но все же линия крепостей (Исетская линия, о которой чуть дальше),

а самое главное, в 1743–1744 годах была обустроена Уйская линия, по границе сложившегося к этому времени разграничения башкир и киргиз-кайсаков (казахов). Заводская линия существовала недолго и оказалась впоследствии забытой.

Надо отметить, что часть крепостей заводской линии, возможно, была поставлена еще в 1735 году. По крайней мере, в этом году были направлены в крепости Зырянскую, Карасьеистоцкую, Щелкунскую крестьяне разных деревень [17, д. 564,

«План Уйской крепости.
 А — в крепости командирской дом и офицерской. И — Казармы салдацкия.
 С — Магазейн.
 D — Пороховой погреб.
 E — Зелейной погреб. F — Карайлная.
 G — Башни и в них ворота.
 H — Батареи деревянныя по углам. I — В крепости церковь полковая.
 K — Строение драгунское.
 L — Строение обывателей.
 M — Вкруг строения заплот и рогатки.
 N — Крепость между батареями обнесена заплотом и рогатки. P — Впрядь назначена регулярная земляная крепость. R — Впрядь для строения домов назначено.
 S — Конюшня назначена где быть» [107, д. 566, л. 3].
 Реконструкция цвета Т. А. Дудник

л. 311–332]. Это было вполне в русле общей политики безопасности, проводившейся, начиная с 1735 года — жителей мелких деревень старались переселить в более крупные населенные пункты. Крупные деревни обеспечить оборонительными сооружениями. Так, помимо постройки крепостей на дороге от зауральских слобод к Верхояицкой пристани, в 1736 году была обнесена деревянной стеной деревня Белоярской-Теченской слободы Калмацкий брод, которую после этого в некоторых документах обозначали как «слободу». 11 августа 1736 года В. Н. Татищев направил в «Канцелярию главного заводского правления» предложение «для разсуждения и определения», где оговаривались меры по обеспечению безопасности поселений, располагавшихся на границе с бакширскими землями. В том числе было прописано продолжение строительства укреплений в пограничных деревнях и организация отправки в них крестьян на дежурство, а также конкретные рекомендации по укреплению селений: «чтоб все пограничные деревни которые выжжены порядочно слободами, а которые не позжены тех хотя совсем не переламывать, однакож улицы назначить которые двory далеко стоят велеть сломав между другими уместить, около каждой хотя перегородою крепкою загородить, а леса сажен на 200 кругом обрубить и чисто сделать, но чтоб не зарастало, велеть им возле деревни пахать или косить, дабы не зарастало» [Там же, д. 621, л. 679–682].

Очевидно осенью 1736 года, после постройки Чебаркульской и Челябинской крепостей, была составлена «Ландкарта назначенным местам под строение крепостей» [95, д. 254]. К сожалению, документ не датирован, но ясно, что он составлен в промежуток сентябрь 1736 — май 1737 года. На карте показаны уже построенные Чебаркульская, Миасская, Челябинская крепости и обозначены места, намеченные под строительство новых крепостей, в том числе на оз. Еткуль (Йек Куль в документе) и на реке Уй. Документ отражает не просто стремление увеличить количество крепостей в Зауральской Башкирии, но обустроить вторую, южную дорогу к Оренбургу. Новая дорога не отменяла первую, «лесную» трассу, идущую через Челябинскую и Чебаркульскую крепость, а дополняла ее.

В полной мере проект, отраженный на этой карте, воплотился в жизнь не скоро. В 1737 году была построена Еткульская крепость, в 1738 году — Уклы-Карагайская [107, д. 566, л. 3] и Верхояицкая [Там же, л. 1] (вместо сожженной зимой 1735/36 годов), в 1742 году — Уйская [92, д. 481, л. 248 об.— 249 об.].

Не раз приходилось сталкиваться с выражением «Исетская линия» именно в отношении некоей границы, составленной из крепостей Исетской провинции. Но крепости 1735–1742 годов строились не как части пограничной линии, а как перевалочные пункты на дороге к Верхояицкой пристани (даже в тот период, когда самой пристани, по сути и не было). Но недавно удалось выявить карту, которая разъясняет ситуацию. Линия была, хоть и достаточно своеобразная: она шла от Верхояицкой пристани к Уклы-Карагайской крепости, далее к Уйской, от нее на Еткуль, затем к Миасской крепости и от нее по р. Миасс. Между Чумлякской слободой и селом Вовскресенским было поставлено два маяка, или форпоста, один из них в устье реки Карачелки.

14 апреля 1737 года скончался руководитель Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов. 10 мая 1737 года был подписан Анной Иоанновной «Указ нашему тайному советнику Татищеву. Понеже по смерти статского советника Кирилова служба и интересы наши весьма требуют, чтобы те комиссии и исправления, которые ему поручены были, непрерывное свое продолжение имели и к тому всякое радательное старание приложено было, и мы по все милостивейшей нашей надежде на известную вашу к службе нашей ревность и рдение за благо разсудили, все оные дела вашему ж ведению и дирекции поручить. Того ради имеете вы немедленно во оную комиссию вступить...» [108, с. 28–29]. В указе речь идет уже не об экспедиции, но о комиссии — явный знак того, что акценты были смещены и теперь основными задачами правительством виделось решение проблем, связанных с Южным Уралом. Об этом свидетельствует и обозначение задач в самом указе: «тщательнейшее попечение прилагать, дабы в тех делах и что от Ивана Кирилова предложено и зачато было, как в башкирских и оренбургских делах, и во всяких тамошних строениях, и в поселениях, и в приумножении

«Ландкарта, сочиненная 1742 году по ордеру тайного советника и ковалера Неплюева геодезии прапорщиком Куроэдовым, а именно: Как розъезды чинились от Верх Яицкой крепости до Сибирской губернии, то есть до Утяцкого фарпосту, а от него возле Таболу до Ишима, и от Ишима разными

обращениями до Иртыша, и по Иртышу до Чернолуцкого фарпосту. Которыя означено линиям желтою краскою, а покуда жило состоит к степям означено красною красною. А вновь назначенная линия от Утяцкого фарпосту чрез Коркинскую слободу до Чернолуцкого фарпосту краскою голубою»

рудокопных дел, также и во всем прочем, что ему, Кирилову, поручено было, никакого упущения не происходило» [Там же, с. 29]. Если в указе по проекту И. Кирилова об организации экспедиции основной упор делался именно на задачах, связанных с казахскими жузами, Средней Азией, постройкой пристани на Аральском море и т. д., то здесь во главу угла поставлены вопросы управления и развития Южного Урала.

Практически одним из первых крупных проектов В. Н. Татищева на новом посту была организация Исетской провинции. Выше уже говорилось, что фактически, с 1736 года заработал проект, который В. Н. Татищев выдвигал еще в 1724 году — план установления контроля над башкирскими территориями. В первом пункте «Представления» Василия Никитича говорилось: «Чтоб оных (башкир.— Г. С.) разделить под разные суды, подобием как казанския татара розделены были по пригородам, и для того зделать в разных пристойных местах городки и определить особиых судей, чтоб они на Уфу бить челом не ездили» [45, с. 481–483]. После смерти И. К. Кирилова В. Н. Татищев возглавляет Оренбургскую комиссию (экспедиция, как уже упоминалось, была преобразована в комиссию еще в начале 1737 года) [120, с. 56–57]. 14 июля 1737 года начальник Оренбургской комиссии В. Н. Татищев и начальник Башкирской комиссии Л. Я. Соимонов провели совещание в Мензелинске, итогом которого стало «Рассуждение», направленное в Сенат. 13 августа 1737 года вышел указ, утверждавший рекомендации совещания В. Н. Татищева и генерал-майора Соимонова, в 7-м пункте этого указа определялось: «Исецкой Провинции быть особо, и в ней быть особливому Провинциальному Воеводе, в Чебаркуле, в которой подчинить Исецкой, Окуневской и Шадринской уезды, а к тому всех за Уральских Башкирцов по реке Аи и вершину Яика, и оной Провинции быть в ведении к Оренбургу, так, как Уфимская Провинция, понеже оныя Провинции для Оренбурга весьма способны, Воеводам же и приказным служителям на первое время, до рассмотрения жалованье определить, а с Башкирцов подарки и взятки брать жестоко запретить, чтоб от того впредь какого вреда не произошло» [74, № 7347].

Печать
Исецкой
Зауральской
провинции

Провинциальная канцелярия (то есть структура, которая должна была осуществлять руководство провинцией) учреждена в Чебаркульской крепости 30 декабря 1737 года [67, с. 102; 139, с. 390–391]. Правда, первый воевода, Иван Никитич Татищев, брат В. Н. Татищева, назначен лишь в марте 1738 года [133, с. 148]. Итак, начинается новый этап развития территории и, следовательно, крепостей, здесь расположенных. Чебаркульская крепость поначалу оказалась не просто важным опорным пунктом, но и центром очень большого территориального образования, правда, ненадолго. Сказалось то, что она находилась на западном краю новой провинции, вдали от густонаселенных районов по Исети — приезжать в Чебаркуль из Шадринска или Исетского острога (сегодня село Исетское Тюменской области) было далеко, а в условиях башкирского восстания и небезопасно. И тогда «провинциальное правление по силе указу ис канцелярии Оренбургской комиссии от 12 числа июня 739 году на первое время, до усмирения башкирского велено быть зимою в Теченской слободе, а летом в новых крепостях» [92, д. 481, л. 180] — зимой, когда в провинциальную канцелярию больше обращались жители русских слобод, она располагалась ближе к районам традиционного русского расселения, а летом — в башкирской части провинции, в одной из крепостей [109, с. 359]. Это изменение произошло уже в ту пору, когда руководителем Оренбургской комиссии был князь В. А. Урусов, сменивший на этом посту В. Н. Татищева по указу от 17 июня 1738 года [Там же, с. 42].

Строительство крепостей в Зауралье, разумеется, не было чем-то исключительным — процесс охватил разные территории. В первую очередь крепости ставились вдоль путей, соединявших строящийся Оренбург с различными территориями. В 1736 году было основано 17 крепостей, не считая тех, о которых мы уже рассказали. По реке Яик: Губерлинская, Озерная, Средняя, Бердская, Крылова. По реке Самаре: Караульная, Верхняя, Сорочья, Тоцкая, Бузулуцкая, Борская и Красносамарская. Три крепости были поставлены севернее: Табынский городок, Ельдяцкая и Кубовская. В верхнем течении реки Уфы заложена крепость Красный Яр, позже переименованная в Красноуфимск [6, с. 124–127]. В период управления Оренбургской комиссией В. Н. Татищева были построены крепости: Тевкелев брод, Переволоцкая, Татищева, Чернореченская, Елшанская. При нем же первый раз был перенесен Оренбург — от устья реки Орь в урочище Красная Гора [Там же, с. 144]. При князе В. А. Урусове темпы строительства заметно упали. По оценке Р. Г. Букановой, «Василий Урусов занимался, главным образом, подавлением башкирского восстания и к градостроительному делу почти не проявлял интереса». 22 июля 1741 года князь В. А. Урусов умер от скорбута, то есть цинги [108, с. 57]. После его смерти место руководителя комиссии оставалось вакантным довольно долго. Начальником в августе 1741 года был назначен генерал-лейтенант Л. Я. Соймонов, но приступить к обязанностям он не успел — в январе 1742 года он получил указ, что Оренбургскую комиссию возглавит тайный советник И. И. Неплюев, который и прибыл в Самару 26 апреля и в начале мая принял дела [Там же, с. 60].

К моменту прибытия И. И. Неплюева к исправлению должности «главного командира» Оренбургской комиссии накопилось много нерешенных вопросов, которые касались как управления гражданским населением, так и организации военных сил в крае и строительства пограничных линий. В первую очередь это касалось Зауралья. Организованная по инициативе В. Н. Татищева Исетская провинция не имела нормальной системы управления, к тому же Сибирская губерния после передачи трех самых хлебобородных уездов в новую

провинцию, подчиненную Оренбургу, стала вновь испытывать проблемы с продовольственным снабжением.

В 1742 году И. И. Неплюев ознакомился с ситуацией, осматривал территорию Приуралья, изучал картоматериалы и результаты предыдущих осмотров местности и материалы геодезистов. Здесь стоит упомянуть еще об одной важной детали — Р. Г. Буканова в своей работе привела большой фрагмент из указа, направленного 19 августа 1739 года генерал-лейтенанту В. А. Урусову [6, с. 146–147]. Он был основан на представлениях, поданных в Сенат В. Н. Татищевым в ту пору, когда он возглавлял Оренбургскую комиссию [108, с. 43]. Этим указом предписывалось ставить крепости от Красной горы вниз по р. Яику до пристани и от нее вниз по реке Самаре; вверх по Яику от Красной горы до Верхояицкой пристани, а от нее вниз по рекам Уй и Тобол до Царева Городища [74, с. 867–871]. Выполнен этот указ не был, но в значительной степени это объясняется не столько нежеланием князя В. А. Урусова, сколько вновь вспыхнувшим восстанием. При этом изыскания велись. Проводились они на реке Сакмаре, где посланная Урусовым команда полковника И. Останкова нашла девять мест, удобных для постройки крепостей [108, с. 47]. Геодезии прапорщики И. Куроедов и И. Алябьев проводили работы по верхнему течению реки Яик и по реке Уй, что отображено на Ландкарте Исецкой провинции, составленной в 1742 году по журнальным записям [107, д. 129]. Более того, уже в 1742 году тем же геодезистом Куроедовым была составлена ландкарта с обозначением вновь назначенной линии от Утяцкого форпоста до Чернолуцкого форпоста [107, д. 125, л. 1], то есть фактически будущая Сибирская линия. Показана она, разумеется, чисто схематически, но на этих картах нас интересуют такие объекты, как Усть-Уйский и Абугинский компаненты на реке Тобол, которые показывают, что определенные действия по созданию укреплений на границе по Тоболу предпринимались еще до обустройства Уйской линии.

В марте 1743 года состоялась встреча И. И. Неплюева с сибирским губернатором А. М. Сухаревым в Шадринске. Место явно было выбрано не случайно — Шадринск являлся центром одного из

МАКЕДОНСКА ИСЕЛКОЈ ПЛОВИНОЦЫ

СТЕПЬ

«Ландкарта Исецкой провинции. Она ланкарта сочинена из журналов геодезии прапорщика Ивана Куроздова, а Табол положен ис старой ланкарты, которую прежде описывали до Уйского компамента. Сочинял геодезии прапорщик Иван Алябьев»

дистриктов (уездов) перешедших из состава Сибирской губернии в Исетскую провинцию и, соответственно, в ведение Оренбургской комиссии. На встрече разбирались целый комплекс вопросов, в том числе по управлению Исетской провинцией, слободскому строительству в границах провинции, организации пограничных линий и т. д. В том, что касается Исетской провинции, рекомендации И. И. Неплюева и А. М. Сухарева были воплощены в двух указах, вышедших осенью 1743 года: был подтвержден статус Исетской провинции и передана ей Исетского, Шадринского и Окуневского дистриктов, провинциальная канцелярия была переведена в Челябинскую крепость на постоянной основе, проведены назначения на руководящие должности, назначены структуры, куда должны поступать деньги от подушного сбора с населения провинции и т. д. [75, с. 896–897, 920–922. № 8783, 8794].

Во время той же встречи «7 марта они учинили общее определение: “о учреждении по Сибирской границе по изобретенным способам, вновь линей, с Оренбургской стороны по реке Ую до Утяцкого старого форпоста на Коркину слободу, а с той слободы к Иртышу на Чернолуцкую слободу и о поселении в расположении на оных военных людей, а именно: на Уйской — Оренбургского, а с Сибирской стороны, на одной дистанции Сибирского ста-

рого, на другой — Сибирского ж, новоучрежденно-го, драгунских полков?» [11, д. 15, л. 14 об.— 15]. В тот же день был направлен ордер полковнику Угрюмову, который возглавлял оборону так называемой Заводской линии (ее составляли крепости, устроенные по рр. Сысерть, Багаряк, Синара и она защищала территорию Екатеринбургского ведомства). В ордере сообщалось, что «заводское ведомство от степных народов прикрыто, а впредь и наиболее прикрыться имеет здешними, устроенными от Оренбургской комиссии крепостями учрежденной с Оренбургской же стороны, Уйской линией» [Там же, л. 15].

Как видим, само название «Уйская линия» использовалось еще до начала строительства крепостей, ее составивших. Для организации строительства крепостей и редутов новой линии был определен Уфимский драгунский полк во главе с полковником Останковым, которому были выданы на этот счет инструкции. 27 марта Оренбургская комиссия направила распоряжения полковнику Останину и подполковнику П. Бахметеву «о учреждении для пресечения воровских перебегов и от опасностей, как скоро снег сойдет в пограничных местах форпостов» и об отправке для усиления Уфимского драгунского полка некоторого количества башкир и регулярных частей Оренбургского драгунского полка [Там же, л. 21].

П. И. Рычков пишет, что в конце апреля И. И. Неплюев выехал из Шадринска в Царево Городище (сегодня город Курган), оттуда до устья реки Уй и по ней до Верхояицкой крепости. «И в том походе следующие крепости, и в них надлежащие гарнизоны от него назначены, а именно: 1) Куртамышская, близ р. Куртамыш. 2) Бакланская, близ озера Баклан; за теми по реке Ую; 3) Уйская, близ устья той реки, 4) Крутоярская, при урочище, называемом Урутой яр; 5) Каракульская, близ озера Каракуля, 6) Троицкая, близ устья реки Увельки, яко в день святой Пятидесятницы назначена; и рассуждено, чтобы оной между теми тамошними крепостями быть главной. 7) Степня, чко на степной, то есть на киргисской стороне назначена, против соснового бору, Нарым Карагай называемого. К тем

Герб
Уфимского
драгунского
полка.
По А. В. Висковатову. Реконструкция цвета
Т. А. Дудник

новоназначенным крепостям присовокуплены старые...» [108, с. 68]. Старые крепости — это Уйская, Уклы-Карагайская и Верхояицкая.

Если исходить из приведенной выше цитаты из книги «История Оренбургская», то И. И. Неплюев определил (утвердил) места, где должны были быть поставлены крепости Уйской линии. Однако документы обрисовывают несколько иную картину. В цитированном выше документе речь шла о начале строительства форпостов «как скоро снег сойдет». То есть в начале мая к работам уже, скорее всего, приступили. Снег в основном сошел, видимо, в начале апреля [Там же] — именно в это время И. И. Неплюев отправился из Шадринска. Самая логичная причина его задержки в городе — ожидание окончания распутицы. Это тем более вероятно, что с ним в поездке была его жена.

Эти предположения подтверждаются документами. 2 июня уже рассматривался вопрос о выдаче размещенным в новых крепостях по Тоболу и Ую частям Уфимского драгунского полка провианта, поскольку везти его из Уфы было далеко. Разумеется, речь не шла о том, что укрепления уже были построены, но части были размещены на местах, определенных под их обустройство и строительство было начато. 3 июня Оренбургская комиссия направила полковнику Б. Останкову определение о выдаче «в новоназначенных по новой Уйской линии семи крепостях священникам жалованья, как денежного, так хлебного» [11, д. 15, л. 47 об., 48 об.]. Официально указы «Об учреждении по Тоболу и Ую рекам новых крепостей» и «Об учреждении между Орском и Верхояицкою пристанью крепостей» вышли 3 июня 1743 года. Но работы по строительству новых укреплений, и на Уйской, и на Яицкой линиях к этому времени уже велись. Руководитель Оренбургской комиссии мог участвовать в выборе места под Куртамышскую, Бакланскую и Усть-Уйскую крепости, поскольку его путь из Шадринска до устья реки Уй был примерно равен пути туда от Орска. Крепости в верхнем течении реки Уй, как и по Яику, очевидно, начали строить без участия И. И. Неплюева, он лишь проинспектировал места. Похоже, что является мифом и транслированная П. И. Рычковым, что Троицкая крепость (нынешний город Троицк) получила свое

название потому, что Неплюев выбрал место для ее постройки в день Пятидесятницы⁴.

Строительство крепостей продолжалось и в 1744 году, поскольку при их возведении использовались не такие большие отряды, как при работах на строительстве Челябинской, Чебаркульской или Миасской крепости. Помимо указанных в цитированном распоряжении И. И. Неплюева драгун Уфимского полка и башкир и мещеряков, к строительству крепостей Уйской линии направляли и казаков уже существовавших крепостей. После начала строительства Уйской линии большие группы

4

Как известно, Троица в 1743 году приходилась на 13 июня, а 15 июня И. И. Неплюев был уже в Орской крепости и направил приглашение приехать туда же хану Младшего жуза Абулхайру и султану Ерали, о чем свидетельствует запись в журнале: «Об отправлении в Киргискайсацкую орду к Абулхайр-хану, також и к Эрали салтану с писмами о приезде ево, тайного советника в Орск и о бытии их во оную крепость к свиданию» [11, д. 15, л. 52 об.]. Доехать за два дня от места расположения Троицкой крепости (Усть-Увельского форпоста) до Орска Неплюев не мог просто физически. Это было бы невозможно, даже если ехать напрямую, но маршрут И. И. Неплюева шел вверх по реке Уй, а затем вниз по Яику, поскольку он осматривал не только место постройки Троицкой крепости, но и всех остальных вновь строящихся укреплений, в том числе между Верхояицкой и Орской крепостями. Надо так же учитывать, что с ним была большая жена. Как писал он сам: «На возвратном моем пути с верхней линии превозмогла грусть жену мою, которая в том же году, в Орской крепости, преставилась» [33, с. 140–141]. В одном из документов 30 июня 1743 года упоминается Усть-Увельский форпост — очевидно, «прообраз» будущей Троицкой крепости, поставленный весной этого же года. Упомянулся этот форпост в связи с тем, что И. И. Неплюев оставил там для пропитания гарнизона свой собственный провиант: муку, сухари и ячневую крупу [11, д. 15, л. 57]. Так что легендарный учредитель Оренбургской губернии действительно был на месте, где строился Усть-Увельский форпост — будущая Троицкая крепость и даже поделился с его первыми обитателями продовольствием из личных запасов. Но произошло это не в день Пятидесятницы, а раньше.

Есть и еще один факт, который подтверждает, что Неплюев с сопровождающими проехал устье реки Увелки задолго до дня Пятидесятницы. 7 июня 1743 года секретарь Петр Рычков обратился с просьбой разрешить ему оставить излишки продовольствия в Верхояицкой крепости либо на Верхнем Кизыле. Было определено, ржаную муку Рычкова «обретающемуся при команде на Кизылах секунд-майору Мягкову велеть принять в казну при Верхнем Кизыле» [Там же, д. 15, л. 47]. Следовательно, 7 июня походная канцелярия Неплюева находилась где-то в районе Верхояицкой пристани. Это сходится и с временем прибытия И. И. Неплюева в Орск — к 15 июня.

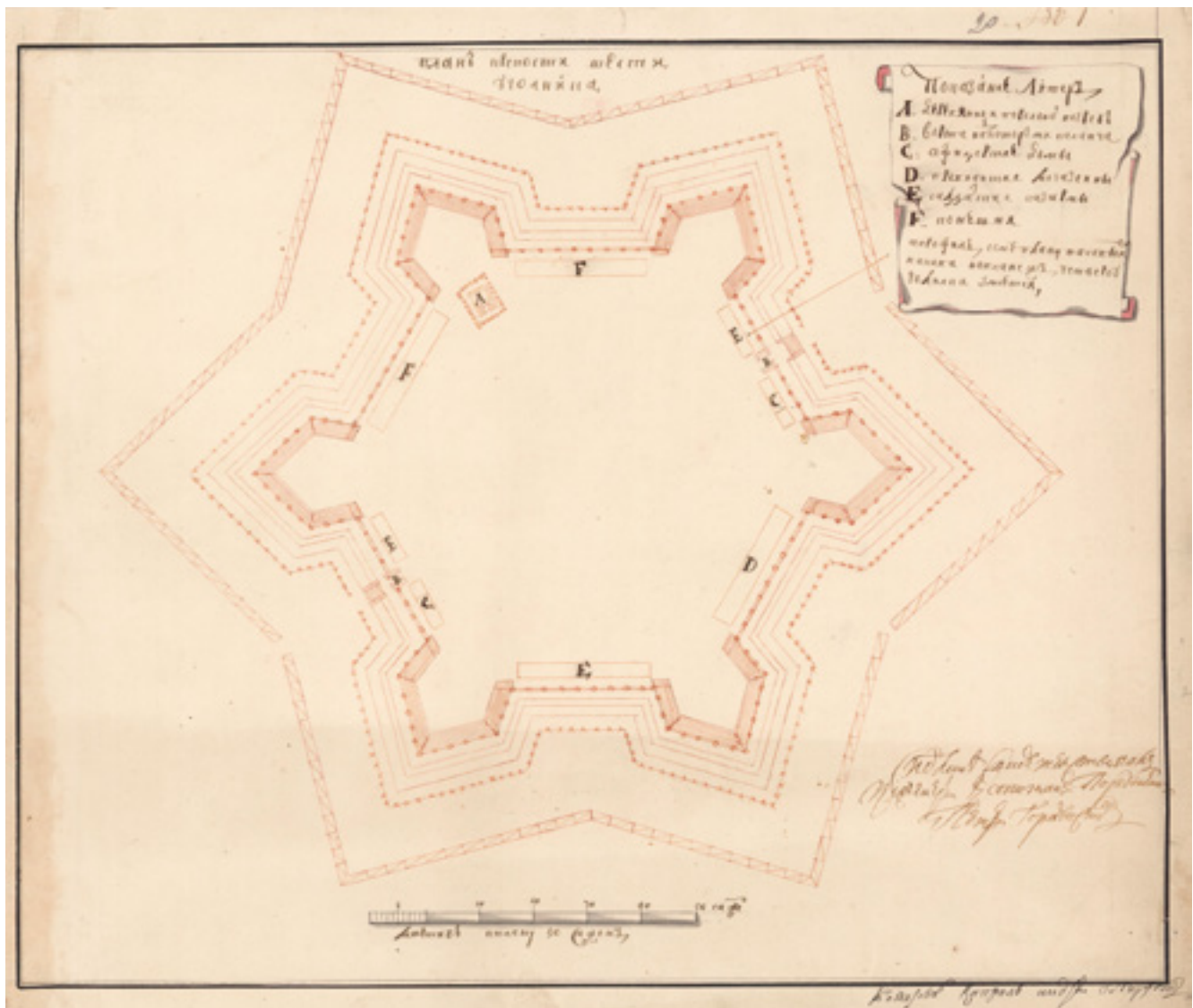
казаков посменно командировались в строящиеся крепости — они должны были не только нести дозорную службу, но и участвовать в строительстве. Им предписывалось брать с собой инструменты [57, д. 1, л. 160]. Мастеров просто переводили из казаков в солдаты и драгуны регулярных частей, размещенных в пограничных крепостях [Там же, л. 96 об.].

15 марта 1744 года указом императрицы Елизаветы Петровны было определено: «...быть в Оренбурге губернии, и именоваться Оренбургская губер-

Один из проектных чертежей Сибирской линии «План крепости шестиугольника. Показание литер: А — деревянной пороховой погреб В — ворота над которыми каланча. С — офицерские дома. D — провиантские

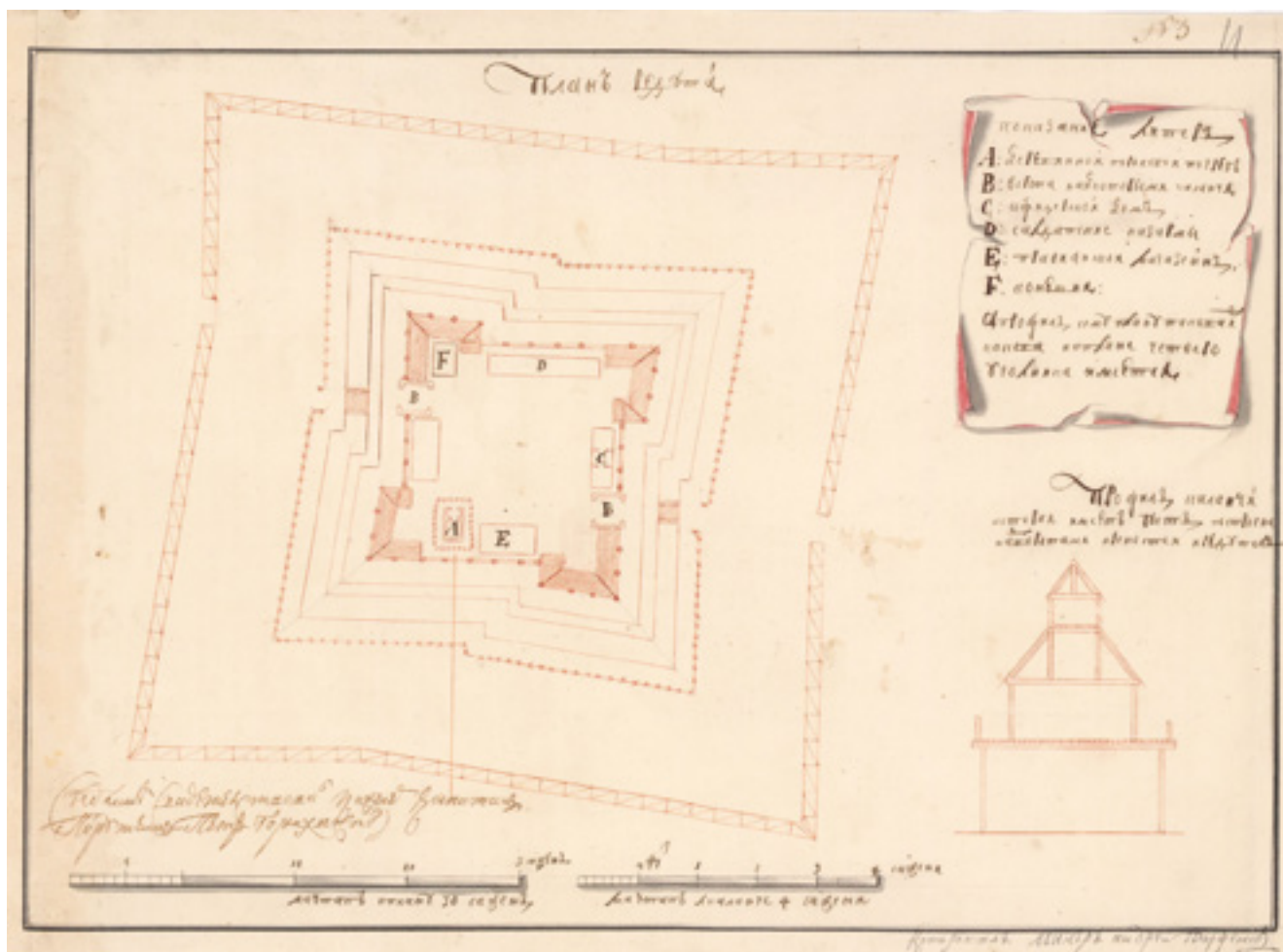
магазины. E — салдатские казармы. F — конюшня. А профиль сему плану таковая ж, какова на плане ж четверугольника имеется». Это образцовый проект крепости, не привязанный к конкретной местности [90, д. 969, л. 20]

ния, и в ней быть губернатором Тайному советнику Неплюеву, а во оной губернии ведомым быть всем тамошним по той Оренбургской комиссии вновь построенным, и кои ныне строятся, крепостям, и определенным в них регулярным и нерегулярным войскам и прочим поселившимся людям...» В состав новой губернии вошли Уфимская и Исетская провинции «также и Оренбургской комиссии делам быть в той же губернии, а особливою комиссиею не именоваться; ему же губернатору ведать и киргизской народ и тамошние пограничные дела, как поныне в Оренбургской губернии находятся» [76 С. 51]. В тот же день был подписан указ, согласно которому назначаемым в новые крепости гарнизонным командам и ландмилицким полкам назначалось жалованье по окладу остзейских полков

[Там же, с. 52], то есть повышенное, в сравнении с обычными гарнизонными частями. Правда, это распоряжение долгое время оставалось не реализованным — денег на выплату жалования гарнизонным полкам не поступало в течение трех лет, и губернатор вынужден был выискивать возможности частично погашать задолженность по выплатам за счет местных сборов [8, с. 281]. В 1747 году И. И. Неплюев вновь обратился в Сенат с этим вопросом и последовал указ от 13 февраля 1748 года, который определял жалование формировать за счет ясака с тептярей и бобылей, мещеряков, старых ясачных башкир, пошлин и т. д. А продовольствие за счет оброчного хлеба, собираемого с крестьян Исетской провинции [76, С. 835–840]. То есть фактически утвердили уже существовавшую схему.

15 февраля 1745 года И. И. Неплюев писал в Сенат: «...в прошедшем 1744 году действительно по той Уйской линии семь, да по Яику между Орска и Верхояицкой три крепости, и между ими редуты застроены, но во всем ли совершенно так по данным планам учинено и по оставленным определениям учреждено, весьма оное нужно осмотреть...» [96, д. 429, л. 96–97]. Опасения губернатора были вполне обоснованы. Как уже было сказано выше, новая линия строилась силами, намного меньшими, чем крепости 1735–1737 гг. Поэтому проектные решения не всегда воплощались в жизнь. К сожалению, проектные чертежи Уйской линии до сих пор не выявлены и сопоставить их с результатом строительства не получится, но мы можем обратиться к проектным чертежам Сибирской линии

Один из проектных чертежей Сибирской линии. Показание литер: А — деревянной пороховой погреба, В — ворота, над которыми каланча.

С — офицерской дом.
D — солдатские казармы.
E — правинаской магазейн.
F — конюшня. А профиль сему плану таковая ж, какова

на плане ж четвероугольника имеется. Профиль каланчи, которая имеет быть построена над воротами крепостей и редутов».

Это образцовый проект редута, не привязанный к конкретной местности [90, д. 969, л. 11]

[90, д. 969, л. 20]: это проекты укреплений с хорошей детализировкой, вытянутыми бастионами, профилированными реданами, выгодно отличающимися их от тех «минималистских» чертежей, которые мы видим в случае с крепостями 1735–1737 гг.⁵ Для более поздних крепостей уже план Уйской крепости мы видим значительное расхождение между проектным решением и реальным воплощением (см. рис. на с. 268) — предполагалась земляная бастионная крепость, а поставлена была деревянная, но как писал профессору И. Гмелину полковник Бахметев: «... строением деревянная, а на земля-

ную оставлено место» [92, л. 250–250 об.]. Очевидно, такая же ситуация сложилась с укреплениями Уйской линии, это хорошо видно на примере Троицкой крепости, план которой приведен в книге «Русское градостроительное искусство» [7, с. 290, план г. Троицка, 1740-е гг.]. Иллюстрация не очень хорошего качества⁶, но сопоставление ее с планом Уйской крепости (см. рис. на с. 268) позволяет реконструировать ситуацию. В книге план датирован 1740-ми годами, но время составления документа явно более позднее — Меновой двор, показанный в нижней части плана, появился не ранее 1750 года,

5

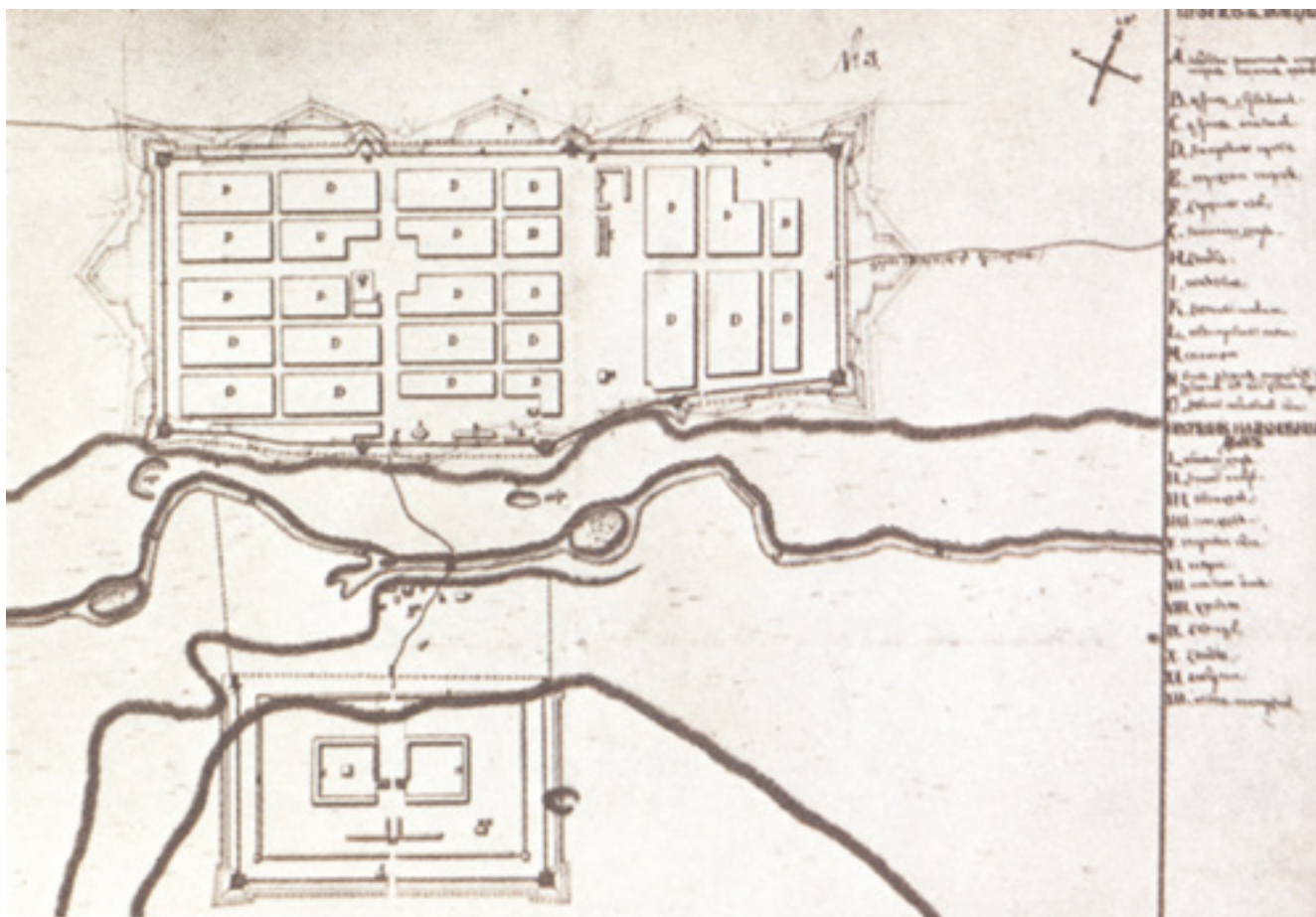
При проведении археологических исследований на участке, где располагался северо-восточный угол Челябинской крепости, было выявлено, что даже в этой ситуации имелось несоответствие проектного чертежа и воплощения: на чертеже Челябинской крепости показаны угловые бастионы ромбовидной формы, а в реальности северо-восточный бастион имел форму прямоугольника (квадрата). Очевидно, так было проще разметить на местности и выполнить работы.

6

К сожалению, в издании нет ссылки на место хранения плана, и выявить его, чтобы снять хорошую копию, мы не смогли.

План Троицкой крепости из книги «Русское градостроительное искусство». Датируется, скорее всего, не ранее 1750-х годов, поскольку показаны Меновой двор и Уйский (Троицкий) собор на берегу реки Уй

(собор был заложен в 1754 году). Возможно, это проект перестройки крепости, относящийся ко времени перед Пугачевским восстанием, как приведенный ниже план Верхояицкой крепости 1773 года

а Троицкая церковь, обозначенная в южной, береговой части крепости, была заложена в 1754 году. Так что мы можем констатировать, что проектный вариант крепости не был реализован и спустя 10 лет после ее основания.

Постройка в 1743–1744 годах Куртамышской и Бакланской крепостей была обусловлена тем, что для организации Сибирской линии еще не было условий, и обустроить укрепленную границу от Утяцкого форпоста через Коркину слободу тогда А. М. Сухарев был не готов. В этой ситуации И. И. Неплюев решил соединить проектируемую

Фрагмент «Ланткарты построенным между Сибирской губернии и киргис кайсацкой степи форпостам, також и назначенным вновь к построению крепостей и редутов, как по тракту капитана Новоселова от Утяцкого форпоста до Чернолуцкой слободы, сочиненному в 1743 году, которой значит на карте краскою зеленою, так и по тракту ж от Омской крепости до урочища Звериной головы между реками Иртышем, Ишимом

и Тоболом, которой значит краскою желтою, сочиненному при следовании генерал-майора Киндермана в 1746 году. На подлинной подписано тако: инженер-подпоручик Андрей Селиверстов». 1746 г. Показано место назначенной к построению крепости при урочище Звериная Голова. Крепости Куртамышская и Бакланская обозначены как редуты [90, д. 969, л. 19]

линию крепостей по реке Уй с существующей линией укреплений по Тоболу, поставив две крепости между устьем Уя и Утяцким форпостом.

Впоследствии, когда начались работы по проектированию Сибирской линии, было запланировано строительство крепости в урочище Звериная Голова на Тоболе [90, д. 969, л. 19]. Отряд под командованием майора Олонецкого драгунского полка Шашкеева с геодезии поручиком Шишковым был направлен генерал-майором Киндерманом, по согласованию с И. И. Неплюевым для осмотра местности и обследовал отрезок от урочища Звериная Голова до Омской крепости [8, с. 291]. Впоследствии из Москвы был командирован подполковник Кутузов, которому поручалось повторно осмотреть в 1745 году территорию и по итогам составить ланткарту с обозначением намеченных к постройке крепостей и редутов [Там же]. В 1746 году, судя по всему, будущую линию осмотрел сам генерал-майор Х. Х. Киндерман, по итогам этой экспедиции была составлена карта.

После постройки Звериноголовской крепости необходимость в Куртамышской крепости отпадала, поскольку она оказывалась внутри защищаемой территории. Строительство Сибирской линии, от крепости Звериноголовской до Омской, было начато в 1752 году. При этом необходимо отметить, что помимо этой линии севернее шла своего рода «вспомогательная» линия, составленная слободами и редутами, это была та самая линия от Утяцкого форпоста до Чернолуцкой слободы, но оборудованная ситуативно, с использованием уже существовавших поселений и конфигурация ее довольно причудлива.

После строительства крепостей Уйской линии пришла очередь организации пограничной службы и быта людей, служивших на границе. В мае 1745 года И. И. Неплюев выдал инструкцию генерал-майору фон Штокману, направляя его по всей Оренбургской линии, от Самары до Тобола, с задачей инспекции состояния крепостей и организации службы. В частности, Г. фон Штокман должен был проверить службу башкир и «прочих иноверцев», направленных на линию. Как писал И. И. Неплюев: «...поскольку они к таким делам не весьма еще обыкновенны, следственно

Фрагмент «Ланткарты построенным между Сибирской губернии и киргис кайсацкой степи форпостам, також и назначенным вновь к построению крепостей и редутов, как по тракту капитана Новоселова от Утяцкого форпоста до Чернолуцкой слободы, сочиненному в 1743 году, которой значит на карте краскою зеленою, так и по тракту ж от Омской крепости до урочища Звериной головы Ишимом и Тоболом, которой значит краскою желтою, сочиненному при следовании генерал-майора Киндермана в 1746 году. На подлинной подписано тако: инженер-подпоручик Андрей Селиверстов». 1746 г. Показаны: линия форпостов от Утяцкого форпоста до Чернолуцкой слободы (зеленая) и проектируемая линия от урочища Звериная Голова до Ишима и далее к Омску (желто-оранжевая) [90, д. 969, л. 19]

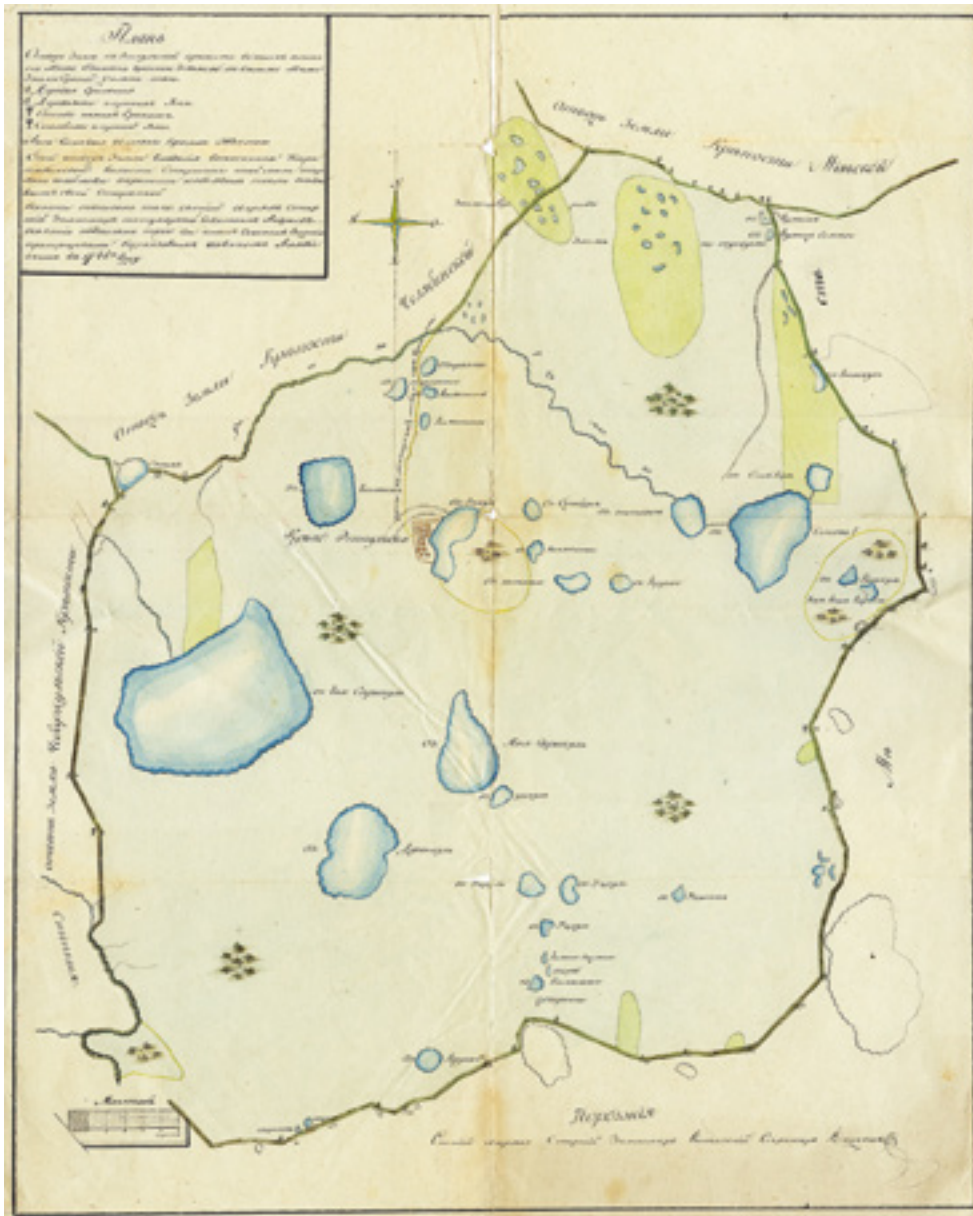
Ишимом и Тоболом, которой значит краскою желтою, сочиненному при следовании генерал-майора Киндермана в 1746 году. На подлинной подписано тако: инженер-подпоручик Андрей Селиверстов». 1746 г. Показаны: линия форпостов от Утяцкого форпоста до Чернолуцкой слободы (зеленая) и проектируемая линия от урочища Звериная Голова до Ишима и далее к Омску (желто-оранжевая) [90, д. 969, л. 19]

добропорядочное содержание наипаче над ними потребно» [96, д. 429, л. 103]. Также генерал-майор должен был проинспектировать крепости Челябинскую, Чебаркульскую, Миасскую, Еткульскую и Уклы-Карагайскую: «...понеже из оных казаков повсягодно повелено быть на службе половине и наряжаются они к разъездам и разным делам на линии» [Там же].

Крепости не были замкнутыми поселениями — казаки держали скот, косили сено, сеяли рожь и пшеницу, пасли скот. Соседствующие с ними башкиры также разводили скот и, в некоторых местах, имели пашни. Происходили взаимные потра-

вы — то башкирский скот пройдет по казачьим посевам, то казачий забредет на башкирские выпасы или покосы. Соответственно, возникали взаимные претензии. Необходимо было разграничить территории. В 1740–50-е годы в Зауральской Башкирии проводилось первое и до XIX века единственное межевание земель. Уже в начале 1740-х годов были отведены земли крепостям и служилому сословию. В 1740 году начальник Оренбургской комиссии князь Урусов доносит в Сенат о принятых мерах по размежеванию башкирских земель, взятых под строение крепостей, с землями их прежних владельцев, и о снятии ясака с башкир за отрезанные

«План отводов земли к Еткульской крепости.

Во оном плане по меже означено краскою зеленою, по оной же меже знаки граней зделаны... Леса сосновые означены краскою желтою. Оной отвод земли владения вотчинника Каратабынской волости старшины Таймаса тархана Шаимова, а крепости не объявил, токмо называет своей старинной. На копии написано тако: с копией сверял старший землемер титулярный советник Андреев. На копии подписано тако: сей план сочинен геодезии прапорщиками Куроедовым и Иваном Алябьевым в 1744 году» [58, д. 448].

На плане показаны участки, где отвод Еткульской крепости граничил с отводами других крепостей: Чебаркульской (с запада), Челябинской (с северо-запада) и Миасской (с севера)

от их владений земли [45, с. 501–502]. Характерно, что Миасская крепость названа в этом документе Улутупская, очевидно со слов башкир — Улу-Туп, или Оло-Туп, так назывался брод, на котором была построена Миасская крепость. В реальности выполнение этих мер по размежеванию, рописанных в упомянутом документе несколько растянулось. Как мы увидим ниже, карты на земли, отведенные крепостям, были составлены в 1743–1744 годах. Но территорию, включающую озера Тишки, Чебачье, Уялгуль и Айликуль и расположенную между ними землю, отвели служилым мещерякам в мае 1742 года [56, д. 164, л. 19 об.]. Картографических документов такого рода до нас почти не дошло. Пожалуй, единственное исключение — карта отвода земель Еткульской крепости [58]. Составлена она была геодезистами прапорщиками Куроедовым и Иваном Алябьевым — они готовили в 1740-х годах большую часть карт и планов в Исетской провинции, насколько об этом можно судить по разным сведениям. Мы с ними еще не раз столкнемся. На приведенной карте видно, что в 1744 году земли были также отведены Чебаркульской, Миасской, Челябинской и Еткульской крепостям. В действительности отвод земель крепостям (включая Уйскую) был проведен еще в 1743 году — в январе 1744 года был издан указ Исетской провинциальной канцелярии об установке вех вдоль дорог: «... каждой крепости на своем владении» [42, с. 42], то есть казаки каждой крепости устанавливали вехи до границ земли отведенной к их крепости. Башкирам же размежевывать землю начали лишь после выхода указов правительствующего Сената от 31 мая 1743 года, 29 августа 1743 года и указа из Оренбургской губернской канцелярии от 13 декабря 1746 года [56, д. 164, л. 18]. Фактически каждая крепость получила количество земли «на вырост», с дальней перспективой. Использовали опыт слободских отводов, когда к слободе нарезали территорию под будущие села и деревни. А дальше жители крепостей начали осваивать эти территории...

Новые слободы в Южном Зауралье

Несомненно, одним из вопросов, обсуждавшихся во время встречи в Шадринске И. И. Неплюевым и А. М. Сухаревым, было дальнейшее увеличение посевных площадей, привлечение новых крестьян, переселение крестьян ближе к местам расположения крепостей. Создание новых линий крепостей с их гарнизонами, создавало новую проблему — снабжения. Обеспечение продовольствием гарнизонов происходило за счет оброчного хлеба, собираемого с крестьян Зауралья. А его мало было собрать — надо было еще доставить до места. И в связи с организацией Уйской и Сибирской линий потребность в дополнительном продовольствии значительно увеличивалась. Очевидно, в связи с этим активизировалось слободское строительство.

Самая первая из новых слобод носила достаточно своеобразное название — Карачельский форпост. Очевидно, это было связано с тем, что под слободу было назначено место, где до этого стоял маяк или форпост при впадении р. Карачелки в р. Миасс. Как только началось строительство укреплений Уйской линии, бывший форпост, видимо, лишили прежнего статуса, организовали новую слободу и начали набирать крестьян. Впоследствии слово «форпост» исчезло из названия и осталось: Карачельская слобода. Следующая слобода также возникла на месте бывшего укрепления — выше написано о Куртамышской крепости, которая после постройки Звериноголовской оказалась в «тылу». Но в действительности она была «преобразована» в слободу еще до того, как приступили к обустройству укрепления в урочище Зверина Голова. Создание Куртамышской слободы датируется 1745 годом [50, с. 121]. Хотя по другим данным, реальное заселение ее крестьянами началось с 1746 года, а земля слободе была отведена геодезистом Иваном Мингалевым в 1748 году [56, д. 44, л. 1]. Очевидно, руководство Исетской провинции и Оренбургской губернии решило, что для контроля границы достаточно Бакланской крепости, к тому же будущая Звериноголовская крепость была назначена к постройке еще в 1746 году (см. рис. на с. 282–283) и ожидалось, видимо, скорое ее строительство.

Затем в 1748 и 1751 годах в той же части Исетской провинции, что и Куртамышская, были основаны Таловская и Каминская слободы [50, с. 121], составившие впоследствии новый Куртамышский дистрикт (уезд). Эти слободы были расположены близко к пограничной линии, благодаря основанию этой линии и стало возможным относительно безопасное земледельческое освоение этой территории.

И практически параллельно началось крестьянское расселение в той части Исетской провинции, которая до 1738 года входила в состав Уфимской провинции. Но поскольку здесь вся территория являлась вотчинной землей башкир той или иной волости, то поселиться там было сложно. Выше уже сообщалось, что в 1740–1744 годах было проведено отмежевание земель, отведенных крепостям. Каждая крепость получила большую территорию для своих нужд. В отводе Челябинской крепости крестьяне селились деревнями. Так, П. И. Рычков сообщает, что в деревне Баландиной поселилось после ревизии 1743–1744 годов 154 «души», то есть крестьян мужского пола [109, с. 365].

Еще три слободы возникли в конце 1740-х — 1750-е годы⁷. Первая из них, Кундравинская, была основана в 1748 году. По крайней мере, именно этим годом датируется указ: «Сего 1748 году сентября <...> дня по указу Ея Императорскаго Величества при слушании присланного из Оренбургской губернской канцелярии Ея Императорскаго Величества Указу, пущенного от 28-го числа Июля сего 748 году под № 3063-м о позволении селид[ь]бою в сороки дворах Шедринского города пашенным крестьяном Терентью Халезину стоварыщи в отводе Чебаркул[ь]ской крепости подле озера Кундравы и о даче им для того селения льготы, кроме платежа подушных денег и оброчного правиянта, отвоски в крепости правиянта ж на один год в Ысетской провинциал[ь]ной канцелярии» [103, д. 92, л. 157]. Эта дата существенно отличается от публиковавшихся ранее, но у нас нет никаких оснований подвергать ее сомнению. Поскольку она

подтверждается и другими документами, только называли в первые годы это поселение не слободой, а деревней или селом [102, д. 65, л. 51; д. 480, л. 1228]. Верхнеуvelьская слобода была основана не позднее 1750 года, в 1750 году из Буткинской слободы в Увелную деревню переселились шесть семей, в которых было 20 человек мужского пола [Там же, д. 65, л. 58 об., 68 об.]. Слободчиком был Варлам Красильников [Там же, д. 47, л. 1]. Из известных нам документов Нижне-Увельская слободы упоминается самое раннее в 1754 году [Там же, д. 65, л. 51]. Кундравинская и Верхне-Увельская были основаны в отводе Чебаркульской крепости, а Нижне-Увельская, судя по всему, на стыке земель Чебаркульской и Еткульской крепостей. Естественно, это создавало определенные ограничения по размеру угодий, которые были нарезаны собственно слободам. Так, Кундравинской поначалу было нарезано по четыре версты во все стороны и разрешено поселить до сорока дворов [103, д. 92, л. 157–157 об.]. К началу 1760-х годов в слободе было до 80 дворов [109, с. 366], и размер отвода, скорее всего, был увеличен. Тем не менее сравнить размеры отведенных угодий слободам на «пустопорожних» землях и в чертеже крепостей достаточно сложно. Известен случай, когда крестьяне Окуневского острога, записавшиеся первоначально в «Кундравинское село», после осмотра местности остались недовольны, решив, что там нет изобилия пахотных и покосных земель, и решили поселиться в Таловской слободе [102, д. 480, л. 1228–1229]. Последняя слобода в Южном Зауралье — Кочердыкская — была основана в 1787 году [56, д. 163, л. 1], но об этом еще будет сказано ниже.

Исетская провинция, Челябинск, граница и меновая торговля

Исетская провинция была образованием новым и сложным, включая в себя волости зауральских башкир, дистрикты (или уезды) Сибирской губернии, перешедшие в ее ведение. При этом создание ее произошло практически в разгар башкирского восстания. Точнее, в тот период, когда Татищев направлял предложение о создании новой провинции в Сенат, ситуация относительно нормализовалась,

⁷

Автор выражает огромную благодарность екатеринбургскому журналисту Алексею Шапоренко, предоставившему документы по Кундравинской и Верхне-Увельской слободам и о переселении в них крестьян из «старых» слобод Зауралья.

но вскоре вновь вспыхнуло противостояние. В этой ситуации налаживать единую систему управления вновь созданной территориальной единицей было очень сложно. Элементарно не хватало кадров. Как было указано в 1741 году в ответах Исетской провинциальной канцелярии на вопросы, присланные Г. Ф. Миллером: «В Исетской провинции против того как в Сибирской губернии определенных к службе дворян, детей боярских и казаков, конных и пеших, не имеется, а довольствуются крепости присланными из Сибирской губернии пехотных полков салдатами и служилыми той же губернии казаками и вышереченным Оренбургским, так же в нужном случае и Сибирским драгунским полками...» [92, д. 481, л. 182 об.]. Ввиду отсутствия дворян и детей боярских некого было назначать на управленческие должности. И. И. Неплюев был вынужден просить Сенат: «Чтоб в имеющихся в Исетской провинции в трех дистриктах в управители определить из сибирских дворян, выключая из тамошнего штата девять человек с жалованьем таким, какое они от Сибирской губернии получали...» [75, с. 896]. Таким образом хоть частично решалась кадровая проблема. Вопрос с руководством самой провинции начальник Оренбургской комиссии решил достаточно оригинально, назначив воеводой командира Оренбургского драгунского полка подполковника П. Бахметева, а ассессором, то есть заместителем, капитана Огарева, при этом они продолжали выполнять и свои армейские должности.

Место размещения провинциальной канцелярии определялось достаточно долго. В результате тем же сенатским указом от 22 сентября 1743 года провинциальная канцелярия была переведена в Челябинскую крепость, на постоянной основе [Там же, с. 896–897]. Фактически лишь в 1744 году, после переезда провинциальной канцелярии в Челябинскую крепость, можно говорить об относительной устроенности структуры и управления провинцией, хотя совмещение одним человеком должностей воеводы и командира Оренбургского драгунского полка, а фактически и командира Уйской пограничной линии было вынужденным компромиссом, в отсутствие реального выбора.

При выборе Челябинска местом расположения провинциальной канцелярии сыграл роль и фактор торговли. К тому времени уже сложилась практика организации менового торгового с казаками у Челябинской крепости. В период, когда на зиму канцелярия переезжала в Теченскую слободу, летом она обычно размещалась именно в Челябинской крепости. Казахи для мены приезжали сюда, поскольку здесь находилось начальство и, соответственно, можно было быстрее получить разрешение на торговлю. 8 мая 1742 года: «От имеющего главную команду Сибирскую сторону над войски полковника Павлуцкого в канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов. Понеже ныне в Челябинскую крепость прибыли для торгу киргис-кайсаки (казахи.— Г. С.) и з собою привезли для мены на товары: лисиц триста, корсаков двести, волков тридцать, лошадей пригнали семьдесят. И купцы для оногo в той Челябинской крепости быть потребны, того ради канцелярии... сей промеморией почтенно представляю дабы она благоволила в Екатеринбургe имеющимся купцам объявить и ежели кто пожелает с вышеозначенными киргисцами торговатца, то б оныя приезжали в Челябинскую крепость» [17, д. 579, л. 156]. Из Правления заводов сообщили, что «гостиного двора старосте тож де объявлено с подлинною и велено здешним лавошникам объявить — ежели они желают с киргис-кайсаками торговатца, то б, получа от команд своих позволения для торгу, ехали в Челябинскую крепость...» [Там же, л. 161].

В рапорте, который подал И. И. Неплюев в Сенат в марте 1743 года с проектом мер по организации управления Исетской провинции, говорилось: «2. Провинциальному Правлению и новоучреждаемой с Сибирской стороны по Оренбургской линии ярманке быть определено по способности к торгам в Челябинской крепости» [75, с. 896]. Таким образом, немалую роль в выборе места расположения провинциальной канцелярии сыграли именно доводы «способности к торгам». Фраза о «ярманке» которая должна быть определена в Челябинской крепости «по способности к торгам» до сих пор многих вводит в заблуждение. Традиционно считается, что ярмарки в Челябинске берут свое начало в 1743 году [133]. В действительности Челябинская

крепость того времени для традиционной ярмарочной торговли была неудобна — расположена на отшибе относительно густонаселенных районов по Исети, ремесло не развито, сельское хозяйство не лучше и не хуже, чем в соседних «районах». И. И. Неплюев под «способностью к торгам» явно имел в виду меновую торговлю, которая начала развиваться при крепости. И под «ярманкой» подразумевалась меновая торговля, как позже будет и в Троицкой крепости. Но уже летом 1743 года этот аспект развития Челябинской крепости становится не актуален, — начинаются работы по строительству крепостей Уйской линии, и Челябинск остается в «тылу», то есть меновая торговля здесь не имеет перспектив, поскольку появились другие крепости, расположенные гораздо ближе к кочевьям казахов, в первую очередь — Троицкая. Очевидно, это обстоятельство было учтено при составлении указа Сената — в той части документа, которая шла после слова «Приказали» нет ни слова о ярмарке при Челябинской крепости. Иначе говоря, в мартовском рапорте И. И. Неплюева содержалось предложение учредить ярмарку при Челябинской крепости, а в указе Сената от 22 сентября, в приказной его части, ярмарка вообще не упоминается [113, с. 167–168].

В это же время И. И. Неплюев предпринимает еще один шаг, который должен был простимулировать развитие крепостей: «В указе из походной канцелярии Г-на бывшего действительного тайного советника сенатора ковалера и Оренбургской комиссии главного командира Ивана Ивановича Неплюева от 3-го июня 1743 года в Исетскую провинциальную канцелярию присланном (со изображением именных указу 1736 году и инструкции данной бывшему статскому советнику Кирилову по протчем) написано понеже де при новых крепостях, а особливо в Челябинской яко главной немалая потребность есть завести купечество и цеховых ремесленных людей, того ради Исетской провинциальной канцелярии иметь старание... для поселения в <...> крепостях, а наипаче в Челябинскую достойных и пожиточных купцов и ремесленных приискать и поохотить, и при поселении отводить им под строение домов и кладовых амбаров места безденежно и вечно, о чем также и в протчем

до градских порядков принадлежащем, поступит с ними по привилегии пожалованной Оренбургу» [113, д. 13, л. 10]. Иначе говоря, Неплюев распространил действие привилегии, данной еще в 1735 г. Оренбургу на новопостроенные крепости, относящиеся к ведению Оренбургской комиссии (позже — Оренбургской губернии). Задача ставилась простая, но важная: задать рост городских сословий, которые должны были обеспечить население предметами первой необходимости и привозными товарами. Челябинская крепость уже выделена как главная, хотя указа о переводе сюда провинциальной канцелярии еще не было. Но, как мы знаем, вскоре он последовал.

Небольшое дополнение к истории Челябинской крепости. В 1741 и 1742 годах здесь побывали известные ученые Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. 23 августа полковник Я. Павлуцкий сообщает профессору Миллеру, что конвой для сопровождения его до речки Увелки назначен. 3 сентября, видимо уже по прибытии Миллера в Челябинскую крепость, полковник Я. Павлуцкий дает подробный расклад состава команды, которая должна была сопровождать профессора: капитан Агарев, с ним Сибирского и Оренбургского драгунских полков унтер-офицер один, капралов двое, драгун 60, барабанщик один, «да нерегулярных ис крестьян казаков, десять, татар ичкинских и багаряцких пять, мещеряков и яшашных татар пять, верных башкир 40». Итого 124 человека. «И знающий тамошние степные места атаман Савастьянов» [63, д. 93, л. 7 об.]. Продовольствия им предписывалось взять на неделю. Еще одно сообщение Павлуцкого, адресованное Г. Ф. Миллеру, датировано 8 сентября 1741 года. В нем содержалась информация о времени учреждения «Главной команды над войски с Сибирской стороны» [Там же, л. 8]. Скорее всего, это сообщение было составлено, когда профессор уже возвращался из Увелки в Челябинскую крепость.

А спустя год, в июне 1742-го, помощник воеводы Исетской провинции, капитан Агарев информирует профессора Академии наук И. Г. Гмелина о наличии подвод и денег на их оплату для поездки к горе Магнитной. К промемории Агарева была приложена роспись расстояний от одного населенного пункта до другого на пути от Теченской слободы до

Верхояицкой крепости [Там же, л. 9]. 4 июля воевода Исетской провинции подполковник П. Бахметев составляет для профессора Гмелина промеморию с описанием обратного пути от горы Магнитной до Челябинска и далее в Екатеринбург [Там же]. Судя по тому, что составленная в тот же день инструкция для командующих крепостями была написана при Уйской крепости, можно сделать вывод, что до этого места Бахметев сопровождал профессора лично. А в инструкции было указано офицерам командующим крепостями, давать подводы и сопровождение Академии наук профессору И. Г. Гмелину. Конвой предполагалось назначать «регулярных по пяти, нерегулярных до десяти до Верхояицкой, а от Верхояицкой до горы Магнитной до двадцати человек, а буде опасность чаятельно будет, то и больше» [63, д. 93, л. 9]. Как видим, состав конвоя у профессора Гмелина был гораздо меньше, чем у Миллера. Хотя, возможно, что была основная команда сопровождения, а в крепостях должны были давать дополнительное охранение.

Первоначально в состав Исетской провинции входило четыре дистрикта, точнее, три дистрикта (Исетский, Шадринский, Окуневский) и территория, которая обозначалась как «Челябинская округа». В 1756 году был образован еще один дистрикт, Куртамышский. Позднее было учрежден Мехоский дистрикт, а в самом Мехонске — воеводское правление. На карте Исетской провинции показаны эти дистрикты [107, д. 130, л. 1]. Обращает на себя внимание, что территория, обозначенная как «Исецкой правинции уезд», занимала основную часть провинции. При этом отдельного управленческого аппарата у этого «уезда» не было, то есть эта территория находилась под непосредственным управлением провинциальной канцелярии.

Помимо воеводской власти была власть судебная — прокурор провинции. Весной 1764 года в Исетскую провинцию был назначен прокурором ассессор Василий Гуляев [118]. Уже в сентябре 1766 года была создана комиссия для расследования его деятельности, на основании представления Оренбургского губернатора князя Путятина. В 1768 году Сенат рассматривал экстракт результатов произведенного следствия и рапорт воеводы Исетской провинции И. Лазарева и во-

еводского товарища (заместителя, помощника) премьер-майора Козловского. Чем закончилось дело, не известно — оно было переслано для рассмотрения в Юстиц-коллегию [21, с. 225–226]. Следующий прокурор, о котором хоть что-то известно, был назначен в Исетскую провинцию в 1772 году. Это Алексей Петрович Благово. Характерно, что в прошении в Сенат о выдаче прогонных денег (оплаты проездных расходов) он указал местом своего прибытия город Исецк [80, № 13.832, с. 539–540]. Очевидно, он не знал, что провинциальная канцелярия Исетской провинции находится в Челябинске, а не в одноименном с провинцией городе Исетске. Сегодня это село Исетское Тюменской области. Очевидно, в период между прокурорством Гуляева и Благово прокурора в Исетской провинции не было, поскольку в Месяцеслове на 1772 год таковой не указан [51, с. 195].

Имелась войсковая казачья изба — место расположения управления Исетского казачьего войска. Исетское казачье войско состояло из тех самых казаков, что были набраны в новопостроенные крепости в 1736–1738 годах⁸. Исетское войско являлось частью Оренбургского казачьего войска с момента окончательного оформления последнего в 1754 году. Во главе войска стоял атаман, первым войсковым атаманом исетских казаков был Иван Савастьянов родом из Калмацкого Брода (сегодня село Бродокалмак). В 1755 году служащих исетских казаков насчитывалось уже 900 человек [12, д. 36, л. 277], а это едва ли не больше половины

8

Существует весьма популярная версия: якобы исетские казаки — это потомки участников похода Ермака, и что исетскими казаками называли всех беломестных казаков слобод, расположенных по Исети. Версия является произвольным умозаключением авторов XIX века, которое впоследствии было воспринято более поздними исследователями [8, с. 451–452; 125, с. 107; 126, с. 18–29; 129, с. 39]. Это заключение не основывается на сколько-нибудь значимых архивных материалах. Единственное реальное упоминание о казаке, названном в документах XVII века «исетским», на которое ссылаются эти авторы, — «исетский казак» Давыд Андреев [52, с. 341]. Но в этом случае речь идет о казаке Исетского острога, то есть он действительно был исетским казаком, но не по названию реки Исети, а по названию острога, в котором служил (и который основал). Подробнее об этом можно прочесть в различных работах [70; 85; 111].

численности Оренбургского нерегулярного корпуса того времени.

Отдельно надо упомянуть городские органы самоуправления и должности. Точнее, наверное, будет сказать — не органы управления городом, а учреждения управления городских сословий, поскольку на казаков, скажем, или чиновников, власть той же ратуши не распространялась. Итак, городская ратуша, во главе которой стоял бургомистр и два ратмана. Непосредственно работой с людьми занимался староста посадских и цеховых, который в документах 1770-х годов часто обозначался как городской староста. В этот период староста выполнял еще и функции словесного судьи, то есть человека, решавшего споры городских жителей, не связанные с крупными суммами денег или преступлениями уголовного характера.

В Челябинске был пример почти бессменного бургомистра. Семен Боровинский в начале 1760-х годов был ратманом городской ратуши (условно эту должность можно определить как выборный чиновник, заместитель бургомистра). В 1763 году был избран бургомистром [113, д. 3, л. 42]. На этом посту он был с небольшими перерывами до 1783 года. В 1771 году Главный магистрат, располагавшийся в Москве, распорядился Боровинского в силу его многолетней службы бургомистром больше в ратушу не избирать, а на его место выбрать кого-нибудь из «первостатейных» купцов. Однако горожане год за годом вновь избирали бургомистром Семена Андреевича. Объясняли они это тем, что «как де они, посадские и цеховые всеми ево, бургомистра Боровинского распоряжениями и в делах [указами?] довольны, то потому ныне и впредь быть ему [бургомистром] желают. О чем ево прилежно и просили. И он для общества на один год согласился» [62, д. 11, л. 18 об.]. И так, видимо, повторялось десять лет подряд.

В период выборов депутатов Комиссии для создания нового Уложения, в 1766 г. была учреждена выборная должность городского головы — его функцией было руководить окончательным процессом выбора депутата (на первом этапе организацией занимались городские власти в лице магистрата, ратуши или полиции). Избирался городской голова сроком на два года [78, № 12.801,

буква «Г»]. Указом от 21 мая 1768 года было повелено выбрать городских голов сроком еще на два года [79, № 13119]. Затем указ был повторен в апреле 1771 года [80, № 13600]. 25 сентября этого же года вышел указ, где «Всемилистивейше повелевалось» «по обрядам, опубликованным при Манифесте от 14 декабря 1766 года, Дворянских Предводителей и Городских Голов не только по прошествии нынешнего двухгодичного срока, но и впредь, до указа, по прошествии всяких двух лет избирать, не ожидая от нас о выборе их особых указов, на том основании, как в обряде указан...» [80, № 13661]. Все тот же челябинский купец Семен Боровинский, видимо, занимал эту должность с момента ее учреждения и до введения Городового положения 1785 года [68, с. 40; 22, с. 515].

Челябинская крепость первой из построенных в 1730–40-х годах стала городом. Здесь достаточно простая зависимость — центр провинции или губернии автоматически становился городом. Характерно, что в записках того же П.-С. Палласа при обозначении Чебаркульской крепости используется обозначение «Чебаркульск». Если мы вспомним о том, что одно время в этой крепости размещалась провинциальная канцелярия, то «оговорка» П.-С. Палласа становится вполне понятной. Достаточно подробно вопрос о городском статусе Челябинска разобран в предыдущих работах [114; 117], здесь я кратко обозначу некоторые этапы становления его в этом качестве.

Провинции и губернии, как административно-территориальные единицы, были введены в России в период правления Петра I, чтобы создать единую систему административного деления государства. По статусу провинция несколько уступала губернии — в состав созданной в 1744 году Оренбургской губернии вошли и Уфимская и Исетская провинции. Исетская провинция, в свою очередь, включала в себя Окуневский, Шадринский, Исетский, Куртамышский, Челябинский уезды (дистрикты). На гербе Исеткой провинции был изображен верблюд на фоне крепостной стены, знамен и «арматуры» — то есть изображений оружия: копий, пушек и пр. (см рис. на с. 274—275).

Челябинск стал центром провинции, но резких изменений в его жизни, видимо, не наступи-

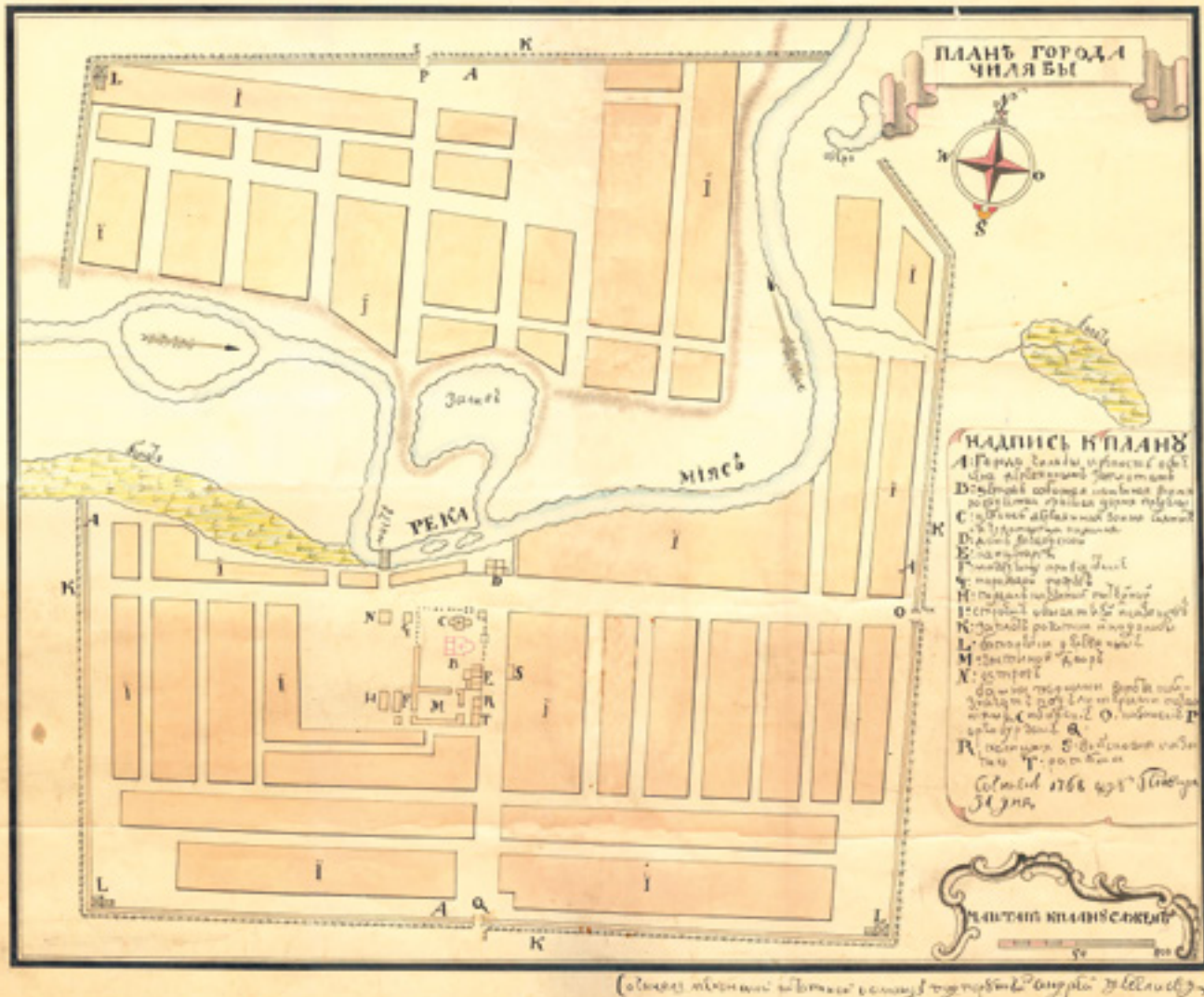
ло. Воевода Исетской провинции подполковник П. Бахметев одновременно был командиром Оренбургского драгунского полка. После строительства Уйской линии полк был размещен в новых крепостях. Воевода должен был, параллельно с управлением провинции, организовывать строительство крепостей, формирование новых частей и т. д. На преобразования в новом провинциальном городе времени у него, скорее всего, не оставалось. Видимо, в 1745 году был назначен новый воевода, некий ассессор Писарев, но он представил Сенату «резоны», которые тот счел уважительными и Писарева от должности «уволители». В Челябинск он, судя по всему, и не приезжал. 20 января 1746 года Сенат утвердил новую кандидатуру и предписал назначенному воеводе срочно отправиться к месту службы. В марте 1746 года в Челябинск прибыл новый воевода Никон Филипов: «...сего де 746 году генваря 20 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Правителствующий Сенат приказали в Ысецкой провинции быть воеводою тебе Филипову... И для того ехать тебе в Ысецкую провинцию немедленно, а по приезде воеводские прежде посланные указы, город, городские ключи и канцелярию со всеми делами служителями, и прочие, что к воеводскому ведомству надлежит, принять у правящего в той провинции воеводскую должность [подполк]овника Бахметева» [57, д. 1, л. 566]. Обратим внимание на четкое обозначение — принять «город, городские ключи». Собственно, с этого времени в документах выражение «город Челябинск» встречается не реже, чем «Челябинская крепость».

Мы практически ничего не знаем о Никоне Филипове, кроме имени, чина и должности — ни дат рождения и смерти, ни откуда он был родом, в общем — ничего. Но, тем не менее, этот человек сделал для становления Челябинска как города очень много. Надо сказать, что чин у Филипова для воеводской должности был весьма незначителен, титулярный советник соответствовал 9-му классу по Табели о рангах, а воеводой провинции должен был быть человек чином не ниже полковника (6-й класс по Табели о рангах). В случае с подполковником Бахметевым разрыв заметен не так сильно, к тому же он уже несколько лет занимал другую полковни-

чью должность (командир Оренбургского драгунского полка), будучи подполковником. А вот когда на полковничью должность ставят капитана (армейская аналогия чина титулярного советника)... Видимо, сложно было найти человека, подходящего и по качествам, и по чину.

Челябинская крепость 1746 года, куда прибыл Филипп Никонов, на город была похожа мало, она даже в сравнении со слободами того времени проигрывала — административных зданий практически не было, одна небольшая деревянная церковь, Гостиного двора нет. Сложно судить, насколько успешен был новый воевода на поприще управления хозяйственной жизнью всей провинции, но провинциальная «столица» начала преобразовываться довольно быстро. В марте 1746 года Филипов прибыл к месту своего воеводства, а уже в августе этого же года в Челябинск вызвали казака, умевшего делать застекленные окна, чтобы вставить стекла в окна в зданиях провинциальной канцелярии и воеводского дома [57, д. 1, л. 651]. Воеводский дом, правда, строить начали не при нем, поскольку еще в 1744 году из Миасской крепости вызвали четырех плотников для его строительства. Причем они должны были сменить людей, строивших дом до этого [Там же, л. 403]. Вряд ли новый воевода по прибытии решил поставить себе новый дом, не удовлетворившись построенным предшественником.

В марте 1747 года провинциальная канцелярия рассылает по крепостям — Еткульской, Миасской и Чебаркульской — указ о снаряжении групп казаков на озере Аргазы для заготовки леса на строительство Гостиного двора в Челябинске (в указе использовано именно такое название — Челябинск) [42, с. 69]. Гостиный двор в то время выполнял роль своеобразного торгового центра, обычно это были упорядоченно построенные лавки. В Челябинске лавки были поставлены в «каре», создавая замкнутый двор, сами лавки располагались входом внутрь «двора». Здесь весьма любопытно, что лес заготавливали не в ближнем бору, а на озере Аргазы, то есть на удалении от Челябинска. Очевидно, уже в ту пору старались сберечь Челябинский бор, который и так был изрядно прорежен при строительстве крепости и первых домов.

План города Челябины. Январь 1768 г. [58, д. 346]. Надпись к плану: «А — города Челябины крепость обнесена деревянным заплотом. В — церковь соборная каменная во имя Рождества Христова с двумя каменными пределами. С — церковь деревянная во имя свяителя чудотворца Николая. D — дом воеводской. Е — канцелярия. F — магазейны правянтские. q — пороховой погреб.

Н — подвал казенный питейный. I — строение обывателей и казаков. К — заплот рогатки и надолбы. L — батарейки деревянные. М — гостиный двор. N — острог. Башни под ними ворота кои значатся под литерами по зданиям: Сибирские — О, Казанские — Р, Оренбургские — Q. R — полиция. S — войсковая казачья [изба]. Т — ратуша. Сочинен 1768 году Генваря 31 дня»

К весне 1748 года провинциальная канцелярия согласовывает с губернскими властями вопрос о строительстве в Челябинске каменной соборной церкви с двумя приделами, и в этом же 1748 году начинается строительство Христорождественского собора. Затем следует еще один ход, направленный на развитие города. Если до этого купцы и ремесленники, записавшиеся в Челябинск, числились здесь лишь формально, а жили на старых местах, то в 1750 году Филипов издает указ, предписывающий всем записавшимся в Челябинск переехать сюда на жительство и построить дома [57, д. 3]. Очевидно, воевода планировал быстрый и значительный рост города — уже в конце 1740-х годов городская сте-

на охватывала ту территорию, которая показана на плане 1768 года. Это подтверждается несколькими документами, приведем фрагмент одного из них.

В 1763 году бургомистр челябинской ратуши Семен Боровинский направляет городскому старосте указ, где говорится: «Угловые бастионы поправить немедленно так чтоб можно было пушки поднимать, а имянно: два со степную сторону, по правую и левую проезжающих по оренбургской дороге ворот (поправить) казаками. Третьей по левую в Мияскую крепость от реки Миясу посадскими, четвертой за рекой Миясом по левую сторону в Екатеринбург дороги казаками ж... со онымиж посадскими и цеховыми зделанныя ими вокруг Челябинска заплот надолоб и рогатки осмотреть и описать и у кого неисправны или еще и не горожены то все велеть исправить и загородить а на niskих местах одни рогатки и надолоб поставить» [55, д. 3, л. 38–39 об.]. В 1763 году оборонительная стена охватывала и заречную территорию города, более того, укрепления уже успели обветшать. Никон Филипов раздвинул границы города «с запасом», и этого запаса хватило почти на сто лет — эти границы город «перешагнул» только в середине XIX века. Конечно, Н. Филипов был не единственным автором всех этих изменений, но его участие в них было велико.

Попытаемся хотя бы эскизно восстановить ситуацию изменения населения в 1740-е — начале 1753 года. Большую его часть составляли казаки, в 1749 году в Челябинске их было 418 душ мужского пола [10, д. 375, л. 54 об.]. Их основной задачей было несение линейной, то есть пограничной службы в летнее время. Помимо этого казаки косили сено про запас, то есть для снабжения обозов. С конца 1740-х годов казаки сами стали доставлять продовольствие из слобод в крепости Уйской линии и на пристань Верхояицкой крепости, для отправки в Оренбург [Там же, л. 49–51]. Службу казаки теперь несли на форпостах и редутах Уйской линии, а также отдельные группы наряжались для несения службы и по Сибирской линии.

Выше упоминался указ И. И. Неплюева 1743 года о привлечении в построенные крепости, а особенно в Челябинскую, посадских и цеховых. В 1753 году в Челябинске 72 души мужского пола посад-

ских, цеховых — 135 душ мужского пола [55, д. 2, л. 3–4 об.]. Часть из них были семейные, некоторые холосты. Интересен сам процесс образования городских слоев, — в других новообразованных городах купцы и ремесленники в значительной части переезжали из более старых городских поселений, резонно полагая, что на новом месте их услуги будут востребованы. Челябинск в этом отношении стоял особняком — большая часть городских слоев пополнилась за счет... тех же крестьян «зауральских слобод» и Поморья⁹. Андрей Васильевич Боровинский записался в посадские из крестьян Троицкого Рафайлова монастыря, Афанасий Бетюков (Битюков) из крестьян уезда Устюга Великого, Федот Сарапульцов из деревни Охлупневской Масленского острога, Афанасий Тагильцев из Терсютской слободы [Там же, д. 1, л. 1–2, 5, 15–16] и т. д. Кроме крестьян, желание пойти в цеха или посад изъявляли разночинцы, проживавшие в тех же зауральских слободах: Степан Шихалев из Терсютской слободы, Иван Максимов Ермаков из Масленского острога и др. [Там же, л. 4–5]. Правда были и «исконные» посадские: из Тобольска Афанасий Петрович Бетюков, из Шуи — Гаврило Никитич Голютин, из Устюга Великого — Степан Емельянович Козлов, из Курска — Филипп Алферович Зюганов [Там же, л. 50–57 об.].

В марте 1753 года из Екатеринбургской ратуши в Челябинск пришла промемория следующего содержания: «Указ Ея Импе[раторского Величества] Самодержицы Все[российской из Екатерин]бургской ратуши <...> [Исетской про]винции города Челябинска посадскому старосте. Сего 1753 году в силу присланного из Главного Магистрата в здешнюю ратушу указа с приобщением реэстра (при сем послан и в Ысецкую провинциальную канцелярию указ же) по которому указу велено оной Исецкой провинции города Челябинска купечество написанных по нынешней новой ревизии причислить к здешнему Екатерин бурхскому купечеству того ради по указу Ея Императорскаго Величества

⁹ Поморьем в XVII–XVIII веках называли не только территорию современных Архангельской и Вологодской областей, а более обширную территорию, включавшую Верхнее Прикамье вплоть до Соликамска, так что район Великого Устюга также располагался в Поморье.

в Екатерин бурхской ратуше определено: ...по оным промемории и сему указу требовать дабы оное города Челябинска купечество в Исецкой провинции впредь не числить, а числить в здешней ратуше <...> Марта 15 дня 1753 года. Ратман Иван Долгоруков» [113, д. 4, л. 54–54 об.]. Очень странная комбинация — купцы города Челябинска должны были числиться по городу Екатеринбург...

В августе 1753 года челябинские посадские присягают в Екатеринбургской ратуше [38, с. 122], а уже к концу года в Челябинске есть собственная ратуша. Точной причины изменения ситуации мы не знаем — не хватает данных, но судя по всему, главный магистрат очень быстро переменял свое решение. Более того, дом для челябинской ратуши купили уже в июне 1753 года, по крайней мере, первую партию денег в уплату за дом бывшему хозяину собрали именно в июне [113, д. 2, л. 1 об.—5]. По регламенту Главного магистрата, ратуши создавались как вспомогательные учреждения для магистратов: «Во всех больших и средних городах надлежит, на площади или на ином удобном месте, по препорции каждого города, на ратушу дом каменной или деревянной построить из земских доходов, в чем Главному Магистрату иметь старание, и Магистратом вспомогать, и чтоб каждая ратуша была построена в два жилья и исполнения б были для всяких ратушских нужд и для отдачи в наем лавок и кладовых анбаров, а верхния иметь для управления дел» [Там же]. При Екатерине Алексеевне в 1727 году вышел указ, гласивший: «...в городах Магистратам не быть а быть Ратушам, и в них Бурмистрам с переменою погодно» [72, № 5501]. При Елизавете Петровне в 1743 году было решено в городах магистратам быть по прежнему [75, № 8704]. В реальности с 1740-х годов в городах существуют и магистраты, и ратуши. То есть в одних городах — магистраты, а в других — ратуши, а функции и у тех и у других были одинаковы. Ратуша, как уже говорилось выше, была в Екатеринбурге. Собственно, существование, наряду с магистратами и ратуш фиксируется в указах той же Елизаветы Петровны, причем везде ратуши (наряду с магистратами) фигурируют именно как органы городского самоуправления [76, № 9208, 9328; 77, № 9577, 9765]. В списке, приложенном к указу

о причислении купцов Челябинска к Екатеринбургской ратуше первым был указан Дмитрий Афанасьевич Аргаусов. Именно он был выбран первым бургомистром города Челябинска в 1753 году [113, д. 2, л. 9 об.]. Согласно цитированному Регламенту Главного магистрата, здание ратуши должно было быть двухэтажным: первый этаж занимали лавки, а второй использовался для управленческих нужд. В Челябинске под ратушу дом купили, причем двухэтажный, как и положено. У кого был куплен дом, точно не известно. Сохранилась записка в отчетности старосты посадских и цеховых за 1753 год: «Отдано за купленной на ратушу дом Михаилу Федотовичу денег сорок рублей» [55, д. 1, л. 9]. Можно предположить, что двор был куплен у Михаила Черемисинова, провинциального секретаря Исетской провинциальной канцелярии.

Собственно, 1753 год можно считать завершающим в становлении Челябинска как города. Как уже упоминалось, центр провинции по определению был городом, а учреждение ратуши явилось подтверждением городского статуса Челябинска, точнее того, что представителей городских сословий здесь было достаточно для того, чтобы содержать выборных представителей самоуправления и нести расходы на делопроизводственные и прочие нужды. В официальных бумагах, направляемых из столиц, Челябинск именовался городом с середины 1740-х годов.

Вернемся к крепостям. Обычно сходное обозначение создает иллюзию идентичности содержания. Такой же эффект возникает, когда речь заходит о крепостях XVIII века. Зачастую люди, зная, что первые крепости (Чебаркульская, Челябинская, Еткульская, Миасская) были населены казаками, распространяют это представление на все крепости, построенные в 1730–50-х годах. Этому весьма способствует активно развивающаяся казачья мифологическая история, зачастую подменяющая собой историю реальную. Существовало огромное отличие крепостей, построенных в 1736–1737 и 1738–1744 годах. Первые были заселены казаками, преимущественно из зауральских крестьян. А в пограничные крепости, включая Верхояицкую и Уйскую, были назначены гарнизоны, состоявшие

из частей регулярных войск. Покажем это на примере Троицкой крепости.

Командование Уйской линии с самого начала располагалось в Троицкой крепости, а сама она была крупнее других новых укреплений. Это отмечал П. И. Рычков в «Топографии Оренбургской». Сам И. И. Неплюев писал: «...по удобным местам назначил я созидать крепости и редуты и те снабдить гарнизонами и всем потребным; к размножению же торгова за полезное признал и на Уйской линии построить одну крепость познатнее, для того, что к той реке прилегают киргизцы Средней Орды, коим в Оренбург на торг ездить, за отдаленность не было удобно, а более для обуздания башкирцев Ногайской дороги» [33, с. 140]. И здесь, скорее всего, сказало то, что записи эти Иван Иванович делал уже много лет спустя после описываемых событий, поскольку в первые годы ни о каком активном торговле с казахами речь не шла, как будет показано ниже. И для «обуздания» башкир Ногайской дороги Троицкая крепость не очень годилась, поскольку располагалась на территории Сибирской дороги. Для «усмирения» башкир Ногайской дороги, скорее, были предназначены крепости по Яику, хотя Верхояицкая пристань также располагалась на землях Сибирской дороги.

В 1744 году в Троицкой крепости располагались «Оренбургского драгунского полку две роты. Да Уфимского драгунского полку полковник и пример[-майор], ундер- [и] штапские чины и мастеровые и гранодирская рота одна (и покуда полковник командиром всея линии, потуда быть при нем пример-майору того ж полку). Да Уфимского пехотного полку обер-офицер один, капралов два, писарь один, цырюльник один, гарнодир (гренадер.— Г. С.) шездесят четыре, слесарь один, профос один» [93, кн. 151, л. 460]. Таким образом, первым командиром Уйской линии был полковник Уфимского гарнизонного драгунского полка И. Останов, и его штаб размещался в Троицкой крепости. Гарнизон крепости был действительно самым большим на линии и включал в себя три драгунские роты, одну неполную пехотную роту и вспомогательные службы.

Уже в 1740-е годы линии крепостей по границам со степью разбиваются на так называемые

«дистанции», то есть участки пограничной линии, включавшие по несколько крепостей и редутов. Уйская линия первоначально разделялась на две дистанции — Верхне-Уйскую, руководство которой располагалось в Верхояицкой крепости (Верхнеуральск) и Нижне-Уйскую, или Троицкую, которой командовал комендант Троицкой крепости. Этот же комендант фактически был и главным командиром по всей Уйской линии и ему же «заграничные дела были поручены» [109, с. 240], то есть он имел право решать текущие вопросы взаимоотношений с казахами и представителями среднеазиатских государств. Естественно, речь идет о проблемах относительно незначительных — местной торговли, прикочевки групп казахов под пограничную линию и т. д. Помимо этого производился сбор информации о населении территорий, граничивших с Российской империей, а также о ситуации в более отдаленных краях. Причем здесь играли свою роль как военное руководство Троицкой крепости и дистанции, так и чины таможенного ведомства. Таможенные чиновники непосредственно контактировали с приезжими купцами и сбор информации также входил в сферу их деятельности. Вся информация стекалась в Оренбург, в Комиссию пограничных дел, где обобщалась. На основании постоянного сбора информации регулярно составлялись общие записки о народах, проживающих вблизи пограничной линии, о состоянии дел в степи и т. д.

В 1750-е годы изменяется граница к северо-востоку от Усть-Уйской крепости. Раньше линия шла по Тоболу и продолжалась крепостями Бакланской и Куртамышской. В 1751 году было решено завершить начатое в 1743 году и соединить Уйскую и Иртышскую (сформирована в 1745 году) линии. Ниже Усть-Уйской крепости по течению реки Уй в 1753 году была поставлена крепость Звериноголовская, а от нее на восток, через степь, протянулась Тоболо-Ишимская или Пресногорьковская линия, относившаяся уже к ведомству Сибирской губернии. К 1756 году работы по сооружению Тоболо-Ишимской линии были в целом завершены. Крайней северо-восточной (нижней по течению реки) крепостью Уйской линии стала Звериноголовская.

состоял из 3-й и 8-й рот Оренбургского драгунского полка, гренадерской роты Уфимского драгунского полка, гренадерской, 2-й и 3-й рот Уфимского пехотного полка. Кроме того, в крепости жили служащие Троицкой пограничной таможни и казаки, прикомандированные к таможне для несения службы [14, д. 1, л. 79–110]. В октябре 1773 года в Троицке было: «...1 дистанционный комендант. Его штаб: 1 аудитор, 1 писарь. Состав баталиона: 7 обер-офицеров, 240 унтер-офицеров, капралов, рядовых, 63 школьника комплектных и сверхкомплектных. Состоящих в баталионе сверх комплекта: 3 беглых рекрут, 171 пригнанных из Оренбурга польских конфедератов-солдат. Артиллерийской команды: 1 капитан, 1 унтер-цехмейстер, 12 нижних чинов, 5 учеников Троицкого баталиона — сол-

дат. Иррегулярных войск: 58 казаков, 56 башкир, 145 отставных от военной и строевой службы разных чинов. Всего 765 человек. Пушек чугунных на лафетах: трехфунтовых по крепости в бастионах: 6» [27, с. 5–6]¹⁰. В других крепостях было в среднем по 150 человек мужского пола — солдат, казаков, отставных, в редутах — примерно по 35 человек [Там же]¹¹.

10

В книге приведен фрагмент из рапорта де Фейервара генералу де Колонгу от 24 октября 1773 года: «Количество Троицкой дистанции в крепостях и редутах регулярных и иррегулярных команд, также пушек, служителей...»

11

Автор приводит итоговые числа — по 171 человеку в Петропавловской и Степной крепостях, но они не получаются при сложении количества перечисленных по крепостям солдат, казаков, отставных и пр.

На летний период на линию направляли казаков, башкир и мещеряков. Именно они составляли основной контингент на редутах и форпостах. Можно привести данные 1778 года о том, какое количество иррегулярных войск отряжалось на летнюю службу на линию:

- на Нижне-Уральскую дистанцию, в Татищеву крепость — казаков 40, башкир и мещеряков 220;
- в Верхне-Озерную — 95 казаков и 457 башкир и мещеряков;
- на Орскую дистанцию — 95 казаков и 455 башкир и мещеряков;
- на Кизильскую — 60 и 300;
- на Верхоуральскую — 68 и 362;
- на Троицкую — 51 и 265, и по столько же на Звериноголовскую дистанцию [101, д. 406, л. 3].

Расположение крепостей, редутов и форпостов в районе Верхояицкой, Уклы-Карагайской и Уйской крепостей показано на карте, которая ориентировочно датируется 1770-ми годами. Редуты обычно располагались в промежутках между крепостями, а форпосты были вынесены за пределы линии, на «киргиз-кайсацкую сторону». В районе перечисленных крепостей в «степь» было вынесено достаточно много форпостов. Возможно, это объяснялось сложным рельефом и тем, что это была территория Карагайского бора, где значительно сокращался обзор в сравнении со степной территорией.

Казачьи крепости Исетской провинции

Как уже сообщалось, казаки Чебаркульской, Челябинской, Миасской, Еткульской, Уклы-Карагайской крепостей должны были поочередно нести службу — в первую очередь, на линии, то есть на границе, в караульных разъездах, в командировках в связи с возникшей необходимостью, в частности, на заводы, если возникала угроза со стороны башкир. Но были службы и помимо этого. Заготовка сена была одной из основных обязанностей казаков, наряду с линейной службой. Уже говорилось, что крепости эти создавались как перевалочные пункты на пути обозов с продовольствием и казаки должны были обеспечить их сеном. В 1743 году казаков крепостей освобождали от внутренних караулов, переключая их на воинские команды, в связи с необходимостью создать запасы сена [57, д. 1, л.158]. Нормы заготовки были довольно высоки: в 1736 году по ходу строительства земляной Чебаркульской крепости майор Павлуцкий рапортовал, что уже накошено 1000 копен, правда мало сметано [98, д. 1532, л. 561], в 1743 году командированные казаки Миасской и других крепостей должны были запасти при Верхояицкой и Уклы-Карагайской крепостях по 3000 копен, каждая весом не менее пяти пудов. В указанных крепостях запас формировался побольше, поскольку это были конечные пункты следования обозов, где происходила разгрузка и стоянка из-за этого была дольше [57, д. 1, л. 149]. Количество фуража, заготавливавшегося в Челябинской, Миасской крепостях, было не менее 1000 копен в каждой. В 1744 году — не менее 4000 копен [Там же, л. 150 об.]. Помимо этого с 1740-х годов казаки Челябинска участвовали в перевозке провианта в Верхояицкую, Уклы-Карагайскую, Степную, Троицкую, Петропавловскую, Крутоярскую, Бакланскую, Каракульскую и Усть-Уйскую крепости [10, д. 375, л. 53 об.]. Из слобод Зауралья до Челябинска (а также Миасской и Еткульской крепостей) продовольствие доставляли на крестьянских подводах, а дальше, в крепости Уйской линии, его перевозили уже казаки на своих телегах.

Сеяли хлеб и держали скот все казаки (и не только казаки), но видимо, не все были в этом отношении прилежны. В одном из указов провинции

альная канцелярия предлагала руководству крепостей попробовать такой вариант: поскольку не все казаки одинаково домовиты и рачительны, то тех, кто склонен к выпивке, и не желает вести хозяйство — использовать на линейной службе, а домовитые пусть спокойно ведут в крепостях хозяйство, снабжая продовольствием и себя, и своих менее хозяйственных сотоварищей [57, д. 1, л. 160–160 об.]. Эта инициатива, видимо, развития не получила. В 1740-е годы казакам разрешают ставить у дорог постоянные дворы, в первые годы их содержания пиво можно было варить беспошлинно, то есть не уплачивать налог с пива. К этому времени уже поставлено немало мельниц, в одном из документов Миасской крепости 1745 года говорится о том, что в связи с половодьем снесло все мельницы [Там же, л. 531]. Казаки брали в оброчное пользование уголья в отводе своей крепости — чаще всего это были

рыбные ловли на озерах. Скотину начали разводить буквально с первого года жизни в крепостях — во время набега 3 июля 1737 года башкиры отогнали от Чебаркульской крепости 48 лошадей и 14 коров [92, д. 481, л. 207а об.].

Землепашество было основой хозяйства русского населения, в том числе и челябинских казаков. Однако подход их к распашке земли был довольно своеобразным. Всем интересующимся историей известно, что еще в средние века русские перешли к трехпольной системе земледелия: на одном поле сеют яровые культуры (пшеницу), на другом озимые (рожь), третье поле отдыхает (под паром). На следующий год на том поле, которое «отдыхало», сеют пшеницу, и т. д. Как показывают документы, в наших краях все обстояло иначе. В одном из указов Исетской провинциальной канцелярии 1744 года довольно подробно объясняется,

Гренадерские обер-офицер и рядовой. По А. В. Висковатову. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

Донской казак (оренбургские казаки 1750–70-х годов одевались примерно так же).

По И. Г. Георги. Реконструкция цвета Т. А. Дудник

как нужно организовывать трехпольную пашню, более того, указывается, что это не первый такой документ. Приведу большой фрагмент документа, поскольку убежден, что документ информативнее и, если угодно, красноречивее комментария или интерпретации: «...хотя посланными пре[д-]прошед[е]шем 741 году августа 31 дня из Исетской провинциальной канцелярии в крепости указами и подтверж[де]но чтоб всякой скот в летний время име[ть] за пастьбою, а пашню пахать казакам раздельно на три поля так чтоб: в первом поле яровой хлеб, а в другому рожь а третье на перемену б[ыло б] у всех споряд. Но как ныне в Чилябинской усмотрено что лошади и другой скот отпускаютца в поле бес [па]стухов, а пашни роспаханы не токмо чтоб у всех было споряд, но и у одного в разных местах и друг от друга не в близости... И для того ныне паки подтверждаетца: чтоб против нижеписанного неотменно чинено было: ...отвесть три поля и пахать против обыкновения русских городов, чтоб где яровой хлеб, то б в том поле рожь сеяна не была, а в коем рожь посеетца в том ярового не сеять, и тако для выпуску скота будет толока. И для того разводу выбрать казаков тех, кои русских городов и знают русское в пашне обыкновение ис каждой сотни человека по два и тако: ...хлеб сеять таким порядком: которого летнем одном поле был яровой хлеб, на оном в другое лето сеять рожь, а ярового уже не сеять, а сеять яровой на том поле в прошлом лете [пар?]. И по исполнении против вышеписанного в Ысецкую провинциальную канцелярию немедленно репортовать, а ежели впредь усмотритца, что и за сим определением против вышереченного исполнено не будет, за оное как сотники, старшины, атаманы так и командующие казаками будут жестоко <...> наказаны» [57, д. 1, л. 316–318 об.].

Это была общая проблема — избалованные обильем земли, жители слобод, а позже и крепостей не видели необходимости в трехпольной системе земледелия. Трехполье возникло именно как способ сохранения плодородных качеств земли в условиях ограниченных пашенных угодий. В Зауралье, где земли было много, вернулись к самой простой системе — землю пахали и сеяли зерно до тех пор, пока земля не истощится, после чего старую пашню оставляли и распахивали новый участок. Про-

винциальные власти пытались «вернуть» щадящий севооборот.

Официально утвержденной формы оренбургские казаки до конца XVIII века не имели, в отличие от солдат регулярных частей. Но, очевидно, существовала своего рода мода, или представление, как должен выглядеть казак. И здесь тон задавали, судя по всему, донские казаки — «казачьим» считался синий кафтан в сочетании с черной шапкой и черными штанами [54]. Так одевались, скорее всего, далеко не все исетские (оренбургские) казаки, но тенденция существовала. Пример был перед глазами — в 1750–70-е годы один полк донских казаков, очевидно, нес линейную службу в Зауралье. По крайней мере, информация о пребывании донских казаков на винтер-квартирах в здешних слободах в документах встречается.

Одна из крайне слабо изученных тем для нашей территории XVIII века — это старообрядчество. Но даже по не очень многочисленным работам и опубликованным источникам можно судить о том, насколько эта тема была важна для русского населения Зауралья середины XVIII века.

Старообрядцы

Как показала ревизия (перепись) 1743–1747 годов, в Зауралье оказалось огромное количество старообрядцев. Только записных, то есть тех, кто официально объявил себя приверженцем дореформенной церкви, оказалось в Исетской провинции 1166 человек [71, с. 153]. Гораздо большее число было скрытых старообрядцев, тех, кто формально себя называл сторонником официального православия, а в реальности был приверженцем «древлего православия». Стоило пройти слухам о том, что за запись в раскол теперь не будет наказания, как из официального православия стали переходить даже те люди, которые до этого характеризовались священниками как «правоверные»¹².

¹²

Слово «правоверные» часто встречается в документах XVIII века и означает прихожан официальной православной церкви, то есть «правых в вере».

Церковные власти оказались в сложной ситуации — вдруг в тех краях, где до этого официально было несколько записных раскольников их оказались сотни и тысячи. Данные Раскольнической конторы об итогах второй ревизии в Мибирской епархии — 8760 человек записавшихся в раскол. Сибирский митрополит Сильвестр сообщал о 10 200 раскольниках [71, с. 153–154]. В отношении записавшихся в раскол стали применять «увещевания», которые зачастую не ограничивались устной беседой, а сопровождались физическим воздействием. Не обратившихся в официальное православие после беседы местного священника требовали привезти в Тобольск (либо в Челябинск, если дело касалось Исетской провинции) для убеждения их отказаться от старообрядчества. По описанию Сапожникова, «в апреле 1751 г. по поручению митрополита Сильвестра, Тобольская консистория и Челябинский закащик протоиерей Петр Флоровский просили Исетскую провинциальную канцелярию сделать распоряжение, чтобы все раскольники, не исключая женщин и детей, были собраны в Исетск¹³ для проверки и увещевания. Благодаря этому действительно было собрано из разных дистриктов множество раскольников. Почти все собравшиеся, по убеждению отца Флоринского, обратились в православие, были приведены к присяге... Но не прошло после таких распоряжений и недели, как в Канцелярию из дистриктов поступило несколько донесений о самосожжении 64 человек из обратившихся в православие “по злему их упрямству”». Автор рассказывает также о том, что во время этого увещевания в Челябину приехал сборщик казенных податей старообрядец Челпанов: «В это время как раз закащик протоиерей Флоринский занимался приведением к православию многих согнанных к нему раскольников. Видя насилие совести и опасаясь сам подвергнуться тому

же, не долго думая “сам себя, по своему суеверию, Челпанов зарезал до смерти”» [119].

Количество старообрядцев в Челябинске середины XVIII века остается пока неизвестным. В 1748 году здесь было 712 человек, не бывших у исповеди и святого причастия — это из тех, кто числился прихожанином официальной православной церкви. Учитывая, что все население города тогда было едва ли больше 2000 человек, это довольно много. Кроме того, были и «явные» старообрядцы, но документов, где бы указывалось их число, мне пока в руки не попало. Есть лишь отдельные свидетельства. Так, в 1750 году местный духовный заказчик протоиерей Флоровский писал о 200 казаках, обратившихся из раскола [131, д. 458, л. 1–1 об.]. Затянувшееся строительство Христорождественского собора (1748–1767) церковные власти также объясняли большим количеством «раскольников» в Челябинске.

Увещевания приводили к тому, что люди, вернувшись домой устраивали самосожжения, причем зачастую вместе с ними сжигались и те, кто не числился старообрядцами. Одно из самосожжений произошло после очередного увещевания, проведенного протоиереем Флоровским — в 1750 году 12 обращенных им в православие старообрядцев «собрались на мельнице в четырех километрах от Челябинской крепости и 25 июля сгорели» [71, с. 232]. Нарастала напряженность. Светские власти были заинтересованы в том, чтобы население (то есть налогоплательщики) увеличивалось, и поэтому объективно вступали в конфликт с властями духовными. Доходило до прямых столкновений отрядов, направленных духовным ведомством, с отрядами, посланными, скажем, Главным правлением горных заводов. Так, в 1750 году против команды под руководством каптенармуса Хлебникова, отправленной из Тобольской духовной консистории в Нижний Тагил, был направлен отряд канцелярии Главного правления Казанских и Сибирских заводов под командой берггешворена С. Клепикова, а затем еще и команда берггешворена И. Княгинина. Противостояние команд продолжалось полгода [71, с. 196–206]. Постепенно начиналось и административное противодействие светских властей Тобольской епархии. Сибирское

13

Сапожников, как впоследствии, очевидно, и Н. Н. Покровский, не очень четко представлял себе, что центром Исетской провинции являлся Челябинск, а не Исетск — их вводило в заблуждение сходство названия Исетской провинции и города Исетска. Вспомним прокурора Гуляева, который, будучи назначен в Исетскую провинцию, запросил прогонные деньги до Исетска.

губернское правление и Исетская провинциальная канцелярия начинают все активнее противостоять Тобольской духовной консистории в вопросе об арестах старообрядцев. После 1753 года ситуация постепенно теряет напряженность, но сама проблема осталась. И обещание свободы старой веры во все не случайно было одним из основных в период пугачевщины...

Тюркское население

При всех масштабах изменений в Южном Зауралье, описанных выше, необходимо отметить, что для тюркского населения, особенно башкир, эти изменения были особенно значимы, велики и, чаще всего это были изменения не в лучшую сторону. Начало деятельности Оренбургской экспедиции спровоцировало восстание, продолжавшееся с 1735 едва ли не до 1741 года. Одно из важных последствий, к которым привело это восстание уже на второй год — 11 февраля 1736 года был подписан именной указ императрицы Анны Иоанновны генерал-лейтенанту Румянцеву и статскому советнику Кирилову. Пунктом № 16 указа было определено: «Хотя по прежним указам и Воеводским наказам, в Уфимском уезде у Башкирцев земли и угодья покупать и крепить не велено, однакож ныне усмотрено, что то запрещение им Башкирцам весьма не полезно: того ради, для лучшей их впредь пользы, указали Мы, то запрещение отменить, и впредь с сего указа, земли и угодья тамошним жителям Дворянам и Офицерам и Мещерякам у Башкирцев покупать и за себя крепить позволить» [73, № 6890]. То есть отменялась неприкосновенность вотчинных земель башкир, и предоставлялось право покупать их «дворянам, офицерам и мещерякам». Этим же указом разрешалось строительство крепостей в Южном Зауралье, на башкирских землях. Впоследствии же именно на этот указ ссылались при отводе и покупке земель для металлургических заводов.

Ход восстания был неравномерным и далеко не все башкиры поддержали его. В октябре 1736 года вышел указ Правления Сибирских и Казанских заводов, разрешавший крестьянам и разночинцам

брать в аренду озера в Мякотинской и Салзавтской волостях, поскольку «по подлинному от них свидетельству явилось, что прямо состоят в верности» [17, д. 607, л. 513]. То есть территории современных Каслинского, Кунашакского районов считались практически безопасными. Известно, что при закладке Челябинской крепости присутствовали старшины Каратабынской волости, которые впоследствии вместе с полковником А. И. Тевкелевым направились в Чебаркульскую крепость. Не участвовали в восстании и часть населения Терсякской, Мякотинской и Салзавтской волостей. Более того, часть башкирских старшин этих волостей в 1737 году держала оборону от восставших башкир на острове на Синарском озере, поставив там некую крепость [Там же, д. 695, л. 232–233]. Приняли сторону властей мещеряки, составлявшие одну из групп, участвовавших в походах правительственных войск. В начале августа 1736 года В. Н. Татищев писал А. И. Тевкелеву: «Мещеряки и ясашные как вам известно, что оставя дома свои жили в русских деревнях лето все против воров служили и во отлучение их дома от воров позжены, кони скот и пожитки пограблены, жалованье же им дано от меня толко по полтора рубли, и более без указа дать не смею, того ради они все отпущены в дома чтоб могли еше что либо посеять и сен приготовить, а в поход их без крайней нужды не требовать» [93, кн. 34, л. 187]. Постоянно происходили нападения отрядов башкир на русские населенные пункты, ответные походы регулярных частей и так называемой «вольницы»...

Следствием цитированного выше указа от 11 февраля 1736 года и развития событий в Зауралье стало то, что уже в 1736–1742 годах было поставлено несколько крепостей: Чебаркульская, Миасская, Челябинская, Еткульская, Уклы-Карагайская, Верхояицкая. В 1743 году началось планомерное укрепление Оренбургской пограничной линии со строительством крепостей по рекам Уй и Яик [6, с. 81–156]. При этом каждой крепости отводилась земля для хозяйствования ее населения и отводы эти были достаточно большими. Представление о размерах отводов дает единственный выявленный на сегодняшний день план территории, нарезанной Еткульской крепости (см. рис. на

с. 284). Из плана видно, что участки земли, отведенные Челябинской, Чебаркульской, Миасской и Еткульской крепостям смыкались между собой [58, д. 448]. Земли крепостям нарезались, естественно, из башкирских вотчинных владений, более того, всем четырем перечисленным укреплениям, а также Уйской и Уклы-Карагайской крепостям были отведены земли Каратабынской и Барынтабынской нераздельных волостей [56, д. 164, л. 1; 59, д. 44, л. 1]. В царском указе 1692 года прописаны границы вотчинных земель Каратабынской: от реки Ай по реке Миасс до озера Аргази, затем до реки Течи, по ней до брода в районе современного села Бродокалмак Челябинской области, оттуда до брода в районе впадения реки Чумляк (Сумляне) в реку Миасс и далее на устье реки Уй и за Тобол, из-за Тобола к верхнему течению Яика (Урала) [30, с. 80]. Но в 1730-е годы государству эти земли понадобились, и часть их была изъята для постройки крепостей.

В 1740 году вышло распоряжение начальника Оренбургской экспедиции князя В. А. Урусова о размежевании земель крепостей с вотчинными землями башкир, а старшине Каратабынской волости Таймасу Шаимову был направлен от Урусова указ «со объявлением е.и.в. имянного всемилостивейшаго повеления, что за все те земли, которые под строение крепостей заняты и ко оным приписаны будут, положенной на них, башкирцов, ясак по препорции снимется... а протчими их землями... владеть им, башкирцом, по силе их старинных грамот по-прежнему» [45, с. 503]. То есть власти подтвердили вотчинные права башкир Каратабынской волости, в том числе и самим фактом снятия ясака пропорционально отчужденным землям.

Впоследствии началось строительство металлургических заводов на Южном Урале. А к каждому заводу требовались огромные территории лесных угодий для отжига древесного угля, поскольку вплоть до конца XIX века местная промышленность использовала древесный уголь. И земли эти, естественно, покупались или арендовались у местного вотчинного населения. Основанием для покупки или долгосрочной аренды служили Горная привилегия и Берг-регламент, согласно которым любой житель страны имел право искать и разрабатывать рудные «прииски», плавить и очищать металл и т. д.

Именно на основании Берг-регламента были куплены земли для нужд Каслинского и Златоустовского заводов. Позже в договорах о продаже земли для заводов стали ссылаться на цитированный указ от 11 февраля 1736 года и общее определение И. И. Неплюева и Аксакова от 10 июля 1742 года, в котором уточнялось, что продажи башкирских земель следует заверять в Уфимской и Исетской провинциальных канцеляриях [61, д. 7, л. 19 об.—20]. Что же касается до основных территорий вотчинных угодий Сызгинской, Айлинской, Куваканской и Катайской волостей, то они были проданы под строительство заводов в 1750-х годах, причем в документах оговаривается, что это именно старинные вотчинные земли [61, д. 7, л. 66 — 66 об.; д. 8; д. 11].

Таким образом, башкиры некоторых волостей почти полностью лишились своих земель — оставшиеся угодья зачастую уже не могли прокормить прежнее количество населения. Как именно происходил процесс передачи земель в аренду либо покупки, можно показать на примере башкир Мякотинской волости. На их землях был построен один из первых заводов, позже оказавшихся в составе Челябинской области — Каслинский. Основатели Каслинского завода тульские купцы Тимофей Тарасович Коробков и его внук Яков Родионович Коробков. Официально начал строиться в 1746 году — 15 мая этого года Яков Родионович Коробков заключил контракт с Оренбургской губернской канцелярией на его постройку. Но реально работы начались раньше — в 1745 году. Заводчики часто поступали подобным образом — начинали строительство еще до подписания договора (в качестве примера можно привести Петра Осокина, строившего Нязепетровский завод почти одновременно с Коробковыми). Объясняется это просто, от момента заключения контракта отсчитывались льготные годы (обычно два или три года), в течение которых заводчик не платил налогов с предприятия. То есть, если ты построил завод через полгода после заключения договора, то у тебя есть полтора года освобождения от налогов. А вот если завод был пущен после окончания льготного времени — плати по средней ставке для заводов

Селтежъ

Селтежъ въ томъ долинѣ, гдѣ находится селеніе Силыкка, является въ видѣ обширнаго холмистаго пространства, которое окружено съ западной стороны высокими горами, а съ восточной стороны — низменными холмами. Вдоль селенія протекаетъ рѣка Силыкка, которая впадаетъ въ Кубакъ. Вдоль селенія протекаетъ рѣка Силыкка, которая впадаетъ въ Кубакъ.

СИЛЫККА

Силыкка — обширное пространство, которое находится въ долине Кубака. Оно окружено съ западной стороны высокими горами, а съ восточной стороны — низменными холмами. Вдоль селенія протекаетъ рѣка Силыкка, которая впадаетъ въ Кубакъ. Вдоль селенія протекаетъ рѣка Силыкка, которая впадаетъ въ Кубакъ.

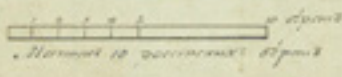
- А, высшая точка горы Силыкка, которая является главной вершиной.
- В, высшая точка горы Силыкка, которая является главной вершиной.
- С, высшая точка горы Силыкка, которая является главной вершиной.

Названіе рѣки Кубакъ

Названіе рѣки Кубакъ происходитъ отъ древняго слова, которое означаетъ «вода». Это слово встречается во многихъ языкахъ, включая русский, украинскій и белорусскій.

Поэтому селеніе Силыкка, которое находится въ долине Кубака, является однимъ изъ древнихъ селеній въ этомъ краѣ.

Селеніе Силыкка является однимъ изъ древнихъ селеній въ этомъ краѣ. Оно было основано въ IX столѣтіи и является однимъ изъ древнихъ селеній въ этомъ краѣ.

Селеніе Силыкка является однимъ изъ древнихъ селеній въ этомъ краѣ. Оно было основано въ IX столѣтіи и является однимъ изъ древнихъ селеній въ этомъ краѣ.

«Чертеж, учиненной по указу Оренбургского горного начальства июня от "17" и прописанного во оном Государственной Берг коллегии февраля от "9" сего 1762-го году указу: в каких местах и урочищах в отводной и оном Берг коллегии указом неотъемлемо утвержденной к Златоустовскому заводчику Максима Масалова лесам в тридцати верстной окружности и Троицко Саткинскому действительного камергера Александр Сергиевича Строганова к железному заводу назначено земель и лесов, также и захваченным из того ж Златоустовского заводу отводу в отвод же дворянину Никите меньшему Демидову ныне ко вновь назначенному на речке Киялиме под строение заводу месту и вновь строящемуся на реке У(фе) (?) именуемому Азяш Уфимскому и к построенному Кыштымскому железным ево Демидова заводам и в которых местах к Златоустовскому заводу [земли и лес разных волостей башкирцов покупные и кортомленные не] которой части лесу вдобавок на безлесная и степная места, а х которому заводу по которым местам куплены и кортомлены земли и леса и в котором месте отведен лес вдобавок и сколко дворянину Демидову и трем ево заводам из окружности Златоустовского завода захвачено лесов, о том значит ниже сего в сем чертеже под красками и литерным расписанием: А. Златоустовской заводчика Максима Масалова железоделаемой завод. В. Красной [линией], отведенная в 1754 году к тому заводу шихтмейстером Степановым и указом утвержденная тридцати верстная окружность. С. Малиновой, купленная ж в 754 году декабря 20 числа к Златоустовскому заводу Сызгинской волости у башкирцов. D. Темно-желтой, купленная в 1754-м году октября 22-го дня к тому ж

заводу Айлинской волости башкирцев. E. Вишневой, кортомленная земля и леса к показанному ж Златоустовскому заводу в 761-м году Куваканской волости у башкирцов по горам Уральским. F. Рудо-желтой, кортомленные в 1754-м году декабря 20-го дня ко оному ж Златоустовскому заводу Куваканской же волости у башкирцев. G. Голубой, отведенные в леса в наверхку в шестидесятилетнюю препорцию за тридцатью верстами на безлесная и степная места к помянутому Златоустовскому заводу. H. Алой, перекупленные леса к Троице-Саткинскому заводу из отведенной Златоустовского завода окружности Куваканской волости башкирцов. j. Вишневой, перкупленная земля к тому ж Саткинскому заводу из отведенной окружности Златоустовского Айлинской волости у башкирцов. K. Лазовревой, назначенные леса в помянутой же окружности к тому Саткинскому заводу, Айлинской волости сверх покупных того завода берггешвореном Алексеем Княгининым. L. Светло-зеленой, отведенные леса под вновь назначенное место в окружности Златоустовского завода под строение на реке Кеалиме завода. m. Отведенной лес из окружности Масалова к Азяш-Уфимскому заводу. n. Темно-зеленой (темно-зеленой?), отведенной лес из оной же окружности Кыштымскому Демдова ж заводу. O. Темно-зеленой же, недостающее число к Чебаркульской крепости лесу. Степное место значит под литерой P.

Подлинной сочинен 1762-го году удержихтмейстерами Петром Метеневым и Дмитрием Бортниковым, со оного копировал пробирной ученик Алексей Сигаев, с подлинным свидетельствовал геодезист Яков Мельников» [61, д. 42]

такой мощности за тот период, когда льгота уже кончилась, а предприятие еще не работало.

Башкиры довольно долго не давали согласия на продажу земли, но в феврале 1747 года мякотинцы подписали купчую на продажу земли: «... от построенного ево Коробкова на нашей земле железного завода вокруг в три стороны перечертя прямо по двадцати а в четвертую степную сторону на Сивергулову деревню на пять верст пятисотных а взяли мы за оную землю у него Коробкова сто пятьдесят рублей...» [59, д. 6, л. 92]. Пятисотные версты — версты по 500 сажен, каждая сажень составляла 2,16 метра, то есть одна пятисотная верста была несколько «длиннее» нынешнего километра. Сивергулова деревня — деревня Сююргула Терегулова на озере Алабуга. То есть Коробковы получили под нужды завода участок размерами 25 на 40 верст. Заплатили они за это 150 рублей. А теперь вспомним, что только за сдачу в аренду рыбной ловли на трех озерах башкиры Мякотинской волости получили в 1732 году почти 100 рублей. Продав огромную территорию, включавшую больше десятка озер, они получили всего в полтора раза большую сумму...

Обычно пишут о том, что неграмотных башкир обманывали, пользуясь тем, что они не знали реальной стоимости земли и вообще плохо представляли себе цены и т. д. Это, мягко выражаясь, не так. Башкиры не один десяток лет сдавали в аренду озера, вспомним слюдяные промыслы в районе оз. Чебаркуль и т. д. А кроме этого они покупали в слободах муку, сами продавали скот, шкуры, мед. То есть не были такими простачками, и в товарно-денежных отношениях участвовали не первое столетие. Так что же подвигло их отдать большую территорию за символическую плату? В указах о строительстве заводов проговаривалась необходимость аренды или покупки земли у башкир для рубки леса на отжиг угля. Но при этом оговаривалось: «...а чтоб они, башкирцы, при всем том никаких затруднений не чинили и против настоящей излишней цены не требовали, о том им ис Оренбургской губернской канцелярии учинить надлежащее определение и велеть всегда сего наблюдать...» Иначе говоря, цену назначал заводчик, а власти следили за тем, чтобы башкиры не стали требовать реальной стоимости

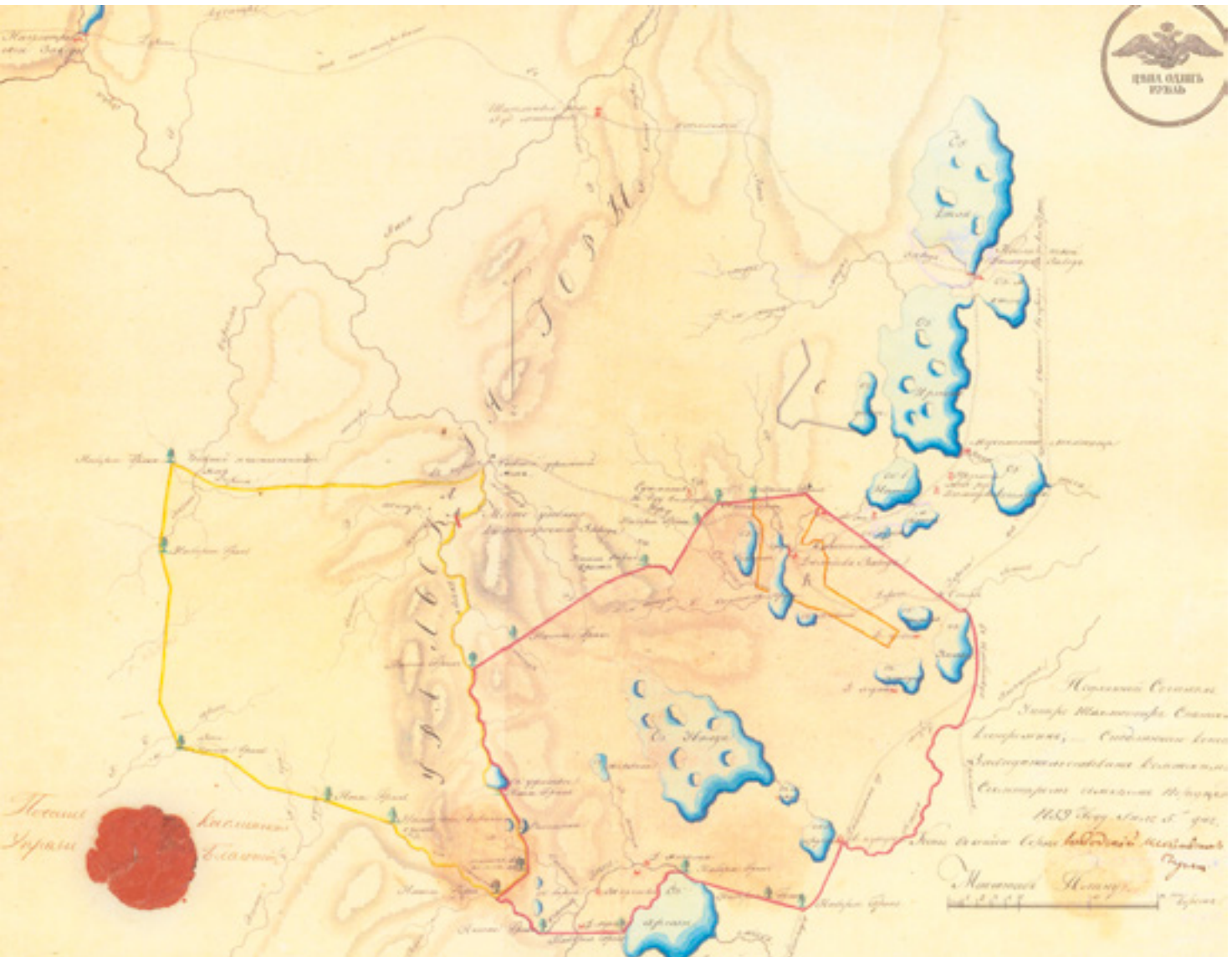
земли. Эта цитата взята из указа о постройке Нязепетровского завода, но это общая деталь таких документов.

Мякотинцы пытались сопротивляться. В 1747 году Коробков запросил у Исетской провинциальной канцелярии помощи. Он сообщал, что башкиры все с луками и готовятся к нападению, что мешеряки из деревни Тюбук уехали. Заводчик просил поддержки военной силой. На Каслинский завод был направлен отряд в 25 казаков и 25 служилых мешеряков под началом атамана Исетского казачества Ивана Савостьянова. Практически завод начали строить рядом с тем местом, где стояла деревня Янгильдина, она же Иртяшская.

В 1751 году Коробковы продают Каслинский завод Никите Никитичу Демидову. Первые годы Демидов занимается обустройством купленного завода (основной проблемой был низкий уровень воды в пруду). А в ноябре 1753 года башкиры Мякотинской волости продали Демидову еще земли, помимо тех, что купил Коробков. Границы проданного участка обозначены в документе: «...а та наша проданная Статскому Советнику Демидову земля со всякими угоды состоит в нижеписанных урочищах, а именно: начав реку Кыштым с вершин от самого Урала с впадающими в нее до лежащей из Каслинскаго завода в город Уфу дороги... А смежна та наша земля в Урале с Катайскою и Шуранскою по Кыштыму, и от степи с Чирлинскою и Белокатайскою, по Карабулаку и Синаре с показанною Салзаутскою волостью и с отведенною помянутому господину Клеопину землею» [61, д. 7, л. 108–108 об.]. Из последней фразы понятно, что речь идет если не о всей территории Мякотинской волости, то о большей ее части. За башкирами остались относительно небольшие участки в районе Алабуги и Бердениша. Получили они за всю эту огромную территорию... 100 рублей.

Но надо отметить, что при продаже земли башкиры не теряли полностью прав на ее использование. Приведу фрагмент из документа: «...только имеющимися озерами, старыми дельными бортными деревьями, звериною и рыбною ловлею, хмелевым щипаньем владеть нам по прежнему, а им Демидовым во оные наши ловли и хмелевые щипанья и в бортные ухажьи не вступать, так же

при учрежденных в Мякотинской волости ямах, стоящим для гоньбы подвод башкирцам травами и санными покосами и на дрова лесом довольствоваться в прилежащих по близости ко оным ямам местах и в Урал для кошевания со скотом чрез показанную проданную нами оному Демидову землю ходить нам не воспрещать; напротив же того нам башкирцам имеющийся по правую сторону вышеобъявленной Челябинской дороги лес на заводския потребности им Демидовым рубить ни под каким видом не запрещать же» [61, д. 6, л. 102 об.]. Помимо этого бывшим владельцам обычно выплачивался 1 % выручки от продажи железа. В фонде Кыштымских заводов Объединенного государственного архива Челябинской области есть дело, которое

Карта 1759 года, на которой показаны земли, купленные для Кыштымского завода (обведены красной линией) и Азяш-Уфимского завода (обведены желтой линией). Литерой «А» обозначено «место, удобное для построения завода» (имеется в виду Азяш-Уфимский завод). Литерой «В» обозначен Кыштымский завод. Земли для Азяш-Уфимского завода были куплены у башкир Чирлинской, Шуралинской (Шуранской), Сырнянской и Айлинской волостей. Земли под Кыштымский завод —

у башкир Мякотинской и Шуранской волостей. К северу от выделенных территорий земли башкир Мякотинской, Шуранской и Катайской волостей были ранее куплены для Каслинского, Нязепетровского и Кыштымского заводов (Нязепетровский завод показан в левом верхнем углу карты, Каслинский — между озерами Иртяш и Касли). На юго-западе выделенные участки смыкаются с землями, купленными Твердышевым и Мосоловым для Златоустовского завода, которые показаны на предыдущем рисунке

Часть оттисков печатей, выданных старшинам башкирских и мещерякских волостей Сибирской дороги. Приложение к сообщению генерал-лейтенанта Л. Соймонова полковнику Л. Угримову

от 4 мая 1741 года [17. Д. 902. Л. 160 об. — 161]. На иллюстрации представлены не все оттиски — часть попала в сшивку при переплете архивного дела и поэтому не читается.

называется «Реестр башкирцев-вотчинников Казанской (ныне Улукатайской и Балдыкатайской) волости, согласных на отдачу в аренду башкирских земель и размер полученных ими за указанное время арендных плат» [Там же, д. 51, л. 1]. В числе башкирских старшин, получавших плату за аренду земель, в разные годы (с 1776 по 1783) указаны старшины Терегул Казанкулов, Казанкул Казынбаев, Сулейман Кармушаков (Кармышаков) и многие другие [Там же, л. 2–2 об.].

Иначе говоря, за башкирами оставалось право пользования уже существовавшими бортями (ульями), они могли ловить рыбу в озерах. Практически все озера на землях, проданных под Каслинский и Кыштымские заводы, остались за башкирами.

В 1757 году построен Верхнекыштымский чугуноплавильный и перedelный завод. Для двух заводов — Каслинского и Кыштымского — требуется гораздо большее количество топлива, лес пережигается на древесный уголь. Естественно, не весь сразу, а постепенно, начиная от дальних дач и по-

степенно участки вырубки леса и отжига угля приближались к заводам. Возможности пользования лесами для башкир сокращались. Неоднократно возникали земельные споры, как между башкирами и заводчиками, так и между владельцами разных заводов и между крестьянами слобод (Багарякской, в первую очередь) и владельцами заводов. Своих вотчинных владений лишались башкиры многих волостей. Если внимательно рассмотреть карты земель заводов, то можно представить масштабы отчуждения башкирских земель.

В 1740-е годы появилось несколько новых волостей. Согласно п. 1 указа «Ея Императорского Величества» от 11 февраля 1736 года, «служилым Мещерякам, от Башкирцев быть отдельно, и за их верность и службу... земли угодьи те, коими они по найму у Башкир владели, а те Башкирцы были в воровстве, в бунте: те дать им вечно безоброчно, указные дачи, первому Старшине 200, Ясаулам, писарю, Сотникам по 100, рядовым по 50 четвертей, и за претерпенной убыток от воров Башкирцев, обещать награждение» [73, с. 742]. Однако, как справедливо отмечал В. Э. Ден, позиция правительства вскоре претерпела изменения [26, с. 273]. В указе от 17 марта 1738 года, адресованном В. Н. Татищеву, тогда уже руководившему Оренбургской экспедицией, говорилось следующее: «...а переводом Ме-

щеряков в другия места и особливия деревни ожидать...» [74, с. 444–445].

20 мая 1742 года был подписан указ Исетской провинциальной канцелярии об отводе земель служилым мещерякам Исетской провинции. Как большинство документов такого рода, указ содержит подробное описание истории вопроса, которую я вкратце постараюсь воспроизвести. В документе, в частности, рассказывается о содержании 11-го пункта наказа, данного тайным советником В. Н. Татищевым полковнику и воеводе Исетской провинции И. Н. Татищеву в 1738 году¹⁴ [59, д. 106, л. 15 об.]. В приведенном выше фрагменте из Высочайшего указа от 17 марта 1838 года четко сказано о том, чтобы мещерякам пока довольствоваться теми землями, которые они занимали. В. Н. Татищев, под предлогом того, что «понеже за Уралом мещеряков [и] ясашных малое число и жили между башкирцами а не особливыми деревнями и для того оных мещеряков и ясашных велено перевести и поселить за крепостми к Тоболу в удобных местах немалыми деревнями» [Там же, л. 15 об.]. Как видим, В. Н. Татищев несколько лукавил, поскольку из рассказанного выше видно, что мещеряки и ясачные татары чаще всего жили отдельными от башкир деревнями. Но дальнейшее проживание на прежних местах фактически лишало их возможности получить все обещанные в указе 1736 года возмещения понесенного ущерба и награды за службу. Поэтому господин тайный советник изобретает незатейливую уловку, позволяющую обойти пря-

мую рекомендацию Анны Иоанновны. Восстание закончилось лишь в 1740 году, и переселение мишарей к Тоболу было в этих условиях далеко не лучшим выходом из положения. Да и позже, до окончания обустройства Уйской и Сибирской линий крепостей, территории по Тоболу оставались самыми опасными в силу их пограничного положения. В 1739 году В. Н. Татищев направляет в Кабинет Е. И. В. представление, где оговаривает и необходимость наделения землей мещеряков, татар и чувашей. И уже преемнику Татищева на посту начальника Оренбургской комиссии, генерал-лейтенанту князю Урусову «от 20-го августа того ж году между прочим в 10-м пункте написано о взятых у башкирцов землях и об отдаче мещерякам за их верности и чтоб оными землями им мещерякам впредь владеть вечно без платежа ясака и о поселении мещеряков татар и чуваш особыми деревнями быть по представлению оного тайного советника Татищева: И ТОГО РАДИ ПО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗУ генералом лейтенантом князем Урусовым определено чтоб по прошению мещеряков старшины Муслюма с товарищи о поселении их внутрь от крепостей по лежащей к Оренбургу дороге, по речке Тече вверх по обе стороны, с таким от крепости расстоянии, чтоб не захватить подлежащих крепостям земель и угодий» [59, л. 15 об.].

Итак, в 1742 году служилым мещерякам во главе со старшиной (полковником) Муслюмом Ашировым отвели землю по реке Тече, а также большой участок к северу от нее — граница проходила по озерам Чебачье, Уелги, Аликуль. С запада и севера отвод граничил с землями башкир Бала-Катайской волости, с юга — с землями Челябинской и Миасской крепостей, с востока — с территорией Теченской слободы (Русская Теча) [59, д. 106, л. 17–20]. Всего должно было переселиться сто дворов служилых мишарей [Там же, л. 15]. На этой территории возникли мещеряцкие деревни Муслюмова, Курманова, Кунашакова, Борисова [16, д. 310, л. 23] и Субина (на озере Тышки) [115]. В эти деревни переселились мещеряки из ранее существовавших деревень, в том числе из деревни Улугуш.

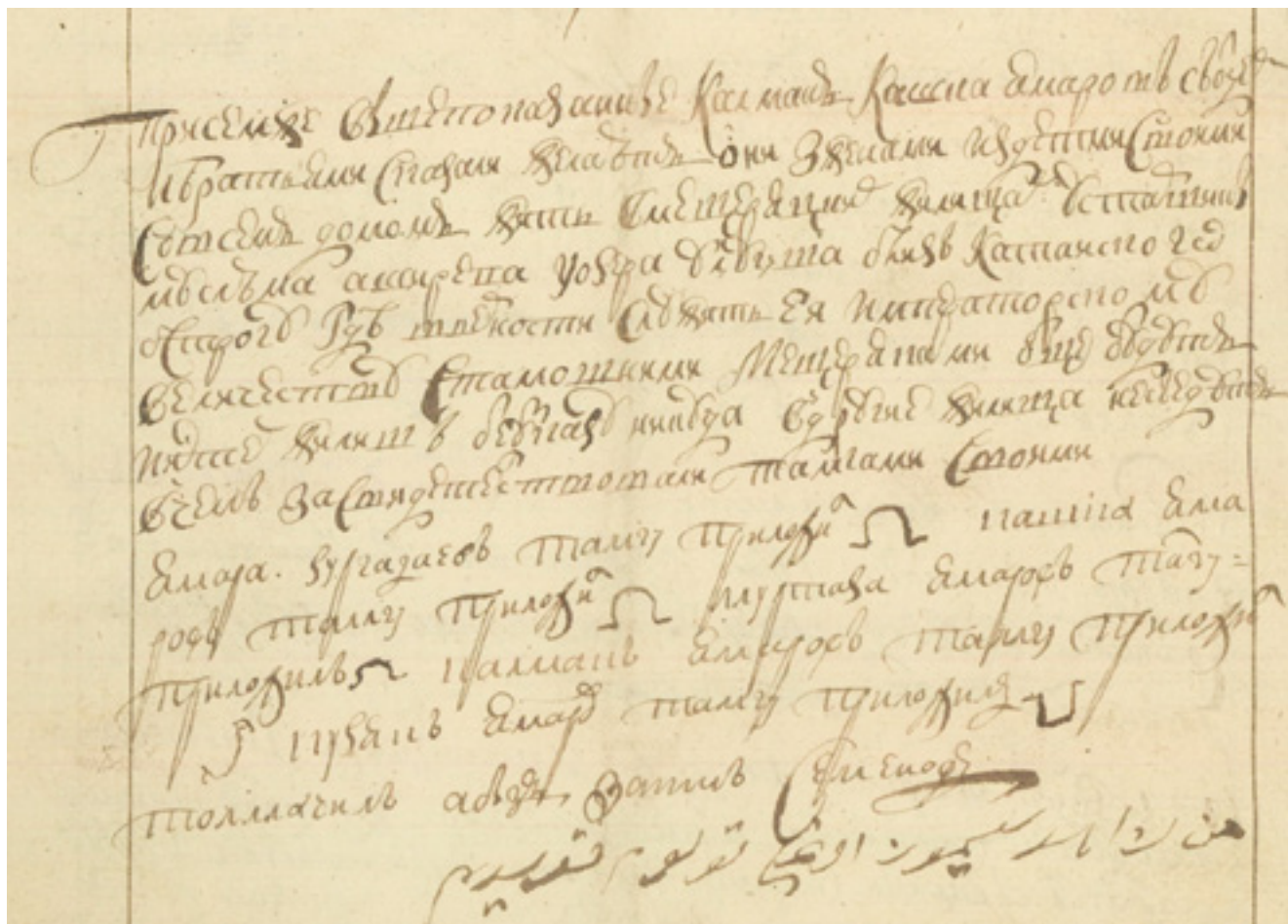
Жители деревни Карабулак получили право на потомственное владение землями. Согласно

14

В документе указан 1735 год. Это ошибка при копировании (переписывании) документа, поскольку наказ явно был написан в тот период, когда В. Н. Татищев возглавлял Оренбургскую экспедицию, а полковник И. Н. Татищев являлся воеводой Исетской провинции, то есть в период с осени 1737-го по осень 1738 года. Дата «1735 год» появилась, возможно, в силу того, что в запросе из Уфимской нижней расправы с требованием представить копии документов об отводе земли мещерякам, чувашам и прочим ясашным, было указано распоряжение В. Н. Татищева воеводе Исетской провинции полковнику Татищеву от 1735 года [59, л. 1–9]. Служители Челябинской нижней расправы, очевидно, вольно или невольно «подтасовали» дату, подстраиваясь под запрос «сверху». Надо добавить, что в 1735 году было лишь начало башкирского восстания, и основная масса событий, повлекших за собой появление указов и распоряжений, упомянутых в документе, просто еще не произошла.

заявлению представителя мещерякской Караболки, сделанному в 1781 году, при проверке межвых границ территорий, Мустафы Аликеева: «...от одной же речки Тургаку начнетца их Караболское владение, уступленное им от Мякотинской волости башкирцов, вечное владение из оброку, по указу из Исетцкой провинциальной канцелярии 1744-го году марта 20-го числа» [134, с. 71]. Земли эти впоследствии составили Карабольскую волость [15, д. 111]. Сегодня это село Татарская Караболка в Челябинской области.

Практически параллельно развивалась история с созданием Сартской и Калмакской волостей и будущей Карасевской (Мещерякской) волости на реке Чумляк. Среди башкир Зауралья в конце XVII — первой половине XVIII века проживало некоторое количество небольших групп и отдельных семей калмыцкого происхождения. Каким образом многие из них оказались на этих территориях для нас не ясно, но в отношении одного из кланов — Яма-

Прошение калмыка Кашки Ямарова с отцом и братьями разрешить им поселиться у служилых мещеряков команды Муслюма Аширова

и обещание «в верности служить ея императорскому величеству с тамошними мещеряками». Апрель 1737 г. [17, д. 680, л. 89 об.]

ра Зургатаева и его семи сыновей ситуация достаточно хорошо восстанавливается благодаря выявленным документам. Ямар Зургатаев попал в плен к башкирам во время одного из столкновений конца XVII века и жил в качестве «холопа» одного из башкир Челжеутской (Сальютской) волости. Впоследствии он выкупился и со всей большой семьей жил на землях Сальютской волости. Позже у него произошел конфликт с башкирами, требовавшими, чтобы семья Зургатаева либо платила ясак наравне с ними, либо выселялась с территории сальют. В результате Ямар и шестеро его сыновей изъявили желание стать служилыми мещеряками [17, д. 680, л. 82–90]. Еще одна группа калмыков жила в деревне Бурановой, на территории Терсятской волости. Лидером этой группы был калмык Буран Ягораков,

«Геометрический специальный план Пермской губернии Екатеринбургской округи, Карабольской волости, ведомства Пермской казенной палаты мещераков деревни Карабольской и Мусекаевой с описания, учиненного в 1790 году екатеринбургским уездным землемером Петром Горбуновым...»

можно предположить, что остальные пять семей тоже были калмыками. Обе эти группы (Ямара Зургатаева и Бурана Ягоракова) не поддержали восставших башкир в 1735–1740 гдах: Буран Ягораков с другими жителями своей деревни (всего шесть семей) в июле 1737 года переехали к Катайскому острогу «понеже де они с ворами не согласны» [Там же, д. 695, л. 224], а клан Ямара Зургатаева примерно в это же время записался в служилые мещеряки команды Муслюма Аширова [17, д. 680, л. 89–90].

Был и еще один источник притока калмыков в Южное Зауралье. Его описал в своей работе И. Г. Георги: «В Уфимском наместничестве, в Челябинской округе, на восточной стороне Уральских гор, населены три деревни Калмыками Мугамедданского Закона, ис коих каждая имеет из них же старшину. Обращены же они в Мугамедданскую веру Киргизами (казахами, которых тогда называли «киргиз-кайсаками», или «киргизами». — Г. С.), когда были от сих уведены (то есть «уведены ими» (казахами). — Г. С.) из числа Волгских Калмык... Число семей их простирается теперь до ста. Они живут между Башкирцами в особой волости (аймак); жизнь ведут единообразную с ними, имеют зимовники, а летом, с стадами своими, кочуют в войлошных юртах, на разных местах» [19, с. 23].

После окончания восстания сформировался костяк будущего сообщества «аюкинских калмыков», — группа из нескольких семей во главе с Бураном Ягораковым, который в 1740-е годы обратился к руководству Оренбургской комиссии с просьбой о разрешении калмыкам поселиться отдельной деревней. Последовал указ из походной канцелярии И. И. Неплюева, руководившего Оренбургской комиссией: «калмыку Бураку Егоракову по силе указу ис походной тайного советника кавалера Неплюева канцелярии с прочими таковыми же живущими отдельными дворами в Башкирии калмыками: когда сами желают особою деревней жить, велено, собрав, поселить между Челябинской и Уйской крепостями и живучи на том месте как ясак платить, так и службу служить обще с башкирами, но токмо оный Бурак и другие таковые ж калмыки на предписанной между Челябинской и Уйской крепостями порозжей земле селитца не пожелали, за неудобностию, а пожелали поселитца близ Сумляцкой

слободы при речке Чумляке, имея внутри Уйской линии по дороге от Челябинска на Бакланскую крепость разстоянием например верховою ездою один день, при озере Куясане, где уже он, Бурак, без отводу перешед в тринадцати дворах поселился» [13, д. 7847, л. 70 об.]. В 1746 г. Исетская провинциальная канцелярия направила геодезии прапорщика Куроедова для отвода Бурану Ягоракову с товарищами угодий на оз. Каясан, на левом берегу р. Чумляк. Надо пояснить, что аюкинские калмыки обратились к властям с прошением об отводе, имея перед глазами пример — в 1742 г. земли по р. Тече и озерам Тышки (Тышки), Кунашак, Чебачье и т. д. были отведены служилым мещерякам команды Муслюма Аширова [59, д. 106, л. 115–120]. Если мы вспомним о том, что клан Ямара Зургатаева по указу 1737 года входил в команду мещеряков Муслюма Аширова, то станет ясно, что ситуацию они знали достаточно хорошо. И пример мещеряков видимо вдохновил калмыков попытаться получить землю не в составе мещеряков, а сформировав отдельную группу.

Итак, на реке Чумляк (Сумляне) не позже 1746 года самовольно, то есть не имея разрешительных документов, поселились 13 семей калмыков. Но уже в 1746 году территория их проживания была размежевана с соседями. Вскоре оказалось, что аюкинские калмыки — вовсе не единственная группа, которая желала бы получить землю в Южном Зауралье. В Мякотинской волости, на озере Большие Аллаки жили служилые сарты, пришедшие из Приуралья, из деревни Лабау, в 1710-е годы и припущенные вотчинниками-башкирами Мякотинской волости (бакатин) в 1715 году [17, д. 1092а, л. 327]. В 1746 году старшина Мякотинской волости Янгильда Супхангулов был вынужден продать значительную часть вотчинных земель Я. Коробкову для нужд строящегося Каслинского завода. Территория волости существенно сократилась и сарты почувствовали, что было бы неплохо получить какое-то количество угодий. Кроме того, как уже было сказано, по реке Тече, вблизи озер Тишки, Чебачье, Кунашак и т. д. еще в 1742 году получили земли служилые мещеряки. Но они были не прочь расширить свои владения. Результатом явилось совместное обращение к властям аюкин-

ских калмыков (13 семей), служилых сартов (25 семей) и служилых мещеряков (33 семьи) об отводе им земли по реке Чумляк. 17 сентября 1748 года указом из Оренбургского губернского правления было предписано земли перечисленным группам отвести. Это привело к формированию волостей: будущей Карасевской (Мещерякской) на левом берегу реки Чумляк¹⁵, Сартской и Калмакской или

15

Мещерякская волость на реке Чумляк, судя по всему, первоначально не выделялась в отдельную единицу, будучи частью общей Мещерякской волости, объединявшей население и территории по рекам Теча, Чумляк, озерам Кунашак, Чебачье, Тышки. Разделение произошло позже, в ходе губернской реформы, о чем будет речь ниже.

Сарт-Калмакской на правом берегу Чумляка «в межах Мияской и Еткульской крепостях, Чумляцкой слободы и Карачельского форпоста близ озера Куясана» [13, д. 7847, л. 70–71]. Общий размер угодий составил 49×48 верст [13, д. 7847, л. 71 об.].

В заключительной части указа И. И. Неплюева от 17 сентября 1748 года прописаны и причины деления этих людей землей, а также их социальный статус: «Елико же до предпомянутых сартов и калмык принадлежит, то понеже они не суть природные башкирцы, но пришедшие из азиатских мест, следственно у них собственной в Башкирии земли не было и быть невозможно, а без удовольствия их землю оставить не надлежит, яко они с башкирцами общую службу служат, ясак равной платят,

Фрагмент карты Челябинского уезда 1894 года «с показанием земель и лесов, ведения министерства государственных имуществ и лесов башкир вотчинников», на котором показаны Карасевская (Мещерятская; слева сверху, залитая желтой краской) и Сарт-Калмакская (внизу, залитая синевой краской) волости [58, д. 24]

они ж и бывшие башкирское замешание верно служили, как то свидетельствуют выданные им от командиров указы. Того ради определили: в Исецкую провинциальную канцелярию послать указ, велеть предписанным просителям аюкинцу Бурану Ягоркову с калмыки и сартам ис показанной порозжей земли по вышепоказанному их здесь показанию при поселении при озере Урдабай, тако ж для содержания скота, под пашню и под сенокос отвести земли столько, сколько для их извороту надлежит со всеми к жительству человеческому угоды, дабы им всем как в землях, так и в угодах недостатку быть не могло. И впредь для бесспорного владения ту им землю ограничить и учиня чертеж в Оренбургскую губернскую канцелярию прислать, а таков же и в провинциальной канцелярии оставить для разнимательства всяких впредь могущих быть споров. А службы им служить, ясак платить по прежнему равно з башкирцами, как то они донныне исчислятца» [13, д. 7847, л. 72–72 об.]. Для отвода земель по этому указу в 1748 году на правом берегу Чумляка был направлен геодезист Михей Мингалев. Для завершения картины следует уточнить, что земельный отвод у мещеряков, калмыков и сартов был общим, не размежеванным. Но, как указано в цитированном документе: «А особливо того наблюсти: есть ли разсудитца Исецкой провинциальной канцелярии перевести мещеряков, чтоб всех их поселить в одно место по реке Чюмляку — калмыкам и сартам берег, а мещерякам другой». То есть между владениями мещеряков, с одной стороны, и калмыков с сартами — с другой, был естественный рубеж — речка Чумляк. Но формального размежевания их угодий не было проведено и на 1786 год, как подтверждали сами мещеряки, калмыки и сарты [56, д. 131, л. 382].

Самое примечательное заключается в том, что впоследствии уже сами калмыки и сарты стали припускать на свою землю... башкир: «...Катайской волости старшина Куйбак Зайсаков скаскою объявил: оного де 1759 году весною, по прозбе его пущены для жительства вами, сотником Буляком Бураковым и ясаулом Султаном Ахметевым он, Куйбак с башкирцами, тридцатью дворами, на отводную землю твою, сотника Буляка и живут по разным мелким озеркам» [13, д. 7847, л. 84].

В 1754 году происходит достаточно важное событие в жизни практически всего тюркского населения Оренбургской губернии — власти решили снять с башкир и мещеряков обязанность платить ясак и заменить ее обязательной покупкой соли. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев сообщал Сенату, что первоначальная реакция была скорее негативной: «имели сперва сумнение в том, что ежели с них ясак снимется, то им б чрез то земель своих не лишиться, яко оной на них расположен и числиться по землям», однако, после обещаний, что вотчинные земли останутся за ними, «кажется они, башкирцы и мещеряки, охотно к тому приступили и за отягощение себе не вменяют, рассуждая ис того пользу, что они бес платежа единственно служивыми будут, так как и казаки» [47, с. 427]. Но при этом И. И. Неплюев просил Сенат «о том указом е.и.в. публиковать, изобразя в нем, что они, башкирцы и мещеряки и между ими упомянутые находящиеся татары, служивыя люди и имеют свои земли, которыми по-прежнему владеть, как ныне владеют, из милосердия е.и.в. от ясака освобождаются в надежде, что они по своему званию тое высочайшую милость е.и.в. своею верностию и службою заслужат» [Там же, с. 428].

Огромные изменения вызывали недовольство башкир, которое постепенно накапливаясь, подготавливало почву для взрыва. В 1755 году вспыхнуло восстание, которое обычно связывают с именем Батырши или Габдуллы Алеева. Восстание мало коснулось наших территорий и в целом оказалось не столь мощным каким могло бы оказаться. Это было едва ли не единственное выступление башкир (и не только) на Южном Урале, которое было организовано заранее. Но так получилось, что башкиры Бурзянской волости выступили значительно раньше намеченного срока. Начало было назначено на 3 июля 1755 года, но в Бурзянской волости восстание вспыхнуло стихийно в середине мая. Часть восставших были схвачены, и у губернских властей появилась информация о планах масштабного выступления. Были приняты превентивные меры, в итоге которых общее выступление было предотвращено. Но огромное количество башкир с семьями, опасаясь репрессий, устремились в степь, к казахам Младшего и Среднего жузов.

Мы хотели бы коротко остановиться на связях Батырши с нашими краями. По окончании обучения он стал преподавать в мектебе — религиозной школе низшей ступени. Около четырех лет, в 1746–1749 годах, он служил муллою и мугаллимом (преподавателем в мектебе) здесь, в Зауралье, у мещеряков команды Муслюма Аширова.

Здесь же, в Кунашаке, Батырша женился. Женой его стала двадцатидвухлетняя Гульбохар Хасанова (Асанова), дочь служилого мещеряка Асяна Тукаева из деревни Улугуш Исетского ведомства, близкая родственница старшины Муслюма Аширова. В 1749 году Батырша с женой уехал в свою родную деревню Карыш, где стал имамом мечети и открыл медресе — школу более высокого уровня, чем мектеб. Вскоре он стал одним из самых известных мусульманских религиозных деятелей Южного Урала.

В 1754 году он приезжал в гости в команду старшины Муслюма Аширова. Как писал он позже в своих показаниях: «Население Муслимова аула, приняв мое пребывание в гостях за благоприятный случай, оказали мне почести и уважение и, пригласив из окрестных аулов мулл и других, устроили в своих летних аулах-кочевьях круг и одаривали народ разными благами и вещами» [66, с. 76]. «Средь мишеро́в команды того Муслима я пробыл около месяца, или более того У некоторых я ночевал 5 раз у из-которых 6 раз; в доме Мянсура также провел 6 или 7 ночей.... Ясаул Мансур Тукай-улы — ис команды старшины Муслима и аула Муслима тоже. Но в данное время он ушел из аула старшины Муслима в Янги-аул, за 70 верст от аула Муслима. По собственному приглашению самого того Мансура я ночевал у него. Он пригласил меня, чтобы я читал Коран по душе ушедшей из сего мира покойной его матери» [46]. Мансур Тукаев — дядя жены Батырши, основатель деревни Мансурово, которая сегодня относится к Сафакулевскому району Курганской области. Приехав к Мансуру Батырша спрашивал его «о переменчивости времен и об изменении обстоятельств», в ответ на что услышал: «По желанию падишаха (царя.— Г. С.) я проливал кровь своих мусульман; не щадя своей души и идя навстречу стрелам и пикам, мужественно перенес многие раны: в конце концов «наши челны сели на мель» (то есть «мы зашли в тупик») [66, с. 80].

Разговаривал он и с самим Муслюмом Ашировым. Вместе они ездили к жившим рядом башкирам племени сальют. Эту поездку в письме императрице Елизавете Петровне Батырша описал довольно подробно, описав настроение салют. Я приведу лишь одну фразу из его письма: «Некоторые говорили: «Мы не называем падишаха злодеем — он справедливый, однако, какая нам польза от его справедливости, находящейся у него за пазухой и не дошедшей до нас?» [Там же, с. 78].

Таким образом, Батырша описывал настроение башкир и мещеряков, объясняя причины начала восстания. Интересно, что братья его жены, жившие в деревне Чулмяк (Чумляк), пошли учиться к нему в медресе. После того, как восстание потерпело поражение, а Батырша вместе с учениками был арестован, все они оказались под следствием...

Не вдаваясь в описание восстания, хотелось бы отметить жесткость и жестокость, проявленные при его подавлении, и в дальнейшем, в отношении башкир, ушедших в степь, к казахам. Как писал сам И. И. Неплюев, он направил в степь грамоты с татарами Сеитовой слободы, в которых писал, что «прочих же того народа (казахов.— Г. С.) милует ея величество женами, и дочерьми, и имением перебежавших к ним башкирцев, но с тем, чтобы мужчины отвезены в Россию или выгнаны были из их кочевья, за исполнение чего, сверх того, награждение получит каждый, по мерея своя в том услуги... киргиз-кайсаки тем пожалованием пожелали пользоваться. Башкирцы ж, мужья и отцы, увидев в своих защитниках и обнадеживателях такое над женами их и над дочерьми насильство, принуждены нашлись защищать их с потеряннием жизни, и сим способом погигло немало башкирцев и киргизцев» [33, с. 156–157]. Посеяв раздор между башкирами и казахами, это действие не добавило добрых чувств башкирам в отношении властей.

И по итогам восстания реального улучшения положения башкир не произошло — строительство заводов и, соответственно, отчуждение вотчинных земель продолжалось. Ограничение свободы передвижения, введенное в 1740-х годах, отменено не было. Недовольство башкир просто приняло скрытые формы, дожидаясь времени, чтобы вылиться очередным восстанием.

После замены уплаты ясака покупкой соли те группы населения, которых коснулись эти изменения, перешли в служилое сословие. Хотя имеется весьма интересный комментарий И. И. Неплюева по поводу ясачных татар Исетской провинции. В письме в правительствующий Сенат в 1744 году он пояснял, что «служилых татар, как в Тобольском, так в Тюменском, Ялуторовском и Верхотурском уездах имеется довольно таковых, какие и в Исетской провинции имеются, и понеже они, по имеющимся у них старинным грамотам, все написаны служилыми, того ради и от подушного оклада выключены, а плятят с человека, работать могущаго, точию по полтине, по которым основаниям, между прочим, в Исетской провинции чиненными учреждениями определено и сие, дабы из тех, в Исетской провинции имеющихся наряжать на форпосты, по

их людству, до 80 человек, что придет с 5-ти дворов по человеку, а во время нужды и более. Как то и с сибирским губернатором г.-м. Сухаревым, о них и о таковых же живущих в Сибирской губернии рассуждаемо было» [122, с. 22].

Как бы то ни было после замены уплаты ясака покупкой соли служилыми стали и башкиры и мещеряки и бывшие ясачные татары (в том числе усть-багаряцкие и ичкинские). Башкиры, служилые татары и мещеряки ежегодно командировались на линейную службу на Уйскую линию, а также на Сибирскую линию. Обычно выбирали на Уйскую линию по одному человеку от восьми-девяти дворов [56, д. 80, л. 5 об.]. Часть отправлялось на Сибирскую линию, такие служили по два года и выбирали их по одному человеку от 12–14 дворов. На Уйской линии (при Троицке и Звериноголовской

Фрагмент карты Челябинского уезда 1894 года «с показанием земель и лесов, ведения министерства государственных имуществ и лесов башкир вотчинников» Катайской (слева) и Могильской / Ичкинской (справа) волостей [58, д. 24]

крепости), или на Верхнеуральской и Кизильской дистанции служили по полгода, в летнее время. Как говорилось в одном из документов 1782 года: «... от мещеряцкого и башкирского народа каждогодно на такую службу наряд был, исключая ахунов, мулл, азанчеев, сотников, писарей, престарелых, дряхлых, малолетних» [56, д. 80, л. 5]. Сотники, упомянутые в документе, — это чиновники, которые выполняли «руководящие функции» на местах, в деревнях, поэтому отправке на линейную службу они не подлежали. А для службы избирались другие сотники, которых называли «походными». Точно так же и старшины были «юртовые» — те, кто руководил «дома», в команде, и «походные», которые принимали командование на линейной службе, либо в военном походе.

Еще две новые волости появились в Южном Зауралье в 1750–60-е годы. Очевидно, вскоре после 1754 года, то есть тогда, когда татары, числившиеся до того ясачными, стали считаться служилыми [41, с. 261–262], ичкинские татары получают отвод в окрестностях оз. Альменкуль, которое русские называли Могильное (очевидно из-за курганных могильников). В 1771 году П.-С. Паллас застал здесь «до 20 татарских дворов» [65, с. 30]. Никаких других деревень Паллас не упоминает, при том, что он ездил к оз. Сорочьюму, а далее в Куртамыш его путь лежал мимо озер Белкино, Бабьего, Красного, Большого Седяшева [Там же, с. 31–32]. Учитывая скрупулезность академика, вряд ли он упустил бы в записках возможность указать на существование других селений. Дальнейшее развитие новой волости связано с более поздним периодом.

В 1750-е годы башкиры Катайской волости продали либо сдали в аренду свою землю по рекам Уфе и Уфалейке (Уфалею) И. Мосолову для строительства Уфалейского завода [59, д. 6, л. 180; д. 8, л. 2]. Поэтому в горной зоне у них осталось мало земли для ведения хозяйства, в первую очередь для скотоводства. Надо учесть, что значительные участки Катайской волости были проданы еще до этого Н. Н. Демидову и П. И. Осокину для нужд Кыштымского и Нязепетровского заводов [Там же, д. 8 л. 2–2 об.]. Оставшаяся территория Улу-Катайской и Бала-Катайской волостей в горной зоне и по р. Тече была не велика и не могла про-

кормить всех катаяцев. В 1763 и 1765 годах в Оренбургскую губернскую канцелярию с челобитными обратились башкиры племени катая «сотник, брат ево Казаккула (Казанбаева.— Г. С.) Терегул Казанбаев да Чюкан Шадаев челобитными просили дозволения о переходе и о поселении всего четырьмястами шестьдесятю шестью дворами на приисканную ими оставшую от поселения в линейных крепостях отставных, около озер Турналы, Асылы, Тибиз, Башкамай, Инатбану и по протчим урочищам порозжую землю» [Там же, д. 114, л. 3]. Губернские власти отвели им просимые земли. Табынцы, узнав об этом, обратились, в свою очередь, в губернскую канцелярию. При проверке выяснилось: «...отведенная Катайской волости башкирцам земля оказалась принадлежащая каратабынцам и баратабынцам» [59, д. 42, л. 8]. Табынцы заявили, что поскольку катаяцам земля отведена указом, то они с этим уже не спорят. Но часть их земель «между крепостью Каракульской и аюкинских калмык служилых сарт... с принадлежащими к ней озерами Чюбаратом, Алкезюрганом, Тербяскулом и Сыркашлаганом да и протчими мелкими озерами и угодьями» [59, д. 42, л. 3] все еще оставалась «не розданной». Табынцы просили закрепить за ними документально право на бесспорное владение этой территорией. Губернское правление постановило, оставшуюся землю закрепить за табынцами поскольку те «уделением ис той их вотчиной земли во первых ичкинским татарам, а затем катаяцам и протчим людям итак несколько обиду чувствуют» [59, д. 42, л. 8 об.]. Следовательно, земли катаяцам и еще ранее ичкинским татарам, сартам, аюкинским калмыкам и служилым мещерякам по реке Чумляк были отведены из владений башкир Каратабынской и Баратабынской волости.

Тептяри

К 1730–40-м годам относится формирование словенной группы тептярей и бобылей. Само слово «тептярь» было известно и раньше, в частности, на некоторых картах С. У. Ремезова показаны «Тептерцы и башкирцы». Но в документах XVII — начала XVIII века мы не обнаруживаем тептярей. В данном случае нам не обойтись без краткого обращения к работам предшественников, поскольку вопрос об истории тептярей рассматривался разными авторами и сложилась уже основательно подкрепленная публикациями версия.

Р. Н. Рахимов полагает, что тептярями становились башкиры, которые не могли нести тяжесть ясака даже в качестве припущенников. Они выходили из сословия башкир и постепенно образовали группу, «которая получила местное, башкирское название «тептяри», то есть «отвергнутые, вытесненные» [89, с. 9]. Институт припуска давал им возможность вести свое хозяйство, преимущественно земледельческое, что требовало меньшего количества земли, чем полукошечное скотоводство. «Башкиры-тептяри, окрепнув, в любое время могли вернуться в свое сословие, чтобы наравне со всеми нести ясак и воинскую службу» [Там же, с. 9–10]. Р. Н. Рахимов указывает, что правительство обложило тептярей подворным ясаком в 1631–1632 годах [Там же, с. 10]. В работе не указан источник информации, но даже в документе более позднего времени (1678), где подробно рассматриваются различные ясачные не башкирские группы — говорится только о бобылях. Причем в их число включены также и чуваша, помогавшие башкирам в выплате ясака [52а, с. 206–208]. То есть тептяри как отдельная группа не зафиксированы.

Р. И. Якупов выводит название «тептяри» от слова «дафтер» — тетрадь. Он рассуждает о причинах формирования прослойки тептярей и их месте в социальной среде Башкирии, но при этом признает, что документов, фиксирующих наличие отдельной социальной группы «тептяри», для XVII века не выявлено. Точнее, сначала он пишет, что «уже источники XVII века фиксируют в Башкирии тептярей и бобылей» [140, с. 87]. А чуть дальше отмечает, что, очевидно, в 1630-е годы появляются

Фрагмент карты С. У. Ремезова «Межи слободам», которая датируется ориентировочно временем проведения сыска И. Полозова, то есть 1695 годом.

На карте обозначение «Тептерцы и башкирцы» помещено в районе реки Белой, ниже впадения в нее реки Уфы, в Приуралье

бобыльские окладные книги, но тептярские книги еще не появились. И далее резюмирует: «В этом мы находим подтверждение тому, что русская администрация применяла для обозначения лиц, в силу различных причин скрывавшихся от налогообложения, только один термин — бобыли» [140, с. 88]. Не очень понятно, почему термин «бобыли» применялся именно в отношении лиц, скрывавшихся от уплаты ясака, поскольку сословная группа бобылей именно что платила ясак.

Формирование тептярей Р. И. Якупов объясняет следующим образом: «Уже источники XVII века фиксируют в Башкирии тептярей и бобылей. Как и почему русская администрация объединила эти две группы? Дело здесь только в терминах. Бобыли — это, по русской традиции, беглецы-одноворцы (или хutorяне). Есть основания полагать, что российские бобыли — это еще ранее подчиненные русскими финские народы Севера, а на западе — мордва, горные чуваша и марийцы. По тюркской традиции, сложившейся уже в Башкирии, припущенники, платившие ясак башкирам или помогавшие им выплачивать царский ясак, назывались тептярями» [Там же, с. 87–88]. По версии

Якупова, те финно-угры, которые прочно сохранили свой язык и жили особняком от башкир, в период утверждения русской администрации стали именоваться бобылями. «В тептяри (на рубеже XVII и XVIII веков) попали те черемисы, чувашы, вотяки, татары, которые были ближе к башкирским общинам, вошли в них либо сознательно выдавали себя за башкир, особенно в период проведения переписей» [Там же, с. 88]. Не очень понятно, почему люди, вошедшие в башкирские общины, попадали в тептяри, так же как и те, кто сознательно выдавали себя за башкир — эти люди должны были входить в сословную группу башкир, но никак не тептярей.

Есть одна особенность у обеих упомянутых выше работ — в них нет ни одной ссылки на документы XVII — первой трети XVIII века, где бы упоминались тептяри. Выше уже упоминалось, что бобыльские окладные книги для XVII века известны, а тептярские — нет. В. М. Черемшанский в своем «Описании Оренбургской губернии» писал, что тептяри первый раз упоминаются в указе Правительствующего Сената 1734 года «как сходцы издавна поселившиеся на башкирских землях «из найму или без найму, по записям или без записей», но с платою особого тептярского ясака» [125, с. 166]. Действительно, такое упоминание есть [73, с. 337–338], но сенатский указ формировался на основании полученных челобитных и, видимо, не совсем соответствовал действительности. Так, этот пункт документа начинается словами «Что же бьют челом окладные Тептери и бобыли, чтоб старых и новых и детей их и братьев переписать, и для той переписи послать кого надлежит, и по переписке жить им по прежнему в Уфимском уезде, так, как жили деды и отцы их. Из чего ради из Уфимской воеводской канцелярии публиковать же, что бы такие тептяри и бобыли сами явились в Уфимской канцелярии и объявили о себе... какой они веры и давно ль кто откуда в Башкирцы пришли, и у кого у Башкирцов в вотчинных землях поселились из найму или без найму, по записям или без записей, и какой кто Тептерский или бобыльский оклад платят, или не платят, и кои не платят тех обложить вновь... и записывать их всех в особые тептярскую и бобыльскую книги порознь по дорогам, коим учинить

для сего вновь» [73, с. 337]. В. М. Черемшанский (а вслед за ним и все поздние исследователи) трактуют это так: «Тептяри в первый раз упоминаются в указе Правительствующего Сената... как сходцы издавна поселившиеся на башкирских землях... с платою особого тептярского оклада» [135, с. 166]. В указе говорится о том, что книги для записи надо «учинить вновь», причем по челобитью «Тептерей и бобылей». Публикация документа была осуществлена в первой половине XIX века, когда сословие (сословная группа) тептярей и бобылей была явлением устоявшимся, поэтому в ПСЗ фраза передана именно как обозначение единой группы «Тептяри и бобыли». Была ли именно такой трактовка этих терминов в 1736 году, мы можем только предполагать. С другой стороны, фраза «какой кто Тептерский или бобыльский оклад платят» совершенно четко указывает, что речь идет о двух разных группах, точнее о двух разных видах ясака.

Здесь следует сделать паузу и отметить, что в отличие от понятия «тептяри», выражение «тептярский ясак» в документах до 1734 года встречается. Первый из известных документов датируется 1700 годом, опубликован в «Материалах по истории Башкирской АССР», части первой. Итак: «...бьют челом холопи твои... Уфимского уезда Ногайской дороги, деревни Бикметевы Умряска мурза, Ямметев сын, князь Ишеев с братьями. Изстари, государь, деды и отцы их и они, холопи твои, владели по 208 год в Уфимском уезде землю и санными покосы, звериными ловли... И с тех угодий прадеды и отцы их и они, холопи твои, платят твой, великого государя, тептярский ясак и служат твою, великого государя, службу» [44, с. 100]. По словам челобитчиков их с вотчинных земель выдавили соседи, башкиры деревни Кадышевой Ильмамет Деветеев с братьями. А дальше идет интересная информация о том, что вотчина Деветеевых «по той же Уршаку реке на другой стороне и с иными урочищами, и платили они Ильмаметка преж сего с той своей вотчины ясаку по полубатману меду да по 9 куниц; и подали они сказку, что того оброку платить им невмочь, а землю владеть им малою дачею и платить тептярский ясак по одной кунице» [Там же, с. 101]. При этом сами челобитчики платили тептярский ясак по четыре куницы в год [Там же]. В данном

случае обе группы людей, упоминаемые в источнике, являлись вотчинниками, одна из них конкретно обозначена как «башкиры». При этом люди, входившие в эти группы (судя по документу, все, без исключения) платили тептярский ясак. Челобитчики платили его не менее полувека («прадеды и отцы их»), а представители второй группы перешли (или пытались перейти) на тептярский ясак, ссылаясь на то «что того оброку платить им невмочь». Исходя из этого документа можно предположить, что тептярский ясак платили вотчинники, сумевшие показать непосильность выплаты обычного ясака.

В 1728 году окладные тептяри Минской волости сообщали, что прежде деды и отцы их платили бобьельский ясак вместе с жителями деревень Укарлиной и Темикешевой Сибирской дороги. Но лет за 40 до челобитной их отцы — Иликей Укарлин и Янбулат Анбулатов переписались в «окладной тептерский ясак обще Уфинского уезду, нагайские дороги, Минские волости к башкирцам родственникам» [44, с. 128]. Уфимские власти начали направлять челобитчиков на различные работы вместе с бобылями, на что они просили, чтобы «е.и.в. пожаловал их, указал показанный тептерский ясак платить им обще с родственниками их Минской волости з башкирцы» [Там же]. Не будем разбирать ситуацию с пребыванием предков челобитчиков в бобьельском окладе — слишком мало данных для того, чтобы делать выводы. Ситуация с уплатой тептярского ясака аналогична той, что описана в предыдущем документе: его выплачивали башкиры Минской волости.

Уже в 1750 году зафиксирована следующая ситуация: «В Оренбургской-де губернской канцелярии слушаны челобитная Уфимского уезду Сибирской дороги Кущинской старшины Козяша Рахмангулова и Сызгинской волостей сотника Темира Азмакова с товарищи, которою просили о снятии за взятую под Красноуфимскую, также и другие крепости и под казенные мельницы, имеющиеся близ Красноуфимской крепости, из вотчинной их земли <...> платимого ими тептярского ясака <...> и учиненная на то выписка, из которой усмотрено, что <...> по именному <...> императрицы Анны Иоанновны указу, присланному в 1739 году от 20 числа августа к бывшему тогда в Оренбургской комиссии

командиром покойному генерал-лейтенанту князю Урусову <...> о снятии за взятые у башкирцев под строения крепостей земли с них, башкирцев, ясака что надлежит по препорции повеление имеется, что и <...> учинено тайным советником и кавалером Неплюевым обще с бригадиром и бывшим в Уфе вице-губернатором Аксаковым в 1742 году июля 10 числа» (цит. по [39]). Середина XVIII века, население двух башкирских волостей платит тептярский ясак. Причем из документа следует, что речь идет не о припущенниках, а именно о вотчинниках. И эти вотчинники являются башкирами, а не тептярями и бобылями.

Из цитированных документов следует, что тептярский ясак на рубеже XVII–XVIII веков и в первой половине XVIII века платили вотчинники. Возможно, тептярский ясак являлся формой сниженного оклада, который платили башкиры, которые не могли выплачивать обычный ясак. Д. Б. Рамазанова, основываясь на опыте изучения архивных документов по Приуралью, пишет, что тептярский ясак и окладной ясак в XVII, реже в начале XVIII века обозначали ясак, уплачиваемый в казну вотчинниками [88]. Как видим, еще в середине XVIII века были отдельные волости башкир-вотчинников, плативших тептярский ясак.

Исходя из совокупности приведенных выше свидетельств можно предположить, что собственно группа «тептяри и бобыли» появляется уже после публикации цитированного сенатского указа 1734 года. Р. Н. Рахимов полагал, что именно в 1730-е годы происходит формирование сословия тептярей и бобылей. Состояние тептярей до 1730-х годов Р. Н. Рахимов обозначил как «социальная группа», с 1730-х по 1860-е годы — как сословие [89]. Правда, не оговорив принципиальных отличий социальной группы от сословия. Очевидно, реальное формирование сословной группы тептярей и бобылей надо отнести к периоду проведения II ревизии и сразу после нее. П. И. Рычков в «Топографии Оренбургской», описывая черемис, мордву и чувашей, отмечает, что «Мордва и Черемисы, в Уфимской и Исетской провинциях находящиеся, по нынешнюю генеральную ревизию платили все куничный и денежный ясак, а именно: за куницу по сорока копеек... за земли и уголья платили

они Башкирцам оброки (ибо собственных не имели); но по последней генеральной ревизии положены они в ясак с каждой души по восьмидесяти копеек и состоят общественно в числе Тептярей и бобылей» [109, с. 130]. О вотяках П. И. Рычков сообщает: «...на Башкирских землях поселились, и платили Башкирцам оброки, а в казну ясак, как выше сего о Черемисах объявлено. Но в 1747 году положены они обще ж с ними в Тептярский ясак по восьмидесяти копеек с души, и состоят как они, так и Черемисы и Чуваши, в числе Тептярей и бобылей во всем равенственно» [Там же, с. 132]. Петр Иванович тоже указывает лишь на то, что мордва, черемисы, вотяки и чуваши положены в тептярский ясак с 1747 года. Обозначение ясака, который ими выплачивался до этого, Рычков не называет, так же, как и не объясняет, что же представляло собой сословие тептярей и бобылей, и кто в него входил до 1747 года. Непонятно также, существовало ли оно вообще до 1730–40-х годов как единое сословие (сословная группа). Еще один характерный момент — рассказывая о татарах и башкирах, П. И. Рычков не упоминает, что представители этих народов входили в число тептярей и бобылей [Там же, с. 49–78].

Таким образом, мы можем констатировать, что существование тептярей для XVII — первой трети XVIII века вполне возможно, если называть тептярями тех людей, которые платили тептярский ясак. Но это было не пришлое население, поселившееся на башкирских вотчинных землях. Тептярский ясак платили те вотчинники, которые не имели возможности выплачивать ясак в полном размере. То есть тептярский ясак имел уменьшенный (и существенно уменьшенный) размер. Очевидно, что были целые башкирские волости, платившие тептярский ясак. Не исключено, что обозначение «тептяри» относилось так же и к людям, переселившимся на Южный Урал и жившим на башкирских землях, но пока никаких документальных подтверждений этому, относящихся к периоду до 1730-х годов мы не видим.

В 1740-е годы ясачные татары команды Ильтебана Степанова переселились на земли в верховьях р. Яик и перешли в сословную группу тептярей и бобылей. Как сообщает А. З. Асфандияров,

первоначально они основали 13–14 деревень, впоследствии осталось 12, которые сформировали впоследствии Тептяро-Учалинскую волость [4, с. 25–29].

Пугачевское восстание

Проблемы, накапливавшиеся в течение долгого времени и не находившие своего решения, выплеснулись в самое мощное восстание XVIII века, в котором приняли участие крестьяне, казаки, башкиры, заводские рабочие... У всех были свои причины, в том числе и те, о которых говорилось выше. В 1773 году, когда началось восстание под предводительством Е. Пугачева, Челябинск представлял собой небольшой город, обнесенный деревянной стеной — заплотом. Будучи небольшим по размерам, Челябинск являлся центром Исетской провинции, обширного края, включавшего в себя значительную часть территорий, входящих сегодня в состав Челябинской, Курганской и Тюменской областей. Население города было невелико, помощник воеводы Исетской провинции Свербеев 13 января 1774 года писал о 737 душах мужского пола [82, с. 38–39]. Правда, вопрос о количестве населения Челябинска не совсем ясен. По данным Свербеева, в Челябинске было 95 человек посадских (купцов) и цеховых, а через месяц с генералом Деколонгом ушли 192 человека купцов [31, с. 355]. Есть к тому же еще один документ — «Ведомость о численности населения в Челябинске на 31 января 1774 г.», которая была приложена к рапорту воеводы Веревкина генералу Деколонгу. В этом документе указаны все жители — мужчины, женщины и дети:

«Канцелярских служителей — 70
Отставных солдат — 352
Купечества — 480
Крестьян — 345
Казаков — 1672
Вдовствующих, сирот и неимущих — 38
Итого — 2957» [91, д. 627, ч. 10, л. 412–413].

Но как бы то ни было, город не насчитывал и 3000 человек населения. Большую часть жителей Челябинска составляли казаки, которые если

и не были открытыми сторонниками Пугачева, то сочувствовали идеям его движения. Многие искренне верили, что Емельян Пугачев в действительности чудом выживший царь Петр III (Петр Федорович), который несет простым людям освобождение от тягот.

Ощущая опасность в условиях бурно вспыхнувшего восстания, когда к пугачевцам присоединялись все новые и новые селения и целые волости, власти принимали меры к укреплению обороноспособности города. 4 октября 1773 года ратуша, по указу воеводы Веревкина, предписала посадским и цеховым в течение суток привести в порядок те участки городских укреплений, за которые они несли ответственность [62, д. 11, л. 14–14 об.]. 8 декабря 1773 года Исетская провинциальная канцелярия выпустила указ, объяснявший, что царь Петр Федорович скончался в 1762 году и в начале июля того же года был похоронен в Невском монастыре «при множестве помянутых зрителей, в том числе и здешних Исецкой провинции присутствующих, коим случилось в ту пору быть в Санкт-Петербурге, при должностях своих» [31, с. 194]. Однако попытки объяснить людям, что явившийся в 1773 году «царь» не более чем самозванец Емельян Пугачев, особого успеха не имели.

Ситуация в самом Челябинске была сложной. Весь регулярный гарнизон состоял из неполной роты в тридцать рядовых с одним поручиком и четырьмя капралами. Кроме того, была присланная из Тобольска рекрутская рота, совершенно необученная и вооруженная негодными к стрельбе винтовками без штыков. Несколько человек вооружили челябинские купцы, но это явно не решало проблемы. Воевода Веревкин объявил о наборе «временных казаков» из крестьян окрестных селений. Их собралось в Челябинске к началу января более 1400 человек, но вооружения для них не было. При этом в городе почти не было запасов пороха. Сибирский губернатор Д. И. Чичерин прислал 25 пудов пороха и 200 ружей [27, с. 35], хотя в самом Тобольске оружия и боеприпасов оставалось максимум на 500 человек. Свинца не было, его предполагалось доставить из Казани.

10 декабря 1773 года городская ратуша обратилась к городским жителям с требованием быть

в «готовности к защите города тех у кого какие ружья есть» [82, с. 28]. Та же ратуша постановила обратиться к генералу Деколонгу, командовавшему Сибирским корпусом и фактически возглавлявшему правительственные войска в Зауралье, с просьбой об удержании в Челябинске 11-й полевой команды. Эта команда, под командованием премьер-майора де Кастро-Ласерда, следовала из Сибири к Оренбургу через Челябинск. Ее численность составляла 515 человек. С таким гарнизоном город имел реальные шансы противостоять пугачевцам. Деколонг уже традиционно не ответил на обращение Веревкина, и тот в отчаянии сам написал указ, предписывавший графу де Кастро-Ласерде с командой остаться в Челябинске для защиты провинциального центра: «Указ ея императорского величества самодержицы Всероссийской из Исетской провинциальной канцелярии, следующей с Сибирской линии, первой на десять (одинадцатой.— Г. С.) легкой полевой команды господину премьер-майору графу де-Кастро-Ласерда.

Реченная провинциальная канцелярия, имея рассуждения, что сего числа отправленным с нарочным курьером к его высокопревосходительству господину генерал-порутчику и кавалеру Ивану Александровичу Деколонгу от статскаго советника Исетской провинции воеводы Веревкина доношением представлена крайняя здешнему городу от бунтующих воров Башкирцев опасность и бедствие, ибо из полученных из разных мест рапортов открылось, что те воры башкирцы, лежащие к Оренбургу, почтовые дворы и состоящие отсель в семидесяти верстах две деревни сожгли, а людей разного звания и обоего пола в разных местах уже 91 человек до смерти побили, кроме уведенных из разных мест с заводов и рудников, и как от места там уже не подалеку от здешняго города Челябинска многие и целыми волостями вооружено разъезжают и грабежи производят, и что здесь в городе воинской команды почти ничего нет, для того на защищение здешняго гор. Челябинска и высоких ея императорского величества интересов от его высокопревосходительства прошено, чтобы его высокопревосходительство благоволил следующую с Сибирской линии первую на десять легкую полевую команду с артиллерию предоставить здесь, о чем от реченнаго

господина статского советника Веревкина к господину премьер-майору графу де-Кастро-Ласерда ордером предложено. Того ради, по указу ея императорского величества, в Исетской провинциальной канцелярии определено, в подтверждение данного от статского советника и воеводы вам ордеру еще дать от Исетской провинциальной канцелярии ея императорского величества указ, в котором предписать, дабы вы благоволили, по крайней здешнему г. Челябинску опасности, от выступления из здешняго города с командою к Верхнеяицкой крепости, до получения на показанное представление от его высокопревосходительства реченнаго госп. генерала-поручика и кавалера Деколонга резолюции, удержаться; ежели и за сим вы здесь остаться не изволите и сами собою выступите, а между тем, отчего Боже сохрани, провинциальному городу последует нападение бунтовщиков воров Башкирцев, то в таком случае во всем вы сами имеете отвечать. К госп. премьер-майору гр. Де Кастро Ласерда о вышепрописанном учинить по сему ея им. вел. указу Дек. 11 д[ня] 1773 г.» [27, с. 33–34]. Но команда премьер-майора де Кастро-Ласерде проследовала дальше, к Оренбургу. 29 декабря Веревкин вновь обращается к Деколонгу с отчаянной просьбой о присылке дополнительной воинской команды: «Ежели оной воинской команды от вашего высокопревосходительства мне пожаловано не будет, то в таком случае неминуемой подвержен буду напасти и ежели, отчего Боже сохрани, провинциальный город будет разорен, то уже вся Исетская провинция будет подвержена бедствию и всей гибели» [Там же, с. 28–29]. 28 декабря воевода, в письме князю Вяземскому, просит: «Крайне нужно прислать в провинцию, как наивозможно скорее, из господ генерал-майоров, на котором бы необходимо и лента была. Ваше сиятельство довольно изволите знать здешний народ, в грубости и легкомыслии погруженный, а особливо казаков, которые от их командиров совсем избалованы и вольны и ни в какую службу не способны, а на всякое зло предприимчивы. При всем том знатных одних генералов, кои имеют на себе орден, чтут и боятся» [31, с. 217].

Поскольку все призывы о помощи оставались без ответа, то воевода, очевидно, при поддержке

городской ратуши, задержал в городе артиллерийскую команду поручика Федора Пушкарева, которая также следовала через Челябинск. В рапорте Деколонгу Веревкин писал: «нашелся, сверх постоянного желания своего, данное повеление не исполнить и помянутую артиллерию с ея припасами оставить здесь в Челябинске... Ибо ваше высокопревосходительство, так велико зло, что ежели по отпуске из города артиллерии, хотя один казак из злодейской толпы сюда ворвется, то может предать в злодейския руки все население города, состоящее из казаков и крестьян» [82, с. 37].

5 января, после заутрени, группа челябинских казаков в 200 человек захватила пушки, стоявшие напротив воеводского дома, затем толпа ворвалась в воеводский дом, где кроме самого Веревкина находились регистратор Афанасий Колесников, пожилая вдова бывшего до 1768 года прокурором Исетской провинции Гуляева и сестра следующего прокурора П. А. Благово — Анна Благово. Офицеры и солдаты артиллерийской команды и челябинской роты отбили у казаков и подкатив заряженные орудия к казачьей войсковой избе, под угрозой обстрела вынудили освободить пленников [82, с. 217]. После этого воевода обратился к Деколонгу с посланием, которое завершалось словами: «... от вашего высокопревосходительства всепокорно прошу для спасения погибающего теперь провинциального города Челябинска и чрез то соблюдения всей провинции пожаловать особою своею с военною командою сюда немедленно прибыть и возстановить тишину: равным образом и для правления провинции прислать из господ бригадиров или полковников. Я за многими смертельными побоями и ранами править не в состоянии, а товарищ мой господин коллежский ассесор Свербеев нечаянным случаем переломил ногу, отчего и поднесь болен» [27, с. 47–48]. Просьбу прислать ему на смену нового воеводу Веревкин повторил в рапорте от 18 января 1774 года [31, с. 222].

В городе сложилось шаткое равновесие: воинская команда, канцелярские служители, большинство посадских и цеховых, часть казаков оставались верны Екатерине II, часть казаков и крестьян либо открыто поддерживали Пугачева, либо находились в «шатости». Под стенами города стояли

отряды башкир, кроме того, хорунжий Невзоров «возмутил» казаков подгородных селений и во главе их отряда подъезжал к городским стенам, уговаривая часовых пустить его в город. 8 января к Челябинску подошел отряд атамана И. Грязнова, пугачевского полковника, и соединился с казаками Невзорова и башкирами. Пугачевцы осадили город и в тот же день напали на команду секунд-майора Фадеева в 27 человек, которую Сибирский губернатор Чичерин отправил в Челябинск для обучения рекрутов и организации набранных из крестьян «казаков». Один человек был убит, девять ранены, включая самого Фадеева. Вскоре к Грязнову примкнули крестьяне с Кыштымского и Каслинского заводов, а также тобольские казаки, перешедшие на сторону пугачевцев и убившие своего командира майора Чубарова. Всего войска, с башкирами, было до 5000 человек, при восьми орудиях. 10 января был предпринят штурм Челябинска, продолжавшийся пять часов, однако атаки были отбиты, причем был захвачен Невзоров. Допрошенный под пытками, он через 12 часов скончался [Там же] (см. рис. на с. 330).

13 января в Челябинск во главе отряда из двух полевых команд прибыл генерал Деколонг. Незадолго до его подхода, основные силы пугачевцев отошли к Чебаркульской крепости. В отношении вооруженных отрядов пугачевцев Деколонг практически ничего не предпринимал. Грязнов со своим отрядом вновь подошел к Челябинску. Как показал на допросе 31 января 1774 года один из пойманных крестьян, Калин Гряткин, Грязнов стоял на квартире у крестьянина Федора Сухоногова в деревне Першиной. Отряд состоял из 400 русских, при семи пушках, число башкир неизвестно. 1 февраля генерал Деколонг вывел свой отряд на бой против пугачевцев. К этому времени те успели занять выгодные позиции на высотах. В результате боя с одного холма мятежников отеснили, захватив два орудия и 180 пленных. Армейская команда потеряла убитым одного погонщика при лошадях. Грязнов отошел в Першино, его никто не преследовал.

Еще 19 января Деколонг сообщил воеводе Верекину, что «в рассуждение важных в Екатеринбурге обстоятельств, ему необходимо туда следовать... для соблюдения же города Челябинска от злодей-

скаго нападения он полагает оставить 300 рекрут Тобольских, так как из находящегося в его команде корпуса военных команд уделить не можно» [82, с. 54–55]. Губернатору Чичерину он писал: «Хотя бы в Челябине и надлежало оставить достаточный гарнизон, но по малости войск онаго уделить никоим образом было не можно» [31, с. 354]. Напомним, что речь шла о центре провинции (аналогичные центры — Уфа, Кунгур, Тобольск), а не о рядовой крепости. Кроме всего прочего, здесь находились казенные «магазинны» (склады), где хранились запасы, соли, зерна, вина (водки). Здесь находился архив с документами, касавшимися населения огромной территории. Но Деколонг, оправдывая свои действия тем, что ему поручено беспокоиться, в первую очередь о заводах, объявил об уходе в Екатеринбург.

В этих условиях воевода Верекин, его заместитель Свербеев и бургомистр Боровинский обратились к Деколонгу с «покорным рапортом»: «...мы с рекрутами трехстами человек и с малым числом граждан провинциального города Челябинска не только от злодейскаго нападения, но и от самых находящихся теперь здесь внутри города врагов казаков и всех крестьян удержать... одних суток совершенно... не в силах и не можем, а останемся только со всеми верноподданными на известную верную и неповинную оным злодеям жертву и всеконечное истребление. Того ради всенижайше и всепокорнейше просим... благоволите взять нас со всеми канцелярскими служителями и нужными ея императорскаго величества делами и денежною казною и верными гражданами с собою в Екатеринбург» [82, с. 55]. Деколонг «милостиво» согласился. 4 февраля на видных местах на улицах города были размещены объявления, где сообщалось: «...имея важные и справедливые резоны, должен оставить город, взяв с собою всех верноподданных и верно служащих ея императорскому величеству, идти внутрь провинции до Шадринска...» [31, с. 354]. Всем, кто собрался уходить с отрядом, предписывалось собраться, взяв с собой еды на день (!). 8 февраля отряд выступил из Челябинска. Вместе с ним уходили: провинциальная канцелярия с архивом, 192 человека посадских и цеховых, 162 казака, 11 офицеров, 207 рекрут, 1350 человек крестьян,

набранных Веревкиным во «временные казаки» [Там же, с. 355]. В данном случае учтены, судя по всему, взрослые мужчины. Если считать с семьями, то получится, что ушла большая часть населения города. Это вполне можно назвать исходом. Большую часть вещей, уходящие, естественно, оставили в Челябинске.

Дойдя до Окуневской слободы (сегодня село Окуневское Курганской области), Деколонг отправил челябинцев и провинциальную канцелярию в сторону Ялуторовска. 21 февраля 1774 года Исетская провинциальная канцелярия добралась до города Исетска [82, с. 64] (сегодня село Исетское Тюменской области). Здесь беженцы остановились, ожидая распоряжений от сибирского губернатора. Воевода Веревкин, оправившись от ран и побоев, полученных во время бунта казаков 5 января, отправился в Петербург, где был «взыскан милостями императрицы» — ему выдали денег на лечение и пожаловали имение в Псковской губернии. Тем временем в центре Исетской провинции, где после отступления Деколонга полностью хозяйничали пугачевцы, ситуация начала изменяться. Отряд Деколонга снял осаду бунтовщиков с Далматова монастыря. Правда до Екатеринбурга генерал так и не дошел. Пока он совершал эти маневры, отряд майора Гагрин с боями прошел путь от Кунгура до Екатеринбурга, по пути рассеяв башкирские отряды у Кыштымского завода. В начале апреля, когда Деколонг стоял в деревне Калмацкий Брод, отряд Гагрин, разбив по пути отряды бунтовщиков, вошел в Челябинск. Вскоре бургомистру и городскому голове Семену Боровинскому было сообщено, что «открылось время со всем челябинским купечеством ему ехать обратно в город» [68, с. 40].

Силами пугачевцев в Челябинске командовал полковник Василий Михайловский, который выступал как наказной атаман и в чьем подчинении находились казаки нескольких близлежащих крепостей и слобод. А центр снабжения пугачевской армии находился, очевидно, в Чебаркульской крепости [27, с. 101–104].

Оценка действий генерала Деколонга дана в одном из писем генерала А. И. Бибикова, командовавшего войсками, направленными на подавление пугачевского бунта, к Екатерине II от 15 марта

1774 года: «Странному поведению г[осподина] генерала Деколонга или лета его, или вкоренившаяся сибирская косность причиною: он по требованию Оренбургского губернатора и по моему сообщению не только ни мало не подвинулся к утесненному городу, или бы подал какую ему помочь, но быв в Верхояицкой крепости пошел назад по линии к Троицкой крепости, а оттуда в Челябинск. В Челябинске простоял без действия и наконец, не отогнав злодеев, взял воеводу и других с денежною казною, оставил город... Признаюсь, Всемилостивейшая Государыня! Я бы лучше желал, чтоб сей генерал на нынешнее время там не был, и если б можно было кого надежнейшего отправить, а его отослать, то бы весьма казалось было полезно» [130, с. 516].

Майор Гагрин с командой стояли в Челябинске, ожидая подхода гарнизонной части, которая бы их сменила. Однако генерал Деколонг, располагавшийся в деревне Калмацкий Брод, в 60 верстах от города, потребовал, чтобы Гагрин с отрядом выдвинулся к нему на соединение. Деколонг боялся, что Пугачев нападет на него. И хотя у генерала была команда из почти полутора тысяч солдат регулярной армии, с артиллерией, он потребовал, чтобы к нему присоединились отряд Гагрин и 12-я полевая команда. Гагрин был вынужден оставить Челябинск. В предписании майору Гагрину Деколонг сообщал: «Что касается до Челябы, которую по необходимости будто бы принужденно будет оставить, то как я прежними рапортами уверял и ныне повторяю: сей город ничего не стоит и нимало важного в нем не зависит, так как бы слобода себя содержит и понапрасну войска в нем будут находиться» [31, с. 23]. Челябинск был оставлен без защиты, поскольку 3 мая команда Гагрин ушла на усиление отряда Деколонга.

21 мая 1774 года в бою под Троицкой крепостью отряд генерала Деколонга разгромил армию Пугачева. У Пугачева было около 10 000 человек, у Деколонга 2500 регулярного войска. Сам Пугачев с небольшим отрядом едва успел уйти, преследователи не смогли его догнать из-за усталости лошадей [8, с. 94–95]. Это была единственная (не считая разгона восставших возле Далматова монастыря) победа Деколонга за все время «замятни», но она произвела огромное впечатление на всех жителей и солдат

огромного края, охваченного восстанием. Жители Челябинска, видимо, наконец поверили в то, что все закончится благополучно. Воевода Лазарев писал Деколонгу 23 мая: «Какая же в Челябине произошла от верноподданных ея императорского величества рабов радость, о том вашему высокопревосходительству к изъявлению не нахожу довольно способов, так что редко кто мог бы удержаться от пролития слез. Словом вы воскреситель нашей жизни» [82, с. 98]. Вообще оценка действий (точнее бездействий, как чаще всего их и оценивали) генерала Деколонга современниками была резко отрицательна. Генерал-аншеф А. Бибииков получил позволение императрицы на замену Деколонга, но в связи со скоростижной смертью, поставить на его место другого военачальника не успел.

Воеводой Исетской провинции вновь стал подполковник И. Лазарев. Он занимал этот пост в 1766–1768 годах, впоследствии был снят и отдан под следствие, как писали в письмах «за злоупотребления». В чем именно заключались эти проступки, сказать сложно. Возможно, это были последствия конфликта между воеводой Лазаревым и бывшим тогда прокурором Исетской провинции Гуляевым, которого воевода потребовал привлечь к ответственности за некие нарушения [21, с. 225–226]. Как бы то ни было, когда бунт стал стремительно набирать обороты, воевода Веревкин писал, обращаясь к князю Вяземскому: «...осмеливаюсь все-нижайше просить, дабы благоволили вверенной мне провинции, находящейся теперь в крайнем бедствии, скорую помощь показать присылкою воинской команды; равным образом прислать и для уговору башкирцев подполковника Лазарева, потому что оный башкирцами крайне любим и надеюсь на милость Божию, что оный сможет с успехом сию комиссию исполнить» [31, с. 241–242, сноска]. Командующий всеми войсками, направленными на подавление бунта, генерал-аншеф А. И. Бибииков писал 21 января 1774 года из Казани: «Господин Лазарев здесь; я сейчас с ним о деле усмирения Башкирцев говорил; охотно он приемлет на себя сию комиссию и требует чтоб отправлен был в Екатеринбург...» [22, с. 49–50]. Подполковнику Лазареву было обещано прощение прежней вины за хорошую службу. Ему был придан коллежский ассессор

Тоузаков и команда в 20 человек, выданы деньги и сабли на подарки знатым башкирам. Очевидно, миссию свою Лазарев выполнял если и не совсем успешно, то усердно, поскольку уже в апреле месяце выступал как воевода Исетской провинции.

Еще одна фигура, заслужившая за действия в период пугачевского восстания знака отличия от Екатерины II — бургомистр и городской голова Челябинска Семен Андреевич Боровинский. Генерал-аншеф А. Бибииков писал Екатерине II 2 марта 1774 года: «Всемиловитейше пожалованные шпаги... в Кунгур купцу Хлебникову и в Челябинск, бургомистру и городскому голове Семену Боровинскому при первом случае отправлю». То есть Боровинский был награжден за свои действия в декабре 1773 — январе 1774 года. До этого Семен Боровинский около десяти лет был бессменным бургомистром Челябинска. На эту должность он избирался и впоследствии, ежегодно, вплоть до 1781 года. Фигура яркая, самобытная, но здесь я ограничусь тем, что уже написал об этом человеке.

Захват Челябинска пугачевцами, разумеется, не прошел для города бесследно. Количество документов, рассказывающих о том времени невелико, но некоторые факты мы можем восстановить. Краткая характеристика ситуации дана в рапорте воеводы подполковника И. Лазарева в Сенат от 14 апреля 1774 года: «...в занятой от злодеев секунд-майором и ковалером Гагриным город Чилиябинск я 13 сего ж (апреля.— Г. С.) прибыл, оставя однако, надлежащую мне з бывшим воеводою господином статским советником Вериовкиным по провинции смену, а поруча оную учинить товарищу моему господину коллежскому ассессору Свербееву. И как сей город и з жителями в нем обитающими чрезвычайно найден мною злодеями разоренным, а оставленные в архиве производимые с начала заведения провинции разного рода дела все без остатку публично сожжены, и что настает вешнее время, а особливо еще сущая от злодеев опасность, то я до будущего усмотрения и способнаго времени провинции оставил быть в прежденазначенном месте, пригороде Шадринске, с поручением правления реченному товарищу моему. А сам находиться буду здесь в Чилиябинске для исправления... порученнаго мне

от его высокопревосходительства... Александр Ильича Бибикова дела» [91, д. 504, ч. 3, л. 294].

Была сожжена провинциальная канцелярия, вместе с оставшимися там документами. Вывезти все при уходе с Деколонгом просто не смогли. Очевидно, пострадали и другие здания в Челябинске, но свидетельств мы не имеем. Были сожжены некоторые мельницы, стоявшие на реке Миасс выше и ниже города. Некоторые из них так и не были восстановлены, другие получили вторую жизнь, но уже перестроенные новыми хозяевами. Уничтожение документов долго сказывалось на решении различных спорных вопросов, причем не самым лучшим образом. В архивных делах конца XVIII — начала XIX века часто встречается такая ситуация: суд запрашивал копию документа, который должен храниться в архиве провинциальной канцелярии, а ответ гласил, что таковой сторел в «бывшее замешательство».

Троицкую крепость накануне Пугачевского восстания описал П.-С. Паллас, побывавший здесь в августе 1770 года: «Крепость, в которой находится главное начальство всей Уйской и верхней Яицкой линии, довольно пространна. Она четырехугольна, укреплена деревянною стеною, по углам имеет раскаты и развалины, а по фланкам четыре башни, сверх же того снабжена довольною артиллерией, вром и рогатками. Публичныя в оном здании суть изрядная каменная соборная церковь положением на южной стороне, другая церковь деревянная, дом для главнокомандующего, палата канцелярская и несколько изрядных офицерских домов. Впрочем, кроме сих и дома таможенного директора и нескольких нововыстроенных купеческих домов нет больше хороших жильев, все же сии дома и прочие выстроены правильными улицами, коих названия по углам на черных досках означены» [65, с. 379].

Крепости Троицкой дистанции, и в первую очередь их население, испытали на себе все ужасы восстания. Уже в сентябре 1773 года связь между Оренбургом и Троицком прерывается — крепости к востоку от Оренбурга захвачены пугачевцами, Оренбург фактически окружен. Антон Адамович де Фейервар, как старший по чину и должности из офицеров Уйской линии и Верхояицкой дистанции по реке Яик (Урал) принимает решение о формиро-

вании корпуса из регулярных и нерегулярных частей для отправки на помощь Оренбургу. До поры Троицкая дистанция остается в стороне от основной арены событий, хотя спокойствия никакого не было — Чебаркульская крепость и Челябинск были взяты пугачевцами, башкиры, принимавшие самое активное участие в восстании, постоянно тревожили гарнизоны крепостей по Ую. В некоторых публикациях де Фейервара обвиняют в бездействии, в том, что он, имея 750 человек гарнизона, «отсиживался в крепости». Если внимательно посмотреть на приведенный выше список, то станет ясно, что 200 человек из них составляли школьники и отставные военнослужащие, то есть не самые боеспособные люди. Еще 170 человек — конфедераты — поляки, взятые в плен в ходе войны 1769–1774 годов (в данном случае — до 1773 года) и направленные в гарнизоны Оренбургской и Сибирской губерний. Но в условиях набиравшего силу бунта конфедераты, не питавшие особой любви к Российской империи, вовсе не горели желанием проливать за нее кровь. При первой же возможности они переходили на сторону пугачевцев. Именно так произошло в Оренбурге, и 170 человек потенциальных бунтовщиков скорее добавляли проблем коменданту Троицкой крепости, чем усиливали гарнизон. Таким образом, реально боеспособные солдаты составляли меньше половины от 750 человек.

Весной 1774 году Пугачев начинает терпеть ощутимые поражения. В конце марта его армия была разбита под Татищевой крепостью и Сакмарским городком [31, с. 291–304; 378–386], после чего сам Пугачев с небольшим отрядом бежал в Башкирию. Здесь он довольно много времени провел на Белорецком заводе, где занимался пополнением припасов и своей армии. Командование правительственной армии не знало, где именно находится самозванец. 5 мая, уже с отрядом в 5000 человек, Пугачев приходит под крепость Магнитную [31, с. 21–29]. Гарнизон Магнитной под командованием коменданта капитана С. К. Тихановского состоял из 100 солдат при десяти пушках [27, с. 106], при поддержке жителей, весь день отбивал приступы пугачевцев. Ночью повстанцы тихо подобрались под стены и разрушив деревянный заплот, окружавший крепость, ворвались внутрь. Как писал

генерал Деколонг: «...жителей же ея многих и особенно начальствующих всех истребил» [27, с. 107]. В это время командир Верхнеяизской дистанции и комендант Верхояизской крепости, полковник Е. А. Ступишин собрал в Верхояизской крепости гарнизоны из Уклы-Карагайской, Петропавловской и Степной крепостей [31, с. 31], опасаясь нападения Пугачева. Пугачев же двинулся на Уклы-Карагай. В Карагайской крепости оставалось лишь несколько отставных солдат, под началом прапорщика Вавилова. В этом положении Вавилов считал невозможным оборонять крепость и впустил пугачевцев. Те забрали припасы, лошадей и, угнав с собой население, дотла сожгли все строения [27, с. 108]. Отсюда Пугачев пошел на Петропавловскую и, далее, на Степную, крепости. Невзирая на то, что гарнизоны их почти полностью были отозваны в Верхояизскую крепость, оставшиеся военнослужащие оказали Пугачеву ожесточенное сопротивление — ни одну, ни вторую крепость он

«Крепость Верхояизкая:
 F. Земляная крепость. В. церковь. С. гоубвахта. D. караульные избы. Е. пороховые погреба. F. провианские магазейны. G. штабной дом. H. цейхаузы. I. крепость обнесена вокруг заплотом и рогатками. K. Казенное и собственное строение в корпусах. L. госпиталь. M. школа. N. кузницы. P. казенная конюшня, кою надлежит от жила перенести, когда оветшает, под литеру O. Q. Места впреть желающим строиться. Вновь прожектировано: R. крепость з земляным бруствером и рвом. S. крепостные ворота. T. гоубвахт. U. Госпиталь. V. пороховой погреб. W. артиллерийской арсенал. X. провианской магазейн. Z. соляной анбар. А. камендантская канцелярия.

В. питейной дом. С. Выход (подвал.— Г. С.). D. прожектированы корпуса для строения. 1773 году» [106, д. 1780].

Судя по плану, в 1773 году проектировалась перестройка Верхояизской крепости. Визировал проектный чертеж инженер-генерал Иоган Матиас Деркзен. Можно предположить, что модернизировать предполагалось все крепости. И вполне возможно, что приведенный выше план Троицкой крепости, который авторы «Русского градостроительного искусства» датировали 1740-ми годами, а мы 1750-ми, в действительности относится к этому же времени, и на нем отображена ситуация планируемой перестройки крепости

Взаимное ожесточение пугачевцев и защитников крепостей было очень сильно, в сражении под Троицкой крепостью, состоявшемся 21 мая солдаты отряда Деколонга не брали пленных. По словам одного из историков: «войска, будучи раздраженными варварскими приступами, не старались живых брать, но на месте, где бы ни попадались, то били до смерти» [Там же, с. 32]. В бою под Троицком Пугачев был наголову разбит, но, даже отступая после разгрома он быстро «обрастал» приверженцами и, уходя от правительственных войск, взял Нижне-Увельскую слободу (сегодня город Южно-уральск), Кичигинскую и Коельскую крепости [27, с. 112–112].

На пути к заводам, рядом с деревней Лягушиной, Пугачев встретился с командой полковника И. Михельсона. По описанию полковника, в отряде самозванца уже насчитывалось до 2000 человек: «Отшед дватцать верст (от Кундравинской слободы.— Г. С.) на выходе из лесу усмотрена была великая толпа людей, по самой моньшей мере две тысячи человек в поле, расстоянием от меня верстах в пяти. Я имев известие, что Пугачев разбит, никак себе не мог представить, чтоб сия толпа была Пугачева, а более думал, что идет корпус Его Высокопревосходительства господина генерал поручика и ковалера Деколонга, почему и послал разведать, а сам выбрав на выходе из лесу удобное место построился к бою» [104, д. 1239, л. 146]. В результате боя отряд Пугачева был разгромлен, но сам он бежав, с помощью башкир укрылся в их селениях. Как сообщает С. У. Таймасов, Пугачева укрыли башкирские старшины Байгаза Козямышев, Мансур Таймасов и Базаргул Юнаев — «сначала в деревне Байгазино на реке Миассе, потом на озере Аргази» [127, с. 121]. На озере Аргази Пугачева укрывали, скорее всего, в старой деревне Таймасовой, владении потомков Таймаса Шимова. Это было еще не окончание пугачевщины — вскоре были сожжены Чебаркульская крепость и Кундравинская слобода, Златоустовский, Саткинский и Симский заводы.

Последствия Пугачевского восстания Южный Урал переживал еще долго, восстанавливая сожженные деревни, разрушенные заводы, долго сказывалось отсутствие документов, сожженных составшими в захваченных крепостях и Челябинске.

Состояние крепостей Уйской линии описал в 1776 году инженер-подполковник И. Брамс. Приведем фрагменты его описаний: «Степная крепость имела свое укрепление деревянным заплотом, которое, как и строение в ней состоящее, бунтовщиком Пугачевым сожжено до подошвы... Уклы-Карагайская крепость имела свое укрепление деревянным заплотом и рогатками, которая также как Петропавловская и Степная злодеем Пугачевым выжжена без остатка» [105, д. 85, л. 5–7]. В 1778 году еще явственно ощущались последствия Пугачевского бунта. В инструкции за подписью П. Мансурова говорилось: «Все сии войски, по прибытии на места имеют господа дистаночные коменданты расположить применяясь учиненному прошлаго 1772 года расписанию... что ж принадлежит до разоренных крепостей и редутов, то между тем доколе оные по должности инженерной возобновляемы будут, в пристойных местах для разъездов и патрулей учредить в пристойном числе форпосты и пикеты, поруча башкирцов и мещеряков казачьим старшинам и казакам. В протчем во всем поступать вельть по тому прошлогоднему расписанию (то есть по расписанию 1772 г.— Авт.)» [101, д. 406, л. 3]. Спустя более трех лет после окончания восстания укрепления не были отстроены. Поселения подчас претерпели немногим меньшие разрушения — можно привести пример Азяш-Уфимского завода, который так и не был восстановлен [121, с. 70].

Пугачевское восстание показало необходимость изменений в государстве. Вскоре эти изменения наступили — началась так называемая губернская реформа Екатерины II.

Список источников и литературы

1. Азнабаев Б. А. Восстановление российского подданства башкир [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gumilev-center.ru/vozobnovlenie-rossiyskogo-poddanstva-bashkir-v-1722-g/>
2. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв.— феномен в истории народов Евразии. Уфа : Китап, 2016. 376 с.
3. Акманов И. Г. Башкирские восстания. Уфа : Китап, 1993. 224 с.
4. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа : Китап, 2009. 744 с.
5. Ахмаров Г. И. Тептяри и их происхождение // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Вып. 23. Казань, 1908. С. 340–364.
6. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа : Китап, 1997. 256 с.
7. Бусева-Давыдова И. Л., Крашенинникова Н. Л. Города-крепости // Русское градостроительное искусство : в 8 т. Т. 2. М. : Прогресс-традиция, 1995.
8. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в его прежнем состоянии до 1758 года : ист. моногр. : в 5 т. Т. 1. Казань, 1897. 300 с.
9. ГАГШ. Ф. 24. Оп. 1.
10. ГАГШ. Ф. 224. Оп. 1.
11. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 4.
14. ГАОО. Ф. 173. Оп. 11.
15. ГАПК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 111.
16. ГАПК. Ф. 297. Оп. 2.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.
18. ГАСО. Ф. 59. Оп. 7.
19. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб. : Изданием книгопродавца К. В. Миллера, 1776. 180 с.
20. Гмелин И. Путешествие по Сибири : машинопись // ЦИКНЧ. Д. НВ 711/1-2 А-667.
21. Грибовский В. М. Матерьялы для истории высшего суда и надзора в первую половину царствования Екатерины Второй. СПб., 1901. 273 с.
22. Грот Я. К. Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги Бибикова и Кара : прил. к 1 т. зап. имп. Акад. наук. № 4. СПб., 1862.
23. Дегтярев И. В. Основание крепости // Челябинск в разных измерениях. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1986.
24. Дегтярев И. В. Челябинская старина. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска, 1996.
25. Дело о самозванце Ф. И. Каменщикове-Слудникове (материалы по истории самозванчества и крестьянского протеста на Урале в середине XVIII в.) : сб. док. Екатеринбург : УрО РАН, 1992. 135 с.
26. Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Т. 2, ч. 2. М., 1902. 320 с.
27. Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907.
28. Добросмыслов А. И. Башкирский бунт в 1735, 1736, 1737 годах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 8. Оренбург, 1900. 150 с.
29. Доннели А. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. Страницы истории империализма. Уфа, 1995.
30. Дубман Э. Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005. 196 с.
31. Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг. По неизданным материалам : в 3 т. СПб., 1884.
32. Емельян Пугачев на следствии : сб. док. и материалов. М. : Яз. рус. культуры, 1997. 404 с.
33. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим рассказанная. СПб., 1892. 197 с.
34. Иофа Л. Е. Города Урала : в 2 ч. Ч. 1: Феодальный период. М. : Географгиз, 1951. 422 с.
35. История башкирского народа : в 7 т. Т. 3. Уфа, 2011. 476 с.
36. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века / И. Г. Акманов, Н. М. Кулбахтин, А. З. Асфандияров и др. ; под ред. И. Г. Акманова. Уфа : Китап, 2007. 488 с.
37. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков : в 10 т. Т. 3: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / сост., транскр. скорописи XVIII в., историогр. очерк и коммент. И. В. Ерофеевой. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 493 с.
38. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2001.
39. Корепанов Н. С. Горная власть и башкиры [Электронный ресурс]. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110g2.htm>
40. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара ; Челябинск, 2008. 479 с.
41. Кулбахтин И. Н., Кулбахтин Н. М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа : Китап, 2005. 272 с.
42. Лингвистическое краеведение на Южном Урале : в 2 ч. Ч. 2. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001.
43. Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII — первая половина XIX века. Екатеринбург : Сократ, 2011. 288 с.
44. Материалы по истории Башкирской АССР : в 3 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 631 с.
45. Материалы по истории Башкирской АССР : в 3 т. Т. 3. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 783 с.
46. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 2. № 127/IV [Электронный ресурс]. URL: <http://ufagen.ru/node/29490>
47. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Управление Оренбургским краем. Ч. 2. М., 1956.
48. Материалы по истории Башкортостана. : в 6 т. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 1730-х годов / авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Уфа : Китап, 2002.
49. Материалы для истории Сибири // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Разд. Смесь. Кн. 3. М., 1866.
50. Меншиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии : монография. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 200 с.

51. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1772. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1772. 229 с.
52. Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. Т. 3. М. : Вост. лит., 2005. 598 с.
- 52а. Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. 269 с.
53. Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. 269 с.
54. Новикова О. В., Самигулов Г. Х. Маркеры социальных идентичностей в мужской одежде русского сельского населения Южного Урала в XVIII — начале XX века // Народный костюм в Сибири : сб. материалов конф. Новосибирск, 2017. С. 273–277.
55. ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1.
56. ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1.
57. ОГАЧО. Ф. И-63. Оп. 1.
58. ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1.
59. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1.
60. ОГАЧО. Ф. И-170. Оп. 1.
61. ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1.
62. ОГАЧО. Ф. И-211. Оп. 1.
63. ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1.
64. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 3 т. Т. 2, кн. I. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1786. 476 с.
65. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 3 т. Т. 2, кн. 2. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1786. 571 с.
66. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. Уфа : УНЦ РАН, 1993. 250 с.
67. Плотников Г. С. Очерки истории бедствий Далматовского монастыря и частию края с 1644 по 1742 год // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Генварь — март. Кн. 1, разд. 5: Смесь. М. : В унив. тип., 1863.
68. Плотников Г., прот. Далматовский монастырь в 1773–1774 гг., или Пугачевский бунт // Чтения в Имп. о-ве истории и древностей. Вып. 1. М., 1859.
69. Под стягом России : сб. арх. док. М. : Рус. кн., 1992. 432 с.
70. Поздеев В. В. Исетские казаки (к вопросу о времени возникновения термина // Челябинск неизвестный : краевед. сб. Вып. 1. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска, 1996. С. 177–184.
71. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест уралосибирских крестьян старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 395 с.
72. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 7: 1723–1727 гг. СПб., 1830. 941 с.
73. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 9: 1733–1736 г. СПб., 1830. 1026 с.
74. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 10: 1737–1739 гг. СПб., 1830. 998 с.
75. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 11: 1740–1743 гг. СПб., 1830. 991 с.
76. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 12: 1744–1748 гг. СПб., 1830. 963 с.
77. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 13: 1749–1753 гг. СПб., 1830. 960 с.
78. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 17: 1765–1766 гг. СПб., 1830. 1137 с.
79. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 18: 1767–1769 гг. СПб., 1830. 1040 с.
80. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 19: 1770–1774 гг. СПб., 1830. 1087 с.
81. Порталь Р. Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. Уфа, 2005.
82. Пугачевщина в Сибири. Очерк по документам экспедиции генерала Деколонга. Составил А.И. Дмитриев-Мамонов. М., 1898.
83. Пузанов В. Д. В. Н. Татищев и зауральский поход 1736 г. // Третьи Татищевские чтения : тез. докл. и сообщений, г. Екатеринбург, 19–20 апр. 2000 г. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2000. С. 70–72.
84. Пузанов В. Д. Военно-политические факторы колонизации Приисетья. Шадринск : Исеть, 2001. 46 с.
85. Пузанов В. Д. Исетское казачество в XVIII в. // Пермский регион: история, современность, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. Березники, 2001. С. 134–139.
86. Пузанов В. Д. В. Н. Татищев и строительство Уйской линии // Четвертые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщений, г. Екатеринбург, 18–19 апр. 2002 г. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2002. С. 192–194.
87. Пузанов В. Д. В. Н. Татищев и башкирское восстание 1735–1736 гг. // Пятые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщений, г. Екатеринбург, 22–23 апр. 2004 г. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2004. С. 335–339.
88. Рамазанова Д. Б. Западноприуральский диалект татарского диалектного языка [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.antat.ru/upload/ramazanova/voprosi_dialektologii.pdf
89. Рахимов Р. Н. Тептяри Башкирии в XVII — 60-е гг. XIX в. (социально-экономическое развитие) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1993. 17 с.
90. РГА ВМФ. Ф. 23. Оп. 1.
91. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1.
92. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1.
93. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1.
94. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3.
95. РГАДА. Ф. 248. Оп. 5.
96. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7.
97. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17.
98. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22.
99. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160.
100. РГАДА. Ф. 271. Оп. 3.
101. РГАДА. Ф. 429. Оп. 1.
102. РГАДА. Ф. 613. Оп. 1.
103. РГАДА. Ф. 614. Оп. 1.
104. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1.
105. РГВИА. Ф. 349. Оп. 1.
106. РГВИА. Ф. 349. Оп. 10.
107. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1.
108. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Издание Оренбургского губернского статистического комитета. Оренбург, 1896. 99 с.
109. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренб. отд. ИРГО, 1887. 405 с.
110. Самигулов Г. Х. Некоторые аспекты формирования русского населения Зауралья XVII–XVIII вв. (попытка комплексного подхода на примере населения Челябинской крепости) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии : сб. науч. тр. Вып. 3, ч. 2. М. ; Сыктывкар, 2005. С. 127–140.

111. Самигулов Г. Х. Миражи неслучившегося (о Челябинском остроге, Александровской слободе и других исторических мороках) // Челябинск неизвестный : краевед. сб. Вып. 4. Челябинск, 2008. С. 347–357.
112. Самигулов Г. Х. Построены в 1736 г. // Челябинск неизвестный : краевед. сб. Вып. 4 / сост. и науч. ред. В. С. Боже. Челябинск, 2008. С. 6–29.
113. Самигулов Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Чебаркуль ; Челябинск : Книга, 2011. 280 с.
114. Самигулов Г. Х. Челябинск — рождение города // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. Вып. 47. Сер. История. № 23 (238). С. 66–74.
115. Самигулов Г. Х. Территория Сафакулевского района в XVII — начале XIX века // Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) : монография [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Маслюженко. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. URL: http://if.kgsu.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=7&Itemid=38
116. Самигулов Г. Х. «Живая» память о слободах, которых не было // Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 42–45.
117. Самигулов Г. Х. Из истории Челябинска : в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год / науч. ред. д-р ист. наук А. Д. Таиров. Челябинск : Камен. пояс, 2015. 140 с.
118. Санкт-Петерб. вед. 1764. 5 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://ved.infotec.ru/?r=101&id=22792&f=2> (дата обращения: 05.04.2015).
119. Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе // Чтения в обществе истории и древностей российских. Т. 158, кн. 3. СПб., 1891.
120. Сафонов Д. А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург, 2003. 66 с.
121. Свистунов В. М., Меньшенин Н. М., Самигулов Г. Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск : Обл. дом печати, 2007. 224 с.
122. Сенатский архив. Т. 6: Журналы и определения правительствующего Сената 1744–1746 гг. СПб., 1893. 842 с.
123. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. (Опасъ — Отрабатыватися) / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М. : Наука, 1987.
124. Смирнов Ю. Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII — середина XIX века) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.
125. Стариков Ф. М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1881. 264 с.
126. Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. М., 1891.
127. Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. 376 с.
128. Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М. : Наука, 2009. 344 с.
129. Тарасов Ю. В. Русская крестьянская колонизация Южного Урала, вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М. : Наука, 1984. 175 с.
130. Труды Я. К. Грота : в 5 т. Т. 4: Из русской истории: исследования, очерки, критические заметки и материалы. 1845–1890. СПб., 1901.
131. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 458. Л. 1–1 об.
132. Устюгов Н. В. Башкирское восстание. 1737–1739 гг. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 154 с.
133. Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черномозцев. Челябинск : Камен. пояс, 2001.
134. Челябинская старина: Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Вып. 9. Челябинск, 2008.
135. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Оренбург : Иждивением Ученого к-та М-ва гос. имуществ, 1859. 472 с.
136. Чернавский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем : в 2 ч. Ч. 1. Оренбург, 1900. 351 с.
137. Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. Кн. 3: Июль – сентябрь. М., 1866. 792 с.
138. Чтения в Обществе истории и древностей российских. Вып. 1, разд. 5: Смесь. М., 1859.
139. Шишонко В. Пермская летопись. 1263–1881 гг. Пятый период: 1682–1725 г. Часть третья: 1702–1715 гг. Пермь : Тип. Перм. зем. управы, 1887. 644 с.
140. Якупов Р. И. Тепляри: Историко-этнологические очерки (к проблеме генезиса этничности). М. : Старый сад, 2001. 270 с.

К весне. Челябинская область. Апрель 2019 года.
Фото: В. Шаранов

История Южного Урала

6
ТОМ
глава
9

ОТ
ГУБЕРНСКОЙ
РЕФОРМЫ
до середины
XIX века

Глава 9. ОТ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ до середины XIX века

В 1775 году Екатериной II была начата так называемая губернская реформа. Нашего края она в полной мере коснулась лишь в 1780–1781 годах. Осенью 1780 года в Челябинск приехал Евгений Петрович Кашкин. Приезд его был не простой формальностью, еще в мае 1780 года генерал поручику Евгению Петровичу Кашкину был прислан императорский указ из 1-го департамента Сената, в котором говорилось: «Предполагая в будущем, 1781 году устроить Пермское наместничество по образу, в Учреждениях наших от 7 ноября 1775 года предписанных, повелеваем: нашему генерал-поручику Евгению Кашкину определяемому в должность генерал-губернатора Пермского, объехать места, назначаемые к составлению сего наместничества» [14. д. 7, л. 1]. Если Е. П. Кашкин был будущим генерал-губернатором, причем и пермским, и тобольским, то генерал-майор Иван Варфоломеевич Ламб был назначен правителем Пермского наместничества, или просто губернатором.

Указ о создании («открытии») Пермского наместничества, в состав которого включался и Челябинский уезд, вышел 27 января 1781 года [39, № 15.112, с. 21–22]. Но, как мы видим, подготовка к созданию нового наместничества началась загодя. Изменения должны были коснуться и Челябинска. Если прежде он был городом провинциальным, то

есть центром Исетской провинции, то теперь должен был стать городом уездным или центром Челябинского уезда. Но Челябинского уезда как административной единицы еще не существовало, его только предстояло сформировать или выделить из бывшей Исетской провинции [53]¹.

Еще до приезда в Челябинск, в августе 1780 года, Евгений Петрович направил в Исетскую провинциальную канцелярию «предложение»: «По получении сего имеет она канцелярия послать от себя нарочного на Уйскую крепость, с одной на Ялдяйскую (Елдяцкую.— Г. С.), а оттуда на пригородок Осу и приказать лежащие по дороге и в правую руку от дороги селы и деревни Уфимского уезда описывать, с показанием о каждом селе или деревне и какое число душ, каких наций, на каком окладе и к какому месту по оброку или по работе приписаны» [14. д. 7, л. 13]. Из документа видно, что будущий генерал-губернатор предполагал включить

1

Мы зачастую пишем, что в состав Исетской провинции входило пять уездов, не считая Челябинского, и это верно, только Челябинский уезд, в отличие от Шадринского или Куртамышского, не имел своей администрации и т. д. Фактически Челябинским уездом до 1781 года называли ту территорию Исетской провинции, которая не входила в состав Шадринского, Исетского, Окуневского, Куртамышского и Мехонского дистриктов (уездов). Находилась эта территория под прямым управлением провинциальной канцелярии. В предыдущей главе было показано, что территория Челябинского уезда, которая в подписях к карте названа «Исетской провинции уездом», гораздо больше по площади, чем остальные пять дистриктов вместе взятые.

в планируемое Пермское наместничество чуть ли не половину Оренбургской губернии — Елдяцкая крепость и «пригородок» Оса относились к Уфимской провинции и находились к западу от Уральского хребта. Евгений Петрович требовал от челябинских чиновников, чтобы они организовали сбор информации на территории, им не подчиняющейся. Исетская провинциальная канцелярия ответила ему в «Репорте» от 10 сентября, что возможности выполнить «предложение» нет и без указа Оренбургского губернатора приступать к этому «смелости не имеет» [14, д. 7, л. 14].

Из дальнейшего текста документа становится понятно, почему провинциальная канцелярия не спешила выполнять рекомендацию (а фактически приказ) руководителя будущего наместничества. Оказывается, практически одновременно с «предложением» Е. П. Кашкина в Челябинске было получено «повеление» Оренбургского губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа, где тот писал: «... входя в состояние обитающих в сей провинции народов рассудил в сей провинции сделать следующий раздел: поставляя живую гранью реку Мияс на таком основании, чтоб Шадринск и Челябинск, с лежащими по течению Мияса на левой стороне до вершины реки Уфы, отделить к Екатеринбургской области со всеми обитающими кроме башкирцев и мещеряков; а по правую сторону оставить по-прежнему в Оренбургской губернии» [Там же, л. 15]. Оренбургский губернатор решил сразу обозначить будущую западную границу Пермского наместничества в Южном Зауралье — реку Миасс.

Разумеется, Рейнсдорп поставил в известность о своих предложениях не только Исетскую провинциальную канцелярию, но и генерал-губернатора будущего Пермского наместничества [16, д. 426, л. 3–4]. Насколько можно судить, Е. П. Кашкин согласился с таким вариантом разграничения. В начале октября 1780 года он подписал ордер, выданный шихтмейстеру Раздеришину на составление описания Челябинского уезда. В ордере были прописаны границы территории, которую следовало описать: «...имеете из Шадринска отправится на Теченскую слободу, из которой через Пещанскую в Карачельскую... из Карачельской слободы имеете следовать вверх по реке Миясу до самых вершин, где жило

Портрет Е. П. Кашкина

имеется и описывать лежащие на оной селения... от вершины Мияса, примерно от того места, где на ландкарте показано озеро Аргазы, имеете взять линию на вершины речки Уфы, которую несколько прошедши поворотить направо, на Каслинский завод, которого и Каневского острогу дачи включая в Челябинскую округу, присоединить к Теченской слободе, каковою линиею назначаемый Челябинский уезд заканчивается» [14, д. 7, л. 50–53]. 27 октября 1780 года Александр Раздеришин рапортовал Е. П. Кашкину, что карта и описание составлены [Там же, д. 7, л. 55–56]. К сожалению, пока что эти документы (карта и описание) не выявлены в архивах.

Оформляя границы Челябинского уезда по реке Миасс, Евгений Петрович, видимо, все же не упускал из виду ту часть Исетской провинции, которая оставалась за границами намечаемого Пермского наместничества — 27 октября того же 1780 года он написал бургомистру Челябинска Семену Андреевичу Боровинскому, запросив сведения о числе дворов и душ в селениях, расположенных между

реками Миасс и Уй [14, д. 7, л. 67–68]. Боровинский отправил ему рапорт с требуемой информацией, но пояснил, что данные по башкирским селениям приведены приблизительные. А весной 1781 года генерал-майор И. В. Ламб отправил унтер-шихтмейстера Чемезова описывать селения между реками Миасс и Уй, а также крепости по Ую, от Верх-Уйской (то есть Уйской) до Звериноголовской [14, д. 7, л. 98–99]. Чемезов 2 июня доложил о выполнении поручения. Примечательно, что в 1780 году был составлен атлас крепостей Оренбургской линии с фиксацией их текущего состояния, и планы Уклы-Карагайской, Степной, Петропавловской и Уйской крепостей там отсутствуют — сразу после Верхоуральской идет план Троицкой крепости [49, л. 47–49] (см. рис. на с. 348–349).

19 июня губернатор Ламб сообщил Евгению Петровичу Кашкину о рапорте из Исетской провинциальной канцелярии, к которому были приложены предложения Оренбургского губернатора князя Матвея Афонасьевича Хватулова. В Оренбурге получили указ Сената об учреждении Пермского наместничества, и, как сообщал воевода Исетской провинции, «его сиятельство (князь Хватулов. — Г. С.) отказывается совсем от команды над сею провинциею», поскольку Исетская провинция отведена к новому наместничеству [14, д. 7, л. 113]. Воевода Хвостов писал И. В. Ламбу, что теперь они по всем вопросам будут адресоваться к нему. Ламб, в свою очередь, отказывался от руководства этой провинцией, поскольку в Перми еще не было создано никаких учреждений, и наместничество не было «открыто» [Там же, л. 113]. Но уже в сентябре того же года «правлящий должность губернатора учреждаемого Пермского наместничества» генерал-майор И. В. Ламб предписывает Исетской провинциальной канцелярии провести выборы поверенных от населения уезда [Там же, д. 6, л. 58–60]. Начинается формирование новых уездов и самого Пермского наместничества. Очень похоже, что в результате административной неразберихи вновь созданный Челябинский уезд включил в себя значительную часть бывшей Исетской провинции. Что именно входило в состав нового уезда, описано ниже.

Уездные города Южного Зауралья

Итак, 27 января 1781 года вышел указ об образовании Пермского наместничества, в состав которого включался и Челябинский уезд [39, № 15.112, с. 21–22]. «Открыть» новое наместничество предполагалось к ноябрю 1781 года. Соответственно Челябинск стал из провинциального города городом уездным. На самом деле, до октября — ноября 1781 года Челябинск жил в своеобразном «переходном» состоянии. С одной стороны, первое время продолжали существовать и действовать старые управленческие структуры Исетской провинции, с другой — постепенно происходило формирование нового управления, соответствующего статусу центра уезда. Точнее, почти до самого конца 1781 года особых изменений не происходило — в Челябинске продолжала действовать Исетская провинциальная канцелярия, только подчинялась она теперь как Оренбургу, так и Перми. Причем провинциальная канцелярия оставалась не просто формально — она продолжала выполнять свои функции, как управленческие, так и судебные. В 1781 году во главе Исетской провинции находился воевода надворный советник Николай Михайлович Хвостов, его помощником был Иван Васильевич Свербеев, прокурором — Иван Васильевич Ашитков, секретарями: губернским — Никита Кондаков, провинциальным — Андрей Мисаилов² [21, с. 369].

Создание новых органов управления, судя по всему, было единовременным: в конце ноября в Челябинске была создана нижняя расправа — суд, занимавшийся делами по преступлениям, совершенным в уезде. Ратуша была преобразована в магистрат — суд для городских сословий. Судя по дате на титуле описи дел ратуши, составленной для передачи в архив, магистрат был создан не позже 29 ноября 1781 года [37, д. 4, л. 1]. В одном из дел Челябинского городского старосты 1781 года указ от 14 декабря подписан уже челябинским магистратом, а более ранние — ратушей. При этом бургомистр остался тот же — Семен Боровинский, как и канцелярист Дорофей Рышков [29, д. 14, л. 9, 11].

2

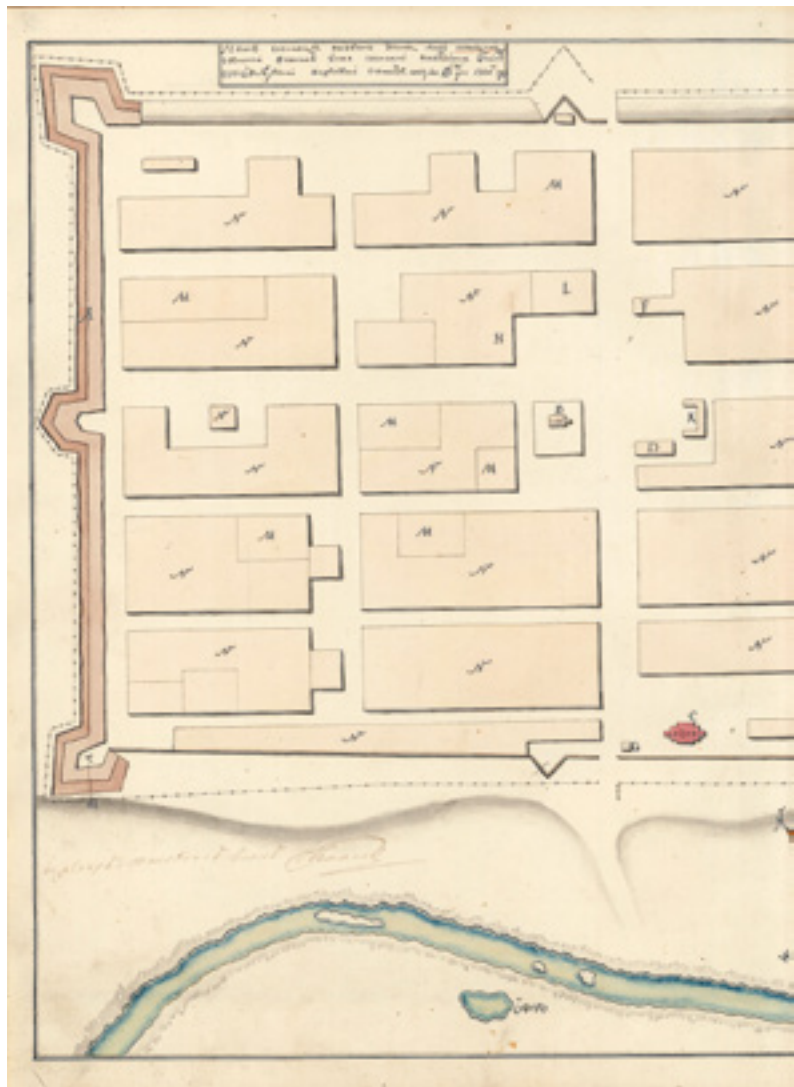
Андрей Мисаилов в 1766 году избирался депутатом уложенной комиссии от города Челябинска [18].

Печать Челябинского городского магистрата. Это печать уже периода Уфимского наместничества — в верхнем поле герба изображена куница (как на гербе Уфы)

Первое дело нижней расправы было датировано 2 декабря 1781 года, а расправным судьей был секунд-майор А. Воинов, который одновременно занимал должность челябинского городничего [14, д. 50, л. 16, 38, 64]. Можно предположить, что сформированы магистрат и нижняя расправа были практически одновременно. И по времени это, очевидно, совпадало с прибытием в Челябинск первого городничего — секунд-майора Сергея Андреевича Воинова. В этот же год в Челябинске был учрежден уездный земский суд [33, д. 1, 2] — высший орган судебной власти в уезде. При этом происходила постепенная передача дел от старых структур новым. Я уже упоминал о том, что в деле из фонда городского старосты за 1781 год распоряжения ратуши просто сменяются распоряжениями магистрата. Часть дел, которые вела нижняя расправа, были начаты еще Исетской провинциальной канцелярией [36, д. 1, 4].

В 1782 году был издан «Устав благочиния, или полиции», который регламентировал деятельность полиции и определял роль городничего в этой деятельности. Едва пошел процесс реорганизации системы управления уездом (практически значительной частью бывшей провинцией) и городом, как последовало распоряжение о передаче Челябинского уезда из Пермского наместничества в состав Уфимского наместничества. Указ Сената о переходе Челябинска с уездом датирован 23 декабря 1781 года [39, № 15.307, с. 365], в Пермском наместничестве он был получен 10 февраля 1782 года [14, д. 50, л. 22]. Затем в Челябинск присла-

ли нового городничего, уже от Уфимского наместнического правления, — секунд-майора Ивана фон Швейхгофера (в документе Пермского наместнического правления он назван Штейнговерном) [14, д. 50, л. 38]. Указом, которым фон Швейхгофер назначался на должность городничего, не предусматривалось, что он станет еще и расправным судьей (то есть судьей нижней расправы) [Там же, л. 56] — С. А. Воинов передал судейские дела заседателям и секретарю нижней расправы [Там же, л. 69].

В 1782–1783 годах решался вопрос о новых границах Челябинского уезда. Летом 1782 года была создана совместная комиссия по межеванию границ, куда входили представители от Пермского и Уфимского наместничеств. Комиссия довольно долго не могла прийти к решению, устраивавшему

План состоящей на Верхней Уйской линии Троицкой крепости, в каком она находится, учинен при Оренбургской инженерной команде, августа 13-го дня 1780-го года. Эхпликация: А — крепость обнесена з двух сторон заплотом и рогатками, а з других двух сторон рвом и валом. Церкви: В — деревянная, С — каменная,

D — бывшая полковая церковь. E — пороховой погреб; F — гоубвахт; G — кардегардия; H — гостиный двор; I — магазейны; K — канцелярия; L — каменданской дом; V — казенные ветхие штаб и обер-афицерские дома; N — обывательское строение. Инженер-полковник Исак Браамс

по реке Уй. Челябинский уезд представлял собой очень большую территорию, не уступавшую территории современной Челябинской области. Но вскоре ситуация изменится.

В 1782 году был создан Челябинский городской сиротский суд [30, д. 1], который ведал делами опеки над имуществом сирот до достижения ими совершеннолетия. В будущем, после учреждения должности городского головы, он будет выполнять функции руководителя сиротского суда. Помимо этого в Челябинске был словесный суд, он решал вопросы имущественных претензий на небольшие суммы. В 1783 году в Челябинске создается вторая нижняя расправа [33, д. 38, л. 1–1 об.]. В отличие от первой она должна была заниматься преступлениями, совершенными представителями нерусского населения уезда. В заседатели этого суда были переведены из состава первой расправы тамошние заседатели Адилша Азаматов и Малик Арыков. В тексте указа из Уфимского наместнического правления было сказано: «В Челябинске... ныне будут уже две расправы, одна для государственных крестьян и протчих податных народов, другая для башкирцов и мещеряков» [33, д. 38, л. 7 об.]. Необходимость такого судебного учреждения была вполне понятна — количество башкир и мещеряков на территории уезда было достаточно велико, соответственно и положенный по закону суд, который бы занимался рассмотрением дел, касающихся их проступков, должен был быть создан.

В апреле 1785 года утверждена Екатериной II «Грамота на права и выгоды городам», иначе именуемая «жалованной грамотой городам» или просто «городовым положением». В составе этой грамоты содержалось 14 разделов: «Городовое положение», «О городских обывателях. Установление общества градского, и о выгодах общества градского»,

обе стороны. Окончательно все было определено уже в июле 1783 года. Теперь восточной границей уезда стала река Теча в ее верхнем и среднем течении. Каслинский, Кыштымский заводы отошли в ведение Екатеринбургского уезда, а территории между Течей и Синарой — к Далматовскому, а позже Шадринскому уезду. Взамен Челябинскому уезду были переданы слобода Окуневская и село Воскресенское с деревнями [Там же, д. 7, л. 327–328], Куртамышская, Каменская и Пещанская слободы [Там же, д. 69, л. 368–369 об.]. Кроме того, в состав уезда на 1783 год входили Кундравинская, Верхне-и Нижнеуевельские, Чумлякская слободы, Златоустовский, Саткинский и Миасский заводы [Там же, л. 466–469, 475], а также Миасская, Чебаркульская, Еткульская, Коельская крепости и крепости

А.

Примѣрный статутъ градскаго благочинія или Полиции.

1.

Учрежденіе Управъ благочинія. Въ каждомъ городѣ благочиніе поручается единому мѣсту, которое въ каждомъ городѣ учреждается подъ названіемъ: *Управа благочинія или полицейская.*
2.

О присутствующихъ. Въ Управѣ благочинія засѣдаютъ Городничій и засѣдаютъ Приставъ уголовныхъ дѣлъ, Приставъ гражданскихъ дѣлъ и два Ратмана.
3.

Опредѣленіе въ столицѣ Полицей-мейстера. Въ столицѣ опредѣляется Полицей-мейстеръ, которому подъ Оберъ-Полицей мейстеромъ и выше Приставовъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ засѣдать въ Управѣ благочинія.
4.

Опредѣленіе Городничихъ по городамъ, гдѣ находятся Оберъ-Комманданты. Въ городахъ, гдѣ находятся Оберъ-Комманданты, опредѣляется Городничій, которому подъ Оберъ-Коммандантомъ и выше Приставовъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ засѣдать въ Управѣ благочинія.
5.

О раздѣленіи города на частіи. Дѣлмъ благочиніе въ городѣ порядочно могло бытъ опираваемо, полагается, смотря на мѣстоположеніе или обширность, городъ раздѣлять на двѣ или болѣе частей.
6.

Какое число домовъ примѣрно полагается въ частіи. Въ частіи города полагается примѣрно ошъ двухъ сотъ до семи сотъ дворовъ.
7.

Опредѣленіе частнаго Пристава. Въ каждой частіи города опредѣляется частный Приставъ.
8.

Опредѣленіе судей Словеснаго суда по частямъ города. Въ каждой частіи города опредѣлить одного или болѣе судей Словеснаго суда изъ гражданъ.
9.

О раздѣленіи части на кварталы. Часть города раздѣлять на два или болѣе кварталы.

«Наставление для сочинения и продолжения городской обывательской книги», «Доказательства состояния городских обывателей», «О личных выгодах городских обывателей, среднего рода людей или мещан вообще», «О гильдиях и гильдейских выгодах вообще», «О первой гильдии», «О второй гильдии», «О третьей гильдии», «О выгодах цеховых», «О иногородних и иностранных гостях», «О выгодах именитых граждан», «О городских доходах», «О городской общей думе и о городской шестигласной думе» [40, № 16.187].

Именно на основании этого документа впоследствии обустроивалась жизнь городов Российской империи. Избирательным правом пользовались городские жители («мещане»), достигшие возраста 25 лет и имеющие капитал, процент с которого составлял не менее 50 рублей (ст. 49). В городе должны были быть общая и шестигласная думы. В общую выбирали своих представителей «настоящие городские обыватели», гильдии (каждая), цехи (опять же каждый), «иногородние и иностранные гости» (то есть купцы), именитые граждане и посадские. Избирать должны были представители каждой группы от каждого квартала (ст. 156–162). Слово «квартал» в ту пору имело несколько иное значение, чем сегодня, тогда это была большая часть города. В Челябинске существовало деление на «части», а не на кварталы. всего в городе конца XVIII — начала XIX века было три части. Итак, если в общей городской думе могло быть по несколько представителей от каждой категории избирателей, то в шестигласную входило по одному гласному от каждой из них, и избиралась шестигласная дума общей городской думой (ст. 164–165), возглавлял и ту и другую городской голова. Городского голову, думу и городской магистрат с двумя бургомистрами и двумя ратманами избирали на три года (ст. 31, 32). Председательствовать в сиротском суде должен был городской голова, а заседать — два члена магистрата и городской староста (ст. 47).

Купцы разделялись на три гильдии: в первую мог записаться человек, капитал которого составлял от 10 до 50 тысяч рублей, во вторую — с капиталом от 5 до 10 тысяч рублей, в третью — от 1 до 5 тысяч рублей. С купцов взимался не подушный налог, а 1 % с объявленного капитала. Срок пребывания

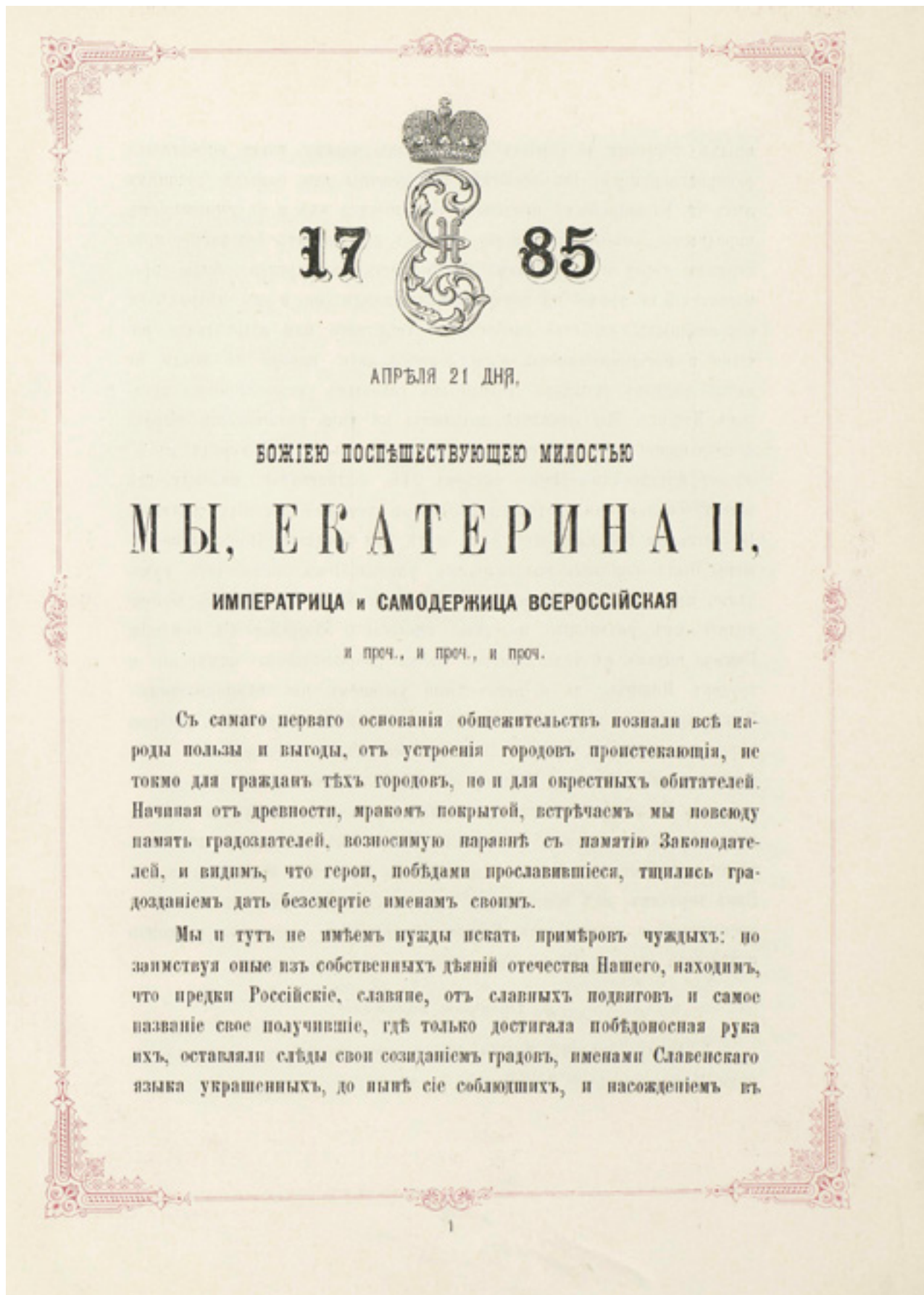

Печать Челябинской городской думы с надписью «Челябинского градского общества»

Форма чиновников Уфимского наместничества

Начальная страница «Грамоты на права и выгоды городам», подписанной Екатериной II 21 апреля 1785 года. Издание 1885 года

составлял год — с 1 января по 1 января следующего года. Если по истечении этого срока купец не подтвердил наличие у него необходимой суммы и не внес процентные деньги, он автоматически переходил в мещанское сословие. Многие из жителей Челябинска не раз переходили из мещанства в купечество либо меняли гильдии. То есть теперь пребывание в купечестве не было наследственным, более того, человек мог пробыть купцом всего два-три года и вернуться в мещанское сословие, если у него не хватало капитала для записи в гильдию.

В 1786 году челябинским городским головой был выбран Иван Старцов [28, д. 13, л. 36]. Первой задачей Старцова заключалась в том, чтобы подготовить выборы первой городской думы и вначале ознакомиться с кругом обязанностей городского головы. В апреле 1786 года И. Старцов писал городскому старосте Осипу Хитрову, что хранящаяся у того общая городская сумма до выбора общей «градской» думы без ведома Старцова и приговора общества не может расходоваться [Там же, л. 313]. В 1787 году в Челябинске прошли выборы в «шестиголосную градскую думу». «Гласными» называли тогда депутатов. А «шестиголосной» она была, поскольку входили в нее депутаты от разных групп населения: гильдий (купцов), цеховых, казаков, посадских и «настоящих городских обывателей».

В 1784 году был составлен проектный план Челябинска [17]. Его подготовка была вполне в русле общих действий государства по реорганизации городов «на регулярной основе». Проект предполагал полную перепланировку Челябинска и был составлен без учета существовавшей квартальной разбивки. При острой нехватке (а иногда и полном отсутствии) профессиональных архитекторов не то что в уездных городах, но и в губернском центре разработкой генпланов занимались землемеры. Их квалификации для подобных работ не хватало. Как писал в городскую думу один из челябинских уездных землемеров Богорщиков, «ибо она землямерия не соответствует с архитектурией, поелику сии науки одна с другою имеют разницу» [26, д. 69, л. 4]. Тем не менее проектные планы на уездные города готовили именно землемеры, и реализовывать эти планы было сложно — это требовало перестройки

практически всего города. Причем все расходы ложились на плечи жителей.

В 1781 году при создании Уфимского наместничества был сформирован Верхнеуральский уезд, который включил в себя часть земель бывшей Исетской провинции и часть территории, которая до этого относилась к Уфимской провинции.

В мае 1784 года вышел указ о создании Троицкого уезда и устройстве города Троицка [1, с. 37; 66, с. 574]: «Троицкую крепость по выгодности ее положения и по торговле в ней производимой, учредить уездным городом, приписав в округу его ближайшие селения от Челябинска, Верхнеуральска и других прикосновенных уездов» [40, с. 144]. В начале 1786 года в различные учреждения губернии из Уфимского наместничества были разсланы указы наместнического правления, оповещавшие о том, что «во исполнение имянного Ея Императорского Величества указа и предложения его Высокопревосходительства господина Генерал порутчика правящего должность Уфимскаго и Симбирскаго генерал губернатора и разных орденов кавалера барона Осипа Андреевича Игельстрома город Троицк по образу Высочайшаго учреждения чрез советника сего правления открыт и положенный в нем по штату присудственные места, а имянно две нижние расправы, нижней земской суд, городническое правление и уездное казначейство декабря 31 числа прошлого 1785 года учреждены о чем оному магистрату (губернскому.— Г. С.) сим дается знать с тем, чтоб оной в подчиненные ему присудственные места о сем уведомил от себя» [28, д. 13, л. 178–178 об.]. Таким образом, 31 декабря 1785 года Троицк получил статус города и были сформированы органы управления Троицким уездом. На этом формирование административного деления Уфимского наместничества в целом было завершено [51, д. 20627, л. 1].

В топографическом описании Уфимского наместничества 1788 года говорилось: «Самой же губернской город Уфа наперед сего был городом провинциальным Оренбургской губернии, так, как и Челябинск. Города Бирск, Мензелинск и Сергиевск прежде сего были приписные пригородки; Верхнеуральск, Бузулук и Троицк переименованы городами из прежних пограничных крепостей;

Оренбург наперед сего был город губернской, а Бугульма — ко оному приписанной, Бугуруслан же переименован из слободы, Белебей — из деревни коронного ведомства, а Стерлитамак — из соляной пристани» (цит. по [6, с. 1329]). «Приписные пригородки» — города, не имевшие административного значения, не являвшиеся центрами дистриктов (уездов) и, соответственно, практически не имевшие управленческой структуры, воеводских канцелярий. Они были приписаны к более значимым городам — Уфе или Оренбургу. Таким образом, из всех губернских и уездных городов будущего Уфимского наместничества к 1781 году только Оренбург, Уфа и Челябинск имели полный городской статус. Бирск, Бугульма, Мензелинск и Сергиевск были городами, не являвшимися центром каких-либо административных образований, то есть пригородками. Остальные поселения действительно получили статус города только после образования Уфимского наместничества. И в условиях наместничества практически многие бывшие «пригородки», как и города, образованные из крепостей, поначалу оказались приписаны к тем самым трем городам — Оренбургу, Уфе или Челябинску.

В 1796 году Уфимское наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию. Губернским городом вновь стал Оренбург, Уфа поначалу получила статус уездного города, но в 1802 году было принято решение сделать ее вторым губернским центром. Оренбург оставался главным городом губернии, здесь размещались военный губернатор и его аппарат, а в Уфе была резиденция гражданского губернатора.

Уже в условиях Уфимского наместничества получившие городской статус Верхнеуральск и Троицк оказались приписаны: Верхнеуральск — к Оренбургу, а Троицк — к Челябинску. При этом оба города в этой ситуации вовсе не были «пригородками», поскольку являлись уездными центрами, тем не менее полного набора функций города у них не было — отсутствовали органы самоуправления городских сословий. В Троицке и Верхнеуральске довольно долго не было своих городских дум, магистратов или ратуш, сиротских судов. Причина была довольно проста: не хватало купцов и мещан, то есть представителей городских сословий.

План Уфимского наместничества уездного города Челябинска снятия учиненного в сентябре 1784 года.

Изыяснение плана

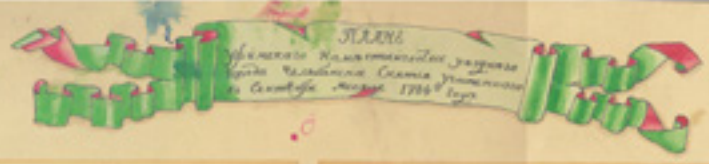
Во оном городе
каменного строения
1. Соборная церковь
во имя Рождества Христова
с пределами и с боевыми
городскими часами
2. Купеческие лавки
3. Обывательские дома
Деревянного
4. Церковь
живоначальной Троицы
Казенного
5. Нижние расправы
и уездное казначейство
6. Магистрат
7. Городническое
правление, тут же живет
и городничий
8. Казачья канцелярия
9. Хаубтвахт
10. Пороховой погреб
11. Винной выход
12. Магазины хлебные
13. Купеческие лавки
14. Острог
15. Полиция
16. Питейные дома
17. Пушечной сарай
18. Духовное училище
19. казачьи
пороховые погреба
20. Деревянной
заплот с рогатками
Партикулярного
21. Лавки
22. Обывательское
строение
23. Огороды
24. Кузницы
25. Кирпишние сарай
26. Гумны
27. Башня Оренбургская
28. Башня Сибирская
29. Башня Уфимская
30. Мост
31. Мясные лавки
За городом
Кладбище и каменная
церковь, которая
еще не освещена

ИЗЪЯСНЕНИЕ БУДУЩИМ
НА ПРОЖЕКТЕ МЕСТАМ

A — Площадь для церкви
B — площадь для прода-
жи съестных припасов
C — Площадь для
продажи сена и дров
D — Место для устройства
к содержанию денежной
казны и вина выходов
и соляных и провиан-
ских магазинов
E — Судебные места
F — Место
для почтоваго правления
G — Дом для городничего
H — Частная съезжая
J — Четыре
квартирных съезжих
K — Шесть питейных домов
L — Мосты
M — Четыреугольник,
в коем назначены для
примера обывательские
дома и строения
N — Городского вала
при воротах будки
O — Кузницы
P — Место для торговой
бани, скотобойни,
кожевенных и протчих
сему подобных заводов

Надписи на плане:
Слева по краю —
«Генерал-поручик
барон Кекстрон»
Внизу над масштабом —
«Губернский землемер
поручик Кибин» (?)
Ниже масштаба —
«Уездный землемер
Алексей Ипполитов»

1895
1899

Историческая карта города Владивостока 1895 года
 Составлена по плану 1895 года
 Издана в 1899 году
 Автор: [Name]
 Редактор: [Name]
 Издатель: [Name]

Городской голова [Name]

- КРА. СЕВЕРИЕ**
- Восточная часть каменного города.
1. Соборная улица, ратуша, почта и другие здания на этой улице.
  2. Купеческие лавки.
  3. Общественные дома.
  4. Улицы: [List of streets]
  5. Кирочный квартал.
  6. [Description]
  7. [Description]
  8. [Description]
  9. [Description]
  10. [Description]
  11. [Description]
  12. [Description]
  13. [Description]
  14. [Description]

- СТАВКА**
1. [Description]
  2. [Description]
  3. [Description]
  4. [Description]
  5. [Description]
  6. [Description]
  7. [Description]
  8. [Description]
  9. [Description]
  10. [Description]
  11. [Description]
  12. [Description]
  13. [Description]
  14. [Description]
  15. [Description]
  16. [Description]
  17. [Description]
  18. [Description]
  19. [Description]
  20. [Description]
  21. [Description]
  22. [Description]
  23. [Description]
  24. [Description]
  25. [Description]
  26. [Description]
  27. [Description]
  28. [Description]
  29. [Description]
  30. [Description]
  31. [Description]
  32. [Description]
  33. [Description]
  34. [Description]
  35. [Description]
  36. [Description]
  37. [Description]
  38. [Description]
  39. [Description]
  40. [Description]
  41. [Description]
  42. [Description]
  43. [Description]
  44. [Description]
  45. [Description]
  46. [Description]
  47. [Description]
  48. [Description]
  49. [Description]
  50. [Description]

- ЮЖ. ЗАПАД**
1. [Description]
  2. [Description]
  3. [Description]
  4. [Description]
  5. [Description]
  6. [Description]
  7. [Description]
  8. [Description]
  9. [Description]
  10. [Description]
  11. [Description]
  12. [Description]
  13. [Description]
  14. [Description]
  15. [Description]
  16. [Description]
  17. [Description]
  18. [Description]
  19. [Description]
  20. [Description]
  21. [Description]
  22. [Description]
  23. [Description]
  24. [Description]
  25. [Description]
  26. [Description]
  27. [Description]
  28. [Description]
  29. [Description]
  30. [Description]
  31. [Description]
  32. [Description]
  33. [Description]
  34. [Description]
  35. [Description]
  36. [Description]
  37. [Description]
  38. [Description]
  39. [Description]
  40. [Description]
  41. [Description]
  42. [Description]
  43. [Description]
  44. [Description]
  45. [Description]
  46. [Description]
  47. [Description]
  48. [Description]
  49. [Description]
  50. [Description]

Фрагмент «Карты Уфимского наместничества, состоящего из двух областей, Уфимской, Оренбургский и тринадцати округ. Уфимской: Бирской, Мензелинской, Бугульминской, Богородской, Белебеевской, Стерлитамацкой, Троицкой, Челябинской. Оренбургской области: Бузулукской, Сергиевской, Верхнеуральской и Оренбургской.

Разграничения, учиненного по силе именного Ея Императорского Величества состоявшегося 1781-го года мая 19-го дня о учреждении наместничеств и округ указа. При учрежденных к тому комиссиях и землемерах. Сочинен 1786 года июля 11 дня»

В примечаниях к плану Троицка 1797–1798 годов указано: «...купечества в городе сем недостаточно... купцов 27, мещан 26...» [52, д. 21528, л. 52], при этом в списке купцов Троицка, присланном городовым старостой Андреевым в Челябинский магистрат в 1798 году, указано всего шесть имен (в Челябинске — 30) [31, д. 1]. В ведомости, составленной в 1800 году, отмечалось, что по состоянию на 18 декабря 1797 года, в Троицке всего купцов, мещан и цеховых 43 человека, из них пять семей купцов, в которых насчитывалось 20 душ мужского пола. В Челябинске на этот же период было всего 679 душ мужского пола, относившихся к городским сословиям, из них 42 семьи купцов, в которых значилось 119 душ мужского пола [31, д. 298, л. 47–48]. В Верхнеуральске приблизительно в это же время: 95 душ в купеческих семьях, 18 — в мещанских [52, д. 21528, л. 54]. Соответственно купцы и мещане Троицка и Верхнеуральска могли бы выбрать себе городскую думу и магистрат, но вставал вопрос: на какие средства их содержать? Поскольку содержание этих органов возлагалось на городские общества, то у небольших групп городских сословий в этих городах не было возможности нести расходы на органы городского самоуправления.

Каждый из этих трех городов имел свою специфику, которая частью отображена в информации, помещенной в пояснениях к планам 1797–1798 годов³. Помимо прочих достоинств эти планы сопровождают изображения «видов» городов, которые явно не отличаются фотографической точностью, но дают хотя бы приблизительное представление о том, как же они выглядели. Постараемся дать краткую характеристику тем процессам, которые происходили в трех уездных городах в конце XVIII — середине XIX века.

Челябинск

Представление о том, каким был Челябинск в конце XVIII века, можно составить по плану и «виду города с полуденной стороны», ориентировочно 1798 года [52, д. 21528, л. 51]. В 1786 году в Челябинске был всего 461 двор, в том числе купеческих и мещанских — 111, казачьих — 227, военнотружеников и отставных — 92 [20, с. 384]. В 1798 году обывательских домов 489, из которых три каменных. Раскладки по дворам на 1798 год нет, но известно, что количество казаков в городе сокращалось. В 1800 году руководство Исетского казачьего войска объясняло, что «хотя наперед сего челябинские казаки половину вышеозначенного моста содержав и исправляли; но ныне из них все жительствовавшие по деревням» [26, д. 95, л. 4]. Отток казаков из города в сельскую местность был достаточно активен. Более того, происходило и переселение представителей городских сословий в деревни: часть из них переходили в крестьянство, а часть использовали предоставленную указом Павла I возможность совмещать пребывание в мещанском сословии и помещичьи права.

В 1780-е годы Челябинск был достаточно значимым ремесленным центром. В 1786 году здесь было 18 кузнецов и 7 учеников; 11 «серебреников» при 4 учениках; 6 «медяков» и 2 ученика; 34 кожевенника и 16 учеников; «овчинников» 6 и 7 учеников; сапожников 15 при 14 учениках; портных 22 и 19 учеников; плотников 32 и 15 учеников; 11 мыловаров при 11 учениках; каменщиков 4 и 2 ученика; «набивальщиков на холстах» — 4 и столько же учеников; по одному специалисту: столяр, пивовар, горшечник, «парукмахер», «плотинщик» [28, д. 13, л. 200–206].

В значительной степени снижение численности населения Челябинска объясняется существенным понижением статуса — из центра провинции он стал уездным центром. Соответственно значительно снизились возможности его жителей в получении доходов за счет дополнительной деятельности, как то поставки соли, продовольствия, вина, строительные подряды и т. д. Финансовые возможности уездного города значительно уступали таковым в городе провинциальном. Сказывалось также

3

Эти планы не датированы, но в РГВИА помещены в папке, которая датирована 1798 годом.

и дальнейшее развитие меновой торговли при Троицкой крепости (позже городе): купцам зачастую было выгоднее ехать туда, чем в Челябинск. Общее изменение ситуации и повышение имущественного ценза купеческих гильдий в 1808 году привели к тому, что количество купцов в городе также сокращалось. Часть купцов и мещан перебирались в Троицк, где перспективы развития торговли были более оптимистичными. Некоторые перебирались в Шадринск, где ситуация оставалась достаточно стабильной, а у многих жителей Челябинска в тех краях оставались родственники либо торговые партнеры. Все вместе взятое привело к значительному изменению ситуации. В примечаниях к очередному проектному плану Челябинска указывалось, что, по 7-й ревизии, «мужеска полу: купцов 30, мещан 896, отставных салдат 51, служащих и отставных казаков и их детей 125, дворовых людей 138. Итого 1240 душ» [51, д. 843, л. 1]. Как видим, население города в целом сократилось практически в два раза, и купцов всего 30 душ, то есть пять-шесть семей. Челябинск явно пребывал в состоянии стагнации. Можно привести такие цифры: в 1836 году в Челябинске значилось 478 домов [26, д. 1541, л. 7], то есть меньше, чем в 1798 году; в 1856 году в городе было 17 купеческих семей (не считая иногород-

них и торгующих по «билетам») [26, д. 4449, л. 2], а в 1797 году — 42.

В этих условиях в 1838 году происходит утверждение Николаем I очередного проектного плана Челябинска [53, д. 13, л. 1]. Первый вариант был составлен еще в 1829 году троицким уездным землемером Сидоровым, затем доработан челябинским землемером В. Львовским. Но принцип его составления остался тем же, что и у проектов 1784 и 1819 годов: сетка кварталов была «наложена» на план города с минимальным учетом топографии (русло реки Миасс) и практически без учета существующей планировки. Этот проект был реализован, но поскольку пришлось перепланировать практически весь исторический центр города, процесс продолжался вплоть до революции 1917 года [57, с. 30–77; 58, с. 58–81].

Характерно, что первые три каменных двухэтажных жилых здания, как и первые каменные торговые лавки, появляются в Челябинске в период между Пугачевским восстанием и упразднением Исетской провинции. Один из них, дом купца И. Сапожникова, в 1798 году покупает город для размещения магистрата и городской думы, где они и находились вплоть до начала XX века.

Бывший дом И. Сапожникова, в котором с 1798 года размещались городской магистрат и городская дума. Вид 1790-х годов. Из панорамы П. Я. Пясецкого

План города Челябинска.
1798 год

Город Челябин построен в 1736 году, лежит по обеим сторонам реки Мияса, разстоянием от губернского города Оренбурга «620» от уездных: Верхнеуральска «224», от Троицка «114» верст. Географическая онаго широта 55 градусов 35 минут, окружается со всех сторон пологими горами, по коим мелкой разного рода лес. Укреплен обнесенными вокруг жила рогатками и ветхим деревянным заплотом. Простирается: в длину 723 сажени, в ширину 535 сажен, окружность сочиняет 4 версты 292 сажени. в нем церквей: каменная соборная с городскими часами, деревянная одна, да вне города каменная одна. Деревянного ж казенного строения: бывшая провиантская канцелярия, в которой ныне присутственные места, дом бывшей воеводы в котором ныне живет городничей, полиция, гостиный двор, в котором 27 казенных лавок, пороховой выход, два соляных и один винной магазейн. Обывательских домов 489, в число коих три каменные. Жители во оном городе: купцы, казаки служащие и отставные, солдаты, торговые татары и разного звания люди. купечество торгует в городе, близ состоящих крепостях и по уезду разными товарами которой покупают на Ирбитской ярмонке и в Екатеринбурге, а другие жители упражняются в разных художествах и от того пропитание имеют. В городе имеются три мыльные и три кожевенные портикулярные заводы при коих три ветреные толчеи; да вне онаго, на реке

Миясе две мучные и одна пильная о двух рамах обывательские мельницы. Нужные для пропитания вещи достают покупкою привозных во оной город из уезда. Садов кроме огородов не имеют, в коих сады и сеют обыкновенной для домашняго (обыкновенной) овощ (так в документе.— Г. С.). Во оном городе бывають в году два раза Никольские ярмонки и продолжают: первая с 9-го по 15-е мая, вторая с 2-го по 6-е число декабря и торгуют на оных разными товарами, съезжаются из разных мест, а более из Екатеринбурга купечество, и стечение народа бывает немалое число. От реки Мияса, на которой сей город поселен, хата весьма редко бывает наводнение, однако ж часть города оным понимает. Герб города Челябин навьюченной верблюд. Число жителей: купцов 92, мещан и цеховых 587, помещичьих дворовых людей 97, отставных солдат и их детей 76, всего 853 души.

Описание городского строения

1. Каменная соборная церковь
2. Деревянная церковь
3. Присутственные места
4. Городническое правление
5. Под церковью денежная кладовая
6. Винной выход
7. Соляные магазейны
8. Гостиной двор
9. Казачья станичная
10. Духовное правление
11. Мясные ряды
12. Кожевенных заводов толчеи
13. Магистрат
14. Питейные дома
15. Обывательское строение
16. Кругом города заплот

«План Оренбургской губернии уездного города Челябинска», примерно 1819 год.

Город Челябинск построен в 1736 году. Положение имеет по обеим сторонам реки Миасса, на ровном и плоском месте. — Географическая онаго широта под $55^{\circ}-35'$ и $79^{\circ}-10'$ долгота. Окружается со всех сторон отлогими возвышениями, по коим растет разного звания мелкий дровяной лес. Имеет вновь пожалованной герб, щит коего разделен на две половины. В верхней изображен губернский, а в нижней половине уездный: идущий навьюченной верблюду, в знак того, что во оной город довольно оных зверей с товарами прежде приходило. Расстоянием от столиц: от Москвы 1842, от Санкт-Петербурга 2568, от городов: губернского Уфы в 442, от уездного Троицка в 110 верстах. Во оном городе церкви: соборная каменная во имя Рождества Христова, с двумя приделами: святых евангелиста Иоанна Богослова и Николая Чудотворца. При церкви особо помещаются духовное правление и по найму денежная казна. Приходская деревянная во имя Святыя Троицы, да вне города на кладбище каменная во имя Казанския пресвятыя Богоматери. Купцы и мещане по городу и уезду торг ведут сукнами, шелковыми матерьями, ситцами, выбойкой и прочими мелочными для градских и уездных жителей потребностями. Во оном городе бывает в году две ярмарки Никольския с 9 мая по 11 и с 6 января по 8 число. На оные съезжаются купцы из городов Троицка, Екатеринбург, Тюмени, Шадринска, с разными товарами. В сем городе обывательских домов: каменных 3, деревянных 421. Жителей по 7-й ревизии мужеска полу: купцов 30, мещан 896, отставных солдат 51, служащих и отставных казаков и их детей 125, дворовых людей 138. Итого 1210 душ.

Изыяснения к плану:

1. Соборная церковь каменная
2. Приходская церковь деревянная
3. вместо оной строится каменная
4. Уездной и нижней земской суды
5. Городническое правление
6. Уездное казначейство
7. Почтовая экспедиция
8. Соляные магазейны
9. Запасные хлебные магазейны
10. Архив
11. Острог
12. Городовой Магистрат
13. Оренбургскаго казачьего войска станишная
14. Винной ход
15. Питейныя дома
16. Торговья лавки
17. Обывательское строение
18. Мясные ряды
19. Кожевенныя заводы
20. Кузницы
21. Кладбище

Описание прожекту:

- А. Площадь для церкви
- В. Площадь для продажи съестных припасов
- С. Площадь для продажи сена и дров
- Д. Место для построения к содержанию денежной казны, вина выходов и для соляных и правинтских магазейнов
- Е. Присудственные места
- Ф. Дом для почтовой экспедиции
- Г. Частная съезжая
- Н. Квартальная съезжая
- К. Мост
- Л. Квартал, в коем назначены, для примера, места обывательским домам к строению.
- М. Бутки
- О. Кузницы
- О. Место для торговой бани, скотобойни, кожевни и прочих сему подобных заводов.
- Р. Мост в округ города.

Челябинской уездной землемер титулярный советник Сандырев

План Оренбургской губернии города Челябины.
«Быть по сему. Николай. С. Петербург, 8 Ноября 1838 года».

Описание зданием, остающим без изменения, которые обозначены на плане под №№-ми:
1-м Церкви.
2 — дом Народного Уездного Училища
3 — винный подвал
4 — богадельня
5 — ветхий казенный корпус присутственных мест
6 — соляная магазейны
7 — инвалидная гоубвахт
8 — кузницы
9 — мыловаренные заводы Предназначенны к сломке:
10 — деревянная церковь
11 — питейный дом
12 — кожевенные заводы
13 — мыловаренный завод
14 — кузницы

Места, назначенны для построек новых общественных зданий:
15 — для Духовного училища
16 — торговля лавки
А — площади вновь предназначенны

Прожектировал Троицкий (что ныне богорусланский) уездный землемер Сидоров. Передельвал план Челябинский уездный землемер губернский секретарь Василий Львовский.
В должности городничего 9-го класса Лазовский
В должности городского главы кандидат Федор Шибяев (?)
От казаков депутат хорунжий Степан Медведев 2-й
От дворянства депутат поручик Федор Зятков (?)
От гильдий депутат купец Иван Плотников
От цехов депутат мещанин Иван Беляевский
К сему плану вместо депутатов от посадских мещанина Якова Берестова, от воинских нижних чинов унтер-офицера Василья Ремезова, за неумением их грамоте, по личной их просьбе, руку приложил челябинский мещанин Федор Васильев сын Дмитриев.

Оренбургский военный губернатор Перовский
Оренбургский гражданский губернатор...
Оренбургский губернский землемер Николай Панов

Следующий каменный дом, одноэтажный, с мезонином, был построен в 1806 году И. Ахматовым, который записался в челябинское купечество из Златоустовского завода. И. Ахматов был родственником управляющего Златоустовскими заводами и занимался торговлей металлом, в том числе на Троицком меновом дворе. Его родственник М. Ахматов в 1820–30-е годы выделил деньги для постройки Троицкой церкви и обустройства ее иконостаса в заречной части Челябинска. Новую церковь начали строить еще в 1790-е годы, поскольку деревянная обветшала и просто была мала. Но был выложен только фундамент, который и использовал впоследствии М. Ахматов для постройки храма. Следующие каменные жилые дома в городе появляются в 1825 и 1840 годах. Территория Челябинска в этот период практически не увеличивается, городу достаточно тех земель, что были определены под застройку еще в 1768 году. В 1837 году было построено двухэтажное здание уездного народного училища [5, с. 26]. Позже, в 1840-е годы, возводится дом духовного училища. В 1825 году практически во всех уездных городах Оренбургской губернии были выстроены «здания присутственных мест», но об этом эпизоде будет рассказано ниже.

В целом же Челябинск, несмотря на реальную стагнацию развития и существенную убыль населения в конце XVIII — начале XIX века, все же продолжал развиваться. Если мы сравним описания дворов конца XVIII и середины XIX века, то обнаружим, что за это время в значительной степени изменился сам характер застройки города, особенно в центре. Если в 1795 или 1800 году абсолютно преобладающим типом жилой застройки была связь «изба — сени — клеть» или «изба — сени — горница», а зачастую просто «изба — сени», и дома в три-четыре комнаты составляли очень небольшой процент от общего числа [34, д. 2; 31, д. 112], то в 1850 году дома от трех комнат и более преобладают на центральных улицах [34, д. 120]. Кроме того, с введением, с 1800-е годы обязательного использования при строительстве утвержденных примерных фасадов [62, № 84] меняется и внешний облик зданий: если раньше преобладали поземные постройки с небольшими окнами, то теперь жилые дома ставились

на фундаменте, окна же делались достаточно большими, с остеклением [59, с. 223–232].

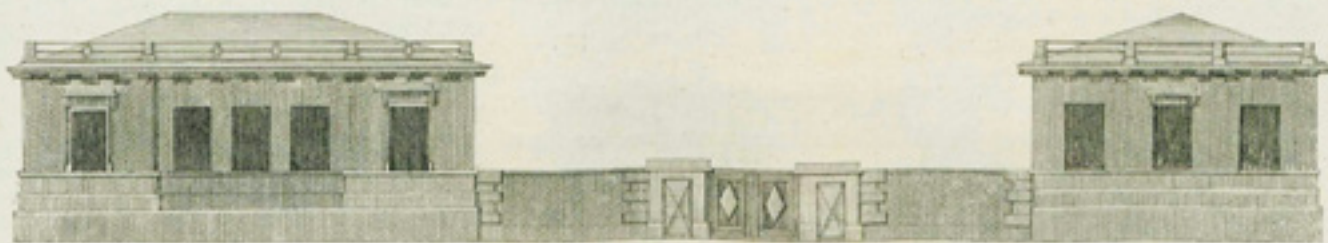
В гардеробе местных жителей преобладали элементы традиционного русского костюма (порты, салопы, рубахи и т. д.), но у многих, особенно у зажиточных горожан, которые избирались на различные должности в думу и магистрат, имелись сюртуки, жилеты, брюки [25, с. 77–96]. Достаточно интересные моменты показывают документы об участии челябинских жителей в обеспечении путешествия Екатерины II в «полуденный край», то есть в Крым [48]. Челябинцы, как и прочие жители империи, должны были обеспечить определенное количество лошадей и ямщиков. Встал вопрос: во что одеть ямщиков? Был узаконенный вариант — гражданский мундир образца, установленного указами от 9 апреля и 6 мая 1784 года [40, с. 90–93, 148]. Однако этот мундир совсем не годился для ямщиков. К тому же подразумевалось, что надевший его человек будет чисто выбрит, а как признавал городской магистрат, «ямщики ж от челябинского общества отправляются из мещан и все в бородах». Вопрос о том, чтобы сбрить бороды, очевидно, всерьез не поднимался. Правда, была и другая причина, не менее серьезная: «...да и пристойного

штатному положению сукна и прибору ко оному в здешнем городе в продаже не имеется...» [28, д. 13, л. 132]. Насколько можно судить, была форма одежды, установленная для мещанского сословия Уфимского наместничества указом наместнического правления. Именно в нее и решили городские власти облачить ямщиков. Однако магистрат, упоминая этот указ, отмечает, что делается это «паче во уважение того что оные мещане отправляются в ямщики для ВЫСОЧАЙШАГО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА путешествия» [28, д. 13, л. 132]. В соответствии с указом о форме одежды для мещан Уфимского наместничества сшили ямщикам по синему суконному кафтану, высокие черные плюсовые шапки, цветные кушаки, сапоги [28, д. 13, л. 142–142 об.] (см. рис. на с. 351).

Образовательные учреждения Челябинска к середине XIX века были представлены казачьей школой, где обучалось около 70 человек, духовным училищем, открытым в 1832 году, и уездным училищем, действовавшим с 1833 года [5, с. 21–27]. Это было немного для города и уезда, но ситуация была типична для Оренбургской губернии — далеко не во всяком уездном городе были и подобные учебные заведения.

Примерный фасад деревянному дому с флигелем между воротами и забором

*Деревянный Дом с флигелем,
между воротами и забором.*

Троицк

На Троицк также был составлен план с изображением внешнего вида города из-за реки Уй [52, д. 21528, л. 52], в описании которого говорится: «... жители сего города хлебопашества не имеют, кроме того, по бываемой ярмонке содержат постоя и меняют с киргисцами. В сем городе обывательских домов 509, а число душ: купцов 27, мещан 26, помещичьих дворовых людей 38, отставных салдат и их детей 94, церковников 9. Итого 205 душ. Да пребывающий пограничной Троицкой Карштенской полк». Если сравнить с 1786 годом, то ситуация изменилась: тогда в городе было 425 дворов, из них 393 двора военнотружущих и отставных, таможенных чинов 19, купеческих и мещанских 8 и 4 татарских [20, с. 385]. Правда, сложно сказать, имелось ли под понятиями «двор» и «дом» одно и то же. По материалам Челябинска можно сказать, что на дворе лишь одна жилая постройка обычно называлась домом, если имелись еще один или два дома, то их называли «флигель» либо «изба». Относительно Троицка и Верхнеуральска что-либо сказать сложно, поскольку не выявлено пока что ни «обывательских книг», где имелись описания дворов, ни других документов, которые бы позволили делать однозначные выводы. Тем не менее по имеющейся информации можно заключить, что число домов в любом случае превосходило число семей, живших в Троицке. Тот же пограничный полк, упомянутый в пояснении к плану 1798 года, был рассредоточен по всей Уйской линии. В Троицке стоял один батальон этого полка и располагался его штаб.

Ситуация с населением Троицка конца XVIII — середины XIX века была противоположна той, что развивалась в Челябинске. Еще будучи крепостью, Троицк жил в значительной мере торговлей. Не зря в примечаниях к плану указано, что жители «содержат постоя», — значит, это обеспечивало весьма значительную часть доходов населения. Причем жители в большинстве были военнотружущими и чиновниками. В Троицке рубежа XVIII–XIX веков было мало своих купцов, но для торговли на меновом дворе, которая открывалась в конце весны, приезжало много иногородних торговцев. А часть купцов либо их представителей жили

в городе и зимой. У нас нет источников, которые бы позволили определить их число, но некоторые косвенные сведения показывают, что таких было больше, чем собственно троицких торговцев. Так, в 1793 году в Троицке возникла необходимость выбрать муллу для проведения служб в местной мечети. И если мусульманское население Троицка было представлено одним купцом Салимом Янгильдиным, то иногородних мусульман оказалось более 50 человек [31, д. 516, л. 64–64 об.]. Добавим, что речь идет о январе, то есть торговли на меновом дворе в это время не было. Сколько в Троицке проживало купцов-немусульман в период между сезонами меновой торговли, сказать сложно.

По имеющимся документам можно предположить, что должность городского старосты существовала в Троицке с 1787 года, а словесный суд начал действовать в 1790 году [Там же, д. 629, л. 6, 10]. Староста отвечал за сбор налогов с городских сословий и организацию выполнения повинностей (натуральных налогов). Словесный суд рассматривал мелкие вопросы взаимных торговых претензий, которые могли быть решены без обращения в официальные суды. Дела, связанные с кражами и прочими преступлениями, рассматривались в Челябинском магистрате. 17 октября 1793 года челябинский городской голова Осип Колбин сообщил городской думе, что он по распоряжению губернатора Пеутлинга отбывает в Троицк «для составления там общества градского и сочинения городской обывательской книги» [26, д. 30, л. 6]. «Обывательская книга» — своего рода опись населения, куда вносились все проживавшие в городе и указывались их социальный статус, состав их семей, род занятий, описывалось недвижимое имущество и т. д. Колбин, очевидно, должен был завершить организацию горожан Троицка и объяснить, как именно составляется «обывательская книга» (в Челябинске такие книги составлялись с 1786 года, сразу после выхода Городового положения 1785 года). «Обывательская книга» была не просто списком жителей — согласно «Городовому положению», только лица, записанные в эту книгу, имели права, даваемые городским жителям.

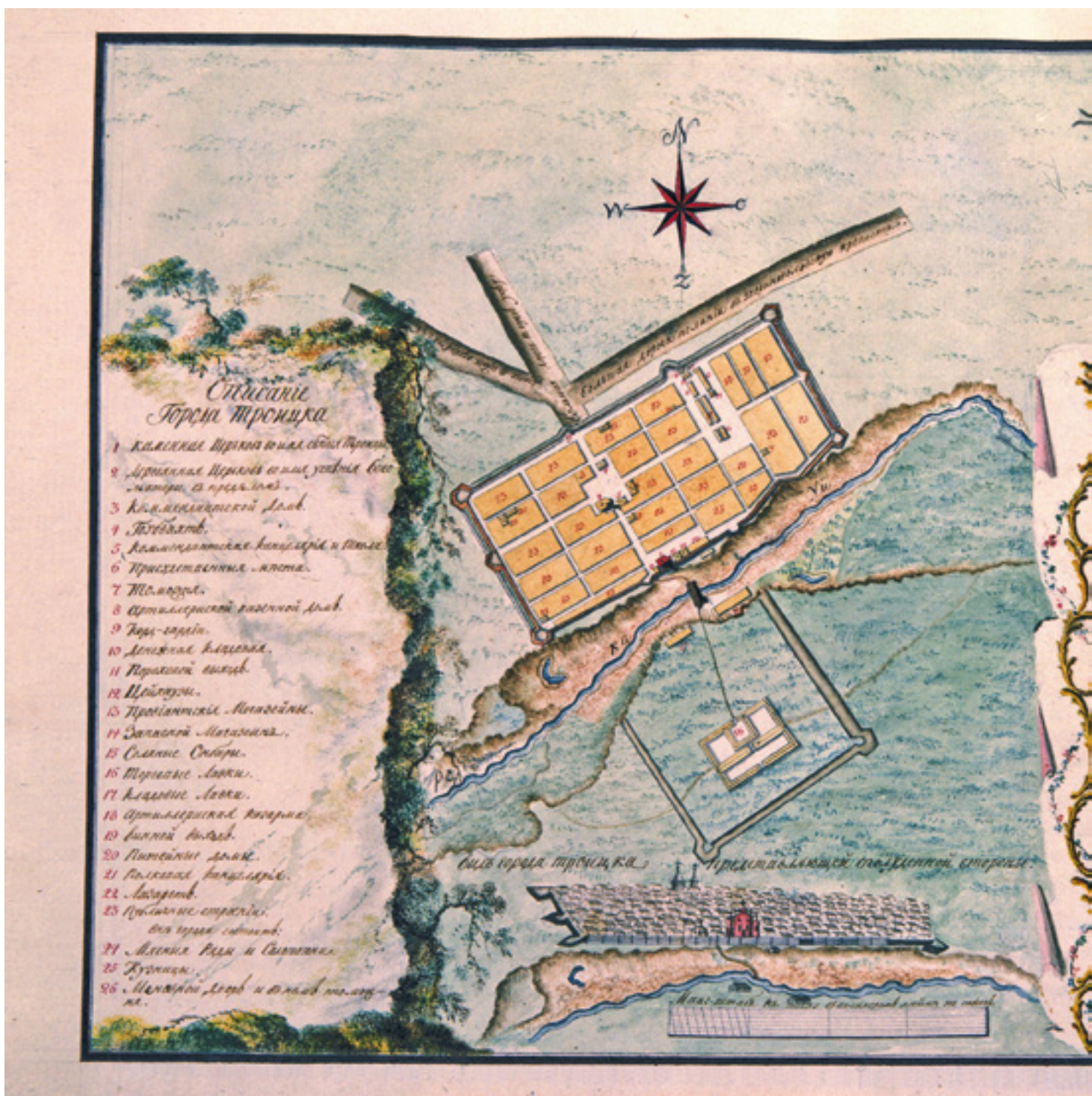
Во многом жизнь городского общества Троицка в конце XVIII — начале XIX века организовывалась

через Челябинск. Челябинская дума собирала и отправляла в губернию отчетность по доходам и расходам троицкого городского общества. Через челябинский магистрат решались вопросы о причислении людей в троицкое купечество или мещанство и, наоборот — об исключении. К челябинскому магистрату апеллировал троицкий городской

староста, если возникали проблемы, связанные с более глобальными проблемами городской жизни. В Челябинском сиротском суде рассматривались дела об опеке над имуществом умерших троицких купцов и мещан.

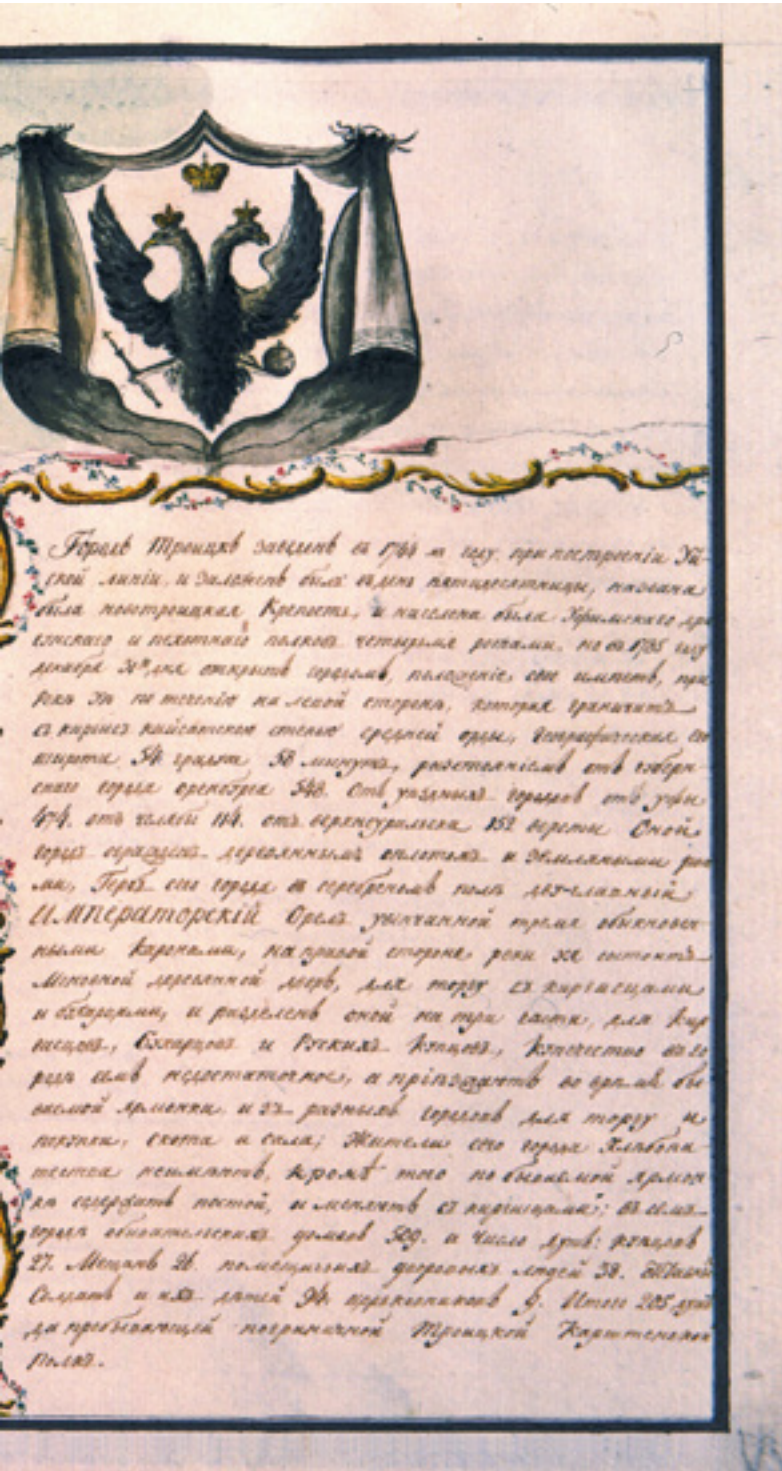
Люди, занимавшие выборные должности, в данном случае городского старосты и словесного су-

ды, постоянно должны были заверять различные документы. Достаточно было подписи, но основная масса населения была неграмотна, и купцы не составляли исключения. Поэтому очень часто мы видим, что документы заверены личной печатью. Русские купцы обычно изображали на печати инициалы [31, д. 76; д. 629]. Роль печати выполняло

сделанное на заказ кольцо-печатка. Характерно, что троицкие жители изготавливали если не одинаковые, то достаточно схожие печати, и инициалы на них были обязательно. В том же Челябинске вид печатей был гораздо разнообразней [26, д. 21; 31, д. 2811], инициалы на них имелись далеко не всегда. Нередко челябинские купцы и мещане просто

План города Троицка. Ориентировочно 1798 год.

Город Троицк заведен в 1744 году, при построении Уйской линии и заложен был в день Пятидесятницы, названа была Новотроицкая крепость и населена была Уфимского драгунского и пехотного полков четырьмя ротами. Но с 1785 году декабря 31-го дня открыт городом. Положение свое имеет при реке Уе по течению на левой стороне, которая граничит с киргизкайсакою степью Средней орды. Географическая его широта 54 градуса 58 минут, расстоянием от губернского города Оренбурга 548, от Челябины 114, от Верхнеуральска 152 версты. Оный город огражден деревянным оплотом и земляными рвами. Герб сего города в серебряном поле дву-главный ИМПЕРАТОРСКИЙ орел, увенчанной тремя обыкновенными коронами. На правой стороне реки Уя состоит Меновной деревянной двор для торгу с киргизцами и бухарцами и разделен оной на три части: для киргизцов, бухарцов и русских купцов. Купечество в городе сем недостаточное, а приезжают во время бываемой ярмонки из разных городов для торгу и покупки скота и сала.

Жители сего города хлебопашества не имеют, кроме того, по бываемой ярмонке содержат постой и меняют с киргизцами. В сем городе обывательских домов 509, а число душ: купцов 27, мещан 26, помещичьих дворовых людей 38, отставных салдат и их детей 94, церковников 9. Итого 205 душ. Да пребывающий пограничной Троицкой Карштенской полк.

- Описание города Троицка:
1. Каменная церковь во имя Святыя Троицы.
  2. Деревянная церковь во имя усупения Богоматери с пределом.
  3. Коммендантский дом.
  4. Гоубвахт.
  5. Коммендантская канцелярия и школа.
  6. Присудственные места.
  7. Томожня.
  8. Артиллерийской казенной дом.
  9. Корд-кардии.
  10. Денежная кладовая.
  11. Пороховой выход.
  12. Цейхгаузы.
  13. Провиантская магазейны.
  14. Запасной магазейн.
  15. Соляные анбары.
  16. Торговые лавки.
  17. Кладовые лавки.
  18. Артиллерийская казарма.
  19. Винной выход.
  20. Питейные дома.
  21. Полковая канцелярия.
  22. Лазарет.
  23. Публичные строения.
- Вне города состоит:
24. Мясные ряды и салотопни.
  25. Кузницы.
  26. Меновной двор и в нем томожня

Печать Авдея Ремезова.
Челябинск

Печать Абдулатифа
Абсаямова. Троицк

Печать Ивана Андреева.
Троицк

Печать Ивана Уржумцева.
Троицк

Печать Андрея Шихова.
Челябинск

Печать Василия Забродина.
Челябинск

покупали кольца-печатки с каким-то изображением и использовали их в качестве личной печати [26, д. 21]. Иногда у двух людей были одинаковые печати. Надо принимать во внимание, что в Челябинске того периода печати требовались гораздо большему числу людей. Татарские купцы Троицка зачастую пользовались печатями с надписями, выполненными арабским алфавитом [31, д. 629].

В отличие от Челябинска городские сословия Троицка постоянно прирастали. Целая группа людей, судя по всему, перебралась в Троицк из Челябинска: Семен Хохлов, Василий Кобызев, Андрей Невзоров, Яков Гаврилов, Филипп Авдеев, Никита Артемов [28, д. 13, л. 183; 31, д. 115 л. 1 об.—7]. В 1801 году подают заявления о вступлении в троицкое купечество группа «солдатских детей»: Матвей Семенович Барабанщиков 49 лет, Тимофей Алексеевич Суслов 38 лет, Никита Ларионович Бушуев 39 лет, Никифор Дмитриевич Костылев 39 лет, Петр Васильевич Суханов 39 лет, «так как они будучи немолодых лет, одержимы разными припадками, чрез что и к воинской службе не способны на основании городского положения со объявленными от них капиталами с начала 1802 г. причислить с семействами в троицкое третьей гильдии купечество» [31, д. 179, л. 44]. Записывались в троицкое купечество и мещанство люди, приезжавшие из других регионов для торговли на меновом дворе либо в Троицком уезде, а затем скопившие деньги на открытие своего дела уже непосредственно в Троицке. Представители одной из самых известных купеческих фамилий города середины — второй половины XIX века, Зарубины, сначала опробовали торговлю в Троицке, не переселяясь сюда. В 1806 году уплатили пошлины за торговлю в Троицке крестьяне Нижегородской губернии Горбатовской округи Семен Зарубин, Иван Зарубин, Федор Фадеев, Ипат Данилов [26, д. 180, л. 2 об.]. Поторговав, таким образом, изрядное время, часть этих крестьян решила перебраться в Троицк насовсем. Указом Оренбургской казенной палаты от 10 сентября 1825 года Ипат Данилович и Семен Сидорович Зарубины с семействами с начала 1826 года зачислялись в троицкое 3-й гильдии купечество [26, д. 793, л. 1–8; 60, с. 50–62].

При этом на вторую половину 1810-х годов в Троицке тоже приходится определенный спад. Так, в 1817 году в городе числились «купцы: Тимофей Суслов, Игнатей Шалин, Вдова Аграфена Маршалова, Вдова Парасковья Корепанова, Никифор Костылев. Итого пять капиталов. Мещане: Иван Фролов, Никита Шалин, Иван Уржумцов, Яков Мельников, Апсатар Апышев, Дмитрий Кадкин, Яков Кадкин, Биккиня Муртазин, Вдова Наталья Артемова, Афанасей Котов, Михайло Месников, Дмитрий Кобызев, Степан Кобызев, Егор Яковлев, Григорей Гулин, Сергей Трифанов. Городовой староста Михайло Месников» [26, д. 398, л. 18]. Это было совсем немного, купечество в численности сравнялось с 1790-ми годами.

Насколько известно, утвержденного герба у Троицка не было. Хотя в примечаниях к планам города конца XVIII — первой трети XIX века указывалось: «Герб сего города в серебряном поле дву-главный ИМПЕРАТОРСКИЙ орел, увенчанной тремя обыкновенными коронами». Собственно двуглавый императорский орел, но в золотом поле, изображался в верхнем поле герба Оренбурга. Найти информации об этом гербе Троицка в специализированных работах не удалось. А на печати троического городского общества была изображена, видимо, куница, являвшаяся символом Уфы [31, д. 2808] (см. рис. на с. 368–369). Это достаточно странно, поскольку Уфимское наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию в 1796 году, но нечто подобное имело место и в Челябинске: при том, что у Челябинска был свой герб, на печатах челябинских нотариусов еще в начале XX века была изображена уфимская куница, хотя Уфа с 1865 года вообще являлась центром Уфимской губернии, а Челябинск был уездным городом губернии Оренбургской.

Количество купцов и мещан в Троицке постепенно росло. Достаточно странно выглядит то, что росли городские сословия не бурно, как должны были бы в городе, торгующем с границей. Казалось бы, от желающих записаться в троическое купечество и мещанство отбоя быть не должно было, а на деле все происходило достаточно неспешно. И этому тоже есть объяснение. Дело в том, что меновой двор, торговлю на котором зачастую на-

Печать троического городского общества. 1830 год

зывают ярмаркой, находился в ведении Троицкой таможни. То есть к городу он имел опосредованное отношение — даже мост через Уй, ведущий от города к меновому двору, строила и ремонтировала таможня. Все пошлины от торговли на меновом дворе поступали в таможню, откуда переправлялись дальше по инстанциям. Город не имел никакой прямой прибыли, тогда как в случае обычной ярмарки город получал бы доход хотя бы за аренду торговых мест. Троицкие купцы не имели никаких привилегий в торговле на Менговом дворе — все лавки там были казенными и арендовались троическими и приезжими купцами на равных условиях. Поэтому многие торгующие на Менговом дворе иногородние купцы или их приказчики имели для удобства дома в Троицке, но в троическое купечество или мещанство записываться не торопились, поскольку прямой выгоды от этого им не было. То есть в том же Троицке могли жить и челябинские мещане и казанские купцы, и торговцы из Тюмени и Екатеринбурга, особенно те из них, кто вел торговлю на Троицком меновом дворе. При этом они не считались жителями Троицка, их не вносили в ежегодно составляемый «Обывательский список» (или «Обывательскую книгу») и подати они платили по месту своей официальной «прописки». Часть таких торговцев со временем переходили в троическое купечество, но процесс этот был постепенным.

Во второй половине 1820-х годов количество купцов в Троицке и Челябинске фактически сравнялось — 14 и 15 семей соответственно [27, д. 48, л. 26–27]. Правда, мещан в Троицке было гораздо

меньше, чем в Челябинске — 48 семей против 258. Тем не менее троицкое городское общество уже набрало силы и было готово к созданию полной структуры городского самоуправления. В 1833 году Оренбургское губернское правление сообщило губернатору, что «по вытребованному Оренбургским губернским правлением от Оренбургской казенной палаты сведению оказалось: что купеческих капиталов состоит по городу Челябине 17, в них душ 40, мещан 905. В Троицке капиталов 17 в них душ 44, мещан 174, в Верхнеуральске капиталов 8, в них душ 37 и мещан 178 душ» [11, д. 10495, л. 2].

10 ноября 1833 года в Челябинске был получен указ, где говорилось: «Губернское правление приказали учинить следующее: 1. К г[осподину] троицкому Коменданту сообщив проект Указ Правительствующего Сената объявить троицкому купеческому и мещанскому обществу, представив оному на основании Высочайшаго о губерниях учреждения 72-й, 278-й, 293-й, 294, 295, Городоваго положения 31-й, 46-й, 47-й, 156 и 157 статей в присутствии Городоваго старосты при уездном стряпчем чрез баллотирование избрать из среди себя достойных: Градскаго главу, в ратушу одного бургомистра и двух ратманов и в долженствующий быть при ратуше сиротский суд городоваго старосту, равно в градскую думу гласных, и к каждому из помянутых лиц по одному кандидату. И баллотировочный список за подписом градскаго старосты и уезднаго стряпчаго представить к году. Гражданскому губернатору немедленно, а между тем приготовить для ратуши, сиротскаго суда и думы, квартиру, зерцалы (кроме печатей, которые будут доставлены из губернскаго правления), приискать в ратушу секретаря и нужное число канцелярских служителей, а в сиротский суд и думу письмоводителя, и наблюсти дабы все сие в точности и поспешнее было исполнено и дабы помянутыя присутственныя места с 1 января будущаго 1834 года непременно могли быть открыты, о чем к троицкому городоваму старосте и уездному стряпчему предписать с тем, чтобы из семейств мещан, состоящих на рекрутских очередях годные годные в рекруты не были баллотированы в означенные должности... 3. Верхоуральскому городничему предписать объявить верхоуральским купцам

и мещанам, что они с 1 января 1834 года состоять будут в ведомстве троицких ратуши, сиротскаго суда и думы, и по делам до них касающимся обращались с прозьбами, а градский староста относился в помянутыя места. Ноября 7 дня 1833 года» [26, д. 1300, л. 213 об.— 215].

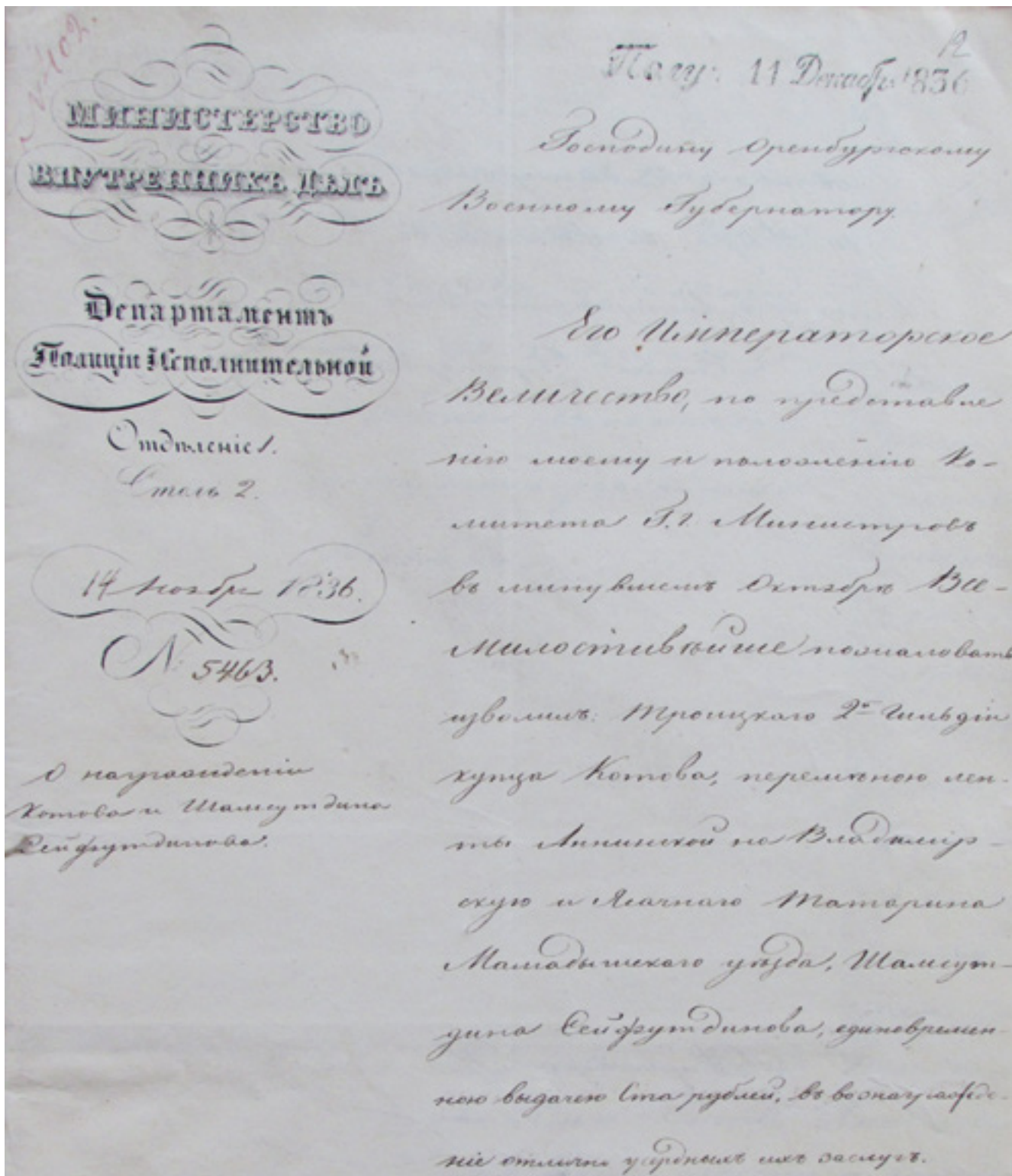
1 января 1834 года городская дума, ратуша и сиротский суд Троицка рапортовали в Оренбургское губернское правление, что они начали работу, а представители этих структур введены в «присудствие», то есть в систему управления городом [11, д. 10495, л. 14–16 об.]. Первым городским головой Троицка был купец Афанасий Котов, а первым бургомистром (руководителем ратуши) — Иван Юркин. Но уже в 1835 году городским головой Троицка указан купец 3-й гильдии Андреян Андреевич Колбин [2, с. 100]. Афанасий Котов 12 февраля 1735 года был награжден золотой медалью на Аннинской ленте за поддержку образования и пожертвование дома для размещения уездного училища. В мае того же года по рапорту командира 11-го линейного Оренбургского батальона подполковника Княщинского военный губернатор подал прошение о награждении А. Котова: последний предоставил дом в пять комнат для размещения лазарета, сделал в нем ремонт и за свой счет отопливал его. 14 ноября 1836 года купец 2-й гильдии Афанасий Котов был награжден переменной Аннинской ленты на Владимирскую.

Троицк, будучи городом, имел довольно своеобразную систему управления. Достаточно упомянуть, что в 1777 году военных чинов в нем было мужского пола 1184, женского — 1010 человек, в 1797 году мужского — 1055, женского 737 человек [65, с. 12–15]. Городское население и в 1830-е годы составляло относительно небольшой процент, меньший, чем процент служащих и отставных солдат, офицеров и чиновников. Самая большая часть населения Троицка находилась в подчинении у коменданта. Даже в начале 1840-х годов в документах зачастую фигурировала Троицкая крепость, то есть военная составляющая Троицка, а коменданта обычно в этих документах называли комендантом Троицкой крепости. Указ из Оренбургского губернского правления о создании ратуши, городской думы и сиротского суда был адресован

Рапорт № 1
Троицкой го-
родской думы,
направленный
1 января
1734 года исполняющему
обязанности
оренбургско-
го военного
губернатора

Господину Иервасильеву
 Его Величества Оренбургского
 Военного Губернатора и
 Кавалера
 Князя
 Троицкой Городской Думи
 Рапортъ.
 Января 1734. года Указанная в Городи Троицкой
 Городская дума, и исправляющий
 должность Троицкого Коменданта
 Майоръ Грабозановъ первого класса
 Генералъ Князь все года Открывающа
 и изъ числа Членовъ оной Городской
 Думы а именно Котловъ, и Членовъ
 Багаутинъ Сефертумовъ, въ
 Приказе въ виденъ, и указ
 того въ Городской думе Решен
 зию доказано: въ Открывающа
 сей думе похъ вступилъ въ при
 казаніе Членовъ Оро и

Письмо министра внутренних дел военному губернатору Оренбургской губернии о награждении троицкого купца

второй гильдии А. Котова переменной Аннинской ленты полученной ранее золотой медали на Владимирскую

именно троицкому коменданту, а уже он должен был все довести до горожан «в присутствии городского старосты при уездном стряпчем». Хотя теоретически это лучше было сделать через городничего, поскольку именно он был высшей граж-

данской властью в Троицке и уезде. Кроме того, существовала Троицкая пограничная таможня, штат которой был не так уж мал, а в ее ведении в XIX веке находились сам меновой двор и прилегающая территория. Кроме того, таможня содержала «объездчиков», задачей которых было контролировать, чтобы товары не доставлялись на территорию Оренбургской губернии в обход менового двора, то есть они занимались перехватом контрабанды. И было городское самоуправление, которое касалось в первую очередь представителей городских сословий. Тех же солдат, живших в Троицке, городское самоуправление затрагивало обычно только в случае решения вопросов о торговле, использовании выгонной земли.

Но Троицк все еще представлялся в первую очередь как центр Уйской линии и крепость, хотя укрепления вокруг него, судя по всему, так и не были восстановлены после пожара 1813 года. Это был один из крупных пожаров. 15 октября 1813 года комендант Троицкой крепости подполковник Феофилачев сообщал: «С прискорбием моим должен донести Вашему Сиятельству, что в городе Троицке сего октября 9 числа в 9-м часу ночи от дому оставшего солдата Якова Третьякова зделался пожар, который при сильном и порывистом ветре мгновенно распространился на многие соседственные дома. Кидая сильным стремлением ветра огонь во многие места пожар зделался всеобщим так, что в течение получаса обняло ужасным пламенем третью часть города со въезжей стороны Тобольской Успенской улицы. 171 дом обывательския казенная, дом коменданта, соляныя и хлебныя анбары, 30-ть казенных лавок, купеческих, к ним пристроенных, 4, пожарная изба и два питейных дома соделались с жертвою сего ужаснаго приключения. Стремление пламени всеми принятыми способами со стороны воинской команды и усердия обывателей <...> тавшихся к погашению ево были бесполезны и бедствия сего никакая сила отвратить была не в состоянии. Ужасное пламя подвергало весь город совершенной гибели. Когда не было уже средств к погашению воспламенившейся части, тогда жители бросились к спасению своего имущества, а воинские команды старались охранить винной и пороховой выходы, дом военно-сиротскаго

училища, уездное казначейство с кладовою, где хранится государственная казна, провиантския магазейны и лазарет, кои при всех усилиях спасены от пожара в целости. Стремление сильнаго и порывистаго ветра столь было велико, что в три часа не осталось даже признаков от згоревших домов, кроме груд кирпича от развалившихся печей» [9, д. 4027, л. 1–2]. Таким образом, выгорело действительно не менее трети города, были уничтожены целые улицы.

Вскоре после пожара был составлен новый проектный план Троицка. Его в нашем распоряжении нет, но имеется документ ориентировочно 1820 года, на котором зафиксирован процесс перепланировки города с одновременным восстановлением застройки на разрушенных участках. Поскольку на плане показаны остатки оборонительного вала с западной стороны, можно понять, какая часть застройки оказалась уничтожена пожаром — получается, на момент бедствия что по площади это была почти половина города. Но город быстро восстанавливался. При составлении «Обывательского списка» Троицка в 1817 году депутатское собрание города столкнулось с тем, что новые улицы не имели названий, а дома — номеров, поэтому обозначить место проживания людей было очень сложно. В связи с этим Челябинская городская дума обратилась к троицкому городничему с требованием как можно быстрее дать названия улицам и пронумеровать дома [26, д. 394, л. 1–3].

Но спустя почти тридцать лет город снова испытал мощный пожар. 24 июля 1842 года городничий Генбач писал военному губернатору: «Сего июля 23 дня в 4-м часу по полудни случилось нещастное событие. От внезапнаго пожара сгорело в городе Троицке около трех сот обывательских домов, тюремный замок, уездное училище и питейная контора до основания, церковь соборная с колокольней, две азиатския мечети каменныя, дом, где помещались Городская Дума, ратуша и словесный суд, сгорели. Арестантов более ста человек и военный караул спасены. Уездные присудственные места, т. е. уездный и земский суды, уездное казначейство, почтовая контора и городническое правление остались в целости. Во время пожара так был сильный ветер со стороны северо-западной, что никаких

средств не было иметь возможности предпринять к прекращению того пожара, ибо в одно время и не более как в течении 15 минут зделался пожар общий и развалины домов остались до другого дня не потушенными, а семейства жителей во время по-

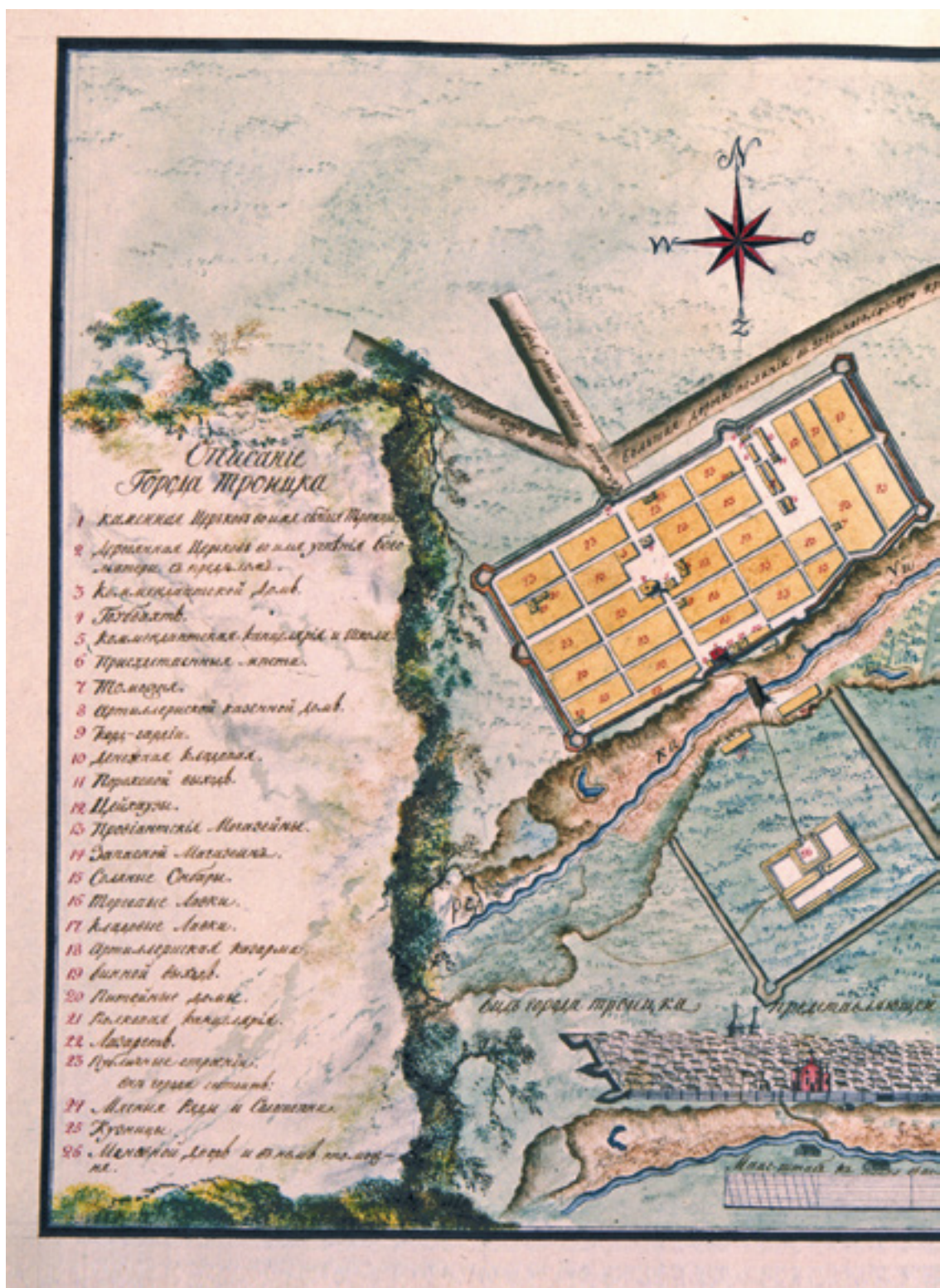
жара спасались за городом, где и поныне остались на биваках по неимению приюта. Причем много военных помещений погорело с находившимися в них казенными вещами, равно как и заготовление для продовольствия арестантов и принадлежащая

План Оренбургской губернии города Троицка.

Текст в основном повторяет текст к плану 1798 года, в конце добавлено: «Казенное строение осталось после пожара в 1813-м году: артиллерийский дом, лазарет, сиротское военное училище, провиантские магазейны, артиллерийский цехауз, пороховой погреб, денежная кладовая, острожная изба, гобвахт, три кардегардии, винной выход, таможня, баталионная канцелярия с цехаузом. Обывательских домов ныне существует 525, в них жителей мужеска пола: купцов 18-ть, мещан 136-ть, отставных салдат и их детей 160-т, податных татар 5-ть, дворовых людей 225-ть, новокрещеных каракалпаков 68-мь, церковников 14. Итого 626-ть душ

Описание города Троицка:

1. Церковь каменная
2. Церковь деревянная
3. Гаубтвахт
4. Кардегардий
5. Лазарет
6. Острожная казарма
7. Винной выход
8. Денежная кладовая
9. Пороховой погреб
10. Провиантские магазейны
11. Артиллерийской дом
12. Артиллерийской цехауз
13. Военно-сиротское отделение
14. Багаделна
15. Вносъ выстроенной соляной магазейн
16. Баталионный двор с цехаузом
17. Таможня
18. Торговые лавки
19. Питейные дома
20. Мечеть
21. Старое обывательское строение
22. Новое по прожекту выстроенное
23. Месные ряды
24. Земленой ров

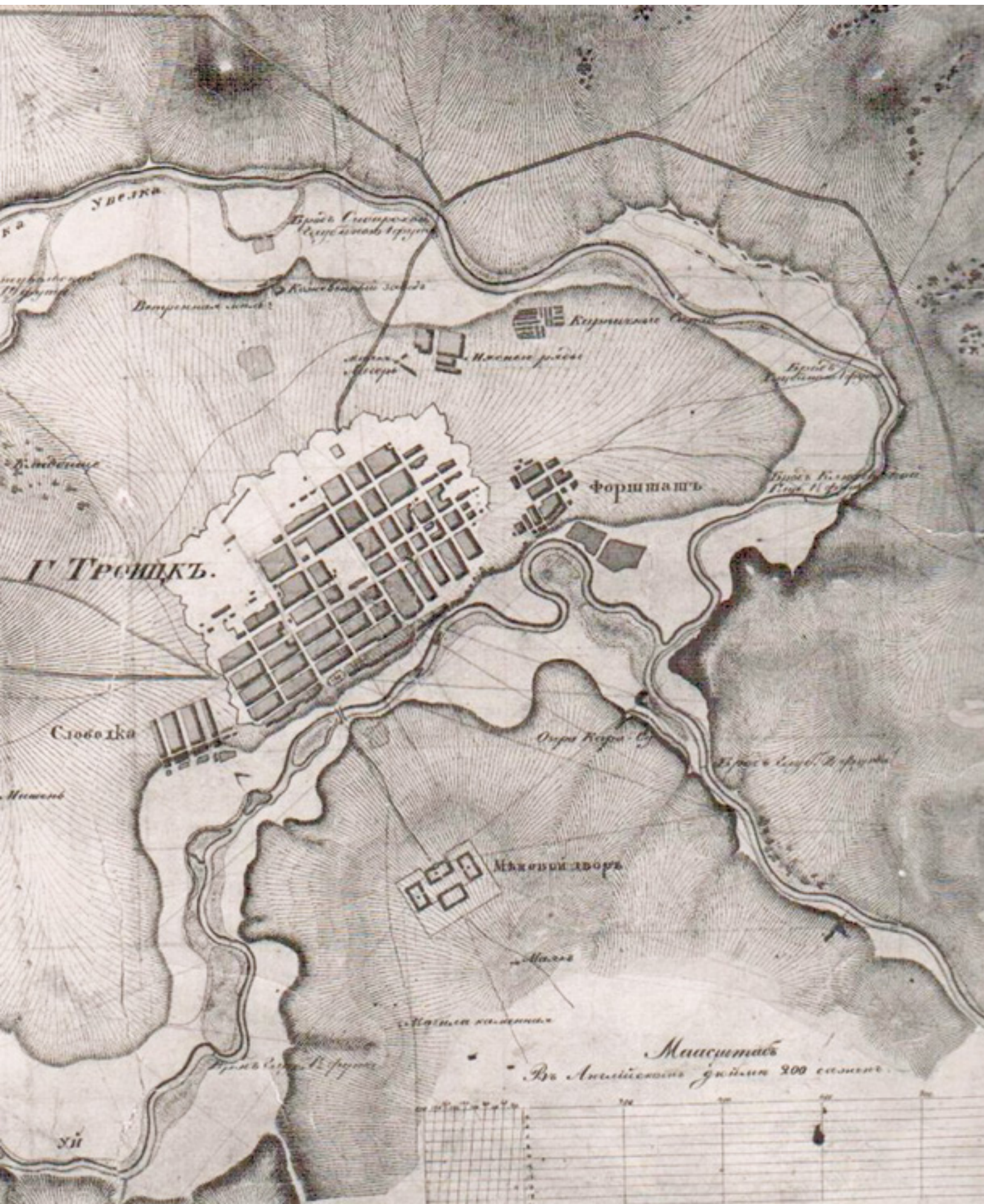
по всему, так и не удалось [31, д. 1723]. Бревна, заготовленные для частокола, не были использованы и при начале строительства нового менового двора в 1822 году. К западу от основной застройки Троицка на берегу реки появился выселок под названием Слободка, а к востоку образовался Форштадт — военные формировали отдельный район города, как в Верхнеуральске. Незадолго до пожара, в 1838 году, был утвержден новый проектный план Троицка [53, д. 8, л. 1]. Ситуация с ним была несколько лучше, чем с планом Челябинска, но в целом схожая. При подготовке проекта существующая планировка учитывалась в минимальной степени. При этом исходная квартальная разбивка Троицка была гораздо более «регулярной», чем в Челябинске. На плане мы специально выделили красным линии, показывающие границы существовавшей застройки. Вполне возможно, что процесс перепланировки в Троицке затянулся бы надолго, но свою роль сыграл, видимо, страшный пожар 1842 года, уничтоживший практически полгорода. Значительная часть кварталов после этого пожара отстраивалась заново.

Город жил торговлей. Разумеется, надо учитывать, что основную массу населения Троицка представляли военнотружущие. Но даже они были зачастую включены в процесс торговли: покупали на меновом дворе у казахов «армячину» (сукно из верблюжьей шерсти), у бухарцев — «сусу» (шелковую или полшелковую полосатую ткань), шили из них армяки и халаты и продавали затем на рынке. Помимо этого они торговали кожевенным товаром: подошвами и головками для сапог, выделанными кожами, готовыми сапогами. Также просто перепродавали товары, купленные на меновом дворе, — ткани и «опояски» [10, д. 7744, л. 1–7 об.]. Точно так же все, кто мог, строили дополнительные дома для сдачи внаем либо же строили один дом, но с запасом. Часть этих квартир была занята и вне «сезона», ну а в преддверии начала торговли на меновом дворе спрос на наемное жилье возрастал — приезжало много купцов из уральских городов, Поволжья. Но не надо сбрасывать со счетов и торговцев из Средней Азии, они также нуждались в квартирах во время пребывания в Троицке. А часть «бухарцев» оставалась здесь и на зиму, объезжая с товарами

План окрестностей города Троицка. 1735 год

План Оренбургской губернии
города Троицка

Быть по сему
Николай
С.-Петербург.
1-е апреля 1838 года

Под литерою «а» здания
остающиеся без изменения:
Каменная церковь
Магометанская мечеть
Каменный корпус для
присудственных мест обще
с тюремным замком
Провиантския магазейны
Запасныя хлебныя магазейны
Артиллерийский цейхауз
Торговыя лавки
Винный магазин каменный
о дву этажах
Под Литерою «b»
деревянные постройки
предположенные к сломке:
Гаупвахт
Артиллерийский обер-
офицерский дом
Артиллерийская караульня
Соляныя магазейны
Пороховой погреб
Комендантский дом
Багадельня
Военно-Сиротское отделение
Батальонный двор
Батальонный лазарет
Словесной суд
Лагерь для кордонной стражи
Конюшни для лошадей
кордонной стражи
Скотобойна и мясные ряды

Кузницы Батальонная
и Артиллерийская
Батальонная слесарня
Под литерою «с»:
Место назначенное вновь
для построения гоубвахты
В городе Троицке предна-
значено пять площадей,
которые на сем плане
обозначены литерою «d»

По местному соглашению
на оригинальном плане
подписались:
Исправляющий должность
троицкого коменданта
подполковник Княщинский
Троицкий городничий
Щеголихин
Троицкий уездный землемер
Коллежский регистратор
Василий Сидоров
Депутат от купечества троиц-
кий купец Иван Юркин
Депутат от купечества троиц-
кий купец Василий Зарубин
Оренбургский военный
губернатор генерал-
адъютант Перовский
Троицкий уездный землемер
губернский секретарь
Дмитрий Иванов
Оренбургский гражданский
губернатор (Жуковский?)
Оренбургский губернский
землемер Николай Попов

казахские кочевья. Как бы то ни было, в процесс были вовлечены многие жители Троицка, в том числе и те, кто сам торговлей не занимался.

Помимо этого торговля на Троицком меновом дворе обеспечивала сезонной работой большое количество людей, подрывавшихся перевезти товары на Макарьевскую или Ирбитскую ярмарки либо просто оптовую партию товара до места назначения. Иногда это были весьма внушительные обозы. Вот пример такого договора: «1807 года июня 28 дня. Мы нижеподписавшиеся Казанской округи вотчины господина Желтужина деревни Астачи крестьяне Филипп Яковлев и Данила Алексеев и той же округи деревни Чебаксы удельной крестьянин Иван Максимов), деревни Константиновой удельной же крестьянин Василий Васильев и деревни Починка на Окше ясашной татарин Шамшудин Валитов дали сей договор Казанскаго 1-й гильдии купца Муртазы Манасыпова сына

Адамова прикащику ево Вагапу Абубакирову в том, что подрядились мы у него Абубакирова доставить от города Троицка до города Макарья на собственных своих лошадях помянутого купца Адамова бухарских разных товаров в коих весу 241 пуд на срок впредь чрез дватцать четвертые сутки то есть будущего июля к 23-му числу непременно. И сплаты по 2 рубля 25 копеек с каждого пуда с таковым при том условием ежели мы на вышеписанной срок того товару в город Макарьевск не предоставим, то вычитать у нас из вышеписанной платы за каждой пуд по 10 копеек в сутки будучи ж в пути иметь нам оной товар в бережливости и целости и сохранять как от воров так и от помóчки» [31, д. 335, л. 8 об.—9]. И таких обозов отправлялись десятки.

Надо отметить еще одну особенность Троицка — очень небольшое количество ремесленников. Когда в 1822 году начали организовывать строительство нового менового двора, оказалось, что местные жители не готовы взяться практически ни за какую работу. Были проведены торги на заключение договоров на поставку материалов для строительства и на сами строительные работы, но на эти торги никто не явился. Тогда оренбургский военный губернатор направил в Троицк сто «крепостных арестантов с тем, дабы они заготовили потребный для фундаментов камень и по возможности другие материи, а по начатии постройки производили черную работу» [32, д. 91, л. 35]. Исходя из той же ситуации, военный губернатор предложил вести строительство «хозяйственным образом». Необходимо было заготовить двадцать тысяч бревен. Троицкий комендант подполковник Петерсон сообщил, что торги проводились, желающих заготовить лес не нашлось. Если не получится организовать закупку, то подполковник предложил, как крайнее средство, вырубить нужное количество леса в Степном и Санарском борах, близ крепостей Степная и Санарская, подчинявшихся ему, и весной, по полной воде, сплавить до Троицка [Там же, л. 42–42 об.]. По запросу Троицкой таможни городничий подготовил таблицу с указанием стоимости материалов и работ в Троицке: напротив почти всех пунктов указывалось, что в Троицке этих материалов нет либо эти работы никто не выполняет. Указана цена

за пуд извести — 35–40 копеек, но тут же добавлено, что в Троицке ее нет, а жители для своих нужд покупают ее в Челябинском уезде. Да, указана еще стоимость воды (сорокаведерной бочки) — от 25 до 40 копеек. Напротив графы о стоимости работы «плотника столярного» указано: «...плотников чистой работы занимающихся в городе не имеетца, а здешние отставные и служащие солдаты производят строение домов у обывателей не самую чистую работою и получают плату в месяц 30 и 35 рублей на человека». В Троицке не оказалось бревен, песка, тесаного камня и т. д. Не было штукатуров и маляров. Кирпич имелся в небольшом количестве. Единственное, на что имелись материалы в Троицке, — на обустройство колодцев с навесами... [32, д. 91, л. 58–59 об.]

Сказанное выше не означает, что в Троицке вовсе не было людей, занимавшихся тем или иным промыслом, ремеслом. Были кожевники, и самые богатые из них, пожалуй, Зарубины. Были мельники, сапожники, портные, кузнецы. Появились со временем и кирпичные сараи, то есть небольшие заводики по производству кирпича. Но работы, связанные со строительством и отделкой, по-прежнему обычно выполнялись крестьянами из ближайших слобод либо приезжими из России. В Зауралье (в Челябинске, Каслинском и Кыштымских заводах) в 1820–30-е годы многие строительные работы подряжались выполнять крестьяне из Европейской России, зачастую из Владимирской губернии.

Среди других рассматриваемых городов Троицк выделялся языковым и конфессиональным составом населения. Если в конце XVIII — начале XIX века мусульмане составляли единицы собственно троицких купцов и мещан, то к середине XIX века половина городских сословий города были мусульманами. В Троицке было две каменных мечети. Кроме этого было достаточно много приезжих с Поволжья и из Средней Азии. Недаром изготовление халатов было одним из распространенных промыслов. Кроме того, люди брали на откуп выпечку калачей для бухарцев и продажу баранины и говядины «бухарцам и татарам» [26, д. 345, 733, 569]. Все это придавало Троицку своеобразие торгового пограничного города.

Верхнеуральск

Верхнеуральск стал одним из уездных городов Оренбургской губернии в 1781 году. Это был небольшой город, внутри которого к тому времени все еще сохранялась первоначальная земляная крепость с угловыми бастионами [52, д. 21528, л. 54]. В 1786 году в Верхнеуральске было всего 300 дворов, из них 280 принадлежали военным служащим, купеческих и мещанских было 4, разночинских 12 [20, с. 384]. Как мы уже знаем, в 1798 году ситуация

была уже несколько иной: количество представителей городских сословий существенно выросло, но большинство населения по-прежнему составляли военные. Большинство построек в городе, не являвшихся «обывательской застройкой» и уездными учреждениями, относились к военному ведомству: комендантский дом, цейхгаузы, пороховой погреб и т. д. Комментарий к плану сообщает: «Герб: в нижней половине щита в зеленом поле представляет горностая. Жители сего города, кои все упражняются в земледелии, скотоводстве и рыбной ловле.

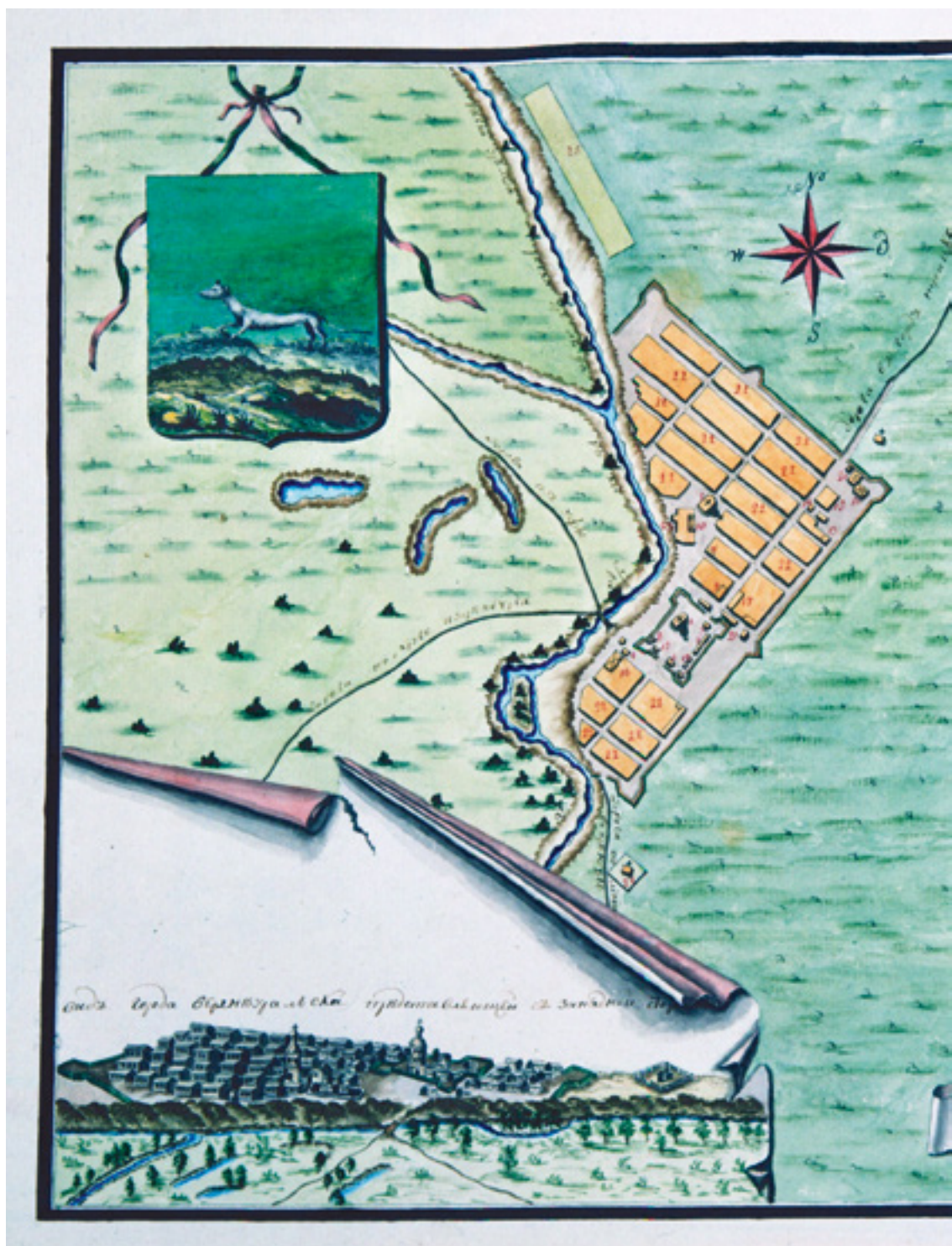
Садов никаких здесь нет, а токмо одни обывательские огороды, а купеческий торг весьма недостаточен» [62, д. 21528, л. 54]. Как мы уже знаем, в связи с малочисленностью городских сословий в Верхнеуральске не было сформировано городской думы, магистрата и сиротского суда, город был приписан к Оренбургу. Из выборных должностей в Верхне-

уральске поначалу имелись лишь городской староста и словесный судья.

В 1839 году в городе было: две площади, двадцать улиц, одна каменная и две деревянных церкви, восемь казенных деревянных зданий, 220 частных деревянных домов; белого духовенства — 311, церковнослужителей — 33, чиновников — 54,

План города Верхнеуральска.

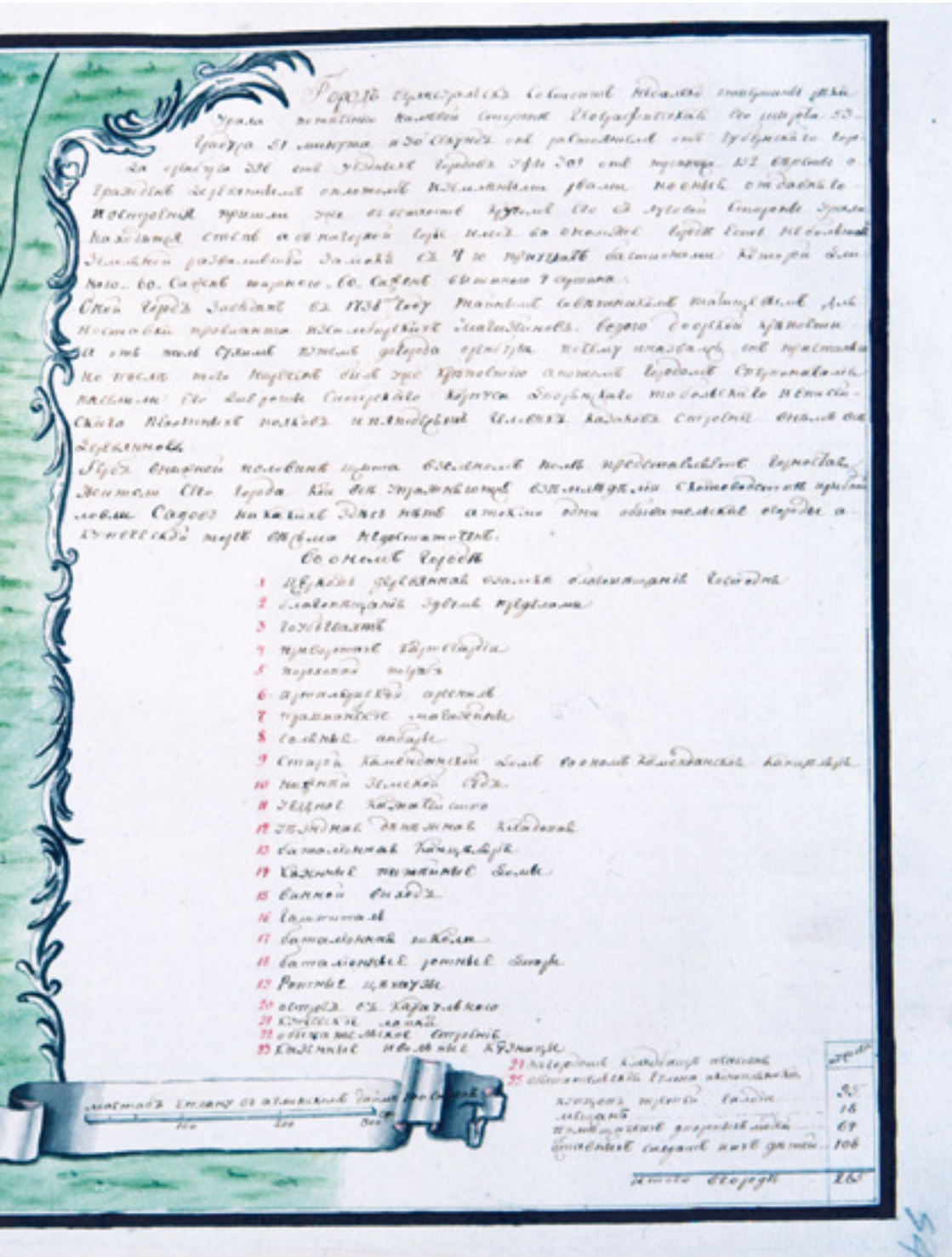
Ориентировочно 1798 год. Город Верхнеуральск состоит недалеко от вершины реки Урала, по течению на левой стороне. Географическая его широта 53 градуса 51 минута и 30 секунд. Он расстоянием от губернского города Оренбурга 396, от уездных городов: Уфы 309, от Троицка 152 версты. Огражден деревянным оплотом и земляными рвами, но оныя от давняго построения пришли уже в ветхость. Кругом его с луговой стороны Урала находится степь, а с нагорной горы и лес. Во оном же городе есть небольшой земляной разваливший замок с 4 при углах бастионами, который длиною 60 сажен, шириною 60 сажен, вышиною 4 аршина. Оной город заведен в 1738-м году тайным советником Татищевым для поставки провианта из симбирских (так в тексте) магазейнов водою до Орской крепости, а от толь сухим путем до города Оренбурга, почему и назвался он пристанью. Но после того наречен был уже крепостью, а потом городом. С первоначалия населили его две роты Сибирскаго корпуса дворянскаго Тобольскаго и Енисейскаго пехотных полков и 50 человек казаков. Строеие в нем все деревянное.

купцов 3-й гильдии — 42, мещан и посадских (ремесленников.— Г. С.) — 114, нижних воинских чинов — 961, прочих сословий — 253 человека; всех жителей — 1408 душ мужского и 399 душ женского пола [63, с. 35–36]. Так же, как и в Троицке, вне общей застройки города постепенно формируется форштадт.

Традиционно в городах была проблема с тюремными помещениями. В 1820-е годы в Оренбургской губернии были выделены средства на постройку «тюремных замков». В 1824–1826 годах чухломской купец Василий Юдин (или Июдин, как его фамилия написана в некоторых документах) подрядился построить здания для присутственных

Герб в нижней половине щита в зеленом поле представляет горностаю. Жители сего города, кои все упражняются в земледелии, скотоводстве и рыбной ловле. Садов никаких здесь нет, а токмо одни обывательские огороды, а купеческий торг весьма недостаточен.

Во оном городе: 1. Церковь деревянная в замке Благовещения Господня. 2. Благовещения з двумя приделами. 3. Губвахт. 4. При воротах картегардии. 5. Пороховой погреб. 6. Артелирийской арсенал. 7. Правинские магазины. 8. Соляные анбары. 9. Старой Каменданской дом, во оном каменданская канцелярия. 10. Нижней земской суд. 11. Уездное казначейство. 12. Уездная денежная кладовая. 13. Батальонная канцелярия. 14. Казенные питьевые дома. 15. Винной выход. 16. Гошпиталь. 17. Батальонная школа. 18. Батальонные ротные дворы. 19. Ротные цехаузы. 20. Острог с караульною. 21. Обывательское строение. 22. Казенные и вольные кухни. 23. За городом кладбище и часовня. 24. Обывательские гумна и конопляники.

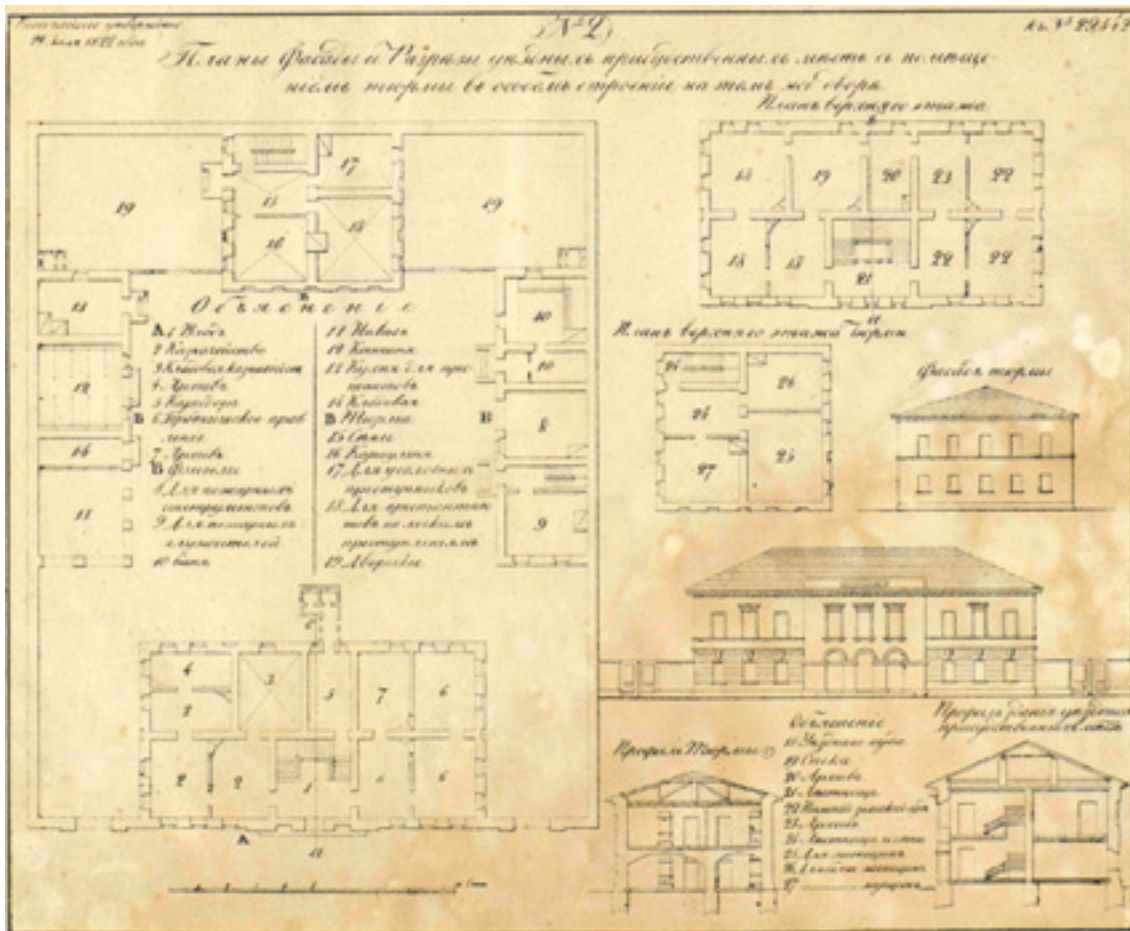
Купцов третьей гильдии — 95; мещан — 18; помещичьих дворовых людей — 64; отставных салдат и их детей — 108. Итого в городе 285

свежестроенные здания пришли в негодность менее чем через два года: «...по Указу Оренбургскаго Губернскаго Правления от 14 февраля 1828 года по случаю угрожавшаго падением здания занимавшагося присутственными местами сии последние и арестанты исправлявшим должность Городничаго Жуковским переведены были в дом» [30, д. 217, л. 65] Ивана Боровинского. Как обстояло в деталях дело в Троицке, мы не знаем, то есть у нас нет информации о том, когда именно построенный здесь корпус присутственных мест стал рушиться. Но то, что времени после постройки прошло немного, можно утверждать с уверенностью. Дело в том, что стали разваливаться практически все построенные Василием Юдиным в Оренбургской губернии здания присутственных мест: в Бирске, Бугуруслане, Бузулуке, Верхнеуральске, Мензелинске, Троицке, Уфе, Челябинске. Переписка о их «непрочности» и о «беспорядках» при их постройке, началась еще в 1927 году [12, д. 11958, л. 3]. В феврале 1836 года состояние троичкой тюрьмы было описано так:

«Каменное здание, построенное для помещения присутственных мест и тюремного замка вмещает в себе ныне один последней, а первые переведены на частные квартиры. Здание по имеемым на стенах онаго и сводах сквозным трещинам, постепенно увеличивающимся, ежеминутно угрожает падением и потому помещение в оном арестантов небезопасно» [10, д. 9538, л. 21 об.]. В таком состоянии находились практически все построенные Юдиным корпуса. Дело о «непрочной» постройке рассматривалось в Правительствующем сенате. Вина купца В. Юдина была подтверждена, и в 1837 году было принято решение о постройке временных (деревянных) тюремных замков за счет виновника [12, д. 11958, л. 33–34]. Но так и не получилось выполнить это решение. После долгих розысков купца Юдина наконец нашли в Санкт-Петербурге, но он объявил, «что по бедному состоянию не имеет никаких средств покрыть числящуюся на нем по сему предмету недоимку» [Там же, л. 36]. А по розыску выяснилось, что официально за ним

Планы, фасады и разрезы уездных присутственных мест с помещением тюрьмы в особом строении на том же дворе. 1822 год

числится минимальная собственность. На этом было принято решение, что за счет Юдина построить новые здания не получится. Поэтому в декабре 1843 года последовало утвержденное царем мнение Сената о введении в Оренбургской губернии особого (дополнительного) сбора с населения на постройку временных тюремных замков в городах [Там же, л. 31–31 об.]. Помимо этого было решено ассигновать необходимую сумму из казны [Там же, л. 37]. Впрочем, эта история продолжалась еще и во второй половине XIX века.

В XIX веке на Южном Урале разворачивается золотодобыча. Первоначально прииски были основаны в горной части, но постепенно добыча золота стала охватывать и южные территории, включая Верхнеуральский уезд. Большая концентрация золотых приисков была в Тептяро-Учалинской волости уезда. Впрочем, добыча золота велась также едва ли не по всем речкам степной зоны Верхнеуральского и Троицкого уездов. Позднее «золотая лихорадка» добиралась и до Челябинского уезда и самого Челябинска. Впоследствии добыча золота окажет немалое влияние на развитие региона. Напомним, что в 1824 году, во время поездки на восток страны император Александр I побывал на Александровском руднике недалеко от Миасского завода. Там он стал обладателем золотого самородка, который впоследствии использовал в качестве пресс-папье.

Тюркское население

Губернская реформа сказалась и на тюркском населении края. При определении новых границ, которые к тому же не раз изменялись, ситуация с расселением башкир, мещеряков и служилых татар не представлялась чем-то достаточно важным. При этом произошло разделение некоторых групп административными границами. Так, часть мещеряков и ичкинских татар оказалась в составе Пермского наместничества, часть — Уфимского. Некоторые башкирские волости оказались поделены границами уездов. В этих условиях часть мещеряков и ичкинских татар предпочла переселиться на территорию Уфимского наместничества, тем более что было куда.

Та часть Ичкинской волости, что располагалась в районе озера Альменкуль (Могильное), первоначально была весьма слабо заселенной. В 1771 году П.-С. Паллас застал здесь «до 20 татарских дворов» [38, с. 30]. Никаких других деревень Паллас не упоминает, при том что он ездил к озеру Сорочьему, а далее, в Куртамыш, его путь лежал мимо озер Белкино, Бабье, Красное, Большое Седяшева [Там же, с. 31–32]. Учитывая скрупулезность академика, вряд ли он упустил бы в записках возможность указать на существование других селений.

В 1783 году в одном из документов указано: «Переселившихся из Ичкинских юрт (то есть с Исети.— Г. С.) в деревню Могильную татар у сотника Исмаила Уразметева 30 дворов» [33, д. 80, л. 20]. Никаких других групп или деревень ичкинских татар не упоминается. Если бы имелись населенные пункты помимо Альменкуля (Могильной), то вряд ли они были бы упущены в этих документах — списках людей для отправки на линейную (пограничную) службу и переписке по поводу составления этих списков. Точнее, если бы имелись другие деревни, то писали бы просто «ичкинских татар», без указания единственной деревни и упоминания того, что они переселились из Ичкинских юрт... Но процесс переселения шел, видимо, очень активно. В одном из документов 1786 года перечислены уже три деревни ичкинских татар в Челябинском уезде: «Могильная, Резяпова и Цаликульская» [Там же, д. 109, л. 401].

На карте, составленной после 5-й ревизии (переписи населения), которая проходила в 1795–1796 годах, показаны четыре деревни: Ичкулева (Учкулева) — Шабай тож (то есть деревня имела два названия — Учкулева и Шабай), Тузова, Могильная (Альменкуль), Вешнякова — Сорочья тож [35, д. 1015]. Общее количество населения в четырех деревнях, по 5-й ревизии, 415 душ мужского пола, из них в Могильной и Тузовой (вместе) — 235, Вешняковой — 62, Учкулевой — 118 [35, д. 1015]. Мы видим резкий прирост: 20 дворов в 1771 году, 30 дворов, или примерно 100–120 душ мужского пола в 1783 году, и в 1796 году сразу 415 душ мужского пола. Такой быстрый рост населения был возможен только за счет переселения с Исети.

Схожая ситуация была со служилыми мещеряками. В Исетской провинции значительная часть служилых мещеряков, обитавших на этой территории с XVII — начала XVIII века, жила в северной части: компактная группа в районе реки Течи

и озер Кунашак, Тишки, Уелги, в деревнях на реках Синара, Багаряк, Караболка. После проведения губернской реформы эти территории оказались в ведении Далматовского, а позже Шадринского уездов Пермского наместничества. Значительная часть служилых мещеряков не пожелала уходить из-под Челябинской «команды» и захотела переселиться в Челябинский уезд, особенно когда выяснилось, что Челябинский уезд переведен из Пермского наместничества в Уфимское.

В 1782 и 1783 годах мещерякам, жившим в деревнях Муслюмова, Кунашакова и Курманова, были выданы два «билета» — документы на переселение из Далматовской округи, в которой эти деревни оказались, в Челябинский уезд. Один билет был на семьдесят дворов, второй — на тридцать, всего должно было переселиться сто дворов. Поселиться они должны были на «вновь пожалованной земле» [33, д. 88, л. 1–1 об.]. Очевидно, земля, отведенная после указа 1742 года, считалась вновь пожалованной. В 1784 году пятьдесят шесть дворов из ста в «оставшие в здешней Челябинской округе

Фрагмент Плана генерального межевания Челябинского уезда (1803–1805),

на котором показана территория Ичкинской (Могильской) волости

мещерятския деревни Мансурову, Карасеву, Аджитарову и состоящую при озере Тишки Чибину (Субину.— Г. С.) переселились» [Там же, л. 2–2 об.]. То есть перечисленные деревни уже существовали, просто при разделении территории они остались в Челябинском уезде. Точнее, Аджитарова и Мансурова существовали и до этого, а вот деревня на озере Карасу (Карасева) в 1783 году указана как «вновь поселенная» [Там же, д. 80, л. 20]. Прочие мещеряцкие деревни (Какчерлино, Сафакулево, Сюлюклино) возникли несколько позже. И переселялись туда как упомянутые выше сорок четыре семьи мещеряков из деревень Муслюмово, Кунашак и Курманово, так и другие семьи, которые к тому времени уже перебрались было поближе к Верхнеуральску, но решили вернуться в привычные края.

Часть служилых мещеряков Исетской провинции, не желая выходить из Оренбургского ведомства, еще в 1780 году ходатайствовали о переселении к Уклы-Карагайской и Уйской крепостям. В том же году они получили разрешение, и сорок дворов во главе со старшиной Габди (Абди) Бектемировым и ахуним Абдуллой Муслюмовым сыном (Муслюмовичем) Даушевым перебрались к верховьям реки Урал [33, д. 9, л. 1]. Вернее, поначалу перебрались мужчины, оставив семьи на старом месте. Но вскоре выяснилось, что Челябинский уезд переведен из Пермского в Уфимское наместничество (то есть фактически в прежнюю Оренбургскую губернию), и часть переселенцев попросила об «оставлении жительством на прежних их землях в Челябинском уезде» [33, д. 9, л. 1]. Кстати, как раз таки Абдулла Муслюмов сын (Муслюм улы, углы) Даушев и являл собой один из редких примеров наличия фамилии у тюркского населения Зауралья. Объясняется это, скорее всего, его происхождением (мурза, то есть из знатного рода) и тем, что он был депутатом Уложенной комиссии 1767–1768 годов.

Это не означало, что переселились все или даже большая часть мещеряков и служилых татар,— большинство осталось на местах прежнего проживания. У башкир существенных перемещений не произошло, поскольку после отчуждения земель для крепостей и заводов у большей части волостных общин остались не настолько большие вотчинные угодья, чтобы безболезненно принять

Геометрической специальной план Пермского наместничества Екатеринбургского уезда Балакатайской волости с принадлежащими ко оной деревнями и всеми землями, которая состоит за служивыми башкирцами, межевания учиненного в 1790 году с 24-го по 30-е число июля и с 23-го по 31-е число октября уездным землемером прапорщиком Петром Горбуновым.

А внутри того владения, обмежеванного окружною от всех владельцев межею, по ихчислению земли состоит: пашенной 3269 десятин и 319 квадратных сажен; лесу строеваго и дровяного 33362 десятины и 583 квадратных сажени; сенных покосов и кошевых мест 9822 десятины и 600 квадратных сажен; под реками, речками, озерами, болотами и водоройнами 8588 десятин и 1554 квадратных сажени; а всего во всей окружной меже пятьдесят пять тысяч триста девяносто четыре десятины и тысяча семьсот восемнадцать квадратных сажен. В состоящих селениях по последней ревизии мужеска полу в деревнях: Сариной 106, Таськовой 64, Сулейманов 45, Булатовой 42, Итбаевой 28, Кучумбетовой 13, Айсановой старой 31, айсановой новой 24, Шарпкулловой 56, Аисяновой 118, Юлаевой 10, Назаровой 12 душ, итого пятьсот сорок восемь душ. Да заселившихся самопроизвольно Шуранской волости в деревнях: Султановой 74, Мурзакаевой 77, итого сто пятьдесят одна душа. Улукатайской башкирской волости в деревнях: Апаковой 27, Кайнкуль 37, Абрагимовой 64, итого сто двадцать восемь душ. Итого самопроизвольно заселилось четыреста семь душ, а всего девятьсот пятьдесят пять душ.

Сочинен 1793 года апреля 18 дня. Межевал Екатеринбургской уездной землемер прапорщик Петр Горбунов. Описание смежных земель: от А до В владение Каратабынской башкирской волости; от В до С долматовская уездная граница, разделяющая владения Балакатайской башкирской волости; от С до D владение Куяшской заимки госпожи Турчениновой; от D до Е владение Мякотинской башкирской волости; от Е до F владение Верхтечинской деревни наследников господина Метлина; от F до А владение Чирлинской башкирской волости

новых припущенников. В 1790-е годы были составлены планы некоторых волостей Екатеринбургского уезда [13]. Как понятно из пояснений к плану, Балакатайская волость была разделена между Екатеринбургским и Далматовским (позже Шадринским) уездами Пермского наместничества.

Основная служба, которую несли жители этих волостей в мирное время,— линейная, то есть служба на «линии», на границе. Службу несли по-сменно. В 1780-е годы обычно выбирали на линию по одному человеку от 8–9 дворов [33, д. 80, л. 5 об.]. Часть отправлялась на Сибирскую линию, такие служили по одному году. На Уйской линии (при Троицке и Звериноголовской крепости) или на Верхнеуральской и Кизильской дистанциях — по полгода. Как говорилось в одном из документов 1782 года: «...от мещеряцкого и башкирского народа каждогодно на такую службу наряд был, исключая ахунов, мулл, азанчеев, сотников, писарей, престарелых, дряхлых, малолетних» [33, д. 80, л. 5]. Сотники, упомянутые в документе,— это чиновники, которые выполняли «руководящие функции» на местах, в деревнях, поэтому отправке на линейную службу они не подлежали. А для службы избирались другие сотники, которых называли «походными». Точно так же и старшины были «юртовыми» (те, кто руководил «дома», в команде) и «походными» (которые принимали командование на линейной службе либо в военном походе).

Вооружение сартов, калмыков и мещеряков, отправлявшихся на линейную службу, то есть на границу, было схожим, но разница в снаряжении все же была. Продемонстрирую на примере 1783 года. Практически все отправлявшиеся на линию были «о двуконь», то есть каждый имел вторую лошадь. Из пяти калмыков, отправившихся тем летом на границу, почти у всех были копыя и сабли, но только у двоих — саадаки (сайдаки), то есть лук с колчаном. Из пяти сартов у четверых были саадаки, а у одного — копые и сабля [33, д. 80, л. 85 об.]. Из тридцати мещеряков, отправившихся на границу, саадаки были у 10, копыя у всех, сабли у 13, и 8 человек имели ружья. В целом 12 мещеряков из 30 были вооружены только копьём и саблями. Эти цифры показывают не только отсутствие у многих башкир и мещеряков некоторых видов оружия, в первую

очередь ружей. Эти данные подтверждают, что в то время не существовало единой формы обмундирования и единых требований к вооружению.

Один из нюансов изменения сословной ситуации. Традиционно башкирское общество было разделено на собственно башкир (ясачное население) и тарханов (привилегированная служилая прослойка, не платившая ясак). После 1754 года, когда все башкиры де-факто стали служилыми, тарханское звание сохранялось как обозначение привилегированной группы, но самих привилегий фактически не осталось. В 1787 году сын Таймаса Шаимова Аитбай тархан Таймасов обратился в Челябинский уездный суд с просьбой. Суть ее заключалась в том, чтобы Аитбая и его родственников направляли на линейную службу не рядовыми, а «чиновниками» «вместо ясаулов и сотников», и чтобы с них не брали ямских и прочих сборов, которые платили рядовые башкиры. Уездный суд обратился в Уфимское наместническое правление, поскольку взять на себя ответственность за такое решение не осмеливался. Правление подтвердило, что поскольку в отношении отца просителя, Таймаса Шаимова, действительно в 1733 году «за верную его службу велено быть ему служилым башкирцом и с ясашными не числить, того ради во оной нижней земской суд послать сей указ и велеть впредь по нарядам на службу упоминаемого просителя Таймасова со сродственниками на службу наряжать в числе чиновников»⁴ [33, д. 130, л. 7–7 об.].

Руководство государства и губернии видело необходимость реорганизации пограничной службы и воинской службы в целом, как Оренбургского казачьего войска, так и башкир и мещеряков. Как пишет А. З. Асфандияров: «22 апреля 1789 года Игельстром разделил башкир по командам (юртам): 20 908 башкирских дворов разделено на 103 юрты; последние управлялись назначенными им же юртовыми старшинами и их помощниками (52 чел.). Кроме того, 63 походных старшины и 213 сотников следили за военно-сторожевой службой башкир. В среднем на одного чиновника приходилось 48,5 двора, что и облегчало наблюдение за образом

4 Слово «чиновник» в данном случае использовано в значении «человек с чином», «не рядовой исполнитель».

жизни и поведением населения». Такой порядок являлся переходным к кантонной системе управления; однако башкиры, неся военную службу, пока что находились не под военным, а гражданским управлением. Только 30 января 1797 г. Игельстром «по службе взял» башкирский народ в военное ведомство, но все же «по домостроительству и тяжебным делам» оставил в гражданском ведомстве. Последнее разделение управления было узаконено правительством 23 февраля 1797 г. И, наконец, Игельстром ордером от 3 января 1798 г. предписал назначаемым им кантонным начальникам ввести кантонную систему управления и новый порядок службы на границе. Этот ордер был узаконен указом от 10 апреля 1798 г. о переводе башкир и мишарей в военно-казачье сословие с образованием 11 башкирских и 5 мещеряжских кантонов. Одновременно было образовано 5 кантонов оренбургских казаков» [4, с. 19].

Понятно, что основную часть войска составляли башкиры. В Зауралье были сформированы следующие кантоны: 2-й в Екатеринбургском и Шадринском уездах, 3-й в Троицком, 4-й в Челябинском и 6-й в Верхнеуральском. А вот в Екатеринбургском и Шадринском уездах в указе о создании Башкиро-мещеряжского войска общее число мещеряков (считая ичкинских татар) указаны 224 души мужского пола, и они были включены в состав 2-го башкирского кантона [41, № 18.477, с. 19]. Впоследствии из 2-го башкирского кантона был выделен новый кантон, куда вошли башкиры, мещеряки и служилые татары Шадринского уезда. Общая нумерация башкирских кантонов Зауралья с 1803 года выглядела так: 2-й — в Екатеринбургском уезде, 3-й — в Шадринском, 4-й — в Троицком, 5-й — в Челябинском, 6-й — в Верхнеуральском уезде.

Значительная часть мещеряков и служилых татар была включена в состав сословной группы башкир. Приведу пример: в ревизских сказках 1811 года заголовок очередной тетради: «3-го башкирского кантона Салзатской волости юртоваго старшины Исмагила Алзагулова о состоящих в команде моей башкирсага народа мужеска пола душах». Первой идет деревня Бурино, а следующая за ней — Нижняя, одна из деревень, составлявших Усть-Багаряцкие юрты, где жили багаряцкие

татары [54]. Или запись из ревизских сказок того же года того же 3-го кантона: «...сотника Абдулнасыра Абдулгафарова о состоящих в команде моей башкирцах», а далее идет список жителей деревни: Тагиловой (Тогул — второе название деревни Кызылбай, где жили ичкинские татары). Под шапкой идет указание: «ис татар» [55], но это скорее средними обозначениям «сарт» и «калмак», как указаниям на отдельную подгруппу в рамках сословной группы башкир. Так, в ревизских сказках 1811 года 5-го башкирского кантона: «5-го башкирского кантона в нижеозначенных селениях наличном количестве мужеска пола чиновниках, башкирцах, киргисцах, сартах и аюкинских калмыках» [23, д. 129, л. 85]. Собственно, и в ревизских сказках 1859 года мы видим указание: «10-го башкирского кантона, юрты № 9-го о состоящих мужеска и женска пола башкирцах из сартов и аюкинских калмык», и дальше на страницах документа везде указано «сарты» либо «калмыки» [22, д. 771, л. 689]. При этом никто не сомневается, что и те и другие входили в состав башкир.

Точно так же и часть мещеряков и служилых татар, живших в Екатеринбургском и Шадринском уездах, были включены в состав башкирского кантона и, соответственно, сословной группы башкир⁵. Выше мы уже видели, что в состав 3-го башкирского кантона входили ичкинские татары (которые в разных документах обозначались то как татары, то как мещеряки). Помимо этого туда же входила и Мещеряжская волость Шадринского уезда, которую составляли деревни мещеряков Кунашак, Муслюмово, Курманово, а кроме того, татары Усть-Багаряцких юртов. При этом в 1850 году, по данным 9-й ревизии, число башкир, пребывавших в этом сословии еще до 1798 года, и башкир из мещеряков (и служилых татар) в Екатеринбургском и Шадринском уездах было практически

5

В статье 2015 года была дана неверная интерпретация ситуации, сказалось недостаточно внимательное изучение источников и то, что я ориентировался в большей степени на материалы ревизских сказок, выложенные на сайте НА РБ. Там нет возможности посмотреть документы полностью и отсутствует отсылка к номерам дела и описи. Поэтому я не смог увидеть сложную идентификацию этого населения в документах: в первую очередь как башкир, а затем как мещеряков или татар [61, с. 394–402].

одинаково — 12 472 и 12 245 соответственно [4, с. 189]. Есть информация, что какие-то попытки создания мещеряцкого кантона на территории Екатеринбургского и, видимо, Шадринского уездов были. В 1818 году живший в деревне Курмановой Шадринского уезда Давлетша Сеитягоферов Бикметов писал: «...в прошлом, 1816, году действительно Екатеринбургского уезда деревни мещерятской Караболки мещеряки по предписанию Оренбургскаго военного губернатора в отделенной мещерятской кантон, находившейся тогда под управлением его (Давлетши Бикметева.— Г. С.), причислены были» [15, д. 501, л. 21]. О том же сообщал и юртовой старшина деревни Караболки Сабит Хамитов [Там же, л. 7–8]. Не совсем понятно, о чем идет речь — что это за «отделенной» кантон и что с ним стало впоследствии. Этот сюжет относится к практически неизученным.

В состав сословной группы мещеряков вошли как служилые мещеряки, так и часть группы ичкинских служилых татар, проживавших на территории Челябинского и Троицкого уездов. Из них был сформирован 1-й мещеряцкий кантон. Правительство формировало новые сословные группы,

исходя из поставленных задач, но избегало пока включать все нерусские служилые группы в состав сословной группы башкир.

Основной задачей Башкиро-мещеряцкого войска оставалась линейная служба. Зауральские башкиры и мещеряки несли службу преимущественно на Уйской линии, часть их традиционно командировалась на Сибирскую линию. Участие воинов Башкиро-мещеряцкого войска в войне 1812 года и зарубежном походе русской армии стало предметом огромного количества работ, и пересказывать их здесь мы не будем. Отметим лишь, что более 20 полков 500-го состава ушли из кантонов Башкиро-мещеряцкого войска. Часть полков участвовала в заграничном походе, некоторые несли гарнизонную и пограничную службу.

Единая форма одежды для частей Башкиро-мещеряцкого войска была введена в 1828 году [8, с. 20–22]. Характерно, что обмундирование башкир и мишарей довольно существенно различалось. Введение формы вызвало недовольство у башкир и мещеряков — очевидно, им не хотелось менять традиционную одежду на форменный мундир. Группа мещеряков Верх-Теченской волости (Шад-

Обер-офицер башкирских кантонов. 1829–1838 годы

Обер-офицер башкирских кантонов. 1845–1855 годы

Урядник башкирских кантонов. 1829–1838 годы

ринский уезд) обратилась с прошением на имя царя, чтобы им разрешили не носить форму. В результате они царским указом были исключены из служилого сословия, и их было повелено переселить из деревни Курманово, где они жили, поскольку не положе-

но жить в одном селении служилому и податному сословиям. История с переселением затянулась, поскольку наказанные под разными предложениями отказывались переезжать на озеро Тышки, где им было определено место для поселения.

Казак мещерякских кантонов. 1838–1845 годы

Урядник и штаб-офицер башкирских кантонов. 1838–1845 годы

Обер-офицер и казак мещерякских кантонов. 1845–1855 годы

Казак башкирских кантонов. 1829–1838 годы

Казачи

Исетское казачье войско, включавшее казаков Челябинска, Миасской, Чебаркульской, Екткульской, Коельской и Еманжелинской крепостей, со своим атаманом, войсковой избой, печатью просуществовало в составе Оренбургского казачьего войска до 1805 года [47]. После этого как отдельная единица Исетское войско не упоминается — в документах фигурируют лишь казачьи кантоны. В этом же году началось переселение казаков из внутренних областей на Оренбургскую линию. Исетские казаки объявили, что они готовы по монаршей воле к переселению, но оказалось, что их больше, чем необходимо. Было решено переселить лишь часть казаков, при этом на каждого из них выделить по две лошади с упряжью и прибором для верховой езды, дать каждому соху, борону, телегу, топор, косу, для посева десять пудов пшеницы и рожь или ржаную

муку для пропитания. Все это должны были дать остающиеся на прежнем месте казаки. Переселенцы освобождались на первые пять лет от любых повинностей кроме обязанности защищать себя и свои жилища. Переселился 1181 человек, они были размещены в крепостях и редутах от Ильинской крепости до Верхнеуральска⁶.

А на следующий год начали переселяться казаки из приуральской части губернии — из городов Уфы и Красноуфимска, пригородка Табынска и станиц Ельдытской и Нагайбакской. Здесь разброс мест был очень широк — от Звериноголовской до Верхнеозерной крепости. Всего собирались перебраться на новые места 474 казака [20, с. 85–86]. Этот процесс можно считать началом концентрации оренбургского казачьего войска. Вып. 8. Оренбург, 1911. С. 68–77.

⁶ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. Оренбург, 1911. С. 68–77.

Фрагмент «Карты Оренбургской губернии с показанием всех укрепленных во оной и от нее продолжившейся новой Сибирской линии».

Карта не датирована, возможно, она относится к началу 1780-х годов. По крайней мере, этим может объясняться использование в названии слова «губерния», в то время как на самой карте указаны «наместничества». Кроме того, Сибирская линия названа «новой», что еще представимо для начала 1780-х годов, да и то с натяжкой

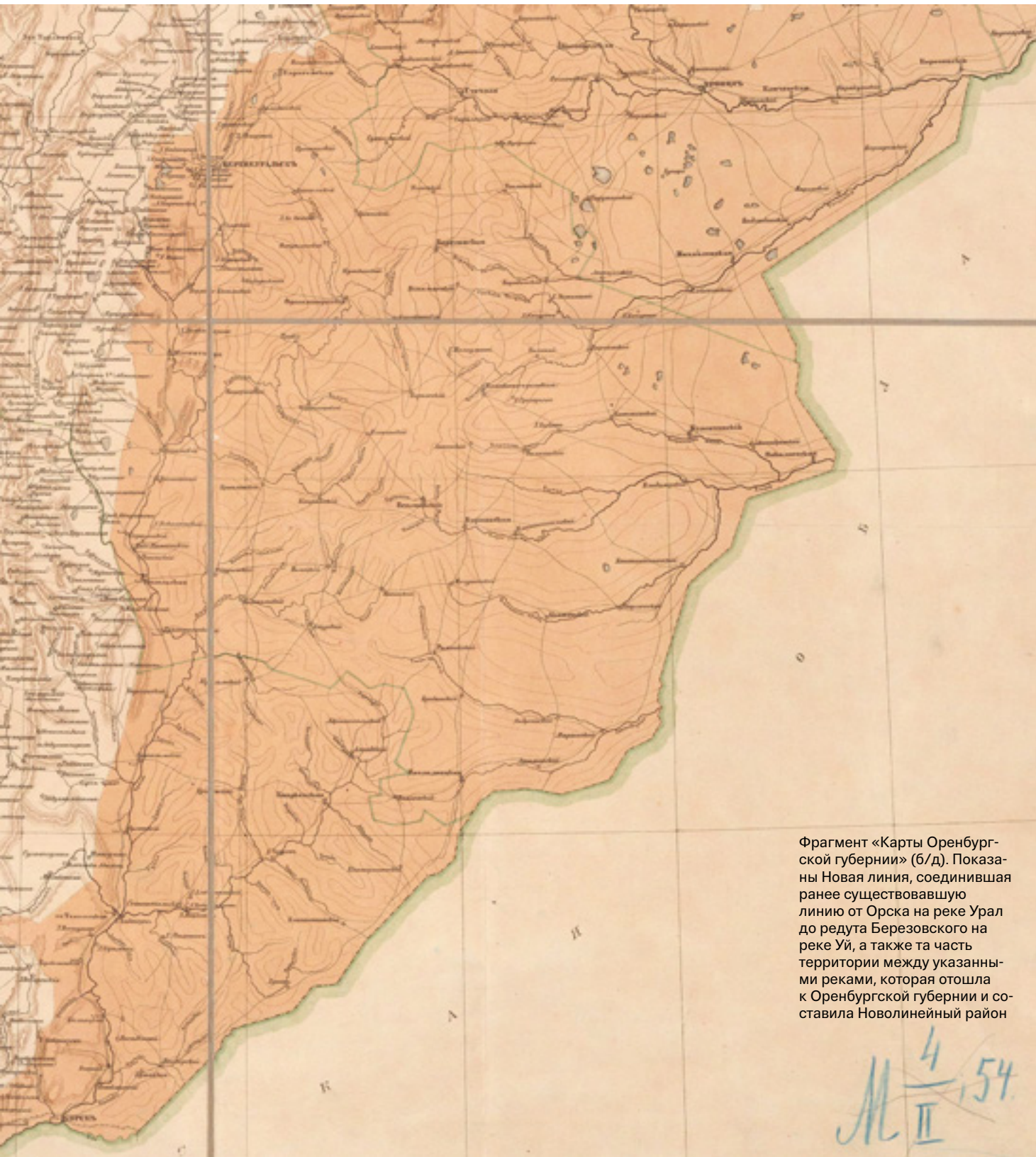

бургского казачества на прилинейных территориях. Развитие и логическое завершение он получил в ходе реформы 1830–40-х годов.

В 1830-е годы начинается формирование Новой линии, или, иначе говоря, Новой границы. Как говорилось выше, граница между казахской степью и территориями Оренбургской губернии проходила по рекам Урал и Уй. Вершины этих рек сходят-

ся, образуя угол, который вдавался в пространство Оренбургской губернии. Обустройство пограничной линии напрямую, от Орска, мимо Троицка до станции Березовской позволяло изрядно уменьшить протяженность границы. Кроме того, тот самый «клин», оказавшись уже внутри Оренбургской губернии, позволял расселить дополнительное количество казаков. Численность казаков

Фрагмент «Карты Оренбургской губернии» (б/д). Показаны Новая линия, соединившая ранее существовавшую линию от Орска на реке Урал до редута Березовского на реке Уй, а также та часть территории между указанными реками, которая отошла к Оренбургской губернии и составила Новолинейный район

КАРТА
ОРЕНБУРГСКОЙ
ГУБЕРНИИ

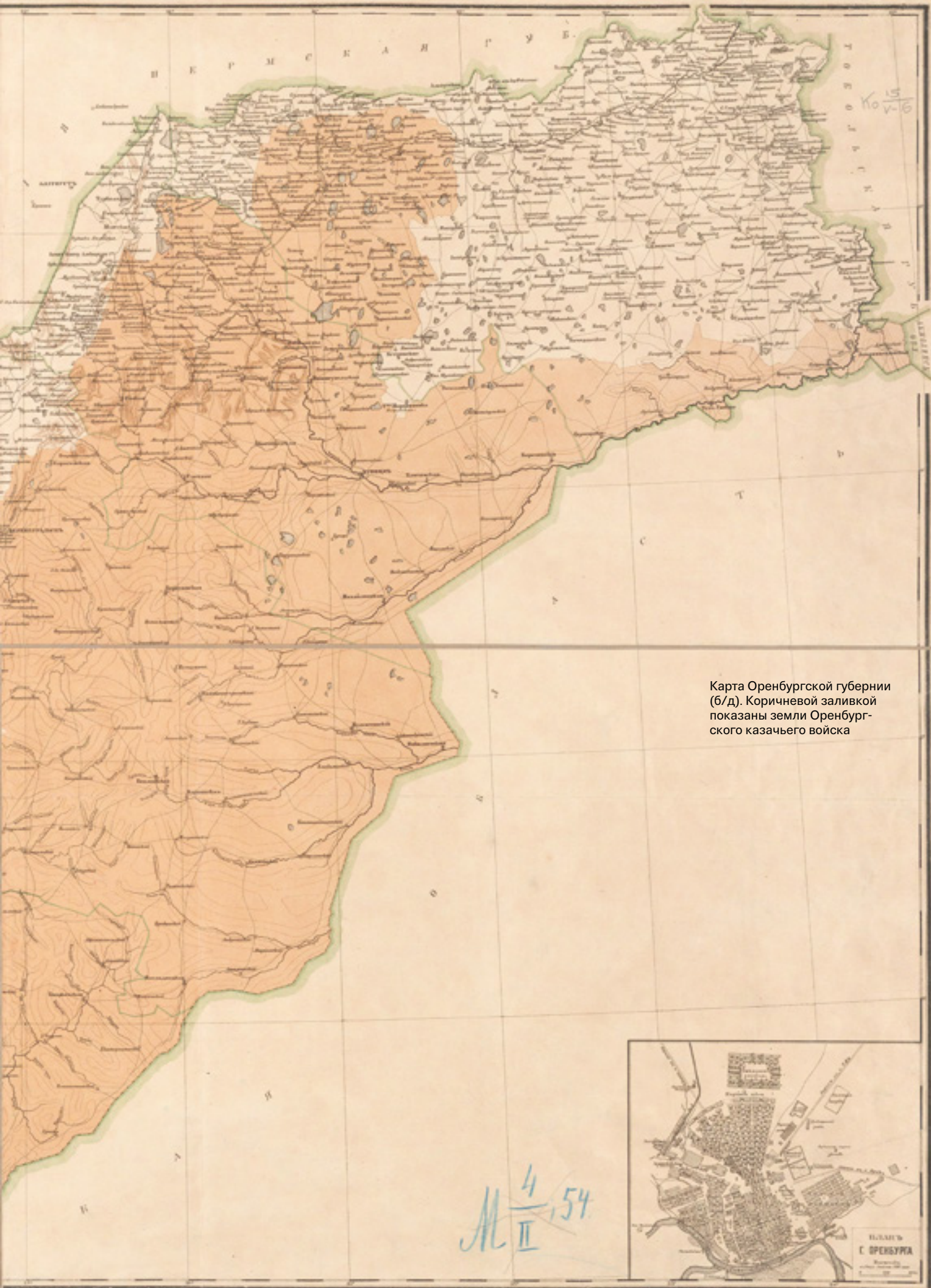
Издание
в Санкт-Петербурге 1864 года

ИЗДАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКАГО УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Карта Оренбургской губернии (б/д). Коричневой заливкой показаны земли Оренбургского казачьего войска

М. 4/54

предполагалось увеличить решительным образом, поскольку все обязанности по охране границы было решено передать Оренбургскому казачьему войску.

В период образования Оренбургской губернии провести границу напрямую, вытесняя казахов от верховий Яика и Уя, было практически не реально, поскольку сил едва хватало на обеспечение охраны границ. В первой трети XIX века ситуация на юго-восточных рубежах империи позволяла местным властям чувствовать себя вполне уверенно для проведения подобной реорганизации пограничной территории. В 1835–1836 годах было начато обустройство Новой линии, которая включала пять укреплений и 15 редутов [19, с. 175] и протянулась от Орска до Березовского редута на реке Уй. «Угол», образуемый верхними течениями Урала и Уя, был отсечен этой линией, образуя так называемый Новолинейный район. Заселялись укрепления на Новой линии солдатами линейных батальонов, переведенными в казачье сословие. Именно в это время (1837) по указу 1834 года солдаты линейных батальонов, стоявших в крепостях по Оренбургской пограничной линии, на участке от крепости Орской до крепости Усть-Уйской, были переведены в казаки, и часть их была переселена в укрепления на новой линии [Там же, с. 177]. Затем в укрепления поселили казаков из упраздненных внутренних кантонов.

А в начале 1840-х годов началось переселение казаков и перечисленных в казаки белопахотных солдат и солдатских малолетков из упраздненных внутренних кантонов в Новолинейный район. В июне 1842 года на новые места прибыли казаки, которые должны были обустроить будущие поселения, провести хотя бы минимальные работы, чтобы их семьи переезжали не на пустое место. Уже весной должно было начаться переселение из станиц, расположенных в глубине губернии, на войсковую землю.

Организация Новой линии была далеко не единственным преобразованием. Как уже говорилось, в 1837 году солдаты регулярных линейных батальонов, стоявших в крепостях (Троицкой, Верхнеуральской и др.), были переведены в казачье со-

словие. Только с этого времени пограничная линия становится почти исключительно казачьей. Почти, поскольку даже после реформы Оренбургского казачьего войска в Троицке остается воинская команда во главе с комендантом.

Но этим дело не ограничилось, и начинается масштабное преобразование экономической базы Оренбургского казачьего войска. В 1840 году было высочайше утверждено положение об Оренбургском казачьем войске, где было сказано: «Земли по всему протяжению Оренбургской линии, от границы Сибири до пределов Уральскаго казачьяго войска, в глубину линии не менее 15 верст. Часть казенных земель прилинейных уездов: Челябинскаго, Троицкаго и Оренбургскаго, которыя, во избежание чрезполосицы, причисляются, в определенных выше границах, к войсковым, вместе с поступающими в войско, живущими на них, крестьянами» [15, № 14041]. Иначе говоря, все земли вдоль пограничной линии, на глубину 15 верст переходили в войсковые земли, а живущие на этих землях крестьяне (а также башкиры и мещеряки) должны были перейти в казачье сословие. К войсковым же землям отходила и территория между старой и Новой линиями (Новолинейный район). А земли вокруг Челябинска, Еткульской, Миасской, Чебаркульской и Уйской станиц были казачьими с 1740-х годов, когда были сделаны отводы тогда еще крепостям. Участки, отведенные этим крепостям, смыкались между собой, образуя практически единый огромный «участок». Таким образом, эти земли тоже вошли в состав войсковых земель. То есть в реальности получилась вовсе не полоса шириной 15 верст вдоль границы, а огромный массив земель [50].

На территории, отведенной в свое время Чебаркульской крепости, позже (в 1750-е годы) были основаны крестьянские поселения — Кундравинская и Верхнеуевельская (Варламова) слободы, от этих слобод потом «отпочковались» деревни. В 1840-е годы оказалось, что крестьяне этих слобод и деревень должны перейти в казачье сословие. Это же касалось и башкир и мещеряков. Если они желали по-прежнему жить на этих территориях, вошедших теперь в состав земель Оренбургского казачьего войска, то должны были перейти в казачье сословие.

Но крестьяне, проживавшие на землях, которые вдруг оказались войсковыми, в казаки идти не хотели. Их устраивало существовавшее положение — обилие плодородной пахотной земли и сенокосных угодий, возможность торговать, в зимнее время подражаться на различные работы. С точки зрения здравомыслящего крестьянина, выгоды казачьего бытия были весьма сомнительны. Казак, конечно, освобожден от податей, но должен обеспечить за свой счет строевого коня, амуницию, обмундирование и холодное оружие, не считая того, что еще и службу нести надо и вести хозяйство, чтобы обеспечить себя и семью. И к тому же казак — человек служилый, то есть не свободный. В общем, во всех отношениях, с точки зрения здравого смысла, крестьянину переходить в казаки было не с руки. Но и переселяться на другие земли (к западу от Уральского хребта) крестьянам Кундравов и Варламова не хотелось. Крестьяне отказались от перехода в казачье сословие, но и переезжать не собирались. 4 мая 1843 года император Николай I подписал указ, где говорилось: «...казенных крестьян прилинейных уездов Оренбургского, Челябинского и Троицкого, всех без изъятия, зачислить в казаки и привести к присяге... от крестьян сих просьб об обращении их в первобытное податное состояние не принимать» [44, № 16811].

После этого указа начался принудительный перевод крестьян в казачье сословие. «В Троицком уезде казаками сделались хлебопашцы трех волостей Кундравинской, Нижне- и Верхнеувельской) — 8750 чел. Необходимо отметить, что жители этих волостей категорически отказывались перейти в войсковое сословие и нести связанные с этим статусом обязанности. Посланные в район войска предотвратили выступления, но не ликвидировали причину недовольства. В волость прибыл флигель-адъютант полковник Тумановский, а затем два полка пехоты и казаки с артиллерией. Подавить волнения удалось только осенью 1843 г.» [3, с. 56–61].

В этой ситуации часть нагайбакских казаков с рек Ик и Сюн была переселена не в Новолинейный район, а в бывшие крестьянские деревни, ставшие казачьими поселками: Попово, Варламово, Болотово, Ключевской 2-й (он же Лягушино)

и Краснокаменка. До революции эти территории относились к Троицкому уезду (сегодня это Чебаркульский и Уйский районы Челябинской области). Очевидно, власти решили заселить эти места уже проверенными казачьими кадрами.

Крестьяне деревень, располагавшихся на землях казаков Челябинска и Миасской крепости, очевидно, перешли в казачье сословие достаточно спокойно. По крайней мере, информации о силовом принуждении к подобному переходу нам не встречалось. Возможно, причина в том, что здесь крестьяне были расселены деревнями без выделения собственной земли — они изначально жили на казачьих землях. Более того, во многих деревнях жили и казаки, и крестьяне.

В 1835 году Тептярский полк был переименован в Оренбургский казачий полк и передан в состав Оренбургского казачьего войска. В 1840 году было определено в составе Оренбургского казачьего войска сформировать десять полков. В 1842 году к Оренбургскому казачьему войску было присоединено Ставропольское калмыцкое казачье войско, и калмыков переселили в Новолинейный район [7, с. 167].

Реформа Оренбургского казачьего войска в принципе изменила ситуацию. Если раньше на линейной службе казаков было существенно меньше, чем башкир и мещеряков, то теперь численность ОКВ позволяла выделять для охраны границы гораздо большее количество казаков. Роль Башкиро-мещеряцкого войска существенно снизилась. Что и сказалось в ближайшем будущем.

Список источников и литературы

1. Аблина Н. А. Путешествуя по столетиям : Троицку 260 лет. Челябинск : Челяб. дом печати, 2003.
2. Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений 1836 года. Оренбург : Тип. штаба Оренбург. отд. корпуса, 1835.
3. Аминов Р. Р. Изменение численности и состава татар-казачков в Оренбургском казачьем войске по «Положению» 1840 г. // Этнокультурное наследие народов Южного Урала: история, этнография, религиоведение : материалы всерос. науч.-практ. конф. Оренбург : Университет, 2014.
4. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа : Китап, 2005. 265 с.
5. Боже В. С. Школьный мир дореволюционного Челябинска : в 2 т. Т. 1: Краткий исторический очерк. Челябинск, 2006. 152 с.
6. Буканова Р. Г., Абдрахимов Г. Р. Образование Уфимского наместничества начало нового этапа развития городов Южного Урала // Вестн. Башк. ун-та. 2013. Т. 18, № 4. С. 1328–1330.
7. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск : в 30 ч. Ч. 19. СПб. : Воен. тип., 1861.
8. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск : в 30 ч. Ч. 27. СПб. : Воен. тип., 1862.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 4.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6.
13. ГАПК. Ф. 279. Оп. 1.
14. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1.
15. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1.
16. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1.
17. ГИМ ЮУ. НВ. № 621
18. Имянной список господам депутатам выбранным в Комиссию для составления проекта нового Уложения : Кто из какого места выбраны. Генваря по 1 число 1768 году. М. : Печатан при Имп. моск. ун-те, б. д.
19. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара ; Челябинск, 2008.
20. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. М., 1960. 783 с.
21. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1781. СПб. : При Имп. акад. наук, 1781. 475 с.
22. НА РБ. Ф. 138. Оп. 2.
23. НА РБ. Ф. 138. Оп. 3.
24. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2.
25. Новикова О. В., Самигулов Г. Х. Городская одежда Южного Зауралья первой половины XIX в. // Национальные культуры Урала. Народная одежда и текстиль : материалы конф. Екатеринбург, 2006. С. 77–96.
26. ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1.
27. ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 2.
28. ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1.
29. ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1.
30. ОГАЧО. Ф. И-14. Оп. 1.
31. ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1.
32. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1.
33. ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1.
34. ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1.
35. ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1.
36. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1.
37. ОГАЧО. Ф. И-211. Оп. 1.
38. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 3 ч. Ч. 2, кн. 2. СПб. : При Имп. акад. наук, 1786. 571 с.
39. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 21: 1781–1783 гг. СПб., 1830. 1086 с.
40. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 22: 1784–1788 гг. СПб., 1830. 1178 с.
41. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 25: 1798–1799 гг. СПб., 1830. 935 с.
42. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. 1-е собр.: 1649–1825 гг. Т. 38: 1822–1823. СПб., 1830. 1354 с.
43. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. 2-е собр.: 1825–1881 гг. Т. 15, ч. 1: 1840 г. СПб., 1841. 987 с.
44. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. 2-е собр. : 1825–1881 гг. Т. 18, ч. 1: 1843 г. СПб., 1844. 843 с.
45. Положение о башкирах. СПб. : В тип. Упр. иррегуляр. войск, 1863. 117 с.
46. Принцева Г. А. Сибирский путь Павла Пясецкого. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 274 с.
47. Пузанов В. Д. Исетское казачество в XVIII в. // Пермский регион : история, современность, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Березники, 2001. С. 134–139.
48. Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприимлемое в 1787 году. СПб. : Печатано при Горном Училище, 1786. 153 с.
49. РГАВМФ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 972.
50. РГБ. Отд. картографии. М4/II. 54.
51. РГВИА. Ф. 418. Оп. 1.
52. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16.
53. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167.
54. Ревизские сказки д. Нижняя, 1811 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edoclib.gasrb.ru/> (дата обращения: 05.06.2019).
55. Ревизские сказки д. Тагилова, 1811 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edoclib.gasrb.ru/> (дата обращения: 05.06.2019).
56. Росписание станции для шествия Ея Императорского Величества (в Крым Г. С.), с назначением обеденных столов, ночлегов и пребывания. СПб., 1786. 10 с.
57. Самигулов Г. Х. К истории планов планировки улиц и площадей Челябинска XVIII–XIX вв. // Челябинск неизвестный : краевед. сб. Вып. 4. Челябинск, 2008. С. 30–77.
58. Самигулов Г. Х. Проектное планирование и реальная застройка городов Южного Зауралья конца XVIII — XIX в. // Город в зеркале Генплана : монография / науч. ред. И. А. Бондаренко. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. С. 58–81.

59. Самигулов Г. Х. Развитие застройки провинциального города XVIII–XIX вв. (на примере Челябинска) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Изд-во Омс. ин-та (фил.) РГТЭУ, 2011. С. 223–232.

60. Самигулов Г. Х. Из истории Троицка // Листая памяти страницы : обл. науч.-практ. конф., посвящ. 270-летию г. Троицка. Челябинск, 2013. С. 50–62.

61. Самигулов Г. Х. К истории мещеряков Южного Зауралья XVIII начала XX века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. Вып. 5. Казань, 2015. С. 394–402.

62. Собрание фасадов, Его Императорским Величеством Высочайше апробованных для частных строений в городах Российской Империи. 1809–1812 года. Ч. 1–5. СПб., 1809–1812. 287 с.

63. Старый Верхнеуральск в слове современников : собр. текстов и материалов / сост. В. С. Боже, И. В. Купцов. Челябинск : Абрис, 2009. 308 с.

64. Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа : Китап, 2000. 376 с.

65. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 6. Оренбург, 1900.

66. Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 6. Челябинск : Камен. пояс, 2006.

Белая дорога. Оренбургская область, Август 2016 года.
Фото: В. Шаратов

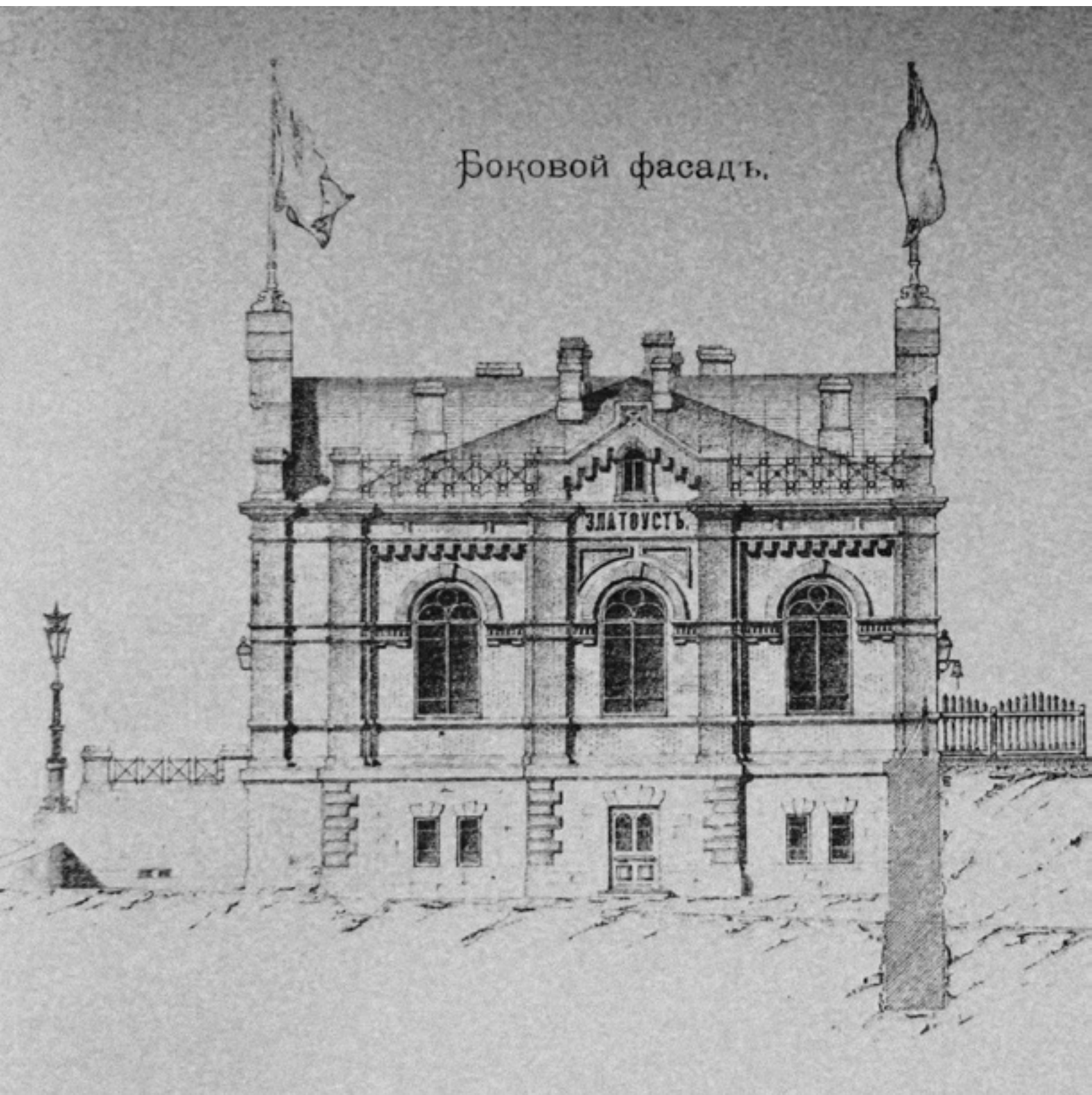
История Южного Урала

6
ТОМ
глава
10

ОТ
НИКОЛАЕВ-
СКОЙ
ЭПОХИ ДО
ТРАНССИБА

Боковой фасадъ.

Глава 10. ОТ НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ ДО ТРАНССИБА

Эпоха перемен

На вторую половину XIX века приходятся реформы Александра II, которые коснулись разных сторон жизни государства и различных социальных групп населения империи. На первый взгляд, крестьянская реформа (отмена крепостного права) не имела большого значения для территории Южного Зауралья, где был весьма низкий процент помещичьих крестьян. Но необходимо помнить о том, что работники частных металлургических заводов являлись в основном посессионными крестьянами, то есть прикрепленными к заводам, что фактически означало ту же крепостную зависимость. По результатам реформы они также получили возможность открепиться от заводов, стать лично свободными. Но было еще одно следствие освобождения крестьян — количество переселенцев на восток страны понемногу увеличивалось, хотя пока и не обрело тех масштабов, которые будут характерны для самого конца XIX — начала XX века. На карте (см. с. 408–409) показаны переселенческие деревни в Приуралье и Зауралье, появившиеся в 1870–90-е годы [24]. Обращает на себя внимание тот факт, что селения, образованные переселенцами, концентрируются преимущественно в восточной части Челябинского уезда, которая впоследствии отошла к Курганской области. Это

объясняется достаточно просто: остальные территории были заняты башкирскими либо казачьими землями или же землями заводов, которые не подлежали отчуждению. Землей переселенцы наделялись на основании законов от 28 января 1876 года [19, с. 60–61, № 55528] и от 13 июля 1889 года [20, с. 535–538, № 6198].

Большое значение имела реформа городского самоуправления. В рамках преобразований была избрана первая городская дума в Верхнеуральске. Но главным было то, что городское руководство получило определенную свободу действий и возможность оперировать собственным бюджетом. Система предшествовавшего периода ограничивала полномочия городского самоуправления преимущественно фискальными функциями (сбор налогов, организация «служб по выбору» и т. д.). Городовое положение 1870 года определяло, что органы собственно городского самоуправления состоят из думы и городской управы [18, с. 821–839, № 48498]. Если первая решала общие вопросы, в том числе и формирование управы, то вторую можно обозначить как исполнительную власть в городе.

Судебная реформа на территории Южного Зауралья проходила достаточно медленно. Постоянно происходили согласования проекта внедрения судебных уставов Министерством юстиции с руководством Оренбургской губернии. В 1871 году оренбургский губернатор К. Н. Боборыкин направил генерал-губернатору письмо, где излагал свои сомнения относительно проекта внедрения

№ 15
1879

КАРТА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Масштаб
1:100,000

ИЗДАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ЗАВЕЩАНИЯ А. В. ВАРНА

Состав, обработка и печать введены в печать редакцией
первоначальной системы, на основании географических
поданных сведений, по следующим:

- - 18 июля 1878 года, в том 11
  - - 10 июля 1878 года, в том 12
  - - 13 июля 1878 года, в том 13
- в том 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100

Карта Оренбургской губернии.
Красным показаны селения,
основанные переселенцами
после 1876 года

КАРТА
УФИМСКОЙ
ГУБЕРНИИ

Масштабъ

Въ Садыньскихъ верстахъ 1:100,000

Составлена въ 1864 году
Генералъ-Маіоромъ Г. А. Шенкелемъ
Съ помощію Г. А. Шенкелемъ
Издана въ С.-Петербургѣ
въ Типографіи Военнаго Генералъ-штаба
въ 1865 году

№ 12
XII-16

ИЗЪЯСНЕНИЕ ЗНАКОВЪ:

- ГУБЕРНСКІЙ уездъ 10
- УЪЗДНОЙ уездъ 10
- Село 10
- Дорога 10
- Железные дороги 10
- Дорога съ переездами 10
- Дорога мостовая 10
- Дорога каменная 10
- Дорога глиняная 10
- Рѣка и ручей 10
- Озеро прѣсное 10
- Озеро соленое 10
- Озеро болотное 10

Карта Уфимской губернии. 1889 год

окружных судов в Оренбургской губернии. Доводов было много, начиная с того, что в проекте занижено число мировых судей, необходимое для удовлетворения потребностей Оренбургской губернии: расчет базировался на сведениях о численности населения в 803 798 человек, а к моменту написания письма их было уже почти на 100 000 больше. Обосновывалось, что при огромных пространствах Оренбургской губернии требуется гораздо большее количество судебных следователей, чем на аналогичное количество населения в центральных губерниях. Ни в Оренбурге, ни в Троицке (или Челябинске) не было подходящих зданий для размещения окружных судов. Территория, которая предполагалась в ведение каждого суда, слишком велика¹ (особенно та, что предполагалась для Троицкого суда и т. д.). Генерал-губернатор, очевидно, транслировал эти замечания в адрес министра юстиции. В 1873 году министром были предложены «незначительные изменения». В частности, он предлагал оставить основной суд в Оренбурге, а в каждом уездном городе организовать его отделения [7, д. 19, л. 106–135]. Попытки учесть местные особенности и адаптировать проект продолжались довольно долго. Окончательно окружные суды в Оренбургской и Уфимской губерниях были введены решением Госсовета от 9 марта 1892 года [11, с. 192–194].

Необходимо отметить, что в 1865 году Оренбургская губерния была разделена на Оренбургскую и Уфимскую губернии [23]. Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды остались в составе Оренбургской губернии, но из Троицкого уезда был выделен Златоустовский уезд и передан во вновь образованную Уфимскую губернию. Несколько раньше, в 1859 году, Оренбургская духовная консистория была разделена на Оренбургскую и Уфимскую. Первоначально после образования Уфимской консистории начались деления — при наличии двух епархий на территории одной губернии необходимо было определить, какие группы населения в чьем ведении находятся. С созданием

Уфимской губернии этот вопрос достаточно быстро разрешился.

Промыслы

В середине XIX века все больший размах на Южном Урале и в Зауралье принимает золотодобыча. Первые коренное золото было обнаружено в окрестностях Миасского завода еще в конце XVIII века, но лишь с обнаружением в 1820-е годы месторождений россыпного золота золотодобыча становится достаточно массовым явлением, а количество добытого металла на Миасских казенных приисках начинает исчисляться пудами. Несколько раньше, с 1814 года, начинается разработка драгоценного металла на Соймоновских приисках, на землях Каслинско-Кыштымских заводов, где собственниками и организаторами приисков был сначала заводчик Л. Расторгуев, а затем его наследники. Затем были найдены месторождения россыпного золота в степной зоне, в окрестностях Чебаркуля, Челябинска. В 1840–50-е годы организация золотых приисков привлекла многих людей, причем далеко не всегда это были местные жители.

В «теплярских дачах» Верхнеуральского уезда активно действовала компания генерал-лейтенанта А. С. Жемчужникова, на 1850 год за ней числились 22 прииска [10, д. 2156, л. 2]. Пайщиками компании, помимо самого генерала Жемчужникова, были наследники генерал-майора Глазенапа, генерал-майор Н. П. Стеллих, генерал-майор В. Я. Павлов, наследники генерал-майора Покатилова, действительный статский советник А. К. Радофиникин и др. Но при этом за А. С. Жемчужниковым числилось 18 паев, еще один — за его наследниками, за каждым из прочих членов компании — по одному паю (при общем числе 36 паев) [13]. Существовала компания «Троицкие золотые прииски», организованная семьей Жуковских [22, с. 727–730; 29], в правление которой входили также медико-хирург К. И. Покровский и ялutorовский купец Маршаллов [16, д. 3648, л. 23–23 об.]. Компания добывала золото как на землях Оренбургского казачьего войска, так и в башкирских вотчинах [9, д. 1915].

1

В Троицкий судебный округ должны были входить Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский уезды Оренбургской губернии, часть Златоустовского уезда Уфимской губернии.

В этот период начинает активно разрабатываться Кочкарское месторождение, территория которого еще не имела отдельного обозначения, и прииски отводились в землях Кособродской станицы [6, с. 50]. Большая роль в развитии Кочкарского месторождения золота принадлежит золотопромышленникам Подвинцевым, выявившим на своих приисках первые признаки жильного золота [Там же, с. 34–35]. Активно занимались золотодобычей троицкий купец Бакакин [9, д. 1945, л. 2; д. 1953;

д. 2140; д. 2145], пермский купец П. Пономарев [Там же, д. 2147], екатеринбургский почетный гражданин и купец первой гильдии А. К. Резанов [Там же, д. 2148], есаул Оренбургского казачьего войска П. Е. Колбин [Там же, д. 2160] и др.

В 1850-е годы добыча золота охватывает все более широкие территории, новые прииски открываются на землях Челябинской, Травниковской, Коельской, Степной станиц, на реках Айдырля, Суюндук (Сувундук) и др. В 1860 году на золотых приисках

Отвод земли под прииск компании Троицких золотых промыслов тайной советницы Жуковской на землях Каратабынской и Баратабынской волости Троицкого уезда Оренбургской губернии

Паровая мельница близ Челябинска. Фотография из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

Оренбургской губернии трудились 14 949 наемных рабочих, число золотых приисков только на землях Оренбургского казачьего войска в 1865 году составило 140 [6, с. 49]. Постепенно развивались технологии. Если еще в середине XIX века основным инструментом на приисках являлся вашгерд (деревянный лоток, в котором вручную промывались золотосодержащий песок либо измельченная порода), то в 1860-е годы появляются толчеи для дробления руды, в 1870-е начинают применяться паровые машины для приведения толчей в действие, в 1880–90-е постепенно внедряются химические способы извлечения золота [Там же, с. 51]. В конце XIX века происходит активное проникновение иностранного капитала в золотодобывающую промышленность Южного Урала: франко-бельгийское Анонимное общество Кочкарских приисков было учреждено в 1897 году и разрабатывало прииски общей площадью около 5 000 000 десятин. Англичане владели приисками в Кыштымском горном округе. В 1899 году были образованы франко-бельгийское Общество Уральско-Троицких приисков с капиталом 3 000 000 франков и Анонимное общество горной промышленности Южного Урала с капиталом 4 000 000 франков.

Активно развивалась хлеботорговля, особенно мощный толчок она получила после постройки в 1887–1892 годах Златоуст-Челябинского участка железной дороги. В Челябинске и на ряде станций железной дороги строятся паровые мельницы. Помимо этого значительно увеличились объемы заготовки шкур, заготовки шкур. При этом наблюдалось определенное распределение видов деятельности. Так, на 1900 год в Челябинске и на казачьих и крестьянских территориях преобладали мельницы (мукомольные, крупчатые, раструсные), в Миасском заводе — бойни и салотопенные заведения, а также предприятия по обработке шкур и кож; в Троицке же было 14 боен и салотопен, действовали 4 шерстомойни 4 кожевенных заведения, 2 кишечномоечных, а кроме этого мельницы, чаеразвеска [1, с. 69–70]. Разумеется, помимо этого в каждом городе было немало небольших заведений, обеспечивавших население необходимыми материалами и товарами, как-то кирпичные заводы, гончарные, столярные, сапожные мастерские. Но если еще в середине XX века подобные «промышленные заведения» указывались в адрес-календарях, то к концу века масштабы производства изменились и мелкие мастерские уже не фигурировали в подобных изданиях.

Города

В третьей четверти стагнация экономической жизни Челябинска стала особенно заметна на фоне быстро развивающегося Троицка. На 1863 год три уездных города в сравнении выглядели следующим образом.

Верхнеуральск. Православных церквей — 3 (одна каменная и две деревянные), 731 дом (все деревянные), 54 лавки. Жителей 4085 душ. Из них к купцам и мещанам из бывших крепостных причислены 792 человека, из которых большинство проживает в Верхнеуральском и Троицком уездах, большинство же на золотых приисках и горных заводах. Купцы и мещане имеют городского старосту. По судебным делам они подлежат Троицкой ратуше, а город в хозяйственном отношении — тамошней думе.

Троицк. Общее число жителей — 11 250 человек, из которых мужского пола — 7934, женского — 3316. Большая часть мужского населения были временными, то есть либо приезжали на летние меновые торги, либо являлись военными служащими. Отсюда и такой перекоп в числе мужчин и женщин. Две церкви, две мечети (еще одна строилась), 11 ка-

менных домов, 611 деревянных, 308 «торговых заведений» — лавок, ларей, балаганов, все деревянные.

Челябинск. Уездное училище, приходское училище, женское и казачье станичное училища. Население — 4560 человек. Четыре каменные церкви. Семь каменных зданий, 831 деревянный дом, каменный винный подвал, 115 деревянных и 3 каменных торговых лавки.

Как видим, реальная численность населения Верхнеуральска была меньше, чем показанные 4085 душ, но в то же время город активно развивался. В нем было четыре купца второй гильдии (из них двое золотопромышленников), два винокуренных завода. Ситуация в Челябинске несомненно отличалась от таковой в 1830-е годы. Троицк являл собой яркий пример торгового быстро развивающегося города — более 300 лавок, магазинов, балаганов, значительную часть населения составляли приезжие. Из указанного выше количества 11 250 человек более 400 человек были иногородние купцы, более 1300 — иногородние мещане, более 2000 государственных крестьян, более 1000 крестьян удельных и временно-обязанных, более 1500 военных служащих регулярного войска, более 300 башкир. Это показывает, что собственно

Михайловский собор в Троицке. По бокам собора видны «крылья» гостиницы двора

местного населения в этой общей численности было менее половины, но при этом основная часть приезжих (кроме военнослужащих) была привлечена сюда возможностью заработка. Кто-то торговал, кто-то подряжался на перевозку товара, кто-то выполнял подсобные работы. В 1870-е годы после среднеазиатских походов и присоединения Средней Азии к Российской империи граница сдвинулась далеко на юг, Троицкая таможня была переведена вслед за сместившейся границей, и меновой двор оказался не нужен. В этих условиях город решил выкупить меновой двор и использовать по-прежнему, но уже под контролем Троицкой думы. К сожалению, материалов по этому периоду существования этого места торговли практически не выявлено, и его специфику еще только предстоит исследовать.

Символом роста экономических возможностей жителей Троицка этого времени можно назвать обустройство Торговой (Базарной) площади. Еще в 1850-е годы группа местных купцов предложила построить каменный гостиный двор, практически одновременно купец Татаринов объявил о желании построить на этой площади каменную церковь. Строительство началось в конце 1860-х годов и в 1870-е годы Троицк мог гордиться цен-

тральной площадью, на которой стоял Михайло-Архангельский собор, а южную ее часть обрамлял каменный П-образный в плане гостиный двор [25]. Развитие Троицка как торгово-промышленного города продолжалось, и максимума достигло в начале XX века.

Челябинск до конца 1880-х годов развивался достаточно поступательно, причем отставая от Троицка. После постройки железной дороги город начал расти стремительно. К началу XX века в Челябинске насчитывается 26 657 жителей (в Троицке — 23 128), развивается промышленность, работает один из основных переселенческих пунктов на строящемся Транссибе. Но основные показатели роста города придутся на начало XX века.

Транссиб

Вопрос о постройке железной дороги, которая соединила бы Европейскую Россию и Сибирь, начинает активно обсуждаться в середине XIX века. Любопытно, что в книге «Библиография железнодорожного вопроса в Сибири» [5] приведены сноски на статьи, опубликованные в сибирских изданиях, и самые первые из них датированы 1857 годом.

Переселенческий пункт.
Челябинск

И действительно, первые предложения о постройке железной дороги в Сибирь были поданы в правительство в 1850-е годы, но приняты не были. Тем не менее необходимость прокладки железнодорожной магистрали до Дальнего Востока становилась все более очевидной, хотя и была трудно реализуема из-за гигантского масштаба и соответствующей стоимости работ. Развернулась дискуссия о том, как должен проходить сибирский путь, в 1860-е годы были предложены три основных варианта: северный, центральный и южный. Но во всех трех случаях путь должен был проходить через Пермь и Екатеринбург и далее в Сибирь [26, с. 253–255].

В конце 1880-х годов уже строилась Самаро-Златоустовская железная дорога [3], конечным пунктом которой стала станция Миасс в Миасском заводе. Еще в 1877 году была построена магистраль до Оренбурга. Годом позже проложена дорога от Перми до Екатеринбурга, а затем и до Тюмени. Однако вопрос о том, как пройдет трасса Великого Сибирского железнодорожного пути, оставался открытым. В конце концов в феврале 1891 года было принято решение протянуть линию от Златоуста и Миасского завода до Челябинска и приступить к изысканиям на участке от Челябинска до Томска. Но окончательно вопрос был решен после

выхода царского рескрипта от 17 марта 1891 года о сооружении «Великого Сибирского рельсового пути» [26, с. 260–261]. Вскоре было принято решение соединить строящийся Транссиб с Уральской Горнозаводской линией. Итоговый комплект проектных документов назывался «Альбом исполнительных чертежей Западно-Сибирской, Златоуст-Челябинской и Екатеринбург-Челябинской железных дорог. 1891–1896».

Основной причиной выбора этой трассы Транссиба стало стремление не просто соединить Дальний Восток с Центральной Россией, исходя из перспективных стратегических соображений, но и более плотно включить Сибирь в общее экономическое пространство России. Основное занятие русского населения Сибири того времени — земледелие. Наиболее благоприятная зона для земледелия — это лесостепь, где и была наибольшая плотность населения. В более южных районах было развито скотоводство. Транссиб был проложен по зоне лесостепи (по крайней мере, до Красноярская), где были самые плодородные земли. Это давало выход сибирскому товарному хлебу на рынок. Результат сказался еще до окончания постройки первого участка Сибирской магистрали (до Омска) — дешевый сибирский хлеб составил

Фасад здания вокзала в Челябинске на проектом чертеже

конкуренцию продукции земледельцев Европейской России. В результате уже в 1896 году был введен так называемый тарифный перелом, «по которому взималось отдельно на протяжении перевозки до Челябинска и отдельно на протяжении перевозки от Челябинска до станции окончательного назначения груза, что дало сверх формулы на пуд сибирского хлеба лишней платы 8–10 коп. против хлеба центрального района» [14, с. 331].

С другой стороны, постройка железной дороги дала возможность ввести в более упорядоченные рамки процесс крестьянского переселения из Европейской России за Урал. Переселение происходило и ранее, но с постройкой железной дороги оно обрело новые черты. Изменилось и отношение правительства к этому вопросу. Так, в 1892 году был создан Комитет сибирской железной дороги, одной из задач которого являлось заселение и развитие прилегающих к строящейся дороге местностей. Первоначально при комитете была создана подготовительная комиссия, которая занималась вопросами переселения. В 1896 году при МВД было создано Переселенческое управление, в ведении которого находились практически все вопросы, связанные с переселением [12, с. 140–144]. В Челябинске был организован один из основных переселенческих пунктов на пути в Сибирь. Несмотря на достаточно хорошую базу и продуманную схему, в некоторых случаях возникали ситуации, когда сотрудники пункта были не в состоянии обеспечить всех нуждающихся кровом и медицинской помощью. В 1896 году здесь одновременно скопилось около 20 000 переселенцев, в то время как бараки были рассчитаны на 1500 человек [Там же, с. 157]. Но строить и содержать комплекс построек, рассчитанный на такие экстраординарные нагрузки, очевидно, было накладно.

Железная дорога оказала огромное воздействие на развитие городов, стоявших на ее трассе, равно как и на прилегающие территории. Челябинск стал одним из крупных центров торговли хлебом, в городе и его окрестностях строились паровые мельницы. Развивались маслодельные артели. Отправлялись в Европейскую Россию продукты животноводства. Стало быстро прирастать население города.

Трансформация сословных групп, входивших в Башкиро-мещерякское войско

В 1855 году Башкиро-мещерякское войско было преобразовано в Башкирское, при этом мещеряки остались в его составе [4, с. 184–188]. То есть сословная группа мещеряков была упразднена, а те, кто к ней относился, были включены в состав башкирской сословной группы. Именно этот процесс отражен в материалах ревизских сказок 1859 года, где запечатлены «башкиры» тех деревень [15, д. 768, л. 430–450], которые в материалах прошлой ревизии были записаны как мещерякские [Там же, д. 503, л. 42–61, 204–213]. На этом преобразования не завершились, и следующим шагом правительства стало кардинальное преобразование сословной группы башкир с четким включением в ее состав людей, входивших ранее в сословные группы тептярей и бобылей и мещеряков.

В «Положении о башкирах», вышедшем в 1863 году, первый пункт гласил следующее: «Инородцы, известные под названием Башкир, Мещеряков, Тептярей и Бобылей, имеющие общее наименование Башкирского войска, получают гражданское устройство, как свободные сельские обыватели, на основаниях, в сем Положении определенных» [21, с. 3]. А основывалось это положение на указе, подписанном Александром II 14 мая 1863 года: «...признав справедливым обитающих в губерниях: Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской Башкир и других инородцев, составляющих вместе с ними нынешнее Башкирское войско, уравнивать в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями и образовав общественное их управление на общих, указанных НАМИ для устройства сельских обществ началах с теми в применении их изменениями, кои необходимы по особому положению сих инородцев» [Там же, с. 2]. Из служилого сословия башкиры были преобразованы в сословие свободных земледельцев, оставаясь, однако, на особом положении. Одним из основных (если не основным) отличий башкир от других групп «сельских обывателей» было сохранение за ними вотчинных прав на землю [Там же, с. 8–11, п. 15–23].

Таким образом, те, кто входил до 1855 года в сословие мещеряков, а также те, кто относился к сословию тептярей и бобылей, с 1855 года вошли в состав Башкирского войска (то есть служилой башкирской сословной группы). В 1863–1865 годах с расформированием Башкирского войска бывшие мещеряки были на основании указа Александра II включены в сословную группу башкир — свободных сельских обывателей. В 1860–80-е годы башкирами обозначались в документах жители Ичкинской деревни [8, д. 478, л. 3–4 об.], мещеряки деревни Ахуновой [17, д. 1011, л. 35 об.— 36], мещеряки Челябинского уезда (в том числе ичкинские татары Альменевской волости) [28, с. 215, 244]. А вот в списке населенных мест Челябинского уезда население Карасевской волости было указано как «башкиры», а Ичкинской (Альменевской) — как «татары». Но в этом случае составители сборника попытались обозначить «народность», а не сословное состояние, что и могло послужить причиной путаницы. В графе «разряд крестьян» и у тех и у других значится «вотчинники» [27, с. 39, 47–48].

Таким образом, с 1864 года башкиры, мещеряки, тептяри и бобыли были включены в состав преобразованной сословной группы «башкиры». Башкиры отныне относились к крестьянам, но с одним весьма важным дополнительным правом — правом вотчинного землевладения. Это выделяло башкир из числа остального крестьянства. Это же было причиной, обусловившей пребывание вчерашних мещеряков и тептярей и бобылей в составе сословной группы башкир. Именно вотчинное право делало привлекательным для них статус башкир. После Октябрьской революции, с отменой сословий значительная часть башкир из мещеряков и тептярей вернулись к прежней идентичности.

Список источников и литературы

1. Адрес календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1901 г. Оренбург, 1900. 170 с.
2. Альбом исполнительных чертежей Западно-Сибирской, Златоуст-Челябинской и Екатеринбург-Челябинской железных дорог. 1891–1896 // ОГАЧО. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 4.
3. Альбом исполнительных чертежей Уфа-Златоустовской железной дороги. 1887–1890 // ОГАЧО. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 2.
4. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа : Китап, 2005. 265 с.
5. Библиография железнодорожного вопроса Сибири : указ. ст., корреспонденций и заметок, помещ. в сб. период. изд. и сб. за 1857–1894 гг. Тобольск, 1895. 61 с.
6. Вишев И. И. Южноуральское золото. XIX век. Челябинск, 2004. 148 с.
7. ГАОО. Ф. 10. Оп. 9.
8. ГАПК. Ф. 238. Оп. 1.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 31.
10. ГАСО. Ф. 59. Оп. 7.
11. История государства и права Башкортостана (в нормативных актах, документах и материалах официального делопроизводства). Уфа, 1996.
12. Кирьяков В. В. Очерки истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. 371 с.
13. Макарова В. Н. Золотые прииски Жемчужникова и Ко. К истории золотодобычи на Южном Урале в первой половине XIX в. [Электронный ресурс] // Грибушинские чтения — 2011. На стыке традиций, эпох, континентов. URL: <http://togeo.ru/main/kraevedmuseikungur/science/gribushinskie-thesis/book4/chapter-04.html>
14. Мигулин П. П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902). Харьков, 1903. 379 с.
15. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2.
16. ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1.
17. ОГАЧО. Ф. И-113. Оп. 2.
18. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. 2-е собр.: 1825–1881 гг. Т. 45, ч. 1: 1870 г. СПб., 1874. 897 с.
19. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. 2-е собр.: 1825–1881 гг. Т. 51, ч. 1: 1876 г. СПб., 1878. 715 с.
20. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. 3-е собр.: 1881–1913 гг. Т. 9: 1889 г. СПб., 1891. 1490 с.
21. Положение о башкирах. СПб. : В тип. Упр. иррегуляр. войск, 1863. 117 с.
22. Рабочее движение в России в XIX веке : в 4 т. Т. 1. 1800–1860. М. : Госполитиздат, 1951. 1040 с.
23. РГБ. Отд. картографии. КО 12/ХП-16.
24. РГБ. Отд. картографии. КО 15/III-179.
25. Самигулов Г. Х., Митина Н. Н., Дружинина А. В. Утраченное наследие: церковь Архистратига Михаила в Троицке // Архитектурное наследие. Вып. 58. М. : Либроком, 2013. С. 192–199.
26. Сибирь и Великая сибирская дорога. СПб., 1896.
27. Список населенных мест Челябинского уезда. Челябинск : Изд. уезд. земства, 1916. 215 с.
28. Список населенных мест. Ч. 2. Оренбургская губерния, 1866. Уфа : Китап, 2006. 260 с.
29. Троицкие золотые прииски [Электронный ресурс] // Башкортостан : энциклопедия. URL: http://wiki02.ru/encyclopedia/troickie_zoloty_e_priiski/t/14234

Покой. Озеро Тургойак.
Челябинская область.
2009 год. Фото: Г. Самигулов

История Южного Урала

6
ТОМ
Заключение

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение еще раз хочется отметить, что эта книга не является сборником фактов и имен или справочником, энциклопедией по указанной тематике. Основную задачу настоящего издания мы видели в том, чтобы показать новые материалы и новые подходы к изучению истории края. Даты и факты важны, но важнее процессы и их понимание. К сожалению, следует отметить слабую степень изученности истории Южного Зауралья в указанный период в целом, еще хуже обстоит дело с современными исследованиями.

Многие моменты в нашем изложении отличаются от интерпретаций, которые содержатся в работах коллег, касается ли это вопросов о вотчинных землях, слободском расселении, вхождении тюрков Зауралья в состав Российского государства, социального наполнения понятий «башкиры», «вогулы», «татары» и многого другого. Это следствие сознательной позиции авторов: мы отталкивались от источников, учитывая исследования предшественников, но архивные материалы первичны по определению.

Материал, что изложен в издании, значительно сокращен, поскольку объем ограничен. Нам не хотелось давать изложение материала в телеграфном стиле, поэтому мы сознательно почти полностью опустили темы истории ислама и православия в Южном Зауралье, башкирских восстаний и крестьянских волнений... Надеемся, что в недалеком будущем у нас и наших коллег будет возможность подготовить и издать полномасштабные современные исследования на эти и другие темы.

Осень. Озеро Тургойк.
Челябинская область.
2013 год. Фото: Г. Самигулов

История Южного Урала

6

Том
Сведения об авторах

ОБ АВТОРАХ

Гаяз Хамитович Самигулов — кандидат исторических наук. Окончил Уральский государственный университет им. А. М. Горького по специальности «История» (2001). Работал в Лаборатории археологических исследований Челябинского государственного университета, Археологическом научном центре и других организациях. С 2006 года в Южно-Уральском государственном университете. Старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ. В 2005 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Челябинск XVIII–XIX вв.: население, планировка, материальная культура». Область научных интересов: этносоциальная история Зауралья; археология позднего Средневековья и Нового времени; история планировки и застройки городов.

Основные публикации:

Самигулов Г. Х. Из истории Челябинска : в 3 кн. Кн. 1: Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск : Камен. пояс, 2015. 140 с.

Самигулов Г. Х. К изучению исторической географии территорий по Исети и Пышме XVII века // Вестн. Перм. ун-та. 2016. История. № 1 (32). С. 84–95.

Самигулов Г. Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестн. Томс. гос. ун-та. 2016. История. № 5 (43). С. 138–142.

Самигулов Г. Х. Материалы сыска тобольского дворянина Ивана Полозова 1695 года в свете вновь выявленных документов // Науч. диалог. 2016. № 9 (57). С. 217–229.

Самигулов Г. Х. Старообрядческие или никонианские? (Об интерпретации русских погребальных памятников XVII–XVIII вв.) // Археология среднего Приоболья и сопредельных территорий : материалы межрегион. круглого стола, посвящ. 50-летию Курган. археолог. экспедиции. Курган, 2016. С. 83–94.

Самигулов Г. Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века // Науч. диалог. 2017. № 1. С. 183–203.

Самигулов Г. Х. Слободское расселение как способ отчуждения вотчинных земель ясачного населения: Туринский и Тюменский уезды XVII века // Вестн. Омс. ун-та. 2017. Ист. науки. № 3 (15). С. 238–248.

Самигулов Г. Х. Захребетные татары в Тюменском уезде XVII — первой трети XVIII в. // Науч. диалог. 2017. № 5. С. 266–281.

Самигулов Г. Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен: практические размышления о теории // Золотоордын. обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369.

Самигулов Г. Х. Тюрки Зауралья: варианты идентичности. XVIII — начало XX века // Сибирские татары : материалы Всероссий. (с междунар. участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Сибирские татары, г. Тобольск, 10–12 дек. 2018 г. Тобольск, 2019. С. 142–150.

Денис Николаевич Маслюженко — кандидат исторических наук, доцент (2009), декан исторического факультета Курганского государственного университета, заведующий кафедрой «Культурология», научный руководитель учебно-исследовательской археологической лаборатории. С 1995 по 2000 год обучался в Курганском государственном университете (КГУ) по специальности «История». Затем работал учителем истории и краеведения в гимназии № 57 Кургана, одновременно учился в аспирантуре КГУ. В 2004 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Южное Зауралье в средние века». С 2003 года преподает в КГУ. Основной круг научных интересов: история государственности династии Шибанидов; археология позднего Средневековья и нового времени Юго-Западной Сибири.

Основные публикации:

Маслюженко Д. Н., Татауров С. Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордын. обозрение. 2015. № 4. С. 135–150.

Маслюженко Д. Н. и др. История и культура татар Западной Сибири : монография. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2015.

Маслюженко Д. Н. Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг. // Вестн. Томс. гос. ун-та. 2016. История. № 3 (41). С. 5–10.

Маслюженко Д. Н. Символы власти в источниках по истории Тюменского ханства // Золотоордын. обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 360–368.

Маслюженко Д. Н. и др. Золотая Орда в мировой истории : монография. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2016.

Маслюженко Д. Н., Беляков А. В. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6. С. 229–243.

Маслюженко Д. Н., Самигулов Г. Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопр. истории. 2017. № 1. С. 57–72.

Маслюженко Д. Н. Состав и функции властной элиты Тюменского и Сибирского ханств // Вестн. Перм. ун-та. 2017. История. № 2 (37). С. 122–130.

Maslyuzhenko D.N., Belyakov A.V., Samigulov G.Kh. Siberian branch of Kasimov Tartar princes of Tonkachev: to the history of Ichkino's Tartars // Bylye gody. 2019. Vol. 51, is. 1. Pp. 41–54.

Маслюженко Д. Н. Процесс исламизации населения Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордын. обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158.

Максим Владимирович Моисеев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, заведующий сектором экспозиционно-выставочной работы музейного объединения «Музеи Москвы». Область научных интересов: история татарских государств XV–XVII веков; государства Шибанидов; средневековая археология Москвы; восточная политика России; дипломатический церемониал.

Основные публикации:

Моисеев М. В. Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // *Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. Вып. 4. Минск : РИВШ, 2011. С. 192–201.

Моисеев М. В. «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV — первой половины XVI столетий // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Вып. 4. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 107–112.

Моисеев М. В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Вып. 5. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2013. С. 20–30.

Моисеев М. В. Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI в. // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Вып. 6. Казань, 2014. С. 84–90.

Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 2015. Спец. вып. 5: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. 1. С. 151–186. URL: http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1 (дата обращения: 23.11.2015).

Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4, № 1. С. 37–54.

Моисеев М. В. Исторические примеры в царских посланиях в Крымское ханство и Ногайскую Орду // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303.

Моисеев М. В. Переписка России с Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного: документооборот и архивация посланий // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2018. № 10. С. 75–83.

Моисеев М. В. Сююн-бике и брачная политика Ногайской Орды в XVI веке // *Казанская царица Сююн-бике в истории народов России*. М. : Квадрига, 2019. С. 65–71.

Моисеев М. В. Московские послы в Бахчисарае и Сарайчуке: между требованиями русского протокола и реальностью (эпоха Ивана Грозного) // *Церемония и ритуал в европейской истории*. М. : РГГУ, 2019. С. 143–153.

Зауральский пейзаж.
Кунашакский район
Челябинской области.
2010 год. Фото: Г. Самигулов

История Южного Урала

Том **6**
История
Южного Урала

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ (первая треть XV– конец XIX века)

Печатается по решению
Ученого совета Южно-
Уральского государствен-
ного университета.
Протокол № 4
от 29.12.2018 г.

Гаяз Хамитович Самигулов,
Денис Николаевич Маслюженко,
Максим Владимирович Моисеев

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ (первая треть XV–конец XIX века)

Научное иллюстрированное издание

Использованы картоматериалы, планы, фотографии и репродукции из фондов Российской государственной библиотеки, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива Оренбургской области, Государственного архива Пермского края, Челябинского государственного исторического музея Южного Урала, Центра историко-культурного наследия г. Челябинска, авторские фотографии С. Арканова, Г. Самигулова, В. Шарапова.

Составитель, научный редактор Г. Х. Самигулов
Редактор, ответственная за выпуск Н. О. Иванова
Корректор И. Н. Козырева
Фотохудожник С. М. Арканов
Дизайн, верстка: Р. Я. Шарапов

Формат 60×90 1/8
Усл. печ. л.
Печать офсетная. Бумага мелованная
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «ИПП "Уральский рабочий"»
620990 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Шестой том 8-томной «Истории Южного Урала» охватывает значительный период — от 1430-х годов до времени строительства Транссиба. Комплексный анализ источников позволил показать формы землепользования местного тюркского населения, особенности формирования ясачных волостей в Уфимском и смежных с ним уездах. Освещены изменения сословной группы башкир со времени вхождения в состав Российского государства до введения в действие «Положения о башкирах». Книга иллюстрирована аутентичными картами и планами.

